

AF

Ad fontes Выпуск 19

Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

д-р ист. наук Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков,
д-р ист. наук С. Н. Искюль, акад. РАН Н. Н. Казанский,
акад. РАН А. В. Лавров, акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН И. П. Медведев, акад. РАН С. И. Николаев,
чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

SERIES AD FONTES
MATERIALS AND STUDIES ON THE HISTORY OF SCIENCE
ISSUE 19

TO THE 300th ANNIVERSARY
OF THE BEGINNING OF THE
DANIEL GOTTLIEB
MESSERSCHMIDT'S
EXPEDITION TO SIBERIA
(1719–1727)

Editor-in-chief
Corresponding member of the RAS I. V. Tunkina

St. Petersburg

2021

Серия AD FONTES

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

Выпуск 19

К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА
ЭКСПЕДИЦИИ
ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА
МЕССЕРШМИДТА
В СИБИРЬ
(1719–1727)

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН И. В. Тункина

Санкт-Петербург

2021

УДК 910.3:929
ББК 26.89г
К11

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Рецензенты:
д-р ист. наук И. В. Черказянова (МАИИКРН),
О. А. Кирикова (СПбФ АРАН)

**К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта
К11 в Сибирь (1719–1727)** : сб. статей / [сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь,
И. В. Тункина] ; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина ; СПбФ АРАН. —
СПб. : «Реноме», 2021. — 352 с. : ил. ; [12] с. цв. ил. — (Ad fontes. Материалы
и исследования по истории науки ; вып. 19).

ISBN 978-5-00125-430-0

DOI: 10.25990/archiveras.messer.1eg1-ry03

Сборник статей посвящен биографии и деятельности Даниэля Готлиба Мессершмидта, руководителя первой научной экспедиции в Сибирь (1719–1727), и отражает различные аспекты его штудий в области медицины, естественной истории, картографии и географии, археологии, лингвистики, востоковедения. Впервые публикуются сведения, касающиеся приглашения ученого на русскую службу, материалы к биографиям его спутников по экспедиции и др.

Издание рассчитано на историков, науковедов, архивистов, исследователей всех специальностей, занимающихся архивными изысканиями, студентов и широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки в XVIII веке и историей изучения Сибири.

УДК 910.3:929
ББК 26.89г

Подготовка к изданию осуществлена при финансовой поддержке
РФФИ, проект № 20-011-42006 «Научное изучение Сибири
в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмидта»

Funding: The research was funded by RFBR, project number 20-011-42006

© Авторы статей, тексты, 2021

© Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина,
составление, 2021

© Санкт-Петербургский филиал Архива
Российской академии наук, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-00125-430-0

© ООО «Реноме», редакционно-издательская подготовка, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина.</i> Научное наследие Даниэля Готлиба Мессершмидта в новейших исследованиях петербургских ученых	9
---	---

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О Д. Г. МЕССЕРШМИДТЕ И УЧАСТНИКАХ ЕГО ЭКСПЕДИЦИИ ПО СИБИРИ

<i>В. Лефельдт.</i> О подготовке биографии Д. Г. Мессершмидта и о рукописи «Sibiria Perlustrata»	19
<i>В. Лефельдт.</i> Документы научной библиотеки в Готе, относящиеся к приглашению и к поездке Д. Г. Мессершмидта в Россию	24
<i>Л. Д. Бондарь, В. Лефельдт, И. В. Тункина.</i> Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист	28
<i>С. И. Зенкевич.</i> Медицинская деятельность Д. Г. Мессершмидта в Тобольске	37
<i>В. Лефельдт.</i> Д. Г. Мессершмидт и Гёттинген в XVIII в.	49
<i>Н. Н. Казанский.</i> К изучению латинских стихотворений Д. Г. Мессершмидта	53
<i>И. В. Тункина.</i> К биографии Карла Густава Шульмана	57
<i>Ю. И. Чивтаев.</i> Спутники Д. Г. Мессершмидта	65
<i>В. Лефельдт, М. Кнюппель, И. В. Тункина, А. Х. Элерт.</i> Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири	119

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ КАК НАТУРАЛИСТ

<i>А. В. Смирнов.</i> Даниэль Готлиб Мессершмидт как зоолог: изучение архивного наследия	145
<i>Л. Д. Бондарь, А. В. Кургузова, М. В. Поникаровская.</i> От врача до минеролога: минералогические исследования Д. Г. Мессершмидта в Сибири	168
<i>А. К. Сытин, Ю. И. Чивтаев.</i> О практике измерений у натуралистов первой половины XVIII в. в России	183

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК, КАРТОГРАФ, ХУДОЖНИК, ИСТОРИК, ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ

<i>Л. Д. Бондарь.</i> Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник	199
<i>Ю. И. Чивтаев.</i> Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д. Г. Мессершмидта как источник научной информации	214

<i>Л. Д. Бондарь, Ю. И. Чивтаев.</i> О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта	227
<i>Е. Ю. Басаргина.</i> «Филологический образец» Д. Г. Мессершмидта 1720 г. ..	233
<i>М. Кнйррел.</i> Einige Bemerkungen zu den Darstellungen sibirischer Felsbilder bei N. Witsen (1785)	240
<i>Д. Г. Савинов.</i> Культурно-хронологическая атрибуция рисунков памятников археологии из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata»	252
<i>И. В. Тункина.</i> Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера	266

**МАТЕРИАЛЫ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ И ЛИНГВИСТИКЕ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА**

<i>Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская.</i> Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой	275
<i>А. В. Зорин.</i> О тибетских рукописях из коллекции Д. Г. Мессершмидта в собрании Института восточных рукописей РАН	291
<i>А. В. Зорин.</i> О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.	306
<i>А. В. Зорин.</i> Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта ...	319
<i>А. А. Сизова.</i> Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта	330
<i>А. А. Сизова.</i> Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта	343

CONTENTS

<i>E. Yu. Basargina, L. D. Bondar, I. V. Tunkina.</i> The scientific heritage of Daniel Gottlieb Messerschmidt in the latest research of St. Petersburg scientists	9
--	---

NEW ARCHIVE MATERIALS ABOUT D. G. MESSERSCHMIDT AND MEMBERS OF HIS SIBERIAN EXPEDITION

<i>W. Lehfel'dt.</i> On the preparation of the biography of D. G. Messerschmidt and his manuscript «Sibiria Perlustrata»	19
<i>W. Lehfel'dt.</i> Documents of the scientific library in Gotha relating to the invitation and to the trip of D. G. Messerschmidt to Russia	24
<i>L. D. Bondar, W. Lehfel'dt, I. V. Tunkina.</i> D. G. Messerschmidt as a scientist-pietist	28
<i>S. I. Zenkevich.</i> Medical Activity of D. G. Messerschmidt in Tobolsk	37
<i>W. Lehfel'dt.</i> D. G. Messerschmidt and Göttingen in the 18 th Century	49
<i>N. N. Kazansky.</i> To the study of the Latin epigrams by D. G. Messerschmidt . . .	53
<i>I. V. Tunkina.</i> To the biography of Karl Gustav Schulmann	57
<i>Yu. I. Chiv'taev.</i> Companions of D. G. Messerschmidt	65
<i>W. Lehfel'dt, M. Knüppel, I. V. Tunkina, A. Kh. Elert.</i> Ph. J. von Strahlenberg's letter to E. Benzelius the Younger on the peoples and antiquities of Siberia	119

D. G. MESSERSCHMIDT AS A NATURALIST

<i>A. V. Smirnov.</i> Daniel Gottlieb Messerschmidt as a zoologist: the study of archival heritage	145
<i>L. D. Bondar, A. V. Kurguzova, M. V. Ponikarovskaya.</i> From a physician to a mineralogist: mineralogical research of D. G. Messerschmidt in Siberia . . .	168
<i>A. K. Sytin, Yu. I. Chiv'taev.</i> On the method of measuring in practice of naturalists in early 18 th century in Russia	183

D. G. MESSERSCHMIDT AS A TRAVELER, CARTOGRAPHER, PAINTER, HISTORIAN, ETHNOGRAPHER, ARCHAEOLOGIST

<i>L. D. Bondar.</i> Sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source	199
<i>Yu. I. Chiv'taev.</i> Place names of the Lower Tunguska river in the D. G. Messerschmidt's diary as a source of scientific information	214

<i>L. D. Bondar, Yu. I. Chivtaev.</i> Sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source	227
<i>E. Ju. Basargina.</i> D. G. Messerschmidt's «Philological sample», 1720	233
<i>M. Knüppel.</i> Some remarks on the Siberian rock art samples in the work of N. Witsen (1785)	240
<i>D. G. Savinov.</i> Cultural and chronological attribution of drawings of archaeological monuments from the D. G. Messerschmidt's manuscript «Sibiria Perlustrata»	252
<i>I. V. Tunkina.</i> Archaeological Monuments of Siberia in the Drawings of D. G. Messerschmidt's and G. F. Müller's expeditions	266

**MATERIALS ON ORIENTAL STUDIES AND LINGUISTICS
IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF D. G. MESSERSCHMIDT**

<i>L. D. Bondar, M. V. Ponikarovskaya.</i> A Zoologist or a Linguist? D. G. Messerschmidt's Work with Zoological Vocabulary	275
<i>A. V. Zorin.</i> On the Tibetan manuscripts from the collection of D. G. Messerschmidt kept in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS ...	291
<i>A. V. Zorin.</i> On the Tibetan manuscripts obtained by D. G. Messerschmidt in Abakansky Fortress in 1721	306
<i>A. V. Zorin.</i> The Tibetan vocabulary found in the D. G. Messerschmidt's travel diary	319
<i>A. A. Sizova.</i> Information about the Mongolic languages in D. G. Messerschmidt's diaries	330
<i>A. A. Sizova.</i> Buryat and foreign words in the Mongolian vocabulary compiled by D. G. Messerschmidt	343

Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина*
Санкт-Петербург

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА МЕССЕРШМИДТА В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН в течение нескольких последних лет инициировал работу по изучению архивного наследия Д. Г. Мессершмида, встав во главе международного коллектива ученых-мессершmidtологов. Первые результаты коллективных исследований удалось обнародовать в юбилейный для Д. Г. Мессершмида год — в 300-летнюю годовщину начала первой научной экспедиции в Сибирь, отправившейся по указу Петра I с берегов Невы 1 марта 1719 г. Новым эффективным толчком к расширению исследований стал проект СПбФ АРАН, поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмида» (проект № 20-011-42006), позволивший продолжить изучение научного наследия Д. Г. Мессершмида во всем его многообразии усилиями специалистов в области различных научных дисциплин. Промежуточным итогом проводимых в настоящее время в СПбФ АРАН научных штудий о Д. Г. Мессершмиде и его экспедиции стал данный сборник, сформированный объединенными усилиями авторов из Санкт-Петербурга, Гёттингена, Фельмара, Усть-Кута.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершmidt, академические экспедиции XVIII в., исследование Сибири в XVIII в., немецкие ученые на российской службе.

E. Yu. Basargina, L. D. Bondar, I. V. Tunkina
St. Petersburg

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF DANIEL GOTTLIEB MESSERSCHMIDT IN THE LATEST RESEARCH OF ST. PETERSBURG SCIENTISTS

Over the past few years, the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences has initiated work on studying the archival heritage of D. G. Messerschmidt, becoming the head of an international team of messerschmidtologists. The first results of collective research were published in the anniversary year for D. G. Messerschmidt — the 300th anniversary of

---

* Исследование Е. Ю. Басаргиной и И. В. Тункиной проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

the beginning of the first scientific expedition to Siberia, which set off from the banks of the Neva river on March 1, 1719. A new effective push was set by the project supported by the Russian Foundation for Basic Research «Scientific study of Siberia in the era of Peter the Great: D. G. Messerschmidt's archival heritage» (RFBR № 20-011-42006), which allowed to continue studying the scientific heritage of D. G. Messerschmidt in all its diversity through the efforts of specialists in various scientific disciplines. These collected papers are an interim result of the scientific studies, formed by the combined efforts of authors from St. Petersburg, Göttingen, Vellmar, Ust-Kut.

Key words: Daniel Gottlieb Messerschmidt, academic expeditions of the XVIII century, research of Siberia in the XVIII century, German scientists in the Russian service.

Изучение научного наследия («мешка с золотом») немецкого ученого-энциклопедиста, уроженца Данцига, доктора медицины Даниэля Готлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) началось еще при его жизни. Известное табу, наложенное на сибирские материалы Д. Г. Мессершмидта, не оставило автору возможностей для работы с ними, однако не создавало никаких препятствий для членов Академии пользоваться результатами первой научной сибирской экспедиции. Фигура Д. Г. Мессершмидта как ученого пребывала при этом в тени, и только с начала прошлого столетия пошел процесс «реабилитации» научного имени немецкого путешественника и исследователя¹. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН в течение нескольких последних лет инициировал работу по изучению архивного наследия Д. Г. Мессершмидта, встав во главе международного коллектива ученых-мессершмидтологов. Первые результаты коллективных исследований удалось обнародовать в юбилейный для Д. Г. Мессершмидта год — в 300-летнюю годовщину начала первой научной экспедиции в Сибирь, отправившейся по указу Петра I с берегов Невы 1 марта 1719 г.

Ровно через 300 лет, 1 марта 2019 г., в Государственном архиве Новгородской области (ГАНО) состоялось заседание, посвященное вкладу немецкого исследователя в российскую науку. Санкт-Петербург на этом заседании представляли главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), доктор исторических наук Екатерина Юрьевна Басаргина, научный консультант Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе и член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), доктор исторических наук Ирина Васильевна Черказьянова, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук и редактор, кандидат филологических наук Светлана Игоревна Зенкевич.

¹ Ретроспективу изучения научного наследия Д. Г. Мессершмидта см.: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 55–73. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6).

Сообщение Е. Ю. Басаргиной было посвящено работе по изучению и введению в научный оборот рукописного наследия Д. Г. Мессершмидта, проводимой в СПбФ АРАН с начала 2010-х гг. С. И. Зенкевич рассказала о хронологии первого этапа экспедиции Д. Г. Мессершмидта. И. В. Черказянова сосредоточилась на освещении совместной работы новгородских архивистов и исследователей истории российских немцев над проектом, посвященным изучению немецких колонистов на Новгородской земле.

Через несколько дней прошло мероприятие, объединившее всех ведущих мессершмидтологов Санкт-Петербурга.

6 марта 2019 г. в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН (СПБНЦ РАН) состоялось открытое заседание Ученого совета СПбФ АРАН и Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН в формате научных чтений «К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)», которое собрало специалистов, представляющих различные отрасли знания². Слушателями чтений стали руководители и научные сотрудники академических институтов Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (СПбФ ИИЕТ РАН), Библиотеки Российской академии наук (БАН), Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН), Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (БИН РАН), Зоологического института РАН (ЗИН РАН), Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН). Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета представлял профессор, доктор исторических наук Дмитрий Глебович Савинов. В числе участников чтений был немецкий ученый, на протяжении многих лет занимающийся мессершмидтологическими исследованиями совместно с академическими архивистами и называющий себя «внештатным сотрудником» СПбФ АРАН, — академик Гёттингенской академии наук, профессор Вернер Лефельдт (*Werner Lehfeldt*).

Заседание завершилось экскурсией по отделу БАН в ЗИН РАН, где ведущий библиотекарь Юлия Александровна Дунаева предоставила участникам чтений возможность ознакомиться с содержанием естественно-научной библиотеки, которую Д. Г. Мессершмидт взял с собой в сибирскую экспедицию. Среди изданий есть томики, принадлежавшие Д. Г. Мессершмидту и сохранившие маргиналии, выполненные его рукой³.

² Подробнее см.: Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 120–134.

³ Ю. А. Дунаева является составителем каталога: Книги из ранних поступлений академической библиотеки в Отделе БАН при Зоологическом институте РАН : каталог / сост. Ю. А. Дунаева ; отв. ред. И. М. Беляева. СПб., 2020. 208 с. В каталог включены издания из библиотеки Д. Г. Мессершмидта, приобретенные Академией наук в 1741 г. (№ 1, 21, 98).

Следующим этапом юбилейных мероприятий стала встреча с тюменскими коллегами 14 марта 2019 г. в рамках видеоконференции, объединившей две юбилейные даты: 300 лет со дня начала экспедиции Д. Г. Мессершмидта и 310 лет со дня рождения Г. В. Стеллера. Тюменский государственный университет (ТюмГУ) совместно с Центром российско-немецкого сотрудничества им. Г. В. Стеллера (г. Тюмень) проводят ежегодные научные чтения под названием «День Георга Стеллера в Тюменском государственном университете» в память об увлеченном немецком естествоиспытателе, участнике Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, исследователе природы Сибири и Аляски Георге Вильгельме Стеллере (*Georg Wilhelm Steller*; 1709–1746), которому было суждено окончить свои дни в Сибири и быть похороненным в Тюмени. На объединенном онлайн-заседании петербургский архив был представлен двумя докладами: Л. Д. Бондарь сделала сообщение об изучении в СПбФ АРАН научного наследия сибирских академических экспедиций XVIII века, а В. Лефельдт рассказал о перспективах изучения и публикации архивных документов о Д. Г. Мессершмидте, которые не введены в научный оборот и остаются неизвестными исследователям.

Речь идет о сборнике документов «Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721»⁴, подготовленном к 300-летию начала экспедиции Д. Г. Мессершмидта международным коллективом исследователей. Осуществление этой трудоемкой работы стало возможным благодаря энтузиазму и бескорыстному служению на благо науки академика Гёттингенской академии наук Вернера Лефельдта, выполнившего транскрипцию трудночитаемого рукописного готического текста документов первой трети XVIII в., а также их перевод на русский язык. Весьма ценными для проекта оказались консультации историка медицины, профессора из Лейпцига Ингрид Кестнер (*Ingrid Kästner*). Петербургские участники проекта представляют несколько академических учреждений Санкт-Петербурга — это главный научный сотрудник ИВР РАН, доктор исторических наук Александр Леонович Хосроев, старший научный сотрудник СПбФ АРАН Ольга Александровна Кирикова, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности СПбФ АРАН Екатерина Юрьевна Басаргина (руководитель проекта), директор СПбФ АРАН, член-корреспондент РАН Ирина Владимировна Тункина, член Правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев Ирина Васильевна Черказьянова, научный сотрудник БАН Светлана Игоревна Зенкевич.

⁴ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. 312 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).

Сборник документов вышел из печати в сентябре 2019 г. Книга включает письма и документы подготовительного периода и первого этапа сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта, самоотверженного путешественника, первооткрывателя природных богатств Сибири и культуры населявших ее народов. В издание вошли служебная и частная переписка ученого и связанных с ним лиц, а также научно-организационные материалы из собраний СПбФ АРАН и Научной библиотеки в Готе. Публикуемым документам предпослан вводный очерк, знакомящий читателя с историческим контекстом событий, о которых идет речь в документах.

Первая презентация сборника была проведена Е. Ю. Басаргиной 20 сентября 2019 г. в Тобольске, в рамках конференции «Стеллеровские чтения», организованной Тюменским государственным университетом. Отдельная секция была посвящена Д. Г. Мессершмидту, в ее работе приняли участие делегация из Санкт-Петербурга (И. В. Тункина, Е. Ю. Басаргина, И. В. Черказнянова, Л. Д. Бондарь, С. И. Зенкевич), а также немецкий коллега В. Лефельдт и усть-кутский исследователь Ю. И. Чивтаев⁵. Второе представление сборника было проведено В. Лефельдтом 4 октября 2019 г. во время ежегодной научной конференции «Немецко-русские встречи — 2019» в г. Галле (ФРГ), организуемой Международным обществом Г. В. Стеллера.

«Немецко-русские встречи» в Галле являются тем научным форумом, который регулярно направляет свое внимание на мессершмидтологическую тематику. На «Немецко-русских встречах — 2013» были сделаны два доклада, посвященные научному наследию Д. Г. Мессершмидта (И. В. Тункина; Л. Д. Бондарь и У. Бишофф)⁶. В следующем году, в год 20-летия «Немецко-русских встреч», основная тематика конференции была объявлена как «Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735) — Европа открывает Сибирь»; участники научной сессии заслушали доклады М. Кархарта (США) «From Scythia to Grand Tartary: Assembling Knowledge of Asia in the Early Enlightenment Republic of Letters before Ludolf & Messerschmidt», Х. Хеклау (Германия) «Daniel Gottlieb Messerschmidts naturwissenschaftliche Ausbildung in Jena, Halle und Danzig», М. Ковалевича (Польша) «Daniel Gottlieb Messerschmidt als Vorbote des Jahrhundert-Projektes Russlands in Sibirien:

⁵ В сборнике «Aus Sibirien — 2019» был опубликован один из докладов этой секции: Бондарь Л. Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker»: о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта // Aus Sibirien — 2019: научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень, 2020. С. 21–24.

⁶ Оубл.: Bondar L., Bischoff U. 1) Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 251–256, 130. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 4); 2) Die akademische Expedition 1720–1727: Die Rolle D. G. Messerschmidts und Ph. J. Strahlenberg in den linguistischen Forschungen // Aus Sibirien — 2013: научно-информационный сборник. Тюмень, 2014. С. 170.

Entdecken, Beherrschen und Verwalten des Raumes und seiner Bewohner», И. В. Тункиной «Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта»⁷, В. Лефельдта «Vorbereitung der Edition von ausgewählten Handschriften Daniel Gottlieb Messerschmidts», Д. А. Гоголева (Тюмень) «Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник по исторической географии Тобольского региона», Э. Д. Колчинского (Санкт-Петербург) «Erstellung und Veröffentlichung der Tagebücher von D. Messerschmidt in den 1950er — 1960er Jahren», В. С. Соболева (Санкт-Петербург) «Das Akademiemitglied P. P. Pekarskij über die Expedition von D. G. Messerschmidt». Очередной блок материалов, посвященных Д. Г. Мессершмидту, был представлен на «Немецко-русских встречах» в 2019 г. — доклады И. В. Тункиной, В. С. Соболева, В. Лефельдта, Л. Д. Бондарь⁸.

Новым эффективным толчком к расширению мессершмидтологических исследований стал проект СПбФ АРАН, поддержанный Российским фондом

⁷ *Tunkina I. V.* Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // Aus Sibirien — 2015 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2015. С. 230–231. См. также: *Тункина И. В.* Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI в. // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. С. 238–250; *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Фонд Д. Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания : тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015 г. / отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М., 2015. С. 60–62; *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт...; *Тункина И. В.* Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д. Г. Мессершмидта // «Университетская археология: прошлое и настоящее» : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. 19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 2017. С. 234–239; *Савинов Д. Г., Тункина И. В.* «Тесинский богатырь»: возвращение к оригиналу // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 6. С. 29–51; *Тункина И. В.* Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 45–61; *Тункина И. В.* Материалы об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в письмах Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского / Ин-т истории СО РАН ; отв. ред. акад. А. П. Деревянок, докт. ист. наук А. Х. Элерт. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2020. С. 305–309 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39); *Тункина И. В.* Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Труды VI Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. III. С. 154–156.

⁸ Опубли.: *Тункина И. В.* Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Aus Sibirien — 2019. С. 156; *Sobolev V. S. D. G. Messerschmidts Reisetagebuch als geschichtliche Quelle seiner Tätigkeit in Russland (1718–1728)* // Там же. С. 156–157; *Lehfeldt W.* Das Protokoll der Übergabe der von D. G. Messerschmidt aus Sibirien mitgebrachten Gegenstände an die Akademie der Wissenschaften // Там же. С. 157; *Bondar L. D.* Cartographic drawings of D. G. Messerschmidt — a source on the method of topographic fixation // Там же. С. 158; *Bondar L. D., Čivtajeв Ju. I.* Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Там же. С. 24–31 (русская дополненная версия статьи публикуется в настоящем сборнике).

фундаментальных исследований «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмидта» (РФФИ № 20-011-42006), позволивший продолжить изучение научного наследия Д. Г. Мессершмидта во всем его многообразии усилиями специалистов в области различных научных дисциплин. Меньше чем за год работы получены значительные результаты. В 2020 г. в типографии «Любавич» академический архив факсимильно издал главную неопубликованную рукопись Д. Г. Мессершмидта на латинском языке «Sibiria Perlustrata» — своего рода энциклопедию Сибири первой четверти XVIII в.⁹ Участники проекта готовят к печати том комментариев к этой рукописной книге, а также атлас рисунков археологических материалов, зафиксированных экспедицией немецкого ученого-энциклопедиста.

Результаты исследований были представлены и обсуждены на нескольких встречах, прошедших в дистанционном режиме. 7 октября 2020 г. состоялось научное совещание дирекции СПбФ АРАН с дирекцией Фонда Франке (*Franckesche Stiftungen, Halle/Saale*), с которым архив связывает многолетнее научное сотрудничество. Основатель фонда Август Герман Франке (*August Hermann Francke; 1663–1727*), один из идеологов немецкого пиетизма, поддерживал контакты с Россией, и в Российской империи в конце XVII — начале XVIII в. оказалось много его последователей. Одним из них был Д. Г. Мессершмидт. Именно эта сторона биографии немецкого ученого стала предметом обсуждения с директором Фонда Франке профессором Т. Мюллером-Бальке, что послужило поводом к проведению исследования и публикации в настоящем сборнике статьи «Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист».

На «Немецко-русских встречах — 2020» были сделаны два доклада о первой научной комплексной экспедиции в Сибирь: И. В. Тункиной «Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера», Л. Д. Бондарь и М. В. Поникаровской «Vom Arzt zum Mineralogen: mineralogische Forschungen von D. G. Messerschmidt in Sibirien»¹⁰.

Еще масштабнее результаты коллективных исследований были представлены на Международной научной конференции «Миллеровские чтения — 2020: Преимущество и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия», прошедшей 21–24 октября 2020 г. в СПбФ АРАН. Тема изучения наследия Д. Г. Мессершмидта стала одной из центральных на этом научном форуме; ей было посвящено четыре пленарных доклада и пять секционных. Открыл мессершмидтологическую тему видеодоклад В. Лефельдта «О подготовке биографии Д. Г. Мессершмидта и о рукописи “Sibiria Perlustrata”», в котором гёттингенский академик

⁹ *Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc.* СПб., 2020. См.: Уникальная рукопись «Sibiria Perlustrata» («Описание Сибири»). URL: http://www.lubavich.spb.ru/povosti/unikalnoe_reprintnoe_izdanie_messershmidt/ (дата обращения: 15.12.2020).

¹⁰ Русскоязычная дополненная версия доклада при участии специалиста-минералог А. В. Кургузовой публикуется в настоящем сборнике.

сообщил о своей работе над биографией Д. Г. Мессершмидта, основанной на не введенных ранее в научный оборот архивных документах — экспедиционных дневниках Д. Г. Мессершмидта, его рапортах И. Д. Блюментросты вместе с научными приложениями к этим рапортам, энциклопедическом труде «Sibiria Perlustrata», рукописи «Isidis Sibiricae Xenium» и других документах, хранящихся в СПбФ АРАН.

Доклад И. В. Тункиной впервые в отечественной историографии реконструировал биографию молодого спутника Д. Г. Мессершмидта — немецкого дворянина, уроженца Нарвы Карла Густава Шульмана (*Karl Gustav Schulmann*; 1702–1765). Академик РАН Н. Н. Казанский представил детальный разбор двух латинских эпиграмм Д. Г. Мессершмидта и предложил аудитории блестящий перевод одной из них на русский язык с соблюдением античной стихотворной метрики. Завершением пленарных докладов по этой теме стало выступление немецкого коллеги из Фельмара, являющегося профессором Университета Ляочэн (Китай), доктора Михаэля Кнюппеля, автора публикаций, посвященных спутнику, другу и помощнику Д. Г. Мессершмидта в сибирском путешествии, пленному шведскому капитану Филиппу Иоганну (Табберту) фон Страленбергу (*Philipp Johann (Tabbert) von Strahlenberg*; 1676–1747). На «Миллеровских чтениях» М. Кнюппель сделал доклад, посвященный уральской писанице, известной как Ирбитский Писанный камень. Этому же памятнику с расширенным представлением документов СПбФ АРАН посвятила свой доклад Е. Ю. Басаргина. Остальные четыре доклада освещали отдельные аспекты научных занятий Д. Г. Мессершмидта: изучение тибетского языка (доклад А. В. Зорина), изучение монгольского (точнее, его бурятского варианта) языка (доклад А. А. Сизовой), минералогические исследования (совместный доклад Л. Д. Бондарь, А. В. Кургузовой, М. В. Поникаровской), работа с зоологической лексикой (совместный доклад Л. Д. Бондарь, А. В. Смирнова, М. В. Поникаровской). Все доклады «Миллеровских чтений», посвященные Д. Г. Мессершмидту, вошли в настоящий сборник. Он сформирован объединенными усилиями авторов из России (Санкт-Петербурга, Новосибирска, Усть-Кута) и Германии (Гёттингена, Фельмара) и стал промежуточным итогом проводимых в настоящее время в СПбФ АРАН научных штудий о Д. Г. Мессершмидте и его экспедиции.

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О Д. Г. МЕССЕРШМИДТЕ
И УЧАСТНИКАХ ЕГО ЭКСПЕДИЦИИ
ПО СИБИРИ

*В. Лефельдт
Гёттинген*

О ПОДГОТОВКЕ БИОГРАФИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА И О РУКОПИСИ «SIBIRIA PERLUSTRATA»*

В публикации анонсируется работа по написанию первой полной биографии Д. Г. Мессершмидта на немецком языке, освещающей этапы жизненного пути немецкого исследователя и путешественника, отображающей многообразие его научной деятельности и духовные и человеческие качества ученого. В статье дана оценка главной сохранившейся рукописи Д. Г. Мессершмидта — «Sibiria Perlustrata», представляющей собой объемный отчет ученого о результатах исследований, проведенных им во время сибирской экспедиции.

Ключевые слова: биография Д. Г. Мессершмидта, архивное наследие Д. Г. Мессершмидта, «Sibiria Perlustrata».

*W. Lehfeldt
Göttingen*

ON THE PREPARATION OF THE BIOGRAPHY OF D. G. MESSERSCHMIDT AND HIS MANUSCRIPT «SIBIRIA PERLUSTRATA»

The publication announces the work on writing the first complete biography of D. G. Messerschmidt in German, covering all stages of the life of the German researcher and traveler, reflecting his diverse scientific activities, as well as representing the spiritual and human qualities of the scientist. The article evaluates the main manuscript of D. G. Messerschmidt — «Sibiria Perlustrata», which is a voluminous report of the scientist on the results of his research during the Siberian expedition.

Key words: biography of D. G. Messerschmidt, archival heritage of D. G. Messerschmidt, «Sibiria Perlustrata»

---

* Статья является печатной версией видеодоклада, сделанного на пленарном заседании Международной конференции «Миллеровские чтения — 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» 21 октября 2020 г.

Настоящая публикация является кратким сообщением о моей деятельности в связи с дальнейшим изучением научного наследия Даниэля Готлиба Мессершмидта, первого крупного исследователя Сибири. При этом я поставил перед собой две основные задачи.

1. Два-три года тому назад я решил написать биографию путешественника и с этого момента практически каждый день занимался и занимаюсь выполнением этого задания. Главными моими источниками являются печатное издание дневника Д. Г. Мессершмидта¹, а также неопубликованные части этого дневника², насколько они мне доступны, рапорты Д. Г. Мессершмидта к своему начальнику Ивану Лаврентьевичу Блюментросту (*Johann Deodat Blumentrost*; 1676–1756)³ вместе с научными приложениями к этим рапортам⁴, энциклопедический труд Д. Г. Мессершмидта под заглавием «*Sibiria Perlustrata*»⁵, его рукопись «*Isidis Sibiricae xenium*»⁶ и многочисленные другие рукописи Мессершмидта, хранящиеся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

Я очень рад тому, что имею возможность получать из Петербурга новые, неизвестные мне до сих пор архивные документы. Так, например, в пятом томе дневника была обнаружена замечательная «*Ode Germanica*»⁷, написанная в апреле 1726 г., в которой путешественник стремится, если так можно выразиться, к примирению тяжких испытаний, пережитых им, прежде всего, на последнем этапе экспедиции, со своими христианскими взглядами. Иными словами, он стремился понять, почему Бог вновь и вновь подвергал его очередным испытаниям.

Кроме упомянутых материалов в ряде глав мною используются и другие источники, как, например, документы из архива покровителя и друга Мессершмидта, Иоганна Филиппа Брейне (*Johann Philipp Breyne*; 1680–1764), который, к счастью, уже с XVIII в. хранится в библиотеке герцога Готского в Готе. Там мною недавно были «открыты» документы, проясняющие сложную историю первой публикации одного научного результата экспедиции Д. Г. Мессершмидта, вышедшей через два года после смерти

¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij; Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch; Berlin, 1966. Tl. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch; Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch; Berlin, 1977. Tl. 5 : Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch.*

² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5.

³ Там же. Д. 21.

⁴ Там же. Д. 36, 37.

⁵ Там же. Д. 22.

⁶ Там же. Д. 23.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 110–112.

путешественника в лондонских «Philosophical Transactions»; случилось это именно благодаря инициативе И. Ф. Брейне⁸.

Немаловажную, даже большую роль для моей биографической работы играет сокровищница, которую представляет собой гёттингенская университетская библиотека. При работе над главой, посвященной влиянию научного наследия Д. Г. Мессершмидта как на последующие исследования Сибири, так и на развитие ботаники, зоологии, минералогии, археологии и даже филологии в Европе в XVIII в., я постоянно возвращаюсь к книгам и журналам этого периода, в том числе и к публикациям Императорской Петербургской академии наук на латинском языке. Почти все эти публикации можно найти в нашей библиотеке.

Из запланированных на сегодня 20 глав биографии написаны 13, так что можно надеяться на окончание работы предположительно к концу зимы 2020/21 гг., *Deo volente*, разумеется. Три главы готовящейся биографии проливают свет на те страницы жизненного пути и наследия Д. Г. Мессершмидта, которые, на мой взгляд, до сих пор недостаточно изучены.

Во второй главе, посвященной детству и юности Д. Г. Мессершмидта, охватывающей период до завершения университетского образования, впервые в научной литературе вообще довольно подробно излагается содержание медицинской диссертации ученого, защищенной им в 1713 году в Галле⁹. Название этой диссертации — «De ratione præsidi universæ medicinæ» — упоминается, правда, во всех биографических очерках Д. Г. Мессершмидта, но практически все авторы довольствуются этой сухой информацией. Если, однако, иметь в виду, что Д. Г. Мессершмидт во время своего первого пребывания в Санкт-Петербурге, а также во время экспедиции очень часто исполнял роль врача, то становится желательным более подробно ознакомиться с основами его медицинского образования. Поэтому вторая глава биографии содержит довольно объемный реферат о содержании диссертации, при оценке которой с точки зрения истории медицины мне помогла профессор истории медицины К. Риа из Лейпцига.

В другой главе, которая еще не полностью завершена, освещаются религиозные взгляды и убеждения Д. Г. Мессершмидта, а точнее, корни его непоколебимой христианской веры. В дневнике путешественника на многих страницах можно встретить пространные религиозные размышления — «meditationes sacrae», нередко в стихотворной форме, посредством которых Д. Г. Мессершмидт зачастую пытался в тяжелых испытаниях, выпадавших снова и снова на его долю во время экспедиции, увидеть руку Божью, т. е. понять, почему Бог все время возлагал на него такие

⁸ Более детально информация об этих документах будет представлена в готовящейся биографии Д. Г. Мессершмидта.

⁹ Предварительная публикация, посвященная этой диссертации, была сделана в 2019 г.: *Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidts Dissertation «De ratione præsidi universæ medicinæ» — Bericht über eine Annäherung // Collegae, amico, magistro : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондаря, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 154–163.*

испытания. В печатном издании дневника, которое вышло в ГДР, практически все эти тексты пропущены, очевидно, по идеологическим причинам. Я уверен в том, что Д. Г. Мессершмидт преодолел все тяготы экспедиции только благодаря своей непоколебимой христианской вере, и эта сторона его «духовной личности», безусловно, должна быть учтена в его биографии.

Как уже упоминалось, одна большая глава посвящена влиянию научного наследия Д. Г. Мессершмидта на последующих исследователей Сибири в XVIII в., а также на развитие ботаники, зоологии, минералогии, археологии и филологии в Европе в том же столетии. Как это ни удивительно, но процесс влияния начался очень рано — тогда, когда Д. Г. Мессершмидт только еще отправился во вторую, «большую» экспедицию по Сибири¹⁰. Начиная со второй половины тридцатых годов XVIII в. это влияние расширялось благодаря, прежде всего, посреднической деятельности ряда ученых, которые в Санкт-Петербурге имели доступ к научным рукописям Д. Г. Мессершмидта и опубликовали результаты изучения его материалов в книгах и в журнале Петербургской академии наук — в «*Commentarii*». Ввиду того, что преобладающее число этих работ написано по-латыни, т. е. на языке европейской науки того времени, они были доступны западноевропейским ученым. Именно таким образом многие результаты исследовательской деятельности Д. Г. Мессершмидта стали известны в Западной Европе. Важную роль в этом процессе играли такие ученые, как Готлиб (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер (*Gottlieb Siegfried Bayer*; 1694–1738), Иоганн Амман (*Johann Amman*; 1707–1741), Иоганн Георг Гмелин (*Johann Georg Gmelin*; 1709–1755), Петр Симон Паллас (*Peter Simon Pallas*; 1741–1811) и другие. Так, например, к книге И. Аммана «*Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones*», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1739 г.¹¹, восходит знакомство Карла Линнея (*Carl Linnaeus*; 1707–1778) с растением *Cimicifuga*, первое описание которого дал его первооткрыватель Д. Г. Мессершмидт в рукописи «*Isidis Sibiricae xenium*». Благодаря многочисленным работам П. С. Палласа, посвященным представлению зоологических открытий Д. Г. Мессершмидта, эти открытия стали известны Жоржу-Луи Бюффону (*Georges-Louis Leclerc de Buffon*; 1707–1788), занявшемуся впоследствии их «популяризацией».

2. Вторая моя задача заключается в следующем. Среди научных рукописей Д. Г. Мессершмидта мое особое внимание с самого начала привлекало его главное сочинение «*Sibiria Perlustrata*», поэтому я занялся детальным анализом этого труда. Результатом стала работа объемом около 30 страниц. По просьбе президента Гёттингенской академии наук она будет опубликована в ежегоднике Академии за 2019 г. Русский перевод

¹⁰ Имеется в виду его отъезд из Тобольска 1 марта 1721 г.

¹¹ *Amman J.* *Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones.* Petropoli : Ex Typographia Academiae scientiarum, 1739.

статьи предполагается поместить в томе комментариев к факсимильному изданию «Sibiria Perlustrata», осуществленному в СПбФ АРАН в 2020 г.¹²

Говоря вкратце, «Sibiria Perlustrata» представляет собой объемный отчет Д. Г. Мессершмидта о результатах его исследований по всем областям знаний, проведенных во время экспедиции. Д. Г. Мессершмидт интенсивно работал над этим отчетом еще в далекой Сибири, т. е. задолго до возвращения в Санкт-Петербург весной 1727 г. Из целого ряда крайне недоброжелательных, «немиловидных» писем, инструкций и повелений своего начальника И. Л. Блюментроста, а также из других источников он знал, что тот обвинял его в напрасном расточении денежных средств Медицинской канцелярии, поэтому он чувствовал себя обязанным опровергнуть эти обвинения. Именно такой цели должна была служить «Sibiria Perlustrata», которую Д. Г. Мессершмидт и предоставил Канцелярии в конце декабря 1727 г. Неполнота этого сочинения объясняется тем, что Д. Г. Мессершмидт в результате разлада своих отношений с И. Л. Блюментростом больше не имел доступа к тем научным приложениям, которые он вместе с рапортами посылал из Сибири в Санкт-Петербург. Приложения должны были быть включены в его отчет, но, увы, до этого дело не дошло ни тогда, ни в наши дни.

Подготовка научного издания «Sibiria Perlustrata» с учетом всех приложений представляет собой гигантскую задачу, в решении которой должны были бы участвовать представители разных научных дисциплин с хорошим знанием латыни. Я же ставлю перед собой как перед почитателем Д. Г. Мессершмидта-человека и его научного творчества задачу завершения биографии этого отважного ученого-путешественника.

---

¹² *Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc.* СПб., 2020.

*В. Лефельдт
Гёттинген*

**ДОКУМЕНТЫ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ГОТЕ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРИГЛАШЕНИЮ И К ПОЕЗДКЕ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В РОССИЮ**

В статье характеризуются состав и содержание документов, относящихся к приглашению Д. Г. Мессершмидта в Россию и его поездке туда, которые хранятся в научной библиотеке в Готе. Это письма к врачу и ботанику И. Ф. Брейне разных корреспондентов, в том числе Д. Г. Мессершмидта, находившегося в Российской империи.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, И. Ф. Брейне, Р. Арескин, научная библиотека в Готе.

*W. Lehfeldt
Göttingen*

**DOCUMENTS OF THE SCIENTIFIC LIBRARY IN GOTHA
RELATING TO THE INVITATION AND TO THE TRIP
OF D. G. MESSERSCHMIDT TO RUSSIA**

The article describes the composition and content of documents related to the invitation of D. G. Messerschmidt to Russia and his trip there, which are stored in the scientific library in Gotha. These are letters to the doctor and botanist J. Breyne from various correspondents, including D. G. Messerschmidt, who was in the Russian Empire

Key words: D. G. Messerschmidt, J. Breyne, R. Erskine, scientific library in Gotha.

Всем, кто хотя бы поверхностно занимается Д. Г. Мессершмидтом и его экспедицией по Сибири, известно, что приглашение Мессершмидта на службу в России восходит к пребыванию Петра I в Данциге весной 1716 г. Тогда царь в сопровождении своего лейб-медика Роберта Арескина посетил кабинет ботанических коллекций, принадлежавший врачу и знаменитому ботанику Иоганну Филиппу Брейне, покровителю и другу врача и ботаника Д. Г. Мессершмидта. И. Ф. Брейне рекомендовал царю Мессершмидта как ученого, способного заняться изысканием и исследованием

природных богатств России, в первую очередь растительного мира. Конкретизацию условий поступления Мессершмидта на русскую службу царь поручил своему доверенному лейб-медику. Кстати, Брейне и Арескин уже давно были лично знакомы друг с другом, со времени пребывания Брейне в Лондоне в 1702 г.

Переговоры — устные и, главным образом, письменные — между Р. Арескиным и Д. Г. Мессершмидтом затянулись, с длинными паузами, надолго, до конца 1717 года. Здесь нет ни места, ни времени, чтобы вникнуть в подробности сложной и временами довольно запутанной истории этих переговоров, в которых кроме самого Мессершмидта участвовал также и Брейне, несколько раз в письмах, адресованных Арескину, повторявший и подтверждавший свою рекомендацию и высокую оценку Мессершмидта.

В этом месте достаточно констатировать, что Д. Г. Мессершмидт в день своего отъезда из Данцига, состоявшегося 19 февраля 1718 г., не имел на руках никакого официального документа, в котором были бы однозначно зафиксированы будущие задания ученого в России, а также, разумеется, его права. С отъездом Мессершмидта в С.-Петербург прекратилась его переписка с Р. Арескиным. В связи с этим в архиве Академии наук, если не ошибаюсь, нет документов, из которых мы могли бы черпать сведения о судьбе ученого в России до его отъезда из С.-Петербурга в Москву — и затем дальше в Тобольск — 1 марта 1719 г. Тем большее значение для нас имеют письма Мессершмидта, посланные им по пути в С.-Петербург и затем из самой Северной столицы его данцигскому покровителю и другу Брейне.

До недавнего времени эти письма и другие документы не были известны ученым, занимающимся Д. Г. Мессершмидтом и его сибирской экспедицией. В декабре прошлого года я к ним получил доступ. Где они находятся?

Несколько десятилетий спустя после смерти И. Ф. Брейне (1764), в 1798 и 1799 гг. весь архив писем, которые данцигский ботаник получил в общей сложности от 175 корреспондентов, вместе с остальными частями научного наследия И. Ф. Брейне и его отца Якоба Брейне был куплен герцогом Эрнстом II Саксен-Гота-Альтенбургским и поступил в библиотеку герцога, которая до сегодняшнего дня находится в замке *Friedenstein* в Готе. В 1988 г. библиотека опубликовала описание архива И. Ф. Брейне.

Здесь нет возможности анализировать все письма из архива И. Ф. Брейне, относящиеся к приглашению и к поездке Д. Г. Мессершмидта в Россию, а также к событиям экспедиции в Сибирь. Бросим взгляд лишь на первые два из этих писем.

Первое, довольно обширное, письмо, написанное по-латыни, Д. Г. Мессершмидт послал И. Ф. Брейне из Риги 9 апреля 1718 г., в день своего отъезда в С.-Петербург. В нем путешественник жалуется на то, что он был вынужден ночевать в грязных, закоптелых избах, в своего рода подземном царстве. Однако намного более невыносимым, чем эти телесные неудобства, было «будто какое-то помрачение духа среди крестьянского населения».

Тем радостнее и приятнее были для Д. Г. Мессершмидта встречи и разговоры с Николаем Мартини (*Nicolaus Martini*; 1678–1741), с которым он познакомился благодаря рекомендательному письму от И. Ф. Брейне. Н. Мартини был медиком и аптекарем. В 1703 г. он в Галле защитил медицинскую диссертацию. Его руководителем был знаменитый Фридрих Вильгельм Гофман, тот же самый профессор, у которого Мессершмидт через десять лет защитил свою диссертацию. Н. Мартини был владельцем Большой аптеки — ее называли «аптека магистрата». Во время своего пребывания в Риге Петр I посетил эту аптеку и несколько раз беседовал с Н. Мартини.

Схожесть биографии и профессии послужила хорошим основанием для плодотворных разговоров обоих медиков. Однако их связывал еще и более широкий интерес к вопросам естественных наук, причем Н. Мартини питал особый интерес к энтомологии. Мессершмидт в своем письме с удивлением упоминает «богатое собрание насекомых», а также «весьма богатую библиотеку» своего гостеприимного хозяина. В связи с нашим интересом к судьбе Мессершмидта после его отъезда из Данцига намного большее значение, чем содержание разговоров обоих ученых, имеет следующее обстоятельство.

Николай Мартини находился в отношениях с Робертом Арескиным, для которого он играл роль своего рода литературного агента. Именно это, как кажется, дало ему право снабдить Мессершмидта — несомненно, по просьбе последнего — трехсторонним рекомендательным письмом на адрес Р. Арескина. Уже сам факт, что Мессершмидт считал нужным попросить своего хозяина написать такую рекомендацию, свидетельствует о том, что ученый даже тогда, когда он уже состоял на российской службе — а именно с 1 января 1718 г., — не имел ясных, официально подтвержденных представлений о тех задачах, которые он должен был решать в России.

Рекомендательное письмо Н. Мартини вручил своему гостю за два дня до его отъезда в Санкт-Петербург. В нем он хвалит «как талант, так и обходительность» данцигского ученого, подчеркивая, что «наверно, насколько мое познание простирается в сей науке, я на самом деле не встречал много людей, которые имели бы такие же познания в ней, что он», т. е. «в исследовании природы».

Помимо этого, Н. Мартини пишет, что Д. Г. Мессершмидт «весьма годился бы к тому, дабы совершать экскурсии не только по окрестностям Москвы, а также до Китая и Персии, и составлять всяческого рода коллекции». Из этого замечания видно, что Мессершмидт не только через год, во время своего пребывания в Москве и в ожидании направленного в Китай посольства, стал мечтать о возможности ехать «вплоть до Китая», но уже много раньше питал такие идеи, такую надежду. По всей видимости, в это время ни у самого Мессершмидта, ни у его покровителя Арескина еще не существовало конкретного плана экспедиции Мессершмидта по Сибири.

Привлекает внимание и то, что Н. Мартини указывает на «слабое телосложение» Д. Г. Мессершмидта, о котором мы здесь узнаем вообще в первый раз. Тем более замечательно, что через несколько месяцев Мессершмидт — по чьей бы то ни было инициативе — все-таки отправится в путь

в многолетнюю экспедицию по огромным пространствам практически совсем неисследованной Сибири с ее суровым климатом.

Из формулировки Н. Мартини — «было бы только жаль, если бы этому человеку пришлось ради куска хлеба проводить свое время за обременительными делами или часто посещать двор» — можно заключить, что в это время, т. е. тогда, когда Д. Г. Мессершмидт уже пустился в дорогу в С.-Петербург, будущее поле деятельности ученого в России еще не было ясно и однозначно определено, что, несмотря на не раз сформулированную настоятельную просьбу Мессершмидта о выдаче ему письменной фиксации этой деятельности, такого документа в его руках не было, что он мог только надеяться на соблюдение устных обещаний Р. Арескина. Как раз в этой трудной и мучительной ситуации Мессершмидт, по всей видимости, ощущал потребность в «дополнительных» рекомендациях. В этом отношении стоит упомянуть, что такую же «дополнительную» рекомендацию Р. Арескину в мае 1718 г. послал И. Ф. Брейне.

Второе письмо, написанное по-немецки, Д. Г. Мессершмидт послал Брейне спустя почти одиннадцать месяцев после первого, 27 февраля 1719 г. Это письмо, отосланное из С.-Петербурга, для нас интересно прежде всего потому, что из него мы узнаем, чем ученый вынужден был заниматься с начала своей службы в России. Во-первых, Мессершмидт сообщает Брейне, что он был обязан лечить «пациентов с двора, которые часто требуют вторичных визитов». Насколько он был недоволен этой обязанностью, вытекает из его замечания, что «пациенты с двора» «мешают нам в наилучших размышлениях» и что вообще «медицинская практика досадна тем, кто заинтересован в исследовании царства природы». Во-вторых, Мессершмидт жалуется на то, что он был «вынужден вместе с флотом пойти в Финляндию в качестве врача господина барона фон Шаффинова, где должен был находиться больше на воде, чем на суше», в связи с чем он не имел возможности наблюдать растущие вокруг С.-Петербурга растения «в самое подходящее для этого время».

Из всего изложенного здесь становится ясно, что в первый год своей службы в России Д. Г. Мессершмидт не имел возможности систематически посвящать себя «исследованию тайн природы великой русской империи», на которое Р. Арескин пригласил его во время их первой встречи в Данциге весной 1716 г., если верить формулировке Мессершмидта в его письме Арескину от ноября 1718 г.

Что касается экспедиции Д. Г. Мессершмидта по Сибири, то, по всей видимости, ко времени приезда ученого в Санкт-Петербург и в первые месяцы его пребывания там такого замысла, такого плана еще не существовало или же, формулируя более осторожно, такой план еще не был ясно и недвусмысленно разработан.

*Л. Д. Бондарь
Санкт-Петербург*

*В. Лефельдт
Гёттинген*

*И. В. Тункина
Санкт-Петербург*

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ КАК УЧЕНЫЙ-ПИЕТИСТ*

В статье приводятся свидетельства источников, содержащие доказательства истинной религиозности немецкого ученого, восприятия им идей пиетизма, тесной связи с современниками-пиетистами, в том числе при организации научных исследований. В итоговых результатах, полученных Д. Г. Мессершмидтом во время его научного путешествия по Сибири, очевидно участие пиетистов, объединенных идеями тобольской школы К. Ф. фон Врееха, прежде всего — непосредственных участников экспедиции Ф. И. Страленберга и К. Г. Шульмана.

Ключевые слова: мировоззренческие позиции Д. Г. Мессершмидта, тобольская школа К. Ф. фон Врееха, немецкий пиетизм.

*L. D. Bondar
St. Petersburg*

*W. Lehfeldt
Göttingen*

*I. V. Tunkina
St. Petersburg*

D. G. MESSERSCHMIDT AS A SCIENTIST-PIETIST

The article presents evidence of sources that contain arguments of the true religious nature of the German scientist, his perception of the ideas of pietism and his close connection with pietists, including in the organization of scientific research. In the final results obtained by D. G. Messerschmidt during his scientific journey through Siberia, there is a participation of pietists, that were united by the ideas of the Tobolsk school of C. F. von Wreech, first of all — direct participants of the expedition of Ph. J. Stralenberg and K. G. Schulmann.

Key words: worldview position of D. G. Messerschmidt, the Tobolsk school of C. F. von Wreech, German pietism.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Судьба Д. Г. Мессершмидта столь же удивительна, сколь и драматична. Не исключено, что Д. Г. Мессершмидт станет когда-нибудь прототипом приключенческого романа, каковым в свое время стал спутник П. С. Палласа, переводчик Иоганн Иериг (1747–1795)¹. Жизненные перипетии Д. Г. Мессершмидта со времени его медицинской и фармацевтической деятельности в Данциге и до его ухода из жизни в Петербурге в 1735 г. хорошо известны благодаря книге М. Г. Новлянской². В настоящее время В. Лефельдт работает над новой биографией немецкого ученого, в которой будут впервые обнародованы многочисленные, неизвестные ранее факты биографии на основе опубликованных архивных источников. Драматизм жизненных обстоятельств Д. Г. Мессершмидта связан и с тем, что ученый, вернувшись из Сибири с богатейшим научным материалом из самых разных областей знаний, не только не смог опубликовать все эти сокровища, но не мог ими воспользоваться в научных целях: все материалы многолетней экспедиции были изъяты, а затем помещены в академическую Библиотеку и Кунсткамеру³. Имя Д. Г. Мессершмидта со временем было забыто и фактически вычеркнуто из науки.

Рукописи Д. Г. Мессершмидта изучались академическими учеными и частично публиковались уже в XVIII в.⁴ Однако признание его первопродцом в целом ряде научных отраслей состоялось, пожалуй, только в конце XX в.⁵ Таким образом, лишь сейчас имя Д. Г. Мессершмидта полноценно возрождается для науки, а фигура ученого получает все более четкие очертания.

Другая сторона личности немецкого естествоиспытателя до последнего времени оставалась совершенно неизвестной. Никто из исследователей не касался вопроса мировоззренческой позиции ученого, его религиозных взглядов, в целом темы «Мессершмидт-мыслитель»⁶.

¹ В 2008 г. вышел в свет художественный роман на немецком языке «Johann Jährig», автором которого является К. Швейцер (K. Schweizer).

² Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири / отв. ред. М. И. Белов. Л., 1970.

³ Там же. С. 149–157.

⁴ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 55–58. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 6).

⁵ Несмотря на публикацию работ, посвященных научной деятельности немецкого исследователя, аргументы в доказательство того, что именно Д. Г. Мессершмидту принадлежит право первенства в целом ряде направлений научных исследований, стали появляться в конце XX — начале XXI в.: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 69–71; Бондарь Л. Д., Зорин А. А., Тункина И. В. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // Collegae, amico, magistro : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 171–172.

⁶ Краткое замечание о религиозности Д. Г. Мессершмидта было сделано В. Лефельдтом при редактировании немецкого текста статьи Л. Д. Бондарь и Ю. И. Чивтаева, которое было помещено в качестве заключения: «Д. Г. Мессершмидт во время своей экспедиции непрестанно, день за днем, час за часом, часто до поздней ночи, старательно занимался исследовательской работой. Лишь по важным христианским праздникам, особенно в Рождество, “ничего не предпринималось, а я предавался meditationes sacras” — такая запись была сделана в дневнике 25 декабря 1724 г.

Религиозное мировоззрение Д. Г. Мессершмидта отчетливо проступает сквозь строки его путевого дневника. Описание отправления в очередной долгий путь не обходилось без благословляющей формулы «in Gottes Namen» («во славу Божию», «в имени Господнем»)⁷. При простановке в дневнике дат обязательно указывались церковные праздники, если запись делалась в соответствующий день⁸. Вместе с тем в воскресные и праздничные дни ученый старался избегать работы; в эти дни он устраивал, по его собственному определению, *meditationes sacræ* (или *christianæ*), результаты которых также находили отражение на страницах его дневника.

Одно из таких размышлений было записано в воскресный день 24 апреля 1726 г.⁹ («*d. 24. Aprilis. Sonntags Dom[ini]. Misericord[ia] Domini*»¹⁰). Это обширный поэтический текст, озаглавленный «*Ode Germanica*»¹¹, примечательный уже своим объемом. На литературные, поэтические опыты Д. Г. Мессершмидта обратили внимание В. Лефельдт и Е. Ю. Басаргина¹²; Н. Н. Казанский предложил анализ двух латинских эпиграмм Д. Г. Мессершмидта¹³. Судя по дневниковым записям, ученый сочинил более сотни эпиграмм; далеко не все они записаны в дневнике¹⁴. Но все это

Когда он время от времени устраивал себе “час досуга”, то старался читать произведения любимых римских поэтов — Горация, Вергилия, Овидия, Марциала, а также писать латинские эпиграммы» (Bondar L. D., Čivtajev Ju. I. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень, 2020. С. 31).

⁷ Такую же формулировку встречаем в письме Ф. И. фон Страленберга, спутника и друга Д. Г. Мессершмидта, от 28 июля 1723 г. (см. ниже).

⁸ Как один из множества примеров: «*d[ie] 3. Aprilis [1726]. Sonntags Dom[ini]. Palmarum*» (Вербное воскресенье): СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.

⁹ Следует отметить, что это не первая в ряду подобных размышлений запись. Ей предшествуют размышления, записанные на Пасху, 10 апреля 1726 г., и в следующий за ней понедельник, 11 апреля 1726 г. Листок с воскресными размышлениями аналогичного характера (без даты, с указанием только дня недели — воскресенье) обнаружен среди разрозненных черновых заметок Д. Г. Мессершмидта: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 111.

¹⁰ Речь идет о втором воскресенье после Пасхи, называемом Праздником Божьего Милосердия. При цитировании авторского текста будут отражены графические различия записи: текст, написанный латиницей, будет передаваться курсивом для отличия его от текста, написанного куррентом.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 110–112.

¹² Басаргина Е. Ю., Бондарь А. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готтлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 128–129.

¹³ См. статью Н. Н. Казанского в настоящем сборнике, а также: Казанский Н. Н. Даниэль Готтлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача: эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу // Номо omnium horarum : сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова / под ред. А. В. Белоусова и Е. В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 262–271.

¹⁴ Первая эпиграмма появляется в дневниковой записи от 19 декабря 1724 г. В следующих записях они встречаются все чаще. С 22 июня 1726 г. у эпиграмм появляется нумерация, эта эпиграмма имеет номер 65, последняя, встречающаяся в дневнике, — номер 117. Однако общее число размещенных в дневнике эпиграмм значительно меньше, хотя пронумерованные произведения идут практически без лакун.

действительно эпиграммы, а «Немецкая ода» выделяется как языком (она написана по-немецки)¹⁵, так и объемом. Главного внимания заслуживает содержание. Предлагаем ниже начальный фрагмент оды¹⁶ в оригинале.

d. 24. *Aprilis. Sonntags Dom[ini]. Misericord[ia] Domini*; ziemlich hell und angenehm frühlings wetter, wobey aber die Straaßen so voll koth und Schlaß wurden daß keiner zu fuß gehen konte, wie solches in Polnischen Städten also zu seyn pflēget, und in teütschlandt auff den dörrffern. Weils Sonntag ware, wurde nichts fürgenomēn, sondern ich hatte meine *Meditationēs christianas*, wobey mir folgende *Oda Germanica* zur illustration des *Epitaphii Climacterici* (vid. d. 12. *huj[us mensis]*) in eilfertige feder floße:

*De amore Divino et Laudibus Numinis
Ode Germanica*¹⁷

1) Wenn ich, o Vater! deine Güt' demüthiglich betrachte, und schau' wie mein verderbt's Gemüth, Offt ihrer wenig achte; durchdringt dein Schrecken Marck und Bein, Mein Geist hüll't sich in Reue ein, und weiß für seine Sünden, Nicht Hülff ohn' dich zu finden.

2) Du nahm'st in deinen Bundt mich ein, a) auß Laut'rem Liebestriebe; Du wolt'st (b.) Mein Gott Mein Richter seyn; (c) Mein Gott und Meine liebe: Du richtet'st auch in Liebe mich, warf'st alle Greüel hinter dich, so Vor dein Bildt zerstöhret, undt Von Dir abgekehret.

3) Du wuschest mich im Lammes = Blut', im tode deines Sohnes gut'; Anstat des Sünden = Lohnes schenckt'stu mir Väterliche Huldt, Weil selbst dein Sohn all' meine Schuldt Gebüß't in seinem Sterben, Undt mich gemacht zum Erben.

Произведения под номерами 105, 110–115, 117 (29 сентября, 4, 6–9 октября, 31 декабря 1726 г.) определены автором как сонеты. Очевидно, поэтические произведения записывались Д. Г. Мессершмидтом в отдельной тетради. В перечне вещей, составленном в Иркутске, от 5 июня 1725 г. упоминается «*Lusus poetici juveniles et alii latini, germanici, gallici, graeci et alii praeterea amicorum*» («Поэтические забавы юношеские и другие, латинские, немецкие, французские, греческие и другие, в том числе друзей»); нумерация эпиграмм в дневниках появляется только в июне 1726 г.; не исключено, что «поэтическая тетрадь» могла продолжаться. Два «поэтических упражнения» найдены среди разрозненных черновых записей в архивном деле, названном «Лингвистический материал» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 139 об., 144).

¹⁵ Большинство эпиграмм написаны по-латински, некоторые «*lusus poetici*» (поэтические забавы), как и названные выше сонеты, — на немецком языке.

¹⁶ Полный текст оды, как и два предшествующих текста от 10 и 11 апреля 1726 г., готовятся к публикации В. Лефельдом.

¹⁷ «24 апреля. Воскресение Господне. Праздник Божьей Милости. Довольно ясная и приятная весенняя погода, но при этом улицы стали настолько полны нечистот и мусора, что никто не может ходить пешком, как это бывает в польских городах и в Германии в деревнях. Поскольку было воскресенье, работы не было, то я предался моим *meditationes christianas*, причем следующая *Oda Germanica* к иллюстрации *Epitaphii Climacterici* (см. 12-го числа сего месяца) стекла с быстрого пера: *De amore Divino et Laudibus Numinis Ode Germanica* [О любви Господней и славе Божией Немецкая ода]» (пер. Л. Д. Бондарь).

4) Dein Sohn, Mein Heylandt, Jesus Christ, Schrieb mich in seine Hände, Und sprach: Weil es mein Wille ist, daß keine Macht entwende Auß meinen Händen für und für Die Seelen, die Du, Vater! Mir Dort gab'st; soll dieser leben, So sich mir anergeben.

5) Dein Wort schenckt' mir den Wahrheits = Geist, Des Vaters Geist der Liebe; Der mir den Weg zum Vater weis't; Zur (d.) Gottes = Lieb mich triebe; Daß Lieb' und Warheit zu mir kähm', Und Sitz in meinem Hertzen nähm', Den (e.) Götzen zu zernichten, dein (f.) Bildt neu auffzurichten. <...>

Этот текст-размышление представляет собой попытку своего рода христианской интерпретации многочисленных проблем и трудностей, которым Д. Г. Мессершmidt вынужден был противостоять в течение всей экспедиции. Не в последнюю очередь это были испытания, которым сибирские власти подвергли немецкого путешественника во время его пребывания в Тобольске, откуда он был «выслан» под надзором двух солдат. Д. Г. Мессершmidt пытался найти именно в себе причины обрушившейся на него кары Божией, дать оценку происходящему в соответствии со своими христианскими взглядами¹⁸.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют дать более точную характеристику мировоззренческой позиции Д. Г. Мессершmidtа и говорить о нем как о приверженце пиетизма — религиозного движения, зародившегося в XVII в. в лютеранской церкви, основателем которого признан немецкий богослов Филипп Якоб Шпенер (*Philipp Jakob Spener*; 1635–1705). Вторым лидером пиетизма стал близкий единомышленник Ф. Я. Шпенера Август Герман Франке (*August Hermann Francke*; 1663–1727). Отстаивая позиции пиетического богословия, А. Г. Франке в 1692 г. оказывается в Галле (сегодня — земля Саксония-Анхальт), где получает приход и профессорское место в университете в качестве преподавателя древнегреческого языка и иврита; с этого времени Галле становится центром немецкого пиетизма.

Д. Г. Мессершmidt после окончания гимназии в родном городе Данциге начал изучать медицину (1706) в Йенском университете, однако менее через два года переехал в Галле и в июне 1708 г. стал студентом медицинского факультета¹⁹. Учитывая характер университетского образования того

¹⁸ Возможно, эта ода задумывалась как музыкальное произведение: после текста расчерчен нотный стан, который, однако, остался незаполненным. Это свидетельство позволяет обратить внимание еще и на музыкальные интересы ученого. Среди багажа Д. Г. Мессершmidtа в перечне за 5 июня 1725 г. указаны две флейты — берлинская и данцигская, приобретенные в марте 1718 г. (данцигская флейта упомянута в списке дважды, в разных местах багажа), а также рукопись «*Principes de la Flûte, tires des Oeuvres de divers Auteurs Italiens, François, Alemands etc.*» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 130об., 132об., 135).

¹⁹ *Posselt D. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) (Wegbereiter für die Erforschung Sibiriens) // Wissenschaftliche Zeitschrift. Friedrich Schiller Universität Jena. Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe. 1976. Bd. 25, Nr 2. S. 214.*

времени, с большой долей вероятности можно предположить, что в Галле Д. Г. Мессершмидт наряду с лекциями по медицине и естественно-научным дисциплинам посещал и занятия А. Г. Франке, к тому времени профессора теологического факультета. В мае 1713 г. Д. Г. Мессершмидт защитил в Галле диссертацию «*De ratione praeside universæ medicinæ*»²⁰. Уже в этой работе, как позднее в дневнике, имеются многочисленные свидетельства глубокой религиозности Д. Г. Мессершмидта²¹, уходящей своими корнями в раннее детство²².

А. Г. Франке стремился сформировать духовно просветленных и теологически образованных медиков. Этому способствовало сотрудничество А. Г. Франке с университетскими учителями Д. Г. Мессершмидта — Георгом Шталем (*Georg Ernst Stahl*; 1659–1734) и Фридрихом Гофманом (*Friedrich Hoffmann*; 1660–1742). Пока не была организована собственная университетская больница, клинические занятия студентов-медиков проходили в сиротском доме А. Г. Франке²³. При сиротском доме были хорошая аптека и аптекарский огород; там имелся натуральный кабинет (*Wunderkammer*) с минералами, рудами, растениями и зоологическими препаратами.

Идеи пиетизма не были забыты Д. Г. Мессершмидтом и тогда, когда он оставил Галле и вернулся в Данциг для осуществления медицинской практики, а затем по приглашению Петра I отправился в Россию. Свидетельством тому является факт наличия в походной библиотеке Д. Г. Мессершмидта сборника печатных проповедей А. Г. Франке²⁴: в описи багажа от 5 июня 1725 г. под номером 21 перечня содержимого одного из чемоданов («*Lista des Rothen Jufften Coffre C.*») значится: «*Aug. Herm. Franck, Conciones xvii. Germ. Halæ Saxon. 12°*»²⁵. Запись от 24 июня 1725 г. свидетельствует, что у Д. Г. Мессершмидта имелось издание Мартина Лютера 53-й главы пророчества Исайи о страданиях и прославлении Христа с предисловием

²⁰ *Messerschmied D. G. Dissertatio solennis medica de ratione praeside universæ medicinæ. Halæ Magdeburgicæ, 1713.*

²¹ См.: *Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidts Dissertation «De ratione praeside universæ medicinæ» — Bericht über eine Annäherung // Collegae, amico, magistro. С. 154–163.*

²² Дед Д. Г. Мессершмидта по отцу был евангелическим пастором; начальное образование Д. Г. Мессершмидт получил в «МариеншULE» (Школе святой Марии) — так называемой *Trivialschule*, приходской школе. См. краткую автобиографию: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 40.

²³ А. Г. Франке на пожертвования содержал приют, в котором на полном иждивении жили и получали образование и воспитание дети-сироты; приют рано обзавелся широкой инфраструктурой, позволявшей осуществлять благотворительную и просветительскую деятельность.

²⁴ Не найдено свидетельство того, была ли эта книга в библиотеке Д. Г. Мессершмидта до его отъезда в Россию или он получил ее от находившихся в Tobольске пиетистов; в любом случае в путешествии по Сибири ученого сопровождал сборник проповедей А. Г. Франке.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 133 об.

А. Г. Франке (1713)²⁶. Д. Г. Мессершмидт знакомил с идеями А. Г. Франке своих спутников в сибирском путешествии, как это было 14 апреля 1723 г., на Пасху²⁷.

В качестве преамбулы к очередной эпиграмме (№ 67 «*In Viri cuiusdam Docti Cogitationes de Deo et Anima*»²⁸) от 2 апреля 1726 г. Д. Г. Мессершмидт вспоминает различные факты, в том числе недовольство, возникшее в Галле, когда А. Г. Франке настоял на том, чтобы в сиротском доме прекратила работу мануфактура. Очевидно, что при последовательном изучении дневников можно найти не одну апелляцию к имени немецкого пиетиста.

Именно в Tobolske Д. Г. Мессершмидт сошелся со шведскими пленными, связанными с действовавшей в этом городе в 1712–1721 гг. школой. Ее организатором и руководителем был Курт Фридрих фон Вреех (*Curt Friedrich von Wreech*) — немец, капитан шведской армии, отправленный в Сибирь вместе с другими пленными. Получив возможность вернуться домой, он выехал сначала в Стокгольм, а затем через Штеттин (Щецин) — в Галле. К. Ф. фон Вреех был приверженцем пиетизма, с 1713 г. вплоть до смерти адресата состоял в переписке с А. Г. Франке. Именно на принципах пиетизма и по методике А. Г. Франка велось преподавание в Tobolskoye школе. Из Галле К. Ф. фон Вреех регулярно получал книги и денежные пожертвования. Школа, обучение в которой велось на немецком языке, стала идейным и религиозным центром пиетизма для немецкой и шведской диаспоры в Сибири²⁹.

Из Tobolska, получив распоряжение об отправке в сибирскую экспедицию и соответствующие инструкции, Д. Г. Мессершмидт выслал четыре рапорта-отчета, самым содержательным из которых является четвертый³⁰. Требуется исследования вопрос, каков процент оригинальных наблюдений Д. Г. Мессершмидта среди отправленных материалов, так как участие в их сборе «третьих лиц» очевидно. Так, прилагавшийся к рапорту лингвистический материал в форме сравнительной таблицы 20 языков если и был подобран Д. Г. Мессершмидтом, то точно не без посторонней помощи³¹.

²⁶ «Tractätlein: D. Mart. Lutheri Auflegung des 53. *Capitel Iesaiaë* vom Leiden und Herrlichkeit Christi, auß dem 6-ten Altenburgischen Theil, p. 357. Nebst einer Vorrede Aug. Herm. Franckens *Theol. Prof. und Past. Halle 1713 in 12° pagg. 120*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 147об.

²⁷ «Diesen Tag fiel nichts für alß daß ich meinem Diener [Peter Kratz] Hls. Franckens Predigten etc. mit dem Koch [Andree] zu lesen gabe»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

²⁸ «На речи некоего ученого мужа о Боге и душе»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 200.

²⁹ Vermeulen H. F. Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln; London, 2015. P. 108–110.

³⁰ Лефельдт В. Tobolskij рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы учебного для исследования Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 387–394. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14).

³¹ Бондарь А. Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker»: о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта // Aus Sibirien — 2019. С. 21–24.

Очевидно, что Д. Г. Мессершмидт привлекал местных художников для фиксации описываемых им объектов природы³².

Известно, что единомышленники К. Ф. фон Врееха в Тобольске занимались изучением края, в котором они оказались. Можно предположить, что эту работу инициировал и вдохновлял руководитель школы. В опубликованном М. Кнютпелем письме от 28 июля 1723 г. Филиппа Иоганна Табберта (фон Страленберга) из Стокгольма к К. Ф. фон Врееху в Галле автор излагает описание своего путешествия после расставания с Д. Г. Мессершмидтом, с подробностями в духе путевого дневника, который он вел во время путешествия по Сибири, определенно с уверенностью, что это будет интересно получателю письма³³. В другом письме находим имена единомышленников, «братьев» из бывшей тобольской школы, в том числе и тех, кто не упомянут в известной книге К. Ф. фон Врееха³⁴. Эти источники позволяют определить круг лиц, среди которых можно искать помощников Д. Г. Мессершмидта по сбору научных материалов и их зарисовке.

«Каролины» (пленные шведы и немцы), в том числе преподаватели и ученики школы К. Ф. фон Врееха, помогали Д. Г. Мессершмидту в сборе научных материалов. Именно из их числа Д. Г. Мессершмидт выбрал себе будущих спутников по сибирскому путешествию — он добился включения в свой экспедиционный отряд преподавателя школы К. Ф. фон Врееха Ф. И. Табберта (фон Страленберга) и ученика Карла Густава Шульмана. И тот и другой не имели научной подготовки³⁵, но были заинтересованными исследователями-самоучками: Ф. И. Страленберг занимался картографией, этнографией, языками, археологией Сибири, К. Г. Шульман взял на себя обязанности экспедиционного художника³⁶. Ф. И. Страленберг был истинно религиозным человеком, последовательным сторонником пиетического мировоззрения, о чем свидетельствуют его письма к К. Ф. фон Врееху, исполненные христианских размышлений; в том же духе он пишет

³² Сам Д. Г. Мессершмидт не владел техникой профессионального рисунка (см. статью Л. Д. Бондарь «Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник» в настоящем сборнике), в то время как иллюстрации к четвертому рапорту выполнены профессионалом.

³³ *Knüppel M.* Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs an Curt Friedrich von Wreech aus den Jahren 1723 und 1724 // *Acta Orientalia*. 2018. Vol. 79. S. 111–131.

³⁴ *Wreech C. F. von.* Wahrhafft und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Siberien : Welchergestalt dieselbe nach dem A. 1709. bey Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen in ihrer Gefangenschafft zum Theil von Gott kräftig zum Busse erwecket worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunfft nach erfolgtem Friedens-Schluss begeben hat. 1. Aufl. Sorau, 1725.

³⁵ О К. Г. Шульмане см. статью И. В. Тункиной в настоящем сборнике (с. 57–64).

³⁶ *Jarosch G.* Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidts // *In Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag*. Berlin, 1966. S. 215–220; *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири / отв. ред. М. И. Белов. М.; Л., 1966. С. 14; 29–32; *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 21–22.

и о К. Г. Шульмане³⁷. Не последнюю роль в выборе спутников сыграли духовная близость и родство взглядов немецкого ученого и пиетистов, что ясно читается в путевом дневнике путешественника.

Перечисленные факты свидетельствуют, что шведские и немецкие пиетисты оказывали действительную помощь руководителю первой сибирской комплексной научной экспедиции и существенно повлияли на формирование методики и расширение спектра исследований Д. Г. Мессершмидта. Очевидно влияние Ф. И. Страленберга на тематику исследований и методику научной работы естествоиспытателя Д. Г. Мессершмидта: он сумел заинтересовать ученого вопросами древней и современной истории Сибири, ее этнографией, археологией, лингвистикой, письменностью³⁸, а его роль в получении немецким ученым картографических навыков не требует доказательств. Влияние К. Г. Шульмана на развитие техники рисунка Д. Г. Мессершмидта показал Д. Г. Савинов: «Возможно, что у К. Г. Шульмана был заимствован прием передачи излома каменной плоскости неровной утончающейся линией»³⁹.

Изучение мировоззренческих взглядов Д. Г. Мессершмидта только начинается, но нет ни малейшего сомнения в истинной религиозности немецкого ученого-пиетиста, его тесной связи с современниками-пиетистами, в том числе при организации научных исследований. Не будет преувеличением сказать, что в итоговых результатах, полученных Д. Г. Мессершмидтом во время своего научного путешествия по Сибири, весом вклад пиетистов, объединенных идеями А. Г. Франке.

---

³⁷ Knüppel M. Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs...

³⁸ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт...; *Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д.* Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018. С. 395–427.

³⁹ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 121.

*С. И. Зенкевич
Санкт-Петербург*

МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Г. МЕССЕРШМИДА В ТОБОЛЬСКЕ

В статье на базе документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и с привлечением материалов Архива Университетской библиотеки Готы (Германия) охарактеризован один из важных аспектов разнообразной деятельности великого немецкого ученого-энциклопедиста Д. Г. Мессершмидта в России, но редко становящийся объектом исследовательского внимания, — медицинский. Показано, что доктор Мессершмидт, приехав по приглашению Петра I из Данцига в Петербург, чтобы совершить научную экспедицию в Сибирь, как специалист с европейским университетским образованием оказался в России на вершине медицинской иерархической лестницы. Поэтому представители сначала центральной власти, а затем местной сибирской администрации активно привлекали его к врачебному делу, хотя он считал себя, прежде всего, ученым-естествоиспытателем и стремился к выполнению исследовательской программы экспедиции. Медицинская практика Мессершмидта в Тобольске тесно связана с введением Петром I регулярной армии, комплектовавшейся на основе рекрутской повинности, и заключается главным образом в проведении им в 1720 г. многочисленных освидетельствований рекрутов, которые подробно рассмотрены в статье.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Петр I, Тобольск, научная экспедиция, доктор, рекрутский набор, медицинское освидетельствование.

*S. I. Zenkevich
St. Petersburg*

MEDICAL ACTIVITY OF D. G. MESSERSCHMIDT IN TOBOLSK

The paper is based on documents of the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive and involves archive materials of the Gotha University Library (Germany). The main character of this paper is an out-standing German scholar Daniel Gottlieb Messerschmidt invited by Peter the Great from Danzig to Russia as a principal and sole participant of a scientific expedition to Siberia. The paper characterizes a medical aspect of Messerschmidt diverse activities in Russia as an important and meaningful, despite researchers usually don't focus on this. Messerschmidt arrived to Russia as a doctor graduated from the European university. Therefore he turned out to be at the peak of medical hierarchy. Thou he claimed to be especially natural philosopher and strived

to fulfill the research program of his expedition, but central and local authorities in the capital and in Siberia began to engage him to medical activity. Medical practice of doctor D. G. Messerschmidt in Tobolsk is closely connected with the revision of military service principles in Russia and with the establishment of regular army by Peter the Great. The main role of Messerschmidt as a doctor in Tobolsk in 1720 was to examine those who subjected to recruiting. The paper deals with these multiple examinations.

Key words: D. G. Messerschmidt, Peter the Great, Tobolsk, scientific expedition, doctor, recruiting, medical examination.

Имя великого немецкого ученого-энциклопедиста Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), совершившего в 1719–1727 гг. первую российскую экспедицию в Сибирь и внесшего тем самым вклад в развитие многих научных дисциплин, в истории науки фигурирует в разных аспектах. Прежде всего, согласно замыслу Петра I, частично отраженному в царском именном указе от 15 ноября 1718 г.¹, Мессершмидт — исследователь природных богатств Сибири. Основной целью его путешествия было естественно-научное изучение восточных территорий России — как флоры и фауны, так и физической географии, геологии, метеорологии, минералогии². В фокусе внимания немецкого ученого оказались также история материальной культуры сибирских народов, археология, этнография; обширная и разнообразная исследовательская деятельность на территории России выявила и лингвистические интересы Мессершмидта³. При этом ученый, задолго

¹ «Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал по имянному своему, Великого государя, указу доктора Мессершмита послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семян и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы...» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2).

² См. об этом: *Таранович В. П.* Экспедиции Академии наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний (с 4 картами) // Архив истории науки и техники. Вып. 1. Л., 1933. С. 177–204; *Uschmann G.* Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition für die Geschichte der Naturwissenschaften // Nova Acta Leopoldina. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Neue Folge (Halle). Leipzig, 1963. Bd. 27, No 167. S. 317–325; *Башкатова З. В.* Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы сибирской промышленности первой трети XVIII века // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск, 1987. С. 105–119; *Jahn I.* Zoologische Ergebnisse von Daniel Gottlieb Messerschmidts Sibiriensreise 1720–1727 // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhpfordt. Bd. 6 : Mittel-, Nord- und Osteuropa / Hrsg. E. Donnert. Kologne; Weimar; Vienna, 2002. S. 887–892; *Kolchinsky E. I.* The Role of Eighteenth Century Russian Expeditions in the Development of Natural History // California Academy of Sciences Proceedings. 2004. Vol. 55. Suppl. 2. P. 106–116; и др.

³ См. об этом: *Кызласов Л. Р.* Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 43–52; *Титова З. Д.* Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII / отв. ред. Р. С. Липец. М., 1978. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 107). С. 5–14; *Хамарханов А. З.* Этнографические исследования

до изобретения фотографии, зафиксировал результаты своих естественно-научных изысканий в многочисленных рисунках, так что «его коллекции и иконография объектов природы и исторических артефактов послужили образцами для участников всех академических экспедиций в XVIII в.»⁴.

В 2019 г. увидел свет подготовленный российско-немецким коллективом авторов сборник архивных материалов о подготовительном периоде и первом этапе сибирской одиссеи немецкого ученого — вплоть до его отъезда из Тобольска (конец февраля 1721 г.)⁵. Эта работа продолжает традицию публикации материалов экспедиции Мессершмидта, начатую учеными Академии наук ГДР в сотрудничестве с российскими коллегами, представителями Института истории естествознания и техники АН СССР⁶. В сборник вошли документы, хранящиеся в фонде Д. Г. Мессершмидта Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Помимо этого, сюда включена также переписка Мессершмидта, в том числе «дороссийская», найденная немецким славистом, вице-президентом Академии наук в Гёттингене проф. Вернером Лефельдом в архиве Университетской научной

Д. Г. Мессершмидта в Бурятии // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986. С. 36–56; *Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerschmidt — der Pionier der sibirischen Archäologie // Ural-Altische Jachbücher. Fortsetzung der "Ungarischen Jahrbucher". Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd. 8. S. 137–151; Тумова З. Д. Источники XVIII века о тюркских группах Южной Сибири на западноевропейских языках // Материальная культура народов России. Т. 1 : Культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 30–42; *Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001; Копанева Н. П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 72–79; Bondar L. D., Bischoff U. Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen. С. 251–256; Bondar L. D., Bischoff U. Die akademische Expedition 1720–1727: Die Rolle D. G. Messerschmidts und Ph. J. Strahlenberg in den linguistischen Forschungen. S. 170; *Tunkina I. V. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // Aus Sibirien — 2015 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2015. С. 230–231; Копанева Н. П. Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (150). С. 44–52; *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6); Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции XVIII — начала XX в. Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. СПб., 2018. Кн. 2. С. 1267–1282. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9); и др.****

⁴ *Басаргина Е. Ю. Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perflustrata» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Международной научной конференции (Москва, 4–7 июня 2013 г.) / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 290–291.*

⁵ *Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. 312 с.*

⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tl. 1–5. Berlin, 1962–1977. Об этом пятитомнике см. в статье одного из его издателей: *Винтер Е. Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М., 1971. С. 12–14.**

библиотеки в Готе (Universitäts- und Forschungsbibliothek Erfurt/Gotha). В процессе работы с собранными документами отчетливо обозначился еще один аспект деятельности немецкого ученого в России, особенно не привлекавший внимание исследователей и упоминавшийся в основном по касательной, — медицинский. Д. Г. Мессершмидт, уроженец Данцига (Гданьска), учившийся медицине и естествознанию в университетах Йены и Галле и в мае 1713 г. защитивший диссертацию «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки», в соответствии со своей квалификацией — прежде всего доктор. Этому аспекту и посвящена предлагаемая работа.

Данциг — Рига — Санкт-Петербург — Москва

Как известно, даже само знакомство Д. Г. Мессершмидта с Петром I и его лейб-медиком Робертом Карловичем Арескиным (1677–1718) происходило в медицинской атмосфере⁷. Весной 1716 г. практикующий врач, основатель данцигского естественно-исторического музея Иоганн Филипп Брейне (1680–1764) наблюдал Петра во время пребывания последнего в Данциге, совещался с Арескиным, поскольку состояние здоровья царя вызывало у того опасения, и рекомендовал им своего друга и помощника Д. Г. Мессершмидта. У Петра I и его любимого врача, вознамерившихся пригласить немецкого ученого в Россию, были возможности заручиться хорошими рекомендациями в адрес Мессершмидта и убедиться в высоком уровне его образованности.

Благодаря архивным находкам проф. В. Лефельдта мы владеем ценными документальными свидетельствами жизни и трудов Мессершмидта на родине и в Петербурге. Можно со всей определенностью говорить о том, что в Данциге тот активно занимался медицинской практикой. Из-за этого, кстати, несколько сдвинулись сроки отъезда Мессершмидта в Россию. Перед выездом из Данцига в Ригу, состоявшимся 19 февраля 1718 г., он пишет к И. Ф. Брейне, что задержался по причине заботы о больном. По собственному признанию доктора, он, беспокоясь о состоянии вверенного его опыту пациента, хотел дожидаться кризиса в течении болезни, обычно происходящего на восьмой день, и немного отложил выезд⁸.

По пути в столицу в марте 1718 г. Мессершмидт познакомился в Риге с владельцем большой аптеки доктором Николаем Мартини (1678–1741) — также выпускником университета Галле. Результатом этой встречи, помимо прочего, стало рекомендательное письмо Мартини к Р. К. Арескину от 7 апреля 1718 г., в котором речь идет о неординарных научных способностях Мессершмидта⁹.

⁷ См. об этом: *Копанева Н. П.* О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г.* / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб., 2013. С. 175.

⁸ *Forschungsbibliothek Gotha. Chart. B 787. Bl. 410.*

⁹ *СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 33–34.*

Ответив согласием на высокое приглашение поступить на российскую службу и приехав в апреле 1718 г. в Петербург, Д. Г. Мессершмидт — безотносительно писаных и неписаных целей, задач и перспектив своей будущей сибирской экспедиции — стал в новой для себя стране одним из главных представителей медицинской элиты; к тому же он получал жалование из казны (500 руб. в год)¹⁰. В России в то время существовала строгая медицинская иерархия. На вершине иерархической лестницы находились доктора — специалисты, получившие высшее медицинское образование в европейских университетах. Докторам дозволялось лечить внутренние болезни. Следом за ними, рангом ниже, шли лекари (хирурги), а далее подлекари, аптекари, «алхимики», их помощники и ученики и т. п.¹¹ Приехавший из Европы доктор *volens-polens* занял ведущее место в этой «табели о рангах», а это налагало на него определенный круг обязанностей, связанных отнюдь не только с его тягой к естествознанию.

Сведения о пребывании доктора в столице (апрель 1718 — февраль 1719 г.) крайне скудны. Тем ценнее для нас письмо Мессершмидта к тому же И. Ф. Брейне, написанное 27 февраля 1719 г. — непосредственно перед отъездом из Петербурга через Новгород в Москву. Из него следует, что за десять месяцев в Петербурге Мессершмидту пришлось выполнять обязанности гофмедика. В 1718 г. он лечил придворных, а летом был вынужден отправиться с флотом в Финляндию в качестве личного врача барона Шафирова¹².

Мессершмидт, предвкушая путешествие в Тобольск для исследования достопримечательностей сибирской природы, в то же время ищет у Брейне сочувствия. С горечью говорит он о том, что, когда занимаешься изучением природы, медицинская практика очень «раздражает», однако от нее не убежать. Ссылается он при этом и на своего недавнего знакомого — доктора Мартини из Риги, в размышлениях которого обнаруживает желание предаться уединению для естественно-научных изысканий. Высокопоставленные пациенты, по словам Мессершмидта, часто требуют повторных визитов, отвлекая от размышлений «о высоком». Необходимость же быть летом на корабле, а не на суше, не позволила ученому в самое подходящее для этого время наблюдать в окрестностях Петербурга растения, что тоже огорчало его¹³.

Это письмо свидетельствует о том, что Мессершмидт по призванию — скорее натуралист, чем медик. Нельзя, однако, не отметить, что жалуется на обремененность врачебной практикой он очень осторожно — в письме к земляку, близкому человеку, которому может доверять и который понимает его с полуслова.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

¹¹ См. об этом: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 233. (Исследования по русской истории ; вып. 9).

¹² *Forschungsbibliothek Gotha. Chart. B 787. Bl. 403.*

¹³ *Ibid. Bl. 402 v. – 403.*

Вместе с тем, ожидая — уже в Москве — отправки в Сибирь в составе китайского посольства и пребывая в надежде отправиться из Тобольска далее в Китай, Д. Г. Мессершмидт в рапорте на имя архиятера Иоганна Деодата (Ивана Лаврентьевича) Блюментроста (1676–1756), датированном 26 июня 1719 г., отмечает, что хотел бы подробнее ознакомиться с китайской медициной. В особенности его интересовали китайское искусство лечения ранений в живот, заболеваний брюшной полости, а также прижигание черепного шва¹⁴. Эти слова свидетельствуют о том, что среди многих естественно-научных интересов повышение квалификации в сфере медицинской практики Мессершмидт считал для себя важным. Кстати, любопытно и достойно замечания, что библиотека Мессершмидта, в 1741 г., через шесть лет после смерти ученого, в количестве 170 единиц влившаяся в фонд Библиотеки Академии наук, в основном состояла из книг по медицине¹⁵.

ТОБОЛЬСК

Приехав в Сибирь, Д. Г. Мессершмидт в полной мере почувствовал масштаб своих медицинских обязанностей. Здесь ареал применения его познаний уже не ограничивался придворными кругами, а проник в область военной медицины. Военно-медицинская сфера в то время находилась в непосредственной связке с организацией Петром I регулярной армии, комплектовавшейся на основе рекрутской повинности, которая была введена в России на рубеже XVII–XVIII вв. Справляться с численностью регулярной армии было задачей как тех, кто проводит набор, так и тех, кто лечит и осуществляет медицинское освидетельствование. С этой задачей напрямую и столкнулся приехавший в Сибирь немецкий доктор. Решение ее осложнялось тем, что порядок и периодичность наборов на заре рекрутчины еще не были урегулированы: «Размеры повинности и сроки проведения наборов зависели от потребностей вооруженных сил и изменялись от набора к набору»¹⁶.

Мессершмидт прибыл в Тобольск в конце декабря 1719 г. и находился там больше года — до выезда в Томск (февраль 1721 г.), совершив, правда, во второй половине 1720 г. поездки вокруг Тобольска в города Исетск, Ялуторовск, Красномыск, Чаусск. Основным источником наших сведений об этом периоде является хранящийся в СПбФ АРАН «Журнал доктора Мессершмидта»¹⁷. Он в основном представляет собой служебные документы — утомительную переписку ученого-путешественника

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 5 об.

¹⁵ *Беляева И. М.* Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д. Г. Мессершмидта // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2001. С. 24.

¹⁶ *Иванов Ф. Н.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.). М., 2017. С. 27.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32 и 33.

с представителями столичной и местной власти, поскольку перспективы поехать в Китай для него исчезли¹⁸, а пребывание в Тобольске непомерно затянулось.

С просьбами о содействии в дальнейшем пути Д. Г. Мессершмидт обращался к обер-коменданту Тобольска С. П. Карпову (22 марта), к губернатору Сибири князю А. М. Черкасскому (12 апреля, 27 и 28 мая, 7 июня) и даже к самому Петру I (челобитные от 30 апреля, 16 мая и 7 июня 1720 г.). Документы «Журнала...» позволяют предположить, что путешественника как будто специально не пускали дальше: в грубой форме отнимали помощников, не предоставляли плавательные средства для перемещения по полой воде¹⁹ и т. п., игнорируя при этом и его «научные» просьбы. Рискнем предположить, что удержание Мессершмидта в Тобольске было не совсем случайным: перед нами некая отчасти спланированная акция. Князь Черкасский воспользовался вынужденной задержкой состоявшего на царской службе «иноземного доктора», а может, и намеренно задержал его, чтобы основательно привлечь к осмотру рекрутов²⁰. С 1 февраля по 20 июня 1720 г., застряв в Тобольске, Мессершмидт освидетельствовал более 150 человек и дал заключение об их годности к воинской службе.

История с освидетельствованием рекрутов выглядит так.

1 февраля 1720 г. Мессершмидт получил распоряжение тобольского ландрата В. П. Грекова с приложенным к нему реестром из 39 человек и приблизительным описанием их недугов²¹. Дело заключалось в том, что уже проведенный в рамках рекрутского набора в конце 1719 — начале 1720 г. медицинский осмотр выявил среди представителей разных податных сословий из Тобольска и его окрестностей целый ряд больных. Однако, как можно догадаться, план по набору не был выполнен. Поэтому из этих больных предполагалось по возможности отсеять годных к службе, для чего Мессершмидту было дано предписание переосвидетельствовать их, вписать заключение в присланный реестр и подать об этом в Тобольской канцелярии «доношение» губернатору Сибири Черкасскому за личной подписью.

¹⁸ См. об этом: *Копанева Н. П.* О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию. С. 180–181.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об.

²⁰ В исследовательской литературе об участии Мессершмидта в рекрутских медицинских осмотрах речь практически не идет. Даже М. Г. Новлянская, активно использовавшая для своей монографии «Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири» (Л., 1970) материалы «Журнала доктора Мессершмидта», о рекрутах даже не упоминает. Одна из немногих в этом отношении работ — статья Е. А. Ким «Томск в 1721 г. глазами иностранцев» (Человек — текст — эпоха. Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета / ред. В. П. Зиновьев, Е. Е. Дутчак. Томск, 2004. С. 74–88). В ней в связи с именем немецкого ученого перечислены представители податных сословий Сибири, подлежащие рекрутскому набору. Эта работа, основанная на материалах дневника Мессершмидта, начинающегося с 1721 г., т. е. с выезда ученого из Тобольска в Томск, посвящена именно Томску — следующей точке экспедиции.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 7–8.

Согласно реестру среди присланных были семеро «скорбных ногами» (в основном — раненые), шестеро «скорбных руками», один раненный в голову, пятеро глухонемых, у тринадцати значилась падучая, двое болели «французской болезнью», а у остальных имелись различные внутренние или глазные болезни. В основном Д. Г. Мессершмидт дал заключение: Untauglich — «негоден» (все заключения вписаны его рукой на немецком и/или латинском языке). Тем не менее при этом он сумел найти среди них порядка десяти человек (кое-кто на осмотр не явился) — если не здоровых, то, по крайней мере, не очень больных, которые при должном наблюдении могут находиться в гарнизоне.

Такой результат, когда четверть призывников, ранее признанных негодными, теперь благодаря квалифицированному переосвидетельствованию оказались в строю, видимо, обнадежил местные власти. Мессершмидту предстоял следующий сеанс осмотра, который был проведен 10 марта 1720 г. Однако на сей раз из пришедших на осмотр десяти человек (уже без предварительных диагнозов) определить кого-либо на службу не удалось²². Что характерно — двое из них, вполне здоровые, были младше 15 лет. Как нетрудно предположить, местные власти стремились добиться необходимого количества призванных за счет детей. (Подобные случаи еще будут встречаться при последующих осмотрах²³, равно как и случаи явного превышения призывного возраста: например, двое из впоследствии осмотренных — старше 64 лет²⁴.)

По поводу восьмерых больных 10 марта Мессершмидт вписал в реестр уже более подробные диагнозы, а не только общее заключение о негодности к воинской службе. Двое из них были слепы, а у троих доктор выявил паралич левой руки, причем у одного был еще и отрублен палец. Такая доля повреждений левой руки вполне может свидетельствовать и о случаях членовредительства²⁵, то есть о радикальном противодействии набору со стороны самих призываемых. Кстати, падучая, широко представленная у больных на первом осмотре, также относится к числу в принципе симулируемых болезней, требующих распознавания опытным врачом.

Частота и плотность осмотров Мессершмидтом потенциальных рекрутов стала возрастать, а затем к лету пошла на спад. 23 марта были осмотрены семь человек²⁶, 30 марта — шесть человек²⁷, 1 апреля — три человека²⁸,

²² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 8 об. – 9.

²³ Там же. Л. 11.

²⁴ Там же. Л. 15, 15 об.

²⁵ О членовредительстве как актуальной проблеме, характерной для военных действий любой эпохи, см., например: Зороастров А. В. К вопросу о симуляции с целью освобождения от военной службы // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. ССХЛШ. Июль. С. 473–475; и др.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 10–10 об.

²⁸ Там же. Л. 10 об.

4 апреля — пять человек²⁹ и 12 человек³⁰, 16 мая — 18 человек³¹, 24 мая — 25 человек³² и 18 человек³³, 31 мая — два человека³⁴, 16 июня — шесть человек³⁵, 20 июня — один человек³⁶. Такая динамика, возможно, коррелирует со сроками и планами самого рекрутского набора 1720 г. в Сибирской губернии. Может быть, однако, дело здесь и в транспортном сообщении: больные порой прибывали из весьма отдаленных населенных пунктов. Диагнозы, которые доктор вписывал в присылаемые реестры, становились все подробнее. Тем не менее после самого первого, довольно удачного для властей, осуществлявших рекрутский набор, осмотра в дальнейшем многочисленные освидетельствованные Д. Г. Мессершмидтом больные оказались на 100% негодными к службе.

Что характерно, если первые два реестра от 1 февраля и 10 марта сопровождались довольно подробным «предисловием» ландрата Грекова, который обстоятельно разъяснял суть проблемы, то третий (23 марта) уже крайне лаконичен во вступительной части: «Роспись присланным из Томска рекрутом, которых надлежит осмотреть доктору Данилу Готлиб Мессершмитту. А по осмотру, какия у них болезни являца и в службу годны будут ли, под именами их подписывать»³⁷. Осмотры к тому моменту стали для Мессершмидта делом привычным, и местные власти уже позволяли себе отдавать немецкому доктору распоряжения без лишних церемоний.

Характер выявленных или подтвержденных Мессершмидтом болезней отличается большим разнообразием. Больше всего здесь травм и ран конечностей и головы. Некоторые из них произошли вследствие несчастных случаев (укус собаки³⁸, падение с лошади³⁹, не очень удачное сражение с медведем⁴⁰); есть переломы, вывихи; многочисленны и разнообразны повреждения левой руки (речь об этом уже шла выше). Достаточно часто встречается падучая. Нередки язвы, нарывы, опухоли — в том числе Мессершмидт выявил два случая рака (Krebs)⁴¹. Многочисленны глазные болезни (в том числе бельмо, слепота, отсутствие глаза), заболевания ушей (как глухота, так и внутренние воспаления). Без предварительного диагноза Мессершмидт в нескольких случаях диагностировал цингу (Scorbut)⁴²: возможно, те, кто проводил предыдущий осмотр, не были знакомы с этой

²⁹ Там же. Л. 10 об. – 11.

³⁰ Там же. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 14–14 об.

³² Там же. Л. 14 об. – 15 об.

³³ Там же. Л. 15 об. – 16.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 19 об.

³⁶ Там же. Л. 20.

³⁷ Там же. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 15 об.

³⁹ Там же. Л. 14 об.

⁴⁰ Там же. Л. 11.

⁴¹ Там же. Л. 10, 15 об.

⁴² Там же. Л. 14, 15, 15 об.

болезнью, вызываемой острым дефицитом витамина С, и ее симптомами (так, согласно предыдущему осмотру, у одного из больных цингой «болит в роте»⁴³). Обнаружено было также несколько случаев чахотки, в том числе безнадежной⁴⁴, геморроя — «чечюнной болезни»⁴⁵. Часто среди диагнозов звучит запущенная грыжа: по предварительным данным, у одного из больных «высыпаютца черева»⁴⁶, а несколькими другим дана характеристика: «киловат»⁴⁷ (это краткое прилагательное от «кила» — грыжа). Встречается слабоумие (например, один из осмотренных во время предыдущей проверки «сказал, находил на него неум»⁴⁸, что и подтвердил Д. Г. Мессершмидт). Есть несколько случаев внутренних болезней, в том числе урологических⁴⁹. Нередки венерические заболевания, выявленные и на предыдущих осмотрах (можно предположить, что диагностика этого рода заболеваний была под силу местным медикам). Так, несколько человек пришли на осмотр «во фрянках»⁵⁰, то есть были больны «французской болезнью» — сифилисом. (Попутно отметим, что рассматриваемые документы представляют собой не только исторический, но и интереснейший лингвистический источник с точки зрения названия болезней и их симптомов, а также с точки зрения ономастики: перед нами 150 имен и фамилий призывников⁵¹, не говоря уже о грамматических особенностях текста.)

Любопытно отметить, что в целом ряде случаев, чтобы разобраться в недугах осматриваемых, с ними приходилось разговаривать. Например, вряд ли можно было иначе, нежели со слов больного, узнать продолжительность тех или иных симптомов (тот самый слабоумный призывник, по его собственным словам, поврежден умом с трех лет — “mit 3. Jahren”⁵²) или прояснить факты побоев⁵³, а то и пыток⁵⁴. Мессершмидт, видимо, общался с такими больными с помощью переводчика.

Судя по плотности проводимых Мессершмидтом медицинских осмотров, в столице Сибири не было врача такой квалификации и такого статуса. Частные лазарет и аптека, организованные в Тобольске при школе пленных шведов в 1717 г., а также государственные аптеки и лекари, появившиеся в 1719 г.⁵⁵, вряд ли были в состоянии справиться с масштабами этой задачи. Так, например, список осмотра 16 мая, когда перед Мессершмидтом

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Л. 17.

⁴⁶ Там же. Л. 15 об.

⁴⁷ Там же. Л. 15, 15 об.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Л. 14, 15, 19 об.

⁵¹ Автор благодарит акад. Н. Н. Казанского, обратившего внимание на этот момент.

⁵² Там же. Л. 14.

⁵³ Там же. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Л. 19 об.

⁵⁵ См. об этом: *Черказьянова И. В.* Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: Российско-германский диалог. СПб., 2001. С. 164–165.

прошли 18 человек из окрестностей Тобольска, интересен тем, что в нем даны не столько предварительные диагнозы, сколько дилетантское описание симптомов болезней, которые немецкому доктору вменялось верифицировать. Эти сведения таковы, что в полной мере характеризуют уровень медицинской подготовки тех, кто проводил предыдущий осмотр («болен животом», «болен левою ногою», «болен правою ногою»⁵⁶).

С другой стороны, местным властям непременно нужно было по возможности «добрать» рекрутов из больных и негодных, чтобы выполнить нормативы по набору в еще не устоявшихся условиях. Положение чиновника, не справляющегося с рекрутским набором, равно как и со сбором налогов, было весьма шатким. Тем более что после опалы в 1719 г. первого губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, который вскоре, в 1721 г., будет казнен в Петербурге за злоупотребления властью, А. М. Черкасский только начал делать первые шаги на губернаторском посту. Поэтому немецкого доктора с охотой эксплуатировали в деле освидетельствования рекрутов.

В ходе осмотров Д. Г. Мессершмидту, видимо, предписывалось выявлять симулянтов. Однако, скорее, с другой стороны, он обнаружил те случаи, когда в рекруты пытались сбить больных, увечных или не подходящих по возрасту, ведь рекрутский набор, особенно дополнительный, — это всегда урон привычному укладу жизни, болезненное изъятие рабочей силы⁵⁷. Мессершмидт, таким образом, поспособствовал не столько набору, сколько тому, что на службу не попали негодные по состоянию здоровья.

В ходе проведенных осмотров немецкому доктору удалось также хорошо изучить и представить себе состояние здоровья мужского населения Сибири. Весьма любопытен один документ — частное письмо Мессершмидта в Москву к аптекарю Христиану Брейтигаму от 2 января 1721 г. (т. е. незадолго до его отъезда из Тобольска в Томск). В это письмо включен список лекарств, которые адресант просит ему прислать, поскольку считает их для сибирских странствий необходимыми⁵⁸. Среди них: слабительные, желудочные, противовоспалительные средства, антидоты, средства от обмороков, а также три самых распространенных тогда лекарства от сифилиса. Судя по всему, с болезнями, от которых помогают эти лекарства, ему не раз приходилось сталкиваться, и не только при переосвидетельствовании рекрутов. Как можно предположить, медицинская практика Мессершмидта в Сибири была шире медицинских осмотров. А может быть, осмотренным доктором рекрутам предстояло какое-то лечение.

Что характерно, ни в одном обращении к местным или центральным властям, которых Мессершмидт за время пребывания в Тобольске отправил немало, жалуясь на задержки в пути, он не говорит ни слова жалоб по поводу необходимости освидетельствования рекрутов, без всякого сомнения, отнимавшего у него массу времени и сил — и физических, и моральных.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 14, 14 об.

⁵⁷ См., напр.: *Иванов Ф. Н.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.). М., 2017. С. 21.

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 127 об. – 128.

Таким образом, немецкий естествоиспытатель и медик Д. Г. Мессершмидт, приехавший в Россию с целью отправиться в научную экспедицию в Сибирь и отправившийся в нее, уже на первом этапе своего путешествия вынужден был исполнять разные медицинские обязанности, особенно в Тобольске. Практически во всех рассмотренных нами документах он именуется не иначе как «доктор Мессершмидт». Сам он, судя по некоторым его эпистолярным ремаркам, считал себя естествоиспытателем по призванию и уже потом медиком. Для властей, напротив, как можно полагать на основании архивных материалов, он был, прежде всего, квалифицированным медиком, состоявшим на государственной службе. При этом история распорядилась так, что в этой роли он практически неизвестен. Так, например, Я. А. Чистович в собранном им Алфавитном списке докторов медицины, практиковавших в России в XVIII столетии, изданном в качестве приложения к его фундаментальному труду «История первых медицинских школ в России» (СПб., 1883), имени Мессершмидта даже не упоминает.

Пребывание Мессершмидта в столице Сибири совпало с необходимостью дополнительного освидетельствования больных и негодных к службе рекрутов, а может, этой необходимостью отчасти и объяснялась задержка доктора в Тобольске. Если же посмотреть шире, то медицинская деятельность доктора Мессершмидта в ходе его научной экспедиции — это один из убедительных примеров соединения прикладного и фундаментального знания, обозначившегося еще до основания в России Академии наук.

*В. Лефельдт
Гёттинген*

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ И ГЁТТИНГЕН В XVIII В.*

Автор рассказывает о рукописи XVII в., содержащей «историю монголов и татар на восточнотюркском языке», которая была приобретена Д. Г. Мессершмидтом во время своего пребывания в Саянском остроге на Енисее. В настоящее время она хранится в отделении рукописей Университетской библиотеки Гёттингена. Эта рукопись, изданная в 1778 г., явилась первой публикацией документов, собранных в ходе экспедиции Мессершмидта в Сибирь.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, экспедиция в Сибирь, Гёттингенский университет, рукопись.

*W. Lehfeldt
Göttingen*

D. G. MESSERSCHMIDT AND GÖTTINGEN IN THE 18TH CENTURY

The author tells about a 17th century manuscript containing “the history of the Mongols and Tatars in the Eastern Turkic language”, which was acquired by D. G. Messerschmidt during his stay in the Sayan stockaded town on the Yenisei. Nowadays it is stored in the Department of manuscripts of the University library of Göttingen. This manuscript, published in 1778, became the first edition of documents, collected during Messerschmidt’s expedition to Siberia.

Key words: D. G. Messerschmidt, expedition to Siberia, University of Göttingen, manuscript.

Как известно, при жизни Д. Г. Мессершмидта только одна-единственная его научная работа была напечатана, а именно его медицинская диссертация «De ratione præside universæ medicinæ» («О разуме как главенствующем начале всей медицины»), которая вышла из печати в Галле в 1713 г. Что касается научных результатов предпринятой Д. Г. Мессершмидтом многолетней экспедиции по Сибири, то почти весь огромный массив относящихся к ней документов до 1962 г., т. е. до выхода первого тома издания дневника

---

* Доклад представлен 20 сентября 2019 г. в Тобольске на «Стеллеровских чтениях», организованных Тюменским государственным университетом.

путешественника, остался неопубликованным, несмотря на то, что главный плод экспедиции, энциклопедическое сочинение «Sibiria Perlustrata», уже самим автором был тщательно подготовлен к печати.

Стоит обратить внимание на то, что не весь массив экспедиционных документов Д. Г. Мессершмидта остался неопубликованным, а «только» почти весь массив. Иными словами, «кое-что» из этого массива все-таки было опубликовано уже до 1962 г. На самом деле так и было, и мне как жителю города Гёттингена очень и очень приятно, что эта первая публикация непосредственно связана с «моим» городом.

С чем мы конкретно имеем дело? В отделении рукописей гёттингенской университетской библиотеки под шифром «8° Turc. 22 (orient. 163)» хранится рукопись из 282 страниц. По данным каталога, эта рукопись содержит «историю монголов и татар на восточнотюркском языке» автора «Aboul-Ghâzi Behâdoug Khan», который начал работать над ней в августе 1663 г. Работа была закончена его сыном.

На странице 283, в самом конце рукописи, мы читаем следующую приписку рукой Мессершмидта: «Daniel Gottlieb Messerschmidt, D. Omai-Turæ Excubiis ad Jenizeam, d. Sept. A. 1721. mppâ». Из этой приписки вытекает, что Мессершмидт приобрел рукопись во время своего пребывания в пограничной крепости «D. Omai-Turæ» у реки Енисей. Русское соответствие татарского названия «Omai-Turæ» — «Саянский острог». Саянский острог был оборонительным сооружением, построенным в 1717–1718 гг. отрядом из 300 казаков на правом берегу Енисея, у подножия Саян. Он служил для защиты русских владений от вторжений монголов, принявших подданство Китая.

Уже лакуна в обозначении числа, т. е. неуказание дня, свидетельствует о том, что Мессершмидт, по всей вероятности, сформулировал и написал свою приписку не непосредственно в день приобретения рукописи, а позже, т. е. по памяти. Это «подозрение» подкрепляется, если бросить взгляд в дневник путешественника. Там мы читаем, что Мессершмидт пересек Енисей и достиг Саянского острога поздним вечером 11 сентября не 1721-го, а 1722 г. Там он провел только одну ночь и уже после обеда следующего дня покинул острог. К сожалению, в своих дневниковых записях он ни словом не упоминает интересующую нас рукопись.

На самой первой странице гёттингенской рукописи указано: «Erkauft A° 1778», т. е. рукопись в 1778 году была куплена из наследия Мессершмидта.

В связи с интересующим нас вопросом о первой публикации документов из массива научных результатов сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта важен следующий факт: на первой и на второй страницах 12-го тома «Исторического журнала, от членов Королевского исторического института в Гёттингене» от 1778 г. («Historisches Journal, von Mitgliedern des Königlich historischen Instituts zu Göttingen») помещено предисловие издателя журнала Иоганна Кристофа Гаттерера. В нем Гаттерер сообщает, что «некоторое время назад родословие монгольских ханов автора Абулгази Багадур-хана в тюркском оригинале пришло в гёттингенскую

университетскую библиотеку. <...> Оно принадлежало покойному Даниэлю Готлибу Мессершмидту, или, как он называет себя, Mechaerogoeus, доктору медицины, так как он сам в конце приписал свою фамилию, вместе с местом и временем своего пребывания. <...> По случаю этого господину надворному советнику Гейне [т. е. главному библиотекарю] был прислан немецкий перевод сего сочинения, автором которого является как раз доктор Мессершмидт. До сих пор Абулгази нам известен только из французского перевода, который оказался весьма ненадежным. Поэтому господин надворный советник Гейне полагал, что изданием сего перевода в печати сделает одолжение любителям истории». Итак, начиная со страницы 3 до страницы 148 мы читаем родословие монгольских ханов автора Абулгази Багадур-хана, «из тюркской рукописи переведено на немецкий язык покойным доктором Мессершмидом» («Aus einer Türkischen Handschrift ins Teutsche übersetzt vom sel. D. Messerschmid. [sic]»).

Итак, гёттингенская публикация немецкого перевода родословия монгольских ханов Абулгази Багадур-хана представляет собой первую публикацию вообще из массива документов, относящихся к сибирской экспедиции ученого. Эту констатацию надо модифицировать следующей оговоркой. В предисловии Гаттерер пишет: «Ввиду того, что переводчик жил в то время, когда наш немецкий язык был целиком наводнен чужими словами и повествовательный слог был изменен самым низким языком, то прилагалось старание к тому, чтобы устранить самые заметные выражения сего рода, не изменяя смысла». Признаюсь, эта оговорка в моих глазах является странной, что касается употребления «самого низкого языка» в переводе Д. Г. Мессершмидта. Я читал очень много немецких текстов ученого и нигде не наталкивался на признаки «самого низкого языка». Было бы интересно сравнить оригинальный рукописный текст перевода с опубликованной версией.

К своему предисловию Гаттерер добавил заметку, которая интересна тем, что она свидетельствует о степени «туманности» представлений о Д. Г. Мессершмидте и о его экспедиции в XVIII в.: «Вероятно, об этом человеке можно найти еще кое-какие сведения. В полемическом сочинении Линнея “*Planta cimicifuga*” 1774 г. приводится, что он Петром I был послан в Сибирь, чтобы отыскать растения, и что он умер в дороге. Его работы хранятся при императорской академии».

Указанная «туманность» представлений о Мессершмидте и о его экспедиции тем более удивительна, что именно в Гёттингене уже почти три десятилетия до выхода перевода родословия монгольских ханов, в 1751 г., в знаменитом и существующем до сего дня гёттингенском издательстве Vandenhoeck было опубликовано знаменитое четырехтомное сочинение «Путешествие по Сибири, с 1733 г. по 1743 г.» Иоганна Георга Гмелина. В связи с нашей темой это сочинение достойно упоминания потому, что в нем мы находим замечательную оценку Мессершмидта и предпринятой им экспедиции по Сибири. В предисловии Гмелин пишет: «Правда, уже в 1719 г. ученый данцигский медик Даниэль Готлиб Мессершмидт

был послан в Сибирь для исследования естественной истории, и он вернулся оттуда только в начале 1727 г., и приходится отдать сему человеку надлежащую похвалу, что он в течение своего путешествия был чрезвычайно трудолюбив и в довольной мере показал свое искусство не только во всех областях естественной истории, а также при исследовании древностей, даже при вымеривании высот полюса. Но он был вынужден делать все один, без самого простого подручного, вынужден был сам чертить рисунки, все один переписать, причем он неизбежно был вынужден упустить многое, что он, правдоподобно, при наличии большего числа вспомогательных средств охотно бы сделал. Помимо этого, среди них [т. е. среди письменных материалов Мессершмидта] находились некоторые важные описания, на надежность которых охотно хотелось бы полагаться большим числом свидетелей».

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что как раз в Гёттингене XVIII в. был сделан первый, хотя и скромный шаг к публикации и тем самым к открытию научного наследия Д. Г. Мессершмидта и что благодаря не в последнюю очередь похвальному упоминанию путешественника в знаменитом сочинении И. Г. Гмелина имя и достижения первого «крупного» исследователя Сибири стали известными более широкой европейской публике.

Я как убежденный приверженец философии Артура Шопенгауэра, по которой в мире как представлении нет места для случайности, уверен в том, что мое участие в подготовке тома с документами, относящимися к первому этапу экспедиции Д. Г. Мессершмидта по Сибири, не представляет собой случайности, а является неизбежным продолжением традиции, заложенной в «моем» городе 240 лет тому назад.

P. S. Через год после своего выступления в Тобольске я установил, что гёттингенская публикация все-таки не представляет собой самой первой публикации вообще из массива документов, относящихся к сибирской экспедиции ученого. Самая первая публикация, описание костей мамонта, найденных в Восточной Сибири, вышла уже через два года после смерти Д. Г. Мессершмидта в лондонском журнале «Philosophical Transactions». О довольно сложной истории этой публикации я расскажу в биографии ученого-путешественника, работа над которой приближается к концу.

Н. Н. Казанский
Санкт-Петербург

К ИЗУЧЕНИЮ ЛАТИНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Заметка посвящена четырем латинским стихотворениям Д. Г. Мессершмидта, подготовленным автором к печати.

Ключевые слова: латинская поэзия XVIII в., Даниэль Готлиб Мессершмидт, Иоганн Филипп Брейне (Брейне).

N. N. Kazansky
St. Petersburg

TO THE STUDY OF THE LATIN EPIGRAMS
BY D. G. MESSERSCHMIDT

The article brings together information on four recently published epigrams written by D. G. Messerschmidt in Latin, introducing new perspectives into the study of his oeuvre. The first two epigrams are dedicated to J. Ph. Breyne. One is a verse inscription to Breyne's portrait and was probably sent to him from Saint Petersburg following Messerschmidt's return from Siberia, i. e. between 1727 and 1735 (Forschungsbibliothek Gotha). It is very likely that the inscription was meant to accompany the engraving a copy of which is preserved at Staatliche Kunstsammlungen Dresden and may be seen on the website of Deutsche Fotothek Dresden. S. S. Orekhov has suggested that P. G. Busch's engraving of Jacob Breyne with the Messerschmidt's elegiac inscription might render the portrait drawn by the same unknown master (Deutsche Fotothek Dresden). Johann Philipp Breyne's own portrait remained unpublished.

The second poem is a dedication in an album that was preserved in J. Ph. Breyne's museum in Gdansk and currently is in the Forschungsbibliothek Gotha and is dated November 1716. The poem is untitled (the fact that is also emphasized in the text), but introduced by an epigraph in Old Hebrew that has been extensively commented upon by Cyrill von Buettner (Bitner). Both poems, however, reflect Messerschmidt's general erudition and character, as well as his enthusiastic admiration for J. Ph. Breyne as a senior colleague in scientific and medical studies.

The third epigram written in Messerschmidt's diary on March 4, 1725 during his Siberian expedition shares common motifs with Mart. VI 86. Messerschmidt probably described an actual ethnographic situation at the celebration of someone's birthday in Kutul-Nor (in the Chita region), where he was present as a guest.

The last epigram *In права Russorum quod prava pronuntiant* gives us some insight into Messerschmidt's acquaintance with the Russian idiom. The *pointe* of the epigram shows that he combined three Russian homonyms, opposing them to Latin *prava*: adj. f. sg. *права(я)*, adv. *право*, and substantive *право*. This is a valuable testimony on the pronunciation of the time, as the wordplay could only be possible, if *o* : *a* non-distinction (so called *akanje*) was largely spread in Russia.

Key words: Latin poetry of the eighteenth century, Daniel Gottlieb Messerschmidt, Johann Philipp Breyne.

В докладе на Международной научной конференции «Миллеровские чтения — 2020: Преимущество и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» мною был представлен разбор двух стихотворений Даниэля Готлиба Мессершмидта, посвященных Иоганну Филиппу Брейну (Брейне; 1680–1764)¹. В данной заметке перечисляются четыре латинских стихотворения, снабженные комментарием и подготовленные к изданию, причем два из них публикуются впервые.

Так, было опубликовано одно из стихотворений Д. Г. Мессершмидта, написанное им во время сибирской экспедиции². Анализ дневниковой записи и текста эпиграммы позволил высказать предположение, что Д. Г. Мессершмидт описал на латинском языке реальную этнографическую ситуацию на праздновании какого-то дня рождения в Кутул-Норе (Читинская область), где он присутствовал в качестве одного из гостей³.

Кроме того, были подготовлены к комментированному изданию два латинских посвящения Даниэля Готлиба Мессершмидта Иоганну Филиппу Брейну (Брейне), сохранившиеся среди бумаг последнего и любезно предоставленные для публикации профессором Вернером Лефельдом. Первая⁴ представляет собой стихотворную подпись к портрету самого Иоганна Филиппа Брейне и была, скорее всего, отправлена Д. Г. Мессершмидтом из Петербурга уже после возвращения из Сибири, то есть между 1727-м и 1735 г. Правдоподобно, что подпись предназначалась для гравюры, один из экземпляров которой хранится в *Staatliche Kunstsammlungen Dresden*⁵ и представлен на сайте *Deutsche Fotothek Dresden*⁶. Не исключено, что Иоганн Филипп Брейне послал в Петербург и портрет отца, и свой собственный (оба — работы неизвестного мастера) и что к обеим гравюрам

¹ Казанский Н. Н. Два латинских посвящения Даниэля Готлиба Мессершмидта Иоганну Филиппу Брейну (1680–1764) // *Philologia classica*. 2020. № 2 (в печати).

² Текст этой эпиграммы, сохранившийся в дневнике 1725 г. (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 41–41 об.), мне любезно предоставила Л. Д. Бондарь.

³ Казанский Н. Н. Даниэль Готлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача (эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу) // *Ното omnium horarum* : сборник статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. М., 2020. С. 262–271.

⁴ *Forschungsbibliothek Gotha*. Chart. A 792. F. 28 г.

⁵ SKD, Kupferstich-Kabinett, Signatur/Inventar-Nr.: Anon 1, Singer 3769/9920.

⁶ Archiv-Nr 169051.

Д. Г. Мессершмидт сделал стихотворные подписи. В 1739 г. был опубликован элегический дистих Д. Г. Мессершмидта, включенный в обрамление портрета Якоба Брейна работы знаменитого гравера Г. П. Буша. Как предположил С. С. Орехов, гравюра Г. П. Буша восходит к работе того же неизвестного мастера⁷. Портрет Иоганна Филиппа не публиковался.

Второе стихотворение представляет собой запись в альбом, хранящийся в Музее Иоганна Филиппа Брейна в Гданьске⁸, и датировано ноябрем 1716 г. Это стихотворение не имеет заголовка, что подчеркнуто в самом тексте, но предваряется древнееврейским эпиграфом, написанным самим Д. Г. Мессершмидтом. Подробный комментарий к древнееврейскому тексту сделал К. А. Битнер, отметивший ряд лингвистических особенностей (сефардское произношение, которому следовал автор, и ряд ошибочных написаний). Оба стихотворения характеризуют общую образованность и душевный склад Д. Г. Мессершмидта, а также его восторженную преданность И. Ф. Брейну как старшему коллеге по научным и медицинским занятиям.

Отдельный комментарий и разбор эпиграммы «*In права Russoꝝ quod **prava** pronuntiant*» планируется к публикации в номере «Вестника Санкт-Петербургского университета», посвященном памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой⁹, поскольку текст Д. Г. Мессершмидта сохранил для нас особенности русской речи XVIII в.

Текст этой эпиграммы¹⁰ Д. Г. Мессершмидт послал своему старшему коллеге Иоганну Филиппу Брейну в Гданьск на обороте листа¹¹, содержащего стихотворную подпись к портрету адресата. В эпиграмме автор обыгрывает русское слово [pɾáva], которое он, как можно думать, неоднократно слышал во время предпринятого по поручению Петра I путешествия через всю Россию и Сибирь. Слово [pɾáva] Д. Г. Мессершмидт узнал из устной речи, что свидетельствует об акающем произношении тех, с кем он общался. В статье предпринята попытка реконструировать контексты, из которых Д. Г. Мессершмидт мог извлечь общее значение русского [pɾáva], почти антонимичное латинской форме женского рода *prava* — «искривленная, уродливая», и разбираются многочисленные примеры из русской литературы XVIII в., показывающие, из каких употреблений Д. Г. Мессершмидт мог вывести (или, скорее, сконструировать) значение русского слова [pɾáva]. Автор эпиграммы, как представляется, не различал омонимичные

⁷ Deutsche Fotothek Dresden. Archiv-Nr 169050.

⁸ Forschungsbibliothek Gotha. Chart. B 1002.

⁹ Казанский Н. Н. Орфоэпия, орфография и филология (эпиграмма Даниэля Готлиба Мессершмидта “*In права Russoꝝ quod **prava** pronuntiant*”) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. № 4 (в печати).

¹⁰ Опубликовано как документ № 106 *Стихотворение-экспромт Д. Г. Мессершмидта о русском слове «право»*. См.: Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 278. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 7).

¹¹ Forschungsbibliothek Gotha. Chart. A 792. F. 28 v.

формы: прилагательное ж. р. *права(я)*, наречие *право*, существительное *право*. Записей русской устной речи петровского периода немного, поэтому запись Д. Г. Мессершмидта может рассматриваться как своего рода «полевой материал».

Эти тексты Д. Г. Мессершмидта необходимо исследовать в рамках общеевропейской традиции использования латинского языка как языка ученого международного общения. Не менее важно иметь в виду и непосредственное влияние латинской поэзии на русскую культуру XVIII в. Латинские тексты, созданные в России, изучены в настоящее время недостаточно, хотя имеются важные наблюдения над латинским языком М. В. Ломоносова¹², изучается терминология латинских риторик¹³, по которым шло обучение в семинариях, открытых по распоряжению Петра I при всех епископских кафедрах; отдельные исследования посвящены изучению латинской поэзии епископа Моисея (Михаила Гумилевского)¹⁴ и др.

Представляется, что в какой-то момент перед отечественной филологией встанет задача по составлению словаря к латинским произведениям, созданным в России¹⁵. В такой словарь резонно будет включить и произведения посетивших Россию иностранцев. Среди этих материалов, по моему убеждению, должны найти свое место и латинские стихотворения Даниэля Готлиба Мессершмидта.

¹² Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов : сб. статей и материалов. № 4. М. ; Л., 1960. С. 206–218. (= Боровский Я. М. Opera philologica / изд. подг. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурна. СПб., 2009. С. 316–326.)

¹³ Курилова А. Д. 1) Российские рукописные риторические руководства XVIII в. на латинском языке о качествах красноречия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. XVIII. С. 558–564; 2) Расположение ораторской речи в трактовке российских рукописных риторик XVIII в. на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. XIX. С. 544–549; 3) Дидактические аспекты преподавания риторики в России XVIII в. (на материале рукописных руководств на латинском языке) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. XX (1). С. 552–558.

¹⁴ Беликов А. Е. 1) Из истории новолатинской поэзии в России: Епископ Моисей (Михаил Гумилевский) и его opuscula minora // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2009. Т. XIII. С. 34–44; 2) К истории новолатинской поэзии в России (вторая половина XVIII в.): Эпистола Михаила Гумилевского // Ломоносовский сборник / под ред. Д. П. Ивинского, Е. И. Кисловой. М., 2011. С. 57–75; 3) Ода Г. А. Потемкину студента философии Михаила Гумилевского // Чтения отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2018. Т. 8 : Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века. С. 279–288.

¹⁵ Подобные словари существуют, ср., например: Lexicon mediae et infimae latinitatis Polonorum. Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. Wrocław, 1953–.

*И. В. Тункина
Санкт-Петербург*

К БИОГРАФИИ КАРЛА ГУСТАВА ШУЛЬМАНА*

В статье реконструируется биография рисовальщика экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1 марта 1721 — 28 мая 1722) Карла Густава фон Шульмана (1702–1765). Он родился в дворянской семье шведских военных в Нарве, захваченной в плен русскими войсками в Выборге в 1710 г. Вместе с семьей Шульман был выслан в Тобольск, где учился в школе капитана К. Ф. фон Врееха. В школе преподавал Ф. И. Табберт (фон Страленберг), слугой которого стал фон Шульман. Д. Г. Мессершмидт добился у русских властей прикомандирования в состав своей экспедиции Ф. И. Табберта и К. Г. фон Шульмана, которых ученый содержал за свой счет. После возвращения из Сибири К. Г. фон Шульман путешествовал по Германии и другим странам Европы, занимался химией и алхимией, затем поселился в Лифляндии и Эстляндии, где имел несколько имений.

Ключевые слова: К. Г. фон Шульман, биография, экспедиция Д. Г. Мессершмидта.

*I. V. Tunkina
St. Petersburg*

TO THE BIOGRAPHY OF KARL GUSTAV SCHULMANN

The article reconstructs the biography of Karl Gustav von Schulmann (1702–1765), who participated in D. G. Messerschmidt's expedition (March 1, 1721 — May 28, 1722) as a draftsman. He was born in a noble Swedish military family in Narva, captured by Russian troops in Vyborg in 1710. Along with the family Schulmann was exiled to Tobolsk, where he studied at the school of Captain C. F. von Wreech. In this school Ph. J. Tabbert (von Strahlenberg) was one of the teachers and von Schulmann became his servant. D. G. Messerschmidt obtained from the Russian authorities the secondment of Ph. J. Tabbert and K. G. von Schulmann to his expedition. The scientist paid their salaries at his own expense. After returning from Siberia, K. G. von Schulmann travelled to Germany and other European countries, studied chemistry and alchemy, and later settled in Livonia and Estonia, where he had several estates.

Key words: K. G. von Schulmann, biography, D. G. Messerschmidt's expedition.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-01-42006.

В литературе об экспедиции Д. Г. Мессершмидта нередко встречается ошибочное утверждение, что сопровождавший ученого рисовальщик К. Г. Шульман являлся племянником Ф. И. Табберта (фон Страленберга). Его источником является первый том дневника экспедиции Д. Г. Мессершмидта, который вел Ф. И. Табберт (фон Страленберг). В именном указателе к пяти томам изданных в ГДР дневников К. Г. Шульман упомянут в первом томе 19 раз¹, но только дважды он назван племянником Табберта-Страленберга, причем не немецким словом *Neffe*, а явно шутовым прозвищем по-русски, приведенным латинской транскрипцией — *plemjannik*². В именном указателе к первому тому он обозначен составителями как *Neffe Tabberts*³, что инициировало ошибочный историографический штамп о кровном родстве Табберта с Шульманом (дядя — племянник). Родители Табберта имели 11 детей, в том числе трех сыновей⁴. Ф. И. фон Страленберг никогда не был женат, соответственно, племянник с другой фамилией мог быть только сыном кого-то из сестер Страленберга, но фамилию Шульман никто из них не носил. На это обстоятельство обратили мое внимание Наташа и Джон Линд (Копенгаген), дав импульс настоящему исследованию.

Литература о К. Г. фон Шульмане очень скудна. В «Балтийском биографическом словаре» он назван рисовальщиком и изобретателем⁵, при этом в известных справочниках ученых, писателей и художников Прибалтики его имя отсутствует⁶. Балтийско-немецкие биографические справочники и генеалогические лексиконы дают однозначную информацию о принадлежности К. Г. фон Шульмана к старинному дворянскому роду, известному в современных Финляндии, Швеции и Прибалтике с конца XV в. По семейным легендам, род восходит к выходцам из Прусской Голландии — в начале XIII в. датский вассал Данаис Шольман прибыл в Эстляндию и участвовал в завоевательных войнах, получив за это землю⁷.

¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1977. Tl. 5 : Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: Hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 8, 5).*

² *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 214, 218.*

³ *Ibid.* S. 345.

⁴ *Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири / отв. ред. М. И. Белов. М. ; Л., 1966. С. 26.*

⁵ URL: <https://www.bbl-digital.de/seite/704> (дата обращения: 18.10.2020).

⁶ *Recke J. Fr. von, Napiersky K. E., Beise Th. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. 4 Bd. Mitau, 1832. Bd. 4 : S–Z; Neumann W. Lexikon baltischer Künstler. Riga, 1908.*

⁷ *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Görlitz, 1930. S. 258–276; Essen N. von. Genealogisches Handbuch der Oeselschen Ritterschaft. Hannover ; Döhren, 1971. S. 789. См. современные генеалогические споры о роде Шульманов: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Schulman_nr_176 (дата обращения: 18.10.2020).*

Карл Густав фон Шульман (*Karl Gustav von Schulmann*, в документах *Schulman*) был сыном шведского подполковника Иоахима Николауса (по-шведски Иоакима Никласа) фон Шульмана (*Joachim Nicolaus (Joakim Niklas) von Schulmann*; 1669–1734) и дочери подполковника Анны Элизабеты, урожденной фон Кнорринг (*Anna Elisabeth, geb. v. Knorring*; 1672–1718). Его отец, по одним данным, родился в Нарве, по другим — был выходцем из местечка Калакс на западном побережье Финляндии, севернее Турку⁸. Мать родилась в усадьбе Тервалампи, Вихти, Финляндия (*Tervalampi Manor, Vihti, Finland*⁹).

Карл Густав родился в 1702 г. в Нарве в шведской Эстонии, или Эстляндии (современная Эстония, уезд Ида-Вирумаа, *Ida-Virumaa*)¹⁰. В ходе Северной войны 9/20 августа 1704 г. Нарва была взята русскими войсками и вошла в состав России. Видимо, семья успела покинуть город и перебраться в Финляндию, тогда входившую в состав Швеции, и осела в Выборге по месту службы отца в шведском гарнизоне.

У Карла Густава было две сестры: Ловиса (29.08.1713–1792), родившаяся в тобольской ссылке, около 1730 г. она вышла замуж в Финляндии и стала носить фамилию мужа, майора шведской армии, служившего в Финляндии, Брузин (*Brusin*); Анна Урсула, в замужестве фон Рор (*von Rohr*), а также брат Фридрих Иоганн, служивший в датских войсках в чине лейтенанта¹¹. Даты и места рождения двух последних сестры и брата неизвестны.

После осады Выборга русскими войсками в ходе Северной войны в 1710 г. крепость была сдана. Ввиду «различных оскорбительных действий» шведских властей в отношении России и русских подданных (оскорбление русского флага, конфискация имущества русских купцов, арест в Стокгольме русского резидента князя А. Я. Хилкова, неисполнение условий о размене генералов и облегчении участи русских пленных и др.) Петр Первый в пику шведскому правительству объявил весь капитулировавший гарнизон плененым. Исключение составили раненые и больные офицеры и рядовые, вдовы

Линия Шульманов в Швеции, зарегистрированная как дворянская в 1634 г. (№ 176), к настоящему времени угасла и вновь возродилась после переезда одного из представителей «незрелой» финской ветви в Швецию (1912). Последний в 1917 г. получил разрешение вновь войти в права вымершего шведского дворянского рода Шульман в шведском риддархусете (дворянском собрании). Одна ветвь рода в 1818 г. перебралась в Финляндию и сегодня записана в «Справочник дворянских родов Финляндии» (№ 13). В Эстонии род восходит к рыцарству со «времен воинского искусства» (1746) под № 50, на о. Сааремаа под № 82. В Лифляндии (Ливонии) род (№ 51) числился под рыцарством Озеля. Существует Общество Шульманов, которое проводит периодические встречи членов в Финляндии и других странах. См. генеалогические изыскания представителей рода, живущих в России: <https://bars-of-cage.livejournal.com/659668.html> (дата обращения: 12.10.2020).

⁸ URL: <https://www.bbl-digital.de/seite/704> (дата обращения: 18.10.2020).

⁹ URL: <https://www.geni.com/people/Anna-Elisabeth-Knorring/6000000003291208100> (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁰ URL: <https://www.geni.com/people/Jo%D1%81him-Nikolaus-Schulmann/6000000007707561661> (дата обращения 18.10.2020).

¹¹ *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. S. 261.

и дети погибших при обороне Выборга, которые были отпущены на свободу с правом возвращения в Швецию¹². Остальные вместе с семьями были сосланы в Сибирь, в их числе и семейство Шульманов, оказавшееся в Тобольске.

О жизни пленных шведов и немцев в Сибири существует обширная литература¹³. Если рядовые получали небольшое содержание от русского правительства — по одной копейке в день и по полтора четверика ржи на месяц, то из 1000 офицеров, оказавшихся в Тобольске, 800 человек вовсе не получали финансовую помощь с родины¹⁴. Их семьи вынуждены были выживать самостоятельно и браться за любую работу. О занятиях Шульмана-старшего сведения до нас не дошли.

Известно, что Карл Густав фон Шульман учился в частной школе для детей шведских военнопленных Курта Фридриха фон Врееха (*Curt Friedrich von Wreech*; 1650–1724), капитана Альбедильского драгунского полка шведской армии, взятого в плен под Полтавой и оказавшегося в Тобольске в 1711 г. Образованный, много читавший, глубоко религиозный человек, он пользовался авторитетом и способствовал распространению пиетизма среди «каролинов» (пленных шведов и немцев). Мысль об обучении детей в собственной школе появилась после того, как к К. Ф. фон Врееху обратился бедный ротмистр и попросил взять на воспитание его шестилетнего сына. В первые годы Тобольская школа, открытая в 1712 г., насчитывала 10–15 учеников. Школа К. Ф. фон Врееха строилась по европейскому образцу, существовала на платной основе за обучение и частные пожертвования из Москвы и из-за границы. Одним из донаторов был профессор университета в Галле А. Г. Франке, от которого К. Ф. фон Вреех с 1713 г. получал не только финансовую помощь, но и религиозную и другую литературу. Со временем школа стала идейным и религиозным центром пиетизма для немецкой и шведской диаспоры в Сибири. Преподавание велось на немецком языке. Здесь читали Священное Писание, катехизис, вели беседы на религиозные и нравоучительные темы, изучали книги духовного содержания, молились, пели псалмы. Учеников обучали чтению, письму, арифметике, немецкому, французскому и латинскому языкам, географии, рисованию. Больше половины учеников были на полном пансионе, другие жили у родителей, но посещали занятия и столовались в школе¹⁵.

¹² Подробнее см.: *Васильев М. В.* Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953.

¹³ Подробнее см.: *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири: Первая четверть XVIII века. М., 2005.

¹⁴ *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг... С. 8, 10.

¹⁵ Подробнее о школе см.: *А. Ш.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. 95. С. 30–50; *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 133–134; *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 303–312. (Veröffentlichungen der Instituts für Slawistik. Nr. 2); *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг... С. 12–13; *Черказьянова И. В.* Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: Российско-германский диалог. СПб., 2001. С. 155–168.

В той же школе на добровольных началах преподавал пленный шведский капитан от инфантерии, померанский немец Ф. И. Табберт, вынужденно живший в Тобольске с лета 1711 г. Он был взят в плен под Черновцами 28 сентября 1709 г., сослан в Хлынов (Вятку) в 1710 г., где сдружился с К. Ф. фон Вреехом на почве пиетизма (с которым познакомился еще в Польше в начале 1700-х гг.), затем с другими пленными был переведен в Тобольск¹⁶. Именно Ф. И. Табберт способствовал строительству нового здания школы К. Ф. фон Врееха взамен сгоревшего. Школа, располагавшаяся в только что построенном доме, приобретенном в 1715 г. за 45 руб., во время большого пожара сгорела дотла. Обладавший деловой хваткой капитан Ф. И. Табберт достал взаймы 40 руб., отправился в деревню, откуда привез на восьми плотах разобранный дом и дополнительные стройматериалы, и 20 сентября 1715 г. новая школа была торжественно открыта. Тогда она насчитывала 55 учеников, в том числе четверо русских детей, и шесть учителей. К моменту закрытия в 1721 г. в ней числилось 139 человек преподавателей, учеников и обслуживающего персонала¹⁷.

На протяжении своего 13-летнего плена Ф. И. Табберт, пользуясь предоставленной русскими властями относительной свободой, с неутомимостью проводил научные исследования, т. к. считал, что «мы знаем о Сибири не больше, чем осязки о Германии»¹⁸. Любознательность и обширные познания о Сибири шведского капитана обратили на него внимание ученого-пиетиста, тоже померанского немца Д. Г. Мессершмидта, прибывшего в Тобольск 24 декабря 1719 г. и настойчиво пытавшегося получить новую научную информацию от пленников, проживших почти десятилетие в столице Сибири. 27 января 1721 г. немецкий ученый просил сибирского губернатора А. М. Черкасского прикомандировать к нему Ф. И. Табберта, унтер-офицера Д. Капелла и «молодого человека, которой 16 лет есть»¹⁹, именем Шульман, рисовать и знаменить нарочито умеет, а в росписи с пленниками не написан»²⁰. Через месяц, 27 февраля 1721 г., разрешение на это было получено, но их содержание ему пришлось взять на себя, о чем он сообщил архиятеру Медицинской канцелярии И. Д. Блюментросту 20 июня 1721 г.: «За свой собственный счет я взял с собою некоторых из немецких пленных, которые мне помогают также в моих письменных работах, и эта помощь обходится мне не дорого. Я мог бы найти в Тобольске еще больше способных людей, но без особого разрешения привлечь их на работу за государственный счет было невозможно»²¹.

¹⁶ Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 28.

¹⁷ Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 29; Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири... С. 168.

¹⁸ Цит. по: Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири... С. 164.

¹⁹ Д. Г. Мессершмидт, видимо, сознательно убавил возраст своего спутника — в 1721 г. К. Г. Шульману исполнилось 19 лет.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 24–24об.; Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 6). С. 43–44.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 131, № 21; Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 34.

Известно, что 18 мая 1718 г. в Тобольске умерла мать К. Г. Шульмана²², и, видимо, Ф. И. Табберт стал опекать наполовину осиротевшего 16-летнего воспитанника школы К. Ф. фон Врееха, взяв его в качестве собственного слуги в экспедицию Д. Г. Мессершмидта как способного рисовальщика. Возможно, другой причиной включения его в состав экспедиции стало знание юношей русского языка — он, хотя и учился в немецкой школе, наверняка быстро, как и все дети, освоил чужой язык. При этом в экспедиции был и другой переводчик — Петер Кратц, слуга Д. Г. Мессершмидта, охотник и переводчик в одном лице. О том, что К. Г. Шульман являлся именно слугой своего учителя Ф. И. Табберта, имеется документальное подтверждение: 2 апреля 1722 г. Д. Г. Мессершмидт писал сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому, что «даны мне из Тобольску, по указу великого государя, шведский капитан, Иван Филиппов сын Табберт, и слуга его, Карл Густав Шульман»²³.

Согласно периодизации путешествия, составленной самим Д. Г. Мессершмидтом²⁴, пленники его сопровождали весь третий период (1 марта 1721 г. — 24 февраля 1722 г.) и в начале четвертого (13–28 мая 1722 г.). 1 марта 1721 г. экспедиция выехала из Тобольска: вверх по Иртышу через устье Тары и Барабинскую степь путешественники добрались до Томска (30 марта — 5 июля 1721 г.), исследовали течение р. Томи. Ф. И. Табберт остался в Томске до 29 октября 1721 г., выполняя поручения Д. Г. Мессершмидта, и прибыл на средний Енисей позднее доктора, который первым через Кузнецк добрался в Абаканский острог (12 сентября 1721 г. — 16 февраля 1722 г.). Здесь 22 декабря 1721 г. оба путешественника встретились и затем вместе с К. Г. Шульманом совершали исследовательские поездки по окрестностям, занимались археологическими разведками и раскопками, обследуя долины рек Чулым, Абакан, Енисей. 16 февраля экспедиция направилась по Енисею в Красноярск, куда прибыла 24 февраля 1722 г. и остановилась перезимовать. Третий период, а также четвертый нашли отражение в первом томе дневника²⁵, начатого 1 марта 1721 г. в Тобольске и завершеного 8 октября 1722 г. в Красноярске²⁶.

После заключения Ништадтского мира со Швецией все пленники должны были быть возвращены на родину, о чем был составлен указ, полученный в Красноярске 23 апреля 1722 г. Д. Г. Мессершмидт получил приказ о необходимости отправки шведов — Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана, прикомандированных к экспедиции, в Тобольск.

²² Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. S. 261.

²³ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. С. 357.

²⁴ Подробнее о периодизации восьмилетней экспедиции согласно рукописному дорожнику («Hodogeticum») Д. Г. Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 15–55 об.) см.: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 26–29.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. 238 л.

²⁶ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 27.

Четвертый период начался с отъездом экспедиции из Красноярска 13 мая 1722 г., откуда она направилась по течению р. Кача в сторону Большого Кемчуга. Из чувства долга перед путешественником, остающимся в научной и духовной изоляции, лишь четыре недели спустя, 28 мая 1722 г., его помощники Ф. И. Табберт и К. Г. фон Шульман навсегда покинули Д. Г. Мессершмидта, забрав с собой его письменные рапорты в Медицинскую канцелярию, письма и часть коллекций для доставки в Санкт-Петербург²⁷. Ф. И. Табберт и К. Г. фон Шульман на плотах вместе направились в Тобольск. Ф. И. Табберт пробыл в столице Сибири вплоть до начала декабря 1722 г.²⁸, в начале 1723 г. ненадолго оказался в Москве, затем через Санкт-Петербург вернулся в Стокгольм, где получил чин подполковника и стал использовать дворянскую фамилию Страленберг, полученную еще в 1707 г. По сведениям балтийского биографического словаря, К. Г. фон Шульман уже в 1722 г. оказался в Стокгольме, куда он вернулся, видимо, с отцом²⁹.

О следующем периоде жизни покинувшего Сибирь в 20-летнем возрасте К. Г. фон Шульмана информации крайне мало, но дух научного поиска и приключений, которым он заразился от Ф. И. Табберта и Д. Г. Мессершмидта, не оставлял его не меньше 12 лет, заставляя странствовать по Европе вплоть до Константинополя. Судя по письму Ф. И. фон Страленберга к К. Ф. фон Врееху из Стокгольма от 28 июля 1723 г., К. Г. фон Шульман уехал из Швеции в Финляндию к отцу³⁰, затем в Германию, где он занимался химическими экспериментами и алхимическими опытами вместе с голландцем Деппеном (*Deppen*). Побочным итогом занятий алхимией и химией стало изобретение К. Г. фон Шульманом собственной технологии изготовления папье-маше. Изделия из папье-маше были известны в Китае еще с древности, но в Европе появились в середине XVII в.

Известно, что К. Г. фон Шульман был знаком с пиетистом, немецким ученым и алхимиком, доктором медицины Лейденского университета (1711) Иоганном Конрадом Диппелем (*Johann Konrad Dippel*; 1673–1734)³¹. И. К. Диппель, родившийся в замке Франкенштейн, почти век спустя послужил прообразом Виктора Франкенштейна, героя романа Мери Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

Уже зрелым 32-летним мужчиной в 1734 г. К. Г. фон Шульман женился на эстляндской дворянке Барбаре Доротее фон Эссен (*Barbara Dorothea von Essen (Schulmann)*; 1705–1778), от которой имел пятерых детей. Это сыновья Густав Саломон (1736–1810), Вильгельм Магнус (1740–1817),

²⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 1. S. 224. Сведения об обратном пути Ф. И. Табберта, отправленные в письме к К. Ф. фон Врееху в июле 1723 г., см.: *Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde...* S. 467–472.

²⁸ *Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг...* С. 45.

²⁹ URL: <https://www.bbl-digital.de/seite/704> (дата обращения: 18.10.2020).

³⁰ *Knüppel M. Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs an Curt Friedrich von Wreech aus den Jahren 1723 und 1724 // Acta Orientalia. 2018. Vol. 79. S. 120.*

³¹ URL: <https://www.bbl-digital.de/seite/704> (дата обращения: 18.10.2020).

Беренд Иоганн (1743–1784), Карл Отто (1747–1812) и дочь Ева-Ловиса (Луиза), в замужестве Насакина (1744–1792). Остепенившись, в 1738 г. К. Г. фон Шульман поселился в Ливонии (Лифляндии), где он владел имениями (мызами) Люденхоф (Ludenhof, 1745–1759), Ваймель (Waimel, с 1759 г.; ныне мыза Вемла в Эстонии), Варбус (Warbus) в Лифляндии и Заль (Sall) в Эстляндии. Как землевладелец он являлся лифляндским асессором земского суда (Landgerichtsass.).

Видимо, в земском суде К. Г. фон Шульман познакомился с известным историком Ливонии, померанским немцем Фридрихом Конрадом Гадебушем (*Friedrich Konrad Gadebusch*; 1719–1788), выпускником Кёнигсбергского университета, который в 1748 г. переехал в Лифляндию. В имении Каарепере близ Дерпта он занял место домашнего наставника в семье лифляндского асессора земского суда Рейнгольда Иоганна фон Розенкампа, в 1750 г. получил должность нотариуса и адвоката земельного и городского суда в Дерпте, в 1754 г. стал нотариусом в церковном председательстве, в 1756 г. — адвокатом городского управления. Ф. К. Гадебуш считается основоположником лифляндской библиографии и историографии.

Карл Густав фон Шульман скончался 10 ноября 1765 г. Место смерти в статьях о нем не указано.

В эстонских и латвийских архивах следует провести поиск материалов К. Г. фон Шульмана, в которых, возможно, сохранились письма Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. фон Страленберга и, вероятно, его зарисовки, выполненные в Сибири. Так, личный архивный фонд его знакомого историка Ф. К. Гадебуша оказался разделен между архивами Эстонии и Латвии. Непубликованным остался свод собранных Ф. К. Гадебушем материалов по истории лифляндского дворянства «*Geschichte des Livländischen Adels*», 14 томов которого хранится в Латвийском государственном историческом архиве. Его собрание писем «*Briefe gelehrter Männer an Friedrich Conrad Gadebusch*» в пяти томах содержит письма от 250 авторов, расположенных по алфавиту, из Прибалтики, России, Германии и Швеции за период с 1751 по 1783 г.³² В этом собрании наверняка сохранились материалы об истории рода Шульман и письма К. Г. фон Шульмана, которые могут пролить свет на его биографию.

История рода, тесно связанного с Россией, Финляндией, Швецией и странами Прибалтики, представлена военными (в том числе участником Бородинского сражения 1812 г.), архитекторами и другими известными людьми. Достаточно сказать, что генерал русской императорской армии, первый президент и национальный герой Финляндии К. Г. Э. Маннергейм имел общего предка с Шульманами.

³² См.: Kupffer Ch. Der livländische Historiker und Jurist Friedrich Konrad Gadebusch (1719–1788). Geschichte als Gedächtnis im Zeitalter der Aufklärung. Dissertation, Philosophische Fakultät, Georg-August-Universität. Göttingen, 2000.

Ю. И. Чивтаев
Усть-Кут

СПУТНИКИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

На множестве примеров в статье рассказано о повседневной работе каждого участника экспедиционного отряда Д. Г. Мессершмидта. Д. Г. Мессершмидт не знал русского языка в достаточной мере, поэтому особенно важным было участие в экспедиции слуги Д. Г. Мессершмидта П. Кратца, так как он владел русским разговорным языком. Спутники Д. Г. Мессершмидта обеспечивали условия для жизни и научной деятельности ученого, и с этим они справлялись. Однако Д. Г. Мессершмидту приходилось иногда прибегать к жестким мерам, чтобы поддерживать дисциплину рядовых членов экспедиционного отряда. Выявление роли спутников Д. Г. Мессершмидта позволяет получить более полное представление о первой научной сибирской экспедиции.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, спутники Д. Г. Мессершмидта, первая научная сибирская экспедиция.

Yu. I. Chivtaev
Ust-Kut

COMPANIONS OF D. G. MESSERSCHMIDT

The article, on the basis of many examples, explores the daily work of every member of D. G. Messerschmidt's expeditionary team. D. G. Messerschmidt didn't know Russian language well enough, for this reason the participation of D. G. Messerschmidt's servant P. Kratz in the expedition was especially important, because he knew spoken Russian. D. G. Messerschmidt's companions provided conditions for the life and research activity of the scientist. However, D. G. Messerschmidt sometimes had to use harsh measures to maintain discipline of ordinary team members of the expedition. Identifying the roles of D. G. Messerschmidt's companions allows us to get a more complete picture of the first Siberian scientific expedition.

Key words: D. G. Messerschmidt, companions of D. G. Messerschmidt, the first Siberian scientific expedition.

О первой научной сибирской экспедиции за 300 лет написано немало. Известна биография Д. Г. Мессершмидта, восстановлен маршрут, описаны многие события, научные результаты экспедиции исследованы поколениями

ученых из разных областей знания¹. В 1962–1977 гг. опубликованы дневники Д. Г. Мессершмидта². Эскипты из дневников переведены на русский язык³. Постепенно вводятся в научный оборот архивные документы⁴.

В Тобольск Д. Г. Мессершмидт прибыл 24 декабря 1719 г. Он намеревался весной 1720 г. после прохода льда отправиться водным путем через Тару в Томск и взять с собой двух шведских пленных — И. А. Маттерна и Я. Шенинга, с которыми предварительно договорился, о чем дважды писал доношения сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому⁵. Не получив разрешения, отправился на Урал. После возвращения оттуда продолжил добиваться разрешения ехать на восток.

Наконец, прошения от 10, 16, 17 и 27 января 1721 г.⁶ А. М. Черкасский удовлетворил 13 февраля 1721 г.⁷; в тот же день Д. Г. Мессершмидт получил подорожную для выезда на восток на 14 ямских подводок с двумя пленными шведскими офицерами, солдатами и его людьми⁸.

1 марта 1721 г. экспедиция выехала из Тобольска в Томск. Спутниками Д. Г. Мессершмидта стали: его слуга немец П. Кратц, три драгуна Тобольского полка — немец Андрей Геслер Невинг, русские Михаил Бахметьев, Данила Приезжев, крепостной слуга Иван Путимцев, пленные шведы капитан Ф. И. Табберт, унтер-офицер Д. Капелл и юный немец К. Г. Шульман. Это был первоначальный и основной состав экспедиционного отряда.

В ходе путешествия состав менялся, одни выбывали, появлялись новые люди, служившие Д. Г. Мессершмидту от нескольких дней до нескольких недель, и в Тобольск из первоначального состава вернулись в феврале 1726 г. слуга П. Кратц и три драгуна. А потом в пути из Тобольска в Хлынов с Д. Г. Мессершмидтом остался из этой группы только слуга П. Кратц, и появились новые участники — сопровождавшие Д. Г. Мессершмидта солдаты Тобольского гарнизона и мальчишки-слуги.

Спутниками ученого также становились десятки подводчиков, обеспечивавших перемещение участников и грузов экспедиции по сибирским

¹ Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 66–71. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6).

² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Tl. 1–5. Berlin, 1962–1977.

³ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., публ. и ред. Ю. И. Чивтаева. Иркутск, 2018.

⁴ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 278. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).

⁵ Там же. С. 236–237, № 59; 239–240, № 65.

⁶ Там же. С. 271, № 95–96; 271–272, № 97; 272–273, № 99.

⁷ Там же. С. 273–274, № 100.

⁸ Там же. С. 274, № 101.

сухопутным дорогам и рекам. Имена некоторых из них известны из бумаг Д. Г. Мессершмидта.

Всех спутников Д. Г. Мессершмидта можно разделить на две категории: первая — те, кто находился в его подчинении и получал жалование из его кармана, и вторая — те, кто находился в его подчинении, но жалование получал от казны. Сведения о спутниках Д. Г. Мессершмидта позволяют показать их роль в экспедиции, без чего наше представление об этом выдающемся научном предприятии остается неполным. Эти сведения разбросаны по страницам дневника экспедиции⁹, который с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. вел Ф. И. Табберт, а впоследствии сам Д. Г. Мессершмидт, а также содержатся в «Журнале» русскоязычных документов¹⁰.

Автор выражает глубокую благодарность кандидату исторических наук Л. Д. Бондарь (СПбФ АРАН) за ценные советы, предоставление сканов рукописных страниц дневника, содействие в ознакомлении с рядом подлинных рукописных документов Д. Г. Мессершмидта и проф. В. Лефельдту (Гёттингенский университет) за расшифровку рукописей, использованных при написании статьи.

Для удобства изложения весь материал распределен по разделам: шведско-немецкая группа; слуга, переводчик, стрелок Петер Кратц; денщики; проводники-переводчики; подростки и мальчики-слуги для работы с коллекциями; подводчики; другие спутники.

ШВЕДСКО-НЕМЕЦКАЯ ГРУППА

Филипп Иоганн Табберт. Капитан Ф. И. Табберт (Страленберг) принадлежал к той группе пленных офицеров, которые проявляли интерес к географии, истории, этнографии Сибири. Образованный, трудолюбивый, энергичный и отзывчивый Ф. И. Табберт, «любивший исторические и географические разыскания»¹¹, еще до экспедиции поделился в Тобольске с Д. Г. Мессершмидтом накопленным опытом жизни в России

⁹ Основной объем перевода немецкого издания дневников выполнила по договору с автором О. Д. Лазуткина (Москва).

¹⁰ Автором исследованы маршруты Тобольск — Томск (01.03–30.03.1721), Томск — Томилово (05.07–11.07.1721), Томск — Абакан — Красноярс — р. Кемчуг — Ачинск — Абакан — Саянский острог — Красноярск (29.11.1721–09.10.1722), Красноярск — Енисейск — Мангазья — Иркутск — Удинск — Селенгинск — Удинск — Восточная Даурия (08.05.1723–21.05.1724), Удинская степь — оз. Укур-Нор — Читинск (12.06–25.06.1724), р. Ингода — Нерчинск (26.06–22.07.1724), р. Онон — Читинск (23.10–10.11.1724), Читинск — Удинск (24.02–11.03.1725), Удинск — Иркутск — Енисейск (27.03–23.06.1725), Самаров Ям — Тобольск — Соликамск (11.11.1725–12.04.1726), Соликамск, из рукописи (29.05–31.05.1726), Хлынов, из рукописи (29.12–31.12.1726). Это 3,5 года из 5 лет 10 месяцев, потребовавшихся на путешествие из Тобольска на восток и на обратный путь до Хлынова.

¹¹ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб., 1862. Т. 1. С. 355.

и имеющимися у него материалами¹². Освоивший за годы плена (с 1709 г.) русский язык, привыкший к российским порядкам, знающий, как обходиться и с чиновниками, и с простыми людьми в сибирской глубинке, он стал соратником и ближайшим помощником немецкого ученого. Общность научных интересов, духовная близость, сопоставимое мировоззрение послужили той основой, на которой между этими двумя людьми сложились не только деловые, но и дружеские отношения.

Обосновывая необходимость участия Ф. И. Табберта в экспедиции, Д. Г. Мессершмидт в доношении сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому писал, что пленный офицер нужен «понеже в моем отправлении главнейшия и нужнейшия вещи суть в физических и математических пременений климатов и погоды некия усмотрения учинити»¹³, то есть для исследования свойств климата и погоды.

В состав экспедиции Ф. И. Табберт зачислен с 27 февраля 1721 г. до того, «как он, дохтор, возвратитца из низовых Сибирской губернии городов»¹⁴. Содержание Ф. И. Табберта на время экспедиции Д. Г. Мессершмидт взял на себя¹⁵.

Важнейшей функцией Ф. И. Табберта было ведение дневника экспедиции, являющегося первичным источником разнообразной, прежде всего научной, информации. Он вел дневник с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. Иногда записи в нем в виде примечаний (N. B.) делал и Д. Г. Мессершмидт, обращаясь к дневнику Ф. И. Табберта спустя некоторое время после отмеченных в нем событий. Кроме того, некоторые страницы дневника Ф. И. Табберта Д. Г. Мессершмидт по каким-то причинам просто переписал, сохранив без изменений обычную для Ф. И. Табберта манеру писать от третьего лица, то есть именовать самого себя «капт. Табберт», а Д. Г. Мессершмидта — «господин доктор». Так, последний лист дневника за 1721 г. с записями за 26 декабря (окончание), 27–31 декабря¹⁶ написаны рукой Д. Г. Мессершмидта.

Ф. И. Табберт неоднократно находился в самостоятельных поездках, в то время как сам Д. Г. Мессершмидт с переводчиком П. Кратцем путешествовал по другой территории. Из своих поездок Ф. И. Табберт привозил для Д. Г. Мессершмидта разнообразные сведения, как полученные от русскоязычных информаторов, так и в результате собственных наблюдений (определение широтных координат, сведения о расстояниях между географическими объектами в верстах или в днях пути, о направлении русел рек, дорог, о состоянии погоды и другие). Так, проезжая из Томска в Абаканский острог к прибывшему туда раньше Д. Г. Мессершмидту, капитан узнавал у местных жителей о дороге, о гидросети региона, собрал сведения

¹² *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М. ; Л., 1966. С. 32–33.

¹³ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 273, № 99.

¹⁴ Там же. С. 275, № 104.

¹⁵ *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг... С. 34.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–98 об.

лингвистического, исторического и этнографического характера о татарах¹⁷, проводил определение широт местности¹⁸. Эти сведения он передал Д. Г. Мессершмидту в Абаканском остроге.

Много географических сведений Ф. И. Табберт привез из поездки в Енисейск, куда доктор отправил капитана во время первой зимовки в Красноярске. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Табберт накануне самостоятельной поездки последнего из Красноярска в Енисейск «обсуждали, как делать географические карты»¹⁹. Ф. И. Табберт вел записи таким образом, что это давало возможность составить подробную географическую карту маршрута, так как он указывал расстояния не только в днях пути, но и в верстах, определял широтные координаты, указывал по компасу направления дорог и русел рек²⁰.

Знание русского было достаточным и для того, чтобы понимать текст канцелярских бумаг. В канцелярии красноярского коменданта вызванному туда 23 апреля 1722 г. Ф. И. Табберту было разрешено самому прочесть вслух поступившее распоряжение («ордер») о том, «что все шведские пленные должны прийти в Тобольск, чтобы там собраться, и отсюда тоже должны быть отправлены», — так кратко изложил содержание предписания Ф. И. Табберт²¹. Д. Г. Мессершмидту, который предпочитал общаться с местными чиновниками именно в письменной форме, помощник, читающий русские документы, был очень полезен.

Таким образом, ведение дневника Ф. И. Таббертом, знающим русский язык, освобождало Д. Г. Мессершмидта от необходимости иметь еще одного переводчика, кроме П. Кратца, и позволяло одновременно охватить исследованиями как можно большую территорию. Практическая ценность этого способа очевидна, особенно с учетом того, что и того и другого интересовала география пространства.

Так, 5 июля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт двинулся из Томска в направлении на юг к дер. Томилово и далее на юго-восток к Кузнецку и потом на восток к Абаканскому острогу, подойдя к нему с запада. Назовем этот маршрут условно «южный». В свою очередь, Ф. И. Табберт отправился в Абаканский острог 29 ноября 1721 г., но не в южном направлении, а в северо-восточном через дер. Турунтаево и дер. Зырянская, потом в восточном, затем в юго-восточном и южном направлении, подойдя к Абаканскому острогу с севера. Назовем этот маршрут условно «северный».

Каждый вел записи на своем маршруте. Правда, если о записях Ф. И. Табберта известно из дневника, то о записях Д. Г. Мессершмидта известно немного (названия населенных пунктов и рек) из «Hodogeticum» в «Sibiria Perlustrata»²².

¹⁷ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 13, 15, 16, 17, 19, 21.

¹⁸ Там же. С. 75, 76, 79–80.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Там же. С. 51–57.

²¹ Там же. С. 62.

²² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 23 об. – 25 об.

Ф. И. Табберт не только вел письменные работы, но и занимался повседневными делами экспедиции: в населенных пунктах расставлял караулы драгунов для охраны того имущества экспедиции, которое оставалось вне домов и амбаров²³, со свойственной ему энергией и решительностью «убедительно» объяснял «приказание господина доктора» о выделении транспорта, когда сам Д. Г. Мессершмидт не мог уговорами, призывами к рассудку добиться положительного результата²⁴. Если было необходимо, Ф. И. Табберт мог и за чаркой водки решить тот или иной вопрос со «злым», упрямым приказчиком²⁵. Он активно участвовал в исследовании могильников в окрестностях Абаканского острога зимой 1721/1722 г.²⁶ Именно ему в январе 1722 г. Д. Г. Мессершмидт поручил «ректифицировать плохую водку»²⁷, денщикам же или слуге Петру такое поручение давать было рискованно по известным причинам.

Ф. И. Табберт отплыл 28 мая 1722 г. вниз по р. Кемчуг, а Д. Г. Мессершмидт отправился вниз по той же реке с разрывом в три дня. Они договорились, что Ф. И. Табберт будет определять широту в некоторых местах и передаст эти результаты с денщиком Михаилом Бахметьевым, которого доктор отправил проводить капитана. Так и произошло — капитан передал ученому результаты своих вычислений²⁸.

Это последняя известная информация о контактах соратников. Больше общаться им не пришлось. В 1723 г. Ф. И. Табберт вернулся в Швецию.

Как уже сказано, особенностью дневника Ф. И. Табберта является ведение записи от третьего лица тогда, когда капитан находился вместе с Д. Г. Мессершмидтом. Когда он был в самостоятельных поездках, капитан вел записи от первого лица, что вполне логично. Попытка найти какую-то закономерность, объясняющую переход записей от первого лица к записям от третьего лица, ни к чему не приводит, причины избрания такого метода остаются неизвестными.

Изучение имеющихся источников позволяет прийти к выводу о том, что без советов Ф. И. Табберта не обошлось при отборе Д. Г. Мессершмидтом людей в шведско-немецкую группу экспедиции. Перед своим отъездом Ф. И. Табберт активно содействовал Д. Г. Мессершмидту в том, чтобы оставить в экспедиции немцев П. Кратца и А. Невинга, о чем будет сказано ниже.

Даниэль Капелл поступил «в услужение» Д. Г. Мессершмидту одновременно с Ф. И. Таббертом 27 февраля 1721 г. Срок его службы устанавливался до тех пор, пока доктор не возвратится в Тобольск. Как и Ф. И. Табберта, унтер-офицера содержал Д. Г. Мессершмидт.

²³ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 26.

²⁴ Там же. С. 27–28.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 27–29.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ Там же. С. 75, 76, 79–80.

Иван Данилович, как его называли в русскоязычных документах, Капелл к «собранию аптекарских насаждений и трав удобен будет», — так Д. Г. Мессершмидт обосновывал необходимость включения шведа в состав экспедиции²⁹. Но наиболее важной его функцией стало обеспечение экспедиции квартирами и продовольствием по пути следования. Во всяком случае, в дневнике не обнаружены записи о «собрании» им трав.

Д. Капелл прослужил недолго — 6 января 1722 г. он умер в Абаканском остроге от болезни.

Квартирмейстера Д. Капелла заранее направляли в тот или иной город или острог, где Д. Г. Мессершмидт намеревался остановиться на более-менее продолжительное время. Так как квартирмейстер ездил без переводчика, с одним из русских денщиков, можно предполагать, что Д. Капелл в какой-то мере владел русским языком, обучившись ему за годы плена.

Д. Капелл не отличался крепким здоровьем. Уже 15 марта 1721 г. по пути из Тары в Томск в Барабинской степи он почувствовал острую головную боль, колющие боли в груди. Потребовалось остановиться в татарских юртах, и доктор Д. Г. Мессершмидт оказал помощь больному³⁰. Несмотря на болезнь Д. Капелла, приходилось двигаться дальше, и при этом дольше обычного задерживаться на отдыхе. «Всю ночь в Макси[***]-юрте стояла ненастная, снежная погода, и по этой причине, а также из-за Капелла мы пробыли здесь до 11 часов», — записал 16 марта 1721 г. Ф. И. Табберт³¹.

Постепенно недуг отступил, и Д. Капелл стал справляться со своими обязанностями, одной из которых было следить, чтобы обоз не растягивался. 20 марта 1721 г. Д. Г. Мессершмидт остановился в татарском селении *Bochtza-jurta* и стал расспрашивать местных татар и русских о дальнейшем пути и окрестностях. Пока разговаривали, «явился квартирмейстер Капелл и сообщил, что Данила, денщик, отстал с несколькими санями»³². На следующий день выяснилось, что «сани застряли более чем в пяти верстах позади и что лошади загнаны». Потому навстречу были отправлены четыре лошади, и после полудня, в 2 часа, они «вернулись вместе с денщиком Данилой»³³.

Работа квартирмейстера не всегда проходила спокойно. В указе сибирского губернатора местным властям предписывалось «в городех давать ему квартиры свободные»³⁴ от постоев. Но в Чаусской слободе, куда Д. Капелл и денщик Данила Приезжев были заранее направлены Д. Г. Мессершмидтом, не удалось занять ту квартиру, на которую указал местный приказчик А. С. Кругликов.

²⁹ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 273, № 99.

³⁰ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727.* Berlin, 1962. Tl. 1 : *Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij.* S. 60.

³¹ *Ibid.* S. 60.

³² *Ibid.* S. 70.

³³ *Ibid.* S. 70.

³⁴ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 274, № 100.

В дневнике записаны подробности. Как только 24 марта 1721 г. Д. Г. Мессершмидт и его спутники приехали в слободу, квартирмейстер Д. Капелл, прибывший за несколько дней до этого, сообщил, что передаче под квартиру дома, предварительно отведенного для этого приказчиком А. С. Кругликовым, воспротивился «старый приказчик». Несмотря на то, что Д. Капелл показал «старому приказчику» «губернаторский приказ из Тобольска», тот возражал. Но так как у Д. Капелла был приказ нового приказчика заселиться именно в этот дом, он все же поставил сани и лошадей во дворе. И тогда «старый приказчик» собрал людей, чтобы силой выдворить сани, ударил денщика Данилу и отнял у него шпагу, и в адрес Д. Капелла и денщика бросил множество грубых и бранных слов, и в целом этот человек «вел себя впрямь как безумный». Д. Капелл пошел к А. С. Кругликову, чтобы тот помог, но новый приказчик отказался, заявив, что «старый приказчик» «злой человек и ему не хотелось связываться с ним». В результате А. С. Кругликов отвел под квартиру другой дом — дом писца. На следующий день «доктор велел Капеллу распорядиться, чтобы то, что произошло со старым приказчиком, было записано»³⁵.

Появилась челобитная Д. Капелла, где названы имена виновников происшествия, которые «ево, Ивановы, возы на улицу выволокли и драгуна, де, ево, дохторова, Данила приезжева оныя Лаврентьев Петр Иванов с товарищи били дважды и шпагу у него отняли»³⁶. Раз фамилия «старого приказчика» известна — Лаврентьев, это должно было, по мысли Д. Г. Мессершмидта, привести впоследствии к наказанию виновных, и он забрал с собой челобитную в Томск, где находился воевода, ведавший этой территорией. Наступили или нет какие-то последствия для обоих приказчиков от такого отношения к экспедиции, неизвестно.

Не доезжая до Томска, Д. Г. Мессершмидт остановился в Gaustinzi-Tattari-degewna и оттуда отправил Д. Капелла «в город к господину воеводе и распорядился сообщить о своем прибытии и в то же время попросить о хорошей, удобной квартире <...>. Капелл же двинулся в город с 6 наиболее нагруженными санями с багажом». В Томске Д. Г. Мессершмидт «занял отведенную для него квартиру, которая и вправду была довольно удобной, но не с двумя горницами, чтобы и капитан Табберт мог остаться там»³⁷.

2 июля 1721 г. с полученной у коменданта Томска подорожной Д. Капелл был отправлен сухим путем в Кузнецк снять квартиру³⁸, что и сделал без сложностей. Позднее по пути в Абаканский острог Д. Г. Мессершмидт прожил в Кузнецке 10 дней.

Так как ведший дневник Ф. И. Табберт с июля 1721 г. вместе с денщиками Данилой Приезжевым и Михаилом Бахметьевым оставались в Томске, а в это время остальная часть отряда продолжала движение на восток

³⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 1. S. 74–75.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.

³⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 1. S. 84.

³⁸ *Ibid.* S. 112.

и 12 сентября прибыла в Абаканский острог, в дневнике нет записи о снятии здесь квартиры для Д. Г. Мессершмидта. Ф. И. Табберту снимал квартиру в Абаканском остроге не Д. Капелл — на второй день по приезде капитана, 24 декабря 1721 г., местный приказчик выделил ему дом без хозяев³⁹. Квартирмейстер Д. Капелл не мог принимать в этом участия, так как «был сильно болен»⁴⁰.

Вечером 6 января 1722 г. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Табберт на квартире начальника обсуждали результаты последней поездки к могильникам. К ним «пришел Карл Шульман и сказал, что Капелл очень ослабел... и тут пришел курьер сказать, что он уже умер». 8 января 1722 г. квартирмейстера Даниэля Капелла похоронили⁴¹. Думается, Д. Капелл хотел в последние минуты жизни видеть именно Ф. И. Табберта, так как капитан, с которым он делил тяготы плена, был для него самым близким человеком в экспедиции, куда он отправился, увлеченный его исследовательским интересом. И конечно, капитан был ближе, чем Д. Г. Мессершмидт, который был «чужим», начальником, державшим подчиненных, за исключением капитана, на некотором расстоянии. По-видимому, Д. Капелл относился к тобольским шведам, интересовавшимся Сибирью, собиравшим о ней разные сведения, то есть к группе, активным участником которой был Ф. И. Табберт. Именно поэтому он сам «хотел» отправиться в экспедицию, о чем Д. Г. Мессершмидт сообщал в прошении сибирскому губернатору⁴². Вероятно, не случайно и то, что Ф. И. Табберт и Д. Капелл даны были «в услужение» Д. Г. Мессершмидту в один день.

Так отдал свою жизнь на благо российской науке неприметный шведский унтер-офицер Д. Капелл.

После смерти Д. Капелла вопросами расквартирования экспедиции, обеспечения ее провиантом занимались то слуга П. Кратц, то кто-нибудь из денщиков.

Карл Густав Шульман. В мессершмидтоведческой литературе о возрасте рисовальщика К. Г. Шульмана ко времени начала экспедиции существуют разные мнения: «пятнадцатилетний Карл Густав Шульман»⁴³, «16-летний воспитанник школы К. Ф. Врееха Карл Густав Шульман»⁴⁴. Сам Ф. И. Табберт в своей книге, изданной в 1735 г. в Швеции, писал, что возвращался в Тобольск с «одним шведским мальчиком»⁴⁵, и указывал его возраст — «14–15 лет»⁴⁶. В доношении Д. Г. Мессершмидта от 27 января 1721 г. на имя сибирского губернатора о возрасте К. Г. Шульмана сказано: «которой

³⁹ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 23 об.

⁴³ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 145.

⁴⁴ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 45.

⁴⁵ До Ништадтского мирного договора 1721 г. Нарва принадлежала шведской короне.

⁴⁶ Цит. по: Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 42.

16 лет есть»⁴⁷, но нет слов «от роду». Это может говорить о том, что писарь, готовивший русский текст со слов переводчика Д. Г. Мессершмидта Петера Кратца, так изложил мысль о совершеннолетию Карла, которую путешественник хотел донести до губернатора, чтобы подтвердить возможность участия молодого немца в экспедиции без согласия родителей.

В «Deutschbaltisches biographisches Lexikon. 1710–1960» указаны годы жизни К. Г. Шульмана: «Schulmann, Karl Gustav v., Zeichner u. Erfinder [рисовальщик и изобретатель] * Narva 1702; † 10.11.1765»⁴⁸. В примечании № 11 ссылку на этот источник дает и М. Кнюппель, опубликовавший два письма Ф. И. Табберта К. Ф. фон Врееху⁴⁹. Эти же годы указаны и российскими специалистами: К. Г. Шульман (1702–1765), молодой немецкий дворянин, уроженец Нарвы⁵⁰. Если это так, то 1 марта 1721 г. ему было полных 18 или 19 лет, вот почему, как сказано выше, Д. Г. Мессершмидт и писал в прошении «которой 16 лет есть», то есть уже исполнилось 16 лет.

К. Г. Шульман оказался в России, так как «вместе с родителями, братьями и сестрами в 1710 г. попал в русский плен». Его отец — шведский подполковник Joachim Niklas, мать — Anna Elisabeth⁵¹. Когда семья прибыла в Tobольск, неизвестно, нет точных сведений и о том, с какого времени К. Г. Шульман стал служить у Д. Г. Мессершмидта и почему пошел на эту службу.

По этому поводу могут быть предположения, суть которых сводится к тому, что «зачисление» молодого рисовальщика в состав экспедиции не обошлось без участия Ф. И. Табберта. Известно, что К. Г. Шульман учился в школе К. Ф. фон Врееха⁵², и в этой школе «преподавателем, не получившим вознаграждения», работал Ф. И. Табберт⁵³, а Д. Г. Мессершмидту обязательно нужен был рисовальщик. Не исключено, что Ф. И. Табберт посоветовал Д. Г. Мессершмидту взять с собой этого одаренного молодого человека. Такое предложение устраивало семью Карла, так как содержание одного из членов семьи брал на себя начальник экспедиции, а в лице Ф. И. Табберта, человека известного в Tobольске, образованного, энергичного офицера, знающего русский язык, которого лично знал бывший губернатор князь М. П. Гагарин, Карл получал надежного покровителя.

Сам Ф. И. Табберт начал службу 27 февраля 1721 г. Вероятно, и К. Г. Шульман был «приписан» к экспедиции в период с 27 февраля до 1 марта 1721 г.

⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 23 об.

⁴⁸ Deutschbaltisches biographisches Lexikon. 1710–1960. Köln ; Wien, 1970. S. 704–705.

⁴⁹ Knüppel M. Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs an Curt Friedrich von Wreech aus den Jahren 1723 und 1724 // Acta Orientalia. 2018. Vol. 79. S. 115.

⁵⁰ Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // Collegae, amico, magistro : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виленда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 172.

⁵¹ Deutschbaltisches biographisches Lexikon... S. 704–705.

⁵² Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 145.

⁵³ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 33.

Среди сведений о К. Г. Шульмане в дневнике Ф. И. Табберта есть две странные записи. 23 апреля 1722 г. в Красноярске Ф. И. Табберту комендант вручает для ознакомления ордер, в котором сказано, что шведским пленным надо возвращаться⁵⁴. 24 апреля Ф. И. Табберта опять вызвал комендант и потребовал: «он должен подготовиться к поездке»⁵⁵. К. Г. Шульмана не вызывает, о его отъезде в дневнике записи пока нет.

Но 8 мая 1722 г. появляется доношение Д. Г. Мессершмидта, содержание которого Ф. И. Табберт кратко передал своими словами: «Также сегодня господин доктор отдал доношение, касающееся отъезда капт. Табберта, в нем он просил для него 4 лошади до реки Кемчуг, и чтобы там его обеспечили вместе с *племянником* (выделено мною. — Ю. Ч.) Карлом Густавом Шульманом лодками, одним служилым и 2 гребцами до города Тобольска»⁵⁶. Слово племянник написано в дневнике латиницей: *plemjannik*. А 16 мая 1722 г. в дневнике говорится о подорожной: «в ней значилось, что капт. Табберт и его племянник Карл Шульман не могут никем задерживаться»⁵⁷.

Значит, племянником К. Г. Шульмана назвал не сам Ф. И. Табберт, а Д. Г. Мессершмидт. О причинах можно только догадываться, так как сам Ф. И. Табберт юношу ни разу племянником не называл.

Есть еще одна неясность в сибирской биографии молодого немца.

П. П. Пекарский цитировал отписку Д. Г. Мессершмидта от 2 апреля 1722 г. на имя князя А. М. Черкасского: «Даны мне из Тобольску, по указу великаго государя, шведский капитан, Иван Филипов сын Табберт и слуга его (выделено мною. — Ю. Ч.) Карл Густав Шульман; и онаго капитана Ивана Филипова и Карла, по указу великаго государя, надлежит мне отпустить в Тобольск сего 1722 г. в мае месяце»⁵⁸.

И «слугой» называет К. Г. Шульмана не сам капитан, а Д. Г. Мессершмидт, если, конечно, не напутал чего писарь. И можно только догадываться о причинах, побудивших всегда точного Д. Г. Мессершмидта назвать Карла слугой капитана.

К. Г. Шульман хотя и был важным для экспедиции участником — рисовальщиком, но Д. Г. Мессершмидт не предпринял ничего, чтобы его оставить в своей команде. Вероятно, и доктор, и Ф. И. Табберт осознавали ответственность, которую они взяли на себя за саму жизнь юноши, ведь взрослого Д. Капелла они уже потеряли. Как показывают дальнейшие события, Д. Г. Мессершмидт надеялся на то, что в каком-нибудь из городов по пути его следования (Красноярск, Енисейск, Мангазея, Иркутск, Удинск) он получит в свое распоряжение постоянного художника, но этого не случилось.

О рисунках, выполненных именно К. Г. Шульманом, можно судить исходя из сроков его пребывания в составе экспедиционного отряда. После отъезда «художника-самоучки из Сибири место рисовальщика никем

⁵⁴ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 62.

⁵⁵ Там же. С. 63.

⁵⁶ Там же. С. 65.

⁵⁷ Там же. С. 68.

⁵⁸ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 357.

заменено не было, Д. Г. Мессершмидт принял обязанности рисовальщика на себя»⁵⁹.

Известны рисунки археологических объектов, выполненные К. Г. Шульманом. Это писанный камень так называемой Городовой стены (18 февраля 1722 г.)⁶⁰, Томская писаница, рисунок которой сделан, вероятно, в июле 1721 г., курганные плиты на месте раскопок (2 января 1722 г.), «Тесинский богатырь» (24 января 1722 г.) и другие⁶¹.

В литературе об экспедиции встречается мнение, что К. Г. Шульман зарисовал растение «Венерин Башмачок крупноцветный», птицу «Большая выпь или бугай» и фигуру тунгуса — рисунок «Orotong — Tungusus. Тунгус»⁶². Это не так.

Первые два рисунка являются приложениями к IV рапорту Д. Г. Мессершмидта от 25 июня 1720 г. В то время состав экспедиции еще не был сформирован, услугами К. Г. Шульмана Д. Г. Мессершмидт не пользовался. Рисунок большой выпи сопровождается надписью Д. Г. Мессершмидта о том, что эта «курьезная птица... была увидена у города Симбирский на Волге», а рисунок был передан его «хорошим другом».

Следовательно, это два рисунка неизвестного художника.

Третий рисунок, на котором изображен тунгус-оротонг, не мог быть выполнен К. Г. Шульманом. Не исключено, что это рисунок самого Д. Г. Мессершмидта. Об оленных тунгусах (оротонгах) он узнал только по прибытии в Мангазею 17 июня 1723 г.⁶³, описание внешности тунгусов сделал 11 июля 1723 г., а описание их татуировок — 17 июля 1723 г. на Нижней Тунгуске⁶⁴. К. Г. Шульмана в то время в экспедиции уже не было. Оригинал рисунка с названием «Orotong — Tungusus» Д. Г. Мессершмидт разместил в «Hodogeticum» на отдельном листе среди записей 66-го этапа путешествия, когда он в августе 1723 г. поднимался вверх по Нижней Тунгуске и прошел все те места, где встречался с тунгусами⁶⁵. Таким размещением рисунка Д. Г. Мессершмидт показал, что выше по Нижней Тунгуске

⁵⁹ Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готтлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 126.

⁶⁰ Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI в. // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 245 и цв. вкладка к статье (рис. 5).

⁶¹ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт... С. 94, 96, 99, 104–105, 114, 119, 120. Табл. XIV, XV, XVI.

⁶² М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века : альбом-исследование. М., 2014. С. 15–17; *Smirnov A. V., Ostrovsky A. N.* Die deutschen Wurzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 110 Jahresversammlung. Bielefeld. 12.–15. September 2017 / Hrsg. von R. A. Steinbrecht. S. 38.

⁶³ Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 26–27.

⁶⁴ Там же. С. 55.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

тунгусов он не встречал. Возможно, на реке в полевых условиях первоначально был сделан набросок, а уже в Санкт-Петербурге при составлении описания маршрута — сам рисунок, помещенный в описании маршрута так, чтобы проиллюстрировать предыдущие встречи с татуированными тунгусами.

Известно, что после отъезда К. Г. Шульмана некоторые рисунки выполнял не сам Д. Г. Мессершмидт, и такие случаи он оговаривал в дневнике. Например, в Иркутске фоссилии мамонта рисовали иркутские иконописцы⁶⁶. Но всегда ли оговаривал? В отношении рисунка тунгуса-оротонга в дневнике нет никаких сведений. Не исключено, что этот рисунок позже под контролем Д. Г. Мессершмидта, по сделанному в полевых условиях наброску или даже по описанию, выполнял кто-то другой. Известно, что в Санкт-Петербурге были художники, с которыми работал Д. Г. Мессершмидт после возвращения в столицу⁶⁷. Может быть, специалисты, сравнив по технике исполнения рисунки, безусловно выполненные Д. Г. Мессершмидтом, с рисунком тунгуса-оротонга, смогут установить, выполнен ли рисунок самим путешественником или иным лицом.

Разумеется, в путешествии К. Г. Шульман занимался не только рисованием. Это был ловкий, физически развитый, смелый молодой человек. Он принимал самое активное участие во всех делах экспедиции, в том числе и в археологических раскопках⁶⁸, прекрасно управлялся с лошадей, например, умел верхом переплывать полноводные реки⁶⁹, карабкался по скалам, чтобы добираться до пещер, расположенных на большой высоте в обрывистых берегах верхнего течения р. Енисей⁷⁰.

В книге М. Г. Новлянской со ссылкой на дневник Д. Г. Мессершмидта приводятся сведения о том, что К. Г. Шульман в августе 1721 г. вел записи в дневнике и допустил ошибку относительно географической широты в местности у р. Бирь, и эту ошибку Д. Г. Мессершмидт обнаружил 29 июля 1722 г. Ошибка оказалась настолько серьезной, что «при всех последующих вычислениях широт принимались неправильные данные склонения Солнца», из-за чего широты этих местностей были также вычислены неправильно. Д. Г. Мессершмидт пришел к выводу, что эти вычисления «должны быть либо заново пересчитаны, либо совершенно отброшены как негодные»⁷¹. Однако в августе 1721 г. дневник вел не сам Д. Г. Мессершмидт, а Ф. И. Табберт, который в то время находился в Томске, у р. Бирь он ни с экспедицией, ни самостоятельно не бывал. Поэтому говорить об ошибочной записи именно в дневнике нельзя. Такой записи в дневнике нет и быть не могло.

⁶⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 202, 204.*

⁶⁷ *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 154–155.*

⁶⁸ *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 28.*

⁶⁹ Там же. С. 67.

⁷⁰ Там же. С. 42, 43.

⁷¹ *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 40.*

При проверке ссылок выяснилось, что, действительно, Д. Г. Мессершмидт 29 июля 1722 г. обнаружил ошибочную запись величины склонения Солнца, сделанную не в дневнике, а в каком-то журнале, и это повлекло неверное определение широт в местности у р. Бирь. Но ни в немецком издании дневника, ни в рукописи не сказано, что тот журнал вел именно К. Г. Шульман. В дневнике Д. Г. Мессершмидт, не называя имени, записал, что виноват в ошибке *Journalist*⁷². Если ошибочную запись не сделал сам Д. Г. Мессершмидт, то в августе 1721 г. записи такого рода в каком-то отдельном журнале могли вести и К. Г. Шульман, и Д. Капелл. Поэтому преждевременно говорить, что К. Г. Шульман вел некий журнал с записями, необходимыми для вычисления широт.

В то же время сведения о существовании какого-то журнала, который вел Д. Г. Мессершмидт (или кто-то по его поручению) в отсутствие Ф. И. Табберта, подтверждают факт разделения полномочий между ними по письменной фиксации происходящих событий.

28 мая 1722 г. Д. Г. Мессершмидт расстался с Ф. И. Таббертом и К. Г. Шульманом. «За тихое смирение и верную помощь я уволил их не иначе, как со слезами», — так кратко, но с чувством глубокой признательности написал путешественник в дневнике⁷³. «Уволил» потому, что «содержание и оплату этих людей Мессершмидт принял на свой счет»⁷⁴.

С 28 мая 1722 г. с Д. Г. Мессершмидтом остались слуга и переводчик, он же стрелок, Петер Кратц, крепостной слуга Иван Путимцев и три денщика. Говоря об их значении для экспедиции, Д. Г. Мессершмидт констатировал: «у меня мало или почти нет никакой надежды привлечь их к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании»⁷⁵. Действительно, научной работой занималась шведско-немецкая группа, состоящая из Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана, а теперь и эта работа легла на плечи одного Д. Г. Мессершмидта. Остальные члены экспедиции занимались «ненаучной» работой.

СЛУГА, ПЕРЕВОДЧИК, СТРЕЛОК ПЕТЕР КРАТЦ

Немец **Петер Кратц**⁷⁶, «подмастерье башмачника по профессии»⁷⁷, родом «из Dirschau в Пруссии»⁷⁸, стал ближайшим и важнейшим ненаучным помощником Д. Г. Мессершмидта. Руководитель экспедиции в дневнике его именовал Peter.

⁷² *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 1. S. 285, 286, 287, 313.

⁷³ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 72.

⁷⁴ *Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг...* С. 34.

⁷⁵ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 72.

⁷⁶ Он также известен как Kraats, Kraatz или Krahts.

⁷⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1966. Тl. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 194.*

⁷⁸ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 72.

П. Кратц обладал несомненными достоинствами, полезными для экспедиции: был опытным слугой, страстным охотником, знал русский язык. Но у него имелся и нетерпимый для Д. Г. Мессершмидта порок — злоупотребление алкоголем, пьянство.

Службу П. Кратца у Д. Г. Мессершмидта можно условно разделить на три периода в зависимости от размера ежегодной оплаты, способа оформления отношений.

Первый период — с 17 февраля 1721 г. до 19 февраля 1722 г, второй — с 19 февраля 1722 г. до 14 января 1724 г., третий — с 14 января 1724 г. по 31 декабря 1726 г. Дальнейших сведений нет, так как отсутствуют путевые записи и мне неизвестны документы 1727 г., в которых говорится о П. Кратце.

Первый период начался 17 февраля 1721 г., когда П. Кратц был «вручен» Д. Г. Мессершмидту «по велению Тобольской канцелярии» через подьячего Ивана Осипова «для всякого услужения в домашних нуждах», и был он «из немецких слуг, служивших при офицерах в Тобольске». Жалованье П. Кратцу было установлено «по всякой год по осьми рублев... И служил он, Петр, до другога года смирно и послушно и в котором году мне учинил[ось] служить и со шветцкою коранаю», — изложил Д. Г. Мессершмидт в промемории № 265, написанной в Иркутскую губернскую канцелярию 25 мая 1725 г.⁷⁹ Значит, предполагалась служба личным, домашним слугой, и ничего более, с оплатой 8 руб. в год. Об использовании Петера в качестве переводчика и стрелка пока речь не шла.

Возможно, служебное положение П. Кратца было зафиксировано распиской Д. Г. Мессершмидта в канцелярию о приеме Петера, так же как это было сделано по отношению к Ф. И. Табберту и Д. Капеллу.

Каким-то конкретным периодом срок службы оговорен не был, письменно оформленного соглашения между Д. Г. Мессершмидтом и П. Кратцем не существовало. Это объяснимо, так как было неясно, как долго продлится путешествие. Отсюда и формулировка об оплате «по всякой год». Позже Д. Г. Мессершмидт в иркутской промемории № 265 писал: «Петра мне надлежит назад в Тоболеск в ту же канцелярию, из которой я принял, и назад ево вручить»⁸⁰. Это говорит о предполагающейся службе на весь период экспедиции.

Но в 1722 г. возникли непредвиденные обстоятельства: приходилось расставаться с пленными.

«В 1722 году майя месяца, — сказано в той же промемории Д. Г. Мессершмидтом, — и, видя ево, [Петра], способного про его Императорского Величества обиход и дело, в стрельание и ради толмачества, ... и он, Петр, по своей воле у меня астался. И прибавил ему яз всякого по два рубли, [и] того во всем за год по десяти рублев. И с того времени служил еще смирно до другога 1723 году...»⁸¹. Тем самым подтверждается, что в 1721–1722 гг.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 33. Л. 100–101 об.

⁸⁰ Там же. Л. 102.

⁸¹ Там же. Л. 101 об.

и до 1723 г. Петер уже был проверен и как стрелок («в стрельяние»), и как переводчик («ради толмачества») и оказался «способным» выполнять эти обязанности, вот ему и была увеличена оплата на 2 рубля в год.

Петер «остался», значит, мог и не остаться. Это подтверждается в упоминавшейся отписке Д. Г. Мессершмидта сибирскому губернатору от 2 апреля 1722 г., в которой говорилось о том, что Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана ему предстоит отпустить в мае 1722 г. «по государеву указу». О П. Кратце в этой отписке Д. Г. Мессершмидт объяснил губернатору: П. Кратца он «удержал... у себя», так как русского языка не знает, а «переводчика при нем никакого нет, кроме онаго Краца»⁸².

Следовательно, во-первых, не позднее 2 апреля 1722 г. в экспедиции было известно о предстоящем возвращении шведско-немецкой группы в Тобольск, и, во-вторых, не позднее той же даты вопрос об оставлении П. Кратца был разрешен — Петер остался вопреки «указу», дающему ему право на возвращение. Такое объяснение Д. Г. Мессершмидта, несомненно, свидетельствует о том, что Петер был из тех лиц, которые имели право вернуться на родину по Ништадтскому мирному договору — не только пленные, но и те иностранцы, кто уже поступил на русскую службу.

Что же побудило Петера изменить свое намерение, отказаться от реализации своего права? Ф. И. Табберт в письме от 28 июля 1723 г. своему другу К. Ф. фон Врееху, вспоминая о расставании с Д. Г. Мессершмидтом, сообщал: «однако Петр, слуга, и Андреас, повар, еще остались у него, чего я достиг с большим трудом, тем более что несчастный муж (Д. Г. Мессершмидт. — Ю. Ч.) из-за нашего отъезда был в немалой печали»⁸³. Именно Ф. И. Табберт «с большим трудом» уговорил и Петера, и Андрея остаться.

Условия, на которых Петер отказался от возвращения на родину, указаны в его прошении от 12 января 1724 г., поданном в Иркутске, текст которого Д. Г. Мессершмидт переписал в дневник: «Я прошу об обещании господина через господина капитана Табберта, что я должен служить моему господину два года. Теперь же мое время вышло, а потому я со всем смирением прошу отпустить меня». Далее П. Кратц пишет, что в Иркутске еще послужит Д. Г. Мессершмидту, но предупреждает: «...я не поеду дальше»⁸⁴. Прочитав прошение, Д. Г. Мессершмидт ответил, что он подумает, «можно здесь что-то поделывать или нет»⁸⁵.

Хотя «время вышло» и с этим Д. Г. Мессершмидт согласился, на следующий день доктор отметил в дневнике: «его оговоренные два года

⁸² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 357.

⁸³ *Wreech C. Fr. Wahrhaffte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rußland und Siberien, welchergestalt dieselbe nach dem A. 1709 bey Pultawa in der Ukraine mit denen Rußen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschafft, zum Theil von Gott kräftig zur Buße erwecket worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule, zu Tobolky von Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunfft nach erfolgten Friedens = Schluß begeben hat, mitgetheilet.* Sorau, 1728. S. 902.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

⁸⁵ Там же. Л. 9об.

оканчивались только 19 февраля». Поэтому Д. Г. Мессершмидт велел «ждать, пока ему дана будет отставка». Но, поразмыслив, уже 14 января 1724 г. предложил П. Кратцу такие условия следующего соглашения, которые тот принял. При этом Д. Г. Мессершмидт не хотел «мучить» Петера ожиданием до 19 февраля 1724 г. и доводить его до «отчаяния»⁸⁶.

Так как Д. Г. Мессершмидт точно указал дату окончания двух лет, можно с уверенностью утверждать, что существовала письменная форма соглашения о службе Петера с 19 февраля 1722 г. до 19 февраля 1724 г. с ежегодной оплатой по 10 руб.

Почему срок исчислялся не со 2 апреля 1722 г., а именно с 19 февраля 1722 г., ни в прошении Петера, ни в отписке Д. Г. Мессершмидта не сказано. Я могу только очень осторожно предположить два варианта объяснения.

Первый. Как раз истек первый год из тех «всяких» годов, что были оговорены в первом соглашении, начавшийся 17 февраля 1721 г., с оплатой по 8 руб. Недовольный возросшим объемом работ (не только домашний слуга, но и переводчик, и стрелок), Петер стал «бунтовать», и Ф. И. Табберт, являясь посредником между хозяином и слугой, постепенно уговорил их обоих считать срок нового двухлетнего соглашения с 19 февраля 1722 г.

И второй вариант, связанный с первым. «Бунтовать» Петер стал тогда, когда и первый год службы закончился, и о предстоящем возвращении узнали задолго до официального уведомления 23 апреля 1722 г. Поводом к отказу служить стала информация о возврате пленных. Получить ее могли еще в Абаканском остроге от проезжавшего в Красноярск курьера с ордером для красноярского воеводы о возвращении пленных. В Абаканском остроге экспедиция была до 16 февраля 1722 г. Государеву почту возили быстро, и от Тобольска, куда указ поступил 5 декабря 1721 г.⁸⁷, до Абаканска курьер по зимней дороге за два с половиной месяца вполне мог доехать. Тогда и начались «ропот» Петера и уговоры Ф. И. Табберта.

Но вернемся к событиям 14 января 1724 г. В тот день обеими сторонами был подписан письменный контракт. Второй период службы окончился, начался третий период.

Текст контракта Д. Г. Мессершмидт переписал на немецком языке в промеморию № 265 от 25 мая 1725 г.⁸⁸ Необходимость написания этой промемории с изложением текста контракта на немецком языке была вызвана тем, что в нарушение договора Петер в ночь с 23 на 24 мая 1725 г. в Иркутске сбежал от Д. Г. Мессершмидта⁸⁹. И, чтобы вернуть слугу, Д. Г. Мессершмидту надо было представить в воеводскую канцелярию доказательства самовольного оставления службы, а доказательством был контракт.

⁸⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.

⁸⁷ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 131–132.

⁸⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 33. Л. 102 об. – 103.

⁸⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 – November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 92.*

В тексте нового контракта Д. Г. Мессершмидт признал, что прошение от 12 января 1724 г. было подано обоснованно, так как прежний договор закончился «по прошествии соответствующего количества лет службы». В то же время дать отставку невозможно «как из-за стрельбы, так и из-за перевода и прочих надобностей для дорожного хозяйства, во всякой из которых он до сих пор проявлял себя надежным и усердным». Теперь Петеру определялось годовое жалованье 15 руб. с «этой даты до достижения Санкт-Петербурга», где он будет вправе «потребовать отставки, не встретив возражений». Наученный горьким опытом общения с П. Кратцем, который все чаще стал увлекаться алкоголем, Д. Г. Мессершмидт настоял, чтобы в контракте было оговорено условие для слуги: «уклоняться от питья и невоздержанности в отношении пива или водки». И тогда при выполнении этого условия, если Петр будет и «впредь представлять перед моими глазами в тихом послушании, верности, скромности, молчаливости и рассудительности», в Петербурге ему будет выдано «письменное свидетельство о его верной службе» и «будет ему выдано при расставании в согласии с его собственными порывами и пожеланиями или полное, с головы до ног, одеяние, или 15 рублей наличными; а более того, поскольку он захочет увидеть своих родных, также ему будет подарено мною водное путешествие из Петербурга в Гданьск, и на то ему отдельно будет дано столько денег, сколько потребуется». При этом Д. Г. Мессершмидт как глубоко верующий человек озаботился душевным благополучием своего слуги: воздержание от алкоголя требуется «ради здоровья его же [Петра] души, чтобы полностью исполнить волю любящего нас Господа». Контракт скреплен печатью Д. Г. Мессершмидта.

И наконец, в контракте было зафиксировано главное в тот момент для П. Кратца — ожидаемое скорое возвращение из Нерчинска в Тобольск: «уже в этом, 1724-м, году обратная дорога от Нерчинского, вероятно, сможет уладиться сама собой». Как оказалось впоследствии, быстро вернуться не получилось, потребовалось еще два года, пока, наконец, только в предпоследний день февраля 1726 г. путешественники не оказались в Тобольске⁹⁰.

На этом попытки П. Кратца избавиться от службы не закончились. 23 мая 1725 г. П. Кратц вновь «попросил о своей отставке, не предъявив ничего, что побудило его к тому». Д. Г. Мессершмидт напомнил ему о контракте и предложил подождать до Тобольска⁹¹.

Но в ночь с 23 на 24 мая 1725 г. слуга сбежал из дома и со службы. Выяснилось, что после разговора с Д. Г. Мессершмидтом 23 мая Петер «сразу подался в канцелярию и там напрасно жаловался» на излишнюю строгость Д. Г. Мессершмидта, из-за чего он не может дальше служить, «а хотел бы освободиться и стать вольным». В канцелярии Петеру ничего не ответили. А на следующий день подьячий, присутствовавший при посещении Петром

⁹⁰ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1977. Tl. 5 : Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725 Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 72.*

⁹¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 4. S. 90.*

канцелярии, сказал Д. Г. Мессершмидту, что если в канцелярию ученый обратится с прошением, то канцелярия слугу «непрерывно призовет к подчинению и снова пришлет»⁹².

Между тем Петер после неудачного посещения канцелярии пришел к Д. Г. Мессершмидту «как свободный человек» с намерением сдать «ключи от амбаров, а также все прочие хозяйственные расчеты и товары». При этом присутствовал поляк Михаэл Волохович, и когда Д. Г. Мессершмидт потребовал от Петера посмотреть контракт от 14 января 1724 г., слуга соврал, «что никогда не видел и не имел такого контракта».

Эти события расстроили Д. Г. Мессершмидта, появились «цефалгия и головокружение», пришлось необычайно рано, в 6 часов вечера, лечь в постель⁹³.

На следующий день с утра Д. Г. Мессершмидт с помощью поляка Михаэла Волоховича, ставшего на время переводчиком, и пришедшего подьячего готовил мемориал № 265 по поводу бегства Петера. Потом с писарем делали копию мемориала. И здесь явился сбежавший Петер, «извинился за свою опрометчивую просьбу уйти, вызвался служить и дальше, но выдвинул просьбу о том, чтобы в Тобольске получить увольнение». Такое обещание Д. Г. Мессершмидт дал. Петер, боясь наказания, просил мемориал о его самовольном оставлении службы в канцелярию не отправлять. Д. Г. Мессершмидт согласился и с этим: «по справедливости» мемориал «не мог быть отослан»⁹⁴. Таким образом, этот неприятный для каждого вопрос был разрешен.

Как показали дальнейшие события, П. Кратц оставался слугой Д. Г. Мессершмидта и после Тобольска. 16 апреля 1726 г. они прибыли в Соликамск⁹⁵. А 31 декабря того же года на последней странице пятого тома путевого журнала Д. Г. Мессершмидт привел перечень проступков П. Кратца, совершенных им в декабре 1726 г. и являющихся основаниями для уменьшения оплаты за этот месяц⁹⁶.

Итак, П. Кратц уже после первого года намеревался прекратить службу и благодаря авторитету Ф. И. Табберта, его настойчивости остался на два года в экспедиции. Через два года он вновь намеревался уйти от Д. Г. Мессершмидта, но, очевидно, оценив выгодные предложения третьего по счету соглашения, вновь остался. Однако и после надлежащего оформления отношений П. Кратц еще дважды (23 и 24 мая 1725 г.) предпринял действия, направленные на прекращение службы. То есть было четыре попытки прекратить отношения с Д. Г. Мессершмидтом.

Зависящий от своего слуги, прежде всего ввиду незнания (или весьма поверхностного знания) русского языка, Д. Г. Мессершмидт вынужден был терпеть «капризы» слуги и доступными ему способами сохранять этого спутника в составе экспедиции.

⁹² Ibid. S. 91.

⁹³ Ibid. S. 91.

⁹⁴ Ibid. S. 92.

⁹⁵ Ibid. Tl. 5, S. 116.

⁹⁶ СПбФ АРАН. Оп. 1. Д. 5. Л. 372 об.

Пытаясь прекратить службу, П. Кратц, по словам Д. Г. Мессершмидта, сослался на излишнюю, по мнению слуги, строгость хозяина, но в чем она заключалась и как проявлялась, Петер не объявил. Путевые записи позволяют прийти к выводу, что П. Кратца мучил порок — злоупотребление алкоголем (это бывало и у денщиков), постепенно учащающиеся случаи пьянства в местах базирования экспедиции (в городах), а Д. Г. Мессершмидт жестко на них реагировал, не давая ситуации выйти из-под контроля. В этом и заключалась «строгость» доктора. Сам Петер остановиться не мог и, вероятно, лучшим выходом считал прекращение своего путешествия.

Рассмотрим подробнее борьбу Д. Г. Мессершмидта с пороком Петра Кратца.

В 1721–1723 гг. Петер служил «смирно и послушно». Действительно, в дневнике нет ни одной записи о пьянстве Петра в эти годы. Первый случай относится к 13 января 1724 г. в Иркутске: «Мой слуга ушел на базар и вернулся только через 3 часа. Он был так пьян, что едва мог говорить»⁹⁷. Между прочим, Петер хоть и пьяный вернулся, но принес «одну стеклянную бутылку английской горькой настойки, примерно II [2 унции], за что заплатил 50 копеек, а также 1 пуд соли по 16 копеек за пуд»⁹⁸. Это был знаменательный день: накануне Петер написал прошение об отставке, а на завтра был оформлен единственный известный нам письменный контракт, о котором подробно рассказано выше.

Но и контракт не помог. Ровно через два месяца Петер «для видимости» взял ружье и ушел, с ним пошел и Михаил Бахметьев, «вскоре они вернулись, выбежали снова наружу и снова вошли в дом, пока не стали все пьяны», — записал Д. Г. Мессершмидт. Чтобы оправдать уход, Петер в городе застрелил птичку: они-де охотились⁹⁹. Это случилось в г. Удинске.

«А понеже Его Императорского Величества дела пьяницам слугам делать было невозможно, и за таким временем была остановка немалая, и я его, Петра, от такого пьянства всяким манером худым и добрым словесно и плетью научил», — объяснял в промемории № 265 Д. Г. Мессершмидт свои строгости¹⁰⁰.

Д. Г. Мессершмидт рассматривал служение науке, саму эту экспедицию как проявление воли Господа. Он неоднократно подчеркивал, что преодолевает трудности, спасается от случайных несчастий благодаря заботам Господа о нем. Поэтому доктор старался и в своих немецких спутниках разбудить такое понимание, что позволит им, наконец, избавиться от грешных пороков. В дни больших религиозных праздников он собирал немецких слуг у себя на квартире, читал им проповеди своего учителя по Гальскому университету, богослова А. Г. Франке, как, например, в Красноярске 14 апреля 1723 г., в день Пасхи¹⁰¹.

⁹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

⁹⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 194.

⁹⁹ *Ibid.* S. 252.

¹⁰⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 109 об.

¹⁰¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 36.

Но ничего не помогало. Уже на Рождество в том же году, когда Д. Г. Мессершмидт был в Иркутске, Петер опять напился, и Д. Г. Мессершмидт вынужден был признать неудачу перевоспитания: «...более всего мне было горько видеть, как он все сильнее запутывался в сетях Сатаны...»¹⁰².

В Самаровом Яме Петер совершенно распоясался. 13 ноября 1725 г. по вызову Д. Г. Мессершмидта для приведения в порядок хозяйственных записей он явился пьяный, «давал громкие, путаные и глупые ответы». Доктор пригрозил наказать по-польски веревками, «поскольку он как немец не желал быть наказанным палками», Петер пообещал не пить, этим пока и ограничились¹⁰³. Но прошло пять дней, и 18 ноября история повторилась: Петера не было дома «до 2 часов и пришел он совершенно пьяный», а тут еще и денщики напились¹⁰⁴. Выведенный из себя Д. Г. Мессершмидт сообщил о произошедшем коменданту Самарова Яма и велел «отходить» батогами и денщиков, и Петера¹⁰⁵.

Не остановился Петер и после тяжелой болезни, последовавшей 30 декабря 1725 г. в результате отравления. Болезнь стала результатом того же порока. Этот эпизод заслуживает того, чтобы показать сложные ситуации, в которых оказывались хозяин и слуга.

В конце дня 30 декабря 1725 г. в комнате для прислуги в доме, где квартировала экспедиция, Петер «неожиданно вскочил из постели и был в сильном замешательстве..., в сильном помешательстве рассудка, а именно дрожащим от ужаса, причем он громко кричал и жаловался, что за ним стояла уличная девка, что его совратила, и что перед ним был нечистый дух, что угрожал ему <...>; однако он узнавал всех присутствовавших и называл их по именам, и все, что говорилось, тут же понимал и отвечал на это, но между тем ему постоянно приходилось сражаться со своими врагами, то сзади, то спереди, то по сторонам, то подле себя, то над собой, и он кричал, что видел их <...>». Во время расспроса слуг, не выходил ли Петер из дома, не пил ли, не ел ли чего вредного, Петер все понял и сам ответил, став молиться и кричать: «Шлюха! Шлюха принесла с собой что-то и отравила меня!». Д. Г. Мессершмидт догадался, что Петеру был дан какой-то напиток, он отравлен, и принялся за лечение методами и лекарствами, применяемыми при отравлении. В первую ночь он почти не отходил от постели больного и только в полпятого утра «в платье прилег отдохнуть»¹⁰⁶. В течение недели Д. Г. Мессершмидт постоянно находился возле Петера, и, наконец, 7 января 1726 г. слуга выздоровел. Первое, что сделал доктор, — приказал Петеру побрить себя.

В тот же день Д. Г. Мессершмидт велел Петеру письменно написать «жалобу на своего отравителя, чтобы посредством мемориала донести

¹⁰² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 299 об.

¹⁰³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 5. S. 15.*

¹⁰⁴ *Ibid.* S. 17.

¹⁰⁵ *Ibid.* S. 19.

¹⁰⁶ *Ibid.* S. 38–39.

до сведения здешнего приказа»¹⁰⁷. Написать надо было на русском языке, а для этого потребовался подьячий Лысицкий, но он, по словам Петера, не хотел заниматься этим делом. Д. Г. Мессершмидт заподозрил подьячего в том, что, может быть, «виноватые подкупили его, и что-то подобное могло произойти»¹⁰⁸. Несколько дней Петер не писал жалобу, но в конце концов, после «разного рода настояний и увещеваний» Д. Г. Мессершмидта, написал 17 января 1726 г. объяснение на немецком языке. Д. Г. Мессершмидт это объяснение сохранил «исключительно для памяти»¹⁰⁹, так как Петер не хотел тяжбы, а без его согласия доктор не имел времени «на ведение формальных общественных разбирательств, без которых не обходятся подобные вещи». В объяснении¹¹⁰ Петер напомнил Д. Г. Мессершмидту о том, что еще 24 декабря 1725 г. к нему в кабинет «тайно пробралась пьяная баба и сказала, что ее покусала собака», и он, господин, велел Петеру вывести ее и при этом «был очень раздосадован тем, что к нему допускают пьяных людей». И когда Петер ее выводил, эта баба, — писал Петер в объяснении, — пригрозила ему, что, мол, «доберется» до него. «На следующий вечер, в 11 часов, к ночи, — продолжал Петер, — я пошел к ней, потому как она была прачкой, хотел примириться с ней; и она протянула, или предложила, мне стакан водки; что она добавила туда, я не знаю. Как я допил стакан, мне сразу стало очень дурно, и потому я сразу отправился домой и не мог спать три ночи. 28-го рано утром начал сходить кожа с языка, на что я также указал другим слугам в доме, и все они видели это и удивлялись. 30 декабря, вечером, ночью, я потерял рассудок». Он просил «не передавать это в приказ, потому как это для меня, чужого в этой стране человека, может обернуться многими последствиями и неприятностями», «никаких судебных жалоб по этому поводу не желаю вести и все веряю в руки Господа».

Но, как показали дальнейшие события, это не отвадило Петера от увлечения алкоголем. Уже в Тобольске, 9 марта 1726 г.¹¹¹, и в день приезда в Хлынов, 30 декабря 1726 г., он снова напился. В Хлынове совершенно раздосадованный Д. Г. Мессершмидт записал в дневнике: «К вечеру этот болван сделался так пьян, что не пожелал показаться, чтобы застелить мою постель... И я должен был терпеливо все это снести»¹¹². Видимо, смирился Д. Г. Мессершмидт и с тем, что придется мучиться со слугой до расставания в Петербурге.

В сохранившихся дневниках появляется последняя запись. Это своего рода реестр проступков Петера, совершенных им в декабре 1726 г. Проступки зарегистрированы как основания для последующего уменьшения зарплаты слуги. В списке из 11 проступков четыре случая, связанных с употреблением алкоголя: 8 декабря «напился в Соликамске», 9 декабря «пьяный

¹⁰⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 5. S. 45.

¹⁰⁸ *Ibid.* S. 46.

¹⁰⁹ *Ibid.* S. 52.

¹¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 121 об.

¹¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.

¹¹² Там же. Л. 370 об.

в городе», 10 декабря «брил меня наполовину трезвый», 30 декабря «пьяный по соблазнению хозяев (дома, в котором остановились. — Ю. Ч.)»¹¹³. Д. Г. Мессершмидт накапливал доказательства игнорирования Петером контракта от 14 января 1724 г., в котором «черным по белому» записано: «уклоняться от питья и невоздержанности в отношении пива или водки».

Но информации, где и как они расстались, в Петербурге или раньше, нет. Возможно, Д. Г. Мессершмидт проявил великодушие и исполнил то, что обещал, — выдал 15 руб. или полную одежду, как и деньги на дорогу в Гданьск. Ведь все же, несмотря на совершенно неприемлемый, противный Д. Г. Мессершмидту порок, П. Кратц так много сделал для успеха экспедиции, как никто из других спутников путешественника.

Перейдем к его заслугам, так как не пороками Петера, а многолетним трудом определяется роль этого немецкого слуги в истории сибирского научного путешествия. Поэтому о нем в дневнике имеются едва ли не ежедневные записи.

Кратц как устный переводчик. Д. Г. Мессершмидт неоднократно подчеркивал значение П. Кратца как устного переводчика («ради толмачества»). Прямых доказательств присутствия Петера как переводчика устной речи при многочисленных встречах Д. Г. Мессершмидта с русскими людьми, в том числе и при официальных встречах, например с воеводами, приказчиками, другими чиновными служителями, в дневнике немного. Но наверняка такое участие было почти ежедневным, так как сам Д. Г. Мессершмидт неоднократно признавался, что очень слаб в русском. Это касается и оформления Д. Г. Мессершмидтом разного рода бумаг, адресованных в местные канцелярии, когда для их написания вызывался писарь или подьячий. Перевод с немецкого того, что говорил Д. Г. Мессершмидт, и перевод с русского того, что записывал и вслух читал писарь, мог делать только Петер. Самих писарей приходилось искать Петеру.

В Тобольске 17 марта 1726 г. необходимо было переписать начисто мемориал, написанный накануне дьяком. Но дьяк категорически отказывался. После долгих поисков Петер нашел копииста, и чистовик мемориала был изготовлен, затем документ необходимо было отнести в канцелярию. Денщиков у Д. Г. Мессершмидта к тому времени уже не было (их забрали в полк), остались только два мальчика. Возникла проблема, кому идти в канцелярию. Д. Г. Мессершмидт решил: «И поскольку я без переводчика в лице моего слуги Петера не мог один обратиться к канцелярии, а также не мог с уверенностью оставить собранное для Его Императорского Величества в квартире под надзором двух юношей <...>, я решил, что сам стану дозорным, и потому в 9^{1/4} часа отправил моего слугу Петера с мемориалом № 334 в канцелярию, чтобы предъявить его вместо меня»¹¹⁴.

Но освоил ли Петер русскую письменную речь? Зафиксирован эпизод, косвенно подтверждающий умение Петера читать русские тексты,

¹¹³ Там же. Л. 372 об.

¹¹⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 5. S. 88.

но при этом недостаточно хорошо понимать их содержание, чтобы объяснить на немецком своему хозяину.

В Иркутске 1 мая 1725 г. к Д. Г. Мессершмидту пришел поляк Михаэл Волохович и остался на обед: «Я попросил его объяснить мне содержание нескольких русских актов, которые я не мог понять, на что ушел день после обеда до вечера. Уходя, он пообещал мне отыскать русского копииста, который мог бы начисто скопировать акты»¹¹⁵. С М. Волоховичем Д. Г. Мессершмидт общался на латыни¹¹⁶. Но кто, кроме П. Кратца, мог обычно разъяснять Д. Г. Мессершмидту содержание русских актов? Других таких лиц при Д. Г. Мессершмидте не было.

В дневнике зафиксирован эпизод, косвенно свидетельствующий о неумении доктора писать и читать на русском. 13 июля 1722 г. Д. Г. Мессершмидту, находившемуся тогда в татарских юртах у Божьего озера, ночью привезли из Красноярска два указа Енисейской канцелярии. Один указ требовал от красноярского воеводы сообщить рапортом о Д. Г. Мессершмидте, так как в Петербурге зимой 1722 г. прошел слух, что он умер. Второй указ из Красноярского приказа от 16 июня 1722 г. требовал от самого Д. Г. Мессершмидта собственноручно сообщить, в каком он месте находится, куда отправляется дальше, что имеет из «куриозов», чтобы незамедлительно отправить в Тобольск через Енисейск. «Так как я в русском очень слаб и должен был вести переговоры через переводчика, я весь день изучал содержание указа», — писал Д. Г. Мессершмидт¹¹⁷. Но переводчиком мог быть только Петер, и, следовательно, «переговоры» — это не что иное, как прочтение русского текста указа солдатом, перевод его на немецкий Петером для хозяина, какие-то вопросы к солдату по поводу текста и перевод ответов. То есть «переговоры» не есть прочтение русского текста Петером.

На следующий день Д. Г. Мессершмидт велел «служилому Федору переводить на русский язык ответ на красноярский указ от 16 июня в форме отписки с моего немецкого конспекта». В печатном издании слову *translatieren* дан синоним (?) *übersetzen* = письменный перевод. Но, подводя итог работы с этим «переводом», Д. Г. Мессершмидт писал: «Этот перевод доставил много труда бедному дилетанту, который едва ли знал, как написать свое имя»¹¹⁸. Вряд ли солдат-крестьянин, который «едва ли знал, как написать свое имя» на русском, знал немецкий, латинский, умел переводить.

А еще через день Д. Г. Мессершмидту надо было писать на русском, так как ответ требовалось дать собственноручно. Он писал, что солдат написал «плохо и неразборчиво»: «Я тоже очень мало понимал в русском письме, и он должен был мне каждое слово читать по складам, чтобы я не смог перепутать буквы»¹¹⁹.

¹¹⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 4. S. 68.

¹¹⁶ *Ibid.* S. 57.

¹¹⁷ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 104.

¹¹⁸ Там же. С. 104–105.

¹¹⁹ Там же. С. 105.

Слово «тоже» адресует к солдату. Несмотря на то, что солдат писал на русском «плохо и неразборчиво», он все же свою писанину читал, а Д. Г. Мессершмидт не читал!

Но рядом был Петер, так как приходилось «вести переговоры через переводчика». Значит, все-таки речь идет не о переводе солдатом с языка немецкого на русский язык, а о записи солдатом русских слов, произносимых устным переводчиком П. Кратцем. Солдат делал это как умел. И потом «по слогам» читал Д. Г. Мессершмидту свою писанину.

Казалось бы, Д. Г. Мессершмидту можно было привлечь П. Кратца как к написанию на русском его же перевода немецкого конспекта, так и к прочтению по слогам текста своему хозяину для собственноручного изготовления им ответа на указ, но этого не было сделано — возможно, потому, что Петер не умел ни писать, ни читать на русском.

О неумении писать на русском языке косвенно свидетельствуют и события, связанные с отравлением Петера, когда он не стал писать жалобу на русском языке и потребовался подьячий. Впрочем, тогда Петер не хотел огласки и мог намеренно не пытаться излагать жалобу на русском.

Таким образом, содержание дневников не дает оснований утверждать, что П. Кратц умел читать и писать русские тексты, но нельзя утверждать и обратное.

Знание Петером устного русского позволяло Д. Г. Мессершмидту отправлять слугу в самостоятельные поездки за артефактами. Так, он из Томска был отправлен на р. Обь в Чаусский острог и деревни для покупки древних вещей¹²⁰.

П. Кратц выполнял и поручения, скажем так, «деликатного свойства».

Проблема Д. Г. Мессершмидта в Тобольске состояла в том, что с ним общались устно, чтобы осталось как можно меньше следов той мало прикрытой корыстной заинтересованности, которую проявляли губернские чиновники. Он писал мемориал за мемориалом, предъявлял законные требования что-то разъяснить, если считал действия власти необоснованными, противоречащими полученным им инструкциям от Медицинской канцелярии, а ему отвечали однозначно и устно: «будет сделано завтра», «хорошо, выполним» и т. п., но пока он не делал подарки, почти ничего не решалось. Глядя на губернатора, и другие не отставали.

На обратном пути в Тобольске проводился таможенный досмотр. Чиновники затягивали процедуру. Чтобы ускорить дело, 11 марта 1726 г. Д. Г. Мессершмидт вынужден был отправиться к губернатору М. В. Долгорукому домой и преподнести его сыну князю С. М. Долгорукому подарок — ткани голь, семилан и байберейку. Губернатор сразу это все не принял, пообещал содействовать. Но впоследствии стало ясно, что без взятки не обойтись, дело не двигалось. И тогда 18 марта 1726 г. с подарками Д. Г. Мессершмидт отправил к губернатору Петера, так как он сам по-русски

¹²⁰ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 46.

говорить не мог. Стоили эти ткани в Тобольске, по мнению Д. Г. Мессершмида, 40 руб. Петер сумел вручить подарок вечером губернатору лично в руки в его спальне и получил в ответ: «Мой миленький! Твой господин не имеет никаких доходов, и все это ему тяжело достается. Я ни в коем случае не требую этого. Однако если бы твой господин мог предложить мне 3–4 (унции. — Ю. Ч.) хорошего чая, я не стал бы отказываться от него, а употребил бы за его здоровье»¹²¹.

И вот опять очередной подарок унес губернатору Петер 19 марта 1726 г. рано утром с первыми лучами солнца: зеленый чай (5 унций), одну четвертую унции бразильского нюхательного табака, отделанную серебром трубку для табака из морской пены. «Это в конце концов было принято, и печать таможен для моего скарба была заказана, скорее проформа, потому как за этим ничего не последовало», — записал путешественник¹²².

П. Кратц знал, как подойти к чиновнику и как выйти из затруднительного положения, в котором оказывался его хозяин. Например, Д. Г. Мессершмидт в Тобольске никак не мог получить надлежащим образом изготовленную копию таможенного списка и по неосмотрительности подписал черновик. Тогда Петер «уговорил тамошнего писца» изготовить копию; Д. Г. Мессершмидт хотел с этим писцом составить мемориал в канцелярию о таможенном досмотре, но писец отказался, и Петер опять нашел выход: он привел шведского священника, который вчерне составил этот мемориал¹²³.

П. Кратц как стрелок. Что касается службы Петера в качестве стрелка, то есть сотни записей об этом. Петер стал для ученого настоящей находкой из-за своей охотничьей страсти. Наверное, нельзя ошибиться, если предположить, что ему доставляло большее удовольствие бродить по лесу, плыть на лодках по рекам, скакать верхом по степям, где вдоволь можно было поохотиться, одновременно удовлетворяя свою страсть и наполняя орнитологическую коллекцию хозяина, чем заниматься скучными делами в городах. «Он один из всех моих русских слуг желал быть потребным для промысла, поскольку это исполнял он с удовольствием и пылом, а прочие — с ворчанием и лукавством», — записал Д. Г. Мессершмидт 1 апреля 1725 г., приближаясь к Иркутску после путешествия в Забайкалье¹²⁴. Вот один из бесконечного числа примеров. 3 июля 1722 г. П. Кратц нашел на озерах много гусей, одного застрелил, тогда же застрелил двух журавлей. В коллекции Д. Г. Мессершмидта гусь уже был, а журавли линияли, поэтому описать их было невозможно. Птицы были отданы на кухню¹²⁵.

Почти все птицы, полученные ученым для орнитологических исследований, были охотничьими трофеями Петера. Только в путешествии вверх по Нижней Тунгуске и вверх по Лене Петер добыл для исследования около 100 экземпляров птиц.

¹²¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 5. S. 84, 85, 91.

¹²² Ibid. S. 91.

¹²³ Ibid. S. 79.

¹²⁴ Ibid. Тl. 4. S. 47.

¹²⁵ Ibid. S. 97–98.

Как охотник Петер умел лить дробь в полевых условиях (свинец возили с собой)¹²⁶, для твердости дроби Петер добавлял в свинец мышьяк¹²⁷.

Д. Г. Мессершмидт ценил полезную увлеченность своего слуги и страшился его потерять. Бывали случаи, когда Петер не возвращался в лагерь путешественников в день охоты, и доктор сильно переживал по этому поводу. Такой случай произошел в Уйбатской степи 7 августа 1722 г., когда охотившийся верхом Петер не вернулся. Д. Г. Мессершмидт отправил служилых татар искать потерявшегося слугу. Он опасался, что Петеру «могла грозить опасность от дикого зверя». Но на следующий день Петер нашелся — оказалось, что он заплутал и ночевал в татарских юртах в стороне от маршрута движения экспедиции. «Я сильно опечалился, что потерял единственного слугу — немца, без которого я не знал, как вернуться на родину», — пишет путешественник¹²⁸. В этих словах сконцентрирована вся особенность взаимоотношений этой пары. Ученый-путешественник и господин, не знающий русского языка настолько, чтобы уверенно чувствовать себя в чужой стране, прекрасно осознавал значение своего слуги и для экспедиции, и для себя лично. Слуга в каких-то случаях пренебрегал своими обязанностями, надеясь на всепрощение господина, понимая невозможность для него разорвать отношения.

П. Кратц как заведующий хозяйством — третья постоянная функция Петера. В русскоязычной писарской копии корявым стилем записано: «А понеже я в его Императорского Величества делах никаким манером ради стрелянья и ради толмачества, и ради ... и всяких протчих тещей (надо «вещей». — Ю. Ч.), тако ж, де, и споможению моему, без которого в моем адиночестве никаким манером состоять невозможно»¹²⁹.

В контракте от 14 января 1724 г. эта обязанность о «протчих вещах» и «споможении» обозначена как «прочие надобности дорожнего хозяйства»¹³⁰. Эти функции еще более конкретно просматриваются в записи от 7 мая 1725 г.: «Мой слуга Петер Кратц принес дебет моих хозяйственных расчетов в черновике»¹³¹, а также в действиях Петера 24 мая 1725 г., когда он сразу после жалобы в канцелярию пришел к Д. Г. Мессершмидту и объявил «как свободный человек», что «поскольку он сам позволил себе уйти, ему надлежало сдать мне ключи от амбаров, а также все прочие хозяйственные расчеты и товары»¹³². Соответственно, Петер Кратц отвечал за состояние хозяйственной части экспедиции в самом широком смысле.

Его обязанности наглядно демонстрируются записями во время пребывания Д. Г. Мессершмидта в Иркутске зимой 1723/1724 г. и весной 1725 г. Только Петер ходил на базар и там покупал продукты и другие

¹²⁶ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 123.

¹²⁷ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. S. 189.

¹²⁸ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 125–126.

¹²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 102.

¹³⁰ Там же. Л. 102 об.

¹³¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 4. S. 76.

¹³² Ibid. S. 91.

хозяйственные предметы, необходимые в быту и для работы с коллекциями ученого. «Для хозяйства на базаре он купил 1 пуд говядины по 48 копеек, то есть на 4 человек <...>, не считая пернатой дичи, на все дни берем в расчет 8 фунтов говядины, или 2 фунта на человека, в 5 дней 40 фунтов»¹³³; «мой слуга Петер Кратц купил двух глухарей, чтобы приготовить их, за коих в сумме [было уплачено] 15 копеек, а также семь пудов ржаной муки по 10 копеек, в сумме 70 копеек»; «мой слуга Петер Кратц купил на базаре для хозяйства говядины один пуд по 33 копейки, а также для пользы Его Величества для перевязки (содержимого, шкур, например. — Ю. Ч.) гробиков парусной нити один моток <...>, а также говяжий жир, один пуд за рубль, из которого $\frac{1}{4}$ пуда употреблена была на джигетаев»¹³⁴; «Петер Кратц купил... на базаре <...> рыбьего клея для экзувиевых гробиков», «принес мне 15 больших гвоздей, которые он велел выковать на пробу, на четыре копейки, для заколачивания сундуков»¹³⁵; «сургуча куплено 8 брусков <...>, чтобы запечатывать мешки, на что пошло три бруска уплачено было по 18 копеек за два лагуна, или еловых бочки, для упаковки камней. Также к 4 листам жести <...> докупил еще 10 штук, по семь копеек, итого 70 копеек, итого получилось для моего употребления 14 листов»¹³⁶. Эти и множество других записей иллюстрируют «провиантмейстерскую», для хозяйства, обязанность Петера.

В путешествии на восток Д. Г. Мессершмидт лично для себя за свой счет приобретал китайские ткани, китайскую посуду, разные китайские безделушки, предметы быта сибирских народов. Зачастую такие покупки для хозяина делал Петер: «Мой слуга Петер Кратц купил мне на базаре восемь фарфоровых кофейных чашек, четыре одного вида и четыре другого»¹³⁷; «мой слуга Петер <...> на базаре <...> разыскал китайскую фанзу, которая в будущем послужит мне подбоем для моего летнего платья и которую я оставил»¹³⁸; «2 отреза китайского шелка фанза, или *bastenboom*»¹³⁹; «2 гладких атласа, или канфи, среднего сорта, примерно 20 аршинов длиной и 1 аршин шириной»¹⁴⁰.

Зная о большом интересе хозяина к редкому животному кабарге, Петер Кратц 24 января 1724 г. принес с базара «мешочек мускуса, который он смог <...> достать»¹⁴¹.

Под ответственностью слуги находилось имущество Д. Г. Мессершмидта, упакованное в 40 ящиков перед отправлением из Иркутска в Тобольск:

¹³³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 4. S. 81.

¹³⁴ *Ibid.* S. 63.

¹³⁵ *Ibid.* S. 62.

¹³⁶ *Ibid.* Тl. 2. S. 192.

¹³⁷ *Ibid.* Тl. 4. S. 65.

¹³⁸ *Ibid.* S. 102.

¹³⁹ *Ibid.* S. 93.

¹⁴⁰ *Ibid.* S. 128.

¹⁴¹ *Ibid.* Тl. 2. S. 197.

«Эта сводная таблица всех ящиков была выдана моему слуге Петру Кратцу, чтобы все запасы и тюки всегда держать под надзором»¹⁴².

В Иркутске Д. Г. Мессершмидт доверил Петеру получить свое жалованье на общую сумму 800 руб.¹⁴³

Практичность Петера выручала Д. Г. Мессершмидта, когда его пытались надуть. 28 апреля 1725 г. записано: «В 11 часов утра швец Антон Вяткин <...> доставил мне вместо желаемого шлафрока поповскую рясу... Мой слуга Петер Кратц однако заметил, что это платье я в Енисейске или Тобольске смогу без потерь перепродать какому-нибудь попу, и потому я оставил ее»¹⁴⁴.

Невозможно перечислить все многообразие «хозяйственных» дел Петера.

К этому еще надо добавить, что Петеру не чужды были научные интересы господина. Наблюдая изо дня в день за его научными занятиями, он и сам старался добыть нечто такое, что могло оказаться полезным.

7 августа 1722 г., когда Петер заплутал в степи и нашелся через сутки (по этому поводу очень переживал Д. Г. Мессершмидт), он сбился с дороги во время охоты на «очень большого орла», которого подстрелил, но тот упал в реку, его понесло течением. Стараясь достать орла, Петер оказался далеко от места нахождения экспедиции¹⁴⁵.

28 апреля 1725 г. на базаре в Иркутске Петер купил дрофу, Д. Г. Мессершмидт взвесил ее, сравнил с ранее сделанным им описанием («Орнитология», т. 9, № 215, р. т. 1481) и описаниями у натуралистов-предшественников («по Белону, Альдрованди, Джонстону и Виллоуби») и «распорядился снять с нее экзувий, очистить и высушить его, а мясо пошло в пищу»¹⁴⁶.

27 ноября 1723 г. в Усть-Илге Петер доставил Д. Г. Мессершмидту из тунгусской юрты набор тунгусских идолов, в том числе и деревянную маску, который ученый подробно описал в дневнике и намеревался позже зарисовать¹⁴⁷.

Петер общался со знатоками местности и приводил их к Д. Г. Мессершмидту. «Мой слуга привел ко мне одного русского по имени Кузьма Михайлов сын Клестов, и он сообщил мне, что на Байкале с северо-восточной стороны находится красивый водоворот, или терма, вода в котором так обжигающе горяча, что до нее нельзя дотронуться, чтобы не повредить кожу. Если опустить туда серебро, оно окрашивается сначала в темно-золотой, а спустя время становится цвета свинца, чему причиной *подземные выходы серы*», — записал ученый 27 января 1724 г. в Иркутске¹⁴⁸.

¹⁴² Ibid. Тл. 4. S. 118.

¹⁴³ Ibid. S. 78, 80.

¹⁴⁴ Ibid. S. 66.

¹⁴⁵ Ibid. Тл. 1. S. 291–292.

¹⁴⁶ Ibid. Тл. 4. S. 66.

¹⁴⁷ Ibid. Тл. 2. S. 170.

¹⁴⁸ Ibid. S. 108.

После смерти Д. Капелла Петер иногда выполнял обязанности квартирмейстера. Перед прибытием в Красноярск 24 февраля 1722 г. был отправлен Кратц: «Слуга Петер с одним денщиком уже заранее были отправлены доктором в город, чтобы сообщить о своем прибытии и организовать квартиры»¹⁴⁹.

Во время экспедиции П. Кратц приглядывал за проводниками и денщиками. Так, например, 27 июля 1722 г. предстояло расчищать заросшую лесную дорогу, и татарские проводники в конце дня 26 июля повели экспедицию «окольной дорогой», надеясь ночью сбежать. Об этом узнал Петер и сообщил хозяину. Тот на ночь велел «взять под охрану их седла». Уйти не удалось, и на завтра татары, отправленные вперед, расчищали дорогу с обеда до самой ночи¹⁵⁰. А во время путешествия от Абаканского острога до Саянского острога Петер доложил хозяину, что денщики «часто ворчат, что долго живут в степях в палатках». Д. Г. Мессершмидт не принял никаких мер, но в дневнике отметил, что такое отношение к обязанностям должно расследоваться в Санкт-Петербурге после возвращения¹⁵¹.

И в последние недели сибирского путешествия Петер охранял покой своего строгого господина. В Соликамске на Троицу, 29 мая 1726 г., недалеко от квартиры Д. Г. Мессершмидта случился пожар, поднялся сильный шум, громко звонили колокола, так как загорелись восемь или девять изб, но доктор «не был в страхе, только препоручил своему слуге Петеру Кратцу быть внимательным, и спал до утра, несмотря на то, что вся ночь была светла»¹⁵². Все эти и многие другие повседневные дела делали П. Кратца незаменимым спутником. Мог ли путешественник уволить такого помощника, несмотря на его пороки? Конечно, нет!

Денщики

Из Тобольска с Д. Г. Мессершмидтом выехали в Сибирь трое денщиков. Один из них — Андрей Невинг (Andres Häslar-Neving¹⁵³) — немец, два других русские — Данила Приезжев и Михаил Бахметьев. Все трое — тобольские драгуны, находившиеся в путешествии до возвращения обратно 27 февраля 1726 г. К службе в гарнизоне они вернулись 16 марта 1726 г.¹⁵⁴

Все они находились на казенном содержании. Об этом свидетельствует запись Д. Г. Мессершмидта в дневнике от 19 марта 1726 г. На запрос полкового писаря о дате, когда «прежние денщики в последний раз получали денежное довольствие», он выдал письменное «подтверждение»

¹⁴⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 1. S. 188.

¹⁵⁰ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 118–119.

¹⁵¹ Там же. С. 139.

¹⁵² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.

¹⁵³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 1. S. 224.

¹⁵⁴ *Ibid.* Tl. 5. S. 87.

того, «что довольствие получали в Иркутске <...> до конца прошлого года, последнее — в декабре 1725 года»¹⁵⁵.

Д. Г. Мессершмидт, перечисляя после прощания с Ф. И. Таббертом и К. Г. Шульманом своих оставшихся спутников, записал, что Андрей — денщик и повар, Михаил и Данила — денщики и плотники¹⁵⁶. В ходе экспедиции денщики выполняли разнообразную работу, причем ее виды были более-менее постоянными и выполнялись всеми денщиками — изготовление особых деревянных ящиков (в дневнике Д. Г. Мессершмидт использует термин *särglein* — «гробик») для хранения экзувиев (так доктор называл шкуры животных). Изготовление гробиков было делом сложным: доски строгались, сшивались суровой ниткой, склеивались между собой рыбным клеем, потом снаружи ящики обрабатывались смолой. Кроме того, «они годами ради службы Ее Императорскому Величеству должны были снимать экзувии животных». Эти работы не входили в прямые обязанности денщиков, и Д. Г. Мессершмидт в Тобольске 19 марта 1726 г. «выплатил им за эти работы из собственных средств каждому по 3 рубля, итого 9 рублей», взял с них расписку, «чтобы после оставить на усмотрение высокоуважаемого Медицинского факультета, возмещать эти траты или нет». Наличие расписки подтверждает, что денщики были грамотные¹⁵⁷.

Русские денщики Данила Приезжев и Михаил Бахметьев изготавливали и другие столярные изделия, например походную складную кровать, чемоданы для рукописей, за изготовление которых доктор заплатил отдельно в Иркутске. Список этих работ составлял денщик Михаил Бахметьев¹⁵⁸. В Тобольске они сдали Д. Г. Мессершмидту находившиеся в их распоряжении казенные инструменты экспедиции: «плотничий топор, рубанок, напильники, пилы и буры etc.»¹⁵⁹.

Для отправления из Иркутска Д. Г. Мессершмидту дали дощаник, но он очень протекал. Смолы в городе не нашли, и тогда денщикам выдали в конторе бочонок дегтя, чтобы выпарить из него смолу¹⁶⁰.

Отношение Д. Г. Мессершмидта к денщикам было равное, никого он не выделял. Каждый из этих людей за годы путешествия сделал очень многое для экспедиции, хотя порою, так же как и слуга П. Кратц, они слишком увлекались алкоголем или не исполняли обязанности должным образом, заслуживая наказания. Впрочем, были и своего рода поощрения. 29 июня 1722 г., в день святых Петра и Павла, Д. Г. Мессершмидт угостил каждого тремя чашками водки¹⁶¹.

¹⁵⁵ Ibid. S. 92.

¹⁵⁶ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 72.

¹⁵⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 5. S. 92.

¹⁵⁸ Ibid. Tl. 4. S. 70.

¹⁵⁹ Ibid. Tl. 5. S. 88.

¹⁶⁰ Ibid. Tl. 2. S. 101.

¹⁶¹ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 95.

Обо всех денщиках остались многочисленные записи в дневнике Д. Г. Мессершмидта, показывающие их участие в экспедиции и отношение к службе.

Андрей Невинг, также *Andres Häsler*, был родом из местности *Sechsstädte*¹⁶², служил в российской армии драгуном. Как он оказался в Тобольске на русской военной службе, неизвестно.

О том, чтобы этот драгун стал у него служить, Д. Г. Мессершмидт позаботился еще 22 марта 1720 г. «...Требую и желаю Андрея Невгина, конново казака Андрея Курятникова», — писал Д. Г. Мессершмидт перед поездкой на Урал¹⁶³ и повторно 12 апреля 1720 г., указав здесь фамилию правильно — Невинг¹⁶⁴. Но на этом основании нельзя как утверждать, что Андрей Невинг уже с тех пор стал служить Д. Г. Мессершмидту и продолжал службу во время экспедиции по Сибири, как и отрицать это. Слишком мало информации.

В ходе путешествия был момент, когда Д. Г. Мессершмидт мог остаться без этого спутника. Когда экспедицию в 1722 г. собирался покинуть П. Кратц, тогда и Андрей намеревался вернуться, и его, как и П. Кратца, «с большим трудом» уговорил остаться Ф. И. Табберт. Позднее капитан писал: Петер и Андрей «еще остались у него [Д. Г. Мессершмидта]». Это свидетельствует о том, что Андрей, как и Петер, имел право на возвращение, так как был из числа военнопленных. Несмотря на то что Андрей служил в драгунском полку, возвращение было возможным в силу п. 14 Ништадского мирного договора, согласно которому все, кто принял службу у одной или другой стороны договора, решали по своему усмотрению — остаться либо возвратиться на родину¹⁶⁵.

О поварском деле Андрея можно судить по тем продуктам, которые поступали на кухню. «Моя собака нашла здесь пять молодых лебедей с серыми перьями, и они еще не могли хорошо летать, она их всех пять поймала по очереди, так что моя кухня была опять хорошо обеспечена», — запись от 12 августа 1723 г.¹⁶⁶ 12 ноября 1723 г.: «Сегодня я занимался “Историей четвероногих” и взял из нее историю кроликов, потому что заяц от 8 ноября должен был быть отдан на кухню»¹⁶⁷. 19 ноября 1723 г.: «Также принес (П. Кратц. — Ю. Ч.) двух кедровок (самок)... Были отданы на кухню»¹⁶⁸. 30 ноября 1723 г.: «Пришел приказчик, Герасим Афанасьевич Соколов,

¹⁶² *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 5. S. 96.

¹⁶³ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 236, № 59.

¹⁶⁴ Там же. С. 239, № 65.

¹⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 6. С. 428, № 3819.

¹⁶⁶ *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 104.

¹⁶⁷ Там же. С. 183.

¹⁶⁸ Там же. С. 186.

попрощаться и подарил мне <...> четырехрогого калмыцкого барана»¹⁶⁹. 28 апреля 1725 г.: «...меня посетил Куртуков <...>, подарил мне глухаря и гуся»¹⁷⁰.

В Тобольске Андрей кухонные принадлежности передал П. Кратцу. В списке указана нужная для приготовления пищи на костре железная тренога, принадлежности для приготовления мясной пищи — «медный чан для мяса с крышкой», «два топора для рубки мяса», сковорода, медный чугунок с крышкой и медная кастрюля с крышкой, оловянные миски и тарелки и даже «жестяная терка». Андрей занимался еще и приготовлением свечей, для чего в кухонном наборе была «жестяная форма для отливки свечей» — необходимый в хозяйстве предмет для работавшего много по ночам Д. Г. Мессершмидта¹⁷¹.

Но Андрей Невинг занимался не только кухней. Обычно работу по препарированию тушек птиц и подготовке их для сохранения в засушенном виде выполнял сам Д. Г. Мессершмидт, но в ходе путешествия этому научился и Андрей. Так, 13 мая 1725 г. доктор поручил ему вскрыть и высушить тушку утки «в виде сухой мумии», чтобы сохранить и приобщить к биологическим коллекциям¹⁷².

В раскопках могильников в начале января 1722 г., во время путешествия по Южной Сибири, участвовал весь экспедиционный отряд, кроме болевшего Д. Капелла, причем Ф. И. Табберт особенно отметил работу Андрея, который один вырыл большое количество земли, что дало возможность добраться до погребения с человеческими костями¹⁷³. В марте 1722 г. П. Кратц и А. Невинг были направлены на самостоятельное вскрытие могильника и нашли некоторые старинные медные предметы¹⁷⁴.

В период с 16 по 28 марта 1722 г. Андрей выполнял ответственное поручение: он был отправлен с Ф. И. Таббертом из Красноярска в Енисейск к воеводе И. М. Вердеревскому, чтобы предупредить о предстоящем приезде экспедиции и передать в Китай для торгового представителя России Л. Ланге письмо и посылку с инструментами для доктора этого посольства¹⁷⁵.

Во время путешествия почти все члены отряда то и дело приносили что-нибудь, что могло заинтересовать Д. Г. Мессершмидта, или принимали непосредственное участие в специально организованных полевых сборах. Андрей Невинг 27 августа 1723 г. нашел на песчаном берегу Нижней Тунгуски кусок минерала линнеита¹⁷⁶. Д. Г. Мессершмидт взял деншика

¹⁶⁹ Там же. С. 213–214.

¹⁷⁰ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 4. S. 65.

¹⁷¹ *Ibid.* Тл. 5. S. 88–89.

¹⁷² *Ibid.* Тл. 4. S. 81.

¹⁷³ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 29.

¹⁷⁴ Там же. С. 93–94.

¹⁷⁵ Там же. С. 51–57.

¹⁷⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. S. 122.

с собой в полевой выход на ангарские острова из Иркутска в мае 1725 г., где он проявил себя как умелец ставить силки на утиных гнездах¹⁷⁷.

Андрей имел некоторые познания по части дубления шкур, о чем свидетельствует поручение именно ему контролировать качество работы бурят при дублении трех шкур джигитаев в Иркутске 4 мая 1725 г.¹⁷⁸

В некоторых случаях именно Андрею Невингу поручалось старшинство над остальными денщиками и подводчиками Д. Г. Мессершмидта. Так, спускаясь из Иркутска вниз по Ангаре в Енисейск, ученый намеревался подняться вверх по притоку Ангары р. Илим и попасть в Илимск, бывший тогда уездным центром этого обширного края. Экспедиция должна была подойти к устью р. Илим ночью 4 июля 1725 г. Дощаник Д. Г. Мессершмидта шел на веслах, денщики на каюках шли впереди на веслах. Д. Г. Мессершмидт заранее отдал приказ «у устья Илима пришвартоваться», а сам решил поспать. Но денщики, которые не хотели подниматься вверх по Илим, «специально не замедлили движение и это скрыли». Когда Д. Г. Мессершмидт проснулся «от гребли и шума голосов», выяснилось, что устье Илима давно прошли и в бурном потоке уже невозможно пришвартоваться. А когда подошли к следующей деревне, выяснилось, что возвращаться очень далеко. Оказался виновен денщик Данила, который «подстрекал подводчиков-гребцов продолжать грести». Доктор велел доставить этого денщика к себе на дощаник, в его каюту, наказал (каким способом, не сказано. — Ю. Ч.) «из-за его непослушания и самовольного командования» и сменил старшего денщика. Он «приказал только лично денщику Андрею за всеми подводчиками следить и предупредил, что в случае беспорядка будут ждать батоги» того, кто окажется виновником¹⁷⁹.

Д. Г. Мессершмидт являлся глубоко верующим человеком. Он был убежден, что обращение к религиозным обрядам и чтениям может отвлечь его слуг от дурных поступков, избавит от порочных наклонностей, в частности чрезмерного увлечения алкоголем. Он старался в дни больших христианских праздников привлечь к чтению проповедей своих немецких спутников П. Кратца и А. Невинга. Это были тексты проповедей университетского учителя Д. Г. Мессершмидта, богослова, пиетиста А. Г. Франке. Примеры тому — запись в воскресный день Пасхи 14 апреля 1723 г. во время второй зимовки в Красноярске о чтении этих текстов в присутствии П. Кратца и «вместе с поваром»¹⁸⁰, а также на Рождество 25 декабря 1723 г. в комнате Д. Г. Мессершмидта вместе с немецкими слугами¹⁸¹.

Но надежды Д. Г. Мессершмидта не сбылись. Андрей Невинг огорчал ученого своей пьянкой совместно с Михаилом Бахметьевым и П. Кратцем.

¹⁷⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 4. S. 87.

¹⁷⁸ *Ibid.* S. 71.

¹⁷⁹ *Ibid.* S. 149.

¹⁸⁰ *Ibid.* Тl. 2. S. 36.

¹⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 297.

Тогда вся команда выходила из строя! Можно себе представить положение путешественника, когда его ближайшие, казалось бы, сотрудники оказывались пьяны, а он оставался в одиночестве, без знания языка.

Вопиющий случай произошел 1 июня 1722 г., когда Д. Г. Мессершмидту пришлось наказать батогами Андрея Невинга вместе с денщиком Данилой Приезжевым за разгильдяйство во время сплава на плотах по р. Кемчуг. Тогда плоты сплавляли татары, а сами плоты строили плотники Данила и Михаил. Из-за неплотного соединения бревен вода захлестывала два багажных плота, очень сильно промокли ящики с семенами, минералами и насекомыми, много книг, чемоданы с одеждой и пряностями. Данила и Андрей во время сплава находились каждый на своем плоту, но вовремя не остановили сплав, «сидели как баре и ротозейничали». Ущерб был нанесен целому году работы ученого, что вывело его из терпения, и «эти оба получили справедливо батоги»¹⁸².

Последняя запись в немецком издании дневника, относящаяся к А. Невингу, свидетельствует о возникшем недоверии к нему со стороны Д. Г. Мессершмидта. В записи от 21 марта 1726 г. доктор упоминает о какой-то клевете, возведенной на него Андреем майору Брукгаузену, советнику губернатора. Д. Г. Мессершмидт считал, что эта ложная информация, которую «так приятно было им слышать в управлении», позволила Андрею Невингу получить повышение по службе — он стал фурьером¹⁸³. Вероятно, Д. Г. Мессершмидт не захотел разбираться с этим вопросом потому, что Андрей Невинг возвел поклеп на своего бывшего начальника уже после окончания службы ученому, а тратить на разбирательство время было непродуктивно. К этому моменту за недели общения с губернскими чиновниками Д. Г. Мессершмидт убедился в бесполезности поиска правды. Надо было отправляться дальше.

Михаил Бахметьев начал служить у Д. Г. Мессершмидта с 1 февраля 1721 г. «Отданы в работу ему в 1721 г. февраля 1 дни», — говорится в доношении от 8 мая 1725 г. о получении оплаты за выполненные столярные работы¹⁸⁴. Бахметьев был единственным из троих, кому во время путешествия Д. Г. Мессершмидт поручал охотиться самостоятельно или вместе с П. Кратцем¹⁸⁵. В дороге по степям в районе Ачинска Михаил даже добыл молодую косулю, шкурку которой подарил Д. Г. Мессершмидту¹⁸⁶. Он умел ставить силки на птиц¹⁸⁷. Специально для охоты на птицу доктор выделил денщикам одну лодку во время сентябрьского (1722 г.) сплава по Енисею от Саянского острога в Красноярск¹⁸⁸.

¹⁸² Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 75.

¹⁸³ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 5. S. 96.

¹⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 105 об.

¹⁸⁵ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 98.

¹⁸⁶ Там же. С. 90.

¹⁸⁷ Там же. С. 83.

¹⁸⁸ Там же. С. 146.

В числе довольно часто выполняемых именно Михаилом функций стоит отметить обеспечение экспедиции провиантом, поездки в селения по маршруту экспедиции за проводниками и лошадьми, разведка дороги по пути следования путешественников. Так, 25 июня 1722 г. он с татарским переводчиком был отправлен за мукой в татарские юрты, расположенные недалеко от маршрута экспедиции¹⁸⁹, на следующий день Д. Г. Мессершмидт отправил его к татарам за лошадьми¹⁹⁰, 30 июня — разведать возможность переправы на лошадях через р. Береш, а если окажется, что для багажа нужно судно, то построить там плот¹⁹¹. К середине июля 1722 г. в экспедиции, идущей через бедные татарские селения к Енисею, сложилось тяжелое положение с продуктами питания, и Д. Г. Мессершмидт отправил Михаила вперед в русские деревни на Енисее за продуктами, причем его поездка заняла 13 дней¹⁹². Через неделю Михаил вновь был отправлен с важным делом в Абаканский острог для замены татарского переводчика и проводника, так как тот, который по распоряжению красноярского воеводы был дан в Ачинске, со своими обязанностями справлялся плохо¹⁹³. Вероятно, Михаил Бахметьев был самым расторопным из денщиков, коль скоро ему поручались такие задания.

В Иркутске именно Михаил чаще других выполнял обязанности посыльного в приказную контору для связи с чиновниками. Он вызывал писцов или подьячих для подготовки Д. Г. Мессершмидтом русскоязычных документов¹⁹⁴, относил в канцелярию и лично губернатору домой готовые мемориалы и дожидался устного ответа на них¹⁹⁵. Когда Д. Г. Мессершмидт заболел и ему потребовалось пиво, чтобы растворить масло и сделать компресс на грудь, за пивом к губернатору был отправлен М. Бахметьев¹⁹⁶.

Бывая в канцелярии, Михаил узнавал сведения, о которых канцелярия старалась умолчать, и сообщал их своему начальнику. Так, Д. Г. Мессершмидт безуспешно долгое время добивался в Иркутске, чтобы ему дали в дорогу помощником «ботанического [требуемого для собирания растений] мальчика»; канцелярия отвечала, что мальчиков нет, и отправляла мужчин. Михаил Бахметьев узнал, что на самом деле в приказе «все эти дни новые юноши 12, 13, 14 и до 15 лет, а также мужчины 18, 20, 30 и до 40 лет сидели под арестом, и их снова и снова отпускали, может быть, они высвобождали себя благодаря благам, полученным на службе служилыми»¹⁹⁷. Д. Г. Мессершмидт стал еще настойчивее добиваться мальчика «для проклейки коллекций», которого дали 9 июня 1725 г., но во время ночевки недалеко от города Алексей Родионов сын Байбородин сбежал¹⁹⁸.

¹⁸⁹ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 93.

¹⁹⁰ Там же. С. 94.

¹⁹¹ Там же. С. 100–101.

¹⁹² Там же. С. 103, 115.

¹⁹³ Там же. С. 122, 123.

¹⁹⁴ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. S. 200.

¹⁹⁵ Ibid. Tl. 4. S. 60.

¹⁹⁶ Ibid. Tl. 2. S. 209.

¹⁹⁷ Ibid. Tl. 4. S. 93.

¹⁹⁸ Ibid. S. 132.

Именно Михаилу Бахметьеву Д. Г. Мессершмидт поручил контролировать плотников, которые готовили дощаник для отбытия из Иркутска¹⁹⁹. Всего в Иркутске Михаилу было дано 11 поручений, связанных с выходом из квартиры в город. При осмотре в Иркутске фоссилий мамонта, доставленных с низовьев Индигирки, именно Михаил помогал Д. Г. Мессершмидту измерять каждую кость²⁰⁰.

Михаил Бахметьев умел своими руками изготавливать разные поделки. «Для хранения в чистоте тангутского идола с четырьмя лицами и десятью руками» он вырезал футляр из березы²⁰¹, в день святых Петра и Павла, 29 июня 1722 г., пошил в подарок Д. Г. Мессершмидту табачный кисет из шкурки кабарги²⁰², по заданию доктора изготовил клетку для птиц, чтобы их сохранять живыми для последующего изготовления чучел²⁰³.

Д. Г. Мессершмидт снисходительно относился к мелким проступкам своего денщика. Когда в Красноярске явился целовальник и сообщил, что Михаил продал немного табака (видимо, без уплаты положенной в таких случаях пошлины), Д. Г. Мессершмидт, выслушав Михаила, откровенно признавшегося в этом и объяснившего продажу тем, что «свои ежемесячные деньги он не получил, а воздухом питаться не может, велел отпустить парня с миром»²⁰⁴. Впрочем, такой проступок никак не влиял на дела экспедиции.

Увы, и Михаил, так много делавший для экспедиции, не удержался от пьянки в компании с Петером и Андреем. 13 ноября 1725 г., когда Петер в очередной раз оказался пьяным, Д. Г. Мессершмидт пообещал наказать его по-польски веревками, но, поверив обещанию не пить, не стал этого делать, «в последний раз запретил всякое пьянство, а также велел объявить о том всем остальным»²⁰⁵. На следующий день Петер «удержался от питья» из-за страха перед наказанием, но «денщики Михайла и Андрей послушались моего указания, и весь день их не было дома»²⁰⁶.

Даниил (Данила) Приезжев начал службу у Д. Г. Мессершмидта одновременно с Михаилом Бахметьевым 1 февраля 1721 г., то есть за месяц до начала путешествия из Тобольска на восток.

Запись о Даниле появляется уже в первый день выезда из Тобольска, 1 марта 1721 г. В татарской деревне Комарово, на квартире, где остановились путешественники, оказалась отвратительная злюка-старуха, которая на каждого, кто к ней обращался, чертыхалась, за что Данила схватил ее за руку и выбросил из комнаты²⁰⁷.

¹⁹⁹ Ibid. S. 94.

²⁰⁰ Ibid. S. 202, 203.

²⁰¹ Ibid. S. 215.

²⁰² *Мессершмидт Д. Г. Дневники*. Томск — Абакан — Красноярск... С. 95.

²⁰³ Там же. С. 186.

²⁰⁴ Там же. С. 63.

²⁰⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 5. S. 15.

²⁰⁶ Ibid. S. 15.

²⁰⁷ Ibid. Тl. 1. S. 40.

В январе 1722 г. Данила, как и все члены экспедиции, неоднократно занимался раскопками могильников. А 23 февраля 1722 г. экспедиция, двигаясь вдоль Енисея к Красноярску, обнаружила пещеры в скалистом берегу реки на высоте 60 клафтеров. «Взобраться на нее со стороны Енисея по скалам было смертельно опасно. Тем не менее денщик Даниил, Карл Шульман и холоп Петр взобрались наверх в пещеру», — записал Ф. И. Табберт в дневнике²⁰⁸. Позже была обнаружена еще одна пещера на высоте 40 клафтеров, и туда вновь «вскарabкались Карл Шульман, слуга Петер и денщик Даниил»²⁰⁹.

Денщик Данила Приезжев стал единственным членом экспедиции, который попытался в пути похитить водку из багажа экспедиции. Ночью 2 июля 1722 г., на очередном привале, Данила «незамеченным пробуравил сапожным шилом бочонок с водкой, хотя он был завернут в холст и запечатан. Но поскольку был вовремя обнаружен и особенного вреда еще не случилось, я велел ограничиться несколькими ударами батогами и оплеухой», — таким итогом закончилась попытка Данилы отведать водки²¹⁰.

Это уже были вторые заслуженные им батоги. Первый раз ему досталась порка батогами 21 марта 1721 г. Экспедиция ехала на санях ночью из Тары в Томск, он и два кучера уснули, лошади развернулись и пошли туда, откуда их взяли в обоз, и ушли на 20 верст назад. Обнаружив случившееся, Данила и возчики погнали вслед обозу, загнали лошадей, но обоз так и не нагнали, загнанные лошади встали в более чем пяти верстах от татарских юрт, где Д. Г. Мессершмидт остановился на ночевку. Квартирмейстер Д. Капелл обнаружил отсутствие в обозе Данилы Приезжева и нескольких саней. На следующий день отправили навстречу отставшим людей и четверо лошадей. Когда выяснились причины отставания, Данила и кучеры были наказаны батогами²¹¹.

Досталось ему и за «шутку». 4 июля 1722 г. во время движения от Абаканского острога к Божьему озеру должны были смениться проводники-татары. Д. Г. Мессершмидт отправил своих проводников за татарами из других юрт, но к 5 июля новые проводники не прибыли. Оказалось, что прежние проводники и новые разодрались. Разбираться был отправлен Данила Приезжев, с чем он справился, вернувшись с новыми подводчиками и лошадьми. Выяснилось, что инициаторами драки были посланные татары. Доктор велел наказывать всех «по местному обычаю», после чего слуга Петер наедине сказал Д. Г. Мессершмидту, что Данила распространил среди челяди слух, что от начальника экспедиции он получил полную свободу для их наказания. На следующий день Данила «не стал врать и не скрыл, что сказал это в шутку». Но Д. Г. Мессершмидт не оценил этой шутки и «распорядился

²⁰⁸ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 42.

²⁰⁹ Там же. С. 43.

²¹⁰ Там же. С. 96.

²¹¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1. S. 70–71.

ограничиться несколькими ударами батогов»²¹². Скорее всего, именно эти слова Даниила помогли разогнать дравшихся татар и получить лошадей.

5 июня 1722 г. во время сплава по р. Кемчуг Д. Приезжев и денщик Андрей Невинг просмотрели, что на грузовых плотках заливало водой вещи экспедиции. Ущерб был нанесен целому году работы ученого, и «эти оба получили справедливо батоги»²¹³.

27 августа 1722 г., когда экспедиция находилась в верховьях р. Абакан, проводники-татары отказывались идти через горы к Енисею и дальше в Саянский острог. Отправленный вызвать других проводников с лошадьми денщик Михаил Бахметьев вернулся без успеха. «Я тотчас отослал денщика Даниила и переводчика Ивана с тобольскими указами и подорожной и попытался во второй раз раздобыть лошадей», — записал Д. Г. Мессершмидт²¹⁴. Им тоже не удалось получить новых проводников и лошадей. Но Д. Г. Мессершмидт сомневался в том, что денщики Михаил и Данила «выполняли приказ честно и усердно», полагая, что делали они это «с прохладцей и поверхностно», и в итоге мер никаких не принял, рассудив, что это должно потом «расследоваться в Санкт-Петербурге»²¹⁵. Впоследствии пришлось пойти к Енисею с прежними проводниками и другим маршрутом.

Д. Г. Мессершмидт в Иркутске отправлял Данилу Приезжева в город значительно реже, чем Михаила Бахметьева: Михаила — 11 раз, Данилу — шесть раз. В поручениях Даниле просматривается своего рода «специализация». Из шести выходов в город один раз он был отправлен за поляком Волоховичем, а пять раз — в канцелярию, и всегда в связи с подготовкой экспедиции к выезду из Иркутска в обратный путь: 3 июня 1725 г. «во второй половине дня я отправил денщика Данилу к господину воеводе, чтобы сообщить о моем визите»²¹⁶. Этот визит был вынужденным, так как Д. Г. Мессершмидт никак не мог получить в дорогу мальчиков. 7 июня 1725 г. «послал денщика Данилу в контору потребовать второй бочонок дегтя <...>, чтобы просмолить 4 ящика для экзувиив, а также ящики с поставками от канцелярии»²¹⁷. 10 июня 1725 г. «послал денщика Данилу к господину воеводе [Измайлову] попросить, чтобы дал мне лошадь перевезти запасы к дощанику»²¹⁸. 11 июня 1725 г. «послал денщика Данилу в контору выпросить насчет подводчиков и получил в ответ, что до сих пор никто не хотел меньше чем за 3 рубля наниматься отсюда»²¹⁹. 14 июня 1725 г. «послал денщика Данилу в контору поторопить подводчиков»²²⁰.

²¹² Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 98.

²¹³ Там же. С. 75.

²¹⁴ Там же. С. 138.

²¹⁵ Там же. С. 139.

²¹⁶ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 4. S. 120.

²¹⁷ Ibid. S. 102.

²¹⁸ Ibid. S. 121.

²¹⁹ Ibid. S. 121.

²²⁰ Ibid. S. 122.

Нельзя не отметить, что взыскания и наказания Д. Г. Мессершмидта во время путешествия денщики, по-видимому, считали справедливыми, зла не таили. Об этом может свидетельствовать тот факт, что и после окончания службы у него, когда новых денщиков в Тобольске еще не дали и он в отсутствие других слуг занимался укладкой разных коллекционных предметов, находившихся в Тобольске еще с 1720 г., чтобы сдать их в канцелярию для отправки в столицу, пришедшие к нему 17 марта 1726 г. прежние денщики согласились «заколотить гробики для экзувиев». Они перебрали, заколотили и опечатали еще несколько ящиков с коллекциями 1720 г.²²¹, причем сделали это бесплатно. Через несколько дней денщик Михаил Бахметьев опять приходил и помогал слуге П. Кратцу²²².

Семен Гуреев и Иван Смольянинов. 27 февраля 1726 г. Д. Г. Мессершмидт прибыл в Тобольск. 17 марта 1726 г. прежние денщики вернулись на службу в полк. Из отряда, отправившегося 1 марта 1721 г. на восток, с ученым остался только слуга П. Кратц. Взамен трех денщиков к Д. Г. Мессершмидту с 19 марта 1726 г. были «приставлены» два солдата Тобольского гарнизона — Семен Гуреев и Иван Смольянинов. В тот день пришел один из них, Семен Гуреев, и принес инструкцию, данную в канцелярии. Ознакомившись с инструкцией, Д. Г. Мессершмидт записал, что она «была составлена в таких двусмысленных терминах, включавших слово высылка etc. <...>, что я не мог взять в толк, они ли по ее условиям находятся под моим командованием или меня, бедного человека, следует считать отданным под их надзор и под арест»²²³.

Такое содержание инструкции предопределило характер взаимоотношений между начальником экспедиции и этими солдатами. Д. Г. Мессершмидт называл их то денщиками, то конвойными солдатами, имея в виду конвой как команду по сохранению обоза с государственными ценностями.

На второй день пришел второй солдат, который «был... наполовину пьян. Поскольку по этому поводу мне не было спущено никой команды ни в паспорте, ни в инструкции № 342, я был не вправе наказать его», — записал Д. Г. Мессершмидт²²⁴.

Когда 20 марта 1726 г. Д. Г. Мессершмидт, готовясь в тот же день выехать из Тобольска, «распорядился связать в тюки все товары и свертки» и «уложить их на сани», занимался этим один П. Кратц, «тогда как оба новых денщика и не думали выполнять своих дорожных обязанностей и бестолковы оказались во всех вещах»²²⁵.

На страницах дневника есть некоторые сведения о занятиях сопровождавших его солдат, или денщиков, как он их называл. Видимо,

²²¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 5. S. 89.

²²² *Ibid.* S. 92.

²²³ *Ibid.* S. 92.

²²⁴ *Ibid.* S. 93.

²²⁵ *Ibid.* S. 93–94.

наиболее расторопным и дисциплинированным оказался Семен Гуреев. Ему Д. Г. Мессершмидт давал поручения: 24 марта 1726 г. — отправиться вперед и передать в Тюменскую канцелярию «паспорт № 340», чтобы «обеспечить мне с его помощью квартиру и чтобы держать ямщиков наготове перед отъездом»²²⁶, что было выполнено²²⁷; 31 марта 1726 г. — выехать вперед в г. Верхотурье, «чтобы позаботился о квартире и замене подвод»²²⁸, что также было исполнено.

В пути, следуя инструкции, полученной в Тобольске, Д. Г. Мессершмидт распределил тюки и ящики по саням так, что «три пары саней с коллекцией и с губернаторскими печатями были переданы подконвойным солдатам для надзора и охраны», его собственные товары «опекали нанятые за жалованье слуги Петер Кратц и Миша, Иванов сын, Черемисов»²²⁹.

Новые его спутники, солдаты, относились к своим обязанностям наплевательски, собранные с таким трудом коллекции оказались под угрозой порчи. 3 апреля 1726 г. П. Кратц доложил Д. Г. Мессершмидту, что ночью в дороге от Верхотурья к Караульному заводу «из-за небрежной езды и частого опрокидывания саней» на падающих ящиках были повреждены «губернаторские печати, из-за чего гвозди отчасти расшатались и выпали, отчасти переломились пополам, а конвойные солдаты тем не менее ни разу не попытались принудить их [ямщиков] к спокойной езде силой»²³⁰. Но так как инструкция ничего не говорила о возможности наказания, Д. Г. Мессершмидт был вынужден все это стерпеть.

В последующие дни из-за плохой дороги часть саней сломалась, но все же удалось добраться до деревни Верхосолки в 20 верстах от Соликамска. Отсюда Д. Г. Мессершмидт 10 апреля 1726 г. отправил 11 саней с багажом «под присмотром конвойного солдата Семена Гуреева» в Соликамск, а сам остался с тремя санями, П. Кратцем, мальчиком Мишей и солдатом Иваном Смольяниновым, чтобы на следующий день заменить или отремонтировать сани²³¹. После замены саней он отправился дальше и 12 апреля 1726 г. прибыл в Соликамск. Здесь к своему явному удовольствию обнаружил, что «квартира на Государевом дворе у двора воеводы прибрана, а багажные сани и нагруженные на них товары в порядке и находятся под приглядом конвойного солдата Семена Гуреева»²³².

Так солдаты стали привыкать к обязанностям денщиков.

Вероятно, эти двое солдат сопровождали Д. Г. Мессершмидта до Москвы.

²²⁶ Ibid. S. 99.

²²⁷ Ibid. S. 100.

²²⁸ Ibid. S. 104.

²²⁹ Ibid. S. 108.

²³⁰ Ibid. S. 108.

²³¹ Ibid. S. 115.

²³² Ibid. S. 116.

ПРОВОДНИКИ-ПЕРЕВОДЧИКИ

Михаил Сиротинин (в экспедиции с 13 мая по 4 августа 1722 г.). В зиму 1721/1722 г. Д. Г. Мессершмидт находился в Красноярске, откуда выехал 13 мая 1722 г. в путешествие на запад до Ачинска, а потом на юг к Абаканскому острогу по местности, населенной татарами. Поэтому в Красноярске ему дали проводника и татарского переводчика, точнее толмача, служилого Михаила Сиротинина²³³.

После Ачинска Д. Г. Мессершмидт отправился к Божьему озеру (совр. название — оз. Большое), из него вытекала р. Сереж, вдоль которой и двигалась экспедиция. 2 июля 1722 г. обнаружилось, что проводник М. Сиротинин ведет отряд к озеру, но не тем маршрутом, по которому собирался двигаться Д. Г. Мессершмидт. Толмач был знаком с местными татарами-подводчиками и «по их намерению повел» экспедицию другой дорогой. Разгневанный Д. Г. Мессершмидт, учитывая, что этот «негодник грубил, недобросовестно относился к службе <...>, велел его хорошо наказать батогами»²³⁴. Он «совсем не был знатоком в переводе», поэтому Д. Г. Мессершмидт, продвинувшись ближе к Абаканскому острогу, решил 31 июля 1722 г. отправить туда денщика Михаила Бахметьева вместе с М. Сиротининым, чтобы получить другого проводника через горы и переводчика по имени Яков Селенга. Но на всякий случай доктор приказал Михаилу Бахметьеву: если Яков откажется, то он должен вернуться вместе с М. Сиротининым²³⁵.

Иван Ковригин (в экспедиции с 4 августа по 19 сентября 1722 г.). Так оно и случилось. Вместо требуемого Якова Селенги Михаил Бахметьев «привез другого переводчика и проводника, которого звали Иван Ковригин, хотя он и хорошо знал татарский язык, но в горах был малоопытен», — с досадой на своевольного приказчика записал Д. Г. Мессершмидт²³⁶.

К новому переводчику претензий пока не возникло, хотя через некоторое время у Д. Г. Мессершмидта зародились некоторые подозрения. Дело в том, что экспедиция не сразу пошла в Абаканский острог, а двинулась по направлению к Саянскому острогу через Джабашские горы. Татарские подводчики не хотели туда идти из-за трудностей движения в горах, где начались дожди. Д. Г. Мессершмидт дважды отправлял своих людей за другими подводчиками. Но денщикам Михаилу Бахметьеву и Даниле Приезжеву с толмачом И. Ковригиным не удалось достичь успеха, поэтому Д. Г. Мессершмидт стал сомневаться, а выполняли ли денщики и Ковригин «приказ честно и усердно или с прохладцей и поверхностно». И повод сомневаться был, так как, по сообщению слуги Петра Кратца, и денщики, и Ковригин

²³³ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 73.

²³⁴ Там же. С. 96.

²³⁵ Там же. С. 122.

²³⁶ Там же. С. 123.

были недовольны тем, что все время живут в палатках, а Ковригин «все время, очевидно, желал, чтобы его отпустили на родину»²³⁷, ведь он был из Абаканского острога. В итоге пришлось идти «назад, как и пришли»²³⁸ и выходить к Саянскому острогу другим маршрутом. 19 сентября 1722 г. в Абаканском остроге И. Ковригина отпустили, он, обрадованный, «принес несколько кренделей и хлеб»²³⁹.

Петр Полубенцев (в экспедиции с 13 февраля по 7 августа 1724 г.). После заключения контракта от 14 января 1724 г. П. Кратц, уже точно зная, что экспедиция пойдет до Нерчинска, проявил инициативу, подыскивая проводника для предстоящего путешествия. 27 января 1724 г. он привел к Д. Г. Мессершмидту Кузьму Михайлова сына Клестова, рассказавшего ученому о терме на западном (иркутском) берегу Байкала, о пути до термы, потом через Байкал и дальше до Нерчинска, то есть в месте, куда собирался Д. Г. Мессершмидт²⁴⁰. Рассказ так заинтересовал ученого, что он решил потребовать Клестова в проводники, отправиться в Забайкалье по описанному маршруту и 31 января 1724 г. получил от Клестова письменное подтверждение его рассказа о терме²⁴¹.

Но по какой-то причине канцелярия не удовлетворила просьбу Д. Г. Мессершмидта и вместо К. Клестова 13 февраля прислала к ученому служилого Петра Федорова сына Полубенцева, который должен был в экспедиции исполнять обязанности проводника. П. Полубенцев сообщил, что к терме нельзя попасть за то время, о котором говорил Клестов, «из-за очень глубокого снега и недостаточного числа зимовий, поэтому 14 дней придется располагаться под открытым небом», идти на лыжах и ехать верхом, а не на санях. «Потому как это очень отличалось от сообщения Кузьмы Клестова, — записал Д. Г. Мессершмидт, — я распорядился, чтобы он написал мне о том сказку и в ближайшие дни вручил мне». А Кузьму Клестова он отправил к городничему, чтобы тот взял его «под стражу, — продолжает Д. Г. Мессершмидт, — до тех пор, пока другой не доставит мне сказку, чтобы тот получил наказание, или *учение*, за свое предательство, потому как он хотел лишить меня здоровья и подвергнуть опасности мою жизнь»²⁴². После написания П. Полубенцевым сказки вопрос о включении его в состав экспедиции был окончательно решен.

П. Полубенцев знал монгольский и бурятский языки, что было очень важно в предстоящем путешествии в Забайкалье, где буряты говорили на обоих языках, поэтому он стал переводчиком Д. Г. Мессершмидта. Знание П. Ф. Полубенцевым монгольского языка ученый использовал уже в Иркутске. Этот служилый был переводчиком 19 и 20 февраля 1724 г. во время

²³⁷ Там же. С. 139.

²³⁸ Там же. С. 140.

²³⁹ Там же. С. 149.

²⁴⁰ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 198–199.

²⁴¹ *Ibid.* S. 200.

²⁴² *Ibid.* S. 206.

бесед Д. Г. Мессершмидта с индийским купцом Перессотемагире, владевшим монгольским языком²⁴³. 21 февраля оказалось, что П. Полубенцева арестовали за какой-то долг в 1 руб.²⁴⁴, и Д. Г. Мессершмидту пришлось жаловаться воеводе И. И. Полуектову, который дал распоряжение немедленно освободить проводника-переводчика. Уже с 22 февраля П. Полубенцев оказался в полном распоряжении Д. Г. Мессершмидта, возобновившего занятия с индийцем²⁴⁵.

П. Полубенцев знал не только Забайкалье, но и север Якутии. Находясь в Удинске, Д. Г. Мессершмидт все еще не оставлял мысли о Якутии. От оказавшегося в Удинске баргузинского служилого он услышал о Верхоянском остроге, стал расспрашивать о нем, выяснил, что туда можно добраться водным путем за 4–5 недель, и обратился к П. Полубенцеву за подтверждением, которое получил²⁴⁶.

Во время плавания по р. Ингоде по просьбе Д. Г. Мессершмидта тунгусы, говорившие и на бурятском языке, устраивали несколько облав на косуль, причем в них участвовал и П. Полубенцев, который приносил отловленных животных для исследования доктору²⁴⁷.

В Нерчинск П. Полубенцев не поехал. 7 августа 1724 г. он письменно потребовал отставки, ее получил²⁴⁸ и отправился в Иркутск 11 августа 1724 г., увозя с собой письмо Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию²⁴⁹.

ПОДРОСТКИ И МАЛЬЧИКИ-СЛУГИ ДЛЯ РАБОТЫ С КОЛЛЕКЦИЯМИ

Для всякого рода нетрудных работ, требующих усидчивости, хорошего зрения (у самого Д. Г. Мессершмидта во время экспедиции зрение серьезно ослабло), ловкости, ученому требовались мальчики. Под руководством доктора мальчики занимались сбором семян трав, цветов, упаковкой их по пакетам и мешочкам, ловили бабочек, собирали гнезда и яйца птиц, выполняли разные вспомогательные работы по хозяйству. Эти подростки и мальчики, кроме одного крепостного слуги, были детьми служилых людей Сибири.

Иван Путимцев, крестьянский сын, был куплен Д. Г. Мессершмидтом у его отца Степана Григорьева сына Путимцова в Ялutorовской слободе 21 декабря 1720 г. Сделка зарегистрирована в крепостной книге, и он стал первым слугой путешественника. В то время Ивану было 15 лет²⁵⁰.

²⁴³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 210–212.

²⁴⁴ *Ibid.* S. 213.

²⁴⁵ *Ibid.* S. 214.

²⁴⁶ *Ibid.* S. 240–241.

²⁴⁷ *Ibid.* Тl. 3. S. 68, 70–71, 78, 80, 81.

²⁴⁸ *Ibid.* S. 106.

²⁴⁹ *Ibid.* S. 109.

²⁵⁰ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 263, № 90.

В целом Д. Г. Мессершмидт характеризует Ивана положительно, пишет, что он «смышленный юноша»²⁵¹. О его участии в делах экспедиции в дневнике сказано совсем немного, но при этом понятно, что юноша все время был при Д. Г. Мессершмидте. Однажды они вместе оказались в довольно опасной ситуации. 9 августа 1722 г. во время путешествия в горной местности в бассейне р. Абакан пришлось двигаться по узкой тропе, проходящей по скале вдоль р. Малый Сыр. Д. Г. Мессершмидт ехал на двуколке, которой управлял Иван. Здесь, пишет Д. Г. Мессершмидт, он «упал со скалы вместе с лошастью и повозкой», «спасся прыжком, прежде чем повозка оторвалась и могла меня накрыть». Виноватым оказался «русский помощник», которого «придавило в бедра, без больших повреждений»²⁵².

Если приходилось куда-нибудь отправлять Ивана, то с ним отправлялся и взрослый. Так, после ночевки в районе оз. Шира в Хакасии на биваке забыли крышку от чайника, за ней возвращался Иван вместе со слугой Петером Кратцем²⁵³.

Однажды Иван был замечен в содомии с кобылой татарских проводников и на следующий же день был наказан батогами за этот позор, нераспространенный и среди татар, и среди русских²⁵⁴.

Иван помогал в сборе и очистке семян для коллекции²⁵⁵, собирал необычной формы камни, один из которых, по предположению Д. Г. Мессершмидта, мог быть глиняным артефактом или окаменелостью²⁵⁶, помогал в обезжиривании костей скелетов животных для консервации²⁵⁷, следил, чтобы не оставались на стоянках личные вещи Д. Г. Мессершмидта²⁵⁸. Всем необходимым подростка обеспечивал Д. Г. Мессершмидт как хозяин. Так, с наступлением в ноябре 1723 г. холодов он купил Ивану пару сапог из шкуры лося²⁵⁹.

В Иркутске возмужалого и обученного быть слугой Ивана Д. Г. Мессершмидт продал за 16 руб. для сына местного таможенного комиссара, взяв с покупателя расписку²⁶⁰. В этой связи небезынтересно отметить, что на обратном пути в 1725 г. в Иркутске таможенники собирались было проверить багаж Д. Г. Мессершмидта, но он воспротивился, досмотр не провели.

Агафон Суровцев (в экспедиции с 5 августа 1725 г. по 23 марта 1726 г.). С 5 августа 1725 г. из Енисейска в спутниках Д. Г. Мессершмидта был еще

²⁵¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 1. S. 224.

²⁵² *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 126–127.

²⁵³ Там же. С. 118.

²⁵⁴ Там же. С. 115, 116.

²⁵⁵ Там же. С. 133.

²⁵⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 128.

²⁵⁷ *Ibid.* S. 167.

²⁵⁸ *Ibid.* S. 179.

²⁵⁹ *Ibid.* S. 162.

²⁶⁰ *Ibid.* S. 205.

один слуга, 14-летний казачий сын Агафон Суровцев²⁶¹, подручный для выполнения всяких мелочных работ. Он был дан Д. Г. Мессершмидту только до Тобольска²⁶². Перед выездом из Енисейска Агафон помогал Петеру Кратцу упаковывать шкуры животных в ящики²⁶³, складывал в пакеты семена²⁶⁴. В изданных дневниках больших сведений о нем не найдено. В Тобольске этот слуга 23 марта «с 50 копейками отпущен около 8 часов вечера, поскольку секретарь Кузьма Петрович Бажанов потребовал его себе в прислужники»²⁶⁵.

Другие малолетние слуги. При найме на службу детей не обходилось без слез и уговоров. Вот запись от 1 апреля 1724 г. в Удинске: «Данные мне 7 и 8 марта русские мальчики по наущению своих родителей выделявали что-то исключительное, а именно один из них притворился больным, выли и плакал повсеместно и жаловался на головные боли, ломоту в членах etc. Потому как он и впрямь выглядел болезненным, или имел гиппократово лицо, я отправил его с моим денщиком к комиссару Федору Андрееву сыну Бейтону, с просьбой дать мне вместо него другого»²⁶⁶. В тот же день Бейтон отправил служить в экспедицию 12-летнего Степана Евтеева сына Черных и Герасима Алексеева сына Ерофеева, 10–11 лет, карыма.

29 апреля 1724 г. комиссар Ф. А. Бейтон по какой-то причине заменил Степана Черных на другого мальчика, Данила Осипова, и Д. Г. Мессершмидт возмущался: «...а значит, я напрасно потратил целый месяц на выучку того неотесанного мальчика и теперь снова должен вложить усилия и труды в выучку этого нового мальчика, будто бы это совсем ничего не стоило»²⁶⁷. Тогда 30 апреля 1724 г. Бейтон отправил еще одного, 15-летнего Григория Никитина сына Сапулина, тоже карыма²⁶⁸. Этот подросток прослужил у Д. Г. Мессершмидта долгое время и сбежал только в Иркутске в ночь с 23 на 24 января 1725 г., то есть тогда же, когда сбежал П. Кратц²⁶⁹.

Не хотели мальчики отрываться от дома, бежали. Так, 9 июня 1725 г. в Иркутске после многих требований Д. Г. Мессершмидта ему в дорогу был дан мальчик, служилый Алексей Родионов сын Байбородин, но с первой же ночевки в трех верстах от города 23 июня мальчик сбежал²⁷⁰.

Вместо этого мальчика Д. Г. Мессершмидт 26 июня 1725 г. получил в Идинском остроге на Ангаре «11-летнего мальчика по имени Борис Петров сын Бутаков <...>, который должен был вместо сбежавшего Алексея Родионова сына Байбородина нести службу до Тобольска. Мальчика

²⁶¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 5. S. 88.

²⁶² *Ibid.* Тl. 4. S. 184.

²⁶³ *Ibid.* S. 195.

²⁶⁴ *Ibid.* S. 217.

²⁶⁵ *Ibid.* Тl. 5. S. 96–97.

²⁶⁶ *Ibid.* Тl. 2. S. 243.

²⁶⁷ *Ibid.* S. 264–265.

²⁶⁸ *Ibid.* S. 265.

²⁶⁹ *Ibid.* Тl. 4. S. 92.

²⁷⁰ *Ibid.* S. 132.

снова отпустили домой, чтобы он принес свой дорожный запас, и только около 11 часов он вернулся со своей сестрой, которая принесла мне 1 курицу и 12 яиц в дорогу», — записал Д. Г. Мессершмидт²⁷¹. В тот же день дошли до Балаганска. Д. Г. Мессершмидт уже знал, что здесь год назад тот же мальчик, посланный из Идинского острога слугой одного офицера, уже сбежал. Поэтому Д. Г. Мессершмидт хотя и «считал по причине его малого возраста, что дезертировать он еще не выучился», но все же «распорядился внимательно наблюдать за ним до отъезда»²⁷².

Но и этот мальчуган сбежал — сначала 30 июня в Братском остроге, «но тут же был доставлен назад, и ему полагалось наказание розгами, как наказывают наших немецких дезертиров»²⁷³. Но 3 июля в Банщиковой деревне этот «мальчик-казак Борис Петров сын Бутаков в конце концов... сбежал... и посланные вслед за ним денщики нигде не могли его сыскать»²⁷⁴.

11 июля 1725 г. в деревне Рыбная на Ангаре, где раньше был Рыбинский острог, местный неграмотный приказчик дал в дорогу «мальчика из казачьих детей по имени Филип, Иванов сын, Понамарев, примерно 14 лет»²⁷⁵.

В Тобольске среди слуг Д. Г. Мессершмидта совершенно неожиданно, но весьма кстати, оказался мальчик Миша Иванов сын Черемисов. По прибытии в Тобольск Д. Г. Мессершмидт вызывал для написания мемориалов подьячего Ануфрия Петрова, у которого оказался родственник из Москвы Миша Иванов сын, имевший тобольский паспорт (подорожную) на проезд до Москвы. 17 марта 1726 г. он попросил разрешения сопровождать Д. Г. Мессершмидта «до Москвы в качестве слуги». Д. Г. Мессершмидт пишет: «И это предложение я с большой готовностью принял, поскольку я лишился всех сподручных слуг, когда у меня забрали денщиков Андреса Хеслера, Михайлу Бахметьева и Данилу Приезжева, и не знал, когда мне будут даны другие на их место и будут ли. <...> Так, подорожная, или паспорт, мальчика Миши был отдан мне на сохранение, а мальчик принят в мои слуги»²⁷⁶. В дороге до Соликамска Миша, содержащийся за счет Д. Г. Мессершмидта, вместе с П. Кратцем сопровождали сани с товарами доктора, в то время как казенные коллекции он поручил заботам сопровождавших его солдат²⁷⁷. Сведения о размере содержания Миши в печатном издании дневника не встретились.

С малолетними слугами возникали и другие проблемы, кроме побегов. Вот запись о случившемся в 1726 г. в Соликамске: «Мой русский мальчик Семен Астафьев проявляет уже свою злобность, несмотря на то, что ему только 10 или 11 лет. В черной горнице он деревянной палкой колот

²⁷¹ Ibid. S. 134.

²⁷² Ibid. S. 135.

²⁷³ Ibid. S. 139–140.

²⁷⁴ Ibid. S. 146.

²⁷⁵ Ibid. S. 158.

²⁷⁶ Ibid. Tl. 5. S. 88.

²⁷⁷ Ibid. S. 108.

в шею одного товарища, что наверняка могло закончиться довольно плохо. Я вызвал его к себе и порядочно отхлестал его калмычкой плетью»²⁷⁸.

Д. Г. Мессершмидт 1 ноября 1724 г. по пути к Читинску, подводя итоги очередного этапа путешествия, записал, что ему требовалось проделать «немалый труд собственными руками», выполнить «следующее [второе], третье и четвертое переписывание их [черновых записей] начисто», это «казалось невозможным». «И тем не менее я должен был здесь делать так много, как только мог сделать сам и мои люди, теми силами, что могли приложить они, чтобы обслужить меня, чем и смогли поспособствовать переписыванию, и тем оставалось мне довольствоваться, хотя они и не могли написать ни строчки»²⁷⁹.

Подводчики

Требования Д. Г. Мессершмидта о предоставлении подводчиков и транспорта были основаны на указе сибирского губернатора от 13 февраля 1721 г., которым предписывалось «давать ему служилых людей, сколько пристойно»²⁸⁰, и на подорожной от того же числа о даче «доктору Мессершмидту» «ямских четырнатцать подвод <...>, а где ямских подвод нет, давать государевы лошади»²⁸¹.

Десятки служилых и крестьян из русских, татар, бурят, с их лошадьми, телегами, санями, становились подводчиками на сухопутных дорогах. По рекам передвигались на казенных дощаниках, каюках и лодках с гребцами, на плотах.

Особых проблем в обеспечении экспедиции подводами (так называли и подводчиков, и предоставляемые транспортные средства) не было. Иногда все же проявлялись попытки уклонения от выполнения этой обязанности, неподчинения указаниям начальника экспедиции. В таких случаях Д. Г. Мессершмидт чаще всего прибегал к уговорам, требовал, чтобы приказчики сами заставляли выполнять подводчиков их службу, и достаточно редко применял физическое воздействие, столь обычное в то время. Он, очевидно, понимал, что нельзя создавать у местного населения враждебного отношения к своей экспедиции и предвзятости к будущим мероприятиям подобного рода.

Но «мягкость» не всегда приводила к успеху. Так, во время сплава по Енисею от Саянского острога к Енисейску в конце сентября 1722 г. в деревне Трифионовой должны были смениться гребцы. Прежние уже ушли, а крестьяне деревни разбежались, остались одни женщины. Привели только одного парня, который сопротивлялся. Д. Г. Мессершмидт распорядился «сурово наказать в пример другим, потому что я узнал, — пишет

²⁷⁸ СПбФ АРАН. Оп. 1. Д. 5. Л. 149 об.

²⁷⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 5. S. 106.

²⁸⁰ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... С. 274, № 100.

²⁸¹ Там же. С. 274, № 101.

он в дневнике, — что до сих пор в наказаниях обращался с ними слишком мягко». Появившемуся старшему той деревни, бывшему и хозяином квартиры, где остановился Д. Г. Мессершмидт, обещавшему дать восемь подводчиков, он объявил, что «в противном случае он должен поплатиться за всех»²⁸².

Многие из подводчиков остались безымянными, но есть и те, чьи имена сохранились в бумагах Д. Г. Мессершмидта.

Подводчики от Енисейска до Мангазеи. «1. Леонтей Дранишников. 2. Иван Буддырев. 3. Василей Попов. 4. Яков Попов. 5. Андрей Толстихин. 6. Яков Насеткин. 7. Иван Насеткин. 8. Иван Толстихин. 9. Андрей Норин. 10. Илья Черных. 11. Иыван Ванев. 12. Петр Ваенгин. 13. Иван Коновалов. 14. Федор Черных. 15. Илья Каргополцев. Вож» — такой «реэстр» гребцам Д. Г. Мессершмидт «ради памяти росписал» в специальной книге. Гребцы были даны ему в Енисейске «для поплава» в Мангазею, и их он «принял для вышеписанного отправления», скрепив «реэстр» своей «полевой» подписью²⁸³.

Отправились из Енисейска в тот же день, 1 июня 1723 г., шли то на веслах, то парусом, а через большие пороги вож спускал дощаник на якорю²⁸⁴. 16 июня пришли в Мангазею.

Во время этого путешествия Д. Г. Мессершмидт записал много слов остяков — видимо, переводчиком в общении с ними был кто-то из его гребцов.

Подводчики от Мангазеи до заимки Васильевой Подволочной. В Мангазее подводчики сменились. Количество людей осталось прежнее, вверх по Нижней Тунгуске пошли на одном дощанике и двух каюках. Путь предстоял дальний, тяжелый, конечной его точкой была заимка Васильева Подволочная на берегу Нижней Тунгуски под Чечуйским волоком.

В списке подводчиков значились служилые люди Ефим Юрлов, Родион Листвягов, Венедикт Мисков, Исай Велков. Они должны были обеспечить безопасность экспедиции в еще полудиких местах, населенных тунгусами. Гребцами были казачьи дети Семен Конкин, Трофим Трубка, Козма Потапов, Конон Мокин, Федор Матурин, Яков Губарев, Никита Тунгус, Софрон Перепрыгин, Евтифей Веселков, Матвей Речинсков, Гарасим Носков²⁸⁵. Проводником был казачий пятидесятник Василий Смирнов, о котором просил сам начальник экспедиции 18 июня 1723 г.²⁸⁶ Направление служилого такого высокого звания свидетельствует о понимании мангазейским приказчиком важности и значимости государственной экспедиции и о возможных опасностях передвижения в пустынных местах.

²⁸² Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 153.

²⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 53 об.

²⁸⁴ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 60.

²⁸⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 56.

²⁸⁶ Там же. Л. 55 об.

Не все подводчики дошли до конечного пункта, что подтверждается списком тех, кому в Васильевой Подволочной Д. Г. Мессершмидт 19 сентября 1723 г. вернул под расписку казенный дощаник с его оборудованием и лодку²⁸⁷. Сравнение списков вышедших в плавание и добравшихся до Чечуйского волока позволило выявить тех четырех, кто «ради болезни отпущены в путь в разные места» и одного недошедшего до волока, а где-то отставшего. Это Семен Конкин, Трофим Трубка, Конон Мокин, Яков Губарев, Софрон Перепрыгин.

Во время почти трехмесячного плавания по Нижней Тунгуске в большом экспедиционном отряде сложились хорошие отношения, ни разу Д. Г. Мессершмидт не высказал неудовольствия от действий кого-либо из подводчиков. А при расставании Ефим Юрлов подарил ученому пару якутских меховых чулок, которые Д. Г. Мессершмидт возил с собой и при подготовке к отправлению из Иркутска в Тобольск в мае 1725 г. упаковал в один из чемоданов, пунктуально отметив, что получил их 22 сентября 1723 г.²⁸⁸ Этот служилый носил фамилию самых первых служилых Мангазеи. Еще в 1630 г. мангазейский служилый «Петр Юрлов с товарищи» отпросился «для ясачного сбора на Лену» и пошел туда с приказом «проведывати новых землиц»²⁸⁹, а путь их мог лежать только вверх по Нижней Тунгуске. 3 сентября 1723 г. экспедиция прошла речной порог с антропонимным названием Юрлов²⁹⁰.

Опытные, бывавшие в разных местах Сибири подводчики после последнего совместного обеда (наверное, праздничного) 21 сентября 1723 г. на берегу Лены у Государевой мельницы рассказали Д. Г. Мессершмидту немало интересного, и ученый записал в дневник полученные сведения²⁹¹.

Во время путешествия вверх по Нижней Тунгуске ученый узнал большое количество географических названий. Ни на одной карте столько названий не было нанесено, он узнавал их от русских и тунгусов. Значительная часть топонимов, несомненно, записывалась со слов спутников. Так, путешественником записаны названия 168 географических объектов, из них только 65 названий рек; со слов подводчиков и местного населения записаны этнографические и исторические сведения. Иногда доктор называл фамилии своих спутников-информаторов: эвенкийское название р. Нижняя Тунгуска дал ему вож, казачий пятидесятник Василий Смирнов²⁹², он же рассказал о давнем занятии русских старожилов (вываривание соли из соляных рассолов в верховьях реки²⁹³) и обратил внимание Д. Г. Мессершмидта на растение, которое русские называли — Марьин корень, приведя и тунгус-

²⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 56–57.

²⁸⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibiren...* Тl. 4. S. 61.

²⁸⁹ Якутия в XVII в. (Очерки) : сборник / под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953. С. 19.

²⁹⁰ *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 121.

²⁹¹ Там же. С. 147–148.

²⁹² Там же. С. 61.

²⁹³ Там же. С. 127.

ское его название²⁹⁴. На зимовье с названием Архипово благодаря подводчику Козме Потапову Д. Г. Мессершмидт обратил внимание на обычаи охоты русских старожилов²⁹⁵; ученый сделал описание этого зимовья, первое в литературе описание зимовья Восточной Сибири начала XVIII в. От одного из гребцов, «который был тунгусского происхождения» (это, по всей видимости, казачий сын Никита Тунгус), Д. Г. Мессершмидт узнал названия сухожилий оленя, которыми как нитками пользовались тунгусы²⁹⁶.

Специального переводчика с тунгусского у путешественника не было, но им записано более 400 слов этих инородцев и несколько десятков тунгусских названий разных географических объектов. Очевидно, много лет общаясь с тунгусами, сопровождавшие служилые знали язык тунгусов, а те могли общаться на русском.

Мангазейские служилые и подводчики успешно выполнили поставленную перед ними задачу: до наступления раннего в этих местах ледостава доставили экспедицию Д. Г. Мессершмидта к Лене.

Подводчики от Чечуйского волока до Иркутска. Списка этих людей до нас не дошло, но, судя по всему, все они из Илимского уезда и, скорее всего, из Чечуйской и Нижне-Киренской волостей. Экспедиция поплыла вверх на одном дощанике и двух каюках²⁹⁷, гребцов было 15 человек. Суда здесь, в отличие от Нижней Тунгуски, тащили шедшими берегом лошадьми, так как вдоль Лены еще с середины XVII в. содержалась верховая конная тропа, бечевник.

В Усть-Куте подводчиков поменяли на гребцов Усть-Кутской волости. Списка этих людей также нет. На следующий день один из подводчиков сбежал у дер. Турука, но денщики привели другого из той же деревни²⁹⁸. Причины не названы, возможно, это был крестьянин, выполнявший междворную гоньбу, которая считалась одной из самых тяжелых повинностей и отрывала от хозяйства и от семьи.

Подводчики Лены обогатили Д. Г. Мессершмидта разной информацией. Особенно важны были географические сведения о смежной с его водным маршрутом территории, в частности о знаменитом Ленском волоке в Илимск. Путь туда доктор подробно описал со слов молодого парня, кормщика дощаника²⁹⁹. Впоследствии Д. Г. Мессершмидт намеревался попасть на Ленский волок со стороны Ангары.

Водное путешествие закончилось в Усть-Илге. Оттуда почти через два месяца Д. Г. Мессершмидт отправился в Иркутск по зимней санной дороге. Имена новых подводчиков тоже неизвестны, за исключением двух, зафиксированных в дневнике из-за своего самоуправства по отношению

²⁹⁴ Там же. С. 70.

²⁹⁵ Там же. С. 72–73.

²⁹⁶ Там же. С. 122.

²⁹⁷ Там же. С. 149.

²⁹⁸ Там же. С. 156.

²⁹⁹ Там же. С. 158.

к бурятам. Несмотря на то что Д. Г. Мессершмидт неохотно наказывал подводчиков, ему все же пришлось это сделать. 16 декабря 1723 г. он, узнав, что шедшие впереди его подводчики у бурят «насилыно забрали сено и корм, не расплатившись, и побили их кнутом», а также «пригрозили им, что когда я сам доберусь сюда, разобью им головы, потому что я очень строгий», «силой забрали лошадиную узду, не расплатившись», «сразу же приказал бурятскому переводчику» назвать имена виновных и расплатился с бурятами, «чем они остались довольны». На следующий день, дойдя до населенного пункта, где находился приказчик, названных бурятами виновных Степана Иванова сына Бушкова и Анисима Григорьева сына Хромых «наказал батогами, как и полагалось в этом случае, для примера»³⁰⁰.

Подводчики от Иркутска до Енисейска. В отличие от Енисейска, когда Д. Г. Мессершмидт отправлялся к Мангазее вниз по реке в июне 1723 г., и от Мангазеи, когда он отправлялся в том же месяце вверх по Нижней Тунгуске, найти желающих быть подводчиками вниз по Ангаре в мае 1725 г. оказалось совсем не просто — пугали сильные пороги на реке.

Только 14 июня 1725 г. был издан подорожный указ земской конторы, которым было велено «земским и подчиненным камисаром сего 1725 году против требования дохтор Мессер Шмидта <...> ему давать из Ыркуцка до Енисейска на дощаник одного человека вожа слобода от слободы, деревня от деревни попеременно везде без задержания и чтоб в том ему нигде остановки не было»³⁰¹.

Тогда же Д. Г. Мессершмидту из земской конторы сообщили резолюцией в ответ на его запрос, что наняты «на дощаник для сплавки из Ыркуцка до Енисейска против вашей подорожной двенатцать человек работных людей, дано по три рубли человеку, да два человека кормщиков, дано двенатцать рублей, всего четырнатцати человеком дано денег сорок восемь рублей». В «Реэстре работным людям» гребцы названы поименно:

«1. Андрей Харчевников. 2. Степан Уваров. 3. Иван Ушаков. 4. Иван Синков. 5. Микита Харчевников. 6. Микифор Кортасов. 7. Алексей Притупов. 8. Иван Лобанов. 9. Дмитрий Лобанов. 10. Осип Чикунов. 11. Михайло Бахметьев. 12. Данило Приезжих (так в тексте. — Ю. Ч.). Кормщики: 13. Алексей Смокотин. 14. Андрей Харчевников»³⁰². Непонятно, как в числе «работных людей», нанятых «для сплавки», оказались денщики Д. Г. Мессершмидта Михаил Бахметьев и Данила Приезжев. Во время сплава, как очевидно из дневника, они назывались автором денщиками.

В ходе сплава по Ангаре случилось происшествие, в котором пострадали денщики, отправленные за очередным вожем, а бывшие с Д. Г. Мессершмидтом подводчики помогли привести вожа. Произошло это в деревне Каменке. Денщики Андрей и Михаил на лодке с двумя гребцами отправились

³⁰⁰ Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 212–213.

³⁰¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 31. Л. 30–31.

³⁰² Там же. Л. 30 об. – 31.

в деревню с указом Иркутской канцелярии о порядке замены проводников. Но местные крестьяне тут же «воспротивились указу ножами, дубинами, топорами, колунами и прочим, сильно ударили денщика поперек спины, а Андрея по носу, отчего он прилично опух, порвали его камзол и рубашку на куски и отогнали их к берегу, в лодку. Как только я услышал крики впереди по течению реки и заподозрил такое нахальство, я отправил 5 человек им на помощь, а с остальными поплыл дальше своей дорогой», — записал Д. Г. Мессершмидт. Позже Андрей и Михаил и остальные гребцы догнали дощаник Д. Г. Мессершмидта в деревне, расположенной ниже по течению, и привели вожа оттуда. Им оказался Иван Чуркин, старейшина той деревни Каменки, который, как выяснилось, вместе с 10–12 людьми «воспротивился указу и совершил насилие» над денщиками. Денщики «попросили наказать его за это, чтобы у остальных был наперед пример, а в противном случае они не могли с уверенностью отправляться в деревни ради исполнения вверенных поручений. А потому я тут же распорядился уложить его в дощанике и исполнить наказание по местным законам», — так описал «сопротивление народа» Д. Г. Мессершмидт³⁰³.

14 июля 1725 г. дошли до Енисейска, и в этот же день доктор «уволил» гребцов-подводчиков, «согласно списку» от 14 июня 1725 г.³⁰⁴

ДРУГИЕ СПУТНИКИ

1 ноября 1724 г. Д. Г. Мессершмидт перечислил временных спутников, полученных в Нерчинске: «...ко мне приписаны четверо служивых, двое из которых были отпущены из-за их нерадивости в Аргунском остроге 4 сентября, еще один из них в Усть-Бирке и [другой] — в Сахаин-Борзе, а именно Василий Вертипрахов, Яков Биянкин, Левонтий Семякин и Иван Быховский, все по профессии хлебопашцы»³⁰⁵.

21 ноября 1724 г. ученый обратился к подчиненному комиссару Читинска с требованием дать в экспедицию промысловиков для отстрела животных в верховьях Ингоды³⁰⁶. 11 декабря 1724 г. требование было удовлетворено, промысловикам тунгусу Семену Верхоглядову, Софрону Тоболову и Никите Лешакову выдана подорожная³⁰⁷, и 12 декабря они отправились на промысел для экспедиции, имея при себе по две лошади с седлами и уздами, сани. Д. Г. Мессершмидт дал задание животных «разыскивать и отлавливать, и из них особенно наиболее редких, как кабарги с рогами, рыси и росوماхи и прочие того же рода». Сам доктор остался в Читинске и терпеливо ждал, приводя в порядок свои коллекции. Верхоглядов вернулся только 17 февраля 1725 г. и привез двух убитых рысей³⁰⁸.

³⁰³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 4. S. 156–157.

³⁰⁴ *Ibid.* S. 161.

³⁰⁵ *Ibid.* Tl. 3. S. 194.

³⁰⁶ *Ibid.* S. 211–212.

³⁰⁷ *Ibid.* S. 228–229.

³⁰⁸ *Ibid.* S. 268–269.

* * *

Таким образом, Ф. И. Табберт и К. Г. Шульман, покинувшие экспедицию на первом этапе, были помощниками Д. Г. Мессершмидта в научной работе. Роль слуг и денщиков состояла в том, чтобы создать ученому условия для научной работы, как он сам писал, «обслужить» его.

Подводчики обеспечивали передвижение экспедиции по выбираемым Д. Г. Мессершмидтом маршрутам.

Во время путешествия Д. Г. Мессершмидту пришлось прибегать к мерам воздействия, преимущественно к практиковавшемуся в России наказанию батогами, в случаях пьянства и разгильдяйства участников экспедиции.

Важнейшее значение для путешественника имели его отношения с П. Кратцем. Отчетливо просматривается зависимость Д. Г. Мессершмидта, плохо знающего русский язык, от исполнения слугой обязанностей переводчика. Поэтому Д. Г. Мессершмидт сделал все от него зависящее, чтобы, несмотря на склонность слуги к злоупотреблению алкоголем, П. Кратц у него оставался до завершения экспедиции.

Под руководством Д. Г. Мессершмидта и благодаря его усилиям сложился и не распался коллектив экспедиции. Несмотря на все трудности, ее удалось завершить и получить блестящие научные результаты.

*В. Лефельдт
Гёттинген*

*М. Кньюппель
Фельмар; Ляочэн*

*И. В. Тункина
Санкт-Петербург*

*А. Х. Элерт
Новосибирск*

ПИСЬМО Ф. И. ФОН СТРАЛЕНБЕРГА Э. БЕНЦЕЛИУСУ МЛАДШЕМУ О НАРОДАХ И ДРЕВНОСТЯХ СИБИРИ*

Впервые публикуются немецкая транскрипция и русский перевод письма Ф. И. фон Страленберга к видному деятелю шведского Просвещения Э. Бенцелиусу Младшему от 21 апреля 1724 г. Письмо, хранящееся в городской библиотеке Линчёпинга (Швеция), повествует о народах и древностях Сибири, изученных в ходе экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Послание снабжено рисунками с оригиналов К. Г. фон Шульмана, которые были изданы в виде гравюр в известной книге Ф. И. фон Страленберга (1730). Текст подробно откомментирован специалистами с позиций современной науки.

Ключевые слова: Ф. И. фон Страленберг, Э. Бенцелиус Младший, письмо, народы Сибири, древности Сибири.

*W. Lehfeldt
Göttingen*

*M. Knüppel
Vellmar; Liaocheng*

*I. V. Tunkina
St. Petersburg*

*A. Kh. Elert
Novosibirsk*

PH. J. VON STRAHLENBERG'S LETTER TO E. BENZELIUS THE YOUNGER ON THE PEOPLES AND ANTIQUITIES OF SIBERIA

The article is the first to publish a German transcription and Russian translation of a letter from Ph. J. von Strahlenberg to the prominent figure of the Swedish Enlightenment E. Benzelius the Younger dated April 21, 1724. The letter is stored in the City Library of Linköping (Sweden). It tells about the nations

---

* Исследование И. В. Тункиной проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

and antiquities of Siberia, which were studied during the expedition of D. G. Messerschmidt. The message is illustrated with drawings from the originals of K. G. von Schulmann, which were published as engravings in the famous book by Ph. J. von Strahlenberg (1730). The text is commented in detail by experts from the standpoint of modern scholarship.

Key words: Ph. J. von Strahlenberg, E. Benzelius the Younger, letter, nations of Siberia, antiquities of Siberia.

Экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь открыла для мировой науки огромный пласт неизвестных ранее памятников материальной и духовной культуры народов Евразии. Однако ввести их в научный оборот сам путешественник не смог — все привезенные материалы были опечатаны по приказу Медицинской канцелярии и переданы для изучения в недавно открытую Академию наук, причем до специального указа исследователю было запрещено пользоваться собственными материалами. Публикацией привезенных артефактов и монументальных памятников древности, запечатленных художником экспедиции К. Г. фон Шульманом¹, занялись кёнигсбергский историк, филолог, востоковед-синолог, академик Петербургской АН Готлиб (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер (*Gottlieb Siegfried Bayer*; 1694–1738) и ближайший помощник Д. Г. Мессершмидта, тогда пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, по возвращении в Швецию ставший использовать дворянскую фамилию фон Страленберг (*Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg*; 1677–1747). Согласно условиям Ништадтского мира 1721 г. Ф. И. Табберту, как и другим сосланным в Сибирь пленным шведским и немецким офицерам, было разрешено вернуться на родину. Несколько иллюстрированных рапортов Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с отчетом о ходе работ экспедиции были доставлены в Санкт-Петербург и скопированы для себя возвращавшимся в Стокгольм Ф. И. Таббертом.

Новый архивный источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта стал известен сравнительно недавно благодаря любезному содействию датских коллег Джона и Наташи Линд (Копенгаген), которым авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в поиске и копировании документов. Это письмо Ф. И. фон Страленберга видному деятелю шведского Просвещения Эрику Бенцелиусу Младшему (*Erik Benzelius der Jüngere*; 1675–1743) из Стокгольма в Уппсалу от 21 апреля 1724 г.² (рис. 1–2).

¹ Шульман фон, Карл Густав (*Schulmann von, Karl (Carl) Gustav*; 1702–1765), уроженец Нарвы, из немецких прибалтийских дворян, воспитанник школы К. Ф. фон Врееха в Тобольске, рисовальщик экспедиции Д. Г. Мессершмидта с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. О нем см. статью И. В. Тункиной в настоящем сборнике.

² Тункина И. В. 1) Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // *Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 156*; 2) Материалы об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в письмах Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт. Новосибирск, 2020. (Археография*

Личный фонд ученого-энциклопедиста Э. Бенцелиуса хранится в городской библиотеке г. Линчёпинга (Швеция), где представлена значительная подборка (несколько конвертов) писем к нему Ф. И. фон Страленберга за 1723–1725 гг., т. е. периода сразу после возвращения путешественника на родину из российского плена³. Капитан сообщал в письмах о собранных в экспедиции материалах и пытался получить консультации по самым разным научным вопросам, готовя к публикации свои труды о terra incognita той эпохи — Сибири. Эти документы тем более ценны, что в 1737 г. архив и библиотека самого Ф. И. фон Страленберга, уже после публикации его знаменитой книги в 1730 г., сгорели при пожаре его дома в Стокгольме, а ранее была утрачена дорожная тетрадь, в которую он вносил путевые заметки во время поездок по Сибири, и ряд выполненных в полевых условиях рисунков⁴.

Адресат Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиус Младший был шведским лютеранским богословом, политиком, историком литературы и естествоиспытателем. Его отец Эрик Бенцелиус Старший был профессором теологии в Уппсале, затем архиепископом. Э. Бенцелиус Младший получил блестящее образование сначала в Швеции, затем в Германии, Голландии, Англии и Франции (1697–1700). Во время заграничных путешествий он познакомился с Г. В. Лейбницем и другими ведущими учеными Европы. По возвращении в Швецию Э. Бенцелиус служил библиотекарем (1702–1723) и профессором теологии (1723–1726) в Уппсальском университете, был рукоположен в священники (1709), получил степень доктора теологии (1719), затем стал епископом Гётеборга (1726–1731) и Линчёпинга (1731–1742). В 1710 г. Э. Бенцелиус основал «Collegium curiosorum», из которого выросло Уппсальское королевское научное общество, старейшее научное общество Швеции, а с 1740 г. являлся членом Королевской Шведской академии наук⁵.

К письму Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу от 21 апреля 1724 г. приложено пять листов иллюстраций (шесть рисунков) с оригиналов К. Г. фон Шульмана. Это рисунки артефактов, запечатленных в ходе

и источниковедение Сибири ; вып. 39). С. 305–309; 3) Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Труды VI Археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. III. С. 154–156.

³ Ф. И. Табберт и К. Г. Шульман оставили Д. Г. Мессершмидта 28 мая 1722 г., через Тобольск и Москву добрались до Санкт-Петербурга.

⁴ *Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen...* Stockholm, 1730. S. 411; *Радлов В. В. Сибирские древности.* СПб., 1891. Т. I, вып. 2. Приложения. С. 50.

⁵ *Forssell H. L. Erik Benzelius den yngre.* Stockholm, 1883.

первого этапа экспедиции, проведенного Д. Г. Мессершмидтом совместно с Ф. И. Таббертом и К. Г. фон Шульманом, а также изображения древностей из коллекции сибирского губернатора (1711–1719) князя М. П. Гагарина. Оригинальные рисунки К. Г. фон Шульмана большинства тех же памятников сохранились в фонде Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Комплекс писем Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему требует изучения и введения в научный оборот как ценнейший источник информации о материальной и духовной культуре Сибири. Сохранившиеся экспедиционные зарисовки К. Г. фон Шульмана и копии с них, не искаженные последующим гравированием, крайне важны в качестве первой графической фиксации многих археологических и эпиграфических объектов — либо открытых экспедицией Д. Г. Мессершмидта, либо виденных путешественниками в частных собраниях, в том числе в руках бугровщиков⁶.

Публикуемый документ не имеет пагинации — в конволюте пронумерованы цифрами только письма, рисунки обозначены буквами (издаваемое письмо имеет № 47, рис. 1); номера листов с оборотами и пропущенные номера рисунков проставлены публикаторами. Письмо написано на «проступчивой» (как говорили тогда) бумаге с двух сторон, что определяется по слабым, но вполне видимым следам текста оборотной стороны с краев страниц. Рисунки, напротив, выполнены на плотной тряпичной бумаге, видимо, сложенной в несколько раз и затем разрезанной.

Текст письма и аннотаций к рисункам на немецком языке транскрибировали академик Гёттингенской АН Вернер Лефельдт (Werner Lehfeldt) при участии специалиста по языкам народов Сибири Михаэля Кнюппеля (Michael Knüppel) и видного археографа и палеографа, историка Сибири, доктора исторических наук А. Х. ЭлERTA (Новосибирск). Немецкий текст публикуется в орфографии и с пунктуацией подлинника, без разбивки на абзацы. Перевод на русский язык, выполненный В. Лефельдтом, был существенно откорректирован и стилистически обработан А. Х. ЭлERTом, который разбил текст на смысловые абзацы и использовал современные правила орфографии и пунктуации. Научные комментарии к русскому переводу носят авторский характер — они написаны М. Кнюппелем, И. В. Тункиной, А. Х. ЭлERTом. Мнения авторов зачастую не совпадают, но мы посчитали нужным показать разные точки зрения на одни и те же вопросы, существующие сегодня в немецкой и русской науке.

И. В. Тункина

⁶ *Тункина И. В.* Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 52.

Einige und geforschet wurde, die mir auch die
wilt und patten kommen mochten; Denn sein
Leibschreiber die ylägenheit von Cosmis indicis
pleures, von H. Montfaucon edirt auß dem Pauter
waisste selbst yome etwepaltung ist auf die Zeit
Es ist mir von H. Bajer auß Ludwig Berg sehr
decomendi. Et die bei dieser weit die ich an
mir sonderlich acht schreiff. die von der sein
und der mischung dergis, aber sollt das nach dem
in ein alt primum gebauet gefunden worden,
ich wolte aber dithon sie abspieren die lufft
und selbe zu wand zu puden, weil nicht die Zeit
ald zu sein; und das origines selb, yome walt
waisste, die ich mir ein exemplar von der horte
habt. Des am besten mich in übrigend die
sein selbste wände, das selbe, yome yome
und quist und verlaner unter gott absetz
weg bring
sein Leibschreiber, und Meind
Leibschreiber, von Doctor.
Geforschet angebrachte die mir.
Stockholm d. 21te April 1724. F. Strahlenberg.

Рис. 2. Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему от 21 апреля 1724 г. Последний лист. © Linköpings kommun Kultur- och fritidsförvaltningen Stiftsbiblioteket (Linköpings stadsbibliotek). Eric Benzelius den yngres arkiv. Brev till Eric Benzelius. E005/Br 10, Vol. 8, brev 47: 21.04.1724

*Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему
от 21 апреля 1724 г. из Стокгольма в Уппсалу*

л. 1

47
1724. 21 Apr

HochEhrwürdiger und Hochgelahrter, Insonders HochzuEhrender
Her Doctor und Professor.

Obleich auf Euer HochEhrwürden letzteres HöchstgeEhrtes zu antworten, wegen ermanglender Handreichung, biß hehr zu schweigen veranlaßen worden, so versichre dennoch daß beständig im gemüht geheget, und ich dero mir bekanter Curiosos gemüht, nach meinen wenigen Vermögen Satisfaction geben möchte; Bitte deroselben demnach gehorsahmt nicht in übeln zu expliciren, wen nicht alle Zeit so prompt zur hand schaffen kan, womit mich sonst schuldig zu dienen finde; über sende demnach 1mo Copia eines steinernen bildes — so in der wüsteneÿ nicht weit vom Jenisei Strohm, ober halb der Stadt Crasnoÿar gefunden; da der von der meisten schrifft die wenigen kentlichen buchstaben noch = übrig waren, wie zu sehen; welches ohne Zweiffell sehr alt und lange Zeit da gestanden, daß wetter und regen den Stein so abgenützet; 2do. Zweÿerleÿ ahrt Eck oder hörner Steine von dortigen Gräbern, auch an selbigen ohrt, die theils nur ein quadrat, theils wie ein oblongum theils in der ründe, mit dünneren breiten steinen umgeben // л. 1 об. und umbsetzet waren, in wendig aber ein erhabener hüggell, die graber mochten einige zu 30, andere zu 40 Ellen im quadrat seÿn; solche mit steinen umbsetzte gräber aber findet man am Obi, Jenisei, Toboll und Tom ströhmen nicht, welches daher komt daß daselbst flach, sand, und nur lemi, und keine steiner(n)en felßen, vom Jenisei aber an, avanciren die Gebürge, rücken weiße, biß in Múngalei, Calmackei, Buchareÿ, und so weiter; dahin gegen findet man wieder in den Montibus Riphæis oder Werkoturischen Gebürgen viele der gleichen rohte Caracteres alß 3^{lio} alhier angeschloßen, die aber nicht da, sondern wiederumb in den felßigten hohen ufern am Jenisei Strohm gefunden, alwo viel dergleichen sind; welche ahrt zu schreiben man vor alten Zeiten in Norwegen auch gehabt, und Zwar mit Knochen, so un außlöschlich, und gebrandt wirdt; Von Tamerlan wird in la Croixs historie gemeldet, daß Er der gleichen als monumenta in die berge und felßen schreiben laßen, wo Er etwa mit der armée gestanden und gewesen; Ich halte es seÿ dahmahls geschehen, wie Er die Geten auß Captzack delogiret, verjaget, nieder gemacht, und fast gántzlich aufgerieben, welche Er mit seinen Partheÿen, über den Irtisch, Obi, Jenisei und biß in die kleine Buchareÿ hin nein verfolget. so la Croix Zwar nicht just demonstriren kan, // л. 2 weil mir aber alda die benennungen und nahmen ihrer passagien einiger maßen bekant und solche in la Croix wieder finden, so möchte dero meisten solches

klärer zeigen können; und ist mir leid daß ich dahmahß [sic] wie droben war nicht einen mehreren apparatus von nachrichten hatte, so hätte mich von ein und andren beßer unterrichten und informiren können, daher ich jetzo wegen der Geten auf andere gedanken gerahten, den ich habe ein volck von etwa 300 köpffen stark, bey der Stadt Tomeskoi gefunden; welche sich selbst Gauta, von die Reussen aber Gaustinzi genant; auf welche ich dahmahß nicht weiter reflexion machte, alß daß Sie ein Siberisch alt Tatterscher Stam war; Sie wurden aber in der gegend vor die älstersten Einwohner dieses landes einer (?) gehalten; hatten Zwar nicht ihre eigene sprache, doch redeten Sie sehr Corrupt tattersch, und sind vor etwa 20, a 30 jahren nur restl: Mahometische Blendlinge geworden, vorher aber pure heÿden gewesen, wie die Geten in la Croix beschrieben worden, weßfahs [sic] Sie Tamerlan auch so schrecklich verfolget, der in seiner religion sehr eiffrig war; Sie hatten aber weder schriff noch Caracteres sondern gebrauchten noch einige lap trumerlen (?), undt hauß götzen, von lappen und lumpen bekleidet; So es gewiß ist, daß der Zaar wieder eine Ambassade nach China senden wird, wie man saget; so möchte woll jemand bekanter folgen, welchen man solches recht zu erkundigen Commission geben // л. 2об. muß; zum 4ten folget der abriß eines stücks von einen Chinesischen metalnen spiegels oder plate, so gegossen war, wie <man> auß dem drauf stehenden Chinesischen buchstab sehn kan; auf selbes stück war mit einem (?) spitzen griffell, die auf der Seite stehende Scÿtische buchstaben <ein>gerißen, welches entweder eine beute auß China, oder daß die Chinesen mit die Scÿten in den wüsteneÿen Krieg geführet; den die plate ist nicht weit vom Crasnoÿar in einen grabe gefunden worden; 5to der abriß von der güldnen Medaille aber ist am Ichchim Strohm, der in Irtisch fält, gefunden, daselbst will man sagen hat der berühmte Ung Cham seinen Sitz und residence gehabt, bey welchen sich die Nestorianischen MÜNCHEN und Christen aufgehalten, es scheinet alt Sÿrisch oder Armenisch zu seÿn, undt hat diese medaille vor etwa 8 oder 9 jahren der Knees Gagarin gehabt, der Sie dortigen Tibolskischen Bucharen zur explication geliehen, aber es hat keiner verstanden, noch deuten können; 6^{tens} der runde metalne spiegell ist zwischen den Isett und Tobol Strohm in gräbern gefunden, waß solches für Caracteres; ist mir unbekant, aber es scheint Chinesisch zu seÿn, dergleichen spiegell von metall, findet man in Siberien sehr viel auf allerhand ahrt, am Obi, Toboll, Isett, Irtisch und mehr ströhmen, und zwar in denen gräbern auf der wüsteneÿ; die Calmücken, Bucharen und Chinesen brauchen solche noch heutiges tages, alß einen auf der brust, einen auf den rücken, undt // л. 3 Zweÿ auf die schulter, und nennen solche auf Persisch Tzaar oder Zaar = Inä, d i. 4 spiegell; in alter historie findet man, Eß habe eine Königin der Scÿthen, dieses volck zu erst mit „ den waffen recht in ordnung gebracht, und wird solche Zaarina genant: Kan seÿn, daß solche davon den beÿnahmen erhalten und solche die ihnhaberin davon gewesen; 7des. den vorigen stein so ich übersant, der stand dicht am Uibaht Strohm, gantz allein ohne gräber, auf einen kleinen hüggell; welcher im Abakan Strohm, dieser aber im Jenisei oder Kemm fält, solchen habe ich selbst nicht copÿret, sondern der Doctor Messerschmit, den Er reißete

den Sommer ich aber den Winter weg, von der Stadt Tomskoi nach Abakan Städlein, so 6 tage oberhalb Crasnoÿar, hingehen fand ich den Steineren Kerl am Jenisei wie vorgemeldet; Sonsten habe mit dem Herrn General Adjoutant Canifer wegen der Tungusen geredet, welche keine schriffte noch Caracteres haben, welches auch von die übrigen Völcker alß Jakuten, Karæicken, undt mehreren zu verstehen, die Völcker anlangend so unter die Juhori können gezehlet werden, alß Ober Ungern, Finnen, Scheremissen, Tzuwaschen, Wogúlitzen, Woitiakken etc: deren sprache, in deren Numerationen man woll siehet daß sie vor alters ei gewesen; die hat herr Obristlieutenant // л. 306. Schönström fast alle angesamlet; Es möchte sonsten die Uigurische oder Jahorische Völckerschafft sehr weit auß der antiquität können hergeholet werden, zumahl solches in die Cimbrische Zeit hin nein läufft; da den ein Theil Völcker, der Cimbrer, so die 9te Zahl heilig gehalten mit diesen 9 Uigurren zu verstehen, entweder daß solche deßfahs [sic] beÿ 9 Ströhmen sich zu wohnen gesetzt, oder die 9te Zahl auch von den 9 Ströhmen ihren abstand und uhrsprung hätte; doch sind es nur gedanken, die mehr nachsinnens erfordern; Es hat sonst ein stück landes nicht weit vom Caspischen Meer auch den Nahmen von Uigurtza; item ein stück länders auß der Mauer beÿ China hin; auch bedeuten beÿ den Calmacken, Uigurr nichts anders alß Allÿrte und Vereinigte, und solches recht auß einander zu wickeln erfordert guht Studirens und nachricht; von denen Calmackischen schrifften werde nach diesen und beÿ gelägenheit einige übersenden, weßfahß [sic] der H Bruder Nills mir erinnret; die Excerpta so ich nicht Zeit abzucopÿren habe, sind an bruder Nills gegeben worden, daß Er solche von mir Copÿren laße, vor deren Communication gantz // л. 4 dienstl{.} und gehorsahmst dancke, die mir auch zur nüt und statten kommen möchten; Wen Euer HochEhrwürden beÿ gelägenheit den Cosmus indico pleustes, von H Montfaucon edirt übersenden könnten, möchte selben gern etwaß durchsehen auf kurtze Zeit{.} Er ist mir von H. Bäyer aus Königsberg sehr recommendirt; zu letz schließe noch hiebeÿ an, mir sonderliche ahrt schriffte, die am Jenisei Strohme und der wüsteneÿ dahin, oberhalb Crasnoÿar in ein alt steinern Gebeude gefunden worden, ich wolte aber bitten sie abcopÿren zu laßen, und solche zurück zu senden, weil nicht die .eit dazu habe; und daß Original selbst gerne behalten möchte, da ich nur ein exemplar von der Sorte habe; Ich empfehle mich den übrigen zu Euer HochEhrwürden beharligem gewogenheit und gunst und verharre unter Göttl{.} obhuts ergebung

Euer Hochehrwürden, und Meines
HochzuEhrenden Herrn Doctors.

Gehorsahmst ergebenster Diener.

Stockholm d 21ten.
Aprill 1724

Ph{.} J{.} Strahlenberg

47c

1. [Die]ses bildt stand etwa 15 wüerst vom Jenisei Strohm in der wüsteney auf einem erhabenen hügel, welcher rund umb sich einige hundert kleinerer hügel oder gräber umb sich hatte. Es war 11 :quart: hoch, 4 breit, 2 quart: dick, die buchstaben meist verloschen.

2. Dieses wahren Hörn- oder Ecksteine an die gräber, so rund umb mit steinen, wie fliesen, besetzt waren,

3. Ein metallen runder Spiegell, so nicht Weit von der Stadt Tobolski gefunden worden, in denen daselbst befindlichen Gräbern.

Eine guldene Medaille so am Irtisch Strohm gefunden worden in denen daselbst befindlichen Gräbern.

4. Ein stück von einer metalnen plate, so in die gräber am Jenisei Strohm gefunden worden; daß buchstab, scheineth Chinesisch zu seyn, die Characteres auf der seite № 3 waren mit einen meßer, oder spitzen griffell ein gerissen, es scheineth vor alters aus China geraubet, oder erbeutet zu seyn.

47b

5. Ein hörn- oder Eckstein, bey einem hügel oder grabe, welches mit glatten schlechten steinen ins 4 Kant besetzt gewesen, ungefehr 20 wüerst in der wüsteney, vom Jenisei Strohm ab,

Ein hörn oder Eckstein an einem hügel oder grabe, die Figuren erhaben, oder en relief, nicht weit vom Jenisei Strohm, ohngefehr 30 wüerst,

47f

6. Ein abgötzen bild, welches die Mungalen und Calmacken in bleckerne dosen legen oder auch sonst am halße tragen, es war von Terra Sigillata, welches Sie auß Tanguhten land haben, und den Dalai Lama abbildet, dieses muß sehr alt seyn, den es ist abgebrochen in einer hôle bey andern schrifftten gefunden worden, die Characteres möchten woll Tangühtisch. oder sonst eine alte schrifft seyn.

*Linköpings kommun Kultur- och fritidsförvaltningen Stiftsbiblioteket
(Linköpings stadsbibliotek). Eric Benzelius den yngres arkiv.
Brev till Eric Benzelius. E005/Br 10, Vol. 8, brev 47: 21.04.1724.*

Перевод

л. 1 Высокопреподобный и высокоученый, особо высокочтимый
господин доктор и профессор.

Хотя до сих пор за недостатком пособия я был вынужден отвечать молчанием на Вашего Высокопреподобия высочайшепочтенное последнее [письмо], то уверяю [Вас], что постоянно был обеспокоен этим и прилагал старания, дабы своими небольшими силами удовлетворить Вашу известную любознательность. Посему покорнейше прошу Вас не истолковать в дурную сторону, что не всегда так исправно могу доставить Вам то, чем обыкновенно считаю себя обязанным услужить.

Итак, пересылаю Вам, во-первых, копию каменного изображения, найденного в степи недалеко от реки Енисей, выше города Краснояр[ск]⁷. При этом, как видно, от большей части надписи осталось мало четких букв, что, без сомнения, говорит о том, что изображение очень старо и долгое время там стояло, так что погода и дожди значительно источили камень.

Во-вторых, камни двух видов, угловатые или роговидные, с тамошних могил⁸, на том же самом месте, которые имели форму частью квадратную,

⁷ Речь идет об изваянии «Тесинский богатырь» с рунической надписью (рис. 3, верхняя часть). Оно было найдено в междуречье Теси и Ербы в енисейских степях 24 января 1722 г. капитаном Ф. И. Таббертом (фон Страленбергом) и зарисовано К. Г. Шульманом. Изваяние стояло на высоком земляном кургане, окруженном специально сделанными оградками (?) или изготовленными из снятых с соседних курганов каменных плит. В книге Ф. И. Страленберга опубликован план местности, где найден «Тесинский богатырь», на котором пунктиром показан маршрут поездки капитана Ф. И. Табберта и его спутников из Абаканского острога на другой (левый) берег Енисея в степь (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Eurora und Asia... Tab. II*). Подобная мемориальная конструкция не имеет аналогов в Южной Сибири. По убеждению Д. Г. Савинова, это изображение знатного тюргеша, который мог являться военным вождем (советником?) в составе союзной армии кыргызов или предводителем военного подразделения тюргешей, выступавших на стороне енисейских кыргызов. Его деятельность стала настолько значимой, что была отмечена (после гибели?) установкой мемориального памятника. Дата похода тюрков за Саяны, приведшего к поражению кыргызов и тюргешей, может быть принята за время создания изваяния «Тесинский богатырь» и всего сопутствующего ему мемориального сооружения — это начало VIII в., после 711 г. Подробнее о памятнике с рунической надписью и истории его изучения см.: Савинов Д. Г., Тункина И. В. «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 6. С. 29–51 (И. В. Тункина).

⁸ Относительно объектов, о которых здесь пишет Ф. И. Страленберг (рис. 3, нижняя часть): речь идет о древнетюркских культовых изображениях, возможно, памятниках, которые являлись частью культовых сооружений, но не могильными камнями. Камни, которыми были обнесены могилы, были, как правило, без надписей. То, что при этих камнях не находятся могилы, далее ниже подтверждает сам Страленберг («прежний камень, который я переслал, стоял близко у реки Уйбат, совсем один, без могил»). Г. Ф. Миллер позднее по этому вопросу также указал: «Иногда на могильных камнях находятся некоторые высеченные изображения в виде человеческих

частью продолговатую, частью округлую и были обнесены // л. 1 об. и обсажены более тонкими широкими камнями, а внутри находился возвышенный холм; некоторые из могил, как кажется, имели в квадрате до 30, другие до 40 локтей⁹. Но такие обсаженные камнями могилы нельзя

лиц, крестов или других знаков, которые, вероятно, не имели совершенно никакого значения: никогда они, по-видимому, не представляли ни настоящих надписей как известных, так и еще неизвестных языков и букв, хотя на других единичных камнях и наскальных изображениях в степи по эту сторону реки Енисей замечены определенные надписи» (*Knüppel M. Ein Bericht G. F. Müllers über archäologische Arbeiten und Funde in Sibirien // Central Asiatic Journal. 2018. Vol. 61, № 2 : Voices from Ancient Dunhuang. S. 323–337*). Описанные Страленбергом объекты, вероятно, совпадают с теми, что показаны в его труде: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. XI (М. Кнюппель)*.

На мой взгляд, этот вывод М. Кнюппеля противоречит дневниковым записям Д. Г. Мессершмидта и тексту книги Ф. И. Страленберга. Обследованные Ф. И. Таббертом и К. Г. Шульманом высокие курганы имели прямоугольные ограды в виде обкладок из плоских камней, на углах которых возвышались камни с руническими надписями и различными изображениями (рис. 3, нижняя часть; рис. 7). Схематический чертеж такой прямоугольной ограды помещен в левом верхнем углу схемы Страленберга (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. II*). В первом немецком издании книги Ф. И. Страленберга уточнено, что «на этом же месте находились могилы, значащиеся на табл. II, под лит. L; по углам их помещались изображенные на табл. XI рунические камни...» (*Ibid. S. 412*). Ф. И. Страленберг писал, что «...могилы, отчасти обложенные тесаными, отчасти дикарными камнями, были совершенно такой длины, как показано... Но на каждом углу находился более высокий и широкий камень, а на нем были высечены различные знаки, указанные на табл. XI, рис. А, В, С, D» (*Ibid. S. 358–359*). Это подтверждает и экспедиционный дневник: «...На каждом углу могилы, в виде горы или насыпного холма высотой от 3 до 4 рейнландских рута [11,4–15,2 м], был возведен стоящий торцом угловой камень, и ширина этого квадрата [каменной ограды. — И. Т.] может иметь от 12 до 15 рута [45,6–57 м], причем некоторые могилы и холмы были больше, некоторые из них были меньше» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 174*). Рисунки запечатлели «камни с руническими надписями», открытыми, видимо, 24 января поблизости от «Тесинского богатъря» или днем позднее, 25 января 1722 г. Они, как и «Тесинский богатърь», упомянуты в X рапорте Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. из Красноярска под номерами с 5-го по 8-й вместе с Уйбатской стелой в связи с обнаруженными на них знаками «готско-рунической» письменности (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135 об.). Рисунки сопровождаются следующей аннотацией: «Четыре погребальных камня, надгробных памятника, наблюдаемые в той же киргизской степи между реками Тесь и Ерба, со знаками, начертанными мудрецами скифов древнейших времен» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 6). В рукописном труде Д. Г. Мессершмидта «*Sibiria Perillustrata*» (1728; факсимильное изд.: СПб., 2020) среди перечня планируемых к печати рисунков на латинском языке указаны: «77. Надгробная мужская статуя, держащая сосуд руками, киргизская [степь], между реками Тесь и Ерба; на обороте вырезаны загадочные рунические магические знаки» (имеется в виду изваяние «Тесинский богатърь») и «78. Четыре надгробных камня с вырезанными загадочными руническими магическими знаками и фигурами...» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 12, № 77–78) (*И. В. Тункина*).

⁹ Локоть — единица измерения длины (расстояние от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца), которая существенно различалась в разных государствах и даже в различных регионах одной страны. В данном случае, вероятно,

найти по рекам Обь, Енисей, Тобол и Томь вследствие того, что местность там только равнинная, песчаная и глинистая, без каменных скал. Однако, начиная с Енисея, горы идут одни за другими до Монголии, Калмакии, Бухарии и так далее.

В противоположность этому в Рифейских¹⁰, или Верхотурских¹¹, горах снова можно найти немало красных знаков такого рода, как те, что,

---

Страленберг использовал либо немецкие, либо шведские стандарты. В германских землях длина локтя колебалась от 53,96 см (франкфуртский) до 66,68 см (берлинский); длина шведского локтя составляла 59,37 см (А. Х. Элерт).

- ¹⁰ Рифейские (Рипейские) горы — в греческой мифологии и текстах античных авторов местоположение данных гор имеет неопределенную локацию (горы на севере, за которыми располагалась легендарная Гиперборея; возвышенности, дающие начало основным рекам Скифии; и др.). Позднее под Рифейскими горами понимали Среднерусскую возвышенность, Уральские горы и даже Кавказ. В данном случае Ф. И. Страленберг говорит об Уральских горах. Большинство современных исследователей также склоняется к версии о том, что легендарные Рифеи — это Уральские горы (А. Х. Элерт).

Здесь — Рифейские горы, о которых сообщает уже О. Рюдбек в своей «Atlantica» ([*Rudbeck, O. (der Ältere)*]. *Olavi Rudbeckii Atlantica Sive Manheim Vera Japheti posterorum sedes ac patria: Ex qua non tantum Monarchæ & Reges ad totum ferè orbem reliquum regendum ac domandum, stirpes[ue] suas in eo condendas, Sed etiam Scythæ, Barbari ... Aliique virtute clari & celebres Populi olim exierunt. In Romana antea ac Scythica, nunc verò Latina tantum lingua ... priore multò castigatior edita anno 1696. Upsalæ, [1696]*). Страленберг подхватил это в своем основном труде и попытался локализовать данные горы в Северной Евразии (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 326 f.*) (М. Кнюппель).

- ¹¹ Верхотурские горы — Средний Урал. Название «Верхотурские» происходит от города Верхотурье, основанного в 1698 г. на берегу р. Тура на восточных склонах Среднего Урала. С этого времени на протяжении полутора веков через Верхотурье проходил единственный официально разрешенный путь сообщения между европейской частью России и Сибирью через Уральские горы (Верхотурская дорога). Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» лишь три раза называет Уральские горы Верхотурскими, причем в одном случае — в ссылке на труд Ф. И. Страленберга («Здесь можно исправить неверный рассказ Страленберга, который говорит, будто Ермак через Верхотурские горы добрался до реки Туры...»); в сноске указана Гл. I, параграф 61 и сл. (Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 216). В русских источниках данное название Уральских гор употреблялось крайне редко (А. Х. Элерт).

Верглатурские горы, видимо, = Вергатурские горы (< Верхотурье), как и у Н. К. Витсена (*Witsen N. C. Noord en Oost Tartarye, etc. 2. Aufl. Amsterdam, 1705. S. 759–760*). Возле Верхотурья Витсен обнаружил и описал наскальные изображения (тамги, пиктограммы). Очевидно, что эти рисунки Ф. И. Страленберг позднее исследовал и поручил зарисовать своему племяннику К. Г. Шульману. Под изображением наскальных изображений в приложении к IV рапорту Д. Г. Мессершмидта следует понимать оригинальные рисунки Шульмана. В очень плохих репродукциях они воспроизведены в труде Страленберга (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 364–367. Tab. XIII–XVI*) и, в гораздо лучшем качестве, использованы также в третьем издании путевых описаний Н. К. Витсена, опубликованном в 1785 г. (*Witsen N. C. Noord en Oost Tartarye, etc. 3. Aufl. Amsterdam, 1785. Между S. 760–761*) (М. Кнюппель).

М. Кнюппель ошибается в том, что Н. К. Витсен, никогда не бывавший ни на Урале, ни в Сибири, «обнаружил и описал» наскальные изображения Ирбитской писаницы. Источником информации и графических изображений, скопированных для Витсена, являлись рисунки Я. Лосева (1699) и рукописи Семена Ремезова, который вместе с сыном Леонтием зафиксировал изображения Писаного камня

в-третьих, здесь прилагаемые, которые, однако, были найдены не там, а вновь на высоких скалистых берегах Енисея, где таких много¹². Этот способ письма в древние времена существовал и в Норвегии¹³, а именно: используя кости, так что знаки неизгладимы, и они обжигаются.

на р. Ирбит (1703). Рисунки и карты С. У. Ремезова скопировали и широко использовали и Ф. И. Табберт, и Д. Г. Мессершмидт. Подробнее см. статью Е. Ю. Барсариной «“Филологический образец” Д. Г. Мессершмидта 1720 г.» в настоящем сборнике. Ошибочным является утверждение, что К. Г. фон Шульман был племянником Ф. И. Страленберга — см. статью И. В. Тункиной «К биографии Карла Густава фон Шульмана» в настоящем сборнике (И. В. Тункина).

¹² В приложенном рисунке без номера (рис. 4) приведен фрагмент рисунка писаницы напротив с. Новоселово (Новоселовская писаница), на прибрежном утесе Городовая стена на правом берегу Енисея, выполненного К. Г. фон Шульманом. Рисунки железного века выполнены красной охрой — тамбовидные знаки, зоо- и антропоморфные фигуры, колчан со стрелами; сегодня эти изображения находятся под водой. Писаница была обследована экспедицией дважды — первый раз совместно Д. Г. Мессершмидтом, Ф. И. Таббертом и К. Г. фон Шульманом 18 февраля 1722 г., второй раз при возвращении Д. Г. Мессершмидта из Саянского острога 26 сентября 1722 г. Рисунок К. Г. фон Шульмана был отправлен в Петербург вместе с Ф. И. Таббертом 28 мая 1722 г. Его оригинал хранится в СПбФ АРАН как приложение к X рапорту Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г., из Красноярска (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 2). Ф. И. Страленберг опубликовал более полное изображение, снятое с рисунка из рапорта Д. Г. Мессершмидта (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. VIII, B). Оригинальный рисунок К. Г. фон Шульмана опубли.: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Данияль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6). С. 97–98, 120. Табл. XIV, 5.

¹³ Ф. И. Страленберг, который сразу после Н. К. Витсена опубликовал описание сибирских наскальных изображений и «рунических» — тюркских письменных знаков, здесь впервые ссылается на технику наскальных произведений в Скандинавии, из чего следует, что он также был первым, кто отметил параллели между европейскими рунами и енисейскими письменами (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* S. 59, 358, 411 etc.) (М. Кнютпель).

Та же мысль годом ранее, в 1729 г. была высказана в статье Г. З. Байера. Эта публикация впервые в мировой науке ввела в научный оборот изображения археологических памятников Южной Сибири, открытых экспедицией Д. Г. Мессершмидта, с текстами енисейской рунической письменности — Уйбатской стелы и «Тесинского богатыря» (по современной классификации Е 32 «Третий памятник с Уйбата», Е 37 «Третий памятник с Тубы»): *Bayer Th. S. Vetus inscription Prussica // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1729 (1727). T. II. P. 470–481. Tab. 29, fig. 3–4. G. Z. Bayer посчитал, что знаки неизвестного письма похожи на руны Пруссии, но они ближе к надписям кавказской Иберии и армянским текстам Священного писания, причем в рельефах енисейских памятников он даже увидел египетское влияние (*Bayer Th. S. Vetus inscription Prussica. P. 474*). Ф. И. Страленберг обобщенно считал енисейские символы «скифскими». Сам Д. Г. Мессершмидт в изданном X рапорте в Медицинскую канцелярию и аннотациях к рисункам К. Г. Шульмана атрибутировал надписи как рунические, но противоречиво приписывал их нескольким древним народам — то скифам (согласно нарративной традиции, являвшимся народом Центральной Азии), то готам, то гетам. Это свидетельствует о том, что Д. Г. Мессершмидт, Г. З. Байер и Ф. И. Страленберг обсуждали возможные происхождения и сходство графики этих форм письменности при личном и эпистолярном общении. С тех пор в научной литературе эта письменность стала называться рунической из-за сходства ряда знаков с известными в Европе готскими и скандинавскими рунами (И. В. Тункина).*

О Тамерлане в истории la Croix¹⁴ сообщается, что он велел нечто подобное в качестве памятных знаков написать на горах и скалах, возможно, там, где он стоял и пребывал с армией¹⁵. Я полагаю, что это произошло тогда, когда он выселил, прогнал, перебил и почти совсем уничтожил гетов¹⁶ и каптчаков¹⁷, которых со своими отрядами преследовал через Иртыш, Обь и Енисей до Малой Бухарии, хотя la Croix не может это точно доказать. //

л. 2 Поскольку, однако, тамошние названия и имена их переходов мне в некоторой степени известны и такие же встречаются у la Croix, то мне кажется, что я в состоянии показать такое более ясно, и мне жаль, что тогда, когда я был наверху, не распорядился большим количеством сведений, ведь в этом случае [я] мог бы лучше уведомляться и справляться о том или другом. Поэтому в отношении гетов я пришел теперь к другим мыслям, ибо у города Томска я обнаружил народ численностью приблизительно в 300 голов, которые самих себя называют Gauta, а русскими называются гаустинцами¹⁸, о которых я тогда лишь думал, что они представляют собой

¹⁴ *Pétis de la Croix F. Histoire de Timur-Bec: connu sur le nom du grand Tamerlan [...]. Avec des notes historiques, et des cartes géographiques. Traduite en françois par Petis de la Croix. 4 vols. Delft, 1723 (М. Кнютпель).*

¹⁵ Об этом см.: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 368 f. Tab. XVII–XVIII (М. Кнютпель).*

¹⁶ Геты — вряд ли речь идет о народе Западного Причерноморья, известном в античные времена (А. Х. Элерт). Механическая экстраполяция Ф. И. Страленбергом данных античной и средневековой письменной традиции на события, происходившие в древности и Средневековье к востоку от Уральских гор, в том числе на территорию Сибири, вызывали недоумение у его современников и других ученых XVIII в., в частности у И. Г. Гмелина (И. В. Тункина).

¹⁷ Каптчаки — вероятно, имеются в виду кыпчаки (кипчаки, азиатские половцы), которые в позднеордынские времена образовали в низовьях р. Ишим собственное протогосударство Ак Орда (Белая Орда), на территории которого формировался казахский этнос (А. Х. Элерт).

¹⁸ Вблизи Томска в первой четверти XVIII в. проживали три тюркоязычные этнические группы — эуштинцы (еуштинцы), чаты и телеуты (белые калмыки). Под гаустинцами, несомненно, следует понимать эуштинцев (самоназвания — йэушт, йэуштэ, яушта, яушталар). Об этом говорит не только созвучие наименований, но и другие факты, о которых сообщает Г. Ф. Миллер в написанном на немецком языке труде «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.». Миллер, в частности, сообщает, что в 1604 г. подданные еуштинского бия, или князя, Тояна, по предложению которого в его владениях в указанном году был основан Томск, насчитывали 300 плательщиков дани (Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 67). Чаты и телеуты приняли российское подданство и переселились в Томский уезд лишь во второй половине XVII в. Миллер также сообщает, что в 1734 г. еуштинцы проживали в четырех деревнях неподалеку от Томска (Синбиргайские, Островные, Тигельдеевы и Горбуновские юрты). Эуштинцы (равно как чаты и телеуты) среди нерусских народов занимали привилегированное положение, были освобождены от уплаты ясака, взамен чего служили в «татарской ландмилиции» Томского уезда. По сообщению Миллера, эуштинцев, годных к конной службе, было 60 человек, однако реально служили и получали жалованье только 22 человека (Там же. С. 80, 101) (А. Х. Элерт).

сибирское древнетатарское племя. Однако в этой местности их считали древнейшими жителями этой страны.

У них, правда, не было своего собственного языка, а говорили они на очень испорченном татарском¹⁹, и лишь примерно 20–30 лет тому назад стали магометанской помесью²⁰, а до этого были чистыми язычниками, такими, как описаны геты у Ia Stoix, отчего Тамерлан, который очень усердствовал в своей религии, так ужасно их преследовал. У них не было ни письма, ни знаков, но они использовали род кожаных бубнов и домашних идолов, одетых в лоскуты и лохмотье²¹. Если верно, что, как говорят, царь снова отправит посольство в Китай, то пусть с ним следует кто-нибудь знакомый²², которому надо поручить основательно разведать такое. //

л. 2 об. В-четвертых, следует рисунок экземпляра китайского металлического зеркала или пластины, которое было отлито [китайцами], как это можно распознать по находящейся на нем китайской букве. На этом куске острым стилем были нацарапаны стоящие на краю скифские буквы²³, а это означает, что зеркало представляет собой либо добычу из Китая, либо же китайцы в степях вели войну со скифами, поскольку пластина была найдена в могиле недалеко от Краснояр[ск]а.

¹⁹ По мнению большинства современных исследователей, эуштинцы — это аборигенное самодейское население, которое в Средние века было тюркизировано под влиянием различных племен (кыргызы, телесы, кыпчаки и др.) (А. Х. Элерт).

²⁰ Относительно религии еуштинцев Г. Ф. Миллер сообщает: «Религия чатских татар издавна является мусульманской. Еуштинцы раньше были язычниками, почитавшими дьявола, однако приблизительно 20 лет тому назад большая их часть была обращена в мусульманство Саидом, главой чатского духовенства в Томском уезде. Остальные, не давшие себя уговорить в то время, в прошлом 1733 г., благодаря деятельности Саида из Тарского уезда (сына вышеупомянутого Саида), приняли обрезание» (Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда... С. 84) (А. Х. Элерт).

²¹ На одной из таблиц в приложении к основному труду Страленберга имеется подобная антропоморфная фигура, одетая в лоскуты (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. VI*) (М. Кнюппель).

²² Имеется в виду торговый агент и дипломат, пленный шведский офицер, инженер на русской службе с 1712 г. Лоренц (Лаврентий) Ланге (Ланг; *Lorenz Lange*; 1684–1752), участник нескольких дипломатических миссий в Китай (1712, 1719–1722, 1725 и др.), который вел подробные дневники во время своих путешествий; статский советник, вице-губернатор в Иркутске (1739–1752). И Д. Г. Мессершмидт, и Ф. И. фон Страленберг были хорошо знакомы с Л. Ланге и пользовались собранной им информацией (И. В. Тункина).

²³ Описанный объект соответствует опубликованному Н. К. Витсеном (1705; 1785). См.: *Lien-Sheng Yang. An inscribed Han mirror discovered in Siberia* // *T'oung Pao. 2nd Series. 1953. Vol. 42, № 3/4. P. 330–340* (М. Кнюппель).

К письму приложен рисунок-реконструкция полной формы квадратного китайского фрагментированного зеркала со свастики, иероглифом и рунической надписью по бортику «Зеркало Кенд Аругбега» (рис. 5), найденное в погребении недалеко от Красноярска у р. Енисей. Ср. с рисунком с оригинала К. Г. фон Шульмана в «*Sibiria Perlustrata*» (СПб., 2020 = СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 365). Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. V, D*; *Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. Приложения. С. 31. Табл. V, D*; *Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. № 99. Рис. 45* (И. В. Тункина).

В-пятых, абрис золотой медали²⁴, найденной у реки Ишим²⁵, которая впадает в Иртыш. Утверждают, что в этом месте находились местожительство и резиденция знаменитого Унг Хана²⁶, где останавливались несторианские монахи и христиане. По-видимому, медаль древнесирийского или армянского происхождения и около восьми или девяти лет тому назад она принадлежала князю Гагарину²⁷, который отдал ее тамошним тобольским бухарам²⁸ на истолкование, однако никто не сумел ни понять, ни разъяснить ее.

²⁴ Речь идет о рисунке золотого яйцевидного амулета («медальона») с личиной (рис. 6, слева внизу), найденного в кургане близ Иртыша между соленым озером, Ямышевом и г. Омском (или Омским острогом) у Ишима, который впадает в Иртыш, там, где по предположению Ф. И. Страленберга находилась резиденция тестя Чингисхана, Унг Хана. Этот артефакт, скорее всего, согдийского происхождения, входил в собрание первого сибирского губернатора (1711–1719) князя М. П. Гагарина. Ср. с рисунком Г. И. Унферцагта с оригинала К. Г. Шульмана в «Sibiria Perlustrata» (СПб., 2020 = СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 369 (вверху)). Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. XX A; *Радлов В. В. Сибирские древности.* Т. I, вып. 2. С. 48. Табл. XX A. Оригинальный рисунок из «Sibiria Perlustrata» опублик.: *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт...* Табл. XI, 1.

²⁵ Река Ишим — левый и самый длинный (2450 км) приток Иртыша; в верхнем и среднем течении протекает по территории Казахстана, в нижнем — по российской территории (А. Х. Элерт).

²⁶ Здесь = Ун Хан (у В. Рубрика: «Unc Khan», у Bar Hebraeus'a: «Unk Chan»), титул керайтского владетеля То'орил (~ Тоурил ~ Туурил и др.) Wang-Han, который известен по несторианскому христианству и поэтому некоторыми (среди них Bar Hebraeus'ом) идентифицируется как легендарный царь-священник Иоанн (*Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350.* Berlin, 1968. S. 194; *Knüppel M. Versuch einer Genealogie des Herrscherhauses der Kerait // Central Asiatic Journal.* 2017. Vol. 60, № 1–2 : Migration and nationbuilding in Central and Western Asia: Turkic peoples and their neighbours. S. 241–264). Для большей полноты о титуле То'орил (~ Тоурил ~ Туурил) Wang-Han см.: *Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century.* Translated with a historical and philological commentary. 2 Bde. Leiden ; Boston, 2004. P. 394–396. (Brill's Inner Asian Library. Vol. 7, № 1–2); о титуле см. также: *Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung.* Helsinki, 2006. S. 122. (Publications of the Institute for Asian and African Studies. Vol. 8) (*М. Кнютпель*).

²⁷ Князь Матвей Петрович Гагарин, первый сибирский губернатор (с 1711 по 1719 г.). За многочисленные злоупотребления приговорен Сенатом к смертной казни и повешен в 1721 г. в Петербурге. Гагарин собрал большую коллекцию «могильного» золота и других древностей из курганов юга Западной и Средней Сибири, полученных от «бугровщиков», пик деятельности которых приходится на время его губернаторства. Более ста предметов «скифского» золота в 1716 г. были посланы Гагаринным царю Петру I. Об этом и его роли в судьбе и исследовательской деятельности Ф. И. Страленберга существует обширная литература (А. Х. Элерт). М. П. Гагарин конфисковал у Страленберга второй вариант карты Сибири (*М. Кнютпель*).

²⁸ Бухары (в русских источниках они именуются бухарцами) — обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и других народов Средней Азии. Бухарцы появились в Западной Сибири в XV–XVI вв. и стали одним из компонентов формирования этноса сибирских татар. Основным занятием бухарцев еще с дорусского периода была торговля среднеазиатскими товарами, процветанию которой способствовали многочисленные привилегии, дарованные царскими указами, в числе которых была и свобода передвижения (А. Х. Элерт).

В-шестых, круглое металлическое зеркало, найденное в могилах между реками Исеть²⁹ и Тобол³⁰. Какие это знаки, мне неизвестно, но кажется, что китайские. Такие металлические зеркала разных видов находят в Сибири очень много — по Оби, Тоболу, Исети, Иртышу и другим рекам, а именно в могилах в степях. Калмыки, бухары и китайцы употребляют эти зеркала по сей день: одно на груди, одно на спине // л. 3 и два на плечах, и называют такие-вые по-персидски Tzaag или же Zaag = Inä, то есть четыре зеркала³¹. В древней истории можно найти, что одна скифская царица первой оружием привела этот народ в надлежащий порядок, и называется она Tzaagina. Быть может, что она от этого получила прозвание и была владельцем данного титула³².

В-седьмых, прежний камень, [рисунок] которого я Вам уже переслал. Он стоял совсем близко от реки Уйбат³³, впадающей в реку Абакан, которая, в свою очередь, впадает в Енисей, или Кем³⁴, совсем один, без могил, на небольшом холме. Этот камень зарисовал не я сам, а доктор Мессершми[d]т³⁵,

²⁹ Исеть — река на Урале и в Западной Сибири, левый приток р. Тобол; исток находится в 25 км от г. Екатеринбурга (А. Х. Элерт).

³⁰ См. выше коммент. 23 (М. Кнюппель). Речь идет о рисунке оборотной стороны китайского круглого бронзового зеркала с петлей на круглом рельефном выступе в центре, по борту которого нанесена иероглифическая китайская архаическая надпись X–XII вв. (рис. 6, вверху). Оно было найдено «в могилах между реками Исеть и Тобол». Ср. с рисунком с оригинала К. Г. фон Шульмана в «Sibiria Perlustrata» (СПб., 2020 = СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 369 (в центре)). Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* S. 399. Tab. XX, B; *Радлов В. В. Сибирские древности.* Т. I, вып. 2. С. 48. Табл. XX, B; *Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины...* С. 111. Рис. 104 (И. В. Тункина).

³¹ Здесь = перс. (čahār) — «четыре» + (āy(e)neh) — «зеркало» (так же в кн.: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* S. 317); зеркала, носимые на одежде, как знаки достоинства имели место в Иране еще до XX в. (Подобно тому, как они являлись элементом военной униформы дервишей.) В кн.: *Ibid.* S. 399: «Tzahar Inæ» (М. Кнюппель).

³² Здесь представлена одна из многочисленных попыток Ф. И. Страленберга в области этимологизации, которыми насыщен его труд «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...», из-за чего он был столь оспариваемым своими современниками (М. Кнюппель).

³³ Уйбат — левый приток р. Абакан, впадающий в нее в 53 км от устья (А. Х. Элерт). Здесь речь идет о знаменитой Уйбатской стеле (Уйбат III) с руническими надписями и окуневской личиной, открытой Д. Г. Мессершмидтом в начале сентября 1721 г. и зарисованной К. Г. фон Шульманом или самим ученым (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–5 — изображение без окуневской личины). Памятник упомянут в X рапорте путешественника в Медицинскую канцелярию. Это изогнутая в виде «венгерской сабли» стела окуневской археологической культуры из песчаника с изображением личины в ее нижней части и нанесенными с четырех сторон руническими надписями из более чем 400 знаков. В настоящее время памятник хранится в Минусинском музее. См.: *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт...* С. 105–109. Табл. XVI (И. В. Тункина).

³⁴ Кем (Кемь, Хем, Улуг-Хем) — наименование Енисея в его верхнем течении тюркскими народами региона (тувинцы, предки хакасов, тофалары и др.). Гидронимы Кемь и Великая Кемь встречаются и в русских документах XVII в. (А. Х. Элерт).

³⁵ Уйбатская стела (Уйбат III) была открыта Д. Г. Мессершмидтом между 30 августа и 3 сентября 1721 г. вместе с К. Г. фон Шульманом. Эти числа указаны в дорожном журнале Д. Г. Мессершмидта, пометившего о находке «скифско-рунического» памятника (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 25 об.). Путешественник выехал

так как он ехал от города Томска до городка Абакана, который находится в шести днях пути выше Краснояр[ск]а, летней, я же зимней дорогой. Я же, как сообщал ранее, нашел каменного человека³⁶ у Енисея.

Еще я говорил с господином генерал-адъютантом Канифером³⁷ о тунгусах, у которых нет ни письма, ни знаков, что верно и для остальных народов, как-то якутов, карайков³⁸ и многих других. Относительно тех народов, которых можно причислить к юхорам³⁹, таких как верхневенгры,

---

из Томска в Кузнецк, затем оттуда к Уйбату и р. Бие. Ф. И. фон Страленберг, который вел экспедиционный дневник, в это время находился в окрестностях Томска, поэтому точные сведения о дате открытия стелы в нем отсутствуют. См.: *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 105–109 (И. В. Тункина)*.

³⁶ Речь идет об открытии 24 января 1722 г. Ф. И. Таббертом каменного изваяния «Тесинский богатырь» с рунической надписью на спине, ошибочно принятого им за изображение Приапа (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 412. Tab. XII*). См. выше коммент. 7 (*И. В. Тункина*).

³⁷ Генерал-адъютант Канифер — шведский офицер, который, как и Ф. И. Страленберг, был военнопленным в России (идентификация неясная) (*М. Кнютпель*). Страленберг в своей книге именовал его то генерал-адъютантом, то полковником и сообщал, что Канифер (Kanifer) находился несколько лет в плену в городе Енисейске и в Илимске. Канифер сообщал соотечественнику сведения о местных древностях — писаницах у Илима (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 340, 357*) (*И. В. Тункина*).

³⁸ Карайки — вероятно, имеются в виду коряки, которые упоминаются в русских документах со второй четверти XVII в. Сохранилось большое количество документов, связанных с весьма непростыми русско-корякскими взаимоотношениями, историей покорения коряков, которое завершилось лишь в середине XVIII в. (военные походы русских служилых, восстания коряков, уничтожение ими отрядов служилых, отправлявшихся на Камчатку и обратно в Анадырский острог, и др.). Многие из этих документов (в основном отписки) были адресованы не только якутским, но также тобольским и столичным властям. Самые драматичные события, связанные с коряками, приходится на первую четверть XVIII в. (*А. Х. Элерт*).

По-видимому, речь идет о кереках, языковой группе среди вымерших так называемых «палеоазиатских языков». Керекки проживали на побережье Берингова моря между устьями рек Алютора и Анадырь. Керекский язык окказионально относится к чукотскому, что весьма ошибочно, поскольку это наречие имело многочисленные нечукотские черты (о керекском: *Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Л., 1968. Т. 5 : Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*) (*М. Кнютпель*).

Данное предположение Кнютпеля представляется неубедительным, поскольку в источниках XVII — первой пол. XVIII в. сведения о кереках как особой этнической группе и керекском языке практически отсутствуют. Обычно их относили либо к чукчам, либо к корякам: с первыми они были более близки по языку, а с береговыми (приморскими оседлыми) коряками — по хозяйственно-культурному типу (*А. Х. Элерт*).

³⁹ Юхоры — речь идет о тюркоязычных уйгурах, которых в средневековых источниках называли по-разному (вэйху, хойху, ойхор и др.). Некоторые исследователи полагают, что в древности уйгуры были монголоязычным народом, подвергшимся тюркизации (*А. Х. Элерт*).

«Юхоры» = «югуры» = уйгуры. См.: *Ritter C. Die Erdkunde von Asien. Berlin, 1837. Bd. V. Siebenter Theil. Drittes Buch : West-Asien. Uebergang von Ost nach West-Asien. S. 439. (Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie, als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physicalischen und historischen Wissenschaften)*. Югуры, видимо, впервые упомянуты В. Рубруком (*М. Кнютпель*).

финны, шеремисы⁴⁰, чувашы, вогулитцы⁴¹, вотяки и т. д., по языку которых в их числительных можно видеть, что они в древние времена были единым народом⁴². Почти все эти числительные собрал господин подполковник // л. 3 об. Шёнстрём⁴³.

Впрочем, уйгурский, или яхорийский, народ⁴⁴ можно вывести из очень глубокой древности, тем более что эта древность относится к кимбрийскому времени, так как часть народа кимбров⁴⁵ 9-е число считала священным, что согласуется с этими 9-ю уйгурами; поэтому таковые либо поселились у 9-ти рек, либо 9-е число имеет свое происхождение и начало от 9-ти рек. Однако это только мысли, которые требуют больших размышлений. Впрочем, один кусок земли недалеко от Каспийского моря тоже имеет название Uigurtza, равно как и кусок земель вне стены у Китая. А также у калмаков⁴⁶ слово «уйгур» означает не что иное, как «союзник» и «соединенный», и для того, чтобы разобраться с этим, требуются хорошее изучение и информация⁴⁷.

⁴⁰ Шеремисы (черемисы) — устаревшее название марийцев, народа, относящегося к финно-угорской группе уральских языков. Марийский язык изобилует тюркизмами и является самым тюркизированным из финно-угорских языков (А. Х. Элерт).

⁴¹ Вогулитцы (вогуличи, вогулы) — устаревшее название народа манси, жившего до XIX в. по обе стороны Уральских гор. Большая часть западных и южных манси была ассимилирована татарами, русскими и хантами; в настоящее время основное место жительства манси — в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области. Язык манси относится к угорской группе финно-угорской семьи языков, наиболее близки ему хантыйский и венгерский родственные языки (А. Х. Элерт).

⁴² Это основано на сравнительном языкознании, представленном Ф. И. Страленбергом, помимо прочего, в приложении числительных. К этому см. Tabula Polyglotta (Harmonia Linguarum) у Страленберга, который, наряду со своими рассуждениями, представил доказательства финно-угорского языкового родства. Обстоятельно об этом: Stehr A. Die Anfänge der finnisch-ugrischen Sprachvergleichung 1669–1771. Göttingen, 1957 [Göttingen Univ., Diss., 1957; машинописный экземпляр] (М. Кнюппель).

⁴³ Подполковник Петер Шёнстрём (1682–1746), который, как и Ф. И. Страленберг, в ходе Великой Северной войны попал в плен и был сослан в Сибирь. После заключения Ништадтского мира он вернулся домой. О Петере Шёнстрёме см.: Biographiskt lexicon öfver namkunnige svenske män. Stockholm; Uppsala, 1847. Bd. 14. S. 179–185 (М. Кнюппель).

⁴⁴ Здесь — югурская народность; см. выше коммент. 39 (М. Кнюппель).

⁴⁵ Кимбры (кимвры) — германское племя, жившее предположительно в Ютландии и угрожавшее Риму в конце II в. до н. э. В 101 г. до н. э. кимвры были разгромлены римским полководцем Марием (А. Х. Элерт).

⁴⁶ Калмаки — западные монголы, известные в разные времена и на разных территориях под разными этнонимами (калмаки, калмыки, ойраты, джунгары и др.). Родоплеменные группы под названием «калмак» вошли в состав башкиров, казахов, киргизов, сибирских татар, хакасов и других, преимущественно тюркоязычных, народов Сибири и Средней Азии (А. Х. Элерт).

⁴⁷ Ф. И. Страленберг никогда не бывал в районе расселения уйгуров и в данном случае сообщает лишь сведения, полученные «из третьих рук». Об уйгурах в то время вряд ли имелись точные сведения, только краткая информация, попавшая с Востока, как, например, заметки в путевых рассказах посланника Плано Карпини (ок. 1185–1252) и Вильгельма Рубрука (ок. 1215 – ок. 1270), которые использовал Страленберг в своем труде. О ранних уйгуроведческих исследованиях см.:

Позже при оказии перешлю [Вам] несколько калмакских писем⁴⁸, о чем мне напоминает господин брат Нильс. Выписки, сделать копии которых у меня нет времени, были переданы брату Нильсу⁴⁹ с тем, чтобы он поручил скопировать их для меня, за сообщения которого я // л. 4 служебно и покорнейше всецело благодарен — они мне будут полезны и пригодятся. Если Ваше Высокоблагородие при случае могли бы переслать Косму Индикоплова, изданного господином Монфоконом⁵⁰, охотно желал бы

Knüppel M. Zur Uiguristik vor den Turfan-Expeditionen // Kutadgu nom bitig. Festschrift für Jens Peter Laut zum 60. Geburtstag. Hrsg. v. Elisabetta Ragagnin und Jens Wilkens unter Mitarbeit von Gökhan Şilfeler. Wiesbaden, 2015. S. 255–273 (М. Кнюппель).

⁴⁸ Вероятно, Ф. И. Страленберг действительно доставил в Швецию «калмыцкую» рукопись. Другой шведский военнопленный Ю. Г. Ренат (1682–1744) также привез с собой в Швецию подобную рукопись — в настоящее время она находится в библиотеке Линчёпинга. Позднее и другие путешественники доставляли в Санкт-Петербург подобные рукописи. Видимо, речь идет о монгольских и тибетских рукописях, которые путешественниками (в том числе и самим Страленбергом) были получены из разрушенного калмыцкого монастыря Аблай-хит, о чем Страленберг упоминает далее ниже («выше Красноярска, в старом каменном здании»). Об открытии и истории исследования рукописей из Аблай-хита подробно: *Knüppel M. Vom Irtysh nach Kassel. Zur Frage der ersten mongolischen und tibetischen Handschriften in Deutschland. Kassel, 2014. (Schriften der Universitätsbibliothek Kassel — Landesbibliothek und Murhardsche Bibliothek der Stadt Kassel 12).* Ф. И. Страленберг представил описание рукописей из Аблай-хита: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 312–313 (М. Кнюппель).*

Историографический штамп о происхождении рукописей, попавших в Санкт-Петербург, а затем в Западную Европу в начале 1720-х гг. именно из Аблай-хита, который повторяет М. Кнюппель, недавно убедительно опроверг А. В. Зорин. Находки монгольских и тибетских рукописей, о которых пишет Ф. И. Страленберг, скорее всего, происходят из заброшенного джунгарского монастыря Дархан-цорджи-хит, который стал известен под названием «Семь Палат». Рукописи, открытые здесь, уже к 1719 г. оказались в Санкт-Петербурге, причем Петр I распорядился сделать с них копии для отправки в Париж и Лондон с целью их дешифровки. Руины другого заброшенного джунгарского монастыря Аблай-хит в верховьях Иртыша в удалении от Усть-Каменогорской крепости были открыты либо в конце 1720 г., либо, что вероятнее, весной или летом 1721 г. Между тем рукопись из Линчёпинга имеет запись с датой на русском языке «1720 году июля», т. е. ранее открытия руин Аблай-хита, что свидетельствует о ее находке в джунгарском монастыре близ Семипалатинской крепости. Первая депеша об обнаружении Аблай-хита с шестью листами рукописей была отправлена А. М. Черкасским в Санкт-Петербург 25 августа 1721 г. К концу мая 1720 г. Д. Г. Мессершмидт приобрел за свой счет «древняя калмыцкия и татарския писма и их праотческа писмена» из Семи Палат, а 23 декабря 1721 г. в Абаканском остроге сумел добыть два аблай-хитских листа на тибетском языке; один из них А. В. Зорин недавно отождествил в собрании Института восточных рукописей РАН. Подробнее см.: *Зорин А. В. «О призрачности» рукописного наследия из Семи Палат: Отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 199–215 (И. В. Тункина).*

⁴⁹ Идентификация лица не поддается определению (*М. Кнюппель*).

⁵⁰ Имеется в виду французский нумизмат и палеограф, член Парижской академии надписей и изящной словесности Бернар де Монфоко́н (*Bernard de Montfaucon*; 1655–1741), который издал основной труд византийского купца и путешественника первой половины VI в. Космы Индикоплова «Христианская топография». См.: *Montfaucon B. de. Collectio nova partum et scriptorium graecorum. Paris, 1707. T. 2. P. 113–345 (И. В. Тункина).*

его немного в короткое время просмотреть. Он был очень рекомендован мне господином Байером⁵¹ из Кёнигсберга. В конце еще присовокупляю странный для меня род письма, который был найден на реке Енисей в тамошней степи, выше Краснояр[ск]а, в старом каменном здании⁵². Однако хотел бы попросить поручить сделать с него копию, а оригинал послать мне назад, потому что у меня не хватает времени на копирование, а оригинал я хотел бы сохранить у себя, потому что у меня только один экземпляр такого рода⁵³. В остальном я доверяюсь постоянному расположению и благосклонности Вашего Высокопреподобия и остаюсь под преданием себя в Божье покровительство.

Вашего Высокопреподобия и моего
высокопочтимого господина доктора
покорнейше преданнейший слуга

Стокгольм
21 апреля 1724.

Ф. И. Страленберг

⁵¹ Академик Петербургской АН, кёнигсбергский историк и синолог Готфрид (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер (1694–1738) стал первым издателем ряда материалов экспедиции Д. Г. Мессершмидта, в частности памятников рунической письменности — Уйбатской стелы (Tab. 29, fig. 1–2) и «Тесинского богатыря» (Tab. 29, fig. 3–4). Гравюры к его статье выполнены с оригинальных рисунков К. Г. фон Шульмана, приложенных к рапорту Д. Г. Мессершмидта. См.: *Bayer Th. S. Vetus inscription Prussica*. P. 470–481. Те же памятники год спустя издал Ф. И. фон Страленберг: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. V A (Уйбатская стела), XII («Тесинский богатырь») (И. В. Тункина).

⁵² Ф. И. Страленберг пишет, что рукописные листы были найдены на правом и левом берегах Иртыша, первому соответствует Аблай-хит, второму — Семь Палат. По убеждению петербургского востоковеда А. В. Зорина, Ф. И. Страленберг ничего не знал об Аблай-хите как источнике рукописей вплоть до конца 1720-х гг. Название этого монастыря ему стало известно только весной 1722 г. от калмыцкого толмача Степана. Ф. И. Страленберг зафиксировал в дневнике экспедиции Д. Г. Мессершмидта получение одного листа, вероятно, на тибетском языке, привезенного из Бикатуна (т. е. Бийска, рядом с которым находилась Белоярская крепость), и пытался добыть другой лист. А. В. Зорин обоснованно предположил, что один из этих двух листов является линчэпингским листом, который получил название *Codex Renatus Linkopensis*. См.: *Зорин А. В. «О призрачности» рукописного наследия из Семи Палат...* С. 202–203, 207 (И. В. Тункина).

⁵³ Этот приенисейский тибетский лист был опубликован в книге Ф. И. фон Страленберга (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. I). Автор писал, что располагал 10–12 аналогичными листами, которые он раздарил в разное время друзьям. Лист был найден «русским уроженцем города Красноярска, почти на конце реки Енисея, при впадении в нее маленькой речки Кемчика, на том месте, где находилась старая часовня». Цит. по: *Радлов В. В. Сибирские древности*. Т. I, вып. 2. С. 25, 27–28 (И. В. Тункина).

1. Это изваяние стояло в степи, примерно в 15 верстах от реки Енисей, на возвышенном холме, вокруг которого находилось несколько сотен⁵⁴ меньших холмиков, или могил. В высоту оно имело 11 четвертей⁵⁵, в ширину — 4, в толщину — 2 четверти. Буквы большей частью стерты⁵⁶ [рис. 3, верх⁵⁷].

2. Это были роговидные⁵⁸ или угловатые камни на могилах, которыми вокруг было обсажено как плитами [рис. 3, низ⁵⁹].

3. Круглое металлическое зеркало, найденное недалеко от города Тобольска в находящихся там могилах [рис. 6, верх⁶⁰].

Золотая медаль, найденная у реки Иртыш в находящихся там могилах [рис. 6, низ⁶¹].

4. Кусок металлической пластины, найденный возле реки Енисей. Буква Z как будто бы китайская. Изображения на странице № 3 были начертаны либо ножом, либо острым стилем. По-видимому, она в древности была похищена или захвачена в Китае [рис. 5⁶²].

5. Роговидный или угловатый камень при холме или могиле, которая с четырех краев была обнесена гладкими простыми камнями, в степи, примерно в 20 верстах от реки Енисей [рис. 7, справа⁶³].

Роговидный или угловатый камень на холме, или могиле, содержащий фигуры или рельеф, недалеко от реки Енисей — примерно в 30 верстах [рис. 7, слева⁶⁴].

6. Идолопоклонническое изображение, которое мунгалы и калмаки хранят в жестяных коробках или, кроме того, также носят на шее.

⁵⁴ В немецком оригинале грамматическая ошибка, перевод может быть разным: сотня или несколько сотен (А. Х. Элерт).

⁵⁵ Четверть — мера длины, равная до XVIII в. 18–19 см; после метрологической реформы Петра I — 17,78 см (А. Х. Элерт).

⁵⁶ Приведено изображение «Тесинского богатыря» — каменного изваяния с рунической надписью на спине (см. коммент. 7). На оригинальных изображениях К. Г. фон Шульмана показано округлое тулово сосуда, а не «раздвоенное», как ошибочно показано на гравюре из книги Ф. И. Страленберга: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. XII (И. В. Тункина)*.

⁵⁷ См. коммент. 7 (И. В. Тункина).

⁵⁸ «Роговидные» — имеющие вид рога. Имеются в виду камни неправильной, условно конической, или сужающейся кверху, формы (А. Х. Элерт).

⁵⁹ См. коммент. 8 (И. В. Тункина).

⁶⁰ См. коммент. 30 (И. В. Тункина).

⁶¹ См. коммент. 24 (И. В. Тункина).

⁶² См. коммент. 23 (И. В. Тункина).

⁶³ См. коммент. 8 (И. В. Тункина).

⁶⁴ См. коммент. 8 (И. В. Тункина).

Оно из Терра сигиллата⁶⁵ и изображает Далай Ламу. Оно, должно быть, очень древнее, так как было найдено обломанным в пещере наряду с другими письменами. Начертания могут быть тангутскими или, иначе, являются [другой] древней письменностью⁶⁶ [рис. 8].

⁶⁵ От средневекового латинского terra sigillata (буквально «опечатанная земля»). Ф. И. Страленберг, скорее всего, имеет в виду аналогию с красным цветом глины, украшенной рельефом, которой отличалась римская столовая посуда, известная с конца I в. (И. В. Тункина).

⁶⁶ Рисунок тибетской круглой фрагментированной глиняной фигурки-цаца с изображением трехликой и восьмирукой богини-бодхисатвы долгой жизни Ушнишавиджая, или Виджая (буквально «Победа»), которая пребывает на «ушнише» (выпуклость на макушке головы) Будды, с тибетскими надписями на обороте. Благодаря публикации Ф. И. Страленберга (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. V C*; Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 31. Табл. V C) цаца стала первым подобным памятником, опубликованным в Европе (*Norwick B. The First tsha-tsha Published in Europe // Soundings in Tibetan civilization / eds. B. N. Aziz, M. Kapstein. New Delhi, 1985. P. 73–85*).

Цаца происходит из знаменитого пещерного буддийского святилища на р. Джакуль (Чакуль, Чаа-Холь) в Туве. Чаа-Хольская ниша (ее название Чурумал-бурханниг) на горе Суме расположена около впадения р. Чаа-Холь в Улуг-Хем, она вырублена в сланцевой скале. В ее глубине раскрашенные барельефы, в центре которых фигура Будды. Ниша была обследована в 1717 г. «детьми боярскими» Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым, которые привезли в Красноярск несколько листов синей и черной бумаги, расписанной золотыми и серебряными буквами на неизвестном языке. В этом святилище был найден рукописный лист с тибетским текстом, изданный в книге Ф. И. Страленберга (*Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. I*).

Известно, что в Красноярске Д. Г. Мессершмидт жил у Ивана Нашивошникова с 5 октября 1722 г., от которого получил образцы текстов из этого святилища, но сам путешественник до пещеры не доехал (Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. I, вып. 3. Приложения. С. 74–75; Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 126–127) (И. В. Тункина).

**Д. Г. МЕССЕРШМИДТ
КАК НАТУРАЛИСТ**

*А. В. Смирнов
Санкт-Петербург*

ДАНИЕЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ КАК ЗООЛОГ: ИЗУЧЕНИЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ*

Статья посвящена анализу вклада Д. Г. Мессершмидта в изучение животного мира Российской империи и обзору его рукописного наследия в области зоологии. Мессершмидт описал около 350 видов животных (43 вида млекопитающих, 265 видов птиц и 135 гнезд и кладок, 6 видов змей и земноводных, 13 видов рыб и 24 вида беспозвоночных). Проанализированы методы, применявшиеся Мессершмидтом при сборе, фиксации, изучении, описании и документировании собранного зоологического материала. Мессершмидтом была выработана последовательность из трех этапов при проведении наблюдений и исследований: 1) полевые наблюдения на маршруте и сбор образцов; 2) исследование материала, в том числе и анатомирование животных, описание объектов, включая рисунки и консервацию образцов; 3) анализ и оценка полученных результатов, составление отчетов, определение материала и его каталогизация. Мессершмидтом была разработана собственная методика ведения полевых записей, которая позволяла дополнять и сравнивать данные о том или ином виде, исследованном в разное время в течение экспедиции. Исследование и описание животных Мессершмидт вел по определенному плану, который был усовершенствован им во время путешествия. Единично сделанные описания позволяли Мессершмидту сопоставлять виды и выяснять их сходство и различие по отдельным признакам. Одним из достижений ученого следует считать исследование не единичных экземпляров, а серий, что позволяло определить диапазон вариаций. Проведенное исследование доказывает, что именно Даниэль Готлиб Мессершмидт стоит у истоков зоологических исследований в России.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, история зоологии, истоки зоологических исследований в России, рукописи.

*A. V. Smirnov
St. Petersburg*

DANIEL GOTTLIEB MESSERSCHMIDT AS A ZOOLOGIST: THE STUDY OF ARCHIVAL HERITAGE

The article is devoted to the analysis of the contribution of D. G. Messerschmidt to the study of the animal world of the Russian Empire and to the review of his manuscripts dealing with zoology. Messerschmidt described 350 animal species

---

* Автор выражает глубокую благодарность действительному члену Академии наук в Гёттингене, профессору Вернеру Лефельдту, Федеративная Республика Германия (Werner Lehfeldt, Bundesrepublik Deutschland) за ценные замечания к статье и внимание к его работам.

(43 species of mammals, 265 species of birds and 135 nests and clutches, 6 species of snakes and amphibians, 13 species of fish and 24 species of invertebrates). The methods used by Messerschmidt in collecting, fixing, studying, describing and documenting of the collected zoological material were analyzed. Messerschmidt had worked out the method of observation and research, which included three stages: 1) field observations on the route and samples collection; 2) the study of the material, in particular the anatomy of the animal, the description of objects, including drawings, and conservation of the samples; 3) analysis and evaluation of the results, reporting, the determination of the material and its cataloging. Messerschmidt developed its own method of field recording, which allowed to supplement and compare the data about each species, which was investigated at different times during the expedition. Messerschmidt studied and described the animals according to a certain plan, which he improved during the expedition. Descriptions made in a uniform manner allowed Messerschmidt to compare species and find out their similarities and differences using particular characters. An examination of a series of specimens of the species instead of a single sample allowed him to determine the range of variations, and this should be considered as one of Messerschmidt's achievements. The author believes that he clearly showed that Daniel Gottlieb Messerschmidt was that scientist who had stand at the begging of the zoological research in Russia.

Key words: D. G. Messerschmidt, history of zoology, beginning of zoological research in Russia, manuscripts.

Знаменитый российский ученый и мыслитель Владимир Иванович Вернадский писал: «Мессершмидт имел все данные сделаться великим натуралистом. Это был великий неудачник»¹. И если со второй частью этой известной фразы, датированной 1912 г., можно с сожалением согласиться, то с первой — нет. За прошедшие сто лет все яснее становится, что Д. Г. Мессершмидт не мог стать, а был великим ученым. Научный подвиг, совершенный Мессершмидтом, трудно переоценить, и не случайно представители многих и естественно-научных, и гуманитарных дисциплин именно Мессершмидта считают основоположником своей науки в России или ученым, который стоял у истоков развития их дисциплины в нашей стране.

К настоящему времени биография Д. Г. Мессершмидта и история его знаменитого путешествия в Сибирь (рис. 1) хорошо описаны², чего нельзя

¹ Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // В. И. Вернадский. Труды по истории науки в России / сост. М. С. Бахракова, В. С. Неаполитанская, Г. А. Фирсова. М., 1988. С. 158.

² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 350–362; Winter E., Figurovskij N. A. Einleitung // D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Т. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 1–20 (пер. на рус.: Винтер Э., Фигуровский Н. А. Введение к путевым дневникам Д. Г. Мессершмидта / пер. с нем. Ю. А. Ощепковой // Ада чир-суу — Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1 / гл. ред. В. В. Чезыбаева. Абакан, 2011. С. 103–116); Winter E. Die russische und die deutsche Frühaufklärung und die Erforschung Sibiriens, insbesondere durch Messerschmidt // Jahrbuch für Geschichtswissenschaft. 1963. Hf. 5. S. 958–964; Uschmann G. Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition für die Geschichte der

сказать об изучении и осмыслении его научного наследия. Несмотря на большое количество работ, посвященных вкладу Мессершмидта в изучение отдельных дисциплин³, и наличие капитальных исследований по отдельным наукам, например археологии⁴, изучение роли Мессершмидта в развитии многих научных дисциплин в России, в том числе и зоологии, на взгляд автора, все еще находится на начальных стадиях. Такое положение объясняется тем, что большая часть рукописного и графического наследия Мессершмидта до сих пор остается неопубликованной.

Судьба не была благосклонна к Д. Г. Мессершмидту. При жизни ему не удалось закончить обработку привезенных из Сибири материалов. Большая часть собранных им коллекций оказалась в Кунсткамере Академии наук, но самого Мессершмидта к работе в академии не допустили, и с него была взята присяга, что он не будет публиковать за границей никаких материалов экспедиции без разрешения Академии наук. По возвращении из экспедиции Мессершмидт изложил ее основные научные результаты в рукописи, озаглавленной «Sibiria Perlustrata, seu Pinax triplax Naturae Regni simplicium octo annorum per Sibirias, Kirgisiam, Tungusiam, Samoediam, Borathiam, Davuriam... itineribus observatorum» — «Описание Сибири, или Картина трех основных царств природы, наблюдаемая в течение восьмилетнего путешествия по

Naturwissenschaften // Nova Acta Leopoldina: Abhandlungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Neue Folge (Halle). Leipzig, 1963. Bd. 27, No 167. S. 317–325; *Новлянская М. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; *Винтер Э.* Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727) // XIII Международный конгресс по истории науки (Москва, 18–24 августа 1971 г.). История освоения и развития Сибири : colloquium. М., 1971. С. 1–13 (отд. оттиск); *Posselt D.* Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) (Wegbereiter für die Erforschung Sibiriens) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität Jena, Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe. 1976. Bd. 25. S. 213–229; *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания России... С. 159–161; *Jahn I.* Der Absolvent der Halleschen Universität Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) als Forschungsreisender in Sibirien // Forschungen zur Physiotherapie im Aufbruch I: Naturwissenschaft, Theologie und Musik in der Aufklärung. Referate des Symposium in Halle 1994 / Hrsg. von Büttner, F. Richter. Münster, 1995. S. 211–224; *Напольских В. В.* Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад (Сыктывкар). 1998. № 4. С. 146–156; *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь, 1726. Ижевск, 2001. С. 15–25; *Vermeulen H. F.* Before Boas: The genesis of ethnography and ethnology in the German enlightenment. Lincoln ; London, 2015. P. 115–130; *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 7–73 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6); *Vermeulen H. F.* Eight ways to catch a seal: Fieldwork in Siberia in the age of enlightenment // Naturalists in the field. Collecting recording and preserving the natural world from the fifteenth to the twenty first century / ed. by A. MacGregor. Leiden ; Boston, 2018. P. 397–405 (<https://doi.org/10.1163/9789004323841>); *Чивтаев Ю. И.* Предисловие // Д. Г. Мессершмидт. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., публ. и ред. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2018. С. 3–24; *Соболев В. С.* Первое «ученое путешествие» по Сибири. К 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 1. С. 83–88.

³ *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт... С. 66–73.

⁴ Там же.

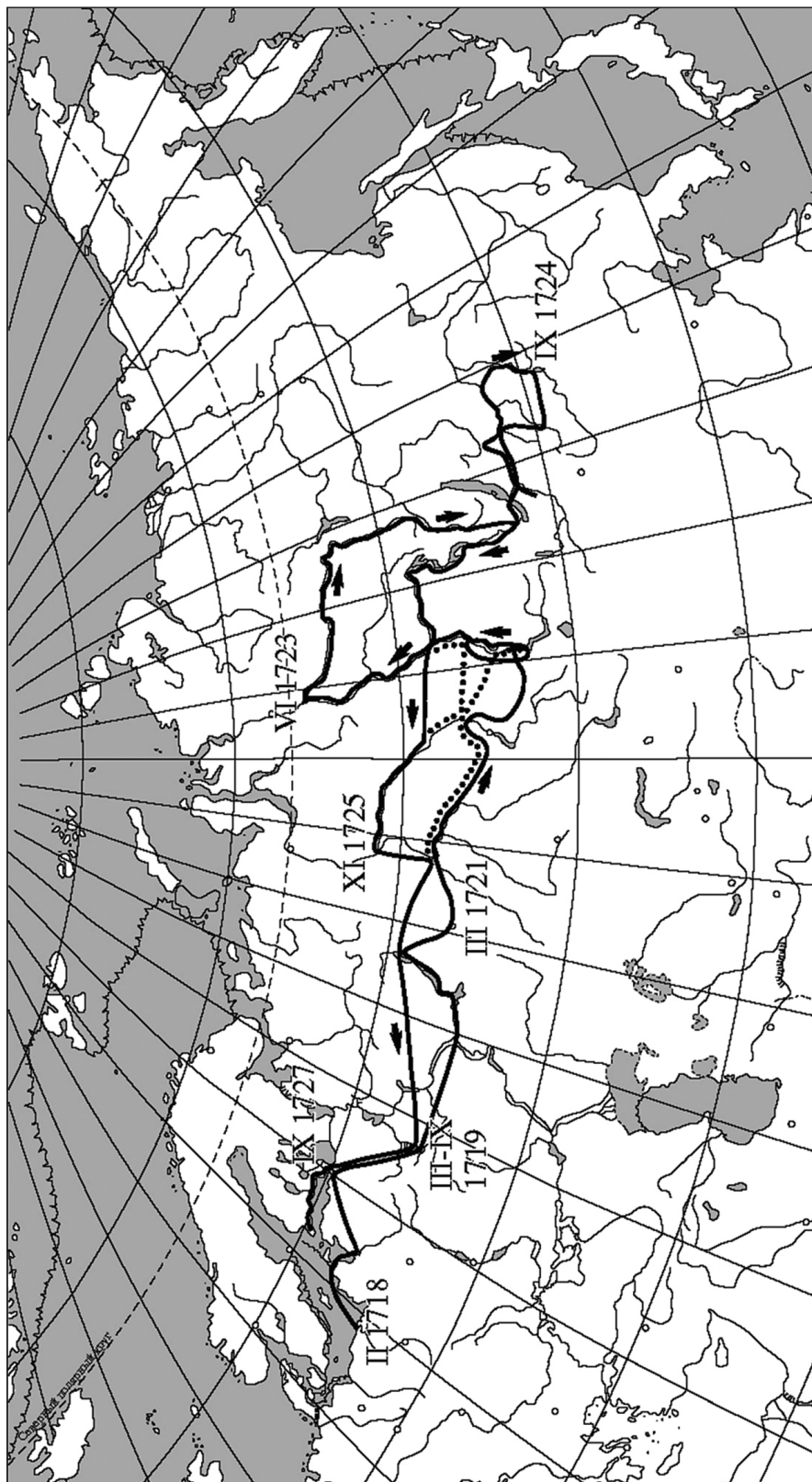

Рис. 1. Маршруты путешествия Д. Г. Мессершмидта (обозначены сплошной линией) и Ф. И. Табберта (фон Страаленберга) (обозначены пунктирной линией) в Сибирь (по: Воронцов Н. Н. 2004)

Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии...»⁵ (рис. 2), которая, по всей видимости, была окончена в Санкт-Петербурге в 1727 г.⁶ На родине в Данциге, куда Д. Г. Мессершмидт переехал в 1729 г., он оказался никому не нужным, и в 1731 г. он вновь вернулся в Санкт-Петербург, «где, однако, при его независимом характере он не сумел добиться заслуженного к себе отношения. По словам Бакмейстера, передающего, по-видимому, рассказы современников, это был “человек мягкий (du meilleur caractère), но сумрачный (humeur sombre) и малообщительный, который считал унижением добиваться заслуженного вознаграждения”⁷. Он умер в нужде в Петербурге, поддерживаемый немногими друзьями (в том числе Ф. Прокоповичем)»⁸ в 1735 г., так и не опубликовав ничего из результатов своих исследований.

К сожалению, огромная часть коллекций, собранных Д. Г. Мессершмидтом в Сибири и хранившихся в Кунсткамере, погибла во время пожара 1747 г. Небольшая часть коллекций, оставленных Мессершмидту, в основном этнографических, погибла при крушении корабля, на котором Мессершмидт плыл из Санкт-Петербурга в Данциг в 1729 г. Гораздо больше повезло письменному наследию ученого, значительный объем которого сохранился до наших дней. Основной корпус рукописей и рисунков Мессершмидта в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. История изучения научного наследия Мессершмидта и попытки публикации его трудов рассмотрены в работе И. В. Тункиной и Д. Г. Савинова⁹. В XVIII в. лишь небольшие извлечения из дневников Мессершмидта, сделанные Иоганном Готлибом Георги (*Johann Gottlieb Georgi*; 1729–1802), были изданы Петром Симоном Палласом (*Peter Simon Pallas*; 1741–1811)¹⁰. При этом рукописями Мессершмидта и, прежде всего, его дневниками в XVIII и XIX вв. пользовалось большое количество исследователей и путешественников: Иоганн Амман (*Johann Amman*; 1707–1741), Георг Вильгельм Стеллер (*Georg Wilhelm Steller* (*Stöller*); 1709–1746), Петр Симон Паллас, Самуил Готлиб Гмелин (*Samuel Gottlieb Gmelin*; 1744–1774), Христиан Пандер (*Christian Heinrich Pander*; 1794–1865), Иоганн Фридрих фон Брандт (*Johann Friedrich von Brandt*; 1802–1879), Александр Федорович Миддендорф (*Alexander Theodor von Middendorff*; 1815–1894) и многие другие.

⁵ СПбФ РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

⁶ Басаргина Е. Ю. Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «*Sibiria Perlustrata*» // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Международной научной конференции (Москва, 4–7 июня 2013 г.)* / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 288.

⁷ «En 1731 il retourna à Petersbourg, où il mourit en 1735, réduit à vivre des assistances de ses amis: homme de meilleur caractère, mais d'une humeur sombre, et peu sociable, qui croyoit s'abaisser que d'aller demander les recompences dues à son mérite» (*Backmeister J. V. Essai sur la bibliothèque et la cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg*. SPb., 1766. P. 161).

⁸ *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания России... С. 160.

⁹ *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 55–66.

¹⁰ *Pallas P. S. Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien* // *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. 1782. Bd. 3. S. 97–158.

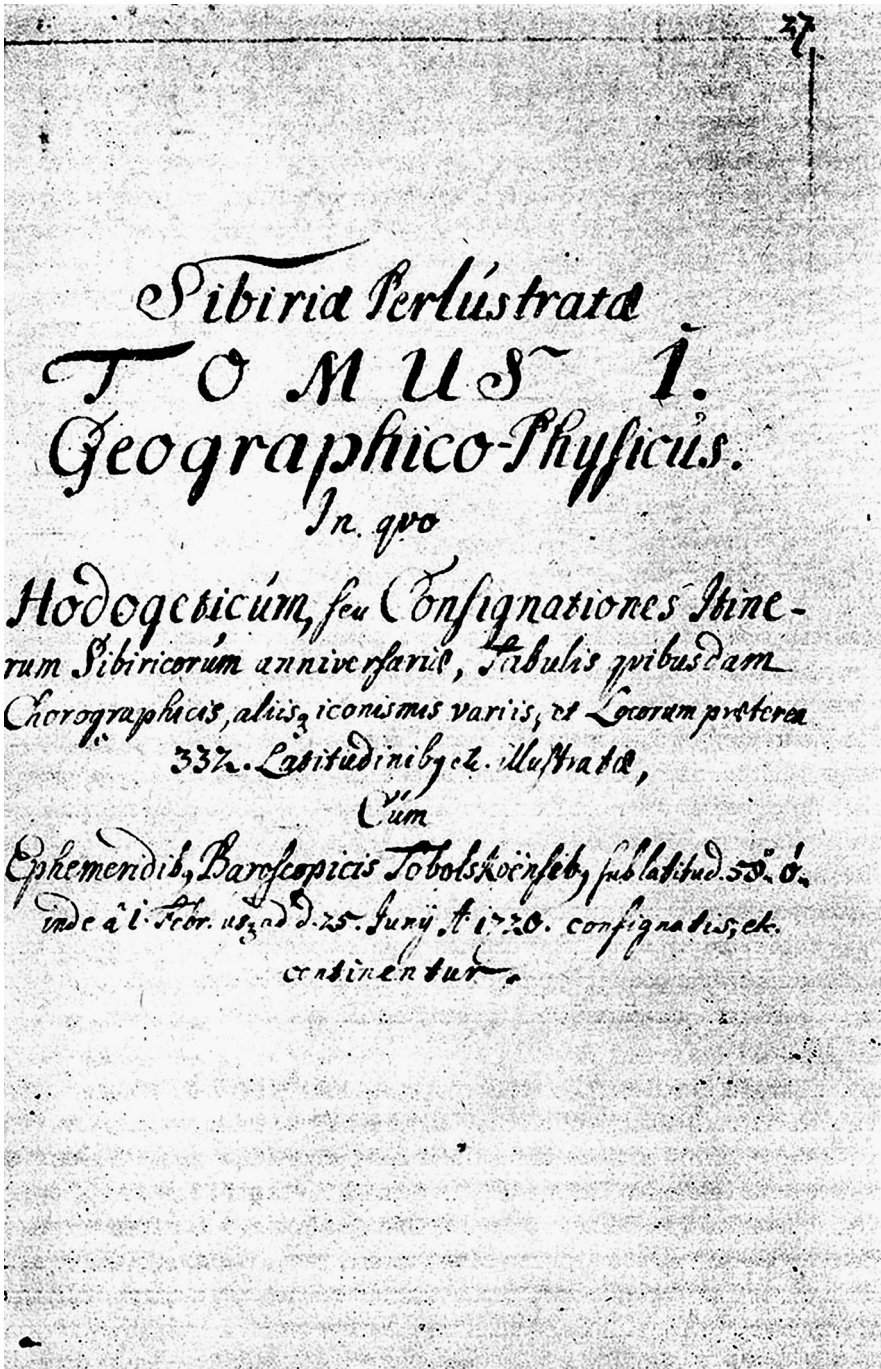

Рис. 2. Титульный лист рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata. Geographico-Physicus». Т. I (по: Jahn I. 1989)

Только в 60-е годы XX в. дневники в несколько сокращенном виде, адаптированные к современному немецкому языку, были изданы в ГДР¹¹. Фрагмент рукописи дневников за декабрь 1726 г., посвященных путешествию по Удмуртии, который не вошел в немецкое издание, был издан Владимиром Владимировичем Напольских¹². После выхода в свет немецкого издания в России появились публикации переводов на русский язык отдельных его частей¹³.

Последующее поколение ученых высоко ценило работы Д. Г. Мессершмидта. Ограничусь только несколькими примерами из отзывов об исследованиях Мессершмидта в области зоологии. Г. В. Стеллер в письме Иоганну Георгу Гмелину (*Johann Georg Gmelin*; 1709–1755) пишет, что он не приводит описание анатомии марала, так как знает, что это подробно сказано в дневниках Мессершмидта¹⁴. Великий естествоиспытатель XVIII в. Паллас был крайне заинтересован в работах Мессершмидта. Готовясь к экспедиции, на заседании конференции Академии наук 2 ноября 1767 г. «он умолял достать ему, как крайне необходимый для его настоящих занятий по зоологии, дневник Мессершмидта, который, как говорят, г-н советник Мюллер со многими другими вещами взял с собой в Москву из академической библиотеки»¹⁵, а предваряя публикацию выдержек из дневников Мессершмидта, Паллас подчеркивал: «...зоологические, орнитологические и другие описания Мессершмидта являются превосходными»¹⁶. Паллас не скрывает своего удивления и восхищения Д. Г. Мессершмидтом: «Это поражает, что этот человек сделал совершенно один, тем более с такой щепетильностью и тщательностью наблюдал за всем и про любую мелочь докладывал своим вышестоящим начальникам. Чучела зверей он делал чаще всего сам и зарисовывал их. Растения он собирал частично сам

¹¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. 380 S. Mit 2 Textabbildungen, 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte; Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 272 S. Mit 11 Kunstdrucktafeln und 1 Karte; Berlin, 1966. Tl. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1966. 274 S. Mit 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte; Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 284 S. Mit 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte; Berlin, 1977. Tl. 5 : Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 156 S. Mit 2 Abbildungen und 1 Karte.

¹² *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта... С. 25–146.

¹³ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / пер. с нем., предисл. и публ. З. Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 21–40; *Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / пер. с нем. Е. А. Ким ; науч. ред. Э. Л. Львова. Абакан, 2012; *Мессершмидт Д. Г.* Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., публ. и ред. Ю. И. Чивтаева. Иркутск, 2018.

¹⁴ *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания России... С. 169, примеч. 70.

¹⁵ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. II : 1744–1770. СПб., 1899. С. 624; рус. пер. цит. по: *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 167.

¹⁶ *Pallas P. S.* Nachricht... S. 98.

или же обращался к русским мальчикам, которые очищали семена. В любом месте, имеющем имя, пока светило солнце, он проводил топографические исследования»¹⁷. Создатель Зоологического музея Академии наук И. Ф. фон Брандт так характеризует «*Ornithologicum Sibiricum...*» Мессершмидта: «Это произведение можно назвать в высшей степени превосходным для того времени, так как в нем не только точно описываются отдельные части видов птиц и указываются их размеры и вес, но сообщаются также сведения об образе их жизни и их наименования у разных народов и даже нередко сведения об их анатомии...». Брандт указывает в примечании: «Именно это произведение принесло такую существенную пользу Палласу при разработке им своей “Зоографии”»¹⁸.

В своих описаниях ученые второй половины XVIII — XIX в., которые уже пользовались линнеевской системой названий животных и были знакомы с рукописями Мессершмидта, иногда ссылались на его описания в своих публикациях. Однако ни один из новых видов животных, в том числе и тех, которые первым описал Мессершмидт, не был назван в его честь.

Ниже пойдет речь о собственно зоологических исследованиях Д. Г. Мессершмидта. К сожалению, до настоящего времени опубликована лишь одна зоологическая работа Мессершмидта — извлеченное из его записок И. Амманом описание вскрытия двугорбого верблюда¹⁹ (рис. 3). После публикации дневников Мессершмидта историкам зоологии частично стали доступны краткие описания млекопитающих и птиц, которые в них приводятся. Среди рукописного наследия Мессершмидта, хранящегося в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, находятся рукописи собственно зоологических работ Мессершмидта, а также дневник путешествия²⁰ и рапорты (*Relationes*)²¹, посланные Мессершмидтом президенту Медицинской канцелярии, в которых содержатся в том числе и сведения по зоологии. К зоологическим работам относятся девять томов капитальной десятитомной рукописи, куда Мессершмидт заносил данные по морфологии, анатомии и биологии птиц (т. 8 в 1828 г. был утерян академиком Х. Пандером). Эта рукопись охватывает практически весь период путешествия по Сибири — с 15 мая 1720 г. по 21 мая 1725 г. Первоначально Мессершмидт назвал свой труд «*Ornithologiae Sibiricae et Tataricae Magnae*», десятый том озаглавлен просто «*Ornithologicum*»²² (рис. 4).

¹⁷ *Pallas P. S. Nachricht...* S. 99; рус. пер. цит. по: Винтер Э., Фигуровский Н. А. Введение к путевым дневникам Д. Г. Мессершмидта. С. 108.

¹⁸ *Brandt J. F. Biographische Versuche: Daniel Gottlieb Messerschmidt // Recueil des Actes de la séance publique de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg, tenue le 29 décembre 1831. St.-Petersbourg, 1832. S. 104; рус. пер. цит. по: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 167.*

¹⁹ [*Messerschmidt D. G.*] *Descriptio Cameli Bactriani binis in dorso tuberibus, e scriptis D. G. Messerschmidii collecta a I. Ammanno // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. 1747. T. 10. P. 326–368.*

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5.

²¹ Там же. Д. 20, 21.

²² Там же. Д. 8–16.

326

DESCRIPTIO CAMELI BACTRIANI

DESCRIPTIO
CAMELI BACTRIANI

BINIS IN DORSO TVBERIBVS ,

E SCRIPTIS

D. G. MESSERSCHMIDII

COLLECTA

A

I. Ammanno.

Cum iussu *PETRI MAGNI* ante viginti circiter annos Daniel Gottlieb Messerschmidt, Gedanensis Medicus, in Sibiriam rerum naturalium inuestigandarum causa iter faceret, praeter plantarum rariorum plurimas etiam animalium quadrupedum et auium descriptiones exaravit, quarum paucae in eius scriptis Academiae traditis post reditum, extabant, plurimae vero desiderabantur. Post mortem Viri Clarissimi Academia scripta etiam reliqua, nempe Diarium eius partim Germanico, partim Latino idiomate conscriptum, et volumina plura auium descriptiones continentia sibi comparavit. Haec Illustri Praesidi nostro, ut attente examinarentur, digna visa sunt. Iubente eodem illa perlegi, et quae mihi notata digna videbantur, excerpti, dispersasque non raro pluribus voluminibus observationes collegi et in ordinem adduxi. Harum eas, quae ad rem herbariam spectant, Tractatui de stirpibus huius Imperii rarioribus inserui, quae ad animalium historiam illustrandam et augendam idoneae mihi

Рис. 3. Первая страница сделанного Д. Г. Мессершмидтом описания вскрытия двугорбого верблюда, извлеченного из его рукописей и опубликованного Иоганном Амманом (по: *Messerschmidt D. G. 1747*)

Рис. 4. Титульный лист рукописи Д. Г. Мессершмидта
«Ornithologicon». Т. X (по: Jahn I. 1989)

К этой сводке примыкает сочинение «Mantissa Ornitologica sive de avium nidis et ovis»²³ (рис. 5), которое содержит описания птичьих гнезд, кладок и яиц, собранных в период с 20 мая 1722 г. до мая 1725 г. В архиве также хранится описание орнитологических коллекций, озаглавленное «Avium in Sibiriae Regno observatarū [т.е.: observatarum] enumerationes methodo inter ornithologos recepta consignatae»²⁴ и «Index polyglottos avium per Sibiriae Regnum observatarum» — словарь латинских, русских, татарских и немецких названий птиц²⁵. Рыбам посвящена отдельная работа, озаглавленная «Ichthyologicon Sibiriae Tattaro-Russicae. Volumen I»²⁶. Основной сводкой научных результатов путешествия является рукопись Мессершмидта «SIBIRIA PERLUSTRATA seu P I N A X Triplicis Naturæ Regni SIMPLICIUM Octo annorum per Sibirias Cirgisiam Tungusiam, Samojediam Boræthiam, Davuriam etc. itineribus observatorū [т.е.: observatarum]»²⁷. Вторая часть рукописи «Physico-Medicinalis» посвящена описанию минерального, растительного и животного царств Сибири. В приложении ко второй части, озаглавленном «Isidis Sibiricae Xenium» — «Дар сибирской Изиды», наряду с другими «натуралиями» приводится опись зоологических объектов. Имеется также и отдельная рукопись списков естественно-исторических коллекций, собранных Мессершмидтом, — «Isidis Sibiricae Xenium, ... exhibitum a D. G. Messerschmidt Gedan. Doctore, Medico per Sibirias Missionario. Petropoli d. 22 Novembr. 1727»²⁸.

Публикаций, в которых разбирается научное наследие Д. Г. Мессершмидта в области зоологии, мало. Данные о его вкладе в зоологию можно найти в биографических работах о Мессершмидте²⁹ и работах, посвященных истории териологии³⁰. Кратко эти сведения суммированы в статье А. В. Смирнова и А. Н. Островского³¹. В книге В. Е. Соколова и Я. А. Парнеса приведены переводы на русский язык описаний: дзерена — *Procarpa gutturosa* Pallas, 1777 из дневника Д. Г. Мессершмидта за 8 июля 1724 г.³², горноста́я — *Mustela erminea* Linnaeus, 1758 из дневника за 30 октября 1725 г.³³

²³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17.

²⁴ Там же. Д. 24, 25.

²⁵ Там же. Д. 25.

²⁶ Там же. Д. 18.

²⁷ Там же. Д. 22.

²⁸ Там же. Д. 23.

²⁹ Brandt J. F. Biographische Versuche... S. 104; Uschmann G. Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition... S. 320–321; Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт... С. 166–170; Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб., 2004. С. 30–31.

³⁰ Воронцов Н. Н. К истории териологии в России // Зоологический журнал. 2004. Т. 83. С. 901–903; Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. М., 1993. С. 54–69.

³¹ Smirnov A. V., Ostrovsky A. N. Die deutschen Wurzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 110 Jahresversammlung. Bielefeld. 12.–15. September 2017 / Hrsg. von R. A. Steinbrecht. Rangsdorf, 2018. S. 29–42.

³² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 3. S. 79–80.

³³ Ibid. S. 267.

и обыкновенной лисицы — *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758 из дневника за 4 ноября 1725 г.³⁴, а также выполненный Б. А. Старостиным перевод некоторых частей описания вскрытия двугорбого верблюда — *Camelus bactrianus* Linnaeus, 1758³⁵. На фоне этих работ выделяются две статьи Эльзы Ян³⁶, в которых не просто приводится перечисление сделанного Д. Г. Мессершмидтом, а проанализированы методы его работы с зоологическими объектами. В этих работах даны характеристика и оценка зоологических исследований Мессершмидта, подробно разбираются его исследования по орнитологии, анализируется работа Мессершмидта с материалом (сбор, сохранение, фиксация данных в дневниках), приводится схема, по которой он осуществлял описание морфологии, анатомии и биологии птиц, выявлены достижения Мессершмидта при выработке им методов зоологических исследований и анализа полученных данных.

В «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидт приводит список из 257 видов животных³⁷, из них 137 видов он отмечает для Сибири, однако, если учитывать виды, описанные в «Ornithologicon'e» и дневниках, их гораздо больше. Мессершмидт описывает 43 вида млекопитающих, 265 видов птиц (около трети известной в наши дни фауны птиц России) и 135 гнезд и кладок, 6 видов змей и земноводных, 13 видов рыб и 24 вида беспозвоночных. Им была собрана коллекция насекомых, как имаго, так и стадий развития, в которой одних только бабочек было более 100 видов³⁸. В этой рукописи он подразделяет животных на принятые к началу XVIII в. в зоологии девять классов: насекомые, моллюски (этим названием в начале XVIII в. обозначались различные нечервеобразные беспозвоночные; из моллюсков в современном понимании к ним относили только слизней), *Testaceorum* (раковинные моллюски), *Crustaceorum* (ракообразные), рыбы, *Cetaceorum* (китообразные — Мессершмидт отнес к этому классу нарвала), змеи, птицы, четвероногие. Из 265 видов птиц, описанных Мессершмидтом, по мнению Э. Ян, можно идентифицировать 230³⁹. В «Ornithologicon'e» приведены тщательные описания 226 видов птиц (рис. 6).

³⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 4. S. 274; *Соколов В. Е., Парнес Я. А.* У истоков отечественной териологии. С. 62–64.

³⁵ [*Messerschmidt D. G.*] *Descriptio Cameli Bactriani...* P. 326–368; *Соколов В. Е., Парнес Я. А.* У истоков отечественной териологии. С. 64–69.

³⁶ *Jahn I.* Das Ornithologicon des Arztes Daniel Gottlieb Messerschmidt: Unveröffentlichte zoologische Ergebnisse seiner Forschungsreise (1720–1727) // Leopoldina. Mitteilungen der deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3. 1989. Jahr. 33. S. 103–135; *Jahn I.* Zoologische Ergebnisse von Daniel Gottlieb Messerschmidts Sibirienreise 1720–1727. Europa in der Frühen Neuzeit // Festschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 6: Mittel-Nord- und Osteuropa / Hrsg. von E. Donnert. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 887–892.

³⁷ *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 159.

³⁸ *Jahn I.* Das Ornithologicon... S. 123, 125; *Jahn I.* Zoologische Ergebnisse... S. 890–891.

³⁹ *Jahn I.* Das Ornithologicon... S. 113.

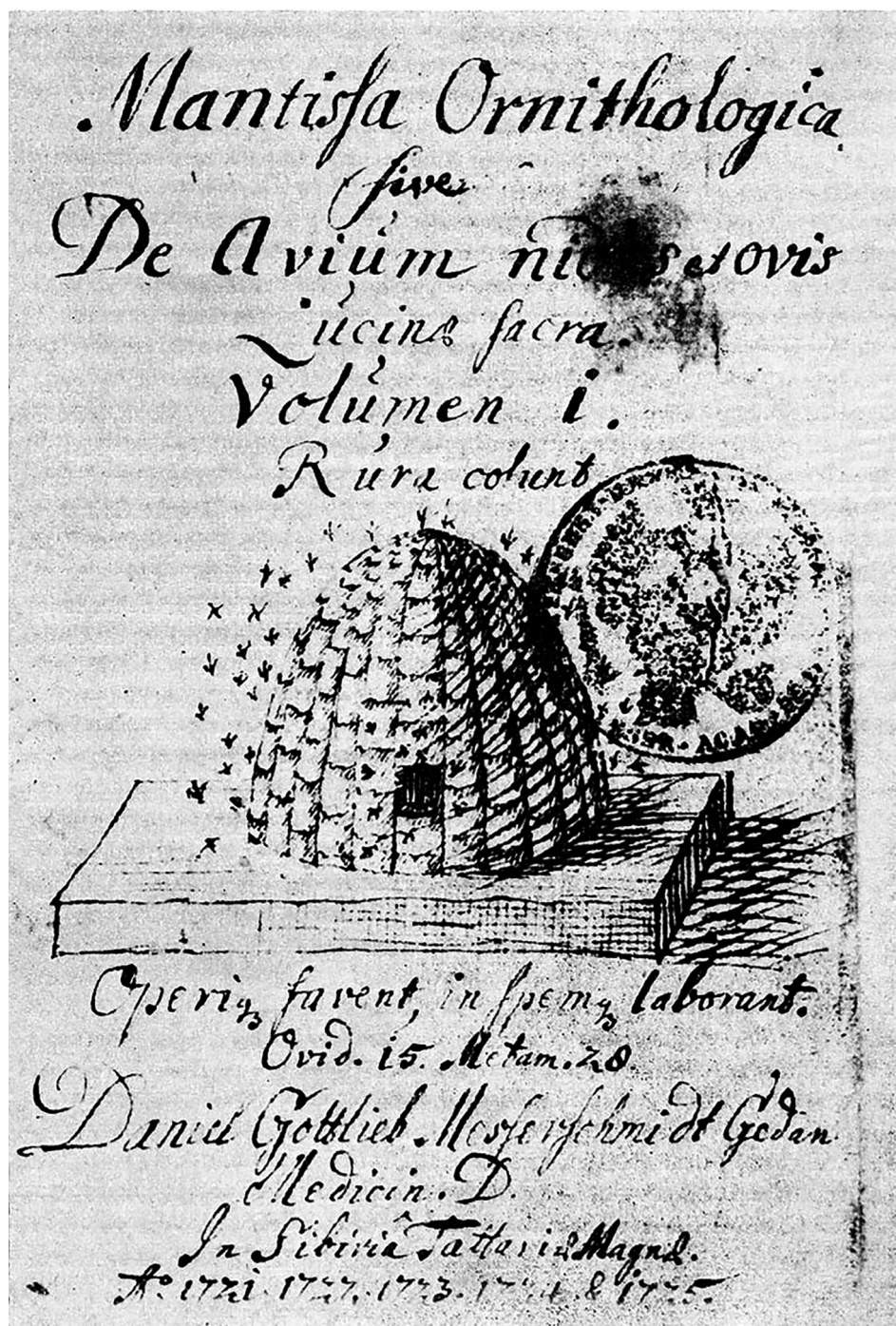

Рис. 5. Титульный лист рукописи Д. Г. Мессершмидта «Mantissa Ornithologica sive de avium nidis et ovis» (по: Jahn I. 1989)

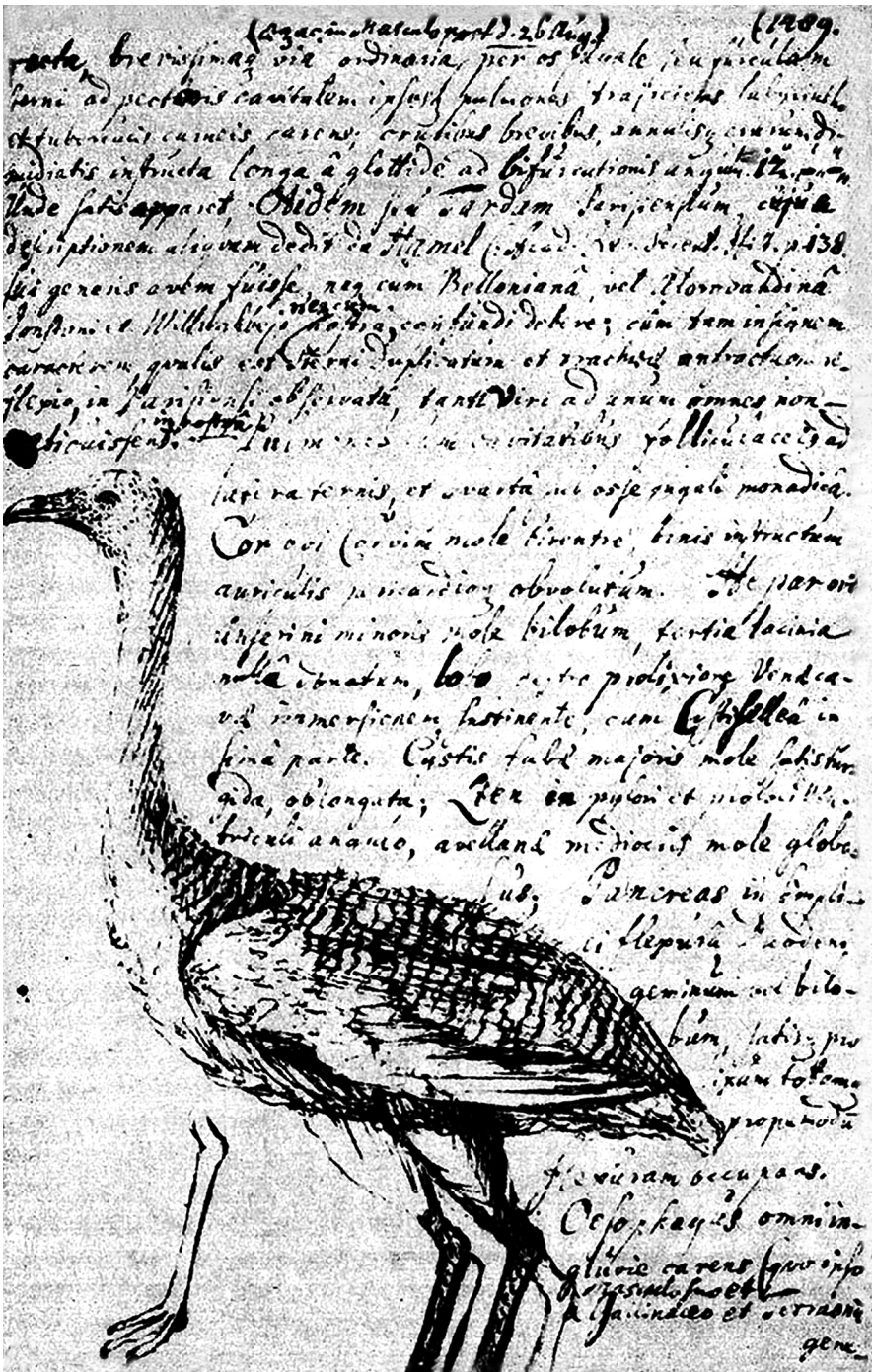

Рис. 6. Эскизный рисунок самки дрофы — *Ottis tarda* Linnaeus, 1758, добытой в июне 1724 г., из «Ornithologicon» (по: Jahn I. 1989)

В большинстве случаев описания построены по следующему плану: латинское название, название, которое приведено у Альдрованди⁴⁰ и у Виллоуби⁴¹, далее старые синонимы и народные названия на европейских языках и русском, бурятском, тунгусском и татарском языках. Затем приводятся полученные данные о поле, весе и следует тщательное и детальное описание с указанием размеров отдельных частей вскрытого животного, начиная от клюва и головы и кончая цевкой, которое сопоставляется с гомологичными частями родственных форм, измерения других частей тела, затем указываются размеры скелета ног и крыльев и их частей. В конце приводится описание анатомии — горло и голосовые связки, легкие, воздушные мешки, сердце, пищеварительная система (пищевод, желудок, кишечник, печень), почки, яичник — и даются размеры частей скелета⁴². В «*Mantissa Ornithologica...*» приведено описание гнезд и яиц 135 видов. Следует особо подчеркнуть, что Мессершмидт старался делать наблюдения над гнездящимися птицами и добывать и гнездо, и птицу, чтобы можно было быть уверенным, что данное гнездо принадлежит именно этой птице. В случае следующих находок того же вида также проводились соответствующие обследования, а данные о дате поимки, поле, весе и измерениях заносились в дневник путешествия на соответствующую страницу «*Ornithologicon'a*», для чего было оставлено специально место⁴³. Наконец Мессершмидт точно фиксировал время и место сбора, которые были привязаны к описанию природной среды. В качестве примера привожу запись из дневника путешественника от 29 июня 1723 г.:

«Устье Караульной (иркутская сторона).

[Я] продвигался едва ли до 9³/₄ часа вечера, так как из-за одного ястребзайчатника серо-белого цвета, с мохнатыми лапами («Орнитология», т. 7, № 172, с. 1106), у которого здесь было гнездо, я велел сделать остановку.

Гнездо было свито на наклонной скале, на почти иссохшей лиственнице в середине дерева на крепкой ветке, из множества веток кустарников, как это обычно делают вороны. Внутри было сделано не очень глубокое углубление и наполнено сверху донизу мхом, или перистым мхом, и т. д. примерно два фута в диаметре и один фут высотой или толщиной. В гнезде было 4 птенца, одного из которых я достал живым; остальные упали вместе с гнездом и разбились насмерть.

⁴⁰ Улиссе Альдрованди (*Ulisse Aldrovandi*; 1522–1606) — знаменитый итальянский натуралист. Автор многочисленных публикаций по естественной истории, в том числе широко известной и востребованной 12-томной иллюстрированной сводки по естественной истории, которая начала выходить при жизни Альдрованди и была закончена его учениками и последователями в 1648 г. Из 10 зоологических томов первые три тома «*Ornithologia*», изданные в 1599, 1600 и 1603 гг., были посвящены птицам. Они несколько раз переиздавались в течение XVII в.

⁴¹ Во времена Д. Г. Мессершмидта наиболее полной и авторитетной сводкой по орнитологии была работа Фрэнсиса Виллоуби (*Francis Willughby*; 1635–1672) «*Ornithologiae libri tres*» (Londini, 1676), окончательно оформленная, дополненная и опубликованная уже после смерти Виллоуби его старшим коллегой и другом Джоном Рэем (*John Ray (Wray)*; 1627–1705). Система Виллоуби — Рэя была построена на признаках внешней морфологии птиц (форме клюва, ног и т. п.).

⁴² *Jahn I. Das Ornithologicon...* S. 119–121.

⁴³ *Ibid.* S. 119.

Мы сразу подстрелили самца, который был еще живым и весил 26 унций 2 драхмы [= 787,5 г].

С этим занятием мне пришлось задержаться почти на 2 часа так, что наступила полночь, хотя было так светло, как обычно бывает при облачных и пасмурных днях.

Мой слуга подстрелил здесь неизвестную мне певчую птичку, которую я назвал синехвостка тунгусская, желтая под крыльями, описание которой находится в “Орнитологии”, т. 7, № 174, с. 1123. Она весила 3 драхмы 2 скрупула 7 гран [= 13,92 г]»⁴⁴.

Интересно отметить, что орнитологические исследования Д. Г. Мессершмидта имели не только научное, но и политическое значение. В благодарность за избрание Петра I в 1717 г. членом Парижской академии наук личный библиотекарь царя Шумахер отвез в Париж благодарственную грамоту и письма царя и президента Академии наук Лаврентия Блюментроста, которые были зачитаны на специальной ассамблее Парижской академии 5 августа 1721 г. Вместе с ними были представлены новейшие научные материалы, в том числе часть орнитологических рисунков и описаний, присланных Мессершмидтом из своего путешествия⁴⁵.

Для млекопитающих Мессершмидт не вел отдельного дневника. Описания внешнего вида, анатомических вскрытий, наблюдений по биологии зверей находятся в донесениях и дневнике путешествия. Всего им были приведены сведения о более чем 40 млекопитающих, среди которых: крот — *Talpa* sp.; бобр — *Castor fiber* Linnaeus, 1758; белка-летяга — *Pteromys volans* Linnaeus, 1758; сибирский бурундук — *Tamias sibiricus* Laxmann, 1769; волк — *Canis lupus* Linnaeus, 1758; собака — *Canis lupus familiaris* Linnaeus, 1758; лисица — *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758; медведь — *Ursus arctos* Linnaeus, 1758; каменная куница — *Martes foina* Erxleben, 1777; горноста́й — *Mustela erminea* Linnaeus, 1758; соболь — *Martes zibellina* Linnaeus, 1758; росомаха — *Gulo gulo* Pallas, 1780; рысь — *Lynx lynx* Linnaeus, 1758; байкальская нерпа — *Pusa sibirica* Gmelin, 1788; кулан — *Equus hemionus* Pallas, 1775; бактрийский верблюд — *Camelus bactrianus* Linnaeus, 1758; кабарга — *Moschus moschiferus* Linnaeus, 1758; серна — *Rupicapra rupicapra* Linnaeus, 1758; северный олень — *Rangifer tarandus* Linnaeus, 1758; благородный олень — *Cervus elaphus* Linnaeus, 1758; архар — *Ovis ammon* Linnaeus, 1758; овца — *Ovis aries* Linnaeus, 1758; дзерен — *Procapra gutturosa* Pallas, 1777 (рис. 7), причем для многих видов была изучена и описана внутренняя анатомия. Он также описал зимовочную нору тарбагана — *Marmota sibirica* Radde, 1862. При описании зверей Мессершмидт пользовался схемой, сходной с той, которую он применял к птицам. Кроме того, он приводит ряд сведений об их образе жизни.

Особо следует отметить вклад Д. Г. Мессершмидта в изучение мамонта. Впервые с ископаемыми костями мамонта Мессершмидт познакомился

⁴⁴ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 1. S. 82–83; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 48.

⁴⁵ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 51.

в Тобольске, куда они были привезены с Индигирки. С них шведом Христианом Шмидтом были сделаны рисунки, которые Мессершмидт приложил к IV рапорту, отправленному в Медицинскую канцелярию из Тобольска 25 июня 1720 г.⁴⁶ В 1721 г. по дороге из Томска в Кузнецк Д. Г. Мессершмидт нашел кости мамонта на берегу р. Томь. Об этой находке в своей книге «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» рассказывает Ф. И. Страленберг: «Куча огромных костей лежала в яме, среди них была голова длиной в 2½ локтя. Однако эта голова, по свидетельству русских, была наименьшей по размерам из тех, которые они видели в Тюмени»⁴⁷. Два зуба мамонта из томской находки Мессершмидт отправил в Данциг своему коллеге Иоганну Филиппу Брейну⁴⁸, сопроводив их следующей надписью⁴⁹: «Коренной зуб (моляр), как кажется, дилювиальный⁵⁰, некоего до сих пор не исследованного зверя, если только не принадлежит слону, решение о чем пусть будет в твоих руках, по-русски мамонт, найден среди высочайших хребтов гор у реки Томы. Второй — это другой кусочек слоновой кости, весьма похожий на бивень слона⁵¹, другими найденный в горах Томы» (пер. Л. Д. Бондарь). В 1721–1722 гг. Мессершмидт предположил, что мамонт — это слон. С информацией об этих находках Брейн выступил в 1722 и 1728 гг. на заседаниях литературного общества Данцига⁵². В начале 1724 г. Мессершмидт изучил привезенные

⁴⁶ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 35.

⁴⁷ *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarei in sich begreifet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerlei Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm, 1730. S. 395; рус. пер. цит. по: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 169.*

⁴⁸ Профессор Иоганн Филипп Брейн (Брейне) (*Johann Philipp Breyne*; 1680–1764) — ботаник, зоолог, энтомолог и палеонтолог, основатель музея естественно-научных коллекций в Данциге. Старший коллега Мессершмидта, которому он считал себя многим обязанным в области изучения природы. Брейн рекомендовал Петру I Мессершмидта как ученого, способного заниматься изучением естественных богатств России, сбором и обработкой естественно-научных коллекций.

⁴⁹ “Dens molaris, ut videtur, diluvianus, Belluæ cujusdam hactenus incognitæ, nisi pro Elephantino habendus sit, cujus jam penes Te esto arbitrium, Russis Mammoth, repertus in Montium altissimis jugis ad Thomam fluvium. Alterum est frustum aliud Eboris Denti exerto Elephantis non absimile, ab aliis repertum in Thomæ Montibus” (*Breyne J. Ph. A letter from John Phil. Breyne, M. D. F. R. S. to Sir Hans Sloane, Bart. Pref. R. S. with observations, and a Description of some Mammoth’s bones dug up in Siberia, proving them to have belonged to Elephants // Philosophical Transactions. 1741. No. 446. P. 126, pl. 1–3).*

⁵⁰ Дилювиальный от лат. *diluvium* — потоп, наводнение, паводок. В XVIII в. согласно дилювиальной теории, или теории потопа, окаменелости рассматривались как останки животных и растений, погибших во время Всемирного потопа. В современном понимании — рыхлые континентальные отложения, возникающие в результате аккумуляции осадков в каналах стока катастрофических гляциальных суперпаводков из ледниково-подпрудных озер после прорывов ледниковых плотин в недавнем геологическом прошлом.

⁵¹ Букв. «наружный зуб», что похоже именно на определение бивня.

⁵² Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 42.

в Иркутск с берегов Индигирки кости мамонта — череп, моляры (коренные зубы), бивень и бедренную кость. Исследование этих останков утвердило его в правильности своего первоначального предположения. XIV рапорт, отправленный из Иркутска 15 февраля 1724 г., включал рукопись Д. Г. Мессершмидта «*Ossium diluvianorum animalis vulgo dicti Mammoth Sibiricum [...] adumbratio ichnographica*». В ней были описаны кости мамонта, приведен их вес и приложены рисунки, сделанные приданными Д. Г. Мессершмидту иконописцами. К рукописи также было присоединено описание выкапывания костей на латинском языке, которое было сделано по приказу Мессершмидта пленным поляком Михаэлом Волоховичем, при этом присутствовавшим⁵³. В 1730 г., возвратившись в Данциг, Мессершмидт передал своему коллеге Брейну описание костей мамонта, рисунки (рис. 8) и рапорт Волоховича, а в 1735 г. Брейн послал их в Лондонское королевское общество, и они были опубликованы в «*Philosophical Transaction*» за 1737 г.⁵⁴ В своей статье Брейн указал на то, что описанные им два зуба были присланы ему Мессершмидтом в 1722 г., а публикуемые рисунки с их описанием на латыни и рапорт Волоховича он получил от Мессершмидта в 1730 г. в Данциге. Таким образом, указанная публикация Брейна, по сути, представляет первую зоологическую публикацию самого Д. Г. Мессершмидта.

Благодаря вниманию, которое останкам мамонта уделили Д. Г. Мессершмидт и бывший в начале 1720-х гг. начальником сибирских горных заводов Василий Никитич Татищев (1686–1750)⁵⁵, в Кунсткамере была собрана большая коллекция костей мамонта. Анатом и зоолог, профессор академии Иоганн Георг Дювернуа (*Johann Georg Duvernoy*; 1691–1759) в 1727 г. анатомировал умершего слона из Царского зоологического сада. Сравнив хранившиеся в Кунсткамере кости и череп мамонта с соответствующими костями и черепом слона, Дювернуа пришел к выводу, что мамонт — это слон. Результаты этого исследования были им доложены 28 июня 1728 г. в речи на торжественной ассамблее Академии. Выводы Дювернуа поддержал выступивший после него профессор академии Георг Бернгард Бильфингер (*Georg Bernhard Bilfinger*; 1693–1750)⁵⁶. Если Мессершмидт и Брейн считали, что кости мамонта перенесены водами потопа, то Бильфингер считал, что это невозможно и, скорее всего, слоны жили там, где выкапывают их кости⁵⁷.

⁵³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 195; *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт...* С. 65; *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт...* С. 42.

⁵⁴ *Breyne J. Ph. A letter... to Sir Hans Sloane...*

⁵⁵ В. Н. Татищев приложил много сил к собиранию останков мамонта. В 1725 г. в Швеции им была опубликована первая в мире работа, посвященная мамонту, — брошюра «*Мамонтова кость, hoc est ossa subterranea, fossilia, ingentia ignoti animalis e Siberia adferri coerta*». См.: *Иванов А. Н. В. Н. Татищев о мамонте // Из истории биологии. 1973. Вып. 4. С. 209–218; Стародубцева И. А., Алексеев А. С. История российской палеонтологии. В. Н. Татищев (1686–1750) // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 2015. Т. 90, вып. 5. С. 60–68.*

⁵⁶ *Иванов А. Н. В. Н. Татищев о мамонте. С. 213; Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. I : 1725–1723. СПб., 1897. С. 19.*

⁵⁷ *Иванов А. Н. В. Н. Татищев о мамонте. С. 213.*

Рис. 7. Рисунок из рукописи Д. Г. Мессершмидта с изображением дзерена — *Procapra gutturosa* (Pallas, 1777), иллюстрирующий запись дневника Д. Г. Мессершмидта от 1 июля 1724 г. (по: Messerschmidt D. G. 1966)

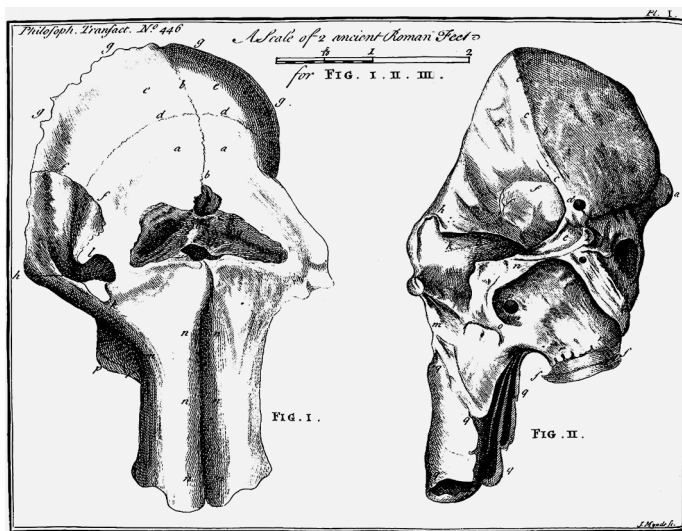

Рис. 8. Гравюра с изображением головы мамонта, сделанная по рисунку, переданному Д. Г. Мессершмидтом И. Ф. Брейну. Fig. I — вид спереди; Fig. II — вид с правой стороны (по: Breynе J. Ph. 1741)

Великий Жорж Кювье использовал эту работу и, что следует особо подчеркнуть, мессершмидтовские рисунки для сравнительного анализа черепа мамонта и черепов азиатского и африканского слонов⁵⁸. В результате этого исследования он пришел к выводу, что мамонт является самостоятельным вымершим видом животных⁵⁹. Считается, что именно с этого открытия Кювье началось развитие палеонтологии как науки о вымерших животных.

К сожалению, рептилии, земноводные и рыбы, описанные Д. Г. Мессершмидтом, не привлекли внимания последующих зоологов и историков зоологии, хотя сохранилась рукопись о рыбах «*Ichthyologicon Sibiriae...*» на 47 листах⁶⁰.

Гораздо хуже обстоит дело с беспозвоночными животными. Из рукописей Д. Г. Мессершмидта известно, что он собрал коллекции насекомых, которая включала большое количество бабочек, гусениц, стрекоз, кузнечиков⁶¹, но определено было всего около 25 форм, среди которых беззубка, узкопалый речной рак, светляки, слепни, комары⁶². Мессершмидтом было сделано зоогеографическое открытие — он нашел в р. Ингоде узкопалого речного рака — *Astacus leptodactylus* Eschscholtz, 1823 и в дневнике 15 июля 1724 г. привел его научное описание. Оно было составлено по принятому Мессершмидтом плану — научное название, указание на предшествующих авторов, название на других языках, вес, длина, подробное описание внешней морфологии⁶³. Современники Мессершмидта считали, что в Сибири раки отсутствуют и это является коренным отличием ее природы от природы европейской части России⁶⁴. Мессершмидт высушил несколько экземпляров раков для отправки в Санкт-Петербург.

В рукописи «*Sibiria Perlustrata...*» виды животных в пределах классов перечислены в трех столбцах: в первом все виды, известные из литературы, во втором с ними сопоставлены западноевропейские виды, а в третьем — сибирские виды, исследованные Д. Г. Мессершмидтом, что свидетельствует о прекрасном знании им зоологической литературы. Список основных книг и рукописей, которыми он пользовался в своей работе, проанализирован у Э. Ян⁶⁵.

Эльза Ян, тщательно изучившая рукописи Д. Г. Мессершмидта, убедительно показала, что он был не только прекрасным коллектором и автором

⁵⁸ *Cuvier G. Mémoire sur les espèces d'Éléphants tant vivantes que fossils, lu à la séance publique de l'Institut national le 15 germinal, an. IV [April 4, 1796] // Magasin encyclopédique. 1796. 2e année. T. 3. P. 440–445; Cuvier G. Mémoire sur les espèces d'Éléphants vivantes et fossils // Mémoires de l'Institut national des sciences et arts. Science mathématique et physiques. 1799. T. 2. P. 1–22. Pl. 2–6.*

⁵⁹ *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 170; Иванов А. Н. В. Н. Татищев о мамонте. С. 213; Uschmann G. Die Begründung der modernen Wirbeltierpaläontologie // Leopoldina. Mitteilungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3. 1982. Jahr. 28. S. 171; Jahn I. Zoologische Ergebnisse... S. 891; Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 42.*

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 18.

⁶¹ *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 46.*

⁶² *Jahn I. Zoologische Ergebnisse... S. 891.*

⁶³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 3. S. 83–84.*

⁶⁴ *Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 78.*

⁶⁵ *Jahn I. Zoologische Ergebnisse... S. 888–889.*

описаний животных, но и выдающимся ученым-естественником, который в постановке и решении ряда вопросов, по крайней мере в зоологии, опередил свое время⁶⁶.

Во время путешествия Д. Г. Мессершмидт выработал последовательность из трех этапов при проведении наблюдений и исследований: 1) полевые наблюдения на маршруте и сбор образцов; 2) исследование материала, в том числе и анатомирование животных, описание объектов, включая рисунки и консервацию образцов, что возможно осуществить только в лагере; 3) анализ и оценка полученных результатов, составление отчетов, определение материала и его каталогизация, что возможно только в городских условиях⁶⁷.

Как было сказано выше, исследование и описание животных Д. Г. Мессершмидт вел по определенному плану, который был усовершенствован во время путешествия. Единообразно сделанные описания позволяли сопоставлять виды и выяснять их сходство и различие по отдельным признакам. В дневнике от 21 октября 1723 г. Мессершмидт пишет: «Я занимался методикой описания рыб, но нашел при этом, что работы много, над этим еще нужно работать, потому что также у Рэя и у Виллоуби описания, которые являются лучшими, имеют очень много пропусков, но это нелегко улучшить, только если предварительно провести специальные наблюдения за некоторыми видами и установить четкие специальные границы, провести эксгаустирование отличающихся и одинаковых внешних частей, из которых потом можно более быстро разработать методологию»⁶⁸. Отсюда недалеко и до составления матрицы признаков и их оценки — основы кладистического метода, столь широко применявшегося в зоологической систематике во второй половине века двадцатого. Особо нужно отметить, что Мессершмидт большое внимание уделял исследованию анатомии животных и постоянно производил вскрытия, поскольку считал, что анатомические признаки могут играть существенную роль в систематике животных. По-видимому, он был знаком с анатомическими исследованиями Клода Перро⁶⁹ и его группы в изложении Жана-Баттиста дю Гамеля⁷⁰, на книгу которого «*Regia Scientiarum Academiae Historia*» (Paris, 1696) Мессершмидт неоднократно ссылался⁷¹.

⁶⁶ *Jahn I. Das Ornithologicon...* S. 103–135; *Jahn I. Zoologische Ergebnisse...*

⁶⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 3. S. 216; *Jahn I. Das Ornithologicon...* S. 125; *Jahn I. Zoologische Ergebnisse...* S. 889–890.

⁶⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 158; рус. пер. цит. по: Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.). С. 175–176.

⁶⁹ Клод Перро (*Claude Perrault*; 1613–1688) — французский ученый (биолог и механик) и архитектор, один из первых членов Королевской академии наук. Парижской группой анатомов под руководством Перро была исследована и описана анатомия 25 видов млекопитающих, 70 видов птиц и 5 видов рептилий. Большинство из этих работ вошло в сводку «*Mémoires pour servir à l'histoire naturelle des animaux*», Paris, Imprimerie royale, 1671, continué en 1676, in-folio и переведенную на английский язык (*Memoir's for a natural history of animals: containing the anatomical descriptions of several creatures dissected by the Royal Academy of Sciences at Paris. London, 1688*).

⁷⁰ Жан-Баттист дю Гамель (*Jean-Baptiste Du Hamel*; 1624–1706) — французский ученый, философ и теолог. Первый секретарь Королевской академии наук.

⁷¹ *Jahn I. Das Ornithologicon...* S. 121; *Jahn I. Zoologische Ergebnisse...* S. 889.

Схема, по которой Мессершмидт описывал морфологию и анатомию животных, близка к использовавшейся парижскими анатомами. Еще одним достижением Мессершмидта следует считать исследование не единичных экземпляров, а серий, что позволяло определить диапазон вариаций. Им было определено около 260 видов птиц, а исследовано около 2000 экземпляров. Мессершмидтом была разработана система каталогизации, которая позволяла сопоставлять полученные данные по изменчивости. Необходимо отметить, что он точно указывал время и место сбора коллекционных объектов, чем в начале XVIII в. многие исследователи себя не утруждали.

Д. Г. Мессершмидт придавал большое значение и много времени тратил на документацию полученных зоологических результатов — описание внешней морфологии и вскрытий, фиксация животных и их частей на рисунках (Мессершмидт делал рисунки сам, иногда — его спутники либо временно придаваемые ему иконописцы), а также сохранение зоологических образцов в виде чучел, шкур, высушенных целиком или заспиртованных животных, скелетов, которые он изготавливал сам. Он даже разработал специальный бальзам для предохранения шкур и мумий животных от гниения, червей и моли⁷². Коллекционные материалы тщательно упаковывались им в специальные ящики. Мессершмидт постоянно записывал названия животных на языках коренных народов, что в наше время имеет большое значение как для историко-филологических, так и для историко-зоологических исследований. Названия животных на языках коренных народов Сибири и Приуралья постоянно встречаются на страницах дневника Мессершмидта, но только названия птиц были сведены им в отдельный словарь — «*Index polyglottos avium...*»⁷³.

Итоги своих исследований в области зоологии, и прежде всего орнитологии, Мессершмидт намеревался опубликовать в работах, которые планировал подготовить по возвращении из экспедиции⁷⁴.

Помимо публикации пяти томов дневников, немецкие ученые планировали издать отдельным томом научные результаты путешествия Д. Г. Мессершмидта, обобщенные им самим, — рукопись «*Sibiria Perlustrata...*». Предполагалось также издать два тома его научных рукописей, включая «*Ornithologicon*». Эти публикации должны были быть снабжены подробными комментариями, которые готовили специалисты по различным дисциплинам⁷⁵. Поскольку издание научных трудов Мессершмидта, увы, не состоялось, то комментарии к рукописям Мессершмидта по этнографии проф. Бурхарда Брентиса (Prof. Dr. Burchard Brentjes), минералогии — д-ра Ганса Прешера (Dr. Hans Prescher), ботанике — д-ра Дорис Посселт (Dr. Doris Posselt) и по зоологии — д-ра Эльзы Ян (Dr. Ilse Jahn) планировалось

⁷² Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 103.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 25.

⁷⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 262; *Jahn I. Das Ornithologicon...* S. 131; *Jahn I. Zoologische Ergebnisse...* S. 891.

⁷⁵ *Winter E., Figurovskij N. A. Einleitung // D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1. S. 20; рус. пер.: Винтер Э., Фигуровский Н. А. Введение к путевым дневникам Д. Г. Мессершмидта. С. 116.*

издать в «Acta historica Leopoldina»⁷⁶. Но и они, к сожалению, так и не были опубликованы. Эльза Ян упоминает, что у нее имеется около 100 печатных страниц комментариев к рукописям Д. Г. Мессершмидта по зоологии⁷⁷. Хочется надеяться, что их не постигнет судьба рукописей Мессершмидта. Как справедливо отметила И. В. Тункина, необходимо продолжить поиск рукописей и рисунков Мессершмидта в архивах России, Германии и Франции и, наконец-то, ввести в научный оборот его труды, в том числе по зоологии, подготовленные учеными — архивистами, филологами и историками науки и снабженные обширными комментариями⁷⁸. Только после публикаций полного текста экспедиционных дневников Мессершмидта, «Relationes», «Sibiria Perlustrata...», «Ornithologicon» и «Mantissa Ornithologica...», «Ichthyologicon Sibiriae Tattaro-Russicae» и других рукописей Мессершмидта по зоологии на языках оригинала и перевода немецкого и латинского текстов на русский язык станет возможным изучить и оценить вклад Мессершмидта в развитие зоологии в нашей стране. Это позволит выяснить, насколько исследования Мессершмидта были использованы следующими поколениями зоологов, как и представителями других научных дисциплин. Несомненный интерес представляют изучение и анализ того, как организация и проведение Мессершмидтом экспедиционных исследований повлияли на организацию последующих экспедиций, таких как Академического отряда Великой Северной экспедиции 1733–1746 гг. и академических экспедиций 1768–1774 гг. Известно, что Георг Стеллер, который в конце ноября 1734 г. прибыл в Санкт-Петербург, был лечащим врачом Феофана Прокоповича, а архиепископ поддерживал Мессершмидта после возвращения его в Санкт-Петербург. Готовясь к экспедиции в Сибирь, Стеллер не мог не воспользоваться опытом своего предшественника. Доподлинно неизвестно, был ли Стеллер лично знаком с Мессершмидтом, но очень вероятно, что он был знаком с его рукописями, поскольку незадолго до отъезда в Сибирь в декабре 1737 г. он женился на вдове Мессершмидта Бригите-Елене⁷⁹. Несомненно, что и Петру Симону Палласу при подготовке академических экспедиций были важны не только научные, в частности зоологические, данные, добытые Мессершмидтом⁸⁰, но и практический опыт проведения исследований, полученный Мессершмидтом во время путешествия по Сибири.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть: именно Даниэль Готлиб Мессершмидт стоит у истоков зоологических исследований в России, что автор и попытался доказать в своей работе.

⁷⁶ Jahn I. Zoologische Ergebnisse... S. 888, Anm. 5.

⁷⁷ Ibid. S. 888.

⁷⁸ Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 65.

⁷⁹ Stejneger L. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge Mass., 1936. P. 82–84; Winter E., Figurovskij N. A. Einleitung. S. 16; рус. пер.: Винтер Э., Фигуровский Н. А. Введение к путевым дневникам Д. Г. Мессершмидта. С. 114.

⁸⁰ Winter E., Figurovskij N. A. Einleitung. S. 17; рус. пер.: Винтер Э., Фигуровский Н. А. Введение к путевым дневникам Д. Г. Мессершмидта. С. 114–115.

*Л. Д. Бондарь, А. В. Кургузова, М. В. Поникаровская
Санкт-Петербург*

**ОТ ВРАЧА ДО МИНЕРОЛОГА:
МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В СИБИРИ***

В статье на основе путевых дневников, а также рукописи «Sibiria Perlustrata» анализируются данные о сборе Д. Г. Мессершмидтом минералогического материала в Сибири. Несмотря на то, что минералогические наблюдения не проводились ученым столь широко и с такой глубиной погружения в предмет, как прочие, и главное внимание в «Sibiria Perlustrata» уделено минералам, обладающим лекарственными свойствами, нельзя отрицать попытки разработки системы минералогических описаний. Очевидны интерес Д. Г. Мессершмидта к минералогии еще до отправки в Сибирь и его как минимум базовое знакомство с этой областью знаний.

Ключевые слова: история минералогии, минералогические исследования Д. Г. Мессершмидта, минералогическая лексика.

*L. D. Bondar, A. V. Kurguzova, M. V. Ponikarovskaya
St. Petersburg*

**FROM A PHYSICIAN TO A MINERALOGIST:
MINERALOGICAL RESEARCH OF
D. G. MESSERSCHMIDT IN SIBERIA**

The article analyzes data on D. G. Messerschmidt's collection of mineralogical material in Siberia. It bases on travel diaries and the manuscript «Sibiria Perlustrata». Despite the fact that mineralogical observations were not carried out as widely as other ones, and the main attention in «Sibiria Perlustrata» is paid to minerals with medicinal properties, we must state the attempt to develop a system of mineralogical descriptions. It is obvious that D. G. Messerschmidt had an interest in mineralogy before his leaving for Siberia and had at least a basic knowledge of this area of sciences.

Key words: history of mineralogy, mineralogical research by D. G. Messerschmidt, mineralogical vocabulary.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Естественно-научная деятельность Д. Г. Мессершмидта во время его многолетнего пребывания в Сибири становилась объектом научных исследований неоднократно: уже в 1913 г. имя Д. Г. Мессершмидта прозвучало в качестве исследователя сибирской флоры¹, в последние годы были описаны его зоологические наблюдения². Изучению Д. Г. Мессершмидтом еще одного царства природы — минералогии — специального внимания не уделялось. Очевидно, это не случайно. Свидетельств о минералогических исследованиях Д. Г. Мессершмидта в Сибири по сравнению с прочими значительно меньше.

Показательным в этом отношении является лингвистический материал, собиравшийся ученым. Лингвистические наблюдения Д. Г. Мессершмидта достаточно хорошо известны³; главный интерес доктора сводился к сбору словников тех народов, с которыми он знакомился на протяжении своего пути из Тобольска в Петербург в 1721–1727 гг., а также составлению многоязычных естественно-научных перечней, как «Index polyglottes avium per Sibiriae Regnum observatarum»⁴. Собранный лингвистический материал является своего рода отражением научных интересов исследователя. Так, к примеру, мы можем констатировать соответствие между процентным

¹ Липский В. И. Исторический очерк Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913). СПб., 1913. С. 77–79. (Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования : юбилейное издание : в 3 ч. / под ред. А. А. Фишера фон Вальдгейма ; сост. В. И. Липский. Ч. 1).

² Smirnov A. V., Ostrovsky A. N. Die deutschen Wurzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 110 Jahresversammlung. Bielefeld. 12.–15. September 2017 / Hrsg. von R. A. Steinbrecht. S. 29–42. Вопрос занятий Д. Г. Мессершмидта магнетическими и метеорологическими наблюдениями был затронут В. Лефельдом, однако он требует своего дальнейшего изучения: Лефельдт В. Тобольский рапорт Д. Г. Мессершмидта как образец программы ученого по исследованию Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 389–391. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

³ См.: Bondar L., Bischoff U. Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 251–256; Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции XVIII — начала XX в. Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. 2-е изд., испр. СПб., 2018. Кн. 2. С. 1267–1272; Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д. Об авторстве «Harmonia linguarum», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018... С. 395–427; Бондарь Л. Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker»: о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта // Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень, 2020. С. 21–24.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 25.

соотношением зоологической лексики в словниках и зоологических работ среди сохранившихся рукописей: зоологическая номенклатура является самым обширным лексическим полем словников⁵, так же как зоологические исследования составляют большую часть рукописного наследия ученого. Из 18 хранящихся в СПбФ АРАН рукописных работ и отдельных перечней Д. Г. Мессершмидта⁶ восемь посвящены зоологической тематике⁷. Путевой дневник также предлагает многочисленные и обширные зоологические описания.

То же самое можно сказать о процентном соотношении записей по минералогической тематике в рукописном наследии и в лингвистическом материале, собранном Д. Г. Мессершмидтом. Систематически организованными из сохранившихся словников Д. Г. Мессершмидта являются два восточных вокабулярия — тибетского и монгольского языков⁸. Первый из них содержит 490 словарных статей, второй — 671⁹. Минералогическая лексика представлена в обоих словниках довольно скромно. Более того, говорить о собственно минералогической номенклатуре вообще не приходится. Состав записываемой лексики, конечно, был ограничен объемом знаний респондентов: едва ли можно было ожидать встретить среди информантов Д. Г. Мессершмидта специалистов, учитывавших номенклатурные различия в названии пород. Практическое значение и, соответственно, различающуюся номенклатуру для опрашиваемых собеседников могли иметь металлы, и именно такая лексика по преимуществу представлена в двух восточных словниках.

В тибетском словнике находим 13 записей с металлургической лексикой¹⁰. Первым идет, собственно, слово *Lapis, Saxum* — Stein¹¹ (камень).

⁵ См. статью в наст. сборнике: Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В., Смирнов А. В. Зоолог или лингвист? Изучение Д. Г. Мессершмидтом зоологической лексики.

⁶ Исключая комплексные рукописи вроде экспедиционных дневников (СПбФ АРАН Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5), «Sibiria Perlustrata» (Д. 22) или «Isidis Sibiricae Xenum» (Д. 23).

⁷ При этом работа под названием «Ornithologicon» включает 10 томов, из которых сохранилось девять: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8–16.

⁸ См. статьи настоящего сборника: Зорин А. В. Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта; Сизова А. А. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта.

⁹ Говорим о словарных статьях, а не лексических единицах, поскольку в обоих словниках имеются словосочетания, в тибетском — законченные предложения в качестве самостоятельной словарной записи.

¹⁰ Далее будут приведены только латинские и немецкие эквиваленты тибетских и монгольских слов, поскольку в нашем случае цель состоит в демонстрации состава рассматриваемого лексического поля.

¹¹ Отметим, что предлагаемые Д. Г. Мессершмидтом латинско-немецкие соответствия для тибетских и монгольских слов не всегда являются таковыми. Так, в данном конкретном случае эти соответствия предложены для тибетского слова со значением «бронза». Здесь и далее будет предложен перевод латинских и немецких соответствий Д. Г. Мессершмидта на русский язык; действительное значение исходного тибетского и монгольского слова называться не будет, поскольку для целей настоящей работы это не имеет значения. В данном случае важно, какую лексику Д. Г. Мессершмидт стремился записать.

Далее — металлы и сплавы: *Metallum*, *Æs* — Metall, Ertz [Erz]¹², *Blocken* = Speiße (металл, руда); *Aurichalcum* — Meßing [Messing] (латунь); *Aurum* — Goldt [Gold] (золото); *Argentum* — Silber, Geldt [Geld] (серебро, деньги); *Ferrum album stanno obductum* — Verzinnt Eysenblech [Eisenblech] (луженое листовое железо); *Cuprum* — Kupffer [Kupfer] (медь); *Ferrum* — Eysen [Eisen] (железо); *Chalybs* — Stahl (сталь); *Plumbum* — Bley [Blei] (свинец); *Stannum*, *Plumbum album* — Zinn (олово); *Plumbum nigrum*, *Plumbum* — Bley [Blei] (свинец)¹³; *Sal commune*¹⁴ — Saltz [Salz] (соль).

В монгольском словнике 26 таких записей, из них 10 — повторяющиеся¹⁵. В первой части словника: *Aurum* — Goldt [Gold] (золото); *Argentum* — Silber (серебро); *Cuprum* — Kupffer [Kupfer] (медь); *Aurichalcum* — Meßing [Messing] (латунь); *Ferrum* — Eysen [Eisen] (железо); *Ferrilamina stanno obducta* — Weiß = Eisen = Blechee [=Blech] (луженое листовое железо); *Stannum* — Zinn (олово); *Plumbum* — Bley [Blei] (свинец); *Argentum vivum vel Mercurius [vivus]* — Queck = Silber [Quecksilber] (ртуть); *Sal commune* — Gemein = Saltz [=Salz] (соль); *Chalybs* — Stahl (сталь). Во второй части минералогический/металлургический блок начинается вновь со слова *Lapis* — Stein (камень) и следующего за ним *Lapillus* — Feldt = Steinlein [Feld=] (галька). Далее: *Glacies Mariæ* — Marien = Glaß [=Glas] (марьино стекло)¹⁶; *Cin[n]abaris Nativa* — Berg = Zin[n]ober (природная (горная) киноварь); *Aurum* — Goldt [Gold] (золото); *Argentum* — Silber (серебро); *Aqueum argentum*, *Argentum vivum* — Queck = Silber, Mercurius [Merkur] (ртуть); *Plumbum*, *Plumbum nigrum* — Bley [Blei] (свинец); *Stannum* — Zinn (олово); *Cuprum* — Kupfer (медь); *Aurichalcum* — Meßing [Messing] (латунь); *Æs* — Ertz [Erz] (руда); *Ferrum* — Eysen [Eisen] (железо); *Ferrum stanneatum* — Verzinnt Eysen [Eisen] (луженое железо); *Chalybs* — Stahl (сталь).

¹² При цитировании текста Д. Г. Мессершмидта сохраняется авторская орфография, для словников в квадратных скобках предлагается также современное написание слова или его части; текст, написанный латиницей, выделен курсивом для отличия от немецкого текста, написанного куррентом. Этот принцип отражения графических средств Д. Г. Мессершмидта сохраняется и при цитировании дневниковых записей.

¹³ Относительно трех последних слов следует отметить, что в древности олово, свинец и сурьму часто не отличали друг от друга, считая их разными видами одного и того же металла, но уже Плиний Старший ввел различные наименования для олова и свинца, называя олово «*plumbum album*», а свинец — «*plumbum nigrum*»; Д. Г. Мессершмидт в этом случае следует Плинию Старшему.

¹⁴ Дословный перевод с латинского (а в монгольском словнике (см. ниже) и с немецкого) — «общая соль». Вероятно, имеется в виду то, что в современной номенклатуре подразумевается под классом минералов — «Соли».

¹⁵ Как указано в статье А. А. Сизовой, монгольский словник записывался дважды — отсюда и повторения. Отметим, что в данном случае мы говорим не о повторяющихся лексемах, а о дублирующих понятиях.

¹⁶ «Марьино стекло» — народное название для прозрачной разновидности гипса. Детальное исследование об этом геммонеиме см.: Березович Е. Л., Демкина И. Т., Спиридонов Д. В. Еще раз об имени в свете проблемы «*Wörter und Sachen*»: «марьино стекло» в русском и западноевропейском языках // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 135–165.

В прочих, меньших по объему словарях, сохранившихся в дневниках¹⁷, в лучшем случае представлена металлургическая лексика, также незначительная по объему. Таков лексический материал дневника, однако записи с минералогической тематикой рассеяны и по прочим его частям.

Ориентироваться в них помогает систематизация, осуществленная самим исследователем: с июля 1724 г. Д. Г. Мессершмидт сначала периодически, а с января 1725 г. систематически, в конце каждого месяца, помещал в дневник своего рода отчеты о научной работе в форме перечней собранных или приобретенных объектов и результатов своих работ.

Первые минералогические объекты появляются в перечне от 5 сентября 1724 г. — «*Lista aller seit d[em] 23. July et 10. Aug[ust] biß dato angesamelen Naturalien*». Начальный раздел перечня касается первого царства природы¹⁸: «*E regno minerali*». В списке 13 позиций:

«1) *Sal lacustris Davuricus e Davussun-Nor, circa Borsam fl[umen]* [Соль озерная даурская из озера Давусун-Нор¹⁹, около реки Борса²⁰]; *d[ie] 26. Aug[usti]*.

2) *Ochra fodinarum Argunica, subsidens in aquis fodinarum* [Охра²¹ из рудников аргунская, осажденная в водах рудников]; *d[ie] 3. Sept[embris]*.

3) *Minera plumbi et argenti, seu Molybdæna vel etiam Galena, Argunica* [Руда свинца и серебра, или молибденит или даже галенит²², аргунская].

¹⁷ Основная часть словариков содержится именно среди дневниковых записей; лишь один из них представляет собой самостоятельную рукопись (в незаконченном, рабочем варианте) — «*Vocabularium polyglottum Tattaricum*» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35).

¹⁸ Свои перечни Д. Г. Мессершмидт организовывал в соответствии со своими исследовательскими приоритетами; заглавную позицию в них неизменно занимает раздел «*Naturalien*», начало которого всегда отведено первому царству природы — минералам, если в описываемый месяц проводились соответствующие наблюдения.

¹⁹ См. об озере ниже, в описании событий 26 августа 1724 г., где Д. Г. Мессершмидт называет это озеро уже Давусон-нор (*Dawusson-Nor*).

²⁰ Здесь и далее Д. Г. Мессершмидт предлагает научно грамотное полевое определение минерала, обозначая его разновидность по местности. В некоторых случаях добавлено обозначение по внешней морфологии (№ 4 списка), иногда — особенности состава (№ 5 списка), хотя на данный момент вопрос о том, чем руководствовался Д. Г. Мессершмидт в определении состава, требует дальнейшего изучения (с середины XVIII в. такие определения делали с помощью паяльной трубки, которую геологи брали в поле для полевого химического анализа, что было основано на способности некоторых химических элементов окрашивать пламя трубки в характерные цвета). Сомнительно, что у Д. Г. Мессершмидта могла быть такая трубка; похоже, что состав образцов ему сообщали специалисты (см. ниже сведения дневника за 4 сентября).

²¹ Охра — гидроксид железа Fe(III): FeO(OH) или Fe₂O₃·H₂O.

²² Под «*Galena*» имеется в виду, судя по всему, галенит — руда на свинец; галенит внешне схож с самородным серебром. Очевидно, речь идет о серебристо-сером минерале с металлическим блеском и невысокой твердостью, который мог быть как самородным серебром, так и галенитом. Интересно употребление термина «*Molybdæna*» в качестве синонима. Галенит действительно похож на молибденит, т. е. руду на молибден, однако К. Линней в 1735 г. употребляет термин «*Molybdæna*» в качестве синонима «*Zincum sterile micaceum*». В записи следующего дня эти два термина выступают в качестве синонимов, то есть это не может быть опiskeй, и следует искать источник, на который Д. Г. Мессершмидт опирался в своей номенклатуре.

4) *Minera Veneris viridis in conum fastigata*²³ *radiata*²⁴; *d[ie] 4. Sept[embris]. ab Aga fl[umine]*. [Венерина руда радиально-лучистая, заостренная в конус, с реки Ага].

5) *Minera Veneris cum Cobalto remixta*²⁵, *Octusica*²⁶ [Венерина руда, смешанная с кобальтом, уктусская]; *d[ie] 4. Sept[embris]*.

6) *Minera Veneris puniceæ Galenæ vel Cobalto rubro*²⁷ *similis, Octus[ica]* [Венерина руда, похожая на красный галенит или на красный кобальт, уктусская]; *d[ie] 4. Sept[embris]*.

7) *Minera Veneris viridis dives, Octusica* [Венерина руда зеленая, богатая, уктусская]; *d[ie] 4. Sept[embris]*.

8) *Minera Martis*²⁸, *Argun[ica]*; *d[ie] 5. Sept[embris]*. [Марсова руда, уктусская].

9) *An Iaspis immatura viridis, Malachitæ similior*²⁹, *Argun[ica]* [Возможно, незрелая яшма, зеленая, похожая на малахит, аргунская]; *d[ie] 6. Sept[embris]*³⁰.

²³ В документе — «fastigiata».

²⁴ Венерина руда — медный колчедан, «медный пирит», *Pyrites cupri* (латинское наименование меди *Cuprum*, происходит от названия острова Кипр, места рождения Венеры, где выплавка меди была известна уже в 3 тыс. до н. э.), т. е. халькопирит (CuFeS_2). Отметка о его зеленом цвете свидетельствует, очевидно, о том, что это окисленный халькопирит — покрытый «медной зеленью» — малахит или ему подобный охристый вторичный минерал. Однако характеристика его как радиально-лучистого вынуждает считать, что это не халькопирит, а радиально-лучистый агрегат вторичного медного минерала зеленого цвета, возможно, обломок малахитовой почки (если, конечно, Д. Г. Мессершмидт понимал под «*radiatus*» то же, что и современные специалисты).

²⁵ Примесь кобальта могла быть определена с помощью паяльной трубки. Кроме того (ср. № 6), примесь кобальта могли подозревать из-за красноватого оттенка; халькопирит с побежалостью мог быть определен как кобальтин (CoAsS) со вторичным эритрином ($\text{Co}_3(\text{AsO}_4)_2 \cdot 8(\text{H}_2\text{O})$), т. е. арсенид кобальта, покрытый розовыми охрами арсената кобальта — «кобальтовыми цветами».

²⁶ Имеется в виду место сбора — Уктусский завод.

²⁷ Под «красным кобальтом» мог подразумеваться арсенид кобальта, кобальтин, который действительно похож на пирит или халькопирит, но имеет розоватый оттенок. «Красный галенит» — возможно, хорошо известный к тому времени минерал глёт PbO — минерал красного цвета, простой оксид свинца. Но эти красные минералы свинца, в отличие от халькопирита и кобальтина, имеют неметаллический блеск. Возможно, окисленный халькопирит с красноватой побежалостью, более тусклый, мог рассматриваться предположительно как кобальтин или глёт. В 1766 г. академик Иоганн Готтлоб Леман (*Johann Gottlob Lehmann*; 1719–1767) на Березовском руднике открывает минерал — сибирский красный свинец, который позже будет назван крокоит (PbCrO_4). Возможно, речь идет о крокоите.

²⁸ Марсова руда — пирит, железный, или серный, колчедан, дисульфид железа, FeS_2 .

²⁹ Незрелая яшма — то, что сейчас называют яшмоид, т. е. переходное состояние между осадочной и метаморфической породой, метаморфизованная осадочная порода. Либо нечто визуально похожее — не очень прочная порода, не кристаллическая, а зернистая. Это могла быть яшма или яшмоподобная порода зеленого цвета. Аргунская яшма известна и сегодня.

³⁰ Обращает на себя внимание тот факт, что в дневниковом перечне за 5 сентября оказался минерал, полученный Д. Г. Мессершмидтом днем позже, 6 сентября. Это является одним из доказательств предположения (см.: *Bondar L. D., Čivtajeв Ju. I.*

10) *Silices fluviatiles ex Uda fl[umine]*³¹ [Речные камни с реки Уда].

11) *Lithargyrum ex Argun* [Оксид свинца из Аргуна]; *d[ie] 2. Sept[embris]*³².

12) *Plumbum vile*³³ *ex Argun* [Простой свинец из Аргуна]; *d[ie] 2. Sept[embris]*.

13) *Argentum eliquatum ex Argun* [Серебро жидкое³⁴ из Аргуна]; *d[ie] 2. Sept[embris]*»³⁵.

Обращение к дневниковым записям за указанные в перечнях даты позволяет узнать обстоятельства приобретения минералов из списка.

Так, 26 августа 1724 г. Д. Г. Мессершmidt двигался по Онон-Аргунской степи в направлении Аргунских рудников и после полудня выехал на открытое пространство, где «все вокруг со всех сторон было обозримо вплоть до горизонта, как в открытом море или океане, не было видно ни деревьев, ни кустарника, ни малейших холмов <...>. При этом Давусон-Нор, или Соляное озеро (из которого мои люди смогли принести мне количественную соль), оставалось примерно в 5–6 верстах по правую руку от нашего пути»³⁶. Это и было местом сбора объекта, описанного под № 1 — *Sal lacustris Davuricus*.

После прибытия на Аргунские заводы 2 сентября около полудня Д. Г. Мессершmidt в сопровождении управляющего Нерчинских заводов (*Ober = Berg = Factor* oder *Inspector*) Тимофея Матвеевича Бурцева (*Timotheus Matthæi fil[ius] Burzoff*)³⁷ посетил Аргунский завод и рудник («В первую очередь мы отправились в рудник <...>»)³⁸. После краткого описания устройства шахты находим следующее: «Залегавшие в ее

Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019: научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень, 2020. С. 27), что дневниковые записи могли делаться через несколько дней после описываемых событий на основе путевых рабочих записей.

³¹ Очевидно, эти «речные камни» были собраны не на описываемом этапе, а раньше (весной — летом 1724 г.) во время пребывания на Уде.

³² Дата сбора этого и следующего образца написана не отчетливо, с пометками. Однако тот факт, что эти две записи непосредственно предшествуют записи № 13, а также приводимая ниже дневниковая запись за этот день позволяют утверждать, что здесь обозначена дата «2 сентября».

³³ Возможно, имеется в виду просто кусок свинца, т. е. образец искусственного происхождения.

³⁴ Похоже, что имеется в виду ртуть, называвшаяся «быстрым серебром». Самородная ртуть может встречаться на месторождениях серебра, но также речь может идти о ртuti техногенной, используемой для процессов амальгамации серебряных руд.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 229.

³⁶ «<...> man ringsumher bis zum *horizont* wie auff offenbahrer See oder *Oceano* sich herumb sehen konnte, ohne Bäumen, Strauch oder geringste Hügel wahrzunehmen <...>. Indefen bliebe der *Dawusson-Nor* oder *Saltz = Ozero*, auß welchem meine Leute bereits eine quantite *Salz* mir zugebracht, wol 5 à 6 neue Wörst zur rechten unsers Weges liegen»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 219 об.

³⁷ Бурцев Тимофей Матвеевич (1679–?) был управляющим уральским Уктусским заводом в 1712–1724 гг., в 1724–1734 гг. — управляющий Нерчинскими заводами.

³⁸ «Wir gingen also zu föderst in die *Ertz = Grube* <...>».

проходах жилы свинцовой и серебряной руды, иначе называемые *Galena*, были разными — то попадались богатые, то более пустые, как попадется, и все они были в твердом кварце или скальных породах без земли»³⁹. Далее следует описание процесса добычи руды, ее переплавки и устройства завода — серебряного и железоделательного. Эта запись уточняет место и время приобретения Д. Г. Мессершмидтом последних трех объектов перечня: *Lithargyrum; Plumbum vile; Argentum eliquatum*.

Позиция № 3 в списке (*Minera plumbi et argenti, seu Molybdæna vel etiam Galena, Argunica*), очевидно, подразумевает информацию из этой же записи, от 2 сентября, о жилах свинцовой и серебряной руды.

На следующий день, 3 сентября, Д. Г. Мессершмидт завтракал у Т. М. Бурцева, который дал немецкому путешественнику «по случаю небольшой образец *Mineræ Veneris viridis in conum fastigiatae*, отличающийся от моего *Selenite polyedro radiato albo, Amianthum*⁴⁰ *simulante* [Селенит белый, огранный, радиально-лучистый, похожий на асбест] (*vide die 5. Augusti 1723*)⁴¹ только цветом, и это позволило мне предположить, что упомянутый *Selenites* вполне может являться *Minera Veneris virginea succo virili metallico nondum imprægnata*⁴² [Халькопирит девичий, соком муж-

³⁹ «Die Adern des Bley und Silber = Ertzes, oder *Galena* sonst genennet, lieffen in denen Gängen verschieden, bald reich, bald steriler, wie es sich trafe, und waren alle in hartem Quartz oder Felsen = Gesteine, ohne Erden»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 225–227.

⁴⁰ *Lapis Amianthus* — серпентин-асбест: A Letter from Mr Wilson to the Publisher, Giving an Account of the *Lapis Amianthus, Asbestos, or Linum Incombustibile, Lately Found in Scotland* // *Philosophical Transactions*. 1700–1701. Vol. 22. P. 1004–1006.

⁴¹ 5 августа 1723 г. Д. Г. Мессершмидт, поднимаясь по Нижней Тунгуске, оказался в таком месте реки, где ее правый (иркутский) берег (и левый по ходу движения) был скалистым и высоким, на местном наречии он назывался Бель-Чин (*Bel oder Byl-Tzschin*). Здесь Д. Г. Мессершмидту удалось найти и описать несколько растений, а также сделать следующую запись: «Также на этом хребте, или скалистом берегу, находил я очень часто и в довольно крупных образцах *Selenites polyedros, radiatus, albus, Amianthum simulans*; подобные образцы уже встречались повсеместно вдоль берега раньше. Однако его не удавалось разделить на волокна (*filamenta*), но он хрупкий и с мелкой структурой, как *Antimonium vulgare*, и также кальцинировался в виде белого порошка, как обычно бывает с селенитами. Однако дождь и лужи помешали тому, чтобы мы смогли достаточно основательно осмотреть эти скалы в поисках их *Venam*. — Я обнаружил лишь то, что их *Matrix* представляла собой черно-серый твердый пирит» («*Sonst fand sich auch an diesem Chrebéth oder Gebürgichten Uffer sehr hauffig, und zwar in großen Stücken, Selenites, polyedros radiatus, albus, Amianthum simulans, dergleichen schon vorhin allerorten am Ufer war gefunden worden. Er ließe sich aber nicht in filamenta zertheilen, sondern war spröde und spießig wie das Antimonium vulgare, calcinirte sich auch zu einem weißen Pulver, wie der Selenites sonst gemeinlich pfleget. Das pfützige Regenwetter hinderte aber, daß wir nicht gnugsam diese Felsen durchsuchen konten, ob man etwan seine rechte Venam hätte finden mögen. — So viel fand ich, daß seine Matrix ein schwarzgrauer fester Kieß ware*»): СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 146–146 об.

⁴² Фраза «соком мужским металлическим еще не оплодотворенный» (*succo virili metallico nondum imprægnata*) отражает представления того времени о рудообразовании: белый, не имеющий в составе меди и не полезный в качестве руды селенит после «оплодотворения мужским металлическим соком» становился полезной зеленой рудой, как халькопирит. Как говорилось выше, возможно, речь идет об

ским металлическим еще не оплодотворенный] и, таким образом, указывать на залежи в Хатангских горах медных руд, тем более что здесь повсюду обнаруживается *Cobaltum Sulphuris*⁴³ [сульфид кобальта] и т. д. Также он подарил мне кусочек *Hæmatitæ durioris et vilioris* [гематита более тяжелого и более распространенного] конической формы, которые иногда встречаются в железных рудниках. Был он, правда, едва ли больше горошины, как и *Minera Veneris* <...>⁴⁴.

Третьим сентября помечена в списке также *Ochra fodinarum Argunica, subsidens in aquis fodinarum*, однако запись об этом минерале была в дневнике сделана днем раньше при описании осмотренного рудника: «Сливаемая из шахт вода отводилась посредством канала, тянущегося через весь завод с запада на восток, и была очень насыщена *Ochra metallica* [металлической охрой], по причине чего ее пили служащие завода и другие жители для укрепления здоровья, с тем же эффектом, что и марциальные воды»⁴⁵.

4 сентября из-за неготовности подвод Д. Г. Мессершмидт оставался на месте; после обеда он вновь отправился на завод с Т. М. Бурцевым и осматривал его до позднего вечера. Во время экскурсии Д. Г. Мессершмидт получил следующие образцы: «Из всех руд, что имеются в Аргунских рудниках, он позволил мне дать несколько небольших образцов и должен был каждый упаковать и обозначить его название. Это было не что иное, как: 1) *Molybdæna vel Galena fodinarum (vid[e] d[ie] 3. Sept[embris])*;

образце медной руды — малахите зеленого цвета, радиального сложения. Он действительно внешне может быть похож на белый селенит (сульфат кальция). Выводы Д. Г. Мессершмидта о том, что селенит является потенциальной медной рудой, построены на основании сходства внешней морфологии минералов.

⁴³ Вероятно, имеется в виду минерал кобальтин (CoAsS). Возможно, здесь отражено предположение о соседстве кобальтовой и медной руд по аналогии с образом под номером 5 (*Minera Veneris cum Cobalto remixta, Octusica*).

⁴⁴ «<...> bey dieser occasion ein Stückchen *Mineræ Veneris viridis in conum fastigiatae*, so von meinem *Selenite polyedro radiato albo, Amianthum simulante (vid[e] d[ie] 5. Aug[usti] 1723)* nicht anders denn in der bloßen *couleur* differirte und mir Gelegenheit gabe zu muthmaßen, daß erwähneter *Selenites* gar leichtlich eine *Minera Veneris virginea, succo virili metallico nondum imprægnata* seyn möchte und also eine Anzeigung eines in denen *Chatangischen* Gebürgen verborgenen Kupffer = Ertzes, so viel mehr, da sich auch das *Cobaltum Sulphuris etc.* daherumb gezeiget. Auch schenckte er mir ein Stücklein *hæmatitæ durioris et vilioris* in conischer Forme, so sich in der Eysen = Gruben zuweilen finden solte. Es was aber kaum einer Erbsen groß, so wie auch die *Minera Veneris* <...>»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 227–227 об. Марциальные воды (воды с большим содержанием железа, отчего и получили свое название — ср. *Minera Martis*) с их целебными свойствами были открыты в начале XVIII в. в Карелии (сегодня курорт «Марциальные воды» под Петрозаводском) и изучены по приказу Петра I в 1717 г.: *Собисевич А. В., Широкова В. А.* Курорт «Марциальные воды» как памятник истории науки // История науки: источники, памятники, наследие. Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. М., 2016. С. 252–254.

⁴⁵ «Das außgegoßene Gruben = Waßer wurde durch einen *Canal* durch die gantze *Savod* von West in Osten geführet, und ware sehr von der *Ochra metallica* imprægniret, weßfalß es denn auch von den Hüttenknechten und Häusern zur Gesundheit getruncken wurde, wie die *Martialischen* Waßer pflegen»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 205 об.

2) *Minera Veneris viridis in conum fastigiata radiataque (vid[e] d[ie] 3. Sept[embris])*; 3) *Minera Veneris viridis dives, Octusica*; 4) *Minera Veneris punicea, Cobalto rubro similis, Octusica*, и 5) *Minera Veneris cum Cobalto remixta, Octusica*»⁴⁶. Так, в тот день Д. Г. Мессершмидт получил три образца уктусских (*Mineræ Octusicæ*) пород (№ 5–7 в перечне), очевидно, привезенных Т. М. Бурцевым с собой с прежнего места службы, и, вероятно, описание двух пород, полученных ранее (№ 3 и 4 в перечне). Обращает на себя внимание тот факт, что полученный 2 сентября и указанный в списке под № 11 образец *Lithargyrum* не назван «красным свинцом», хотя оба оксида свинца (глёт (PbO) и сурик (Pb₃O₄)) красного цвета. Это наводит на мысль о том, что какие-то описания Д. Г. Мессершмидт делал сам, а какие-то ему были предложены теми, от кого он получал образцы. Описание уктусских пород могло быть сделано Т. М. Бурцевым или уральскими специалистами.

5 сентября закончилась подготовка к предстоящей дороге⁴⁷, а 6 сентября перед отъездом Д. Г. Мессершмидт обедал с Т. М. Бурцевым, от которого узнал, «что примерно в 6–7 верстах от дороги, по левую руку, будет яшмовый разлом, недалеко от железного разлома»⁴⁸. Однако добраться туда у Д. Г. Мессершмидта не получилось, так как отправившиеся с ним проводники этого места не знали, а заводских людей Т. М. Бурцев дать ему не мог, поскольку в тот день был праздник и все были освобождены от службы⁴⁹. Указанный в перечне под № 9 образец, очевидно, был найден где-то по дороге⁵⁰.

⁴⁶ «<...> Und liebe mir von allen Ertzen, so im Argunischen fallen, einige Stuffchen geben, und mußte er mir jedes mit seinem Nahmen bezeichnen und einwickeln. Es ware aber nichts als: 1) *Molybdæna vel Galena fodinarum (vid[e] d[ie] 3. Sept[embris])*; 2) *Minera Veneris viridis in conum fastigiata radiataque (vid[e] d[ie] 3. Sept[embris])*; 3) *Minera Veneris viridis dives, Octusica*; 4) *Minera Veneris punicea, Cobalto rubro similis, Octusica*, und 5) *Minera Veneris cum Cobalto remixta, Octusica*; hiebey referirte er mir, daß der *Asbestos* nicht im *Octusischen*, sondern 14 à 15 Wörst von Fetkowki sich finden solte und Fäden von 2 à 3 Zoll lang liefferte; keinen rechten speziellen Ort aber wuste er mir anzudeuten»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 228 об.

⁴⁷ О получении образца № 8 из списка (*Minera Martis, Argun[ica]*), при котором имеется ссылка на 5 сентября, в дневниковой записи сообщения нет.

⁴⁸ «<...> daß der *Jaspis* = Bruch ohnweit des Eisen = Bruches, etwa 6 à 7 Wörst außm Wege zur linken wäre». С точки зрения изучения источников книги Ф. И. Страленберга любопытно отметить, что шведский спутник Д. Г. Мессершмидта пишет в своей работе следующее: «В Сибири и Даурской провинции возле города Аргунской есть большая гора из яшмы. Она может быть темной и светло-зеленой и такая твердая, что ее нельзя обрабатывать сталью, однако ее можно заполировать, как зеркало» («In Siberien und Daurischen Provinz bey der Stadt Argunskoy ist ein grosser Berg von Jaspis. Er ist dunckel und auch lichtgrün, und so hart, daß er mit keinem Stahl zu verarbeiten ist, lassen sich aber im Schleiffen wie ein Spiegel poliren»): *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia* / ed. by J. K. Krueger. Szeged, 1975. S. 379.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 231.

⁵⁰ Об этом свидетельствует, в том числе, неуверенность в определении минерала в отсутствие специалиста-консультанта («Возможно, незрелая яшма...»). Вместе с тем описание образца как «незрелая яшма» говорит об определенной подготовке ученого в области минералогии и наличии знаний о классификации минералов.

Следующие перечни в отношении минералов значительно более краткие. В списке *Naturalien* за 20 февраля 1725 г. упоминается только один минерал (*Lapis figuratus similagineus*)⁵¹. В составленной в Иркутске описи содержимого багажа Д. Г. Мессершмидта (дневниковая запись за 5 июня 1725 г.) названы шесть объектов, полученных с 1720 г.⁵² 30 ноября 1725 г. в списке минералов упоминаются только «речные камни» (*Silices fluviatiles semidiaph[ani] virides*)⁵³. 31 марта 1726 г. в качестве *Mineralia* указаны обследованные 15 марта того же года целебные источники около Камы (*Fontes medic[i] cathartici ad Kama fl[umem]*)⁵⁴.

Самый большой перечень содержит запись за 30 апреля 1726 г. — список из 22 минералов, собранных 3 и 30 апреля 1726 г.: «1) *Metalli sodinae Laila-Riphaeenses*; *d[ie]* 3; 2) *Metalli Polewoënsis Sibir*; *d[ie]* 3; 3) *Metalli Pyskaræ Permiens*; *d[ie]* 3; 4) *Metalli Simeonicae Permiens*; *d[ie]* 30; 5) *Metalli Gregoriana Permiens*; *d[ie]* 30; 6) *Blau Lazur* = *Ertz von Polewoi* — *1 St.*; *d[ie]* 3; 7) *Grün Lazur* = *Ertz dito* — *1 St.*; *d[ie]* 3; 8) *Lazur* = *Ertz von Gregori Grulus* — *1 St.*; *d[ie]* 30; 9) *Pyrites Aereus, Polewoënsis* — *1 St.*; *d[ie]* 3; 10) *Pyrites atramentosus Lailens* — *1 St.*; *d[ie]* 3; 11) *Vitridum Coerul[eum] Laila-Sibiricum*; *d[ie]* 3; 12) *Formaces metallarii optimi*; *d[ie]* 3; 13) *Folles metallarii lignei, optimi*; *d[ie]* 3; 14) *Schieffer* = *Ertz Gregorisch*; *d[ie]* 30; 15) *Sandt* = *Ertz Gregorisch*; *d[ie]* 30; 16) *Terra melanterica Tomskoëns[is]*; *d[ie]* 3; 17) *Selenites radiatus albus Chatang.*; *d[ie]* 3; 18) *Selenites radiatus viridis Aga fl.*; *d[ie]* 3; 19) *Steinkohle flötsch vom Chatang[a]*; *d[ie]* 3; 20) *Cobolt vom Chatanga*; *d[ie]* 3; 21) *Cobolt Nieren vom Katscha*; *d[ie]* 3; 22) *Waßer = Cobolt, Silberhaltig; d[ie]* 3»⁵⁵.

30 мая 1726 г. были исследованы соляные источники Соликамска (*Fontes salinares vel Salina Solikam.*)⁵⁶. В записи за 31 июля 1726 г. упомянуты описанные 2 и 3 июля сибирские металлические рудники и металлы (*Metallifodinæ et Metalla Sibiriaë; Metallorum incrementa et decrementa*) и *Min[era] <Vene>⁵⁷ris arenaria Somenowia*⁵⁸. 23 августа 1726 г. были описаны медные рудники (*Gregorowæ Fodinæ Cupri*)⁵⁹. Перечень от 31 декабря 1726 г. содержит еще шесть наименований: *Marga candida off[icialis] Sibirica*; *Selenit[es] rad[iatus] polyëdr[us] plumbigenus*; *Min[era] <Vene>⁶⁰ris*

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 37об. Следующие перечни не будут подробно комментироваться, поскольку это не имеет принципиального значения в рамках темы настоящей статьи, но значительно увеличит объем публикации. Комментарию всех минералогических перечней Д. Г. Мессершмидта должно быть уделено отдельное внимание.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 129об. — 137.

⁵³ Там же. Л. 303об.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 79об.

⁵⁵ Там же. Л. 119об.

⁵⁶ Перечень за 31 мая 1726 г.: Там же. Л. 151об.

⁵⁷ Нарисовано зеркало Венеры.

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 234об.

⁵⁹ Там же. Л. 268.

⁶⁰ Нарисовано зеркало Венеры.

*Kolschedanica; Ej[usdem] <Vene>r⁶¹[is] excoctum Kolschedani[c]ae; Talcum luteum Riphaeum Sibir[icum]; Min[era] <Vener>⁶²[is] arenaria statim sui Sibir[ica]*⁶³.

Перечень от 31 декабря является последней записью дневника.

Итак, возвращаясь к обозначенной в заглавии теме: насколько далеко Д. Г. Мессершмидт, погружаясь в вопросы минералогии, отошел от своих первоначальных профессиональных, т. е. медицинских, интересов, памятуя о том, что цель его поездки первоначально, указом Петра I от 15 ноября 1718 г., определялась как «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, кореня и семян и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы»⁶⁴.

В определенной мере на этот вопрос позволит ответить рукопись Д. Г. Мессершмидта, ставшая итогом его многолетнего путешествия по Сибири, — «Sibiria Perlustrata». Царству минералов (*Regnum minerale*) посвящен один из разделов этого труда, при этом он имеет вполне одно-значную тематическую направленность, отраженную в заглавии, — «Pinacis Simplicium regnum minerali seu Mineralium Medici census»⁶⁵.

Этот раздел представляет собой перечень минералов с их кратким описанием и указанием на места их распространения. Список опирается, прежде всего, на труд Самуэля Дейла (*Samuel Dale*; 1659–1739)⁶⁶ и включает в себя минералогические объекты, обладающие лекарственными свойствами и применяемые в фармакологии и медицине. Специальным образом Д. Г. Мессершмидт отметил те минералы, которые встретились ему в Сибири, с указанием места их обнаружения.

Тот же принцип прослеживается и при описании двух других царств природы — животного и растительного мира. Так, в итоговом труде Д. Г. Мессершмидт представил результаты выполнения первоначального поручения, данного ему царским указом, разместив сведения, имеющие практическую ценность. И именно в этом он продолжал оставаться врачом, отмечая прикладное значение объектов трех царств природы.

Вместе с тем очевиден методологический подход, отражающий аналитическую оценку и систематизированное представление материала с позиций науки о минералах. Это лишь одна из ранних попыток систематизации, но она была предпринята в духе эпохи Просвещения, подвигавшей профессионалов и любителей к коллекционированию, инвентаризации,

⁶¹ Нарисовано зеркало Венеры.

⁶² Нарисовано зеркало Венеры.

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5. Л. 371.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

⁶⁵ «Pinacis Simplicium regnum minerali seu Mineralium Medici census Arbitraria methodo in Classes VI distributorum 149 Synopsis; In quibus illa quae per Sibirias passim a nobis observata fuerunt, suis locis reddita peculiari in columna cernuntur»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

⁶⁶ *Dale S. Pharmacologiae, seu manuductionis ad materiam medicam supplementum: Medicamenta officinalia simplicia priore Libro ommissa, complectens; ut et notas generum characteristicas, specierum synonyma, differentias et vire.* Bremae, 1707.

систематическому описанию окружающего мира и структурированию знаний о нем⁶⁷. Перечень минералов (*census*) из 149 позиций представлен в рукописи Д. Г. Мессершмидта с условным разделением на шесть классов⁶⁸: *Classis I. Aquarum*; *Classis II. Terrarum*; *Classis III. Sulphurum*; *Classis IV. Saliuum*; *Classis V. Metallicorum*; *Classis VI. Lapidum*.

Когда и как у Д. Г. Мессершмидта возникло стремление к типологизации минералогического материала? В некоторой степени ответ на этот вопрос дает дневник. Во время второй зимовки в Красноярске Д. Г. Мессершмидт занимался чтением ученых трудов. В их числе была книга одного из основоположников минералогии Георга Агриколы (*Georgius Agricola*, настоящее имя *Georg Bauer*; 1494–1555) «*De re metallica*»⁶⁹. Этот труд мужа «большой эрудиции и *expérience*»⁷⁰ стимулировал размышления Д. Г. Мессершмидта следующим образом в записи от 23 марта 1723 г.: «По этому случаю я размышлял, нельзя ли (и это было бы очень полезно) составить *Pinacem mineralogicum* или *Institutiones rei mineralogicae* наподобие *Institutiones rei herbaricae Tournefortii* с разделением на *Classes*, *Sectiones* и *Genera*, и все *Species individuae* — организовать по *Genera*, *Genera* — по секциям, секции — по классам и, наконец, эти получившиеся классы ранжировать в естественном порядке. *Sed hoc opus! Hic labor!* Трудом одного человека, практически *in deserta*, где никакую *subsidia literaria* не смогут оказать ни *vivi*, ни *mortui doctores*, это осуществить, очевидно, невозможно, однако в другие времена у других ученых могла бы возникнуть возможность и появиться стимул совершить этот *laborem affectum*. И все же *speciminis* или, скорее, *tentaminis ergo* предлагаю следующий макет: *Classis (indefinitae) Sectio (indeterminata)*, *Genus primum: Sal commune*. *Sal commune, est mineralis genus solidum pellucidum, in aqua solubile interumque in crystallos hexaëdricas albas maiores minoresve coadulabile, interdum etiam in cubicos. Ejus species sunt sequentes: ...*»⁷¹.

⁶⁷ Rosset T. F. de. Kolekcja artystyczna — geneza, rozkwit, kryzys // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Zabytkoznawstwo i konserwatorstwo. Toruń, 2014. Т. 45. S. 253–285.

⁶⁸ Так звучит подзаголовок: «*Arbitraria methodo in Classes VI distributorum 149 Synopsis*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

⁶⁹ *Agricola G. De re metallica*. Basilea, 1556.

⁷⁰ Так его охарактеризовал Д. Г. Мессершмидт, отметив значительно большую пользу чтения этого труда по сравнению с неясными трудами Плиния Старшего: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 44. Минералам и металлам посвящены книги XXXIII–XXXIV и XXXVI–XXXVIII труда Плиния Старшего (Plinius Major) «Естественная история» («*Naturalis Historia*»).

⁷¹ «*Bey dieser Gelegenheit medirtirte, ob es nicht möglich und sehr zutrüglich seyn möchte, einen Pinacem mineralogicum oder Institutiones rei mineralogicae in Form und methode der Institutionum Rei herbari[c]ae Tournefortii, durch Classes, Sectiones und Genera einzurichten und alle Species individuas unter ihre nächsten Genera, die Genera aber in gewissen Sectionen, folglich die zusammengehörende Sectionen unter ihre Classe, und endlich die sodann sich eröffnende Classen in natürliche Ordnung zu rangiren. Sed hoc opus! hic labor!* Eines Mannes Werck, und zwar *in deserten*, wo keine *subsidia literaria*, weder *Vivi* noch *mortui doctores* zu consultiren sind, möchte es vielleicht nicht seyn, doch aber würde es zur andere Zeit anderen Gelehrten Gelegenheit und *Stimulos* geben

Далее идет перечисление видов соли со ссылками на минералогические работы⁷². Девять наименований не имеют отсылок на опубликованные работы, но содержат пометки о том, что это сибирские соли. Среди этих девяти наименований в семи случаях прямо указано, что это соли, описанные Д. Г. Мессершмидтом: они содержат пометки «nobis»; в двух случаях нет вообще никаких отметок об авторстве, здесь вполне оправданно также предполагать авторство Д. Г. Мессершмидта. Это следующие наименования: *Sal commune fossile vulcanium Ammoniacum Sibiriae Hyperboreae seu montis ardentis cis Kamel fluvii ostium in Jenizeam, nobis*; *Sal commune asperginosum lacustre ad Uy bath fl[uviu]m in Kirgisia, nobis*; *Sal commune asperginosum lacustre Bolan-Kul ad Chall rivulum in deserto Kirgisico, nobis*; *Sal commune asperginosum lacustre Bylo-Kull in deserto Kirgisico, nobis*; *Sal commune asperginosum sylvestre in campis ad Isettam fluv[iu]m juxta Bieloschekinam picum in Sibiria, nobis*; *Sal ex salsa lacustri ...*; *Sal commune ex salsa scaturiente Colbergense Pomeranum, nobis*; *Sal commune ex salsa scaturiente Solykamskoënsè Sibiricum*; *Sal commune ex salsa scaturiente Ussolkoënsè trans Jenizeam Sibiricum, nobis*.

Вслед за солями Д. Г. Мессершмидт предлагает второй род, названный им «Сода»: «*Genus II: Nitrum. Nitrum est mineralis genus solidum pellucidum, in aqua solubile iterumque in crystallos sexangulares tenues longas apicatenus pyramidatim acuminatas coagulabile saporis aeris et amaricantis, flammam super prunis illico tenuem concipiens et ex toto strepere deflagrans nan relicto capite mortuo etc. etc.*, что в другое время предстоит выполнить дальше»⁷³. Таким образом, Д. Г. Мессершмидт предполагал продолжить занятия классификацией, что будет осуществлено и в 1735 г. опубликовано К. Линнеем.

Наличие книг по минералогии в библиотеке Д. Г. Мессершмидта свидетельствует о том, что это, скорее всего, не был интерес, зародившийся во время сибирского путешествия. Подтверждением тому служит архивное дело — тетрадь с конспектами минералогических трудов, библиографией и пр.; часть этих записей, судя по авторским отметкам, была сделана до отправки в Сибирь; имеются записи уже из Тобольска⁷⁴.

Таким образом, несмотря на то что минералогические наблюдения не проводились Мессершмидтом столь широко и с такой глубиной погружения в предмет, как, например, зоологические, все же нельзя отрицать как минимум попытки разработки системы минералогических описаний. Кроме того, очевидны интерес Д. Г. Мессершмидта к минералогии еще до отправки в Сибирь и его как минимум базовое знакомство с этой областью знаний. Пока нельзя сказать, кто был автором описаний горных пород

können, diesen laborem affectum geschickter außzuarbeiten. Und zwar *Speciminis* oder vielmehr *Tentaminis ergo* habe folgenden Entwurff hieher gesetzt <...>»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 44–44 об.

⁷² *Plinius Major. Naturalis Historia; Strabo. Rerum geographicarum libri XVII; Agricola G. De re metallica; Dale S. Pharmacologiae...*

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об. – 47 об.

⁷⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 6.

и минералов, имеющих в рукописях Д. Г. Мессершмидта, составлял ли их сам ученый или только фиксировал предложенные ему описания, но в целом ряде случаев сделанные им полевые определения выявляют методологически правильный подход. Как и полагается для полевого определения, в описаниях добавляется обозначение разновидности по местности, иногда — по морфологии (№ 4 в списке от 5 сентября 1724 г.), иногда учтены особенности состава; в сложных случаях оставлены возможные варианты (№ 3 в списке от 5 сентября 1724 г., где автор сомневается в определении между галенитом и молибденитом).

Настоящая публикация — только введение в тему минералогических наблюдений Д. Г. Мессершмидта; у авторов осталось множество вопросов, на которые начался поиск ответов. На очереди — изучение результатов минералогических наблюдений Д. Г. Мессершмидта, представленных в «*Sibiria Perlustrata*», что должно дать новые сведения о Мессершмидте-минералогe.

А. К. Сытин
Санкт-Петербург
Ю. И. Чивтаев
Усть-Кут

О ПРАКТИКЕ ИЗМЕРЕНИЙ У НАТУРАЛИСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. в РОССИИ

Проблема использования линейных мер при изучении биологических объектов в практике естествоиспытателей начала XVIII в. актуальна для современных ученых. Даниэль Готлиб Мессершмидт, один из первых исследователей Сибири, был выдающимся натуралистом, использовавшим различные научные методы. Меры длины, связанные с речными и дорожными переходами, применявшиеся Мессершмидтом и другими натуралистами, указаны в милях и естественных единицах в русских, английских, немецких и римских линейных измерениях.

Ключевые слова: линейные меры длины, XVIII век, Россия, биологические объекты, натуралисты, Даниэль Готлиб Мессершмидт, Иоганн Георг Гмелин, Георг Вильгельм Стеллер, Степан Петрович Крашенинников.

A. K. Sytin
St. Petersburg
Yu. I. Chivtaev
Ust-Kut

ON THE METHOD OF MEASURING IN PRACTICE OF NATURALISTS IN EARLY 18TH CENTURY IN RUSSIA

The problem of using linear difference measures in the study of biological objects in the practice of naturalists of the early 18th century is relevant for modern taxonomists. Daniel Gottlieb Messerschmidt, one of the first researchers in Siberia, was an outstanding naturalist who used many methods of scientific research. The distances of length measured by rivers and roads Messerschmidt and other naturalists indicated in miles and other biological objects in Russian, English, German and Roman linear measures.

Key words: linear measures of length, 18th century, Russia, biological objects, naturalists, Daniel Gottlieb Messerschmidt, Johann Georg Gmelin, Georg Wilhelm Steller, Stepan Petrovich Krasheninnikov.

Вопрос о применении измерений биологических объектов в практике натуралистов начала XVIII в. существен для современных систематиков. Им нередко приходится обращаться к текстам предшественников для идентификации организмов. Особенно велика потребность в точном измерении при сравнении биологических объектов в рамках концепции «мелкого вида», внутривидовой систематики или для различения криптических видов, выявляемых методами молекулярной геномики.

На рубеже XVII–XVIII вв. метрологическая система в европейских странах была неустойчива и имела местные особенности. Развитие международных торгово-экономических связей стимулировало тенденцию к унификации номенклатуры и установлению некоторой единой системы мер и весов. В Московском государстве система мер длины регламентировалась Уложением 1649 г. Основной единицей этой системы стала сажень в три аршина, верста принималась равной 1000 трехаршинных саженьей¹. Необходимость конвертации линейных мер длины, прежде всего в кораблестроении и навигации, отразила реформа Петра I, заключавшаяся в том, что в систему российских мер длины вводилась английская футовая мера. Трехаршинная сажень, являвшаяся основой российских мер длины, приводилась в соответствие с семифутовой саженью. Однако отсутствие соответствующего высочайшего указа не позволяет точно датировать начало реформы². «Полуаршин Петра I» из собрания Государственного Эрмитажа — важнейший артефакт, служивший эталоном линейных измерений, также не датирован.

В конце 1736 г. под руководством главного директора Монетного правления графа М. Г. Головкина была создана «Комиссия весов и мер», в которую входили представлявшие Академию наук профессора Ж.-Н. Делиль, Л. Эйлер, Г. В. Крафт, Х. Н. фон Винсгейм, а также механик и изобретатель А. К. Нартов. Именно он удостоверил подлинность «полуаршина Петра I», который и послужил образцом для определения меры длины аршина и сажени³. Длина петровского полуаршина была 36 см. Значит, аршин в этом случае составлял 72 см, а трехаршинная сажень — 216 см. В аршине считалось 16 вершков.

Ряд авторов указывают, что тогда старая сажень в переводе на метрическую систему мер действительно составляла около 216 см, а уменьшена она была до семи английских футов, или 28 английских дюймов, или до 213,36 см только в начале XIX в.⁴

¹ Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. С. 15.

² Богданов В. И., Колотилин Р. А., Малова Т. И., Ястребинский Г. Б. Реформа Петра I: меры длины на рубеже XVII–XVIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. 52 : Петровское время в лицах — 2010: К 300-летию дворца Меншикова (1710–2010) : материалы научной конференции. С. 80.

³ Каменцева Е. И. Меры длины в первой половине XVIII в. // История СССР. 1962. № 4. С. 127.

⁴ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 238.

При таком довольно-таки неопределенном положении невозможно с полной уверенностью говорить о том, что приведение русского аршина в соответствие с линейным размером сажени, исчисленной в семь английских футов, уже состоялось в первой половине XVIII в. и в аршине следует считать 71,12 см, а в сажени — 213,36 см.

Конечно, если бы в нашем распоряжении были вещественные сборы натуралистов с их описаниями, включая и размеры в тех линейных единицах, которые они использовали, то можно было бы точно установить соответствие этих единиц измерения современным.

Поэтому, пытаясь осуществить перевод применявшихся натуралистами первой половины XVIII в. линейных единиц измерений в современную метрическую систему, необходимо учитывать как индивидуальный опыт и предпочтения каждого натуралиста, так и характерное для того времени отсутствие унификации мер длины.

Применение метрологических принципов среди ученых эпохи Просвещения базировалось на открытиях ньютонианской физики, создавшей теорию земного тяготения. Рядом математически доказанных положений об истинной форме поверхности Земли, ее отклонении от идеальной сферической формы наука служила интересам географии — теории изучения земной поверхности и практике составления географических карт, координаты которых определялись путем астрономических наблюдений. Астрономия являлась образцом, которому стремились подражать другие естественные науки. Владения основами астрономии и математического анализа требовал сам универсализм деятельности странствующего натуралиста, наряду с измерением частей и органов растений и животных, включавшим и определение географических координат.

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ

Одним из первых натуралистов, исследовавших географию и природу Сибири, был Даниэль Готлиб Мессершмидт. Его научный метод соответствовал духу времени, а одержимость природы позволила создать беспрецедентный для того времени свод знаний о природе Сибири, намного превосходивший изначально намеченную для него программу. Рукописные дневники, ценные и используемые последующими исследователями, служили для них надежными путеводителями в течение всего XVIII в. Точные наблюдения природных явлений со стороны Мессершмидта дали импульс научному направлению, в основе которого лежат целостное понимание устройства биосферы и характерный для отечественного естествознания экологический подход.

Краткую и яркую оценку естественно-научных достижений Д. Г. Мессершмидта дал историк науки П. П. Пекарский. Он писал: «Удивляться должно, что Мессершмидт почти один <...> исполнил все возложенное на него контрактом и притом с самою мелочною точностью: по большей части он сам набивал чучелы из попадавшихся ему птиц и потом сам же делал

рисунки с них. Растения собирал он отчасти сам или при помощи русских мальчиков, которые занимались у него очищением семян, доставаемых из высушенных им растений. Во всяком немного значительном месте, если показывалось солнце, Мессершмидт брал высоту полюса (для определения географической широты. — *Авт.*), пользуясь изданными в Штетине таблицами Лохмана. Везде наблюдал он погоду, чертил хорографические карты и с этой целью переезжал реки, имея всегда перед собой компас. Как велики были труды Мессершмидта, можно уже судить по одному образчику: его “*Mantissaornithologica*” в академической библиотеке состоит из восемнадцати томов»⁵.

Обращение к материалам берлинского издания «Дневников»⁶ и других документов Д. Г. Мессершмидта позволило обратить внимание на особенности его метода, в частности способов линейных измерений.

Д. Г. Мессершмидт указывал большие расстояния в русских единицах измерения — верстах, а также иногда, со слов местных жителей, в днях пути. В подавляющем большинстве случаев версты указывались старые, т. е. 1000-саженные. На маршруте от Мангазеи до Иркутска известны лишь две записи расстояний в новых верстах (т. е. 500-саженных). Расстояния Мессершмидт узнавал от своих подводчиков и местных жителей.

Приведем два примера. В записи от 25 октября 1723 г. сообщается, как, по их словам, ездили в Иркутск здешние крестьяне: «...вдоль Уды с юго-запада на запад шли до деревни Усть-Уда (1 день пути)⁷ и дальше до ее впадения в Ангару (10 старых верст). От устья Уды они шли обычным путем вдоль Ангары (2 дня пути до Иркутска)»⁸.

7 октября 1723 г., ночуя на устье р. Шалина, когда р. Лену уже сковывал лед и дальше двигаться на судне стало невозможно, и ночевать в ожидании транспорта тоже было нельзя, он записал: «...в лесу мы не могли долго оставаться, потому что у нас не было провианта, а до заимки Усть-Илга еще оставалось 5 старых верст»⁹. На самом деле расстояние здесь по реке составляет 10 км, то есть почти пять старых верст.

В наиболее важных местах Д. Г. Мессершмидт вычислял расстояния по прямой линии между местностями, используя одновременно и свои измерения географических широт, и полученные от местных жителей сведения. Вычитая из большей географической широты меньшую, он устанавливал

⁵ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб., 1862. Т. 1. С. 351.

⁶ В настоящей работе использованы записи первого, второго и четвертого томов берлинского издания дневников.

⁷ Ср. сведения Степана Крашенинникова о камчадалах: «Меры верстам не знают. Расстояния считают по ночам, сколько будучи в дороге ночевать должны» (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2000. Вып. 11 : Крепость — Льяной. С. 24).

⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1964. Тl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 160; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., публ. и ред. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2018. С. 178.*

⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 149; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 160.*

разницу в градусном измерении, а потом высчитывал эту разницу в линейных единицах измерения, получая таким образом число, говорящее об изгибах дороги или о боковых румбах реки. Координаты местности (по географической широте) он определял с помощью квадранта и таблиц склонения Солнца. Приведем запись подобных расчетов.

Запись от 19 декабря 1723 г., сделанная в Иркутске: «Первое определение местонахождения в Иркутске: $52^{\circ}18'$, однако замеры неточные, поскольку облачно <...>. Я поэтому сразу занялся *elevationem poli* и нашел... широту в Иркутске на потоке Ангары $52^{\circ}18'$. Так что разница в широте между Бирюлькой (название деревни. — *Авт.*) и Иркутском $1^{\circ}32'$, или 92 старых верст, или также 23 мили к экватору. Но потому, что <...> расстояние по дороге в этом направлении составляет по воздуху на юго-запад к югу <...> $27\frac{4}{6}$ миль, или 27 миль и 40 скрупулов, а далее по расчетам в старых верстах длина дороги определена в 128 старых верст, или в 32 мили к экватору, получается, что избыток дороги надо считать 4 мили 20 скрупулов, или $17\frac{1}{3}$ версты на изгибы дороги, и далее точно получится количество верст этой поездки от Бирюльки в Иркутск»¹⁰.

Из приведенного расчета Д. Г. Мессершмидта следует, что одна миля у него включает в себе четыре старые версты, так как «это 92 старых версты, или 23 мили». Записью от 22 декабря 1723 г. Мессершмидт вновь подтвердил, что в одной миле — четыре старые версты (эта запись из дневника в переводе на русский не опубликована)¹¹.

Запись от 13 марта 1722 г. свидетельствует о том, что Мессершмидт, говоря о милях, имел в виду немецкие мили, «15 которых равны одному градусу»¹². Немецкие мили он указывал и при определении расстояния во время путешествия в районе Абакана¹³.

Следовательно, одна старая верста в градусном измерении равна у него одной минуте ($1'$), и об этом он прямо указал в своем расчете пройденного пути по Ангаре при возвращении из Иркутска летом 1725 г.: «...каждая верста считается за 1 минуту градуса широты»¹⁴. Значит, одна немецкая миля по Мессершмидту содержится в четырех минутах в градусном измерении широты местности.

Е. А. Ким указывает, что немецкая миля в то время исчислялась по измерениям Виллиброрда Снеллиуса, выполненным в 1617 г., и составляла 7157,3 м. Именно этой меры длины придерживался знаменитый путешественник Николаас Витсен¹⁵. Но в немецкой миле Снеллиуса не четыре

¹⁰ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 185; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 214.

¹¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 187.

¹² *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / пер. с нем. Е. А. Ким ; науч. ред. Э. Л. Львова. Абакан, 2012. С. 49.*

¹³ Там же. С. 120.

¹⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1968. Тl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 187.*

¹⁵ *Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск...* С. 49.

старые русские версты (как полагал Д. Г. Мессершмидт), а только 3,35 (7157,3 м / 2133,6 м). Основываясь на иркутских записях Мессершмидта, можно предположить, что он использовал меру длины, отличающуюся от немецкой мили, установленной Снеллиусом.

Любопытно и то, что в иркутских записях Д. Г. Мессершмидт упоминает в качестве единицы измерения расстояния «скрупул». Этот термин известен как единица аптекарского веса (Мессершмидт применял ее при взвешивании тушек птиц), но, как ни странно, доктор указал в скрупулах доли мили. Возможно, применение термина «скрупул» в качестве единицы измерения расстояний являлось в практике измерения уникальным.

Пользовался Д. Г. Мессершмидт и такой редкой единицей измерения расстояний, как рута. 24 января 1722 г. он указывает размер холма у могилы — от 3 до 4 рейнских рутов¹⁶, а 13 марта 1722 г. записал, что в миле 1900 рейнских рут¹⁷.

Использовал Д. Г. Мессершмидт и довольно условную единицу измерения — локоть¹⁸, уже тогда архаичную, вытеснявшуюся аршином¹⁹. Самостоятельными единицами измерений географических объектов у Мессершмидта были также сажень и клафтер. Запись от 7 сентября 1723 г.: «Река [Нижняя Тунгуска] была достаточна глубокой и предположительно 60 сажень шириной, имела по обеим сторонам высокий берег, покрытый черным лесом, пихтами, лиственницами и небольшим количеством берез»²⁰. Запись от 3 октября 1723 г.: «Река [Лена] на 7–8 клафтеров от берега замерзла»²¹.

Аршин также употреблялся Д. Г. Мессершмидтом. Так, описывая 12 декабря 1723 г. размер слюды, добываемой на Витиме, он со слов местных жителей записал: «слюда величиной больше $\frac{3}{4}$ аршина не попадает»²².

Использовались Д. Г. Мессершмидтом и сравнительные единицы измерения, не имевшие четких размерных величин.

Это мушкетный выстрел (запись от 1 августа 1723 г.): «жила каменного угля толщиной почти 4 фута и длиной более 2 мушкетных выстрелов»²³;

¹⁶ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 32.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Известны несколько разновидностей локтя в странах Европы и в России. Применительно к концу XVII в. длина русского локтя считалась примерно равной 46 см (Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 22). Есть и другие величины — 62,2 см (12 вершков) (Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. М., 1993. Примеч. на с. 81). Древний римский локоть равен 44,4 см.

²⁰ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 131; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 125.

²¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 147; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 158. Клафтеры были разных размеров. Один из размеров равен старорусской маховой сажени — 1,778 м (2,5 аршина).

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Т. 1. С. 206; Линней К. Философия ботаники. М., 1989. С. 180.

²³ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 93; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 107.

пушечный выстрел (запись от 22 сентября 1722 г. на Енисее): «река здесь была шириной почти на два пушечных выстрела»²⁴; шаг (запись от 10 июля 1723 г. на Нижней Тунгуске): «...настолько сплошные лесные заросли, что на 4–5 шагов перед собой по прямой линии невозможно было ничего увидеть или пройти»²⁵.

Особо следует сказать о применении Д. Г. Мессершмидтом таких единиц измерения, как фут и дюйм. Фут и дюйм Мессершмидт применял в описании растений; он использовал некоторые другие меры (локоть, палец). Приведем пример из дневника.

29 июля 1723 г. Д. Г. Мессершмидт описал растение, названное им *Larathum* (*Rumex crispus* L. — щавель курчавый). Он пишет: «Из трав нашлись щавель, с очень длинными, заостренными, волнообразными листьями, красноватым стеблем, реповидным расщепленным корнем, снаружи темным, внутри желтоватым; крепким узловатым стеблем, довольно высоким, длиною в **два локтя**, голым, красноватым, прямым; ветки обычно плотно прилегают к стеблю, одинаково прямые и появляющиеся из пазух листьев; листья к узелкам стебля и веток крепятся с помощью длинной ножки, охватывающей узелок ствола, обычно длиной в **фут**, шириной в поперечнике почти в **дюйм**, заостренные с обеих сторон, по контуру зубчатые, извилистые, с обеих сторон зеленые, гладкие, но матовые; цветы собраны в мутовчатые колосья **длиной почти с палец**, они в большом количестве крепятся к узелкам стебля и веток, безлепестковые; чашечка шестилистная, пестик уходит в центр тычинок, в треугольное семя, словно скрытое в капсуле в трех более широких сегментах чашечки, семя темного цвета; три оставшиеся более узких сегмента, как правило, остаются в стороне; запах у растения травянистый»²⁶.

В некоторых случаях Д. Г. Мессершмидт для обозначения единиц англо-саксонской системы мер применяет условные знаки: значок ° обозначал дюйм ($\frac{1}{12}$ фута), значок ' — линию ($\frac{1}{12}$ дюйма), значок " — точку ($\frac{1}{6}$ линии). В дневнике есть указание на размеры соцветия некоего представителя семейства сложноцветных, называемого им «*Chrysanthemum*». «...цветков на стеблях всего по одному, довольно крупных, лучистых, золотистого цвета, <пахучих>, корзинка которых составляет **0°7'5"** в диаметре, состоит из пятилепестковых желтоватых пучков», — пишет ученый 20 июля 1723 г.²⁷

Эти же значки употреблены при анатомическом описании птиц. 18 октября 1723 г. Мессершмидт, препарируя экземпляры дубоноса, «...нашел кишечник **25°0'0"** длины, а именно от привратника до ануса, чем эти птички

²⁴ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 151.

²⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 54–55; Линней К. Философия ботаники. С. 180.

²⁶ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 106; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 91.

²⁷ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 98–99; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 71–72.

очень красиво гармонировали с дубоносом розовым, у которого от привратника до ануса кишечник составлял $44^{\circ}8'0''$, <...> находил у дубоноса обыкновенного такой же, только $17^{\circ}4'0''$ ...»²⁸; 22 октября 1723 г. при указании на размер самки ленка: «был длиной (величиной) от кончика носа до кончика хвоста $18^{\circ}5'0''$ ...»²⁹.

Такие же значки использованы Д. Г. Мессершмидтом при анатомическом описании бактрийского верблюда, которое в 1747 г. опубликовал Иоганн Амман³⁰. Описание выполнено на латыни, значительные его фрагменты опубликованы на русском языке в переводе Б. А. Старостина в книге В. Е. Соколова и Я. А. Парнеса³¹.

При сравнении фрагментов текста описания Д. Г. Мессершмидта (по Амману) и перевода (по Б. А. Старостину) выяснилось следующее: в описании Мессершмидта³² размер ширины верхней губы верблюда указан как « 1° . pollic. 2'. lin. 5."», а у Б. А. Старостина этот размер при переводе записан иначе — «1 дюйм 2,5 линии»³³. То есть в переводе последняя цифра составляет десятичную долю линии.

О том, что эти условные значки обозначают соответственно дюйм и линию, свидетельствуют и другие документы Д. Г. Мессершмидта³⁴.

Во время пребывания в Иркутске ученый 16 января и 5–7 февраля 1723 г. занимался осмотром, организацией зарисовок местными иконописцами, измерением и взвешиванием доставленных ранее с низовьев Индигирки ископаемых костей скелета мамонта (части черепа, зубов, бивней, бедренной кости)³⁵. Д. Г. Мессершмидт отправил материалы в Медицинскую канцелярию, а еще раньше из Тобольска, где он впервые увидел кости мамонта, отправил в Данциг своему другу и покровителю И. Ф. Брейне два зуба. В 1728 г. доктор Брейне выступил с докладом о мамонте в Данцигском научном обществе. После окончания экспедиции Мессершмидт приехал в Данциг и передал в 1730 г. И. Ф. Брейне копии рисунков, сделанных в Иркутске. Доктор Брейне в 1735 г. направил в Лондонское королевское научное общество письмо, доклад, сделанный им в 1728 г., и рисунки костей

²⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 157; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 174.

²⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 159; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 176.

³⁰ *Amman J. Descriptio Cameli Bactriani binis in dorso tuberibus, e scriptis D. G. Messerschmidii collecta // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae.* 1747. T. 10. P. 326–368.

³¹ *Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии.* С. 64–69.

³² *Amman J. Descriptio Cameli Bactriani...* P. 328.

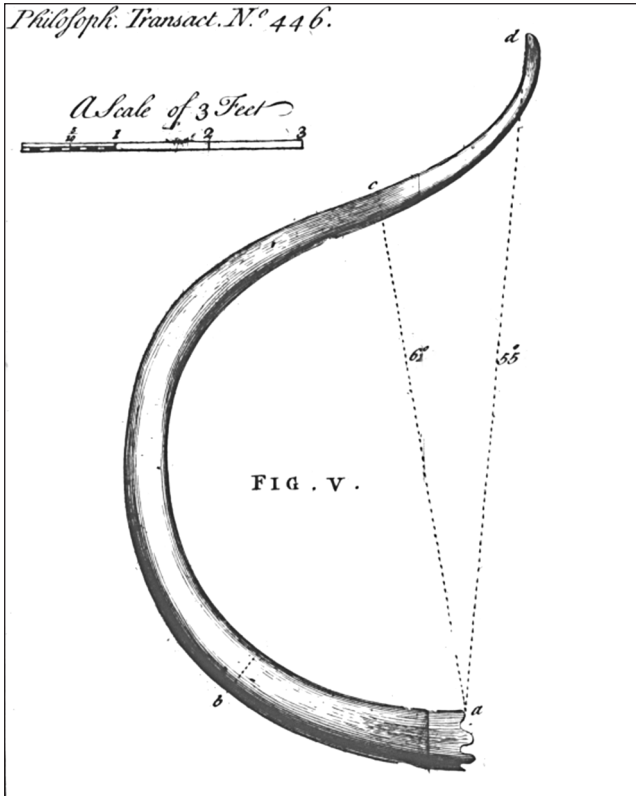
³³ *Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии.* С. 65.

³⁴ В «Справочном пособии по систематике высших растений» приводятся два варианта применения значков: «Для обозначения футов, дюймов и линий применялись (соответственно) значки ° ' " или ' " "» (Федоров А. А., Курпичников М. Э. Справочное пособие по систематике высших растений. М.; Л., 1954. Вып. 1: Сокращения, условные обозначения, географические названия. С. 45).

³⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Tl. 2. S. 195, 202–203.

мамонта. В 1737 г. материалы, полученные от И. Ф. Брейне, опубликовал журнал «Philosophical Transactions»³⁶.

Ко всем рисункам даны пояснения. А на рисунке бивня указаны расстояния от начала дугообразного бивня (места присоединения к черепу) до противоположного его конца — 55° ³⁷ и от начала бивня до противоположной наиболее удаленной точки дуги, образованной в результате искривления бивня — 61° . И эти расстояния в дюймах: «The subtended Arch from one Extremity to the other, 55 Inches. The fame subtended Arch *ac.* but bigger, 61 Inches»³⁸.

Бивень мамонта

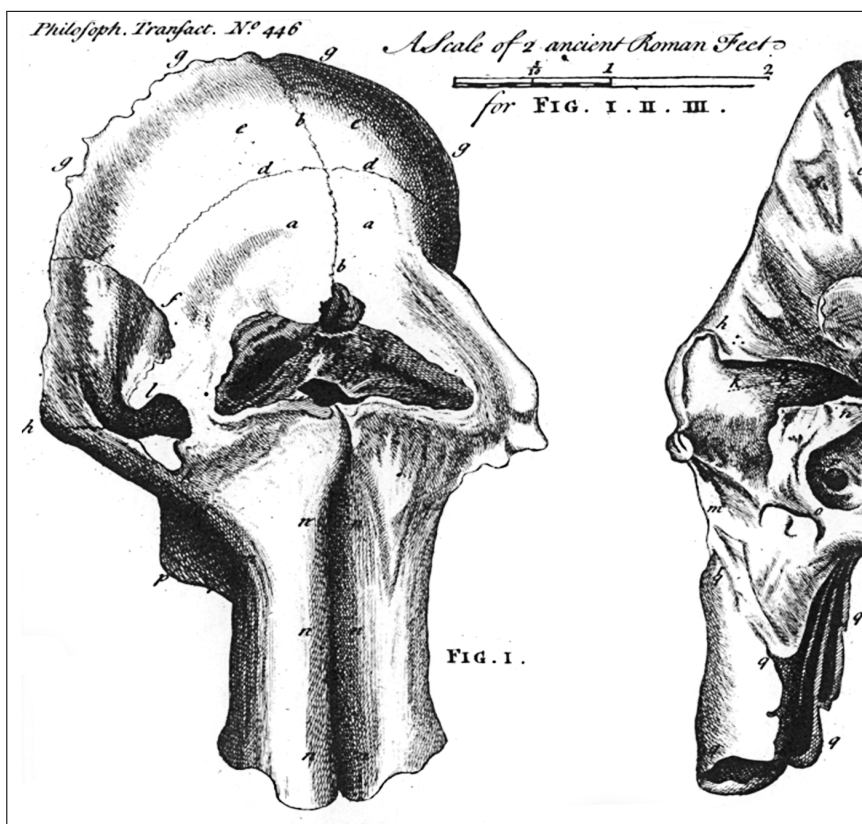
³⁶ Breyne J. Ph. A letter from John Phil. Breyne, M. D. F. R. S. to Sir Hans Sloane, Bart. Pref. R. S. with observations, and a Description of some Mammoth's bones dug up in Siberia, proving them to have belonged to Elephants // Philosophical Transactions. 1741. No. 446. P. 124–137, pl. 1–3.

³⁷ Плоскостное изображение не передает истинную сложную конфигурацию бивня, у которого в точке *c* начинается изгиб в сторону тела животного, в результате чего острый конец бивня (точка *d*) расположен ближе к черепу мамонта (к точке *a*), что и подтверждается расстояниями.

³⁸ Breyne J. Ph. A letter... to Sir Hans Sloane... P. 135.

Кроме того, на рисунке каждой кости показана масштабная линейка и дано пояснение, например для черепа: «A scale of 2 ancient Roman feet» — «Масштаб в 2 старых римских фута».

Череп мамонта

В римских футах указан масштаб и для остальных рисунков.

В описании бивня указан его размер: «Its Length, or the exterior Circumference of its back part, was 136 Inches, 5 Lines» — «Его длина, или длина контура его задней части, была 136 дюймов, 5 линий»³⁹. И здесь названы не латинские мелкие единицы длины, а англо-саксонские. В современных метрических единицах получается, что длина бивня, осмотренного Д. Г. Мессершмидтом, составляла 346,5 см, и это очень крупный экземпляр⁴⁰.

³⁹ Breyne J. Ph. A letter... to Sir Hans Sloane... P. 135.

⁴⁰ Интересно, что для иллюстрации значения слова «линия» как меры длины, составляющей $\frac{1}{12}$ дюйма, в «Словаре русского языка XVIII века» приводится цитата из романа шотландского поэта Д. Беркли «Аргеніды», описывающая экзотическое животное: «Глаза хамелеона большие и имеют больше пяти линий в диаметре» (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2000. Вып. 11 : Крепость — Льяной. С. 182).

И. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер, С. П. Крашенинников

Великая Северная экспедиция стала самой крупной экспедицией в Сибири по времени (продолжалась 10 лет), по численности отрядов (семь морских и два сухопутных) и вовлеченных в нее людей (несколько тысяч, только непосредственно научной деятельностью занималось более 500 человек), по пространству изученной территории и по масштабам задач, поставленных и разрешенных ею. В статье рассмотрены лишь некоторые материалы учасников академического отряда экспедиции.

Эти ученые, так же как и их предшественник Д. Г. Мессершмидт, при описании природных объектов использовали различные меры длины.

В этом отношении характерно описание в дневнике И. Г. Гмелина соляного источника на Усть-Кутском соляном заводе и выварочной сковороды (цырена).

«На южной стороне Куты имеются два соляных источника, отдаленные друг от друга на ружейный выстрел. Нижний имеет в диаметре полторы сажени, и в нем так много воды, что он похож на маленькое озерце, и озерцом его и называют. Другой не шире аршина. <...> Над большим источником устроен ящик, вроде колодезного сруба, из которого вытаскивают воду, и через желоб она идет в хижину, находящуюся на расстоянии в 10 сажень, и течет прямо в выварочную сковороду. О градуировании и градуирнях в этих местах ничего не знают. Выварочная сковорода имеет в квадрате примерно **7 локтей** и в глубину **7 вершков** и выкована из железа»⁴¹.

Приведем еще один случай использования редко употребляемой меры «вершок», причем в данном примере говорится о мере объема⁴².

28–29 мая 1736 г. И. Г. Гмелин спускался вниз по Лене и находился у деревни Шамановой в Орлинской волости Илимского воеводства. Здесь в начале 1730-х гг. были предприняты горные работы для поиска меди. Гмелин узнал, что работы прекращены в 1734 г., так как руда очень бедная. Он писал: «Жила шла с востока на запад, не уходила вглубь и была шириной не более двух кубических вершков»⁴³.

В своих териологических сочинениях Иоганн Гмелин использовал футы и дюймы. Так он описывает степную козу: «Высота животного в положении стоя от верушки головы до земли составляет **3 фута и 1 дюйм**»⁴⁴. Наряду с широко распространенными мерами ученый использует и некоторые другие, редкие меры. Такова **оргюйя** (*греч.*) — мера длины, равная размаху рук, примерно 1,85 м. Гмелин оценивает прыжок земляного зайца в **половину оргюйи**⁴⁵.

⁴¹ Цит. по: *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 168.

⁴² Вершок = 4,445 см = $\frac{1}{16}$ часть аршина.

⁴³ Цит. по: Д. Г. Мессершмидт и И. Г. Гмелин в Верхнем Приленье. Дневники и материалы. Иркутск, 2014. С. 37.

⁴⁴ *Соколов В. Е., Парнес Я. А.* У истоков отечественной териологии. С. 86.

⁴⁵ Там же. С. 89.

Футы, дюймы и сажени использует Г. В. Стеллер, но изредка применяет не самые распространенные единицы измерения. Например, описывая изменчивость видов растений в зависимости от условий произрастания, он использует и старинную английскую меру длины — эль⁴⁶: «...в Азии они столь разнятся, что часто можно принять одно и то же растение за различные виды, если заметить их общие черты: это растение у подножия имеет примерно два эля в высоту, а на вершине — едва ли полфута»⁴⁷.

С. П. Крашенинников в своих описаниях также применяет футы, сажени, аршины: «...ключи бьют во многих местах как фонтаны, по большей части с великим шумом, в высоту на один и на полтора фута. <...> в нем (в ключе. — Авт.) находится окно глубиною сажени на две <...> иные (жерла ключей. — Авт.) и около полуаршина в диаметре»⁴⁸.

Интересно, что принципы описания объектов животного и растительного мира весьма существенно различаются. Если измерения органов животных многочисленны (порядка 20–30 значений)⁴⁹ и в целом следуют некой общепринятой схеме, то описания растений бедны точными указаниями размеров. В них обычно указываются высота растения, толщина и длина подземных органов, реже меристические признаки, такие как число лепестков или чашелистиков. Часто используются не числовые величины, а сравнения, иногда довольно изысканные.

Как пример можно привести описание С. П. Крашенинниковым растения (в примечании оно названо им *Tradescantia* — современное название *Trillium camtschatcense* Ker-Gawl, триллиум камчатский): «...корень у нее горький и вязкий, толщиною в палец, а длиною почти в два дюйма, снаружи черной, а внутри белой. Стеблей от одного корени до пяти случается, но более по два и по три. Вышиною они в четверть⁵⁰, а толщиною как перо гусиное. <...> По созревании <...> пестик с грецкой орех»⁵¹.

Среди записей дневника Д. Г. Мессершмидта, сделанных на Нижней Тунгуске в самое удобное для наблюдений и сборов растений время, в период с 24 июня по 15 сентября 1723 г., перечислено более 200 названий видов — либо краткие записи (только названия), либо небольшие тексты описаний растений. Числовые значения, как правило, относятся к величине всего растения, реже его частей. Меристические признаки (количество и размеры частей органов: сложных листьев, членов околоцветника, тычинок, семян в плодах и т. д.) тоже довольно обычны.

⁴⁶ Эль — мера длины; расстояние от вытянутого среднего пальца до верхней точки плеча; в Англии равна 45 дюймам, или 114 см; в Шотландии — 37 дюймам, или 94 см.

⁴⁷ Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / пер. с англ. Е. Л. Станюкович. М., 1995. С. 48.

⁴⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 180.

⁴⁹ Для крупных животных значительно больше. Так, в анатомическом описании бактрийского верблюда у Д. Г. Мессершмидта (по Амману) присутствует до 350 числовых значений.

⁵⁰ Четверть = 4 вершка = 17,78 см (Черепнин Л. В. Русская метрология. С. 59).

⁵¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 203–204.

28 августа Д. Г. Мессершмидт делает запись с пространным описанием кустарника («*Spiraea sorbi*» — современное название *Sorbaria sorbifolia* (L.) A. Вг. — рябинник рябинолистный): «...спиреи рябиновидные с мелкозубчатыми листьями, белыми цветами в пирамидально-метельчатом соцветии, не описанные у Турнефора; куст редко достигает человеческого роста и еще реже превосходит, с тонкими стволами, толщиной почти в палец, гибкими; кора тонкая, темная, гладкая, деревянистое вещество белое, твердое, нутро опорного ствола пористое, красноватое или рыжее; ствол не узловатый, попеременно расходится на отдельные ветви; листья к побегам соединяются ушковидными прилистниками, расположенными попарно, напротив друг друга, напоминая рябину, продолговатые, с обеих сторон заостренные, по краям зазубренные листья, гладкие, насыщенного зеленого цвета, внизу более бледные, мелкие жилки расположены косо к основной жилке, параллельны друг другу, внешне сходные с листьями рябины; цветки на вершине стебля и побегов, расположены на коротких ножках в большом количестве, собраны в кисти, мелкие, белого цвета, напоминают шиповник, пятилепестковые, короткие тычинки в большом количестве находятся в рубчике цветка; пестик уходит в головку, состоящую из четырех рожек и более короткую, чем у спиреи иволистной, и мелкие семена высыпаются в большом количестве. После отпадания лепестков пестик находится в пяти сегментной чашечке, окруженный наклонившимися тычинками, словно ореолом. Распространена в сырых лесах»⁵².

Растение этого же семейства под названием лабазник камчатский (*Filipendula camtschatica*) открыто на Камчатке Г. В. Стеллером и С. П. Крашенинниковым. Вот описание этого растения, приведенное Крашенинниковым (в примечании указано латинское название *Filipendula*): «...ствольев от одного корня бывает по два и по три, вышиною в человека, а толщиной у корени в большой палец <...> каждой цветок величиною в серебряную копейку»⁵³. Как мы видим, числовые значения в описании отсутствуют, но, так же как и у Д. Г. Мессершмидта, есть значения размерности.

Позже П. С. Паллас обнаружил свое описание с названием *Spiraea camtschatica* во «Flora Rossica», где сослался на латинское описание И. Г. Гмелина, данное им в «Flora Sibirica...»: «*Spiraea foliis multifidis, angulatis, fructibus rectis, hispidis, petiolis, adpendiculatis. Vaginae quinque. Calycis foliola quatuor*». Здесь обозначено только число частей, «*Vaginae quinque*» — здесь следует понимать как «плодики в числе 5»; «*Calycis foliola quatuor*» — «число чашелистиков — 4»⁵⁴. Обратим внимание, что значение размерности в данном описании также отсутствует и обозначено лишь число частей.

П. С. Паллас, автор действительного обнаружения названия камчатской таволги (*Spiraea camtschatica* Pall., или донник камчатский (1784);

⁵² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. S. 123; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 117.

⁵³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. С. 202.

⁵⁴ Gmelin J. G. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae. Petropoli, 1749. Т. III. P. 192.

современное название — *Filipendula camtschatica* (Pall.) Maxim.), описывает ее следующим образом: «Растет оно обыкновенно на местах мокрых, по тальникам и около рек и ручьев, подымаясь в **вышину** иногда **футов** на десять. <...> Листы корневые весьма пространные, так что нередко попадают на целый фут шириною и на восемь дюймов длиною, разделенные на пять лопастей»⁵⁵.

Эти морфологические первоописания можно сравнить с современным диагнозом лабазника камчатского (*Filipendula camtschatica*), приведенным во «Флоре СССР» в середине XX в.: «Высокое до 3 м выс. растение с мощным корневищем, развивающим 2–3 стебля в нижней части около 2,5 см толщиной; корневые листья очень крупные, нередко свыше 30 см шириной, 20 см длиной, 3–5-лопастные»⁵⁶.

Итак, в научных экспедициях XVIII в. по Сибири натуралисты, описывая биологические объекты, пользовались в основном англо-саксонской номенклатурой мер длины (фут, дюйм, линия, точка, эль), но также германской (немецкая миля, клафтер, рейнская рута) и русской (верста, аршин, сажень, локоть). Несмотря на синонимичность терминов, фактическая величина мер длины оставалась весьма вариабельной и произвольной. Традиционные народные способы сравнительных измерений (палец, шаг, рост человека, мушкетный выстрел, пушечный выстрел) также применялись весьма широко и эффективно. Изредка использовались античные римские единицы (*pes* и *pollex*). Описательный метод сравнительной морфологии животных значительно отличался качеством и количеством измерений от морфологических описаний растений, традиционно менее последовательных и систематичных.

Отношение к точности измерения в ботанике в первой половине XVIII в. ясно сформулировал Карл Линней в своем афоризме «*Magnitudo species non distinguit*» — «Величина не разграничивает виды»⁵⁷, а потому усилия натуралистов устремлялись к образной характеристике качественных признаков. Метафора определяла неповторимое литературное своеобразие описательного стиля естественно-научных сочинений.

⁵⁵ *Pallas P. S. Flora Rossica: seu Stirpium imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones* (1784). P. 42 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k97364k/f53.item> (дата обращения: 17.12.2020).

⁵⁶ *Юзепчук С. В. Флора СССР*. М.; Л., 1941. Т. 10. С. 279.

⁵⁷ *Линней К. Философия ботаники*. Гл. VIII: Отличия (*Differentiae*). § 260.

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ
КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК,
КАРТОГРАФ, ХУДОЖНИК, ИСТОРИК,
ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ

*Л. Д. Бондарь
Санкт-Петербург*

РАБОЧИЕ ЗАРИСОВКИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена публикации и анализу нескольких графических изображений, сделанных рукой Д. Г. Мессершмидта во время его научного путешествия по Сибири. Рассматриваются два вида иллюстративных документов: рисунки и три рабочих картографических чертежа. В статье приведен результат анализа художественного почерка автора рисунков, помещенных в дневниках, осуществленный при консультативной помощи петербургского художника В. А. Близнцова, с целью доказать принадлежность рисунков одной руке. Картографические чертежи являются иллюстрациями к отдельным участкам экспедиционного маршрута за период с декабря 1723 г. по март 1724 г. В двух случаях чертежи сопровождаются черновыми рабочими пометками; их прочтение и транскрибирование позволили соотнести эти пометки с текстом экспедиционного дневника и познакомиться с методикой ведения путевых записей.

Ключевые слова: рисунки Д. Г. Мессершмидта, картографические чертежи, сибирская топонимика, дневник Д. Г. Мессершмидта.

*L. D. Bondar
St. Petersburg*

SKETCHES OF D. G. MESSERSCHMIDT AS A HISTORICAL SOURCE

The article is devoted to the publication and analysis of several graphic images made by D. G. Messerschmidt during his scientific trip to Siberia. Two types of illustrative documents are considered: drawings and three working cartographic sketches. The article presents the result of the analysis of the artistic handwriting of the author of the drawings placed in the diaries. The analysis is carried out with the consultative assistance of the St. Petersburg artist V. A. Bliznetsov. The purpose of this analysis was to prove the belonging of the drawings to the same hand. Cartographic drawings are illustrations for separate sections of the expedition route for the period from December 1723 to March 1724. In two cases, the drawings are accompanied by draft working notes; their reading and transcription made it possible to correlate these notes with the text of the expedition diary and to acquaint, thus, with the Messerschmidt's method of keeping travel records.

Key words: D. G. Messerschmidt's drawings, cartographic drawings, Siberian toponymy, D. G. Messerschmidt's diary.

Одной из составных частей многообразной исследовательской деятельности Даниэля Готлиба Мессершмидта в ходе его научного путешествия в Сибирь была визуальная фиксация предметов исследований и топографических объектов маршрута. В состав научных экспедиций, снаряжаемых впоследствии при участии Петербургской АН, обязательным порядком включались специально подготовленные профессиональные рисовальщики и картографы¹. Д. Г. Мессершмидт, хотя и получил на короткое время двух помощников, ставших известными благодаря участию в его сибирской экспедиции, большую часть своего путешествия вынужден был выполнять функции рисовальщика сам.

Два спутника Д. Г. Мессершмидта стали не только помощниками, но в определенном смысле и его учителями. Первый из них, пленный шведский капитан, получивший мировую известность благодаря публикации книги по материалам сибирской экспедиции (1730), Филипп Иоганн Табберт (фон Страленберг) (*Philipp Johann Tabbert (von Strahlenberg)*; 1676–1747) сыграл особенно важную роль, принимая самое деятельное участие в экспедиционных исследованиях, их письменной фиксации, а также в выполнении картографических работ. Именно от него Д. Г. Мессершмидт мог узнать значение картографической фиксации и познакомиться с ее основами; сложно предположить, что ему приходилось сталкиваться с картографическими задачами до своего прибытия в Сибирь. Второй спутник — уроженец Нарвы Карл Густав Шульман (*Karl Gustav Schulmann*; 1702–1765) — во время поездки с Д. Г. Мессершмидтом выполнял функции рисовальщика, и его рисунки могли стать первоначальными образцами для немецкого доктора. Возможность заимствования технических приемов Д. Г. Мессершмидтом у К. Г. Шульмана уже была отмечена исследователем археологического наследия первой сибирской экспедиции Д. Г. Савиновым².

Хорошо известны, но опубликованы в весьма незначительном объеме, рисунки Д. Г. Мессершмидта, помещенные в его дневнике³. Объем рисунков значителен, а их тематика свидетельствует о том, что немецкий ученый старался зафиксировать самый разнообразный материал своих исследований: археологический, остеологический, этнографический, зоологический, ботанический и картографический. Но рабочие наброски и зарисовки оставались неизвестны широкому кругу исследователей, они хранятся вместе с разрозненными лингвистическими записями Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁴.

¹ Бондарь Л. Д. Экспедиция А. Я. Купфера. 1828 г. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. Изд. 2-е, испр. СПб., 2018. Кн. 2. С. 1063–1080. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 9).

² Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6). С. 121.

³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5.

⁴ Там же. Д. 39. Характеристику этого архивного дела см.: Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «Мегаера Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба

Часть изобразительного материала из этого архивного дела представляют собой рисунки. Из них лишь один имеет в целом завершённый вид: изображение татарки, встретившейся Д. Г. Мессершмидту и его спутникам в первый день пути (1 марта 1721 г.) в татарской деревне и поразившей немецкого ученого своей свирепостью. Об этой местной жительнице был помещен пассаж в дневнике⁵, а сама она была зарисована Д. Г. Мессершмидтом, получив эпитет «*Megaera Tattarica*»⁶.

Другие четыре рисунка, описанные в статье Л. Д. Бондарь, А. В. Зорина и И. В. Тункиной⁷, носят эскизный или тренировочный характер, но и они важны для нас тем, что позволяют идентифицировать руку Д. Г. Мессершмидта. Их размещение на листах, содержащих авторский текст, является решающим доказательством авторства Д. Г. Мессершмидта, а потому дают нам представление о художественном почерке ученого и, соответственно, облегчают установление авторства ряда рисунков, сохранившихся в других бумагах. Графический почерк, представленный в этих набросках, хорошо узнается в рисунках, размещенных в дневниках Д. Г. Мессершмидта, — в первых двух и последних двух его частях.

Несколько иначе выглядит серия рисунков, имеющих в третьей части дневника. Среди записей, относящихся к июлю 1723 г., находим шесть ботанических рисунков, манера исполнения которых становится более уверенной⁸. В рисунках начиная с декабря 1723 г. вновь легко узнается прежний, «ищущий»⁹ почерк Д. Г. Мессершмидта.

Для разрешения сомнений в том, не принадлежат ли эти рисунки другой, профессиональной руке, авторы обратились для экспертной оценки к ведущему петербургскому художнику в области китайской живописи (гохуа) Виталию Алексеевичу Близнецову. В. А. Близнецов привел твердые аргументы в пользу того, что и эти изображения принадлежат непрофессиональной руке, показав на примере двух рисунков (л. 167, 186) те ошибки, которые не мог сделать художник, имевший профессиональную подготовку, но которых не замечал любитель. В целом, по мнению В. А. Близнецова, рисунки отличаются конструктивным подходом к изображению деталей растения, характерным для восприятия инженера. Художник, имеющий специальную подготовку, видит более детально, в отличие от нашего автора, воспринимающего объект упрощенно и обращающего внимание

Мессершмидта // *Collegae, amico, magistro* : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 153–155.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–4об.

⁶ Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «*Megaera Tattarica*»... С. 158–162.

⁷ Изображение двух из них (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 74, 74об.) опубликовано в указанной статье.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 165–186.

⁹ Д. Г. Савинов охарактеризовал его рисунки как легкие, «как будто первоначально «неуверенные». Цит. по: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 121.

только на поверхностные вещи. Художник как специалист по искусству считает характерные особенности, он знает законы пропорций и перспективы, воспринимает объем, анализирует объект и видит результат.

Передача отдельных элементов растения выдает отсутствие у их автора специальной художественной подготовки, автор делает целый ряд ошибок, которых никогда не сделает «насмотренный» профессиональный художник и специалист, знакомый с художественной культурой, у которого глаз приучен к восприятию объекта. Профессиональный художник иначе передаст целый ряд элементов, воспринимая растение как живой организм и понимая его анатомию. Так, на примере растения на л. 186 (рис. 1)¹⁰ можно отметить элементы, передаваемые профессиональным художником принципиально иначе. Стебель и места стыков его сочленений (3, 4) у профессионального художника не будут прямыми — стебли всегда изгибаются и имеют утолщение в стыках. На листьях (лепестках?) в розетке (2) по-разному прорисованы жилки: на одном их три, на других — одна, четыре вообще отсутствуют; на профессиональных рисунках анатомия листа всегда обозначена определенным образом. Отходящий вправо лист (5) плоский. Тычинки (1) изображены одинаково, схематично, что не свойственно живому растению и что не останется незамеченным для профессионального глаза. Аналогичные особенности присущи изображению растения на л. 167 (рис. 2). Вновь листья растения изображены плоско, и, хотя один из листьев (1) изогнут, он остается симметричным, чего не бывает в природе. Жилки на листьях в природе расходятся систематично, на что обращают внимание профессиональные художники и чего нет на рисунке (1, 2); кроме того, искажена форма жилок — по сути жилки являются ребрами жесткости и идут в природе иначе. Нижний лист (5) развернут плоско, тогда как должен быть развернут в трех плоскостях — автор не чувствует трехплоскостное построение. В местах крепления листа и чашелистиков к стеблю в природе бывает уплотнение, чего нет на нашем рисунке (3, 4, 6)¹¹.

Для наглядности можно сравнить передачу анатомии стебля, листьев, мест крепления листьев и цветков у академических художников той

¹⁰ На этом и следующем рисунке цифровые обозначения проставлены автором статьи.

¹¹ Художник видит и другие ошибки: так, отходящей вправо веточке на рис. 1 должно быть задано притяжение — под собственной тяжестью она должна склониться; листья в природе не могут смотреть строго вверх или строго вниз и быть расправленными в плоскости. Эти детали можно упустить, делая скидку на то, что рисунки могли выполняться не с растущего растения, а с сорванного и если не гербаризованного, то, по крайней мере, расправленного на плоской поверхности. Вместе с тем петербургский ботаник А. В. Гребенюк утверждает, что ряд деталей изображенных растений можно было передать только с натуры, с живого растения, а не с гербарного образца; одновременно, по опыту работы с многочисленными ботаническими рисунками XVIII в., А. В. Гребенюк также отмечает отсутствие профессионального «чувства объема изображаемого объекта и перспективы».

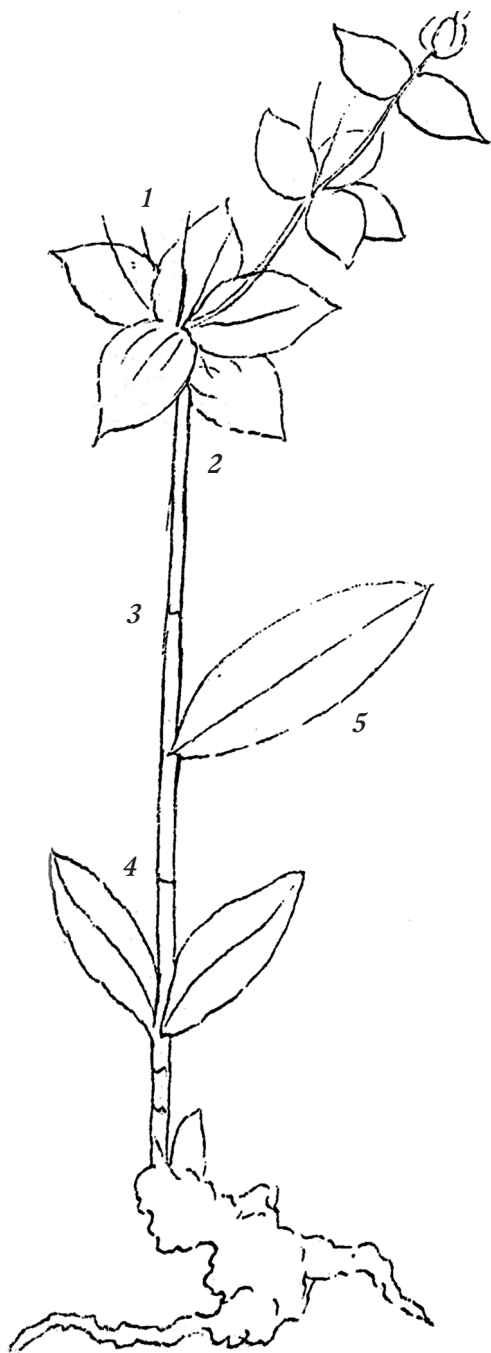

Рис. 1. Рисунок из дневника
Д. Г. Мессершмидта. 1723 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 186

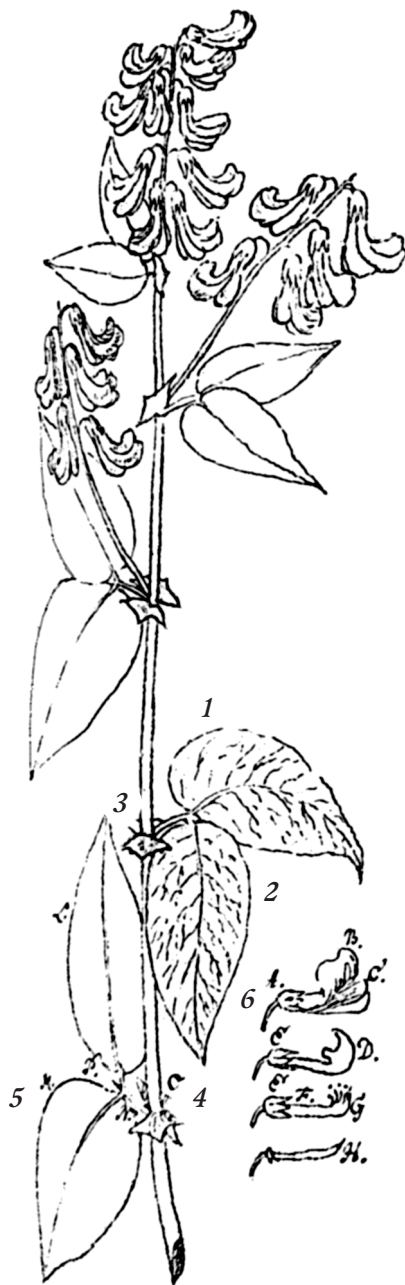

Рис. 2. Рисунок из дневника
Д. Г. Мессершмидта. 1723 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 167

эпохи — рисовальщиков Второй Камчатской экспедиции Иоганна Христиана Беркхана (*Johann Christian Berckhan*; 1709–1751) и Иоганна Корнелиуса Деккера (*Johann Cornelius Decker*) (рис. 3).

Таким образом, мы получаем дополнительное свидетельство того, что для выполнения обширного круга своих обязанностей Д. Г. Мессершмидт не прибегал к помощи специалистов, будучи вынужденным в полевых условиях осваивать методику научного исследования в различных областях, а также заниматься другими видами околонучной деятельности, каковой является, в частности, визуальная фиксация изучаемых объектов. Непрофессиональное исполнение тех или иных рисунков ни в коей мере не умаляет их научного значения, которое с исторической точки зрения сложно переоценить.

Другой категорией графических документов, собранных в том же архивном деле и выполненных рукой Д. Г. Мессершмидта, являются небольшие картографические чертежи, напоминающие аналогичные зарисовки в дневниках. Таких чертежей пять.

Первый выполнен на листе с черновыми заметками (рис. 4)¹², на документе имеется дата — 14 декабря. Сопоставление его с текстом дневника не оставляет сомнений в том, что перед нами рабочие записи, сделанные в декабре 1723 г., когда Д. Г. Мессершмидт поднимался по Лене, а далее спустился вдоль Куды к Иркутску.

Черновой текст прочитал и транскрибировал профессор Вернер Лефельдт:

Byrulka rivulum coupirt. Léna 1 W[örst] coupirt. Ostrow ½ W[örst] Léna coupirt; (Jénda rivulum coupirt (1 Wörst von seinem ostio in die Léna), 2 Wörst vom Léna :) Mála-Banzerka deréwna rh.¹³ 7 Wörst von Byrulka; 7 [?] <...>¹⁴ Melniza 4 W[örst] Mála Bánzerka fl[uvius] coupirt. Bleibt¹⁵ zur lincken.

Von¹⁶ Byrulka zur Melniza 11 Wörst; biß Bolscha Bánzerka 30 N. W¹⁷ (oder 15 W[örst]) [andere reichen]¹⁸ 16 Wörst vom Melniza biß Bolscha Manzurka. Zur¹⁹ <?>²⁰ Jurta 10 Wörst; zu Jegórowa Simobhia 10 Wörst.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 45 об.

¹³ Встречающиеся в документе аббревиатуры «rh» и «lh», очевидно, соответствуют «zur rechten Hand», «zur linken Hand» («по правую руку», «по левую руку»).

¹⁴ На этом месте расплывшиеся чернила.

¹⁵ В документе — со строчной буквы.

¹⁶ В документе — со строчной буквы.

¹⁷ Очевидно, это сокращения для «новой версты» 500-саженной, которая была вдвое меньше 1000-саженной старой версты. Буква «W» — это сокращение употребляемого Д. Г. Мессершмидтом слова *Wörst*, буква «N» может быть сокращением как для русского транскрибированного *новый*, так и для немецкого *neu* или латинского *novus*.

¹⁸ Неразборчиво, нет уверенности в правильности прочтения.

¹⁹ В документе — со строчной буквы.

²⁰ Краткая запись (аббревиатура?) пришлась на перечеркивающую черту.

Zur²¹ Júrta 6 Wörst; Berosowa Krepta, vel Jaughschinak Simowia 14 Wörst; Ússerdah óstium et Simobhia ad Kudam fluvium 25 Wörst²². Kuda coupirt mehrmal; gehen aufm rechten Ufer. Ojock-Slaboda 20 Wörst²³.

Irkutskoj Poworot, oder Bivium von Melnitza 8 Wörst. (Júrta. 8 Wörst Omochon – vel Scharaminówschina²⁴; Kirmah Scherama fl[uvius] 4 W[örst]; Jegorowa Simobhia 12 Wörst.²⁵ Leétna dorógha) Von Bolscha Manzurka biß Uss-Serda Simóbhia; nichts als B[u]ratten; aber harter schöner Weg²⁶.

Umb 2 Uhr²⁷ von Byrulka abgereißt; abends umb 5³/₄ Uhr²⁸ Mánzurka²⁹.

Chadarán, Choirus, Hélburuhún Sighi, Albellus Jonstoni. Tzurochai Lucius. Dsibbön, Trutta; (Tolóh, Taymen) Alaganná Perca major; Killemáh Sturio; Ossétr Hukéintschi, Walóck, in Léna fluvio solo; Jjylóng, Jelzi; Ulan-nydúng³⁰ Soróghí i. e. erythrophthalmus; Dsó dai, Caráss; Chung lac; Aracký Vinum sublimatum; Zinginnór tintinnabulum³¹; <...>

Umb 3³/₄ Uhr von Jegorowa.

Umb 6¹/₂ Uhr in Jurten.

Umb 9 Uhr von Jurten weiter.

Umb 3 Uhr frühe in Jaughschina.

Umb 11 Uhr auß Jaugschina umb 2 Uhr Jurten.

Umb 6¹/₂ Uhr abgefahren, alles Süd West zu Süd.

It³² Süd West zu West; trübe, gelinden Wind.

Umb³³ 10¹/₂ Uhr Uss-Serda.

Umb 3 Uhr von Uss Artæh; um 8¹/₄ in Ojock. Kuda Strohm³⁴ 2 mahl coupirt. lh.

Koltza kamen. rh. Kuda lh. Kuda 2 mahl coupirt.

²¹ В документе — со строчной буквы.

²² Далее вычеркнуто: «; *bejde coupirt*».

²³ Далее в строчке, очевидно, автор хотел продолжить текст, но перенес на новую строку, осталось одиночное заглавное «I».

²⁴ *Omochon – vel Scharaminówschina* — вставка над строкой.

²⁵ Далее в оригинальном документе — новая строка.

²⁶ В документе — со строчной буквы.

²⁷ В документе — со строчной буквы.

²⁸ В документе — со строчной буквы.

²⁹ В этой части документа, справа, записан подсчет верст. Какие именно расстояния считал Д. Г. Мессершмидт, сказать трудно. Очевидна первая сумма в 44 версты, складывающаяся из трех слагаемых: 12, 20 и 12 верст. Соседний столбик цифр читается не вполне четко, в одном месте расплылись чернила, некоторые цифры видны не вполне отчетливо; два слагаемых читаются хорошо (3³/₄ W. и 6), сумма составляет 14³/₄ [верст]. Рядом указаны, как кажется, расстояния до двух объектов — 3¹/₂ версты — S<...>, 3(13?)¹/₂ версты — Лена.

³⁰ Изначально *Ulan-nydúng* написано слитно, затем разделено вертикальной чертой с дефисом.

³¹ Далее следуют дата «14 дес.» и в небольшом объеме подсчеты, а также градусные измерения.

³² В документе — со строчной буквы.

³³ В документе — со строчной буквы.

³⁴ В документе — со строчной буквы.

При сравнении текста черновых заметок с путевым дневником Д. Г. Мессершмидта становится очевидным, что в первом абзаце черновика перечислены населенные пункты, которые Д. Г. Мессершмидт миновал 12 декабря 1723 г. Дневниковые записи за это число содержат информацию о маршруте и названия топографических объектов, встретившиеся на маршруте этого дня. В тот день в 2 часа пополудни путешественники вышли из *Byrúlka-Slaboda*³⁵ (в шапке на странице дневника — *Bjyrúlka-Sláboda*) и миновали следующие пункты: *Byrulka-Klutsch*, *Léna-protócka*, на протоке — *Ostrów*, далее — *Jénda rivus*, *Mánzurka* (или *Banshurka fluvium* и, наконец, *Málla-Bánshurka* (в записи следующего дня — *Mala-Bánzurka*) *deréwna*, ставшая финальным населенным пунктом этого дня³⁶. Упомянутая в этом месте черновика *Melniza* является точкой топографической привязки, которую путешественник достиг позднее. В перечисленных топонимах узнаются современные названия географических объектов: Бирюлька (река и село), Лена (река), Манзурка (река и село) и ее бурятское название — Баянжурга.

Второй абзац содержит упоминание пунктов, встретившихся на пути путешественников на следующий день — 13 декабря 1723 г. К тому же дню пути относится начало третьего абзаца. Согласно дневнику в этот день в 11 часов утра путешественник вышел из *Mala-Bánzurka deréwna* (далее в записи этого дня как *Mala Bánzerka*) и миновал следующие объекты: *Mánzurka Strohm*, *Melnitza* (мельница в четырех верстах от деревни на р. Манзурка), *Irkutskoj Poworót* (или *Bivium*), *Bólscha-Manzurka deréwna*, и, наконец, около 5 часов вечера достигли *Scharaminówschina*, или *Omochón-Jurta*³⁷. Четвертый абзац чернового документа подводит итог двух дней пути: около 2 часов вышли из Бирюльки и примерно без четверти шесть вечера другого дня (дневник, как указано выше, называет время «около 5 часов») прибыли в Манзурку.

Упомянутые во второй половине третьего абзаца чернового документа и служащие точками топографической привязки объекты *Kirma Scherama fl[uvius]* и *Jegorowa Simobhia* лежали на пути экспедиции на следующий день — 14 декабря. В конце этого абзаца упоминается зимовье, которого путешественник, согласно дальнейшим записям этого же документа, достиг уже 15 декабря — *Uss-Serda Simóbhia*.

Пятый абзац черновика — это запись некоторых бурятских слов, которые мы встречаем в дневнике за 12 и 13 декабря³⁸. Из перечисленных

³⁵ С целью передачи информации о лингвистических особенностях изучаемых текстов топонимы по всей статье сохранены в том написании, в котором они имеются в цитируемом документе.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 287–287 об.

³⁷ Там же. Л. 287 об. – 288.

³⁸ Там же. Л. 287 об., 288 об. – 289.

в черновом документе слов в дневниковой записи за 12 декабря как бурято-татарские (*Buratti-Tatt[ares]*) значатся названия двух рыб³⁹: 1) *Chadaránn* (*Chadarán*) и русский эквивалент этого слова — *Chárius* (*Choirius*); 2) *Helburuhún* (*Hélburuhún*) и русский эквивалент *Zighi* (*Sighi*), т. е. сиг (в качестве латинского эквивалента и в дневнике, и в черновике — *Albellus Jonstoni*).

Далее в черновике через точку — слова, имеющиеся среди обширного словника в дневниковой записи от 13 декабря: 1) *Tschurochay* (*Tzurochai*) с латинским эквивалентом, представленным и в дневнике, — *Lucius* (т. е. щука; в дневнике указано также немецкое *Hecht*); 2) *Dshebbön* (*Dsibbön*) — *Trutta* (лат.), в дневнике также немецкий эквивалент *Forell[e]*⁴⁰ (форель); 3) *Tolóh* (одинаково в черновике и дневнике) с русским эквивалентом *Taymén* (одинаково в черновике и дневнике), в качестве латинского эквивалента в дневнике указано *Salmo albus*; 4) *Alagannáh* (*Alaganná*) с латинским эквивалентом *Perca major* в черновике и *Perca major fluviatilis* — в дневнике и немецким *Barß*⁴¹ (окунь) — в дневнике; 5) *Killemáh* (одинаково в черновике и дневнике) с латинским *Sturio* в обоих документах, русским *Ossétr* — в черновике и немецким *Stöhr*⁴² (осетр) — в дневнике; 6) *Hukéintschy* (*Hukéintschi*) с русским эквивалентом *Walóck* (одинаково в черновике и дневнике) (т. е. валёк), в качестве латинского эквивалента только в дневнике дано *Oxyrinchus* (осетр), в черновике есть пометка — «*in Léna fluvio solo*» [только в реке Лена]; 7) *Jýlóng* (одинаково в черновике и дневнике) с русским *Jelzi* (елец) как в черновике, так и в дневнике; 8) *Ulan-nydúng* (одинаково в черновике и дневнике) с русским эквивалентом *Soróggghi* (*Soróghi*) (сорога, плотва) и латинским *Erythrophthalmus* в обоих документах, в дневнике — также немецкий эквивалент *Plötzen* и *Röttle* [?]; 9) *Dsodáy* (*Dsó dai*), в дневнике указано искаженное латинское *Carasinus* (вместо *Carassius*) и немецкое *Karauß*⁴³, в черновике — очевидно, русское *Caráss* (карась); 10) *Chung* (одинаково в дневнике и черновике) с латинским эквивалентом *Lac* (молоко) в обоих документах, в дневнике указано также немецкое *Milch*; 11) *Aracký* (одинаково в дневнике и черновике) с латинским эквивалентом *Vinum sublimatum* в обоих документах, в дневнике — также немецкий эквивалент *Brandtwein* (в данном случае, очевидно, водка); 12) *Zinginnór* (одинаково в дневнике и черновике) с латинским эквивалентом: *tintinnabulum* — в черновике и *campanula* — в дневнике

³⁹ Слово передается в том виде, как оно дано в дневнике, в скобках — вариант написания в черновике.

⁴⁰ В дневнике ему предшествует слово, читающееся как *Treüsche*, что напоминает одно из немецких названий налима — *Trüsche*.

⁴¹ Современное нормативное написание *Barsch*.

⁴² Современное нормативное написание *Stör*.

⁴³ Современное нормативное написание *Karausehe*.

(оба слова имеют значение «колокольчик»), в дневнике также немецкий эквивалент — *ein Tischklöcklein*⁴⁴. Имеющиеся в черновике слова вписаны в дневник 13 декабря в конце большого перечня бурятских слов (последнее слово стоит в начале перечня).

В целом черновые записи, относящиеся к 12 и 13 декабря, представляют собой фактически единый блок, не имеющий четкого разделения на два дня. Нельзя исключить, что записи, относящиеся к 12 декабря, были сделаны на следующий день или даже позднее, поскольку в этом блоке мы встречаем упоминание объектов следующих дней путешествия.

Под бурятским словником стоит дата — 14 декабря, а далее идет перечисление населенных пунктов с указанием времени их посещения. Сравнение с дневниковыми записями⁴⁵ позволяет понять, что указанные пункты встретились на пути экспедиции 14–16 декабря. Таким образом, в нашем распоряжении оказывается подробное указание на маршрут, хотя время прибытия в отдельные пункты в дневнике и черновой записи различается. Согласно дневнику 14 декабря Д. Г. Мессершмидт отправился из *Omachón-Bulgáhum* (или *Jurten*), дошел вскоре до речки (*Bächlein*) *Kirmáh-Scheramáh* (*Kirma Scherama*) и около 7:45 оказался в *Jegórowa-Simóbhia* (далее в дневниковой записи того же дня, как и в черновике, — *Jegorowa Simobhia*). Оттуда экспедиция вышла около 15:15 — согласно дневнику, или 15:45 — согласно черновику; около 18 часов (или в 18:30 — по сведениям черновика) путешественники прибыли в *Burattische-Bulgáhum oder Wintere Jurten* (бурятские зимние юрты). Около 20 часов, согласно дневнику (и 21 часа — согласно черновику), он покинул юрты и в 2 часа ночи, согласно дневнику (в 3 часа — согласно черновику), прибыл в *Jaughschináh-Simóbhia* (*Jaughschina, Jaugschina*), имеющей второе название в записи следующего дня — *Berósowah-Krépta*.

Там экспедиция оставалась до утра 15 декабря, а затем около 11 часов (время согласуется в обоих документах) отправилась дальше, и около 14 часов (это время указывают и черновик, и дневник) прибыли к следующим бурятским юртам, находящимся около речки (ручья) *ÿschyn* (в черновике не упоминается), в связи с чем ниже в дневнике эти юрты названы *ÿschin-Jurten*. Юрты путешественники покинули около 18 часов (или в 18:30 — согласно черновику) и около 22:30 (время согласуется в обоих документах) прибыли в населенный пункт, названный в дневнике *Uss-Ártæh Simóbhia*, причем в черновом документе отчетливо читается *Uss-Serda* (далее называется *Uss-Artæh*); эти юрты находились при впадении реки *Ártæh* в *Kúdah*.

⁴⁴ «Настольный колокольчик»; современное нормативное написание — *Tischglöcklein*.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 289–293.

На следующий день, 16 декабря, Д. Г. Мессершмидт с сопровождающими выехал с этого зимовья около 15 часов (в чем вновь согласуются оба документа), и около 17:15 (согласно дневниковой записи) они оказались возле горы (*Kamen* — в обоих документах), называвшейся по-бурятски *Kapzal* (в черновике — *Koltza*), и, дойдя около 20 часов до устья речки *Ojóck*, около 20:15, согласно обоим документам, прибыли в *Oyóck-Slabod[a]* (в черновике — *Ojóck*), дважды перейдя речку *Kuda*.

В левом нижнем углу черновой документ содержит картографический рисунок. Центральным объектом является р. *Kuda*⁴⁶. В нее с левой стороны впадает безымянная речка (*ÿschyn?*), чуть далее — впадает р. *Artæh*; между устьями этих двух рек — *Uss-Artæh* (*Армая*) (название читается плохо). С правой стороны в *Artæh* впадает р. *Jaugschina*, на правом берегу которой находится одноименное зимовье. На левом берегу р. *Artæh* обозначено озеро *Kuleng nór* (в дневнике — *Kulong-Nor*). Вся эта местность изучена Д. Г. Мессершмидтом и последовательно описана в дневнике 15 декабря 1723 г. «Это зимовье, — пишет путешественник, — лежит на правом берегу речки *Jaughschinah* (*Яншина*), и впадает эта *Jaughschinah* через несколько верст в *Artæh*; *Artæh* же через 30 верст отсюда — в *Kuda*; в стороне, на юго-востоке, есть красивое озеро, называющееся *Kulong-Nor*, <...> и имеющее отток через *Istoock* в *Artæh*»⁴⁷. Все это изображено на чертеже.

Если мы обратимся к дневнику, то увидим, что в записи от 14 декабря оставлено чистое место, очевидно, предназначавшееся для рисунка. Возможно, был подготовлен еще какой-то рисунок; для картографического наброска, относящегося к 15 декабря, места в дневнике за это число не предусмотрено.

Обращают на себя внимание следующие особенности документа:

- черновые записи, относящиеся к 12 и 13 декабря (как и последующие записи с объектами 14–16 декабря), представляют собой фактически единый блок, не имеющий четкого разделения на два дня;
- в черновом документе как точки топографической привязки могут упоминаться объекты, до которых Д. Г. Мессершмидт доедет много позднее.

Какие-либо выводы для объяснения этого делать преждевременно. Очевидно только, что как дневники, так и другие записи Д. Г. Мессершмидта должны были им постоянно дорабатываться. Без сомнения, он вновь и вновь возвращался к дневникам. Это доказывает, в частности, дневниковая запись за 17 декабря 1723 г., где говорится, что в этот день Д. Г. Мессершмидт отдыхал в Оёке и приводил в порядок свой дневник: он вполне мог использовать записи чернового документа, часть из которых, возможно, была сделана по памяти.

О том, что предварительные записи подвергались доработке и уточнению, свидетельствуют различия в написании топонимов. В частности, в дневнике тщательно проставлена акцентуация.

⁴⁶ Топонимы даются в том написании, в каком они представлены на чертеже.

⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 290 об.

Черновой документ	Дневник
Byrulka	Byrulka-Slaboda Býrulka-Sláboda Byrulka-Klutsch
Léna	Léna-protócka
Ostrow	Ostrów
Jénda	Jénda rivus
Mála-Banzerka	Málla-Bánshurka deréwna Mala-Bánzurka Mala-Bánzurka deréwna Mala Bánzerka
Melniza Melnitza	Melniza
Bolscha Bánzerka Bolscha Manzúrka	Bólscha-Manzurka deréwna
Jurta	Omochón-Jurta
Janghschina Simowia Janghschina	Jaughschináh-Simóbhia Jaughschinah Jaugschina Berósowah-Krépta
Ússerdah Uss-Serda Simóbhia Ust-Serda	Uss-Serda Simóbhia
Kuda	Kuda Kúdah
Oyock-Slaboda Ojock	Oek-sloboda Oyóck-Slabod
Irkutskoý Poworót	Irkutskij povorot
Omochon vel Scharaminówschina	Omochón-Jurta Scharaminówschina
Kirmah Scherama	Kirmáh-Scheramáh Kirma Scherama
Eh [?] Koltza kamen	Kamen Kapzal
Kuleng nór	Kulong-Nor

Не менее интересно в этом отношении сравнить бурятский словник. Прежде всего, в дневнике он обширнее: в черновом документе в общей сложности 14 слов, в дневнике — более 60-ти. Бурятский словник из чернового документа в дневнике разбит на два дня; слова расположены в иной последовательности; в середину чернового словника в дневнике дополнительно вклинивается большая группа слов.

Различается и сама запись бурятского словника в черновом документе и дневнике.

Черновой документ				Дневник			
Бурятский	Латинский	Русский	Немецкий	Бурятский	Латинский	Русский	Немецкий
Chadarán		Choirius		Chadaránn		Chárius	
Héiburuhún		Zighi		Helburuhun		Sighi	
Tzurochai	Lucius			Tschurochay	Lucius		Hecht
Dsibbön	Trutta			Dshebbön	Trutta		Teusche, Forelle
Tolóh		Taymen		Tolóh	Salmo albus	Taymen	
Alaganná	Perca major			Alagannáh	Perca maior fluviatis		Bars
Killemáh	Sturio			Killemáh	Sturio		Stör
Hukeintschi		Walock, in Léna fluvio solo		Hukeintschy	Oxyrinchus	Walok	
Jýlóng, Jelzi							
Ulan-nydung	erythrophthalmus	Soróghi		Ulan-nydung	Erythrophthalmus	Soróghi	
Dsódai			Caráss	Dsodáy	Carasinus		Karaus
Chung	lac			Chung	lac		Milch
Araký	Vinum sublimatum			Araký	Vinum sublimatum		Branntwein

Изученные документы являются очередным свидетельством постоянной, практически ежедневной исследовательской работы, которую Д. Г. Мессершмидт проводил во время своего путешествия. Регулярными нерабочими днями для ученого были, как установил на основе дневников В. Лефельдт, только религиозные праздники.

К чуть более раннему времени принадлежит другой документ аналогичного характера (рис. 5)⁴⁸: на нем представлены текст с предварительными путевыми записями, перечеркнутый впоследствии, и картографический чертеж. Документ очень плохо сохранился, потемнел, рисунок просматривается с большим трудом, текст можно прочитать лишь фрагментарно. Между тем названия географических объектов на чертеже поддаются прочтению. Здесь изображен картографический набросок крупного плана с изображением побережья Байкала между верховьями Лены и истоком Ангары — местности, которую Д. Г. Мессершмидт исследовал в начале зимы 1723 г.

Нанесенные на чертеже географические объекты следующие: озеро Байкал (*Baykal*), р. Лена (*Lena*), Верхоленск (*Wercholensk ?*), левый приток Лены выше Верхоленска (название читается с большим трудом, но очень похоже на *Manzur[ka]*), р. Куда (*Kuda*), р. Ангара (не подписана), Иркутск (*Irkut*). Топонимы, которые удастся прочитать, а также плохо различимая дата в нижнем левом углу документа, которая все же определенно содержит однозначное число и название месяца — «декабрь», не оставляют сомнений, что данный документ представляет собой предварительные путевые записи, которые велись с начала нового этапа путешествия 2 декабря 1723 г. с выходом из Усть-Илги, о чем Д. Г. Мессершмидт сообщает в дневнике следующим образом: «Итак, я выехал в имени Господнем ровно в 9 часов до полудня <...> из Усть-Илги...»⁴⁹. Этот путь приведет Д. Г. Мессершмидта в Верхоленск, затем в Бирюлюку, упоминавшуюся выше, и далее в Иркутск. Последние упоминаемые в черновом документе объекты — *Ilgy und Kuda Werschina* (верхнее течение Илги и Куды; в дневнике — *Ýlga und Kuda Strohmnen Werschinen*) — в дневнике описаны 4 декабря 1723 г.⁵⁰ Сделан ли был картографический набросок в начале этого пути по имеющимся картам или после его завершения — сказать сложно, но, судя по дневниковым записям за 4 декабря, Д. Г. Мессершмидт хорошо представлял местность и свой дальнейший путь.

Еще один картографический чертеж изображает обширные по площади местности и, аналогично документу на рис. 5, напоминает некий грубый набросок для визуализированного восприятия географии местности забайкальских территорий, где Д. Г. Мессершмидт пребывал в начале 1724 г. Этот чертеж (рис. 6)⁵¹ выполнен карандашом и, в отличие от всех

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 171.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 276об.

⁵⁰ Там же. Л. 279.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 164об.

рассмотренных выше, ориентирован по сторонам света в соответствии с картографическими нормами. На нем изображено место впадения в озеро Байкал (*Baykál*) нескольких рек. Хорошо узнается, хоть и не подписана, Селенга, в первую очередь благодаря двум подписанным на чертеже ее притокам: Итанца (*Itanza*) и Уда (*Uda*). В качестве правого притока Итанцы изображена речка, подписанная как *Krasnarezka*; интерпретация этого названия требует дополнительного исследования. Севернее Селенги отмечены впадающая в Байкал р. Кика (*Kiky*) и ее правый приток — Хаим (*Chajim*). К северу от Кики нанесено озеро, подписанное как *Kotokill*; очевидно, речь идет о Котокельском озере. Следующим речным объектом к северу от озера стала р. Баргузин (*Werhosynn*) с двумя левыми притоками, один из которых обозначен как *Korunkanka*. Название ассоциируется с общим названием рек Курумканского района (Верхний Курумкан, Курумкан-Морян и др.), однако все они являются правыми притоками Баргузина. Другая речка, также изображенная в виде левого притока Баргузина, имеет название *Schamanka*. В том же Курумканском районе имеется приток Баргузина с названием Шаманка, однако и он является правым.

Многие из этих объектов упоминаются в дневниковых записях от 28–29 марта 1724 г.⁵² Здесь находим р. Баргузин — *Wargúsinn Strohm* (в то время как «Баргузинский острог» передан как *Wergusyn-Ostrog*); р. Хаим — *Chajin Strohm*, Котокельское озеро — *Kotokil Ozero*; р. Уду — *Uda Strohm*, а также Селенгу — *Selinja*.

Для двух оставшихся картографических рисунков⁵³ комментарии предложены в этом же сборнике в отдельной, совместной с Ю. И. Чивтаевым, статье «О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта».

Зарисовки и записи, сделанные Д. Г. Мессершмидтом в полевых экспедиционных условиях, являются не только иллюстративным источником сведений о маршруте его путешествия, но позволяют познакомиться с методикой ведения ученым рабочих путевых записей. Черновые записи путешественника оказываются важным источником лингвистических знаний. Изучение способа записи топонимической лексики дает информацию об орфоэпических нормах как русского языка начала XVIII в., так и языков сибирских народов.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 73–74 об.

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 87 об., 122.

*Ю. И. Чивтаев
Усть-Кут*

**ТОПОНИМЫ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ
В ДНЕВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА
КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Статья является первым опытом историко-географического исследования топонимов, записанных Д. Г. Мессершмидтом летом 1723 г. на Нижней Тунгуске. За период трехмесячного путешествия вверх по течению реки Д. Г. Мессершмидт зафиксировал в дневнике названия 168 географических объектов: 135 русских и 27 тунгусских топонимов, и шести топонимов, которые нельзя отнести ни к одной из этих групп. Большинство топонимов ландшафтные — названия рек, есть несколько десятков ойконимов — названия зимовий, деревень. Источниками информации для путешественника были проводники экспедиции и русское и тунгусское население региона. Зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом географические объекты Нижней Тунгуски, их координаты и названия для новой карты Сибири стали надежным материалом для географии того времени и оставались таковым на протяжении полутора веков.

Ключевые слова: дневник Д. Г. Мессершмидта, Нижняя Тунгуска, топонимы.

*Yu. I. Chivtaev
Ust-Kut*

**PLACE NAMES OF THE LOWER TUNGUSKA RIVER
IN THE D. G. MESSERSHMIDT'S DIARY
AS A SOURCE OF SCIENTIFIC INFORMATION**

The article is the first experience of historical and geographical research of toponyms recorded by D. G. Messerschmidt in the summer of 1723 in the Lower Tunguska. During a three-month trip upstream of the river, D. G. Messerschmidt recorded in his diary the names of 168 geographical objects: 135 Russian and 27 Tungus place names, and 6 toponyms that cannot be attributed to any of these groups. Most of the toponyms are landscape — the names of rivers, there are several dozen oikonyms — the names of winter quarters, villages. The channels of information for the traveler were the expedition guides and the Russian and Tungus population of the region. The geographical objects of the Lower Tunguska fixed by him, their coordinates and names for the new map of Siberia became reliable material for the geography of that time and remained so for a century and a half.

Key words: D. G. Messerschmidt's diary, Lower Tunguska, toponims.

Собранные в дневнике Д. Г. Мессершмидта сотни названий географических объектов «представляют немалый интерес для лиц, занимающихся топонимикой Сибири», — так М. Г. Новлянская оценила эту сторону деятельности первого сибиреведа¹. Путешествие Д. Г. Мессершмидта по Восточной Сибири от Красноярска через Енисейск до Мангазеи, потом вверх по Нижней Тунгуске с переходом на Лену и вверх по ней, затем по суше до Иркутска продолжалось шесть с половиной месяцев. Но в региональных исследованиях топонимы Д. Г. Мессершмидта не стали предметом изучения ни географов, ни филологов².

Предлагаемая статья — первый опыт историко-географического исследования топонимов, записанных Д. Г. Мессершмидтом летом 1723 г. на Нижней Тунгуске. Источниками исследования являются изданный в 1964 г. в Берлине второй том дневников³ и опубликованный в 2018 г. в Иркутске перевод отдельных глав этого тома⁴.

За почти трехмесячное путешествие вверх по Нижней Тунгуске Д. Г. Мессершмидт зафиксировал названия 168 географических объектов. По языковой принадлежности большую часть составляют русскоязычные топонимы, их 135; тунгусских топонимов 27; шесть топонимов нельзя отнести ни к одной из этих групп. По объектам называния большинство топонимов ландшафтные, их 134, и в этой группе больше половины (65) — названия рек, из которых русских названий 40, 19 тунгусских и 6 — неопределенной языковой принадлежности. Из русских речных топонимов 19 — антропотопонимы. В классе ойконимов (их 29) преобладают названия зимовий (19), из которых у 17-ти русские антропонимные названия. Кроме того, записаны русские названия одной деревни, четырех пашен, пяти заимок, четырех волоков.

Названия Д. Г. Мессершмидт узнавал от спутников — мангазейских служилых и подводчиков и встречавшихся по пути тунгусов и русских. Иногда он называет своих информаторов. Тунгусское название р. Нижняя Тунгуска *Chatanga* Д. Г. Мессершмидт узнал от проводника, мангазейского казачьего пятидесятника Василия Смирнова, название «*Архипово зимовье*» — от мангазейского подводчика Потапова, название заинтересовавшего его лесного массива в верхнем течении реки — «*Плоский бор*» — записал со слов местных русских жителей⁵.

¹ Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 177.

² Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1986; Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: Картина мира. Красноярск, 2005.

³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 79–136.*

⁴ *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / сост., публ. и ред. Ю. И. Чивтаев. Иркутск, 2018. С. 43–143, 149–162.*

⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 2. S. 92, 99, 129; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 61, 72, 126.*

Д. Г. Мессершмидт во время путешествия по Сибири пользовался картой Азии Н. Витсена «*Mapra Tatariae magnaе ruthenicae etc.*»⁶ и сверял с нею свои наблюдения. На Нижней Тунгуске он обнаружил, что на карте Н. Витсена указана р. *Turiga*, а тунгусы называют ее р. *Tugu*⁷. Необходима была новая карта. Достаточно сказать, что по карте бургомистра Амстердама, составленной по не всегда достоверным источникам, так как сам Н. Витсен никогда в Сибири не был, Нижняя Тунгуска начиналась якобы от слияния р. Непы и р. Болванихи⁸, но Д. Г. Мессершмидт убедился, что это не истоки Нижней Тунгуски, а ее притоки⁹.

Характер записей в дневнике и картографическая деятельность Д. Г. Мессершмидта говорят о том, что он готовил материал для будущей карты. Он записывал названия географических объектов и определял их широтные координаты. Им отмечены не только разнообразные географические объекты, имеющие названия, но и те, у которых названий еще не было. В таких случаях путешественник описывал объекты, их местоположение по отношению к другим, имеющим названия, что делало возможным отметить и эти объекты на новой карте. С той же целью ученый определял широтные координаты в некоторых точках на реке, указывая расположение этих мест по отношению к другим объектам, что также могло быть использовано при составлении карты¹⁰.

О намерении составить карту свидетельствуют два картографических наброска, выполненные не в дневнике, а на листах, сохранившихся в архивном деле. Первая публикация и описание этих рисунков на немецком языке состоялись в сборнике «*Aus Sibirien*»¹¹, в настоящем сборнике представлена русская версия описания с дополнениями¹². На одном из рисунков Д. Г. Мессершмидт показал *Юрлов порог*. Порог в этом месте действительно есть, но сейчас он называется *Ждановский порог*. Вместо прежнего это название стало употребляться уже во времена экспедиции 1873 г. геолога А. Л. Чекановского¹³. Это один из примеров трансформации топонимов ко второй половине XIX в.

⁶ *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 6). С. 14.

⁷ *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 92; *Мессершмидт Д. Г.* Дневники: от Мангазеи... С. 61.

⁸ *Vitsen H.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голл. В. Г. Трисман ; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева. Амстердам, 2010.

⁹ *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 129, 131; *Мессершмидт Д. Г.* Дневники: от Мангазеи... С. 126, 127.

¹⁰ Всего определены координаты 41 пункта.

¹¹ *Bondar L., Čivtajev Ju.* Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // *Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков.* Тюмень, 2020. С. 28.

¹² См. статью Л. Д. Бондарь и Ю. И. Чивтаева «О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта» в настоящем сборнике.

¹³ *Чекановский А. Л.* Дневник экспедиции Александра Лаврентьевича Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873–1875 годах // *Записки Императорского географического общества по общей географии.* 1896. Т. 20. С. 42.

Прошло время, но и через полтора столетия после экспедиции Д. Г. Мессершмидта Нижняя Тунгуска по-прежнему оставалась малоизвестным для географов краем. А. Ф. Миддендорф с уважением к первому исследователю Сибири констатировал, что координаты мест на Нижней Тунгуске «и ныне приходится означать так, как за полтораста лет они показаны Мессершмидтом», и перечислил 32 таких объекта с названиями, впервые введенными в научный оборот этим путешественником¹⁴.

В период подготовки к летней 1873 г. экспедиции на Нижнюю Тунгуску геолог А. Л. Чекановский выяснял, что известно об этой местности. Оказалось, что кроме глазомерной съемки верховьев Нижней Тунгуски на протяженности первых 400 верст, которая была проведена «в пятидесятых годах», ему предстоит пользоваться сведениями Д. Г. Мессершмидта «по сжатоному извлечению из его дневника»¹⁵. В ходе экспедиции астроном Ф. Ф. Миллер произвел вычисление координат в 60 пунктах, интересных для геологии. В 12 случаях это были пункты, в которых широтные координаты вычислял и Д. Г. Мессершмидт. Оказалось, что в трех случаях данные совпадают полностью, в восьми различаются на 1'–4', что вполне удовлетворительно для приборов и методов первой четверти XVIII в., и только в одном месте измерение Д. Г. Мессершмидта отличается на большую величину¹⁶.

Предполагая составить карту, Д. Г. Мессершмидт в некоторых случаях прямо в дневнике делал подробные описания отдельных участков реки и рисунки этих участков. Так, 28 и 29 июля, находясь на устье р. Илимпеи, он подробно описал ее дельту с тремя протоками, образующими острова, и сделал рисунок этого места¹⁷. 11 сентября в местности выше р. Болванихи (2534 км от устья¹⁸), у Панкрatina зимовья (О-49-07¹⁹), поток Нижней Тунгуски по «правую руку» (то есть левому берегу) «сделал протоку», которую русские называли Новая река. Экспедиция прошла по новому руслу реки, ставшему кратчайшим путем²⁰. Д. Г. Мессершмидт посчитал настолько важным этот факт, что нарисовал схему местности²¹. При историко-картографической идентификации топонимов выяснилось, что в том месте по правому берегу Нижней Тунгуски есть озеро с названием Старая река,

¹⁴ Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении : в 2 ч. СПб., 1860. Ч. 1. Отд. 1 : География и гидрография. С. 55.

¹⁵ Чекановский А. Л. Дневник экспедиции... С. 18.

¹⁶ Отчет о результатах астрономических и магнитных наблюдений. Табл. «Астрономические определения мест по р. Нижней Тунгуске» // Известия Имп. РГО. 1874. Т. X. Отд. 2. Географич. изв. № 1. 1-го янв. 1874 г. Отд. 2. Экспедиция на Нижнюю Тунгуску. С. 341/6.

¹⁷ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 104, 105, 106, 286. Taf. 4. Abb. 16; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 80, 91.

¹⁸ Здесь и далее расстояния указываются по данным Государственного водного реестра [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=государственный%20водный%20реестр&lr=20097> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁹ Здесь и далее указывается шифр (номенклатура) современной карты.

²⁰ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 131; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 127.

²¹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 286. Taf. 4. Abb. 15.

и очертания местности полностью соответствуют рисунку Д. Г. Мессершмидта. Конечно, это микротопоним, но педантичный и точный во всем Д. Г. Мессершмидт не мог оставить его без внимания, прозорливо объяснив происхождение его названия.

Приближаясь 12 июля к очередному притоку, путешественник записал: тунгусы «старательно выжгли леса, чтобы дикие северные олени, которые в летнее время охотно едят свежую траву, направлялись сюда из обширной дикой местности и в дальнейшем могли быть пойманы»²². На следующий день экспедиция подошла к притоку, название которого оказалось р. Горелая²³.

Тщательные записи Д. Г. Мессершмидта историко-географического характера дают возможность уточнить названия и расположение некоторых давно известных географических объектов. О существовании волока в верховьях Нижней Тунгуски на Лену было известно уже в 1620-х гг., в бумагах того времени его называли Чечуйский Тунгусский волок или чаще сокращенно Чечуйский волок. Д. Г. Мессершмидт приводит еще одно название — Васильев волок, по имени живущего под волоком пашенного крестьянина, заимка которого называлась Васильева Подволочная. Путешественник уточняет, что начинается волок не от заимки Василия, а в «четырёх-пяти верстах выше по течению». Был еще один путь на Лену, называвшийся Прокопов волок, до записи у Д. Г. Мессершмидта о нем сведений не имелось. Начинался этот путь от заимки Голых, находившейся выше заимки Васильева Подволочная. Д. Г. Мессершмидт тщательно записал все расстояния²⁴. Это позволило точно установить место, где находилась заимка Голых и начинался волок, о котором до Д. Г. Мессершмидта известно не было. Здесь до 1980-х гг. существовала деревня Верхнекарелино (О-48-24).

Д. Г. Мессершмидту не удалось составить собственную карту, так как по возвращении из путешествия из Сибири он не был допущен к обработке накопленных материалов. Но заслуга Д. Г. Мессершмидта очевидна: зафиксированные им географические объекты Нижней Тунгуски, определенные им координаты, записанные им названия этих пунктов стали новым, надежным материалом для географии того времени и оставались таковым еще на протяжении более полутора веков.

Перечисляя заимки и пашни русских крестьян Нижней Тунгуски, Д. Г. Мессершмидт называет первой по ходу своего движения, то есть самой нижней по течению Нижней Тунгуски, Осипову заимку. 27 августа Д. Г. Мессершмидт заночевал около нее, так как его подводчики «хотели запастись новой провизией»²⁵, какой именно — не сказано. Через пять дней, когда Д. Г. Мессершмидт поднялся до пашни Якова Фаркова и там

²² *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 90; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 59.

²³ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 91; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 60.

²⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 134–135; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 132.

²⁵ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 122; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 115.

остановился, говоря о земледелии владельца, он вспомнил об Осиповой заимке и назвал ее Осиповой пашней²⁶. Становится понятным, что провизией в этом случае мог быть хлеб. Значит, Д. Г. Мессершмидт приводит неизвестное ранее свидетельство существования на Нижней Тунгуске пашни, помимо тех, о которых имеются сведения из надежного источника по истории Енисейского края — ответов Мангазейской канцелярии, данных в 1738 г. на требования (вопросы) Г. Ф. Миллера²⁷. Там Осипова заимка не названа, хотя за 15 лет пашня могла выработаться и заимка временно опустела.

Координаты заимки Д. Г. Мессершмидт не указал, но из его записей следует, что заимка располагалась на правом берегу Нижней Тунгуски, ниже большого левого притока Нижней Тунгуски р. Тетей. Оська — уменьшительно-ласкательное значение имени Осип. Сейчас в этом месте деревня Оськино (Катангский район Иркутской области)²⁸. Историко-географический факт существования здесь одной из самых северных пашен Восточной Сибири начала XVIII в. установил Д. Г. Мессершмидт, зафиксировав соответствующий топоним.

Среди антропотопонимов есть несколько таких, в которых была запечатлена память о событиях, произошедших за сотню лет до посещения этих мест Д. Г. Мессершмидтом. 26 августа, накануне прибытия в Осипову заимку, путешественник прошел правый приток Нижней Тунгуски, р. Новатскую, через полтора часа — левый большой приток, р. Тетей, а к вечеру встретился с тунгусами и от них узнал, что р. Новатская у тунгусов называется р. Унгатка²⁹. Название р. Новатская — антропотопоним, производный от имени Самсона Навацкого, известного тем, что в 1628 г. он был послан из Тобольска во главе отряда для усмирения тунгусов, нападавших на промышленных людей, из-за чего Нижняя Тунгуска могла обезлюдеть. Добравшись до Нижней Тунгуски, от тунгусского аманата С. Навацкий узнал путь на р. Чону, впадающую в р. Вилюю, крупный приток Лены, и в зиму 1629/1630 г. отпустил туда часть своего отряда. С этого времени мангазейцы стали собирать ясак с тунгусов рек Вилюю и Лена и с якутов Лены. В низовьях Вилюя был поставлен первый острожек. Уже в 1628/1629 и 1630 гг. упоминаются промышленные люди, которые с Нижней Тунгуски перешли на Лenu и там промыслили. Самсон Навацкий вернулся в Мангазею в 1630 г.³⁰

А в августе 1629 г. «на усть Титеи реки» стоял «Самсон Навацкий с ратными людьми» и рассылал служилых вверх по Нижней Тунгуске за яском и аманатами. Об этом сказано в опубликованном С. В. Бахрушиным

²⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 125; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 120.

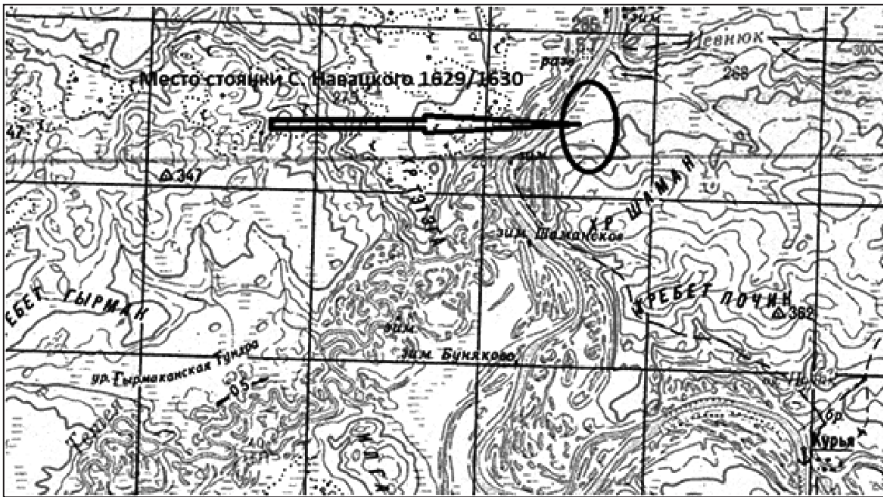
²⁷ *Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера по истории Сибири.* Новосибирск, 1990. С. 162–163.

²⁸ Вопросы времени возникновения топонимов, их идентификации и трансформации в данной статье затрагиваются лишь в необходимых для раскрытия темы случаях.

²⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тl. 2. S. 121–122; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 113–114.

³⁰ Якутия в XVII в. (Очерки) : сборник / под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953. С. 15–19.

документе из сыского дела о побеге тунгусского аманата Ежуля³¹. Поскольку Самсон Навацкий вернулся в Мангазею на следующий год, то вполне вероятно, что и зимовал он там же, «на усть Титеи реки». От р. Новатская, названной тунгусами р. Унгатка, чуть более 4 км вверх по Нижней Тунгуске до устья р. Тетеи. В документах XVII в. выражение «на усть» такой-то реки вовсе не обозначает место впадения одной реки в другую — это лишь общий ориентир. Например, в том же столетии в документах указано «на усть Куты у Соли» — подразумевается соляная варница, расположенная по р. Куте в трех верстах выше от места ее впадения в Лену. Незначительное отличие топонима по записи Д. Г. Мессершмидта от фамилии исторической личности, возможно, вызвано особенностями артикуляции информатора.

Место стоянки С. Навацкого в 1629/1630 г.

Сегодня нет названий р. Новатская и р. Унгатка. Современное название — р. Невнюк, верховья которой близко сходятся с верховьями левых притоков р. Чоны. Перевал здесь всего 50–60 км. Возможно, по этой реке вверх и шла тропа тунгусов на р. Чону, ставшая путем русских на Лену, а в память об открывателе этого пути русские назвали р. Унгатку именем Самсона Навацкого, ведь открытие пути в нетронутые соболиные места не было рядовым событием для всего населения Мангазейского уезда.

В дневнике А. Л. Чекановского по нижнетунгусской стороне перевала отмечен бор и дано его название — Немнюшный бор³². Значит, к середине XIX в. и русское название — р. Новатская, и старое тунгусское — р. Унгатка вышли из употребления.

³¹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М., 1955. [Т.] 3 : Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1 : Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. С. 68.

³² Чекановский А. Л. Дневник экспедиции... С. 47.

Это явление характерно для заметной части русских топонимов начала XVIII в., записанных Д. Г. Мессершмидтом. Можно привести еще пример антропотопонима, возникновение которого связано с периодом, когда, по выражению С. В. Бахрушина, из Мангазеи «промышленные люди ринулись толпами во вновь открытые земли»³³.

В ранее упоминавшемся деле о побеге аманата Ежеуля фигурируют несколько промышленных людей, на каюках которых поднимались вверх по Нижней Тунгуске служилые с аманатом. Одно из промышленников звали Дементий Карабельников (так, через «а», написана его фамилия), он с напарником поднялся до зимовья и там «сидели». В контексте документа «сидели» означает «остались жить». Д. Г. Мессершмидт записал топонимы Караблевское зимовье и р. Караблевка (1462 км) (Р-48-11-12)³⁴. Ко времени экспедиции А. Л. Чекановского название уже не употреблялось, приток назывался р. Люку³⁵.

В том же документе упоминаются зимовья Островское и Путилово. Д. Г. Мессершмидт зафиксировал антропотопонимы Островское щелье, Островская мель, Путилов порог³⁶, причем последовательность прохождения зимовий лодками промышленных людей точно совпадает с последовательностью прохождения этих пунктов Д. Г. Мессершмидтом.

Названные топонимы — редкая возможность определить хронологические рамки возникновения топонимов вообще, а ландшафтных тем более. В последних двух случаях их возникновение можно отнести к самому концу 1620-х — началу 1630-х гг.

В дневнике Д. Г. Мессершмидта названы еще два ойконима, которые непосредственно связаны с начальным периодом прихода русских на Нижнюю Тунгуску. Это зимовья, в немецкоязычном тексте название каждого из них — *Penjinah*. 7 августа Д. Г. Мессершмидт был у первого из них, нижнего по течению Нижней Тунгуски. В дневнике так и записано: *Penjinah zim. Nižnee. = perвое*³⁷. А 17 августа поднялся ко второму, верхнему зимовью. В дневнике записано: *Verchnee Penjinah zim*³⁸. Транскрибирование на кириллицу дает название зимовий: «Пеньино зим. Нижнее = первое» и «Верхнее Пеньино зим».

Так как названия Д. Г. Мессершмидт узнавал в основном от сопровождавших его мангазейских служивых, то запись, согласно которой зимовье, у которого он был 7 августа, — это «первое» из одинаковых по названию зимовий, свидетельствует о существовании и следующего зимовья с таким же

³³ Якутия в XVII в. С. 20.

³⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 108; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 93, 94.

³⁵ *Чекановский А. Л. Дневник экспедиции...* С. 72.

³⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 107; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 92–93.

³⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 111; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 98.

³⁸ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien...* Тл. 2. С. 116; *Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи...* С. 106.

названием, о чем предупредили сопровождающие. Ничего необычного в этом нет, т. к. служивые хорошо знали реку. Еще раньше путешественнику называли притоки, среди которых и первая Белая Попова, и вторая Белая Попова, и третья, и так до седьмой Белой Поповой.

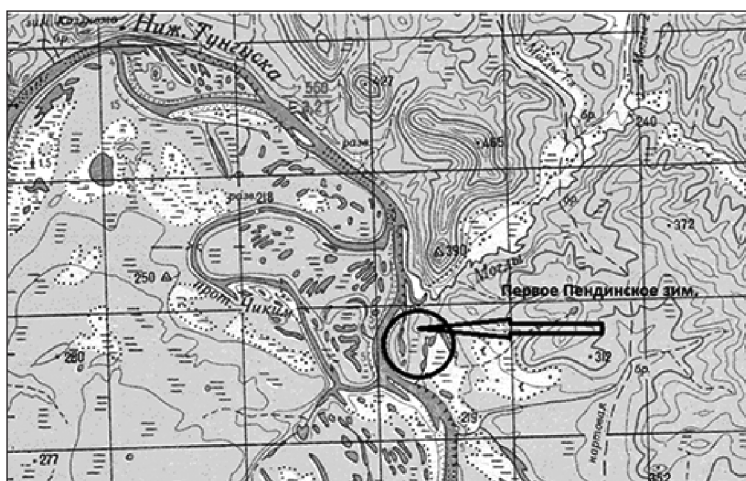
Оба эти «Пеньины» зимовья являются антропотопонимами, причем историческими топонимами. Хотя по внешней форме слово «Пеньино» схоже с возможной фамилией человека, к которой восходит антропотопоним, но на самом деле это измененный почти до неузнаваемости топоним, восходящий к фамилии или прозвищу человека, известного в истории освоения Восточной Сибири русскими как Пенда или Пянда. Его имя попало в предание мангазейских казаков, записанное в 1736 г. И. Г. Гмелиным и Г. Ф. Миллером в Якутске, а вернул его в 1949 г. в историю Сибири академик А. П. Окладников³⁹. Он пришел к выводу, что Пенда и его спутники — не вымышленные герои казачьего фольклора, а реальные люди, первыми, еще в 1620-х гг., побывавшие на Лене в землях якутов.

Суть предания в изложении И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера в следующем. Мангазеец Пенда и с ним 40 человек поднялись вверх по Нижней Тунгуске и потом перешли на Лену по Чечуйскому волоку, спустились вниз в земли якутов, после этого поднялись назад и через степи верхнеленских бурят вышли на Ангару, спустились в Енисейск, а оттуда вернулись в Мангазею. В пути по Нижней Тунгуске им мешали тунгусы, поэтому пришлось зимовать дважды: первую зиму «не далее чем область Нижней Кочёмы», а вторую зиму, не сумев из-за тунгусов дойти «до Средней Кочёмы», он был вынужден снова остановиться и построить хижину, в которой прожил зиму. «Она известна под именем Верхнего Пендина зимовья». В изложении Г. Ф. Миллера, которое приводит А. П. Окладников, уточняется, что первое зимовье «до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендинского зимовья», а свидетельством второй зимовки «служит построенное им в расстоянии всего ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки Средней Кочёмы, Верхне-Пендинское зимовье»⁴⁰. Каких верст — не сказано, но раз речь идет о походе в 1620-х гг., то тогда расстояние измеряли старыми 1000-саженными верстами.

Обратимся к ориентирам из дневника Д. Г. Мессершмидта. 7 августа он оказывается у нижнего Пеньиного зимовья, стоявшего на правом берегу Нижней Тунгуски, указывает широту (63°9′). Это северная излучина Нижней Тунгуски, и, если координаты верны, зимовье находится в восточном плече этой излучины, немного выше р. Могды (1568 км). В последующие восемь дней он в пути, 16 августа проходит р. Нижняя Кочёма (1846 км), на следующий день — у верхнего Пеньиного зимовья, определяет координаты (62°21′) и 18 августа проплывает устье Средней Кочёмы (1918 км от устья Нижней Тунгуски), определяет координаты 62°10′; они точны.

³⁹ Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец // *Летопись севера*. Л., 1949. Т. 1. С. 94–102.

⁴⁰ Окладников А. П. *Открытие Сибири*. М., 1981. С. 79–80.

Первое Пендинское зимовье (Нижнее)

Второе Пендинское зимовье (Верхнее)

Современное расстояние между первым и вторым зимовьями при вычислении по координатам Д. Г. Мессершмидта — 294 км, то есть не 100 старых верст, а 121 верста. Но разницей в 21 версту можно пренебречь, в XVII в., да еще по реке, расстояния измеряли в днях пути. Главное совпадает точно: первое зимовье действительно не далее Нижней Кочёмы, а второе расположено до р. Средней Кочёмы. Такое совпадение мест расположения зимовий по мангазейскому преданию и по записям ученого не может быть случайным.

Д. Г. Мессершмидт стал первым и единственным ученым, побывавшим у зимовий забытого землепроходца Пенды. Записи путешественника — первое и единственное документальное подтверждение самого факта существования зимовий Пенды, а значит, и похода этой ватаги, по крайней мере, вверх по Нижней Тунгуске. Историки до сих пор не упоминали имени Д. Г. Мессершмидта в связи с походом Пенды, что в очередной раз свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения его наследия.

Думается, слабое, очень поверхностное знание русского языка помешало ему узнать от сопровождающих служивых предание о Пенде.

Топонимы «Пеньины зимовья», очевидно, возникли в период начальной колонизации восточной части Мангазейского уезда, в 1620-х гг.

Русские названия притоков, зимовий и других объектов, отмеченные Д. Г. Мессершмидтом, расположены на всем протяжении Нижней Тунгуски. Причем в нижней части, на протяженности примерно 1300 км, преобладают названия, восходящие к фамилиям, именам, прозвищам, такие как р. Халтуриха, Буданиха, Жданиха, Антипиha, Ларивониha и пр., зимовья Ипатово, Архипово, Фарковское, острова Симоновский, Зыряновский, Сажин, Меженкин, другие объекты — Юрлов порог, Кокшарова щека, Путилов порог, Вапово щель, Попов бык (скала), Чулкова курья и пр.⁴¹ В верхней части Нижней Тунгуски русских названий рек меньше, чем тунгусских, и здесь зафиксировано шесть названий притоков с неясной языковой принадлежностью, но много русских названий зимовий, шивер, курьев, проток.

Постоянные селения отмечены в верхнем течении. Это заимка Осипова, пашня Якова Фаркова, Троицкая заимка, Монастырская пашня, Государева пашня, деревня Калинина, Данилова пашня, заимка Васильева Подволочная.

О времени возникновения топонимов Монастырская пашня, Троицкая заимка можно сказать определенно — 1660-е гг., так как известно, что земли под пашни от р. Мога до «Почечуйского волока» были предоставлены Туруханскому Свято-Троицкому монастырю в 1665 г.⁴²

Вероятно, большинство и других русских топонимов возникло в том же столетии. В. А. Александров установил, что «около середины XVII в. наметились оседание промышленников и превращение их в постоянное население»⁴³, они представляли собой более-менее постоянную группу населения, живущую в определенных местах, и те из них, кто ходил «на соболиные промыслы в Нижнюю Тунгуску, утверждали, что далее на восток, на Вилюй и Лену, они ходят лишь в случае неудачных промыслов...»⁴⁴. Подводя итог поименного сравнения жителей низовьев Енисея по материалам 1701–1702 гг. и переписной книге 1720 г., он установил, что «значительная часть местных жителей проживала в одних и тех же районах на

⁴¹ Шиверы, щелья, щеки, яры, камни, быки являются приречными береговыми склонными топонимами. Щелья — оба берега каменистые, как пологие, так и имеющие уклон, но не отвесные. В щельях русло реки обязательно сужается, образуется «щель», а ниже расширяется. Щеки — обрывистые, отвесные каменные берега, сужающие русло реки, как и щелья, в результате чего скорость течения значительно возрастает, поток воды «выдавливается» щеками. Камни — стоящие на кромке русла реки и (или) торчащие из воды в русле реки отдельные скальные образования. Быки — значительно большие, чем «камни», каменные образования, подходящие к самой воде, в которые поток воды упирается, «отбрасывается», резко меняет направление.

⁴² Федоров И. Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017. С. 28–29, 30.

⁴³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 65.

⁴⁴ Там же. С. 61.

протяжении десятилетий», и перечислил несколько десятков фамилий старожилов, находящихся в каждом из этих списков: Кокшаровы, Юрловы, Поповы⁴⁵ и др. К этим фамилиям восходят и топонимы Д. Г. Мессершмидта: Попова река, Попово зимовье, Кокшарова щека, Юрлов порог⁴⁶. Мангазейский служивый «Петр Юрлов с товарищи» еще в 1630 г. отпросился «для ясачного сбора на Лену с приказом “проведывати новых землиц”»⁴⁷, а путь их мог лежать только вверх по Нижней Тунгуске.

К этому же времени можно отнести возникновение названий — деревня Калинина и Данилова пашня, обе монастырские. В. А. Александров приводит сведения из сообщения служивых от 1668 г. о том, что «в прошлых годах» ниже Непского зимовья «на заливных лугах располагались три заимки Троицкого монастыря (одна из них ниже Чечуйского волока на три-четыре хозяйства, а другая, у устья р. Инейки, — на два-три хозяйства)»⁴⁸. Из записей Д. Г. Мессершмидта следует, что ниже Чечуйского волока и ниже р. Непы и расположенного там ясачного Непского зимовья на правом берегу была только Данилова пашня⁴⁹, а еще ниже справа в Нижнюю Тунгуску впадает р. Инейка, здесь названа деревня Калинина, а на противоположном левом берегу — Троицкая заимка⁵⁰.

Время возникновения названий Осипова заимка, заимка Якова Фаркова, Государева пашня может относиться к 1680-м или к началу 1700-х гг., так как, по сведениям В. А. Александрова, три пашенных крестьянина (не монастырских) были поселены в 1683 г. в местах расположения монастырских владений (он называет их «опустевшими мангазейскими деревнями»), «которые там проживали и в дальнейшем», а «в 1701 и 1702 гг. там же поселились в качестве пашенных крестьян четверо “охочих” людей»⁵¹.

Итак, в топонимах, записанных Д. Г. Мессершмидтом, отражен процесс начавшегося в 1620-х гг. промыслово-промышленного освоения восточной части Мангазейского уезда и постепенного заселения этой территории русскими промышленниками и крестьянами, начавшегося со второй половины 1660-х гг.

Промысел в одних и тех же местах, сбор ясака в одних и тех же ясачных зимовьях, приуроченных, как правило, к устьям рек, «оседание» в зимовьях, становившихся, по существу, местами постоянного жительства, образование крестьянских заимок — все это не могло не привести к возникновению русских названий разнообразных географических объектов природы и материальной культуры, созданных этими людьми. Названия образовывали

⁴⁵ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. ... С. 75.

⁴⁶ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 86, 116, 126; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 53, 106, 121.

⁴⁷ Якутия в XVII в. С. 19.

⁴⁸ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. ... С. 65.

⁴⁹ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 129; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 125.

⁵⁰ Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 2. S. 127; Мессершмидт Д. Г. Дневники: от Мангазеи... С. 122.

⁵¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. ... С. 67–68.

умозрительную карту и обрисовывали границы закрепленных за промышленником «угожий», «грани» земельных наделов, рыбных ловлей.

Тогда появление в пустынных местах промышленников, промысловиков, торговцев, купеческих приказчиков, начало промысла, строительство зимовья, любое значимое событие, связанное с этими людьми (прохождение (или непрохождение) порога, удачная рыбная ловля или нечто замеченное ими — особой формы скала, опасный на реке камень, сложный фарватер и т. п.), становились достаточным основанием для называния объекта. Человек, от имени которого возникал топоним, мог переселиться, умереть, а названия объектов ландшафта оставались. С появлением земледельцев появились новые объекты — пашни, заимки, деревни — и соответствующие им названия.

Историко-картографический анализ топонимов Д. Г. Мессершмидта, проведенный по старинным⁵² и современным географическим картам⁵³, показывает значительную трансформацию во времени почти всех из 82 топонимов, которые удалось идентифицировать и отождествить с современными названиями. Из 56 русских топонимов изменились 48, в т. ч. 30 из них стали эвенкийскими; из 20 тунгусских топонимов изменились 11, но все остались эвенкийской языковой принадлежности. Из шести топонимов с неясной языковой принадлежностью изменились три, ни один из которых не стал топонимом русской или эвенкийской языковой принадлежности.

Трансформация русских топонимов в эвенкийские и трансформация части эвенкийских топонимов, возможно, свидетельствуют о возвращении к первоначальным народным тунгусским (эвенкийским) названиям. Исследование эвенкийских топонимов требует участия специалистов в области исторического тунгусоведения.

Зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом в первой четверти XVIII в. топонимы Нижней Тунгуски являются ценным источником научной информации для разных отраслей знания. Их исследование позволяет уточнить историческую географию, историю и этнографию севера Красноярского края и Иркутской области.

⁵² Генеральная карта Российской империи 1745 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://new.runivers.ru/maps/russatlas/34/> (дата обращения: 18.11.2020); Генеральная карта Российской империи 1776 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1776/ (дата обращения: 18.11.2020); Генеральная карта Тобольской губернии 1798 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-tumen_tobolskaya-gub-1798/ (дата обращения: 18.11.2020); Карта Енисейской губернии 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=5778> (дата обращения: 18.11.2020); Карта Туруханского края с районами кочевания инородцев. 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-krasnoyarsk_turuhanskiy-kraj-1925 (дата обращения: 18.11.2020); Карта Сибирского края 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1929-sibkray/ (дата обращения: 18.11.2020).

⁵³ Исследуемая территория бассейна Нижней Тунгуски попадает на 34 листа карт масштаба 1 : 200000. См. Карты Генштаба — архив топографических карт [Электронный ресурс]. URL: <https://satmaps.info/genshtab.php> (дата обращения: 18.11.2020).

*Л. Д. Бондарь
Санкт-Петербург*

*Ю. И. Чивтаев
Усть-Кут*

О ДВУХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ РИСУНКАХ Д. Г. МЕССЕРШМИДА*

Во время своего сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидт осуществлял картографические зарисовки маршрута. Часть из них размещена в дневнике, а часть была обнаружена среди разрозненных записей. В настоящей статье представлено сопоставление двух документов, содержащих картографические зарисовки, с текстом путевого дневника и современной картой местности.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, картографический материал, сибирская топонимика, дневник Д. Г. Мессершмидта.

*L. D. Bondar
St. Petersburg*

*Ju. I. Chivtaev
Ust-Kut*

SKETCHES OF D. G. MESSERSCHMIDT AS A HISTORICAL SOURCE

During his Siberian journey, D. G. Messerschmidt carried out cartographic sketches of the route. Some of them are placed in the diary, and some ones were found among scattered records. This article presents a comparison of two documents, that contains cartographic sketches, with the text of the diary and the modern map of the area.

Key words: Daniel Gottlieb Messerschmidt, cartographic materials, Siberian toponymy, D. G. Messerschmidt's diary.

---

* Первая публикация и описание этих рисунков были представлены в работе: Bondar L., Čivtajev Ju. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Янков. Тюмень, 2020. С. 24–31. Решение об издании материала на русском языке вызвано желанием сделать текст доступным для русскоязычного читателя и тем, что за прошедшее время были обнаружены факты, уточняющие и дополняющие немецкую публикацию.

Одним из направлений исследований, которым занимался Д. Г. Мессершмидт во время своего многолетнего научного путешествия по Сибири, была фиксация сведений о топографии и топонимике сибирских местностей, где он проходил.

С первых страниц путевого дневника, с первого дня путешествия обнаруживаются подробное описание экспедиционного маршрута, подробная топонимика местности, а также геодезические вычисления. В ряде случаев дневниковые топографические описания сопровождаются небольшими картографическими чертежами¹ с несколькими (менее десятка) нанесенными на них объектами: реками, озерами, населенными пунктами. В некоторых местах дневника можно увидеть более обширные чертежи.

Несколько картографических чертежей было обнаружено в архивном деле, содержащем разрозненные лингвистические записи. Таких чертежей пять, и три из них представлены в публикации Л. Д. Бондарь «Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник» в настоящем сборнике.

Самые ранние чертежи были сделаны в сентябре 1723 г. Первый из них (рис. 1)² выполнен на листе, который затем был использован для записей вторично: Д. Г. Мессершмидт развернул его на 180 градусов и записал на нем тибетский словник, а затем (на незаполненном пространстве) тренировался в восточном письме. На листке была сделана еще одна надпись в поперечном по отношению к основному тексту направлении. Надпись содержит датировку — 1733 г. Очевидно, в тот год ученый продолжал работать со своими материалами.

На картографическом рисунке нанесены три пункта: *Eroma Porog*, *Farkowa* (указана широта — 60°23'), *Schieffera*³. Их Д. Г. Мессершмидт миновал, когда поднимался по Нижней Тунгуске от Енисея к Лене⁴. Именно Нижняя Тунгуска, без сомнения, и изображена линией на чертеже, хотя и очень схематично.

Согласно дневниковой записи⁵, к указанному месту — *Ieróma-poróg*⁶, т. е. порогу Ерёма — лодки Мессершмидта (дощаник и каюки) подошли 31 августа 1723 г. Гребень порога находится примерно в 800 м выше впадения в Нижнюю Тунгуску р. Малая Ерёма, мелкая быстрина над порогом начинается метров за триста от гребня. Река в этом месте была мелкой: вода доходила до колена; из воды выступали камни. Так что пришлось организовывать переправу, а потому Д. Г. Мессершмидт задержался на этом пороге на весь следующий день — 1 сентября и получил возможность изучить окрестности по обе стороны Нижней Тунгуски.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 142 об.; Д. 4. Л. 227, 350 и др.

² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 122.

³ Здесь и далее топонимы даны в том виде, в каком они записаны на чертежах.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 166–167 об.

⁵ Там же. Л. 165 об. – 166.

⁶ Так в дневнике.

Рис. 1. Картографический чертеж Д. Г. Мессершмидта на листе с позднейшими лингвистическими записями. 1723 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 122

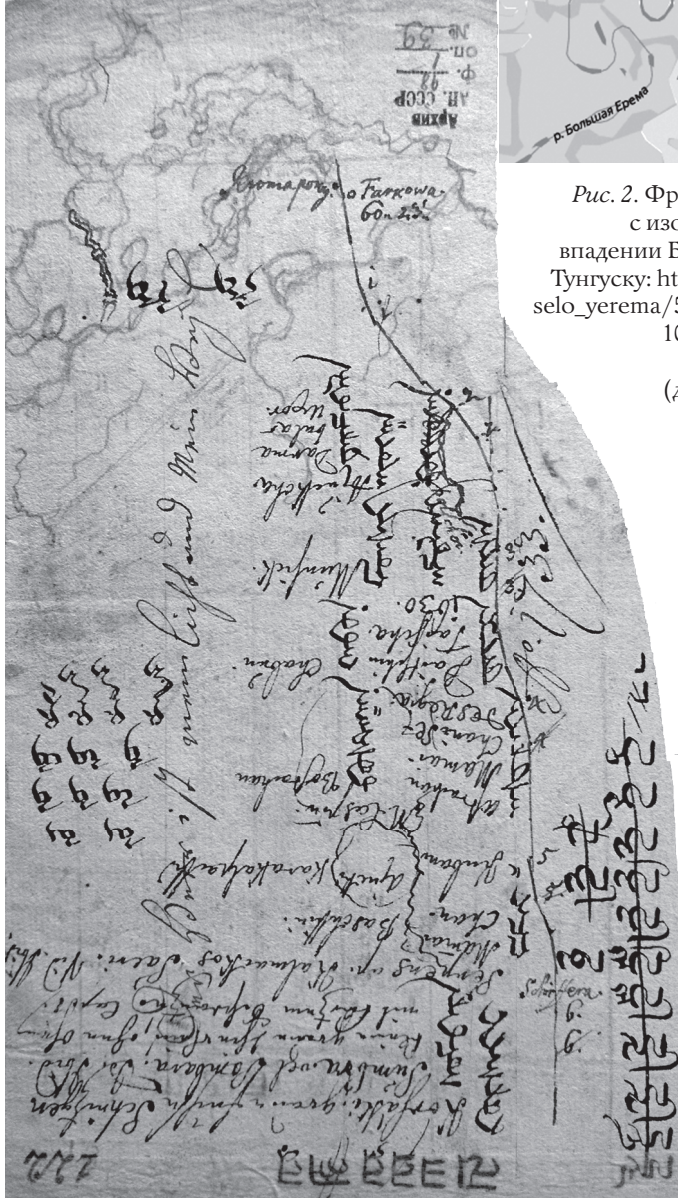

Рис. 2. Фрагмент современной карты с изображением местности при впадении Большой Ерёмы в Нижнюю Тунгуску: https://yandex.ru/maps/geo/selo_yerema/53109599/?from=tabbar&ll=107.781850%2C60.331990&source=serp_navig&z=11.98 (дата обращения: 18.10.2020)

На правом берегу Тунгуски находились земельные угодья, принадлежавшие некоему Якову Фаркову, а потому называвшиеся *Farkówa-Páschana* или *Jakob-Farkówa* (так в дневнике; там же встречается обозначение *Paschna*). Сегодня это пашни жителей села Ерёма Катангского района Иркутской области. В поселке и по настоящее время живут Фарковы. На чертеже и в дневниках обозначена широта — $60^{\circ}23'7''$, что почти совпадает с широтой сегодняшнего села Ерёма — $60^{\circ}22'07''$ (южная оконечность села).

В дневнике упоминается замечательное и полное рыбы озеро «на самоедской стороне», т. е. на правом берегу Нижней Тунгуски и по левую руку по ходу движения; в отличие от левого берега — «иркутской стороны». На чертеже Д. Г. Мессершмидта озеро не обозначено, но оно хорошо видно на современной карте. Сегодня это озеро называется Височное⁸.

Водные объекты, прежде всего сами реки и их старицы в окрестностях устья и Малой Ерёмы, и Большой Ерёмы (последняя впадает в Нижнюю Тунгуску слева выше села в 4,9 км от устья Малой Ерёмы), создают причудливую картографическую картину. На рисунке Д. Г. Мессершмидта имеются многочисленные витиеватые карандашные линии, напоминающие изображение разветвленной речной системы, что видно и на современной карте (рис. 2).

2 сентября 1723 г., как сообщает дневник⁹, лодки были готовы к продолжению путешествия. Около 15 часов путешественники отправились от порога, в 17 часов они достигли устья Большой Ерёмы (в районе точки 1 на чертеже), а около 19 ч. 15 мин. достигли какой-то шиверы (отмели), которая препятствовала движению лодок и в дневнике названа «досадной» (*verdrießlich*). Через полчаса, в 19 ч. 45 мин., путешественники достигли следующей отмели, вблизи которой и заночевали. На чертеже мы видим пункт, который обозначен как *Schieffera* (в дневнике — *Schiffera*). Что это за шиверы, точно сказать затруднительно. Можно только отметить, что *Eroma Porog* и вторая шивера определяют исходную и конечную точки дневного маршрута. Если принять во внимание время — 4 часа и 15 или 45 минут, которое потребовалось участникам экспедиции, чтобы перейти от быстрины до отмели, можно предположить, что мы имеем дело с существующей и сегодня так называемой Гнилой шиверой, которая находится в 11 км от устья Большой Ерёмы.

Отдельные участки реки пронумерованы дублирующимися цифрами — от 1 до 6. Каждая нижняя цифра зачеркнута. Возможно, цифры были перенесены немного выше после доработки. Что они означают, не ясно¹⁰.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 167.

⁸ Озеро названо так потому, что из него севернее села вытекает в Нижнюю Тунгуску проток — виска.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 167–167об.

¹⁰ Следует отметить, что расстояния между точками на линии Нижней Тунгуски равны 2,5 см, что почти соответствует 1 дюйму (старый римский дюйм = 2,46, английский = 2,54). Можно с осторожностью предположить, что Д. Г. Мессершмидт

Следующий день пути иллюстрирует другой картографический набросок (рис. 3)¹¹, сделанный на листе, также использованном Д. Г. Мессершмидтом дважды. На этом рисунке изображена река с ответвляющимся рукавом, обозначенным как *Jurlowa Protock*, которая отсекает от суши остров — *Dolgoi Ostrow*. Перед ответвлением рукава обозначены *Jurlowa porog* и *Ostrog dolg[oi]*.

Это те объекты, которые упоминаются в дневнике в записи от 3 сентября 1723 г.¹² В тот день утром в 5 ч. 30 мин. путешественники отчалили от места ночевки перед шиверой (Гнилая шивера?), прошли ее без труда и после 8 часов прибыли на *Jurlowo-Porógk* (так в дневнике) на иркутском берегу, т. е. на левом берегу Нижней Тунгуски и по правую руку по ходу движения, а далее прошли по красивому протоку (*Protóck*) за Долгим островом (*hinter einem langen Ostrów oder Holm*).

На современных картах таких названий нет. Не знают о них и местные жители. Но в этом месте имеется хорошо известный Ждановский порог, отстоящий от устья Малой Ерёмы примерно на 25 км. Острова сегодня там нет, но есть остров, длиной более 1 км, расположенный в 4 км выше от Ждановского порога. К тому же он находится там, где р. Нижняя Тунгуска протекает с запада на восток, то есть так же, как ориентирован остров на рисунке Д. Г. Мессершмидта — по ходу его движения с востока на запад. Расстояние между островом и шиверой, местом предыдущей ночевки, — 13 км. Это расстояние путешественники могли пройти примерно за 3 часа, что было возможно проделать пешком, а тем более под парусом.

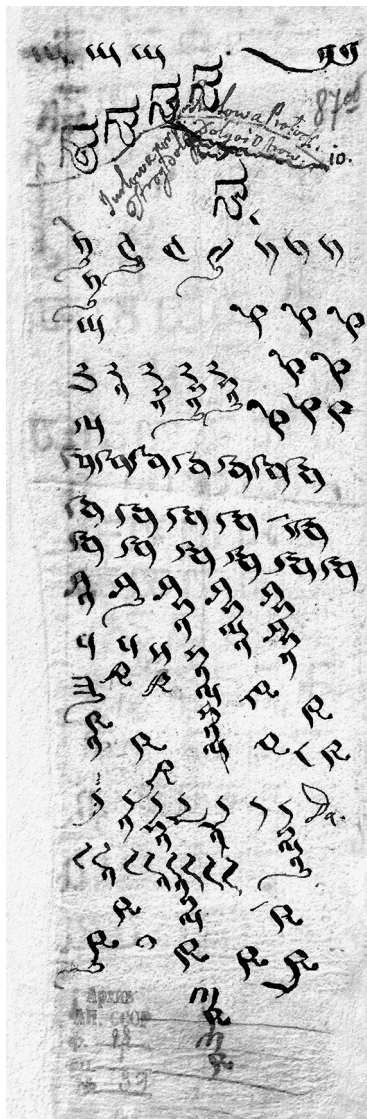

Рис. 3. Картографический чертеж Д. Г. Мессершмидта на листе с позднейшими лингвистическими записями. 1723 г. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 87 об.

в данном случае показал масштаб своего картографического рисунка в дюймах. Однако применить этот масштаб для соотнесения расстояний по его схеме и по современной карте не представляется возможным, так как линия Нижней Тунгуски в чертеже не показывает изгибы реки, сами точки нанесены неявно.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 87 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 167 об. – 168 об.

В соответствии с этими обстоятельствами в немецкой публикации нами было сделано предположение, что именно этот остров и изображен у Д. Г. Мессершмидта под названием «Долгий». Между тем упоминание Юрлова порога было обнаружено в экспедиционном дневнике А. Л. Чекановского, побывавшего в этих местах через 150 лет после Д. Г. Мессершмидта. В своих записях польский ученый прямо пишет, что «Юрлов порог» — это вышедшее из употребления название Ждановского порога¹³. Острова сегодня действительно нет, но имеется отмель, которая может оголяться при низкой воде, — изменения, которые вполне объяснимы, учитывая минувшие 300 лет с момента посещения этих краев Д. Г. Мессершмидтом.

Обозначенный на рисунке объект *Ostrog dolg[oi]* в дневнике не упоминается. На современной карте подобного объекта также нет, местные жители такого не знают и не помнят. Похоже, в чертеж вкралась ошибка¹⁴.

В правой части рисунка стоит число «10», которое может обозначать время обеденной остановки, упоминаемой в дневнике¹⁵.

Наблюдения над картографическими зарисовками Д. Г. Мессершмидта позволяют высказать предположения об их назначении. С одной стороны, они довольно подробно представляют изображаемую местность, во многих чертах совпадая с современной картой. Различия могут объясняться не только несовершенством геодезического мастерства и возможностями путешественника, но и изменениями современного ландшафта. Однако в дневник эти зарисовки впоследствии не вошли и никаким другим способом обнародованы не были, в других сохранившихся рукописях они не фигурируют. Не исключено, что эти картографические рисунки играли роль эскизов, визуализирующих путевое восприятие местности и позволяющих произвести ее быструю наглядную фиксацию, и были впоследствии использованы для составления подробного описания маршрута, в том числе в дневнике.

¹³ Чекановский А. Л. Дневник экспедиции Александра Лаврентьевича Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873–1875 годах // Записки Императорского географического общества по общей географии. 1896. Т. 20. С. 42.

¹⁴ Не исключено, что это некая первоначальная ошибочная интерпретация названия «остров Долгий», исправленная впоследствии в дневниковой записи.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 167 об. – 168.

*Е. Ю. Басаргина
Санкт-Петербург*

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗЕЦ» Д. Г. МЕССЕРШМИДА 1720 Г. *

В статье рассмотрены первые результаты в области филологии немецкого ученого и путешественника Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), отправившего по заданию Петра I в научную экспедицию в Сибирь. Среди материалов, которые Мессершмидт послал из Тобольска в С.-Петербург 25 июня 1720 г., был «Филологический образец» с изображениями уральской писаницы, известной как Ирбитский Писаный камень. Проведенное сопоставление имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что сведения Мессершмидта об этом памятнике имеют вторичный характер и заимствованы им у С. У. Ремезова. Исследователь не видел памятника *in situ*, а получив материалы из вторых рук, ошибочно интерпретировал наскальные рисунки как памятник древней письменности.

Ключевые слова: история науки XVIII в., научная экспедиция, научное наследие, петроглиф.

*E. Ju. Basargina
St. Petersburg*

D. G. MESSERSCHMIDT'S «PHILOLOGICAL SAMPLE», 1720

The article discusses the first results in the field of Philology collected by D. G. Messerschmidt (1685–1735), who went on a scientific expedition to Siberia on behalf of Peter the Great. Among the materials that Messerschmidt sent from Tobolsk to St. Petersburg on June 25, 1720, was a «Philological sample» («Specimen Philologicum Orientis hyperborei») with images of the Ural scribble known as the Irbit Scribble stone. The author is focusing on a comparison of available materials, which allows us to conclude that Messerschmidt's information about this monument was taken from S. U. Remezov. Messerschmidt did not see the monument *in situ*, and, having received materials from second-hand sources, erroneously interpreted the petroglyphs as a written monument.

Key words: history of science of the 18th century, scientific expedition, scientific heritage, petroglyph.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Даниэль Готлиб Мессершмидт (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) был первым ученым, совершившим путешествие по Сибири с научной целью. 25 июня 1720 г. он отправил из Тобольска в С.-Петербург посылку с первыми научными результатами, среди них находился «Specimen Philologicum Orientis hyperborei» («Образец филологический гипербореяского востока»)¹. «Филологический образец» представляет собой 10 таблиц, характеризующих, по мнению Д. Г. Мессершмидта, разные языки и виды письменности.

Первые четыре таблицы названы Д. Г. Мессершмидтом «копией некоторых неизвестных иероглифических знаков, которые сами находятся в одной скалистой пещере, недалеко от Федьковских железных рудников, однако далее от того места к башкирской границе, написанные почти нестираемой красной краской» (*Abschrift einiger unbekandten Hieroglyphischen Characteren, wie selbige in einer felsichten höhlen unweit des Fetkowskischen Eÿsen = bruches weiter auch sonst anderwärts an der Baschkirischen Gräntzen mit einer fast unverlöschlichen rothen farben geschrieben befindlich*)².

На таблицах воспроизведены изображения уральской писаницы, известной как Ирбитский Писаный камень. Эта мощная известняковая скала на левом берегу р. Ирбит находится недалеко от деревни Писанец (нынешний Артёмовский район Свердловской области). Протяженность скалы вдоль реки — около 30 м, высота — около 13–15 м. Фасадная ее часть, обращенная к югу, испещрена начертаниями, сделанными красной охрой³.

Для Д. Г. Мессершмидта ориентиром местонахождения памятника служил Федьковский железоделательный завод под деревней Федьковкой Верхотурского уезда, на речке Нейва. В 1702 г. завод был передан Никите Демидову и стал называться Невьянским, но старое название продолжало бытовать.

Сам Д. Г. Мессершмидт не видел памятника. Писаный камень посетили С. У. Ремезов в 1703 г., Ф. И. Табберт (Страленберг) в 1711–1719 гг., а в 1741 г. — Г. Ф. Миллер. Миллер предпринял поездку к «писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние»⁴.

«Прежние» рисунки существовали в нескольких вариантах. Д. Г. Мессершмидт позаимствовал рисунки у С. У. Ремезова, который со своим сыном Леонтием в апреле 1703 г. по указу царя отправился из Тобольска на Верхотурье и в Кунгур для составления чертежа г. Кунгура. Тогда же

¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

² Там же.

³ Подробное описание Ирбитского Писаного камня и историю его изучения см.: Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала / отв. ред. О. Н. Бадер. М., 1971. С. 9–23. (Свод археологических источников ; вып. В4-12). Роскошные цветные фотографии памятника см.: Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2001. С. 109–111.

⁴ Миллер Г. Ф. О сибирских надписях // Г. Ф. Миллер. История Сибири. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 526.

Ремезов составил план Кунгурской пещеры, а затем посетил и срисовал Писаный камень на р. Ирбит, исполнив рисунки «не зная, но съемом», т. е. не на взгляд, а копированием. Ремезов отметил и локализовал четыре группы изображений, идентифицировав их как «чуждое письмо». Рисунки Ремезовых не отличались большой точностью, так как были сделаны с нарушением масштаба и сильно стилизованы. Ремезов поместил четыре таблицы с рисунками в свою «Служебную чертежную книгу» и снабдил их пространными заголовками⁵.

С рисунков С. У. Ремезова были сняты копии и отправлены в Амстердам Н. Витсену, по просьбе которого, скорее всего, они и были сделаны, и вошли в его книгу «Noord en Oost Tartarye» («Северная и Восточная Тартария»), дополнив несовершенное изображение Писаного камня, выполненное для него подьячим Верхотурского приказа Яковом Лосевым в 1699 г.

Камень и находящиеся на нем изображения были переданы на рисунке Я. Лосева произвольно, без соблюдения масштаба, и только отдаленно напоминают оригинал. Основываясь на рисунках Лосева и Ремезова, Витсен относил изображения к неизвестному роду чуждого письма или чуждским клеймам.

Благодаря Н. Витсену рисунки С. У. Ремезова стали известны европейским исследователям еще до того, как появились в печатном виде⁶. Оригиналы рисунков Ремезова остались в Тобольске, здесь к ним обращались Ф. И. Табберт и Д. Г. Мессершмидт, и тот и другой скопировали их для своих нужд.

Копии для Д. Г. Мессершмидта были сделаны на четырех листах черной тушью⁷. Рисовальщик точно передал очертания фигур, но расположил их иначе, чем на ремезовских рисунках в «Служебной книге», а на л. 21 одна из фигур вовсе отсутствует. Копии не подписаны, но они сделаны тщательно, уверенной рукой мастера. Возможно, их автором был шведский

⁵ Единственный список «Книги служебной чертежной, писал Семен Ремезов с детьми» хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ, Эрмитажное собрание № 237). Это огромное собрание карт и чертежей, а также эскизов, проектов и текстов автобиографического характера, созданных в конце XVII — начале XVIII в. См. факсимильное ее издание: Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году : в 2 т. Тобольск, 2007. Т. I : Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири: факс. воспроизведение рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); Т. II : Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели / авт. текста А. Г. Ёлфимов [и др.].

⁶ Н. Витсен послал копии рисунков Гисберту Куперу (*Gisbert Cuper*; 1644–1716), бургомистру Девентера и антиквару, а тот, в свою очередь, предоставил их в распоряжение своего ученого друга М. Вейсьера де Лакроза (*Mathurin Veysseyre de La Croze*; 1661–1739). Купер сообщил о них в письме к Лакрозу от 26 апреля 1711 г.: «Mr. Witzen m'a fait part des *Inscriptions Siberiennes*, ce sont des Caracteres, ou plutôt des figures, bien extraordinaires ... il y a quatre planches (Г-н Витсен поделился со мной сибирскими письменами, это знаки или, скорее, фигуры весьма необыкновенные ... имеются четыре таблицы)»: *Cuper G. Lettres de critique, de littérature, d'histoire, etc., écrites à divers savans de l'Europe*. Amsterdam, 1742. P. 93.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 18–21.

военнопленный Иоганн Антон Маттерн, которого Д. Г. Мессершмидт нанял частным образом и оплачивал его услуги из своих средств.

Ф. И. Табберт (Страленберг) также скопировал рисунки С. У. Ремезова и в 1730 г. опубликовал их на четырех таблицах (таб. XIII–XVI) в своей книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...»⁸. Исследователи давно обратили внимание на то, что опубликованные им копии не вполне идентичны рисункам в «Служебной книге» Ремезова, они «имеют неровные контуры, не “зализаны”, как ремезовские, и производят более живое впечатление. Имеется и существенная деталь — одна из антропоморфных фигур на табл. XVI Страленберга изображена с признаком пола, отсутствующим у соответствующей фигуры на таблицах как Ремезова, так и Н. Витсена и Мессершмидта. Создается впечатление, что Табберт копировал не из Служебной книги, а пользовался каким-то другим источником, скорее всего, черновыми или, вернее сказать, полевыми зарисовками Ремезова»⁹.

В документах Д. Г. Мессершмидта, которыми мы располагаем, наскальные начертания упоминаются четыре раза и всякий раз атрибутированы по-разному.

В «Филологическом образце» говорится о «нескольких неизвестных иероглифических знаках, находящихся в одной скалистой пещере» (einiger unbekandten Hieroglyphischen Characteren, wie selbige in einer felsichten höhlen).

В тексте четвертого рапорта начертания интерпретируются как «несколько знаков из фетковских скалистых пещер, о которых, однако, неизвестно, считать ли их готическими, руническими, древнескифскими или же буквами, которые сам создал великий епископ Стефан, обративший язычников» (einige Characteres auß den Fetkowskisichen felsichten Höhlen, von welchen doch ungewiß ob selbige für Gothische, — Runische, Alt-Scythische, oder selbsterfundenen Buchstaben des Großen Bischoffs, und Heyden-bekehrers Stephani zu halten seÿn)¹⁰.

На карте достопримечательностей Сибири, приложенной к тому же четвертому рапорту, наскальным начертаниям дается следующая характеристика: «Знаки, как кажется, китайские, в пещере; если только они не были руническими» (Characteres ut videntur, Sinenses in Spelunca; nisi forte Runicae fuerint)¹¹.

⁸ *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches Das gantze Rußische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreifet. In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestelle... Stockholm, 1730. S. 364–367.

⁹ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 14.

¹⁰ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 253, 254, 257. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7); СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 105.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

Наконец, в сводном труде «Описание Сибири» (1727), куда Д. Г. Мессершмидт предполагал перенести таблицы из четвертого рапорта, документ имеет самый общий заголовок: «образец знаков, написанных на скале пещеры...» (*saracterum rupi specus ... inscriptoium schema*).

Таким образом, в документах Д. Г. Мессершмидта, относящихся ко времени составления четвертого рапорта, представлен широкий спектр возможных интерпретаций памятника, причем объяснение, данное в «Филологическом образце», не соотносится с текстом самого рапорта, карта же контаминирует оба толкования.

Если в толковании характера изображений Д. Г. Мессершмидт колеблется, то в их местонахождении он не сомневается и помещает их в скалистую пещеру или пещеры (*in einer felsichten höhlen, auß den Fetkowskischen felsichten Höhlen, in Spelunca, rupi specus*)¹².

В отличие от Д. Г. Мессершмидта, Ф. И. Табберт побывал у Ирбитской скалы и оставил любопытное описание самой скалы, а также находившихся поблизости археологических объектов: «Скала же, на которой начертаны эти письмена, вышиной приблизительно в 18 локтей и выдается тремя сторонами к реке. На табл. XIII представлена восточная, на табл. XIV и XV — южная, а на табл. XVI — западная сторона. Некоторые фигуры вышиною в ¼ локтя, другие поменьше: все они начертаны красной краской <...>. По одну сторону скалы находятся могильные бугры (*tumuli sepulchrales*), над которыми скала или отломана, или вырублена, или самой природой так устроена, что могилы имеют над собою как будто крышу»¹³.

Г. Ф. Миллера это описание озадачило: «Упомянутых Страленбергом могильных холмов я не нашел ни одного и не могу понять, что послужило поводом к сложению басни о них. В том же, что мы читаем у него о пещере, где курганы якобы укрываются под кровлей, имеется какая-то путаница в рассказе»¹⁴. Выходит, что рассказу очевидца нельзя доверять, если памятник не был им описан *in situ*. По прошествии лет Ф. И. Табберт смешал воедино впечатления от увиденного — следы городища на скале у него перепутались с пещерой. Сам Табберт не полагался на свою память и сетовал в 1730 г.: «Если бы мне в то время, когда я был там, было понятнее ее значение, то я непременно составил бы точное описание ее. Но, как уже замечено выше, в то время я так мало надеялся на то, что такие замечательные вещи могут дойти до сведения Европы, и кроме того так был занят географическими исследованиями, что всего этого не осматривал с должным вниманием. Со временем другие могут исправить мой

¹² Высказывалось предположение, что сведения о пещере Д. Г. Мессершмидт мог почерпнуть из «Служебной книги» С. У. Ремезова, где его ввела в заблуждение неясность подписи на листе чертежа Земли Города Кунгура: «к[амень] писанец и пещеры». См.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 16.

¹³ Цит. по: *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1, вып. 2. Приложение. С. 38. (Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 5).

¹⁴ *Миллер Г. Ф.* О сибирских надписях. Т. 1. С. 530.

недосмотр. С меня же будет и того, что могу указать на эти изображения и на местности, где их можно отыскать»¹⁵.

Ф. И. Табберт поместил таблицы с видами писаницы в раздел «Иероглифы, или Иероглифические изображения». Д. Г. Мессершмидт тоже не исключает иероглифического характера начертаний. Кто же был автором гипотезы об иероглифическом происхождении изображений? Мессершмидт не дает на этот счет никаких пояснений, Табберт же честно признается: «Так как я не искушен в подобных делах, то ровно ничего не могу сказать, какого рода эти иероглифы и что именно они означают» (Und da ich dergleichen Dingen nicht erfahren bin, so kann eben eigentlich nicht sagen, von was für Geschlecht oder Art solche sind, noch was solche bedeuten)¹⁶.

Известно, что толкованием наскальных изображений активно занимались в Европе. Когда в распоряжении Н. Витсена и его корреспондентов оказались рисунки Ремезовых, М. В. де Лакроз в письме к Г. Куперу от 1711 г. высказал предположение, что это могли быть китайские письмена (ce pouvroient être des Lettres Chinoises). Гипотезу своего ученого друга Купер сообщил Н. Витсену¹⁷. Учитывая широту и разветвленность сети научных коммуникаций того времени, можно предположить, что к 1720 г. тем или иным путем эта научная новость дошла до Тобольска.

Гипотеза об иероглифическом происхождении изображений на р. Ирбит вызвала горячие возражения у Г. Ф. Миллера: «Если вместе со Страленбергом признать эти изображения иероглифическими, то едва ли можно будет догадаться, для какой вещи в природе они годятся, хотя бы в малой степени». Что касается сопоставления изображений «с древнейшими начертаниями букв, бывшими некогда в употреблении у китайцев», то Миллер отзывается об этой догадке с насмешкой. «И кто же поверит тому, — с ехидством замечает Миллер, — что китайцы для того только ездили через Сибирь, через обширнейшие поля и дремучие леса ее, чтобы здесь на реке Ирбите оставить следы своего пребывания?»¹⁸

Внимательный осмотр памятника *in situ* убедил Г. Ф. Миллера в том, что «ошибочно признаны надписями те изображения людей и животных и иные непонятные рисунки, с первого взгляда на которые ясно, что они

¹⁵ Цит. по: Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 38.

¹⁶ *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* S. 363.

¹⁷ «J'ai prié Mr. Witzén, de m'envoyer des nouvelles copies des *Inscriptions Siberiennes*, et je lui ai écrit, que vous vous entendez extraordinairement aux vieilles Langues Orientales, et à celle de la Chine, que vous croyez que ce pourroient être des Lettres Chinoises; et je suis caution, que vous ne les communiquerez à personne. J'espère qu'il m'écouterà, et qu'il m'envoyera pour vous de nouvelles copies, ou qu'il me donnera permission de vous faire tenir les miennes» (Я просил г-на Витсена прислать мне новые копии сибирских надписей, я написал ему, что Вы необыкновенный знаток древних восточных языков и китайского и что, по Вашему мнению, это могут быть китайские письмена; и я ручаюсь, что Вы никому их не передадите. Я надеюсь, что он откликнется и пришлет мне для Вас новые копии или разрешит, чтобы Вы держали мои): *Supér G. Lettres de critique, de littérature, d'histoire...* P. 101–102.

¹⁸ *Миллер Г. Ф. О сибирских надписях.* С. 529.

не имеют характера букв. Их можно видеть в довольно многих местах Сибири, по берегам рек, на крутых скалах. Писаны они красками или вырезаны на камнях; отсюда среди русских общеупотребительно название для них «писаный камень»¹⁹. По поручению Г. Ф. Миллера художник И. Люрсениус зарисовал «Камень Писаный на реке Ирбить». Личные наблюдения позволили Миллеру составить верное представление о памятнике и наскальных рисунках.

В настоящее время из четырех групп изображений уцелели три: четвертая группа рисунков и пещера были полностью уничтожены взрывом в 1930-е гг. Все петроглифы сделаны красной охрой.

Каждая группа изображений тщательно изучена и подробно описана современными исследователями. «Первая группа расположена на ровной плите фасадной части камня, защищенной сверху навесом, на высоте около 3,5 м над водой. В этом месте отмечены наложения рисунков и подновление некоторых из них, а также окрашенность отдельных участков поверхности скальной основы.

Среди рисунков первой группы выделяются две полные и одна частичная фигуры антропоморфных существ, изображение животного, вероятно, лягушки или медведя в так называемой жертвенной позе, сетки с шестиугольными полями, силуэтная фигура копытного, ряд отрезков и неопределенные изобразительные мотивы. Во второй группе различимы фертообразная антропоморфная фигура, остатки знаков и, может быть, копытного. В третьей группе изображены копытное (лось), схематичные фигуры животных в распластанной позе и пятно краски»²⁰.

Анализ уральских писаниц (всего их более 80), сопоставление петроглифов с письменными источниками, с данными фольклора и ономастики, с традиционным искусством и этнографическими фактами позволили современным исследователям сделать вывод о том, что традиция нанесения рисунков на скалы была связана с угорским населением, а именно с предками манси.

Д. Г. Мессершмидт упустил возможность посетить Ирбитский Писаный камень и не составил о нем собственного представления. Получив сведения из вторых рук, он оказался в плену чужого мнения и ошибочно интерпретировал наскальные рисунки как памятник древней письменности, вместо того чтобы поместить их в раздел «Археология».

¹⁹ Там же. С. 526.

²⁰ Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. С. 110.

M. Knüppel
Vellmar; Liaocheng

**EINIGE BEMERKUNGEN ZU DEN DARSTELLUNGEN
SIBIRISCHER FELSBILDER BEI N. WITSEN (1785)**

**SOME REMARKS ON THE SIBERIAN ROCK ART SAMPLES
IN THE WORK OF N. WITSEN (1785)**

In the article the author follows the ways of some illustrations used in N. Witsen's famous work «Noord en Oost Tartarye» showing rock art samples from the area of Verchotur'e. The illustrations were also used for Ph. J. v. Strahlenberg's «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» and the edition of G. Cuper's letters. Some equivalents are kept in the D. G. Messerschmidt estate in St. Petersburg. The author concludes that the original copies of the rock art samples were done by a «third source» from which N. Witsen as well as D. G. Messerschmidt took up the materials. This source may have been Jakov Losev from Verchotur'e and famous geographer and cartographer S. U. Remezov.

Key words: Nicolaes Witsen, Daniel Gottlieb Messerschmidt, Siberian archaeology, rock art.

M. Кнюппель
Фельмар; Ляочэн

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПУБЛИКАЦИИ
СИБИРСКИХ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ Н. ВИТСЕНОМ (1785)**

В статье автор прослеживает пути ряда иллюстраций, использованных в знаменитом произведении Н. Витсена «Noord en Oost Tartarye», демонстрирующих образцы наскальных рисунков из района Верхотурья. Эти иллюстрации были также использованы в книге Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» и в публикации писем Г. Купера. Эквиваленты рисунков хранятся в архивном фонде Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербурге. Автор приходит к выводу, что оригинальные копии образцов наскальных рисунков были сделаны «третьим лицом», у которого материал был позаимствован как Н. Витсенем, так и Д. Г. Мессершмидтом. Авторами исходного рисунка, очевидно, были Яков Лосев из Верхотурья и известный географ и картограф С. У. Ремезов.

Ключевые слова: Николас Витсен, Даниэль Готлиб Мессершмидт, сибирская археология, наскальные рисунки.

So manche Frage der Sibiristik — und durchaus auch solche ihrer Forschungsgeschichte — scheint seit Jahrhunderten geklärt oder als beantwortet (bisweilen auch nicht beantwortet werden zu können) und wurde kaum oder nicht mehr weiter hinterfragt. Ein solches Beispiel stellen zweifelsohne auch die Probleme um die häufig im Zusammenhang mit der Frage der Erstbeschreibung der „runen“-türkischen Inschriften, ganz allgemein den Anfängen der sibirischen Archäologie oder auch der Geschichte der Erforschung der nordeurasischen Parietalkunst (sei es nun Felsmalereien oder Petroglyphen) behandelten Abbildungen von Felsbildern in Nicolaes Witsens (1641–1717) Reisewerk «Noord en Oost Tartarye <...>» dar¹. Der Umstand, daß es sich hierbei um die wohl frühesten bildlichen Darstellungen von Felsbildern aus dem sibirischen Raum handelt, ließ scheinbar nahezu jeden Autor, der sich diesen Zeugnissen längst erloschener Kulturen in der infrage stehenden Region zugewandt hat, in den einleitenden Bemerkungen zu den entsprechenden Arbeiten auf Witsens Werk eingehen².

Uns soll an dieser Stelle aber vor allem die Frage der möglichen Urhebererschaft der Wiedergaben in Witsens «Noord en Oost Tartarye <...>» interessieren. Zwar wurde die Frage schon von Aleksandr Ignat'evič Andreev (1887–1959)³ erörtert und später von Valerij Nikolaevič Černecov (1905–1970) noch einmal ausführlich behandelt⁴, einerseits jedoch lag letzterem nicht das gesamte Material vor und andererseits ist die bemerkenswerte Arbeit Černecovs außerhalb des Kreises der russischen Archäologen weithin unbekannt, sodaß es nicht verfehlt erscheint, die grundsätzlichen Erwägungen und Argumentationslinien hier noch einmal nachzuzeichnen.

Bei diesen Felsbildern handelt es sich um einige bildliche (darunter figürliche) Darstellungen und nach einigen Autoren möglicherweise auch um Piktogramme, die in der Nähe von Verchotur'e (*Vergaturia*), im Distrikt

¹ Die Bildtafeln mit den Wiedergaben der Felszeichnungen fehlen in den beiden ersten Auflagen des Werkes aus den Jahren 1692 und 1705: *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest. Benefens verscheide de tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheer <...> beschreve Tartarsche en nabuurige gewesten, landstreeken, steden, rivieren, en plaetzen, in de Noorder en Oosterlyks <...> gedeelten van Asia en Europa, zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-<...> en Zwarte Zee gelegen; gelijk de landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kal<...>kia, Tanguit, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten kroon gehoorende Heerschappyen: verdeeld in twee stukken, met der zelve Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene; afbeeldingen van steden, drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele jaren, en eigen ondervindinge ontworpen beschreven, geteekent, en in't licht gegeven Door Nicolaes Witsen. 2. ed. Amsterdam, 1705. (Neuaufgabe: *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene Beschryving van verscheidene Tartarsche en Nabuurige Gewesten, in de Noorder en Oostelykste Deelen van Azien en Europa / ed. M. Schalekamp. Amsterdam, 1785.)

² So z. V. Černecov: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. М., 1964.

³ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. Л., 1939.

⁴ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 7–11.

Artjomovskij in der heutigen Oblast Sverdlovsk auf Felsen aufgemalt resp. «geschrieben» sind⁵ — allerdings besteht keinerlei Klarheit darüber, was hier eigentlich dargestellt ist⁶, und auch der Vf. möchte sich hier irgendwelcher Deutungen ebenso enthalten, wie auf die Skizzierung der bisherigen Versuche verzichten — wengleich es nicht an Deutungen gemangelt hat. Bereits Witsen selbst äußerte sich hierzu im beigegebenen Text und mutmaßte, daß es sich um eine Kultstätte der Vogulen gehandelt habe und hier Götter angebetet wurden, Philipp Johann v. Strahlenberg (1677–1747) versuchte sich an Vergleichen mit Darstellungen etwa bei Athanasius Kircher (1602–1680), der sich im 17. Jh. zu Piktogrammen als Vorformen der chin. Schrift ausgelassen hatte⁷. Die Felsbilder, die gelegentlich auf eine Zeitstellung zwischen 3.000 und 5.000 v. Chr. datiert wurden, sind später, 1774 von Gerhard Friedrich Müller (1705–1783) und danach 1876 von Aleksandr Petrovič Karpinskij (1847–1936), noch einmal behandelt worden. Eine moderne wissenschaftliche Untersuchung der Felsbilder in der Umgebung von Verchotur'e erfolgte erst 1960 durch ein sowjetisches Forscherteam unter der Leitung von V. N. Černecov (1905–1970)⁸. Jedem Sibiristen, Altaisten, Uralisten etc. sind die Abbildungen bei Witsen und anderen bekannt, zumindest aber in Gestalt irgendwelcher Reproduktionen schon einmal begegnet.

Über den Kreis der Vertreter der genannten (und weiterer irgendwie «benachbarter») Disziplinen hinaus weniger bekannt ist, daß sich die Wiedergaben dieser Felsbilder nicht in allen drei Auflagen (— berücksichtigt seien hier nur die niederländischen Ausgaben der Jahre 1692, 1705 und 1785, nicht hingegen

⁵ *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen... P. 759–760.

⁶ Gelegentlich wurden wohl einige der Zeichen als chin. Schriftzeichen interpretiert — cf. hierzu Gebhard (1881–1882), hier Bd. II, pp. 349–350, 354, 359 u. 369. Dies jedoch beruht auf einem Irrtum und wird sich wohl eher auf die Abbildung des großen Felsbildes, das sich in Witsen (1705 und 1785, auf die Seite 759 folgend) findet und zwei «Elemente» zeigt, die an chin. Schriftzeichen erinnern, beziehen — freilich auch auf Äußerungen Witsens selbst; cf. hierzu auch die Spekulationen v. Strahlenbergs (1730) mit Bezugnahme auf Kircher (1667) (siehe oben): *Strahlenberg P. J. v.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches Das Gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tartarey in sich begreiffet. In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellet, Nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreyssigerley Arten tartarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, Sonderlich aber Einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatische-Scythische Antiquität betreffen; Bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstateteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertigt. Stockholm, 1730; *Kircher A.* Athanasii Kircheri China monumentis qua sacris qua profanis nec non variis naturae & artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata: auspiciis Leopoldi primi ... Amstelodami, 1667.

⁷ *Strahlenberg P. J. v.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 368; er scheint hierbei vor allem an die bei Kircher gebrachten Tafeln mit Schriftzeichen gedacht zu haben (cf. bspw.: *Kircher A.* Athanasii Kircheri China monumentis... P. 229).

⁸ Cf. bspw.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала.

Übertragung in andere Sprachen) des Werkes finden⁹. Darüber hinaus ist anzumerken, daß ganz allgemein nicht alle Illustrationen aus Witsens Werk auch in allen Ausgaben wiedergegeben sind. Während eine Abbildung, die ein Felsbild bei Verchotur'e am Irbit bzw. beim Dorf Pisanec zeigt (und gemeinhin als *Irbitskij Pisanij Kamen'* bezeichnet wird¹⁰), sich auch in der zweiten Auflage von Witsens Werk (1705) findet (Abb. 1), sind die übrigen¹¹, hier behandelten Tafeln (Abb. 6–8) hingegen nur der dritten (aus dem Jahre 1785) beigegeben¹². Einem eher noch kleineren Kreis von «Eingeweihten» ist bekannt, daß sich nicht in allen Exemplaren der jeweiligen Auflagen dieselben Bildtafeln (dies gilt nicht nur für jene, die Felszeichnungen zeigen) finden, und auch nicht in den gleichen Positionen in die Bände eingebunden sind¹³ – ein Sachverhalt, auf den D. Sinor bereits anlässlich eines Vortrags in Göttingen in den 1970er Jahren aufmerksam gemacht hat¹⁴. Die Abweichungen erstrecken sich darüber hinaus allerdings auch noch auf die „Inhalte“ der Bildtafeln selbst. So hat der Vf. dieses Beitrags für einen Besprechungsaufsatz 2006 oder 2007 gelegentlich Kopien einiger der Tafeln aus der Auflage von 1785 bestellt und erst 2018 bemerkt, daß auf einer der Tafeln, die für die geplante Publikation schließlich nicht verwendet wurde, eine Abbildung fehlte, die im Exemplar der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek auf der betreffenden Bildtafel vorhanden ist. Dies zeigt, was jedem Fachmann für seltene Drucke natürlich bekannt ist – nämlich, daß die Exemplare der einzelnen Auflagen eines Werkes wie jenem von Witsen wie Hss. zu behandeln sind, d. h. nicht unter Auslassung der Angaben zum Exemplar (z. B. unter Angabe des Standortes), wie ein „moderner“ Buchdruck unserer Tage, zitiert werden können.

Weit interessanter als die bislang zumeist ignorierte (vermutlich zumeist auch gar nicht bekannte) Uneinheitlichkeit der verschiedenen Ausgaben ein und derselben Auflage hinsichtlich der Illustrationen ist die Frage der Herkunft der Abbildungen in dem Werk. Zwar ist bekannt, daß Witsen selbst

⁹ Cf. hierzu ausführlich die Studie Bruno Naardens (als Internetressource verfügbar): *Naarden B.* The illustrations in Witsen's *North and East Tartary*. URL: http://resources.huygens.knaw.nl/retroboeken/witsen/english_illustrations.pdf (abgerufen 19.12.2020).

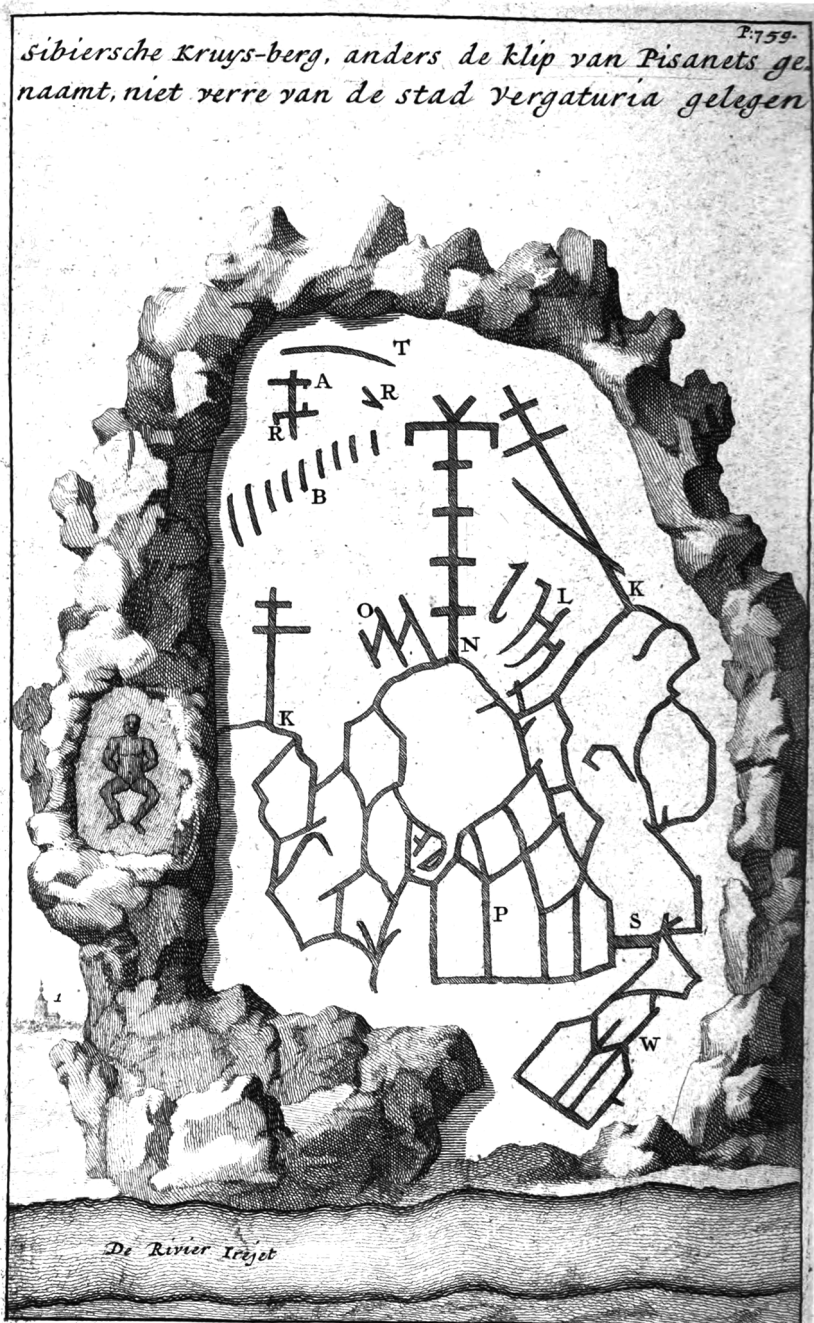
¹⁰ Den Auftrag zur Anfertigung von Kopien des Felsbildes erteilte im Übrigen der Peter I. im Jahre 1699 dem Beamten Jakov Losev aus Verchotur'e; ausgeführt wurden diese 1703 dem Geographen und Kartographen Semjon Ul'janovič Remezov, in dessen „Arbeitsbuch“ (*Служебная Чертежная Книга*) das Material schließlich Eingang fand.

¹¹ Cf. Abb. 2–4.

¹² *Naarden B.* The illustrations in Witsen's *North and East Tartary*.

¹³ Zum Problem cf. die Ausführungen bei B. Naarden.

¹⁴ Freundlicher Hinweis von Prof. Gerhard Doerfer (Göttingen), der Denis Sinor zu einem Vortrag nach Göttingen eingeladen hatte (– um welchen der Vorträge, die Sinor in Göttingen auf Einladung G. Doerfers gehalten hat, es sich hierbei handelte, ließ sich nicht mehr feststellen und war dem Vf. gegenüber nicht von G. Doerfer erwähnt worden). Am Rande seines Vortrags wies Sinor, der die Göttinger *Sibirica* „vor Ort“ hatte in Augenschein nehmen können, darauf hin, daß sich Bildtafeln des Göttinger Exemplars der Auflage von 1705 in den Beständen der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek z. T. zwischen völlig anderen Seiten eingebunden fanden, als in seinem privaten Handexemplar.

*1. is het dorp Pisanets, de klip is breed 7 Vadem: Schuyns opgaande hoog 18 Vadem
de gront is glat, en als effen geslepen: hoog uyt het water 1½ Vadem.*

Abbildung 1. Felsbild bei Verchotur'e am Irbit bzw. beim Dorf Pisanec —
nach Witsen [1785], zwischen pp. 759 und 760

auch Illustrationen zu seinen Werken anfertigte (etwa für seine Arbeit über den Schiffbau¹⁵) und diese Abbildungen auch signierte. Die Bildtafeln in «Noord en Oost Tartarye...» (und zwar in allen drei Auflagen) sind jedoch allesamt nicht signiert und stammen wohl auch nicht von ihm selbst. Dies trifft auch auf die Abbildungen der Felsbilder zu, wie schon A. I. Andreev, der diese bereits dem Geographen und Kartographen S. U. Remezov zuwies¹⁶, bemerkte. Aus den Korrespondenzen mit G. Cuper geht hervor, daß Witsen die Anfertigung entsprechender Tafeln zumindest für die dritte Auflage, deren Erscheinen er nicht mehr erlebte, beauftragte. Zudem ist bekannt, daß für die Auflagen von 1705 — und mehr noch jene von 1785 — Bildmaterial, das sich nicht in der Sammlung Witsens befand, aus St. Petersburg für den Druck angefordert worden ist¹⁷. Auch die Reproduktionen der Felsbilder stammen wohl nicht von Witsen. Allenfalls grobe Entwürfe könnten von ihm angefertigt sein — umstritten war bislang jedoch, auf wen die Darstellungen der Felsbilder aus Verchotur'e zurückgehen.

Von Interesse ist nun, daß sich Wiedergaben dieser Felsbilder auch in Ph. J. v. Strahlenbergs berühmten Werk «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...»¹⁸ finden. Wie schon von Černecov herausgestellt, konnten die Darstellungen in Witsen (1785) nicht auf jenen v. Strahlenbergs beruhen — davon abgesehen, daß die Darstellung des Felsbildes von *Irbitskij Pisanyj Kamen'* bei v. Strahlenberg fehlt¹⁹. Auch in Cupers «Lettres de critique, de littérature, d'histoire, etc.» wurden die Abbildungen aus «Noord en Oost Tartarye...» erneut abgedruckt²⁰ (dort freilich identisch mit den Abbildungen in Witsen [1785]). Auffallend ist, daß die Zusammenstellungen der einzelnen Bilder auf den verschiedenen Tafeln bei v. Strahlenberg von denen bei Witsen abweichen — sowohl in der Anordnung der einzelnen «Elemente» auf einer Tafel als auch in den Positionen derselben zueinander sowie der Anzahl (so zeigt «Tabula XIII» auf p. 364 bei v. Strahlenberg ein «Element» weniger als die «Entsprechung» bei Witsen [1785, zwischen pp. 760 u. 761 eingebunden] — vgl. unten Abb. 2 und 6b; zudem sind verschiedene «Elemente», darunter auch das vergleichsweise größte auf der Tafel «kopfständig» gegenüber dem Äquivalent bei Witsen wiedergegeben und es weicht die Anordnung ab; bei «Tabula XIV» auf p. 365 stimmen die Anordnung und Anzahl der Elemente mit jener / jenen bei Witsen überein (vgl. Abb. 3 und 8), ebenso entspricht bei «Tabula XV» auf p. 366 die Anzahl, die Anordnung hingegen weicht ab (vgl. Abb. 4 und 7) und bei «Tabula XVI» auf p. 367 sind bei sonstigen Übereinstimmungen die

¹⁵ Cf. hierzu bspw. die Ausführungen in: *Naarden B.* The illustrations in Witsen's *North and East Tartary*.

¹⁶ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири... С. 75, 83, 90. Nach ihm: Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959. С. 5–6. Und schließlich wiederum: Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 7.

¹⁷ So beispielsweise auch die oben erwähnte Kopie des Felsbildes vom Irbit; cf.: *Naarden B.* The illustrations in Witsen's *North and East Tartary*.

¹⁸ *Strahlenberg Ph. J. v.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... S. 364–367.

¹⁹ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 8.

²⁰ *Cuper G.* Lettres de critique, de littérature, d'histoire, etc., écrites à divers savans de l'Europe. Amsterdam, 1742. Fig. 108a–108d.

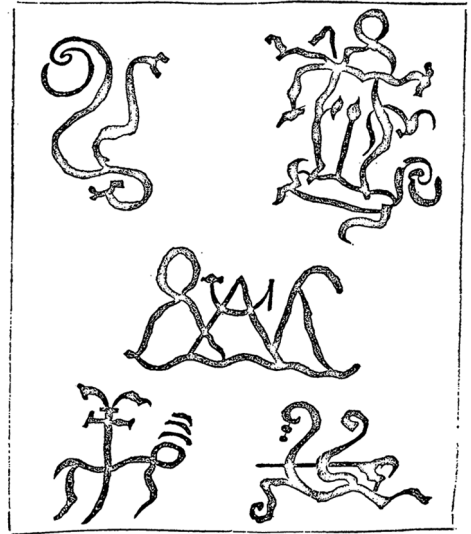
2

Tabula XIII.

3

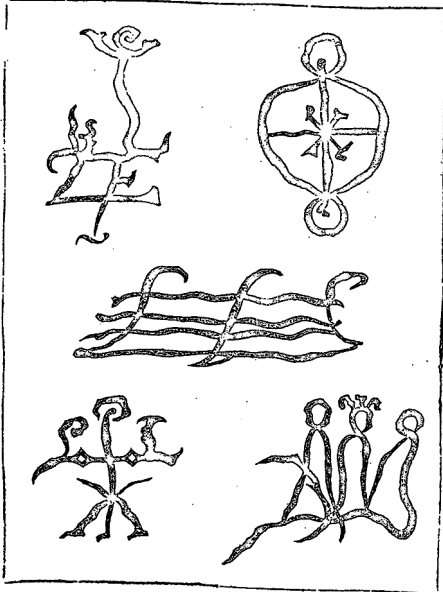
Tabula XIV.

3:3

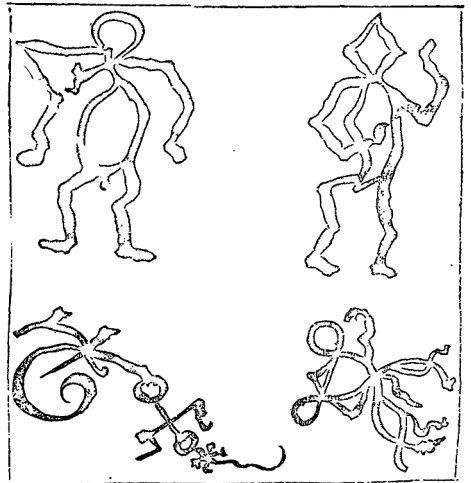
4

Tabula XV.

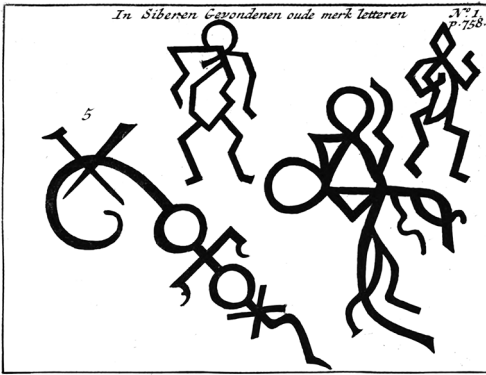
5

Tabula XVI.

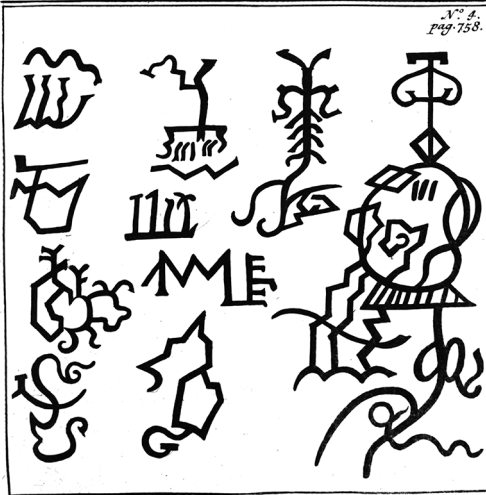

Abbildungen 2-5. Tafeln mit den Felsbildern aus Verchotur'e —
nach v. Strahlenberg [1730], S. 364, 365, 366 und 367

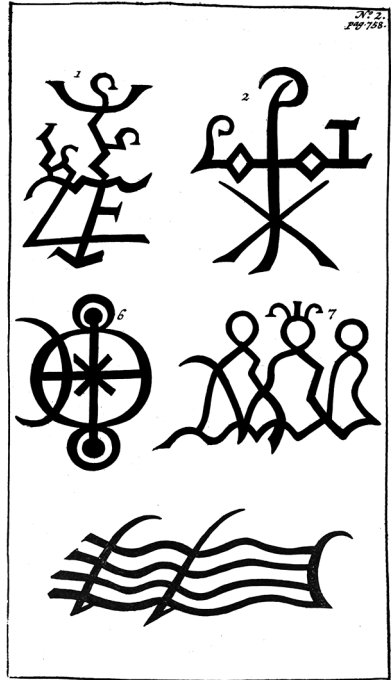
6a

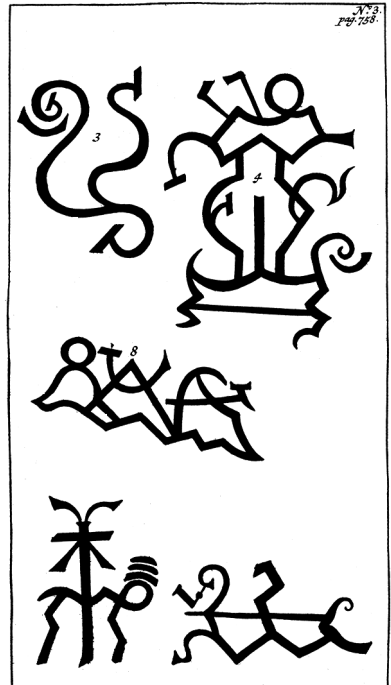
6b

7

8

Abbildungen 6–8. Tafeln mit den Felsbildern aus Verchotur'e – nach Witsen [1785], zwischen pp. 760 und 761

Größenverhältnisse verändert (vgl. Abb. 5 und 6a)). Es ist davon auszugehen, daß bei v. Strahlenberg ein «Kopistenfehler» vorliegt. Die Darstellungen bei Witsen erscheinen gegenüber jenen bei v. Strahlenberg — wie schon Černecov gelegentlich anmerkte — «geometrisiert», was auch auf die Wiedergaben bei Cuper, Materialien im Messerschmidt-Nachlaß²¹ und die Tafeln in Remezovs «Arbeitsbuch» von 1703 zutrifft. Die unmittelbaren Vorlagen für den Druck in Witsen (1785), deren Schöpfer unbekannt ist / sind, werden heute in der Korrespondenz zwischen Witsen und Cuper in den Beständen der Universitätsbibliothek von Amsterdam (wo sie unter der Signatur «Bf. 55 c 1–4» geführt werden) verwahrt. Als möglichen Vermittler, durch welchen die Materialien an Witsen oder in dessen Nachlaß gelangt sein könnten, kann man Johan van Keller, den Gesandten in Moskau, vermuten²². Černecov erwog zudem die Möglichkeit, daß Abschriften der Felsbilder für die niederländischen Veröffentlichungen von Jacob de Bee stammen, der 1711–1718 in Moskau lebte und dessen Briefe Nachrichten über Sibirien enthalten und Inschriften erwähnen²³ — zumindest wird er, ebenso wie die Nachrichten van Kellers, bei Cuper erwähnt. Nun scheint v. Strahlenberg keinen Kontakt zu Witsen unterhalten zu haben und hat für sein Werk sicher nicht die Abbildungen aus dem Nachlaß von Witsen, der ja bereits 1717 gestorben war, beschafft oder mit G. Cuper (†1716) in Verbindung gestanden. Bedeutsam ist allerdings, daß v. Strahlenberg (zusammen mit Karl Gustav Schulman(n)) Begleiter des Mediziners und Naturhistorikers Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) auf der ersten Etappe von dessen Sibirienreise war und sich ausgerechnet im Nachlaß von D. G. Messerschmidt in St. Petersburg (unter der Signatur «СП6Ф АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 19, 20, 21, 22»), handschriftliche Wiedergaben der selben (und weiterer) Felszeichnungen finden. Diese Bildtafeln im Nachlaß gehören zu den Materialien, die dem erhaltenen IV. Raport Messerschmidts zugehören²⁴. Auffällig allerdings ist, daß — um bei unserem Beispiel zu bleiben — auf der ersten Tafel die Position des vergleichsweise größten Elements (und verschiedener der kleineren) mit jener / jenen bei Witsen und Remezov übereinstimmt und auch die Anzahl der abgebildeten Elemente identisch ist — lediglich die Anordnung weicht von der bei Witsen gezeigten ab. Sowohl aus dem Werk v. Strahlenbergs als auch aus den Tagebuchaufzeichnungen Messerschmidts entnehmen wir, daß

²¹ Siehe unten.

²² *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири... С. 40; *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 8 и примеч. 13.

²³ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 8.

²⁴ Auf dem zugehörigen Deckblatt dieser Beilage zum IV. Raport ist vermerkt: «Specimen Philologicum Orientis Hyperborei. Abschrift einiger unbekandten Hieroglyphischen Characteren, wie selbige in einer felsichten Höhlen unweit des Fetkowskischen Eisenbruchs weiter auch sonst anderwertz an der Baskirischen Gräntzen mitt einer fast unverlöschlichen rothen Farbe geschrieben, befindtlich sind, Erleutert Mit einem gleichförmigten Abdruck eines Sardonijchischen Sigilles aus dem Heijdnischen Moggillen oder Gräbern genommen, nebst beijgefügtem Schematismo des Mungalischen Alphabethes und Schreib = art, wie auch Compednddieusen Tabelle der Haupt = Zahlen nach verschiedenen Siberischen und Orientalischer Völcker Dialect oder Mundart».

Schulman(n) Kopien und Illustrationen für «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» angefertigt hat²⁵. In Messerschmidts Tagebuch wird Schulman(n) als Expeditions-Zeichner erwähnt und die Abzeichnung von Steininschriften durch ihn ausdrücklich beschrieben²⁶. Andererseits können wir dem Tagebuch entnehmen, daß Messerschmidt sich Ende März / Anfang April 1726 in Verchotur'e aufhielt und (Eintrag v. 31.3.1726) dort irgendwelche Zeichnungen – vermutlich Kopien von Inschriften oder Felsbildern – vor Ort anfertigte²⁷. Aufgrund des Reiseverlaufs scheint klar, daß er sich dort zuvor wohl nicht aufgehalten hat und somit scheidet K. G. Schulman(n) als Kopist der Original-Inschriften aus, da dieser – zusammen mit v. Strahlenberg – Messerschmidt bereits am 28.5.1722 verließ²⁸. Hierzu vermerkte Messerschmidt in seinem Tagebuch²⁹: «Abends umb 5 Uhr ging Herr Kapt. Philipp Joan Tabbert von Strahlenberg mit Karl Gustav Schulman von Terechtjul'ust' mit einem Floß oder Plot den Kemčug-Strom hinunter, nachdem ich ihn zuvor völlige Instruktion schriftlich erteilet und mit Briefen an alle meine Korrespondenten versehen, welchen denn umb seiner redlichen Frömmigkeit und treufleißigen Assistenz nicht anders als mit vielen Tränen dimittierte».

Wohl aber kann Schulman(n) die bereits von Messerschmidt mitgeführten Zeichnungen³⁰ kopiert und später an v. Strahlenberg übergeben haben, woraus sich zumindest einige der Abweichungen der Bildtafeln in dessen

²⁵ Cf. die dem Band beigegebenen Tafeln.

²⁶ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Mit einem Vorw. von W. Steinitz und A. V. Topčiev. S. 59, 63. Von Steininschriften ist ausdrücklich die Rede in den Einträgen v. 4.1.1722 (Ibid. S. 168: «Karl Schulman folgte auch, umb die Figuren und caractères [Schriftzeichen] in die Steine abzuzeichnen»), vom 24.1.1722 (Ibid. S. 173 f.: «Heute schickte der Herr Doktor Kapt. Tabbert, Karl Schulman und Petern mit einem Wegweiser nach den Tes'-Strom, allwo ein steinern Bild sein sollte, umb solches zu besehen <...> Inmitten dieser Gräber, welche wie ein Zirkel in der Runde gingen, stand dieser Stein, ohngefähr 1 1/2 Werst auf jeder Seite des Tes'-Stroms, den sie umb 1 Uhr vorher passieret hatten. Karl Schulman setzte sich nieder und zeichnete alsofort den Stein ab, <...>»), vom 25.1.1722 (Ibid. S. 175: «<...> allwo abermal sehr viele Gräber waren, alle mit Steinen, wie [zu]vor gemeldet, besetzt, unter welchen einige Ecksteine waren, auf welchen vorzeiten allerhand Figuren und Schriften gewesen, welche aber durch die Länge der Zeit so ausgeloschen, daß es nicht mehr zu kennen. Doch zeichnete Karl Schulman einen Stein ab, der lauter irreguläre Quadraten als Rhombos und Rhomboides hatte»), etc.

²⁷ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727*. Berlin, 1977. Tl. 5 : Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 103: «[Ich]kupierte ... Tagil-fluvium vom Linken zum rechten Ufer ohne Gefahr, weil das Aufwasser kaum 1 Spann hoch, das Eis aber noch stark ware, ...».

²⁸ *Georgi J. G. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben*. Tl. I : Allgemeine Landesbeschreibung. Königsberg, 1797. S. 52; *Henze D. Strahlenberg (eigentl. Tabbert), Philipp Johann von // Enzyklopädie der Entdecker und Erforscher der Erde*. 25. Lieferung: Stoddart-Vadillo. Graz, 2003. Sp. 250.

²⁹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1*. S. 224.

³⁰ Siehe hierzu unten.

Werk gegenüber den Abbildungen bei Witsen und jenen im IV. Rapport Messerschmidts erklären. Zwar läßt Messerschmidt uns erfahren, daß er selbst irgendwelche Zeichnungen anfertigte und möglicherweise auch Inschriften u. dgl. kopiert hat, jedoch ist diesen Angaben — so auch jener, die sich auf die Arbeit in der Umgebung von Verchotur'e bezieht — nicht immer zu entnehmen, worum es sich dabei im Einzelnen gehandelt hat. Da auch Messerschmidt keinen Kontakt mit Witsen gehabt haben dürfte (er trat erst 1718 in Russische Dienste; zuvor war er in Danzig, wo seine Tätigkeit keinerlei Bezug zu Ethnographie oder Epigraphik hatte, wirksam) und sich wohl ebenfalls keine Bildmaterialien aus dessen Nachlaß beschafft hat oder gar Einblick in die von Witsen vorbereitete, aber nicht mehr dem Druck zugeführte dritte Auflage hatte. Allerdings sandte Messerschmidt bereits 1720 Kopien dieser Materialien von Tobolsk nach St. Petersburg³¹. Interessant ist in diesem Zusammenhang, daß Messerschmidt auf zwei der Tafeln mehr einzelne «Elemente» aufgeführt hat als später bei Witsen, Cuper oder v. Strahlenberg zu finden sind, was natürlich auch gegen eine Beschaffung aus dem Nachlaß von Witsen spricht, zumindest aber eine Kopistentätigkeit Schulman(n)s von einer von Messerschmidt bereits mitgeführten Vorlage nicht ausschließt. Umgekehrt war Witsen längst verstorben, als Messerschmidt schließlich Verchotur'e erreichte und somit sind wohl auch keine Materialien Messerschmidts in den Witsen-Nachlaß (oder gar die bereits vorbereitete dritte Auflage seines Werkes) eingeflossen und man wird eine «dritte Quelle» aus der Messerschmidt und Witsen direkt oder indirekt geschöpft haben, annehmen müssen. Eine Vermutung, die dadurch gestützt wird, daß Witsen selbst nicht als Urheber der Bildtafeln in «Noord en Oost Tartarye...» gezeichnet hat³² und bestenfalls als Auftraggeber in Frage kommt. Ph. J. v. Strahlenberg wird wohl die Materialien Messerschmidts, zumindest aber Kopien derselben, benutzt haben und G. Cuper bzw. der Herausgeber seiner Korrespondenz hat auf den Witsen-Nachlaß zurückgegriffen. Als solche «dritte Quelle» dürften natürlich wiederum Jakov Losev und Semjon Ul'janovič Remezov in Frage kommen. Hierfür spricht, daß Losev als Kopist des erwähnten Felsbildes vom Irbit von Witsen erwähnt wird, Witsen Materialien aus St. Petersburg bestellt hat und Messerschmidt ebenfalls auf entsprechende Zeichnungen in der Akademie-Bibliothek Zugriff hatte. Auch wird diese Annahme, durch den Umstand, daß die Abbildung auf Tafel 1 (Abb. 6b) bei Witsen ebenfalls von dem Stein bei Verchotur'e am Irbit (cf. hierzu Abb. 1) stammt, gestützt. Allerdings ist, auch wenn Witsen selbst darauf hinweist, daß er bereits eine Zeichnung für die vorbereitete zweite Ausgabe besaß, es wohl nicht möglich, daß er Remezovs Zeichnungen verwenden konnte — wie Černecov gelegentlich bemerkte, — da dessen Materialien, obgleich auf das Jahr 1703 datiert, erst später erschienen³³. Bedeutsam ist

³¹ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 7. Auch auf den Seiten in Messerschmidts IV. Rapport ist oben «A°. 1720» vermerkt.

³² Naarden B. The illustrations in Witsen's *North and East Tartary*.

³³ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 7.

natürlich der bereits oben erwähnte Umstand, daß die Zeichnungen aus Messerschmidts IV. Rapport Bilder oder «Figuren» zeigen, die bei allen anderen Autoren bzw. in allen nach 1720 erschienenen Publikationen fehlen. Hier kann natürlich nicht ausgeschlossen werden, daß entweder unterschiedliche Ausgangsmaterialien vorlagen, die an Witsen resp. Cuper einerseits und Messerschmidt andererseits gelangt waren oder einige der «Figuren» bei den Kopien, die nach Amsterdam geschickt wurden, aus nicht bekannten Gründen ausgelassen wurden. Ob man Remezov nun für den Urheber hält oder nicht (Černecov zumindest bringt hier berechtigt erscheinende Zweifel an), bedürfen doch noch immer verschiedene Aspekte der Überlieferung des Materials eingehenderer Betrachtung. Natürlich ist es dafür unerlässlich vielleicht noch unerschlossene Korrespondenzen an die Hand zu bekommen und man wird auf vollständige Auswertung der hinterlassenen Materialien Messerschmidts zumindest hoffen dürfen. Die Felsbilder selbst können heute keiner erneuten Musterung mehr unterzogen, werden, da der Zugang zum Fundort – wie Černecov mitgeteilt hat – aus «Gründen der Sicherheit und Zweckmäßigkeit» auf zehn Meter verbreitert wurde, sodaß die Felsbilder wohl verloren gegangen sein dürften³⁴.

---

³⁴ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 9.

*Д. Г. Савинов
Санкт-Петербург*

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ
РИСУНКОВ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ИЗ РУКОПИСИ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА «SIBIRIA PERLUSTRATA»***

Впервые проанализированы рисунки 364 памятников археологии Сибири из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata». Культурные и хронологические определения даны по современной периодизации археологических памятников Южной Сибири (от раннескифского до монгольского времени включительно).

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, рисунки памятников археологии, культурно-хронологическая атрибуция.

*D. G. Savinov
St. Petersburg*

**CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION
OF DRAWINGS OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS FROM THE
D. G. MESSERSCHMIDT'S MANUSCRIPT «SIBIRIA PERLUSTRATA»**

In the article the drawings of 364 monuments of the archeology of Siberia, presented in D. G. Messerschmidt's manuscript «Sibiria Perlustrata», are analyzed for the first time. Cultural and chronological definitions are given on the basis of the modern periodization of archaeological sites in southern Siberia (from the early Scythian to the Mongol period inclusive).

Key words: D. G. Messerschmidt, drawings of archaeological monuments, cultural and chronological attribution.

Попредметный анализ археологических материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта по их сохранившимся изображениям, а также открытых им изобразительных памятников, — задача сложная, но выполнимая. Следует сделать несколько замечаний, позволяющих уточнить их современное

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

научно-информационное значение. В первую очередь они касаются основного источника — иллюстративного Приложения к «Sibiria Perlustrata»¹.

1. При заполнении листов с изображениями тех или иных предметов художник-составитель (конечно, при участии самого Д. Г. Мессершмидта — ведь его труд посвящается императору Петру II) исходил, прежде всего, из функционального назначения вещей, помещая на одном листе предметы культа (л. 362), на другом — предметы вооружения (л. 385–387), отдельно — изображения животных (л. 363), зеркала (л. 366), глиняные сосуды (л. 383, 384), украшения (л. 389, 390) и т. д. Собранные таким образом в «тематические» таблицы изделия (за небольшими исключениями) по формам вещей, материалу и декорировке уже отражали определенную культурную специфику, хотя, конечно, никакой археологической периодизации сибирских древностей тогда не существовало. Эта особенность представленных на них изображений, при определенной выборке вещей, позволила сгруппировать их в соответствующие культурные комплексы, что было сделано в нашей предшествующей работе².

2. В некоторых случаях, несмотря на весьма продуманную организацию графического материала, на одном листе помещаются явно разновременные вещи: вместе с тагарскими (условно «скифскими» изделиями) — хуннские (л. 363), кимакские-сросткинские (л. 366), просто раннесредневековые (л. 385, 386) и пр. Поэтому определение культурной принадлежности всех изделий на данном листе в целом, как это было принято в некоторых работах, все же носит условный характер и требует дальнейшего уточнения.

3. Во многих случаях (в целях симметричного расположения рисунков и более полного заполнения листа?) один и тот же предмет, на что еще не обращалось внимания, показан с двух сторон. Перечислим все эти случаи. На листе 362 — № 1 и 3, 4 и 5, 6 и 7, 8 и 12; на листе 363 — № 2 и 4, 9 и 11, 12 и 13, 14 и 17, 15 и 16; на листе 364 — № 1 и 3, 5 и 7, 8 и 10, 11 и 13; на листе 366 — № 7 и 9, 10 и 11; на листе 369 — № 1 и 3; на листе 371 — № 1 и 2, 7 и 8, 4 и 5; на листе 386 — № 1 и 3, 4 и 5, 10 и 14, 9 и 15, 7 и 18, 6 и 17; на листе 393 — № 3 и 4, 6 и 8, 5 и 9, 10 и 13, 11 и 12, 15 и 19, 16 и 18. Всего 32 предмета. Для удобства пользования такие повторяющиеся двухсторонние изображения могут быть сведены в отдельную таблицу. Естественно, это не снижает научной значимости представленных таким образом материалов, но должно учитываться при подсчете всех возможных «единиц» археологического собрания Д. Г. Мессершмидта и еще раз актуализирует необходимость их более тщательного рассмотрения³.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Далее в тексте указываются только номера листов рукописи. — Так как рукопись факсимильно издана СПбФ АРАН в рамках гранта РФФИ, проект № 20-011-42006 (*Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc.* СПб., 2020), мы не посчитали нужным воспроизводить иллюстрации к статье Д. Г. Савинова (*Ред.*).

² *Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии.* СПб., 2017. Табл. II–VII.

³ На каждом из листов, разделенные косой линией, указаны номера предметов, изображенные с двух сторон. Порядковая нумерация изображений артефактов на каждом листе наша.

Лист	Рис.	Лист	Рис.
362	1 3	371	1 2
	4 5		7 8
	6 7		4 5
	8 12		1 3
363	2 4	386	4 5
	9 11		10 14
	12 13		9 15
	14 17		7 18
	15 16		6 17
364	1 3	393	3 4
	5 7		6 8
	8 10		5 9
	11 13		10 13
366	7 9	11 12	
	10 11	15 19	
369	1 3	16 18	

В атрибуции археологических материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта использованы изображения на листах под номерами от 348 по 393 (всего 34 листа, около 350 предметов). Отсутствуют листы 357–359, 361, 370, 372, 373, 375, 376, не имеющие к «древностям» отношения. Культурные и хронологические определения даны по современной общепринятой периодизации археологических памятников Южной Сибири (от ранне-скифского до монгольского времени включительно). Датировка предметов

тагарской культуры — в соответствии с предложенной нами с разделением по этапам памятников сарагашенского этапа: на первый период (V–IV вв. до н. э.) и второй период (IV–III вв. до н. э.)⁴.

На листах 348–351, 353 представлены изображения *каменных изваяний*, открытых Д. Г. Мессершмидтом, на листе 352 — *наскальных изображений*. На остальных — предметные находки, относящиеся к западно-южно-сибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта (1720–1722).

Лист 348. Каменное изваяние на р. Барна на севере Хакасии, открыто Д. Г. Мессершмидтом 11 июля 1722 г. Ввиду схематичности рисунка точное время определить трудно, предположительно середина I тыс. н. э., типа четырехгранных каменных изваяний Кижиташ и Улу-Кыс-таш. Более поздних известий об этом изваянии нет, скорее всего, оно не сохранилось.

Лист 349. Древнетюркское каменное изваяние, известное в литературе как Казан-Кыс-таш. Открыто и описано Д. Г. Мессершмидтом 20 июня 1722 г. Находилось в долине р. Черный Июс, близ с. Ошколь, «слева от дороги в прекрасной поросшей березами и соснами долине»⁵. Первое из древнетюркских каменных изваяний, открытых на Среднем Енисее, по особенностям иконографии и изображению реалий может быть датировано VIII–IX вв. Дальнейшая судьба этого изваяния неизвестна.

Лист 350. Каменное изваяние на р. Бирь около улуса Тазмина, открыто Д. Г. Мессершмидтом 2 августа 1722 г. Окуневская культура, черновский этап, предположительно XVI–XIV вв. до н. э. В 1925 г. изваяние высотой 3,5 м вывезено С. А. Теплоуховым в Ленинград, в Музей этнографии народов СССР (ныне — Российский этнографический музей), где и находится в настоящее время.

Лист 351. Изваяние Куртуяк-таш, или «Старуха-камень» в Усть-Абаканской степи. Открыто Д. Г. Мессершмидтом 18 августа 1722 г. Находилось около улуса Онхаков и служило «маяком» в тагарском кургане. Так же как предшествующее («тазминское»), одно из самых известных изваяний окуневской культуры. В 1954 г. изваяние было вывезено А. Н. Липским в Абаканский музей⁶, где находилось до 2003 г. В 2003 г. по требованию общественности перевезено на прежнее место, около улуса Онхаков, и помещено в специально сделанное для этого сооружение⁷.

⁴ Савинов Д. Г. Проблемы хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica. Материалы Международного симпозиума «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск, 2011. С. 215. Табл. 2.

⁵ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / пер. с нем. Е. А. Ким; науч. ред. Э. Л. Львова. Абакан, 2012. С. 110.

⁶ Липский А. Н. Енисейские изваяния (Путеводитель). Абакан, 1970.

⁷ Савинов Д. Г. К интерпретации женского в искусстве населения эпохи бронзы Минусинской котловины // Мужская и женская субкультуры в архаике: мифология, системы обозначения, функции: материалы междисциплинарного семинара «Теория и методология архаики» / сост. и отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб., 2019. Рис. 1, 2, 6.

Лист 352. «Писанный камень» на Енисее, севернее дер. Бирюса. Обследован Д. Г. Мессершмидтом дважды: первый раз при совместной поездке с Ф. И. Таббертом в Красноярск, когда и был сделан этот рисунок (23 февраля 1722 г.); второй раз — при возвращении Мессершмидта из Саянского острога в Красноярск — 3 октября 1722 г.⁸ Опубликовано Ю. Г. Белокобыльским⁹. Сведений о дальнейших исследованиях этой писаницы нет.

Лист 353. Каменное изваяние с непонятными изображениями и отломанной головой. Открыто Д. Г. Мессершмидтом на оз. Далай-Нор в 1724 г. К публикуемой серии южносибирских памятников отношения не имеет. Очевидно, эпоха Средневековья, но более точных датирующих данных нет.

Листы 355–356. Бронзовая статуэтка сидящего Будды — Ами табхи. Судя по подписи, из Даурии. К публикуемым материалам южносибирской коллекции отношения не имеет.

Лист 360. Бронзовая листовидная подвеска с изображением стоящего пушистого зверька (белочки?), приобретенная в районе Абаканского острога (запись в дневнике Д. Г. Мессершмидта от 19 сентября 1722 г.¹⁰). Поздний этап культуры енисейских кыргызов, XI в. Опубликовано как «бляха из Сибири» в статье Г. Г. Король и Л. В. Коньковой¹¹; в качестве заставки в книге Г. Г. Король¹².

Лист 362. Культовые изделия.

№ 1–3, 9–11 — набор металлических подвесных украшений с изображением стоящих антропоморфных фигур в различных комбинациях: 1, 3 — две стоящие фигурки с «рамками», противопоставленные третьей; 2 — одиночная фигура с руками, оканчивающимися головками животных; 9, 11 — одиночные стоящие фигурки с такими же «рамками»; 10 — крупное резное изображение с антропоморфной личиной и свисающей от ушей цепью, на которой подвешен полый двухсоставной колокольчик. Западная Сибирь. Позднее Средневековье или этнографическое время (XV–XVII вв.). Возможно, принадлежности одного шаманского (?) костюма. Точные аналогии неизвестны¹³.

№ 4, 5 и 6, 7 — полые вытянутые предметы (трубочки), возможно, от того же комплекса украшений.

⁸ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 156.

⁹ Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований, XVIII — первая треть XX в. Новосибирск, 1986. Рис. 5.

¹⁰ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск... С. 149.

¹¹ Король Г. Г., Конькова Л. В. Коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа в исследованиях средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий // Археологические вести. 2010. № 16. Рис. 1, 17.

¹² Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников: Очерки. М.; Кемерово, 2008. С. 137.

¹³ Опул.: Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, etc. Stockholm, 1730. Ab. III, B.C; Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. I, вып. 2. Приложения. Табл. III.

№ 8, 12 — подвеска в виде рыбы. Аналогии неизвестны. Скорее всего, этнографическое время.

№ 13, 14 — детали обломанной гривны (обруча?) с антропоморфными изображениями. Время и место неопределенные.

Всего 14 изображений; предметов — девять.

Лист 363. Зооморфные изображения.

№ 1 — фигурка стоящего в кольце оленя; № 2, 4, 5 — изображения стоящих горных козлов (навершая каких-то более крупных предметов — факельниц?); № 3 — бронзовая пряжка в виде свернувшегося копытного животного (или «дракона?»); № 6, 8 — изображения кошачьих хищников; № 7 — фигурка лежащего горного козла (навершие какого-то предмета); № 9, 11, 18, 19 — фигурки стоящих лошадей; № 10 — антиподальное изображение двух обернувшихся куланов (?); № 12, 13 — изображение грифона; № 14, 15, 16, 17 — фигурки «летающих» оленей и стоящих оленей.

№ 1, 14, 15, 16, 17 — тагарская культура, вторая половина сарагашенского этапа (VI–V вв. до н. э.)¹⁴; № 3 — хуннское время, конец II в. до н. э. — середина I в. н. э.¹⁵; № 9, 11, 18, 19 — тагарская культура, время неопределенное.

№ 6, 8, 10, 12, 13 — Средняя Азия или Восточный Казахстан. Сакское время, не ранее VI в. до н. э. Точное время и место неопределенные.

Всего 19 изображений; предметов — 14.

Лист 364. № 1–3, 5–13 — бронзовые пластинчатые подвески («амулеты») с изображением антиподально расположенных голов и фигурок лошадей. Таштыкская культура, III–V вв. н. э.¹⁶

№ 4 — большая сердцевидная бляха (подвеска?), судя по всему, такой же принадлежности.

Всего 13 изображений; предметов — девять.

Лист 365. Изображения птиц.

№ 1, 3 — фигурки птиц фениксов китайского происхождения. Аналогии: изображения фантастических птиц (павлинов?) на золотых изделиях из Копенского чаа-таса. Культура енисейских кыргызов, VIII–X вв.¹⁷

¹⁴ Аналогии: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Табл. XX, 13; *Членова Н. А.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 24; *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983. № 8–10 и сл.

¹⁵ Аналогии: *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1980. Табл. 19–27. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д 4–7); *Нащекин Н. В.* Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. Рис. на с. 164.

¹⁶ Аналогии достаточно многочисленны; наиболее полно собраны (по памятникам): *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М., 1960. Рис. 48 (Сырский и Уйбатский чаа-тасы); *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. Табл. 67–68 (Ташебинский чаа-тас).

¹⁷ Аналогии: *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. Рис. 71, 72, 78; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. Табл. LVI; *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. Рис. 21.

№ 2 — бронзовая подвеска с геральдическим изображением птиц; № 5 — бронзовая подвеска со схематическим изображением двух противостоящих птиц; № 7 — подвеска в виде летящей птицы. Сросткинская культура, вторая половина VIII — середина XI в. Западный или Северный Алтай¹⁸.

№ 6 — бронзовая (или золотая?) бляха с изображением стоящей птицы с расправленными крыльями и цветами. Монгольское время (XIII–XV вв.). Аналогии неизвестны.

№ 4 — обломок плоского бронзового предмета (зеркала? блюда?), украшенного свастикой с рунической надписью по краю. Минусинская котловина, не ранее VIII в.¹⁹ Аналогии неизвестны.

Всего семь предметов.

Лист 366. № 1–6, 8 — бронзовые зеркала тагарской культуры: 2, 8 (со «шляпкой») — подгорновский этап (VII–VI вв. до н. э.); 4, 6 — с петелькой на обороте — того же времени или более поздние; 1, 3, 5 — «медалевидные» — вторая половина сарагашенского этапа (IV–III вв. до н. э. или более поздние). Аналогии весьма многочисленны.

№ 7, 9 — бронзовая орнаментированная подвеска. Сросткинская культура, вторая половина IX — середина XI в. Северный Алтай или юг Западной Сибири. Аналогии: те же, что лист 365, № 2, 5, 7.

№ 10, 11 — обломанная фигурка «летащего» оленя. Тагарская культура, сарагашенский этап, V–IV вв. до н. э.²⁰

Всего 11 изображений; предметов — девять.

Лист 367. Фрагмент китайского зеркала с изображением феникса и *ци-линя* (крылатый конь). Китай, вторая половина династии Тан, VIII–IX вв.²¹

Лист 368. Бронзовое зеркало с изображением бегущих животных (лев, олень, собака, заяц и лиса) и арабской благопожелательной надписью по верхнему краю. Иран, XI–XIII вв. Опубликовано и атрибутировано Е. И. Лубо-Лесниченко²².

Лист 369. Иноземные достопримечательности — 1.

№ 1, 3 — золотой амулет, на обеих сторонах которого изображен антропоморфный персонаж, окруженный развевающимися лентами с включением знаков арабского алфавита.

№ 4, 5, 7, 8 — арабские дирхемы. Место приобретения — Западная Сибирь (?). Эпоха раннего Средневековья, не ранее VIII в.

¹⁸ Аналогии на Енисее: *Клементь Д. А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох (с атласом). Томск, 1886. Табл. VIII, 26.

¹⁹ Оpubл.: *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Abb. V, D; *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 2. Табл. V; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. № 99. Рис. 45.

²⁰ Аналогии: *Членова Н. А.* Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры / отв. ред. К. Ф. Смирнов. М., 1962. С. 167–203. (МИА. № 115).

²¹ Оpubл.: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины... С. 54. Рис. 24.

²² Там же. С. 104–105. Рис. 99.

№ 2 — китайская монета кайюань-тунбао, VII–IX вв.

№ 6, 9 — китайские бронзовые зеркала с надписью Эрцзвцинъ. Китай, X–XII вв. Опубликовано и атрибутировано Е. И. Лубо-Лесниченко²³.

Всего изображений — девять; предметов — восемь.

Лист 371. Иноземные достопримечательности — 2.

№ 1, 2, 7, 8 — бронзовые фигурки «летающих» оленей. Тагарская культура, сарагашенский этап, V–III вв. до н. э.²⁴

№ 3 — китайское зеркало эпохи Тан типа «виноградник»; № 6 — бронзовое китайское зеркало. Период Северной Сун, XI–XII вв. Опубликовано и атрибутировано Е. И. Лубо-Лесниченко²⁵.

№ 4, 5 — бронзовая пуговица с изображением антропоморфного персонажа с накинутой на него шкурой с головы кошачьего хищника («Геракла»). Не ранее IV в. до н. э. Происхождение и аналогии неизвестны.

Всего изображений — восемь, предметов — пять.

Лист 374. Иноземные достопримечательности — 3.

№ 1 — китайское бронзовое зеркало типа «виноградник». Вторая половина эпохи Тан, VIII–IX вв. Аналогии²⁶: см. также лист 371, № 3.

№ 2 — фигурка стоящей птицы феникса, аналогичная изображенной на листе 365, № 3. Украшение какого-то предмета. Культура енисейских кыргызов, VIII–X вв. Аналогии: те же, что на листе 365, № 1, 3.

№ 3 — фигурка стоящего верблюда с четко проработанной шерстью. Возможно, о ней говорится как о приобретенной 4 апреля 1721 г. в р-не с. Ус-Карагая на р. Обь²⁷. Время неопределенное.

№ 4 — серебряный (?) предмет (диск, «тарелка»?) со сделанной позднее (?) петелькой для подвешивания (вторичное использование?), украшенный рядом треугольников с зернью по краю и фигуркой «хвостатого» сфинкса посередине. Судя по деталям и технике нанесения изображений (гравировка, зернь) — среднеазиатского происхождения. Эпоха раннего Средневековья. Точные аналогии неизвестны.

№ 5 — оплавленная (?) ременная накладка с изображением стоящего кошачьего хищника. Культура енисейских кыргызов, IX–X вв. Наиболее близкие параллели — бронзовые ременные накладки и наконечники ремней, украшенные фигурами стоящих или «крылатых» хищников²⁸.

№ 6 — серебряный кувшинчик с откинутой крышкой и рифленой поверхностью, на цепочке. Точных аналогий не имеет. Скорее всего,

²³ Там же. С. 111. Рис. 104.

²⁴ Аналогии: Членова Н. Л. Скифский олень.

²⁵ Аналогии: Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины... С. 45. Рис. 15–19.

²⁶ Аналогии: Там же. С. 64–65. Рис. 48.

²⁷ Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. I, вып. 1. Приложения. С. 10; Копанева Н. П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 76.

²⁸ Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов... Рис. 41, 1; 53, 1, 2; 54.

среднеазиатского (согдийского) происхождения. По Б. И. Маршаку, школа С — VII–VIII вв.²⁹

Всего шесть предметов.

Лист 377. Металлические сосуды — 1.

№ 1 — металлический кувшин — «чайник» с ручкой и высоким носиком. Скорее всего, поздний, Нового времени.

№ 2, 3 — обломок котла «скифского типа» на поддоне с вертикальными ручками. Тагарская культура, скорее всего, первая половина сарагашенского этапа — V–IV вв. до н. э.³⁰

№ 4 — бронзовый котелок с горизонтальными ручками и уплощенным дном (возможно, искажение рисунка). Подобного рода котелки представлены в случайных находках и в погребениях IV–III вв. до н. э.³¹

Всего четыре предмета.

Лист 378. Металлические сосуды — 2.

№ 1, 7 — металлические (бронзовые?) котелки с горизонтальными ручками. Тагарская культура, вторая половина сарагашенского этапа, IV–III вв. до н. э. Аналогии: те же, что лист 377, № 4.

№ 2 — серебряный (?) кубковидный сосуд на коническом поддоне, напоминающий серебряные кубки монгольского времени, XIII–XIV вв. (Часовенная гора в Красноярске)³².

№ 3, 5, 6 — металлические модели котлов «скифского типа» с вертикальными ручками. Поздний (тесинский) этап тагарской культуры, II в. до н. э. — I в. н. э.³³

№ 4 — серебряный кувшинчик на низком поддоне, с одной вертикальной ручкой и орнаментированным щитком. Культура енисейских кыргызов, VIII–IX вв.³⁴

Всего семь предметов.

Лист 379. Серебряная кружка на низком поддоне с каннелированной поверхностью и округлой ручкой, покрытой горизонтальным орнаментированным щитком (вид в трех проекциях). Наиболее близкие

²⁹ Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. С. 17. Табл. 14, 26.

³⁰ Аналогии: Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Табл. 18.

³¹ Аналогии: Членова Н. Л. Скифский олень. Табл. 19; Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на Юге Сибири (Большой Новосёловский и Большой Полтаковский курганы). СПб., 1993. Рис. 48 (Большой Новосёловский курган). (Археологические изыскания; вып. 7).

³² Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. Рис. 14 и др.

³³ Аналогии: Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М. Г. Мошкова. (Археология СССР. Т. 10). М., 1992. Табл. 93, 3 (Барсучиха).

³⁴ Аналогии: Евтохова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов... Рис. 71–72; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. LVI, 1, 2; Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов... Рис. 23 (Копенский чаа-тас).

параллели — изделия согдийской торевтики (Средняя Азия) — серебряные кувшинчики школы С, по Б. И. Маршаку, VII–VIII вв.³⁵ Три изображения — один предмет.

Лист 380. Один из самых известных предметов коллекции Д. Г. Мессершмидта — «кубок Мессершмидта» с изображением сцены конной «богатырской» охоты. Найден в одной из разграбленных могил в районе Абаканского острога и является произведением китайской торевтики, предположительно IX–X вв. Однако не исключено, что этот сосуд «вполне мог быть изготовлен кыргызскими мастерами на Енисее»³⁶. Основание для этого — бронзовые рельефы-украшения лук седла с аналогичными фигурами мчащихся всадников из Копенского чаа-таса. Опубликовано неоднократно³⁷.

Лист 383. Глиняные сосуды — 1.

№ 1, 2 — глиняные сосуды культуры енисейских кыргызов, т. н. кыргызские вазы, VII–IX вв.³⁸

№ 3 — глиняный сосуд с двумя небольшими «ушками» и орнаментом в виде свисающих треугольников по плечикам. Таштыкская культура, III–V вв.³⁹ Точные аналогии неизвестны.

№ 4 — глиняный сосуд с гладкими стенками, судя по профилировке — хуннского времени. В Минусинской котловине — тесинского этапа или культуры грунтовых могильников, конец II в. до н. э. — середина I в. н. э.⁴⁰

Всего четыре предмета.

Лист 384. Глиняные сосуды — 2.

Культура енисейских кыргызов. № 1, 3, 4 — орнаментированные (т. н. кыргызские вазы); № 2 — с гладкими стенками и небольшой вертикальной ручкой на тулове. VIII–IX вв. Аналогии: лист 383, № 1, 2.

Всего четыре предмета.

Лист 385. Предметы вооружения — 1.

№ 1 — бронзовый чекан с фигурками горных козлов на обушке. Тагарская культура, вторая половина сарагашенского этапа, IV–III вв. до н. э.⁴¹

³⁵ Маршак Б. И. Согдийское серебро... С. 47. Табл. 14, 26.

³⁶ Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 18.

³⁷ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. Приложения. Табл. III, IV; Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов... Рис. 85; Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. Рис. 6; Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников... Табл. III, IV; и др.

³⁸ Ближайшие аналогии: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов... Рис. 6, 7; Кызласов А. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов... Рис. 3–8; и др.

³⁹ Опубликовано: Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. Рис. на с. 27.

⁴⁰ Аналогии: Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. Рис. 10, 6; табл. XV, I и др.

⁴¹ Аналогии: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XXIV, 6; Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. Табл. 10; Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее... С. 104–107; и др.

№ 2, 4 — железные наконечники стрел. Культура енисейских кыргызов, IX–X вв.⁴²

№ 3, 6, 7, 8 — модели чеканов тесинского этапа тагарской культуры, II в. до н. э. — I в. н. э.⁴³

№ 5, 9 — полноразмерные бронзовые боевые чеканы тагарской культуры. Подгорновский этап, VII–VI вв. до н. э.⁴⁴

Всего предметов — девять.

Лист 386. Предметы вооружения — 2.

№ 1, 2, 3, 7, 18 — железные наконечники стрел, возможно, из одного «набора». Культура енисейских кыргызов. Конец I — начало II тыс. Аналогии: те же, что лист 385, № 2, 4, и др.

№ 4, 5 — бронзовые чеканы с фигуркой горного козла на обушке. Тагарская культура, первая половина сарагашенского этапа, V–IV вв. до н. э. Аналогии: те же, что лист 385, № 1, и др.

№ 6, 9, 15, 17 — бронзовые проколки. Встречаются на всех этапах развития тагарской культуры. Аналогии весьма многочисленны.

№ 10, 14 — уменьшенные копии бронзовых чеканов. Тесинский этап тагарской культуры или ее лесостепной вариант. II в. до н. э. — I в. н. э.⁴⁵

№ 8, 12, 16 — бронзовые кинжалы тагарской культуры: 8 (предположительно) — более ранний (VII–VI вв. до н. э.); 12 — «классический» (V–IV вв. до н. э.); 16 — более поздний (IV–III вв. до н. э.).⁴⁶

№ 11, 13 — бронзовые пластинчатые ножи тагарской культуры: 11 (предположительно) — более ранний (VI–V в. до н. э.); 13 — более поздний (V–IV вв. до н. э.).⁴⁷

Всего изображений — 18, предметов — 12.

⁴² Аналогии: Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. Табл. XXIV, 1–3, 7, 8; и др.

⁴³ Аналогии: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XXIV, 11, 12; Пшеницына М. Н. Тесинский этап. Табл. 94, № 50; и др.

⁴⁴ Аналогии: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XXIV, 1–4; Членова Н. А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Табл. VII; Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее... С. 175, № 232–240; Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. Табл. VI; Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003. Табл. LVIII, 110 (Гришкин Лог и др.); Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи. (По результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012. Табл. LVIII, 10 (Есинская группа памятников); и др.

⁴⁵ Аналогии: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XXIV, 11, 12; Пшеницына М. Н. Тесинский этап. Табл. 94, № 50 и др.; Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Табл. XI; и др.

⁴⁶ Аналогии: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XX, 1–9; Членова Н. А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Табл. 3; Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I: Древняя Сибирь / глав. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. Л., 1968. С. 191–193; Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Табл. 7–8.

⁴⁷ Аналогии многочисленны: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XXIII; Грязнов М. П. Тагарская культура. С. 192–193; Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Табл. VI–VII.

Лист 387. Предметы вооружения — 3.

№ 1, 4–5, 9 — бронзовые ножи разных этапов тагарской культуры. V–III вв. до н. э.

№ 2, 3, 6, 7, 8 — бронзовые кинжалы тагарской культуры: 7 — подгорновского этапа (VII–VI вв. до н. э.); 3, 6, 8 — первая половина сарагашенского этапа (V–IV вв. до н. э.); 2 (предположительно) — вторая половина сарагашенского этапа (IV–III вв. до н. э.). Датировка и аналогии: те же, что лист 386, № 8, 12 (кинжалы); № 11, 13 (ножи).

Всего девять изображений, предметов — девять.

Лист 388. Железные стремена эпохи раннего Средневековья.

№ 1, 2 — модели стремян с петлевидной дужкой, VI–VII вв.⁴⁸

№ 3 — стремя с пластинчатой дужкой и прорезной подножкой. Культура енисейских кыргызов, IX–X вв.⁴⁹

№ 4 — железное стремя с отверстием в дужке. Монгольское время, XIII–XV вв. Аналогии весьма многочисленны (во всех памятниках этого времени). Всего предметов — четыре.

Лист 389. Предметы поясной гарнитуры, уздечные украшения и тройники эпохи раннего Средневековья — 1 (в основном VIII–X вв.).

№ 3, 6, 8–14, 20, 34 — культура енисейских кыргызов (IX–X вв.); № 29–33, 35 — изделия, встречающиеся как в памятниках енисейских кыргызов, так и в сросткинских, вторая половина IX — начало XI в.

№ 1, 7, 23, 39 — предметы из древнетюркских погребений с конем VIII–X вв.; № 2, 4, 5, 15–19, 22, 26, 35, 38 — предметы, относящиеся к тому же времени, но точно не определимые; в том числе, возможно, и западного происхождения (№ 16–18, 22, 26). Аналогии весьма многочисленны⁵⁰.

Всего предметов — 39.

Лист 390. Бронзовые пряжки, предметы поясной гарнитуры и уздечные украшения эпохи раннего Средневековья — 2.

№ 1, 6, 8 — предположительно VI–VII вв.; № 5, 7, 9 — культура енисейских кыргызов, VIII–X вв.; № 4, 12, 16 — предположительно древнетюркские погребения с конем, VII–VIII вв.; № 2, 3 — сросткинская культура, вторая половина IX — начало XI в.

№ 10, 11, 13, 15, 17–51 — отдельные мелкие поясные и уздечные украшения, трудноопределимые. Среди них (№ 20–22, 24), скорее всего, — сросткинские (вторая половина IX — начало XI в.). Известны и в собрании

⁴⁸ Аналогии: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины... Рис. 51, 9, 10; Савинов Д. Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2005.

⁴⁹ Аналогии: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов... Рис. 13 и др.

⁵⁰ Аналогии наиболее полно представлены: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Табл. LXI (Тюхтятский клад); Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов...; Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников...; Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. Рис. 81–82; и др.

Минусинского музея⁵¹. Это соответствует мнению С. В. Киселева о том, что «в IX–X вв. по всему Саяно-Алтайскому нагорью распространяется новая мода на вещи тютятско- (т. е. кыргызского. — Д. С.) сроткинского типа»⁵². Аналогии: весьма многочисленны.

№ 14 — бронзовая ложечковидная застежка хуннского времени. В Минусинской котловине — тесинские грунтовые могильники, конец II в. до н. э. — середина I в. н. э.⁵³

Всего предметов — 51.

Лист 391. № 1–17 — ажурные поясные пряжки и накладки таштыкской культуры, III–V вв. н. э.⁵⁴

№ 18, 25 — бронзовые котелки — амулеты таштыкской культуры, III–V вв. н. э.⁵⁵

№ 20 — подвесная бляха-решма с антропоморфной личиной. Культура енисейских кыргызов, IX–X вв.⁵⁶

№ 19, 21, 22–24 — отдельные мелкие предметы (пуговицы и пронизки), с точки зрения хронологии и места происхождения неопределимые.

Всего предметов — 25.

Лист 392. Золотые зооморфные украшения — изображения различных животных: козлов (№ 8, 9), стоящих и идущих кошачьих хищников — барсов? (№ 5, 6, 7, 10, 11), ежей (№ 2, 4). Тагарская культура, вторая половина сарагашенского этапа, IV–III вв. до н. э.⁵⁷

№ 3, 9 — изображения горных козлов со вставками, скорее всего, хуннского времени (?). Остальные — № 12–98 — мелкие золотые или бронзовые украшения скифо-сарматского времени, но точнее не определимые.

Всего предметов — 98.

Лист 393. № 1, 2 — сферические пуговицы подгорновского этапа тагарской культуры, VII–VI вв. до н. э.⁵⁸

⁵¹ Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея... Табл. VIII, 8, 21, 26.

⁵² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С. 588.

⁵³ Аналогии: Грязнов М. П. Тагарская культура. С. 192; Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Табл. VIII; Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. Табл. XXIV, 4; XXV, 3, 4.

⁵⁴ Аналогии: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины... Рис. 7; Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. Табл. 66, 71 (Ташебинский чаа-тас) и сл.

⁵⁵ Аналогии: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины... Рис. 28; Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Табл. 87–89.

⁵⁶ Опубликовано: Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников... Рис. 23, 4 (копия в альбоме В. В. Радлова в МАЭ). Аналогии: Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов... Рис. 50; Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников...; и др.

⁵⁷ Аналогии: Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на Юге Сибири... Рис. 18–20.

⁵⁸ Аналогии: Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. Табл. 27, 28, 1–5 и сл.; Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи... Табл. XV, 10–13; XVI, 4–9; и др.

№ 3–6 — фигурные украшения (накладки) из золотой фольги. Тагарская культура, вторая половина сарагашенского этапа, IV–III вв. до н. э.⁵⁹

№ 23, 26 — предметы неясного назначения, скорее всего, золотые (или бронзовые) пластинчатые ножные браслеты. Тагарская культура, первая половина сарагашенского этапа, V–IV вв. до н. э. Аналогии: те же, что и лист 392.

Всего изображений — 24, предметов — 16.

Таким образом, общее число изображенных памятников археологии на всех листах Приложения к «Sibiria Perillustrata», считая мелкие изделия, составляет 364 экземпляра. Это крупнейшая в ту эпоху археологическая коллекция сибирских древностей не только в России, но и в мире.

Не совсем объяснимо полное отсутствие в коллекции Д. Г. Мессершмидта предметов эпохи бронзы, хотя содержащие их погребения были наиболее доступны для вскрытия и ограбления. Или они как «малоинтересные» не включались в состав коллекции, или исчезли из могил задолго до их ограбления искателями древностей (были пущены современниками на переплавку?), или не были включены в число предметов для иллюстрации?

Значительная часть вещей происходит из погребений тагарской культуры, возможно, это объясняется тем, что именно они являлись в этом районе Южной Сибири основной целью ограбления, т. к. могли содержать золотые и другие наиболее ценные предметы.

Некоторые вещи (в первую очередь зооморфные навершия) были отломаны от более крупных предметов (лист 363, № 2, 4; и др.). Кем? Бугровщиками для продажи, при составлении коллекции или так переданы художником в целях «экономии» рисунка?

Три столетия спустя на эти вопросы ответа мы дать не сможем.

⁵⁹ Аналогии: *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на Юге Сибири... Рис. 39, 42, 47 (Большой Новосёловский курган).

*И. В. Тункина
Санкт-Петербург*

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ В РИСУНКАХ ЭКСПЕДИЦИЙ Д. Г. МЕССЕРШМИДА И Г. Ф. МИЛЛЕРА*

В статье рассмотрены графические материалы экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь, запечатлевшие памятники археологии Сибири. Сравнительный анализ рисунков, выполненных К. Г. фон Шульманом и Д. Г. Мессершмидтом, относительно примеров творчества профессиональных художников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции И. В. Люрсениуса и И. Х. Беркхана, хранящихся в «Портфелях Миллера», показал, что рисунки экспедиции Д. Г. Мессершмидта более точны. Эти изобразительные документы требуют систематизации, современной научной атрибуции изображенных памятников и скорейшего ввода в научный оборот.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, Сибирь, археологические памятники, рисунки.

*I. V. Tunkina
St. Petersburg*

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF SIBERIA IN THE DRAWINGS OF D. G. MESSERSCHMIDT'S AND G. F. MÜLLER'S EXPEDITIONS

The article deals with the graphic materials of D. G. Messerschmidt's expedition to Siberia, which captured the monuments of the archeology of Siberia. There was done the comparative analysis of the drawings made by K. G. von Schulmann and D. G. Messerschmidt with the drawings by the professional draftsmen of the Academic team of the Second Kamchatka Expedition J. W. Lürsenius and J. Ch. Berckhan, stored in the "Müller's Portfolios". The analysis has showed that the drawings, made during D. G. Messerschmidt's expedition, are more accurate. These graphic documents require systematization, modern scientific attribution of the depicted monuments, and prompt introduction into scientific circulation.

Key words: D. G. Messerschmidt, G. F. Müller, Siberia, archaeological monuments, drawings.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-01-42006.

Немецкий естествоиспытатель Даниэль Готлиб Мессершмидт (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) по поручению Петра I руководил первой научной комплексной экспедицией в Сибирь (1719–1727) и стал первооткрывателем территорий северо-востока Евразии для мировой науки. Врач из Данцига, причисленный к Аптекарской (с 1721 г. — Медицинской) канцелярии, по собственной инициативе стал проводить наблюдения и исследования в области древней истории и археологии Сибири, знакомиться с коллекциями археологических памятников (и их рисунками), собранными частными лицами, в том числе первым сибирским губернатором М. П. Гагариным, ссыльными шведами и немцами («каролинами»), грабителями могил (бугровщиками) и пр.¹ Д. Г. Мессершмидт не смог сам ввести в научный оборот открытые артефакты — все привезенные им материалы, включая рукописи, карты, книги и археологическое собрание («удивительные антиквитеты»), были опечатаны по приказу Медицинской канцелярии от 7 января 1728 г., затем переданы на хранение в Кунсткамеру Петербургской академии наук. Под присягой исследователю было запрещено изучать собственные коллекции и публиковать описания и рисунки «куриозных вещей»².

Изучением и изданием привезенных артефактов и монументальных памятников древности занялись кёнигсбергский ученый, первый академик-историк и синолог Петербургской АН Готлиб Зигфрид Байер (*Gottlieb Siegfried Bayer*; 1694–1738) и ближайший помощник Д. Г. Мессершмидта, тогда пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, по возвращении в Швецию с 1723 г. ставший использовать дворянскую фамилию фон Страленберг (*Philipp Johann Tabbert (von Strahlenberg)*; 1677–1747). Именно Ф. И. Табберт вел дневник экспедиции с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г.

Личный фонд Д. Г. Мессершмидта (№ 98) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Рисунки памятников археологии Сибири, о которых говорится в тексте изданных дневников экспедиции, представлены в делах фонда Д. Г. Мессершмидта. Значительная их часть приложена к рапортам ученого в Медицинскую канцелярию, включена в качестве иллюстраций к его основному иллюстрированному труду «*Sibiria Perillustrata*» (1728; факсимильное изд.: СПб., 2020), а также составляет отдельные дела фонда. Из 22 рапортов Д. Г. Мессершмидта в Аптекарскую (Медицинскую) канцелярию приложения с рисунками были только у трех рапортов: IV рапорт (25 июня 1720 г.) из Тобольска; X рапорт (20 мая 1722 г.) из Красноярска; XIV рапорт (15 февраля 1724 г.) из Иркутска. В сохранившихся до настоящего времени материалах Медицинской канцелярии в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) рапорты

¹ Тункина И. В. Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 45–61.

² Материалы для истории Императорской академии наук : в 10 т. / сост. и ред. М. И. Сухомлинов. СПб., 1885. Т. 1. С. 288–290, 296–297, 347–349, 374–375, 382–384.

и рисунки Д. Г. Мессершмидта отсутствуют³. Они дошли до нас только в копиях (отпусках) в составе его личного фонда в академическом архиве с некоторыми (не всеми!) рисунками в качестве приложений. В частности, отсутствуют рисунки ряда упомянутых в рапортах археологических и эпиграфических памятников Урала и Сибири, а также карты, выполненные самим Д. Г. Мессершмидтом и его помощником, воспитанником Тобольской школы капитана К. Ф. фон Врееха для шведских и немецких детей, 20-летним лифляндским дворянином, уроженцем Нарвы Карлом Густавом фон Шульманом (*Karl Gustav von Schulmann*; 1702–1765), рисовальщиком экспедиции с марта 1721 г. по конец мая 1722 г.

Возможно, академический «грыдоровальщик», мастер ландкартно-словорезного дела Георг Иоганн Унферцагт (*Georg Johann Unverzagt*; 1701–1767) был автором рисунков главного труда Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata». «Человек романтической судьбы», шведский пленный, он скрыл свое подлинное имя под псевдонимом «неустрасимый» (*unverzagt*)⁴. В составе посольства в Китай (1719–1720) во главе с экстраординарным посланником, капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Л. В. Измайловым, «будучи при нем в услужении», через Москву, Казань, Тобольск, Иркутск, Селенгинск доехал до Пекина. После отъезда из Пекина основной части посольства Г. И. Унферцагт остался в Китае вместе с торговым консулом Л. Ланге и 21 октября 1721 г. был отправлен в Россию для доставки изготовленных в Цинской империи дорогих шелковых обоев и других подарков для царского двора⁵. При содействии И. Х. Шмидта художник издал в Германии записки о посольстве Л. В. Измайлова с собственными гравюрами⁶. Соответственно, Г. И. Унферцагт должен был быть знаком с Д. Г. Мессершмидтом, сопровождавшим посольство, еще

³ Тункина И. В. Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта. С. 48, 49.

⁴ Материалы для истории Императорской академии наук. М., 1890. Т. 6. С. 158–159; Миллер Г. Ф. История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Г. Ф. Миллер. Избранные труды / сост., статья, примеч. С. С. Илизарова. М., 2006. С. 580; Алексеева М. А. Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века : сб. документов / сост. М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий ; отв. ред. Б. В. Лёвшин. Л., 1985. С. 9.

⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 году. Изд. в память истекшего 300-летия Сибири В. Ф. Флоринским, с приб. издателя. Казань, 1888. С. 533; Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 65; Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 85. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).

⁶ *Unverzagt G. J. Die Gesandtschaft Ihrer Kayserl. Majest. von Gross-Russland an den Sinesischen Käyser, welche Anno 1719 aus St. Petersburg nach Peking abgefertiget worden: Bey deren Erzehlung die Sitten und Gebräuche der Chineser und anderer Tartarische Völker beschrieben und mit Kupferstücken vorgestellt werden von Georg Johann Unverzagt. Lübeck ; Ratzeburg, 1727* (первое издание: Lübeck, 1725). См. русский перевод с издания 1725 г.: Русско-китайские отношения в XVIII в. : материалы и документы. М., 1978. Т. 1. С. 555–584.

с 1719 г. Г. И. Унферцагт, служивший в Гравировальной палате Академии наук с июня 1726 г. как словорезец и гравер для исполнения таблиц и карт, снимал рисованные копии с «многих курioзных вещей», привезенных путешественником из Сибири в Санкт-Петербург⁷. Так, в 1739 г. по рисункам, выполненным в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, в Гравировальной палате были выполнены таблицы для ботанического труда академика И. Аммана.

Скорее всего, именно Г. И. Унферцагт, рисовальщик и гравер, является автором большинства высокохудожественных ботанических, зоологических, археологических рисунков в рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» с посвящением императору Петру II (1728), где представлены всего несколько штриховых однотонных рисунков пером и чернилами самого автора исследования. Скорее всего, эту работу Г. И. Унферцагт выполнял в частном порядке, и за подобную практику в дальнейшем, в конце 1745 г., был уволен из Академии наук. Это гипотеза требует документального подтверждения.

Согласно условиям Ништадтского мира 1721 г., спутникам Д. Г. Мессершмидта Ф. И. Табберту и К. Г. фон Шульману, как и другим сосланным в Сибирь пленным шведским и немецким офицерам, было разрешено вернуться на родину. Некоторые рапорты Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с рисунками были доставлены в Санкт-Петербург и скопированы для себя возвращавшимся в Швецию из тобольского плена Ф. И. Таббертом. Часть рисунков с оригиналов К. Г. фон Шульмана была опубликована в виде гравюр в знаменитой книге Ф. И. фон Страленберга (1730)⁸, но многих из них нет в фонде Мессершмидта.

Большое значение имеют письма Ф. И. фон Страленберга (Табберта) к видному деятелю шведского Просвещения Э. Бенцелиусу Младшему за 1723–1725 гг., сохранившиеся в городской библиотеке Линчёпинга (Швеция). К письму от 21 апреля 1724 г. из Стокгольма приложены шесть рисунков с оригиналов К. Г. фон Шульмана⁹ — угловые камни с руническими надписями и различными изображениями, стоявшими по углам прямоугольных оград курганов в виде обкладок из плоских камней, найденные, скорее всего, 24–25 января 1722 г. в междуречье Теси и Ербы в енисейских степях капитаном Ф. И. Таббертом и зарисованные К. Г. фон Шульманом¹⁰; открытое 24 января 1722 г. каменное изваяние «Тесинский богатырь» с нанесенной на нем рунической надписью, первой из ставших известных

⁷ Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. С. 383, 391–394.

⁸ *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, etc.* Stockholm, 1730. Tab. II, V C, D, VIII B, XI, XII, XX.

⁹ См. публикацию немецкого текста и русского перевода письма и рисунков с комментариями, подготовленную В. Лефельдом, М. Кнюппелем, И. В. Тункиной и А. Х. Элертом, в настоящем сборнике.

¹⁰ Оригинальный рисунок К. Г. фон Шульмана (Приложение к X рапорту Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. из Красноярска): СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 6. Оpubл.: *Савинов Д. Г., Тункина И. В.* «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 6. С. 36. Рис. 5. Гравюра с рис. оpubл.: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. XI A, B, C, D.*

мировой науке в Сибири¹¹; часть изображений Новосёловской писаницы, описанной экспедицией 18 февраля 1722 г.¹²; рисунок-реконструкция полной формы квадратного китайского фрагментированного зеркала со свастикой, иероглифом и рунической надписью по бортику «Зеркало Кенд Аругбега», найденного в погребении недалеко от Красноярска у р. Енисей¹³. На другом листе рисунок оборотной стороны китайского круглого бронзового зеркала с петлей на круглом рельефном выступе в центре, по борту которого нанесена иероглифическая китайская архаическая надпись X–XII вв. Оно было найдено «в могилах между реками Исеть и Тобол»¹⁴. Ниже изображен золотой яйцевидный амулет («медальон») с личиной, найденный в кургане близ Иртыша между соленым озером, Ямышевом и г. Омском (или Омским острогом) у Ишима, который впадает в Иртыш, там, где, по словам Ф. И. фон Страленберга, находилась резиденция Унг Хана¹⁵. Этот артефакт входил в собрание первого сибирского губернатора (1711–1719) князя М. П. Гагарина. Последняя иллюстрация, приложенная к письму, — рисунок тибетской круглой фрагментированной глиняной фигурки-цаца¹⁶ с изображением трехликой и восьмирукой богини-бодхисатвы долгой жизни Ушнишавиджая, или Виджая (буквально «Победа»), которая пребывает на «ушнише» (выпуклость на макушке головы) Будды, с тибетскими надписями на обороте. Цаца происходит из открытого в 1717 г. знаменитого пещерного святилища на р. Джакуль (Чакуль, Чаа-Холь) в Туве¹⁷. Благодаря публикации Ф. И. фон Страленберга цаца стала

¹¹ Подробнее см.: Савинов Д. Г., Тункина И. В. «Тесинский богатырь»... С. 29–51.

¹² Оригинальный рисунок К. Г. фон Шульмана (Приложение к X рапорту Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. из Красноярска) см.: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 2. Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. XII В; *Радлов В. В. Сибирские древности*. СПб., 1891. Т. I, вып. 2. Приложение. С. 36. Табл. VIII В. См. также: Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки и suppl. 6). Табл. XIV, 5; Савинов Д. Г., Тункина И. В. «Тесинский богатырь»... С. 35. Рис. 4.

¹³ Ср. с рисунком Г. И. Унферцагта с оригинала К. Г. фон Шульмана в «Sibiria Perlustrata»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 365. Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. V D; *Радлов В. В. Сибирские древности*. Т. I, вып. 2. С. 31. Табл. V D; *Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири*. М., 1975. № 99. Рис. 45.

¹⁴ Ср. с рисунком Г. И. Унферцагта с оригинала К. Г. фон Шульмана в «Sibiria Perlustrata»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 369 (в центре). Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. XX В; *Радлов В. В. Сибирские древности*. Т. I, вып. 2. С. 48. Табл. XX В; *Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины...* С. 111. Рис. 104.

¹⁵ Ср. с рисунком Г. И. Унферцагта с оригинала К. Г. фон Шульмана в «Sibiria Perlustrata»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 369 (вверху). Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. XX А; *Радлов В. В. Сибирские древности*. Т. I, вып. 2. С. 48. Табл. XX А.

¹⁶ Оpubл. в виде гравюры: *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Tab. V С; *Радлов В. В. Сибирские древности*. Т. I, вып. 2. С. 31. Табл. V С.

¹⁷ Пещерное святилище, наряду с Калбасунской башней на левом берегу Иртыша (остатки портално-купольного мавзолея-кумбеза периода Улуса Жоши XIV–XVI вв. возле с. Кызыленбек Майского района Павлодарской области Казахстана)

первым подобным памятником, опубликованным в Европе¹⁸. В том же святилище на р. Джакуль был найден рукописный лист с тибетским текстом, изданный в его книге¹⁹.

Визуализация открытых и зафиксированных в ходе экспедиции Д. Г. Мессершмидта памятников археологии играла важнейшую роль в его исследованиях. После отъезда К. Г. фон Шульмана Д. Г. Мессершмидт принял обязанности художника на себя. В путевом дневнике за 28 мая 1722 г. доктор с горечью пишет, что своих спутников он не сможет привлечь к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании²⁰. Начиная с июля 1722 г. в экспедиционных дневниках появляются чертежи и рисунки, в том числе памятников археологии. В дневниках имеются страницы с оставленными пустыми местами, где предполагалось в дальнейшем разместить рисунки, планы и наброски карт. Изобразительные материалы, которые можно отнести к работам Д. Г. Мессершмидта, манерой исполнения разительно отличаются от уверенной руки рисунков К. Г. фон Шульмана. Первоначально они неумелы, схематичны, но с годами становятся все более и более совершенны²¹.

Дополнением к графическим материалам служат акварельные и карандашные рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные академическими художниками в первой половине XVIII в., на которых запечатлены вещи из археологической коллекции Д. Г. Мессершмидта²².

Академический отряд Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) шел по следам экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Если графические материалы экспедиции Д. Г. Мессершмидта хранятся только в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, то рисунки участников Второй Камчатской экспедиции — как в академическом архиве в Санкт-Петербурге, так и в РГАДА в Москве в составе «Портфелей Г. Ф. Миллера», одного из руководителей Академического отряда. Обе экспедиции зафиксировали одни и те же

(Tab. I), Семью Палатами (Tab. II) и Аблай-хитскими развалинами (Tab. III–VII), было описано Г. Ф. Миллером. В статье помещены образцы «тангутских» писем с монгольским переводом (Tab. VIII–IX): *Mülleri G. F. De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1747 (1744). T. 10. P. 420–468.*

¹⁸ *Norwick B. The First tsha-tsha Published in Europe // Soundings in Tibetan civilization / eds. B. N. Aziz, M. Kapstein. New Delhi, 1985. P. 73–85 (благодарю А. В. Зорина, указавшего мне на эту статью).*

¹⁹ *Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Tab. I (тибетский текст), V с (цаца); Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 25. Табл. I (тибетский текст). С. 31. Табл. V с (цаца).*

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.

²¹ *Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // Collegae, amico, magistro: сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 173.*

²² Хранятся в составе разряда (коллекции): СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Опубли.: «Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760 : в 2 т. / сост. и науч. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1.

монументальные памятники древности (писаницы, петроглифы, каменные изваяния, стелы с руническими надписями, камни крепид курганов и пр.).

Сравнительный анализ графической фиксации памятников археологии Сибири на рисунках двух экспедиций показал, что рисунки Д. Г. Мессершмидта и его спутника К. Г. фон Шульмана оказались гораздо точнее рисунков профессиональных академических художников Второй Камчатской экспедиции — живописца и копииста И. В. Люрсениуса (*Johann Wilhelm Lürsenius*), художников И. Х. Беркхана (*Johann Christian Berckhan*) и Иоганна Корнелиуса Деккера (*Johann Cornelius Decker*). Об этом можно судить по акварельным рисункам, хранящимся в РГАДА. Среди них работы И. В. Люрсениуса «Пещера в Кунгуре» на Урале (23 декабря 1733 г., с оригинала И. Х. Беркхана), сибирские идолы (март 1736 г.), наскальные рисунки между Верхоленском и Качегой (март 1736 г.) и у р. Ирбит (7 июня 1741 г.), И. Х. Беркхана «Писанный камень на р. Томь» (Томская писаница) (3 октября 1734 г.)²³ и др. По большей части это те же самые памятники, которые были графически зафиксированы экспедицией Д. Г. Мессершмидта, но выполненные не в точной чертежной (плоскостно-табличной), а скорее в художественно-романтической манере, свойственной профессиональным художникам, а не ученым. Рисунки художников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции «хорошо передают панораму памятников, но петроглифы на них недостаточно различимы из-за небольшого масштаба изображений»²⁴.

Перечисленные изобразительные документы требуют систематизации, современной научной атрибуции изображенных памятников и скорейшего ввода в научный оборот.

²³ От Рейна до Камчатки: Каталог выставки. К 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера / РГАДА; сост. и науч. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2005. С. 31, 87, 90, 92. Каталог № 71, 78, 85, 86, 105.

²⁴ Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. С. 98.

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
И ЛИНГВИСТИКЕ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
Д. Г. МЕССЕРШМИДА**

Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская
Санкт-Петербург

ЗООЛОГ ИЛИ ЛИНГВИСТ? РАБОТА Д. Г. МЕССЕРШМИДТА С ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ*

Представленный в статье материал — это предварительный обзор лингвистических исследований Д. Г. Мессершмидта, который позволяет констатировать тот факт, что зоологические и лингвистические интересы гармонично сочетались в научных занятиях Д. Г. Мессершмидта. Полилингвальная среда, в которой оказался ученый-путешественник, не могла не привлечь к себе его внимания и не вызвать любопытства, довольно скоро переросшего в методичную работу по сбору языкового материала. Со временем словники стали приобретать все более специальный характер и сменили свою номинацию в записях ученого: от сбора *vocabula* Д. Г. Мессершмидт перешел к составлению тематических *nomenclaturae*. Очевидно, что предпочтение в этом он отдавал зоологической лексике. И напротив — зоологические описания непременно сопровождалась «лингвистическим введением».

Ключевые слова: лингвистические исследования Д. Г. Мессершмидта, зоологические исследования Д. Г. Мессершмидта, зоологическая лексика.

L. D. Bondar, M. V. Ponikarovskaya
St. Petersburg

A ZOOLOGIST OR A LINGUIST? D. G. MESSERSCHMIDT'S WORK WITH ZOOLOGICAL VOCABULARY

The material, presented in the article, is a preliminary review of D. G. Messerschmidt's linguistic research, which allows us to state that zoological and linguistic interests were harmoniously combined in D. G. Messerschmidt's scientific studies. The multilingual environment, in which the scientist-traveler appeared to be, could not fail to attract his attention and arouse his curiosity, and soon it developed into a methodical work on collecting language material. Over time, his dictionaries began to acquire an increasingly special character and changed their nomination in the scientist's notes: from collecting *vocabula*, D. G. Messerschmidt moved to compiling thematic *nomenclaturae*. It is obvious that the preference he gave to the zoological vocabulary. And conversely, zoological descriptions were necessarily accompanied by a "linguistic introduction".

Key words: linguistic research by D. G. Messerschmidt, zoological research by D. G. Messerschmidt, zoological vocabulary.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Зоологические исследования Д. Г. Мессершмидта были освещены в публикациях А. В. Смирнова¹, которые позволяют получить представление о немецком путешественнике как о заинтересованном и компетентном для своего времени исследователе царства животных. Этот интерес отражен и в других материалах, не имеющих непосредственного отношения к зоологии. Речь идет о лингвистическом материале, в изобилии представленном в сохранившемся документальном наследии Д. Г. Мессершмидта.

Главным результатом языковых наблюдений Д. Г. Мессершмидта стали словники языков тех народов, с которыми путешественник знакомился по мере продвижения по сибирским просторам. Судя по всему, словники изначально фиксировались в форме отдельных, в разной степени систематизированных рабочих заметок², а затем переносились в дневник³. Так, в дневнике появились более или менее обширные словники, записанные в разных местностях⁴.

Интерес Д. Г. Мессершмидта к лингвистическому материалу очевиден, однако сложно сказать, чем он был вызван: была ли это инициатива самого немецкого ученого, либо к этим занятиям его подтолкнули коллеги и друзья, с которыми он сотрудничал в Тобольске⁵. Вместе с тем тот факт,

¹ *Smirnov A. V., Ostrovsky A. N. Die deutschen Wurzeln der russischen Zoologie. I. Daniel Gottlieb Messerschmidt // Zoologie 2018. Mitteilungen der Deutschen Zoologischen Gesellschaft. 110 Jahresversammlung. Bielefeld. 12.–15. September 2017 / Hrsg. von R. A. Steinbrecht. S. 29–42; Смирнов А. В. Даниэль Готлиб Мессершмидт — первый исследователь животного мира России // Collegae, amico, magistro : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 184–200; см. также статью А. В. Смирнова «Даниэль Готлиб Мессершмидт как зоолог: изучение архивного наследия» в настоящем сборнике.*

² Это было показано на примере рабочих заметок, сделанных в декабре 1723 г., в статье Л. Д. Бондарь «Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник» в настоящем сборнике. Ср. также: *Bondar L. D., Čivtajeв Ju. I. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019 : научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярк. Тюмень, 2020. С. 24–31. Наблюдения относятся только к записям, сделанным самим Д. Г. Мессершмидтом; о методике записи полевого материала и ведения дневника Ф. И. Страленбергом с 1 марта 1721 г. до 20-х чисел марта 1722 г. сказать пока ничего нельзя.*

³ Методика записи двух восточных словников — тибетского и монгольского — имела свои особенности, что показано в статьях А. В. Зорина «Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта» и А. А. Сизовой «Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта» в настоящем сборнике.

⁴ Воздержимся от указания точного числа словников, поскольку это потребует описания критериев, по которым ту или иную дневниковую запись языкового материала мы можем рассматривать как словник, что не входит в задачи настоящей публикации.

⁵ В публикации 2020 г. было показано, что авторство самого раннего из сохранившихся в бумагах Д. Г. Мессершмидта лингвистических документов могло не принадлежать немецкому ученому: *Бондарь Л. Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker» : о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта // Aus Sibirien — 2019. С. 21–24. Между тем уровень языковой подготовки Д. Г. Мессершмидта был достаточно высок благодаря качественно-среднему и высшему образованию (см. статью Л. Д. Бондарь, В. Лефельда, И. В. Тункиной «Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист» в настоящем сборнике).*

что Д. Г. Мессершмидт рано начал заниматься сбором языкового материала⁶, демонстрирует один документ, сохранившийся в бумагах немецкого ученого. В его личном фонде хранится тетрадка⁷, заглавие которой, написанное на титульном листе, называет имя ее составителя — «*Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum à Daniele Gottlieb Messerschmidt Med. D. In itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 <нрзб.> Ann. 17<>»⁸. Тетрадь является подборкой вокабуляриев, записанных в разных сибирских местностях. В словнике указаны как места, так и время сбора словарного материала. Так, мы узнаем, что первые записи были сделаны еще в Тобольске: «*Einige Turksche oder Tattersche vocabula so in Tobolski von die Bucharen bekommen*»⁹, затем в его окрестностях и далее по пути следования экспедиции.*

Сложно сказать, каково было участие Ф. И. Страленберга в работе по составлению словников и кто собрал словарный материал, записанный в той части дневника, которую вел шведский капитан. Прямых указаний на то, кто и какими методами составлял словники, записанные в дневнике во время пребывания с Д. Г. Мессершмидтом его шведских спутников, нет. Первые словники, записанные в дневнике Ф. И. Страленбергом, невелики по своему объему, и в них очевиден относительно случайный набор обиходной лексики, похожий на записанный из любопытства, как будет звучать то или иное слово на языке аборигенного населения. Таковыми являются два словника¹⁰, записанные 26 декабря 1721 г., включающие по три десятка общеупотребительных слов сибирских татар в объеме

⁶ Сложно говорить о лингвистических исследованиях немецкого ученого, поскольку его занятия сводились главным образом к сбору языкового материала. Это не были даже лексикографические работы в современном понимании этого слова. Потому ниже по отношению к описываемой работе Д. Г. Мессершмидта будем употреблять термин «языковой материал». Нельзя, однако, не отметить, что в бумагах Д. Г. Мессершмидта отражены попытки ученого аналитически осмыслить отдельные языковые явления. Так, в записи от 9 июля 1722 г. Д. Г. Мессершмидт задается вопросом, почему в аналогичных словах разных групп татарских народов звучание (в соответствии с принятой у Д. Г. Мессершмидта транскрипцией) «*ja, je, ji, jo, ju; ga, ge, gi, go, gu; dja, dje, dji, djo, dju*» меняется на «*dsa, dse, dsi, dso, dsu*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 171 об. Необходимо принимать во внимание также опыт типологизации языков, к которому, возможно, имеет отношение Д. Г. Мессершмидт: Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д. Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 395–427. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14). Однако основные языковые занятия, отраженные в бумагах Д. Г. Мессершмидта, сводятся именно к сбору лексического материала.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35.

⁸ Две последние цифры не указаны, но последние датированные записи были сделаны летом 1723 г.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 95 об. – 96.

лексики, сопоставимой с тем, что мы находим в лингвистическом документе, отправленном Д. Г. Мессершмидтом 25 июня 1720 г. с IV рапортом в Медицинскую канцелярию, — «*Specimen*¹¹ der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker»¹². Аналогичный характер имеет небольшой словник, записанный 9 марта 1722 г. (Calmacksche)¹³.

После отъезда из Сибири шведских спутников Д. Г. Мессершмидта словники до определенного времени имеют аналогичный характер. Это словарные записи от 3 июня 1722 г.¹⁴, 5 июня 1722 г.¹⁵ Но вскоре обнаруживаются новые подходы к сбору и фиксации материала. В записи от 16 июня 1722 г. читаем: «Мой денщик Михаил по дороге подстрелил *Haematorum* (по Виллоуби)¹⁶ <...>, которого русские называют *Kriwóock*, а татары — *Tangdagátsch*, а также *Mergum glaciale* (по Геснеру)¹⁷ и *Anatem fistularem*, по-русски *Schwísi*, по-татарски *Bhulagátsch*, по-немецки “ein Schmeу”. Мой слуга подстрелил *Fedoam secundam* (по Виллоуби), по-русски “аудотка”¹⁸ (*audotka*), а также принес мне *Anatem feram fuscam aliam* (по Альдрованди)¹⁹ *sive Clangulam lacustrem seu minorem*, которая называется по-татарски *Kogul*, по-русски — *Gogol*, по-шведски — “Кпура” <...>. Татары подарили мне три окуня — *Alabugáh*, по-русски *Okun*, по-латински *Perca major*; также щуку, по-татарски *Shortán* <...>. Тогда же татары сказали мне следующие *Vocabula*: *Tschusch* — *Mergus glacialis*, также *Merganser* (по Виллоуби); *Soëgergan* — *Scops* (по Альдрованди), “ein Käuzlein”, по-русски — “канюк” (*Kanuk*); *Kichtsche* — *Aquila maxima*, возможно, *Aquila Chrysaetos* (по Виллоуби); *Tigglegèn* — *Milvus*, “ein Hüner = Weyhe”, по-русски “корчунъ” (*Kórczun*); *Küildey* — *Arquata vel Numenius*, “eine Feld = Schneppe”, иначе *Kuïguldey*, по-русски “*Kulyck*”; *Kartheğäh* — *Accipiter*, “ein Habicht”; *Tobhurgä*, также *Alasch* — *Picus*,

¹¹ Здесь и далее для максимально возможной точности передачи графики Д. Г. Мессершмидта при цитировании оригинального текста слова, записанные латиницей, будут выделены курсивом, слова, записанные куррентом в том случае, если они не переводятся, будут взяты в кавычки; также в кавычки будут взяты слова, записанные кириллицей.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 25–26 об.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.

¹⁴ Там же. Л. 149.

¹⁵ Там же. Л. 150.

¹⁶ Имеются в виду английский натуралист Фрэнсис Виллоуби (*Francis Willughby*; 1635–1672) и его книга: *Willughby F. Ornithologiae libri tres*. Londini, 1676.

¹⁷ Имеются в виду швейцарский натуралист Конрад Геснер (*Conrad Gessner*; 1516–1565) и его книга: *Gessner C. Historiae animalium libri V*. Tiguri, 1551–1558.

¹⁸ Отметим, что при записи русских слов Д. Г. Мессершмидт часто использует греческую графику, смешивая ее с кириллической. В частности, данное слово записано следующим образом: аудотка. Далее не будем отражать использование греческих букв, заменяя их кириллическими.

¹⁹ Имеются в виду итальянский натуралист Улиссе Альдрованди (*Ulisse Aldrovandi*; 1522–1605) и, очевидно, его книга: *Aldrovandi U. Ornithologiae hoc est de avibus historiae libri XII*. Bononiae, 1599.

“ein Specht”. Они сообщили мне, что *Konuck*, или *Scops* (по Альдрованди), гнездится по большей части в дуплистых деревьях»²⁰.

По этой записи хорошо видно, как к зоологическим интересам присоединяется интерес к информации языковой, по крайней мере, номенклатурной: Д. Г. Мессершмидтом записывалось номенклатурное название (или номенклатурные названия, в случае их множественности в условиях неустоявшейся таксономии) вида по-латински, а также обиходное название по-русски и на языке местного населения. Не исключено, что это имело значение для Д. Г. Мессершмидта также с позиций зоологии, позволяя и с помощью языка обозначить ареал распространения вида, привязав его к местам расселения того или иного народа. Обращает на себя внимание и тот факт, что в орнитологических записях встречаются отсылки к шведскому языку²¹. Очевидно, эти сведения Д. Г. Мессершмидт получил от шведских коллег, что должно означать, что интерес к полилингвальной номинации появился у немецкого ученого до отъезда его спутников из экспедиции и мог быть связан с чистым теоретическим интересом.

В дальнейших словарных записях все больше заметны определенная систематизация в сборе материала и стремление к составлению подборки лексического материала определенной семантики. На примере зоологической лексики это видно особенно наглядно. Довольно обширный татарский словник был записан 19 июня 1722 г.²² Через два дня, 21 июня 1722 г., сделана короткая, но характерная в плане рассматриваемого вопроса запись: «Татары дали мне следующие *Vocabula: Tarr — Ortygometra*,

²⁰ «Mein Denschyck Michala schoß unterwegs *Hæmatopum Willughbeji* <...>, welchen die Russen *Kriwóock*, die Tattaren aber *Tangdagátsch* nenneten, *item Mergum glaciale* *Gesneri*; et *Anatem fistularem Russ. Schwisi, Tattaris Bhulagátsch, Germ. ein Schmey*. Mein Diener hatte *Fedoam secundam Willughbeji, Russ. аудотка (audotka)* geschossen; und brachte mir auch *Anatem feram fuscam, aliam Aldrov. sive Clangulam lacustrem seu minorem, Tattaris Kogul, Russis Gogol, Svecis Knypa* geheißten <...>. Die Tattaren schenckten mir 3 Barß = *Alabugáh, Russ. Okun, Latinis Perca major; it. einen Hecht, Tattaris Shortán* <...>. Die Tattaren hieselbst sagten mir folgende *Vocabula: Tschusch, Mergus glacialis, item Merganser Willughbeji; Soëgergan Scops Aldrovandi, ein Käuzlein; Russ. канюкъ (Kanuk); Kichtsche, Aquila maxima, an Aquila Chrysaëtos Willughb.? Tigglégén Milvus, ein Hüner = Weyhe; Russ. корчунъ (Kórczun); Küildey Arqvata vel Numenius, eine Feld = Schneppe, aliis Kuiguldey, Russis Kulyck; Karthegäh, Accipiter, ein Habicht; Tobhurgä item Alasch, Picus ein Specht*. Sie berichteten mir, daß der *Konuck* oder *Scops Aldrovandi* mehrentheils in hohlen Baumen nistelte»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

²¹ Регулярное обращение к шведскому языку встречается в обширной рукописи Д. Г. Мессершмидта «Ornithologicon»: об этом см. ниже. В отношении работы Д. Г. Мессершмидта эта рукопись особенно показательна, так как позволяет выявить, в какое время немецкий ученый стал фиксировать и шведские названия и когда этого уже не делал. Важное значение имеют также отсылки к русским названиям, которые являются не только показателем интереса немецкого ученого к русскому языку, но и ценным материалом для реконструкции орфоэпических норм начала XVIII в. и сибирских диалектизмов.

²² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 158об. Отметим при этом, что при двух орнитологических номенах Д. Г. Мессершмидт поместил ссылку на их описание.

по-русски “кράстель”²³, *Krástel*, по-немецки “ein Wachtel = König”; *Koormatt* – *Caprimulgus* (по Виллоуби), по-русски “чурилко”, *Czurilko*, “eine Schur = Eüle”; *Tigglegen* – *Milvus cauda forcipata* (по Виллоуби), “ein Hühner = Weihe”²⁴.

Следующая словарная запись от 19 июля 1722 г. еще более характерна с точки зрения соединения зоологического и языкового материала: «Здесь мне сказали следующие татарские *Vocabula*, а именно: *Madár* или *Teéskäre-Asack* <...> *Colymbus cucllatus et auritus, anurinus*, описанный в *Ornithol. Volum. 3. № 86. p. m. 478*²⁵; *Toimétsch*, называемый также *Phoiláck Bhoilack* и *Phusilack*, по-русски “свижи” (*Sbhishi*) – *Anas fistularis*, “ein Schmey”, другими татарами (см. запись от 16 июня) называемый *Bhulagátsch. Tartéy*, называемый по-другому (см. запись от 21 июня) *Tarr* – *Ortygometra* (по Виллоуби); *Karagusch* – *Aquila sui generis spuria ignobilis variegatim ruffescens*, описанный в *Ornithol. Volum. 5. № 127. p. m. 759 и сл.* <...>²⁶. *Kaygadél* – *Fedoa secunda* (по Виллоуби), по-русски “аудóтка” (*Audótka*), “eine Schneppe”; *Bochtárr* – *Avis pugnax*, по-русски “замóрский петушéкъ”, “ein Kämpferchen”; *Tongdàn* и *Tongdagátsch* – *Tringa* (по Альдрованди и Виллоуби), “ein Steingallel” (по Балднеру)²⁷; *Budurtschin* – *Coturnix*, по-русски “пéрепелица” или “перепéлка” (*Pérepelitzá vel Perepélka*), по-пермяцки *Quaatkann*, на языке тобольских татар *Betenáh*, “eine Wachtel”; *Kugurtschin* – *Columba*, “eine Taube”; *Bel*, по-русски *Taumen*, “weißer Lachs”, которого очень много в озере *Kara-Ujus*, иногда длиной 2,5 русских аршина <...>»²⁸. Отметим, что всего

²³ У Д. Г. Мессершмидта не заметно явной разницы между «Ъ» и «Ь». Выбор знака в данном случае осуществляется в соответствии с современным звучанием и написанием.

²⁴ «Die *Tattaren* gaben mir folgende *Vocabula*: *Tarr*, *Ortygometra*, Russ. крáстель *Krástel*, Germ. ein Wachtel = König; *Koormatt*, *Caprimulgus Willughbeji*, Russ. чурилко, *Czurilko*, eine Schur = Eüle; *Tigglegén* *Milvus cauda forcipata* Willughbeji ein Hühner = Weihe»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 160 об.

²⁵ Имеется в виду рукопись Д. Г. Мессершмидта «*Ornithologicon*» в 10 томах (сохранилось девять), первый том которой был закончен 8 октября 1720 г. в Каменском, последний – 1 мая 1725 г.: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8–16. Здесь и далее отсылки Д. Г. Мессершмидта к этой рукописи точные.

²⁶ Далее следует аналогично структурированное перечисление еще шести птиц, описанных Д. Г. Мессершмидтом в «*Ornithologicon*».

²⁷ Очевидно, имеются в виду немецкий натуралист Леонард Балднер (*Lienhardt Baldner*; 1612–1694) и его рукопись «Натуральное описание и зарисовка водных птиц, рыб, четвероногих зверей, насекомых и червей, обитающих в водах под Страсбургом и т. д.». Полное название рукописи на немецком: «*Recht naturliche Beschreibung und Abmahlung der Wasservögel, Fischen, Vierfussigen Thieren, Insekten und Gewürmb so bei Strassburg in den Wassern seynt, die Ich selbst geschossen, und die Fisch gefangen auch alles in meiner Handt gehabt. Leonhard Baldner, Fischer und Hagmeister in Jahr Christi 1666*». В настоящее время известно шесть экземпляров рукописи: два из них датируются 1653 г., четыре других – 1666 г. Его работа была частично опубликована в 1903 г. Об этом см.: *Reiber F. L'Histoire naturelle des eaux strasbourgeoises se Léonard Baldner (1666). Strasbourg, 1888*.

²⁸ «Hienächst wurden mir folgende *Tattarische Vocabula* gesagt, nemlich: *Madár* oder *Teéskäre-Asack* <...> *Colymbus cucullatus et auritus, anurinus*, in *Ornithol. Volum. 3*.

в словнике за 19 июля записано 20 слов, из них 16 слов — зоологическая номенклатура, из которой 14 — орнитологическая.

Аналогичный зоолого-лингвистический характер у записи от 21 июля 1722 г.: «Татары сообщили мне, что много рыбы “осётрь” (*Ossetr*) — *Acipenser* или *Sturio*, “Störe”; *Taymen*, или белый лосось, *Kuskutsch* — вид форели, или *Trutta*, окунь, щука и *Tschabáck*, которого русские называют *Jélzi*; <...>. Медведи — по-татарски *Ajúk*, по-русски “медведь” (*Medweed*) — встречаются очень редко; *Boerúh*, или “Wölffe”, по-русски “волк” (*Wolck*) — тоже редко, но я видел во время путешествия в степи три или четыре штуки, бежавших перед нами; *Tilgúh*, “Fückse”, по-русски “лисица” (*Lissítza*) — также изредка; *Kondus*, или *Kundús*, “Bieber”, по-русски “бобр” (*Bobr*) совсем не встречается; *Sur*, по-итальянски *Marmota*, которого русские называют *Surróck*, имеет мех, по цвету схожий на лисий, сам величиной с кошку, питается травой и кореньями, как зайцы; *Kaeryck* — *Sciurus Getulus* (по Йонстону)²⁹, по-русски *Burrunduck* — встречается порой довольно часто (ср. запись 25 июня); косули имеются в зимнее время, когда леса бывают сильно заснежены, так как они (косули) тогда выходят в открытую степь, где снег не так глубок, как в лесу. Самец косули называется по-татарски *Kelbis*, самка — *Yglick*, детеныш или юная косуля — *Ogláck*, т. е. это *Capreola* (по Йонстону)»³⁰.

№ 86. p. m. 478 beschrieben; *Toimétsch* auch sonst *Phoiláck Bhoilack* und *Phuilack* ganandt, Russ. свижи (*Sbhischi*), *Anas fistularis*, ein Schmey, so andere *Tattaren* d. 16. Juny *Bhulagátsch* geheißten. *Tartéy*, so andere den 21. Juny *Tarr* geheißten *Ortygometra Willughbeji*; *Karagusch*, *Aquila sui generis ignobilis, variegatim rufescens*; *Ornithol. Volum. 5. № 127. p. m. 759 et sqq.* beschrieben. <...>. *Kaygadél*, *Fedoa secunda Willughb.*, Russ. аудотка (*Audótka*), eine Schneppe; *Bochtárr*, *Avis pugnax*, *Russis* заморский петушэкъ (*Samorskii Petuschéck*) ein Kämpferchen; *Tongdán et Tongdagátsch*, *Tringa Aldr. et Willughb.*, ein Stein = Gallel, *Baltneri*; *Budurtschin*, *Coturnix*, Russ. перепелица vel перепёлка (*Pérepelítza vel Perepélka*) *Permeckis Qvaatkann*, *Tattaris Tobolskiensibus Betenáh*, eine Wachtel; *Kugurtschin*, *Columba*, eine Taube; *Bel*, *Russis Taymen*, weißer Lachs, deren sehr viel im *Kara-Yjus* bißweilen 2 ½ *Arsin* Russisch lang <...>»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 180 об.

²⁹ Имеются в виду, очевидно, Иоганн Йонстон (*Joannes Jonstonus*; 1603–1675) и, возможно, его книга: *Jonstonus J. Theatrum universale historiae naturalis*. 1650–1653.

³⁰ «Die *Tattaren* berichteten mir, daß er viel осётрь, (*Ossetr*) *Acipenser vel Sturio*, Störe; *Taymen*, oder weiße Lächse; *Kuskutsch* Art Foren oder *Trutta*; Barße, Hechte und *Tschabáck*, welchen die Rußen *Jélzi* nennen; <...>. Bären, *Tatt. Ajúk*, *Russis* медведь (*Medweed*) gäbe es gar selten; *Boerúh* oder Wölffe, *Russis* волк (*Wolck*), auch wenig, doch sahe ich im Fahren 3 à 4 Stück im Stepp für uns herlaufen; *Tilgúh*, Fückse *Russ.* лисица (*Lissítza*), auch sparsam; *Kondus* oder *Kundús* Bieber, *Russ.* бобр (*Bobr*) gar nicht; *Sur Marmota Italarum* [последние два слова вписаны позднее сверху], welchen die Rußen *Surróck* nennen, hätte ein Fell, in *couleur* den Füchsen gleich, in Größe einer Kätzen, nährete sich von Kraut und Wurtzeln wie die Haasen; *Kaeryck*, *Sciurus Getulus Jonstoni*, *Russ.* *Burrunduck*, fände man zu weilen gnug (*Conf. d. 25. Juny*); Reihe gäbe es Winters = Zeit, wenn die Wälder nemlich zu tieff verschneyet, sehr viel weil sie sich so dann auff die offene Steppe herfürmachten, allwo der Schnee nicht so tieff alß im Walde. Ein Rehebock würde im *Tattarischen Kelbis*, eine Rehe = Hündin *Yglick*, ein Rehe = Zickelchen aber oder junges Rehe, *Ogláck* genennet, sonst *Capreolus Jonstoni*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.

Небольшая аналогичная запись сделана 30 августа 1722 г.³¹: «Мой слуга подстрелил здесь двух *Attagenes* (по Геснеру) или *Gallinas Corylorum* (по Альдрованди и Виллоуби), которую татары называют *Dsim* и *Dsimniæh*, русские — “рябóкъ” (*Ræbóck*), пермяки — *Ssiöla*, немцы — “Hâsel = Hühner”»³².

Дальнейшие словники все более приобретают определенную семантическую структуру; при этом приоритет зоологической лексики в них очевиден. Первым в этом ряду стоит словник, записанный 10 июня 1723 г. у остяков: из 65 лексических единиц (не считая 38 имен числительных) — 23 зоологических термина³³. 12 июня 1723 г. был записан словник другого варианта остяцкого языка: из 99 лексических единиц (не считая 46 имен числительных) — 39 зоологических³⁴. Словник (*Tawgi-Samojedicæ*), записанный 16 июня 1723 г.³⁵, отражает последовательный и целенаправленный отбор лексики³⁶, представленной по определенным семантическим полям: родство, части тела, явления природы, времена года³⁷, металлы и т. д.; в итоге он вместил в себя 60 лексических единиц, в завершение даны 17 зоологических терминов. На следующий день, 17 июня 1723 г., Д. Г. Мессершмидт потратил полдня на общение с тунгусом, результатом чего стал обширный, организованный аналогично предыдущему словник, включивший в себя более сотни лексических единиц, 30 из которых — из области зоологии³⁸.

11 июля 1723 г. к тунгусскому словнику была прибавлена еще группа слов (54 лексические единицы), в числе которых около двух десятков прилагательных, наречий и служебных частей речи (лексика, которая не была характерна для прежних словников) и 16 зоологических терминов³⁹. 16 июля 1723 г. — из 31 тунгусского слова, 11 из которых из области зоологии⁴⁰. 21 августа 1723 г. от информанта-тунгуса («mein Tunguse»)

³¹ 25 июля 1722 г. была записана отдельным цельным блоком татарская ботаническая лексика: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 188.

³² «Mein Diener schoß hieselbst zwei *Attagenes Gesneri* oder *Gallinas Corylorum Aldr. et Willughb.*, welche die *Tattaren Dsim*, und *Dsimniæh*, die Rußen рябóкъ (*Ræbóck*) die Permécken *Ssiöla* die Teutschen Hâsel = Hühner nennen»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 212 об.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 99 об. – 100.

³⁴ Там же. Л. 101–102.

³⁵ Там же. Л. 104 об. – 105.

³⁶ Д. Г. Мессершмидт отмечает в конце записи, что ему пришлось заниматься этим вопросом со своим аборигенным информантом очень долго, до позднего вечера. На полях Д. Г. Мессершмидт дает свою типологизацию этого словника — «*Nomenclaturæ*».

³⁷ Целенаправленный характер сбора материала подтверждается относительной полнотой представленной лексики; так, в этом словнике последовательно записаны слова, обозначающие все четыре времени года, в то время как в предшествующих записях могли встречаться, к примеру, только слова «лето» и «зима».

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 105 об. – 106 об. Также охарактеризован как *Nomenclaturæ*.

³⁹ Там же. Л. 125 об. – 126 об.

⁴⁰ Там же. Л. 132.

было записано 47 названий птиц (*Nomenclatura avium*)⁴¹. Запись тунгусских слов Д. Г. Мессершмидт продолжил через несколько дней, 26 августа 1723 г., с другими информантами из местного населения, которые дали ученому еще 28 новых слов, из которых только три относились к зоологии. Однако в конце словника Д. Г. Мессершмидт делает уточнение, что эти тунгусы подтвердили часть зоологических номенов, записанных 21 августа⁴²; в записи от 21 августа 1723 г. Д. Г. Мессершмидт подчеркнул те слова, которые были перепроверены им через новых респондентов; таких подчеркнутых слов оказалось 37⁴³.

При таком объеме зоологической, прежде всего орнитологической, номенклатуры возникает вопрос о методике сбора языкового материала. Дневник не дает прямого ответа на этот вопрос; возможно, нужная информация будет обнаружена при детальном изучении дневниковых записей. При этом кажется очевидным, что сбор материала не мог осуществляться только путем устного опроса: с одной стороны, этому должен был препятствовать языковой барьер, с другой — сложно нарисовать «словесный портрет» какого-либо животного или растительного вида. Самым продуктивным способом кажется наименование образца, представленного *de visu*. А таковыми могли быть либо воочию наблюдаемые объекты фауны, флоры и т. д., либо тушки подстреленных птиц, гербарные образцы растений и т. д., либо изображения из имевшихся у Д. Г. Мессершмидта с собою книги.

Запись от 15 ноября 1723 г. предлагает в качестве ответа один из вариантов. В тот день немецкий ученый общался с тунгусскими женщинами, а в дневнике записал: «Я показывал им мои *exuvias avium*, чтобы узнать их наименования». Таким образом, в тот день запись местных названий была осуществлена на основе чучел птиц из коллекции Д. Г. Мессершмидта. Ученый записал 12 названий птиц на языке аборигенного населения, а кроме того, еще семь единиц другой зоологической лексики⁴⁴.

23 ноября 1723 г. Д. Г. Мессершмидт опросил тунгуса, который дал путешественнику 50 слов, из них 43 названия животных⁴⁵. 8 декабря 1723 г. были записаны главным образом числительные (20 имен), а кроме того, семь единиц зоологической лексики и два прилагательных со значением «белый» и «черный»⁴⁶. 13, 14 и 15 декабря 1723 г. Д. Г. Мессершмидт

⁴¹ Там же. Л. 158–158 об.

⁴² Там же. Л. 161 об. – 162.

⁴³ Интересно понять, с чем было связано желание Д. Г. Мессершмидта уточнить правильность предоставленных ранее сведений: либо прежде им уже были выявлены случаи недобросовестности респондентов, либо просто появилась такая возможность проверки, которой раньше не было.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 247.

⁴⁵ Там же. Л. 273–274. Привлекает внимание завершение перечня; после последней словарной записи («*Arud nos – Mundu*, “bey ипв”») стоит «*etc.*». Возникает вопрос: если в дневнике представлен не весь словник, то почему он не дан целиком и где его продолжение?

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 284 об.

работал над бурятским словником⁴⁷, записав, прежде всего, в первый день 62 слова, из которых 58 — зоологическая лексика⁴⁸; во второй день была записана лексика астрономическая, ботаническая, названия месяцев (31 лексическая единица)⁴⁹; в третий день — еще 46 слов общеупотребительной лексики⁵⁰. 4 февраля 1724 г. в «якутско-татарский» словник были включены 42 лексические единицы, из которых 41 — из области зоологии⁵¹. Прочие представленные в дневнике словники⁵² отличаются теми же особенностями⁵³.

18 ноября 1723 г. Д. Г. Мессершмидт поместил в дневнике описание кабарги на латинском языке, предложив при этом свой образец описания вида, начало которого выглядит следующим образом: «*Moschi-fera* или *Fera-moschi*; на языке кыштымских татар и русских, живущих на Енисее, *Kabargah*; на языке тунгусов, живущих по берегам Лены, *Mócktscha*, а молодое животное или детеныш — *Mocktschichán*. Возможно, по-китайски *Yehijáh* (согласно Идесу)?⁵⁴ *Animal Moschi* (по Геснеру), *Animal Moschiferum* (по Дэйлу и Рею⁵⁵, с. 127), *Moschius* и *Moschicapreolus* (по Шредеру)⁵⁶, *Capreolus Moschi* (по Renoud. Dispens. Galliae⁵⁷), *Capreolus-moschifer* (по Мартини)⁵⁸, *Capra-moschi* (по Альдрованди и Йонстону),

⁴⁷ Ученый дал народу определение «бурято-татары».

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 288–289.

⁴⁹ Там же. Л. 290.

⁵⁰ Там же. Л. 291–291 об.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 28–29.

⁵² В том числе имеющиеся в дневнике обширные словари тибетского и монгольского языков, словник, названный Д. Г. Мессершмидтом «*Teuto-slavonismi*», а также упомянутый выше «*Vocabularium polyglotton Tattaricum*».

⁵³ В данной статье, учитывая ее задачи, представлять их нет смысла; они будут описаны в отдельной работе.

⁵⁴ Имеется в виду выходец из Глюкштадта в Голштейне (Дания), купец Эверт Избрант Идес (*Evert Ysbrants (Ysbrandszoon) Ides*; 1657–1708). В 1692–1695 гг. участвовал в дипломатической миссии в Китай, во время которой вел путевой дневник. В нем он записывал свои впечатления от увиденного и то, о чем узнавал от местных жителей. Собирал сведения о природе, истории, горячих источниках, необычных камнях, развалинах древних поселений. Впервые его записки были опубликованы в 1704 г.: *Ides E. Y. Driejaarige Reize naar China, te lande gedaen door den Moskovischen Afgezant, E. Ysbrants Ides, van Moskou af, over Groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen tot in China. Waar in, behalven de gemelde Landstreeken, de Zeden dier woeste Volken, ten aanzien van hunnen Godtsdienst, Regeeringen, Huwelyken, dagelykschen Handel Kleedinge, Woningen, Onderhoud, Dood en Begraafnissen naaukeuriglyk beschreven worden. Amsterdam, 1704.*

⁵⁵ Имеются в виду английский натуралист Джон Рэй (*John Ray*; 1627–1705) и его книга: *Ray J. Synopsis of animals and reptiles. London, 1693 = Rejus J. Synopsis methodica animalium quadrupedum et serpentini generis. Londini, 1693.*

⁵⁶ Имеются в виду немецкий врач Иоганн Шредер (*Johann Schröder*; 1600–1664) и его работа: *Schroeder I. Pharmacopoeia medico-chymica sive thesaurus pharmacologicus. Ulmae, 1644.*

⁵⁷ Автора и работу установить не удалось.

⁵⁸ Имеются в виду итальянский путешественник Мартино Мартини (*Martino Martini*; 1614–1661) и его работа: *Martini M. Novus atlas Sinensis. Amstelodami, 1655.*

Capra-moschifera (по Сегеру)⁵⁹, *Musquelibet* (по Исидору и Альберту Великому)⁶⁰, *Dorcas* и *Dorcas-moschi* (некоторые). По-немецки “ein Moschus = Thier, ein Biesam = Thier”; по-английски *a musk-animal*; по-гречески *Μοχός*⁶¹. Далее следует многостраничное описание вида.

С точки зрения рассматриваемой темы интересно именно это начало записи, особенностью которого является отмеченное уже у Д. Г. Мессершмидта включение в зоологическое описание элементов языковых наблюдений, в том числе терминологических. В результате предлагаемый Д. Г. Мессершмидтом текст содержит как историографию вопроса (указание на авторов, описывавших данный вид), так и номенклатурное разнообразие в отношении этого вида; в качестве дополнения к зоологическим данным — наименование вида в обиходном языке у различных народов. Таким образом, описание предлагает информацию, значимую для зоолога: 1) указание на работы предшественников, содержащие описание вида; 2) варианты научной номенклатуры этого вида, существовавшие в то время: *Animal moschi*, *Animal moschiferum*, *Moschius*, *Moschicapreolus*, *Capreolus moschi*, *Capreolus-moschifer*, *Capra-moschi*, *Capra-moschifera*, *Musquelibet*, *Dorcas*, *Dorcas-moschi*; 3) собственное название вида — *Moschi-fer* или *Fera-moschi*. С другой стороны, это описание учитывает интересы лингвистов, предлагая наименование этого животного в обиходной речи разных народов — сначала тех, на землях которых водится данный вид, при этом Д. Г. Мессершмидт точно локализует место получения языковых данных.

Именно по такому образцу Д. Г. Мессершмидт дал видовые описания птиц в своей рукописи «*Ornithologicon*»: описание каждого вида начинается с историографически-лингвистического введения. Приведем несколько примеров:

«26) *Motaccilla alba* (по Виллоуби, с. 171). По-гречески *σεισπολυίς* и *κίλλογος* у Гесихия; по-немецки “eine Bachstelze”; по-английски *a white water-wagtail*; по-русски в Сибири “плишка” (читай *plischka*);

⁵⁹ Имеется в виду работа доктора философии и медицины из Туруни Георга Сегера (*Georg Seger*; 1629–1678): *Seger G. De Capreae Moschiferae exuviis // Miscellanea Curiosa Medico-Physica Academiae Naturae Curiosorum. Dec. 1. Ann. 6–7. 1675–1676. P. 169–171.*

⁶⁰ Имеются в виду произведения архиепископа Исидора Гиспальского (*Isidorus Hispalensis*; между 560 и 570–636) и немецкого философа Альберта Великого (*Albertus Magnus*; 1200–1280): *Isidorus Hispalensis. Etymologiarum libri viginti sive Origines. Liber XII. De animalibus; Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI.*

⁶¹ «*Moschi-fera vel Fera-moschi; Tattaris-Kystim et ipsis inde Russis ad Jenizéam fluvium Kabargáh; Tungusis circa Lénam fluvium Mócktscha, et hinnulus vel hædus Mocktschichán; an – Yehijáh Sinensium, Ysbrandt-Ydes Itiner? Animal Moschi, Gesn. Animal Moschiferum Officin. Dale; et Raj. Synops. anim. p. 127. Moschius et Moschicapreolus, Schroeder. Capreolus Moschi, Renoud. Dispens. Galliae; Capreolus-moschifer, Mart. Atl. Sin. Capra-moschi, Aldr. et Jonst. Capra-moschifera, Seger. et Ephem. Nat. Cur. Germ. Musquelibet Isidor. et Alberti M. Dorcas et Dorcas-moschi, quorundam; Germanis ein Moschus = Thier, ein Biesam = Thier. Angl. A Musk-animal; Graecè Μοχός*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 249.

по-шведски “sädes = ärla”, т. е. «весенняя первая»; по-татарски *keme-kutschkasäck*»⁶². «27) *Passer domesticus* (по Альдрованди и Виллоуби). По-английски *a house-sparrow*; по-шведски “sperf”; по-немецки “ein Sperling”; по-русски “воробей” (читай *Worobéi*), а также “вработий” (читай “*Wrabii*”); по-тюрко-татарски *torgéi* и *ors-torgei*; по-персидски *zezäck*; по-арабски *asphur*». «29) *Anas Martius*. По-немецки “Märtz = Ente”. *Boschas major* (по Виллоуби, с. 284); *Anas torquata minor* (по Альдрованди. Т. 3. С. 212). По-английски *a common wild-duck*; по-русски “селезень” (читай *sélesen*); по-татарски *kogäl*; на языке верхнетомских татар *kas-urdäck*, что означает “гусь-утка”»⁶³. «43) *Dételek máloi czernopéstroi*. “Детелек малой чернопестрой”. *Picus varius minor* (по Виллоуби). *Δρυοκολαπτής* и *δενδροκολαπτής* по-гречески; *πίττυα* у Аристотеля; по-английски *a lesser spotted witwall, woodpecker, woodspite, hickwall, hogghow, high-hole* или *pickatree, the rainfowl*; по-шведски “liten brokat hacke = spyk”⁶⁴; по-немецки “ein bunte Spechtchen”. Самка. По-татарски *tommèrtkà*»⁶⁵.

Как видно, интерес Д. Г. Мессершмидта к полилингвальной номинации, как минимум в орнитологии, сформировался до того, как подобного рода наблюдения начали появляться в дневнике⁶⁶.

Еще большее языковое разнообразие предлагает список, названный Д. Г. Мессершмидтом «Опись птиц, обнаруженных в Сибирской земле» («*Avium in Sibiriae Regno reperiundarum lustrationes*»). Этот перечень прилагался к X рапорту в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г.⁶⁷ и, как значится в самом рапорте⁶⁸, стал дополнением к аналогичному краткому списку «Перечень птиц, наблюдаемых в Сибирской земле» («*Avium in Sibiriae Regno observatarum enumerationes*»), который, в свою очередь, сопровождал V рапорт от 2 ноября 1720 г., отправленный из

⁶² Подчеркнуты записи, сделанные другими чернилами, добавлены, скорее всего, позднее.

⁶³ «26) *Motaccilla alba Willughbeji* 171. Græcis Σεισοπυγίς et Κίλλογος Hesycho. Germanis Eine Bachsteltze. Anglis a white Water-wagtail. Russis in Siberia Плишка lege Plischka. Svecicè Sädes = Ärla, h. e. Prima veris. Tatt. Keme-Kutschkasäck». «27) *Passer domesticus* Aldrov. et Willughbeji. Anglis a House-Sparrow. Svecis Sperf. Germanis Ein Sperling. Russis воробей lege Worobéi, item вработий lege Wrabii. Turko-Tattaris Torgéi et Ors-torgei. Bochar. Zezäck. Arab. Asphur». «29) *Anas Martius*. Germanorum Märtz-Ente; *Boschas major* Willughbeji p. 284. *Anas torquata minor* Aldrov. T. 3. 212. Anglis, a common Wild = Duck; Russice — Селезень lege Sélesen. Tatt. Kogäl. Wertomski-Tattar. Kas-Urdäck, i. e. Anser-Anas»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 41, 43, 48 об.

⁶⁴ Так в документе; в соответствии с современными нормами шведского языка — «liten brokig hackspett».

⁶⁵ «43) *Dételek máloi Czernopéstroi*. Детелек малой чернопестрой. *Picus varius minor* Willughbeji. *Δρυοκολαπτής* et *δενδροκολαπτής* Græcorum; *Πίττυα* Aristoteli. Anglis a lesser spotted Witwall, Woodpecker, Woodspite, Hickwall, Highhow, High-hole, or Pickatree; The Rainfowl; Svecis Liten Brokat Hacke = Spyk. German. Ein bunte Spechtchen. Foemella; Tatt. Tommèrtkà»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 об.

⁶⁶ Приведенные выше примеры взяты из первого и второго тома рукописи, который был завершен 14 декабря 1720 г.

⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–81 (за исключением л. 67, который был вклеен внутри списка по ошибке).

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135.

Каменского⁶⁹. Оба эти списка, совершенно аналогичные приложениям к рапортам, оформлены также в виде отдельных тетрадок⁷⁰.

Перечень 1720 г. включает 52 вида птиц, которых ученый наблюдал в Сибири. Перечень 1722 г. — это 137 видов, большая часть из которых, очевидно, была в орнитологической сибирской коллекции Д. Г. Мессершмидта к лету 1722 г.⁷¹ Оба списка организованы по русским названиям видов. Приведем один пример из перечня 1722 г. — описание воробья⁷². «73) Воробей или Врáбий (Worobéi vel Wrabii) *Russorum; Tattaris Torgéi; Bocharis Ztscjáck; Persis Gundíschk; Arabibus Asphur; Ebræis צפיר (Zippór). Psalm. 102. V. 8. Græcis Σπυθος; Passer domesticus Aldrovandi, Jonstoni et Willughbeji; Anglis A Howse Sparrow; Svecis Sperf; Germanis Ein Spatz, ein Sperling*»⁷³.

У перечня 1722 г. имеется подзаголовок, указывающий на то, что эта опись составлена по образцу работы Ф. Виллоуби («<...> *lustrationes facem præferente Willughbejo institutæ*») ⁷⁴. Описанию птиц, размещенному в названном выше труде Ф. Виллоуби, в самом деле предшествуют указания на номенклатурные различия у разных авторов, а также на названия птиц в различных языках. Этот принцип действительно был воспринят Д. Г. Мессершмидтом. Однако важно иметь в виду, что такое «лингвистическое» введение имеется у Ф. Виллоуби далеко не при каждом описании вида. Но даже там, где подобное введение имеется, оно значительно уступает по объему как сведениям в «*Ornithologicon*», так и в перечнях 1720 и 1722 г. Очевиден повышенный интерес Д. Г. Мессершмидта к языковому материалу.

Об этом же свидетельствует прилагаемый к описи «Многоязычный указатель птиц, наблюдаемых в Сибирской земле» («*Index polyglottos avium per Sibirix Regnum observatarum*») ⁷⁵. Это алфавитный перечень всех приведенных в описи названий птиц, кроме записанных кириллицей — русские названия представлены, но в латинской транскрипции. В алфавитном порядке упоминаемые в описи названия на всех языках сведены вместе, единым списком. Сделано это, как подчеркивает Д. Г. Мессершмидт в рапорте, для того, «чтобы значительно облегчить ее [описи] просмотр» ⁷⁶. Этот способ представления материала позволил автору составить по сути

⁶⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 58.

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 24 (перечень 1720 г.); Д. 25 (перечень 1722 г.).

⁷¹ Для большинства видов из списка указан вес тушки, что Д. Г. Мессершмидт тщательно фиксировал и в своем дневнике, когда описывал подстреленных его помощниками птиц.

⁷² Одна статья перечня дается для примера, для получения представления об объеме лексического материала, без комментариев относительно корректности записанных форм.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 74 об. = Д. 25. Л. 9. Собственно зоологическое описание сводится к указанию веса самца и самки, а также места и времени сбора материала.

⁷⁴ Свой подзаголовок имеет и список 1720 г.: «<...> перечень по методу, принятому среди орнитологов» («<...> *enumerationes methode inter ornithologos consignatæ*»). И ниже дается ссылка на указанную работу Ф. Виллоуби.

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 84–89 об.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135.

«международный» справочник, позволяющий ориентироваться в нем по названию птицы в том или ином языке.

Еще одна рукопись Д. Г. Мессершмидта содержит полилингвальные перечни — это «*Sibiria Perlustrata*»⁷⁷. Один из разделов этого труда посвящен царству животных — «*Regnum animale*». Как и два других раздела, описывающих объекты царства минералов и растений, материал здесь представлен в виде таблицы, в первой колонке которой помещены историографически-лингвистические сведения в формате, подобном тому, что находим в «*Ornithologicon*» или приведенной выше дневниковой записи о кабарге⁷⁸. При этом языковой материал выглядит очень неравномерно.

К примеру, запись о виде, описанном в «*Ornithologicon*» под номером 27 (см. выше), в «*Sibiria Perlustrata*» выглядит следующим образом: «*Passer (vulgaris) off[icinalis]* (по Шредеру и Дейлу); *Passer domesticus* (по Геснеру, Альдрованди, Йонстону, Виллоуби, Рею); по-английски *a house-sparrow*; по-немецки “ein Dpatz⁷⁹, Sperling”»⁸⁰. В «*Ornithologicon*» запись «*et Ors-torgei. Bochar. Zezack. Arab. Asphur*» является, как было указано, более поздней припиской, но и без нее языковая информация представлена здесь более обширно, в то время как перечень авторов, описавших данный вид, напротив, менее развернут.

Однако в других случаях картина противоположная, и мы находим в рукописи «*Sibiria Perlustrata*» доказательства продолжения работы с лексическим материалом. Для сравнения, историографически-лингвистическая часть описания кабарги в «*Sibiria Perlustrata*» представляет собой следующее: «*Moschi-fera* (по Дейлу); *Animal Moschiferum* (по Рею и Дейлу); *Moschius* или *Moschi-capreolus* (по Шредеру); *Capra Moschus* (по Альдрованди и Йонстону); *Animal Mosiferum*. По-английски *a Musck [sic!] animal*, от коего английского *Musk*, возможно, происходит *Moschus Offic.*, а не от вида *Caprinum*, и не от *Cervinum* (по Дейлу). ཀུདའེ་ (*Kudaery*) — по-монгольски и по-бурятски в Даурии. По-тангутски общее название — ལྷཱ་ལྷཱ་⁸¹ (*Glaâ*); для самца — отдельная форма ལྷཱ་ལྷཱ་ и ལྷཱ་ལྷཱ་ или ལྷཱ་ལྷཱ་ (*Wlaô* и *Alath*); мускусный мешочек (*Moschifolliculus*), имеющийся только у самца, ལྷཱ་ལྷཱ་ལྷཱ་ или ལྷཱ་ལྷཱ་ལྷཱ་ (*Alastshe*); самка — ལྷཱ་ལྷཱ་ или ལྷཱ་ལྷཱ་ལྷཱ་ (*Wlaâ*). По-индийски *Gangemoulgo* कस्तुरियमिर्ग *Kasturija-mirga*, общее название.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Факсимильное изд.: *Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc.* СПб., 2020.

⁷⁸ О структуре названных разделов см. в статье А. Д. Бондарь, А. В. Кургузовой, М. В. Поникаровской «От врача до минеролога: минералогические исследования Д. Г. Мессершмидта в Сибири» в настоящем сборнике.

⁷⁹ Так в рукописи.

⁸⁰ «*Passer (vulgaris) off. Schröd. et Dale; Passer domesticus Gesn. Aldr. Jonst. et Willughb. p. Raj. Anglis a Heuse-sparrow. Germanis Ein Dpatz [sic!] Sperling*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 239 об.

⁸¹ Второй вариант тибетского слова, присоединяемого союзом «или», представляет собой ту же лексику, записанную другим способом письма, в некоторых случаях с небольшой разницей (об особенностях записи тибетского языка у Д. Г. Мессершмидта см. статьи А. В. Зорина в настоящем сборнике).

Кабарга внешне похожа на серну, но меньше, безрогая (а́керата), с выдающимся вперед, но только у самцов, верхними клыками и наделенная пахучим пупочным мешочком, четвероногая, жвачная. По-китайски *Tchijah* и для самца — отдельная форма *Möhijahn* и *Möhidshan*; на языке тунгусов, живущих на реке Лене, *Dshehijah* и *Dseijahitem Möghtschan*; на языке русских, живущих на Лене, “сейга” (*Sseiga*), у живущих на Енисее, вместе с кыштымскими татарами — “кабарга” (*Kabarga*); мускусный мешочек — по-арабски *Misk*; по-персидски *Mijsk*; по-татарски *Muhammed Giphâr*; по-бурятски *Oengoelay*; по-немецки “ein Moschus Thier” и “Moschus Beutel”»⁸².

Прочие представленные в рукописи сведения о кабарге (об ареале распространения) контрастирует с этой записью по своему объему⁸³: «В Сибири, в Киргизии на протяжении реки Енисей между Абаканом и Красноярском, но только на берегу, обращенном на Восток. В районе реки Лены в горах везде около Верхоленского острога; и во многих местах. В Даурской земле часто в районе Читы и реки Витим в горах и около источников реки Алдана»⁸⁴.

На примере описания кабарги видно, что не только орнитологические перечни и описания сопровождалось лингвистическими сведениями. Все выделенные Д. Г. Мессершмидтом и рассмотренные им в «*Sibiria Perlustrata*» классы царства животных содержат эту информацию. Среди архивных бумаг ученого имеется дело, представляющее собой разрозненные рабочие записи, которые оказались вложенными в кожаную обложку с надписью «*Ichthyologicon Sibiriae Tattaro-Russicae. Volumen 1*», а потому именно так и описанные при обработке: такое название и имеет архивное дело⁸⁵. В действительности это разрозненные рабочие записи самого различного содержания и сделанные в разное время, часть из которых в самом деле имеет отношение к описанию рыб. И на примере этих

⁸² «*Moschi-fera, Officin. Dale. Animal Moschiferum Raj. Syn. Anim. et Dale; Moschius sive Moschi-capreolus, Schröd. Capra Moschus Aldr. et Jonst. Animal Mosiferum Anglicè a Musck animal, ex quo Moschus Offic. Angliæ Musk, forsân nec è Caprino, nec e Cervino genere Dale; ཀུ་མུ་ཤེ་ Kudaery, Mongolis et Borathis in Davuriâ; Tanjutis [sic!] in gen ལྷ་འོ་ vel ལྷ་ལྷ་ Glaâ; mas seors ལྷ་འོ་ et ལྷ་ལྷ་ vel ལྷ་འོ་ et ལྷ་ལྷ་ Wlaô et Alath.; Moschifolliculus in solo Masculo reperibilis, ལྷ་ལྷ་ལྷ་ vel ལྷ་ལྷ་ལྷ་ Alastshe; Foem. ལྷ་འོ་ vel ལྷ་འོ་] Wlaâ, Indiscis Gangemoulgo ཀུ་མུ་ཤེ་མུ་ལྷ་ལྷ་ Kasturija-mirga, in gen. quidem; Moschifera Caprea facie sed minor akeruta, dentibus caninis superioribus in solo quidem masculo prominulis; folliculoque umbilicali odorato prædita, quadrisulia [sic!], ruminans; Sinensibus Tchijah, et Masculus seorsim Möhijahn et Möhidshan, Tungusis ad Lena-fluv. Dshehijah et Dseijahitem Möghtschan; Russis ad Lenam Ceûza Sseiga ad Yenizee Fluvium cum Kystim. Tattaris Кабарга, Kabarga; Moschi folliculus Arabibus Misk. Persis Mjysk; Tattaris Muhammed Giphâr. Borathis Oengoelay; Germanis ein Moschus Thier und Moschus Beutel»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 250–250 об. Авторы благодарят А. В. Зорина за помощь в передаче слов на восточных языках.*

⁸³ Эти особенности рукописи должны быть учтены при решении вопроса о ее характере, целях и времени ее написания.

⁸⁴ «*In Sibiria, in Kirgisia in Jenizei fluvii tractu inter Abacan et Krasnojarsk sed in solo Orientem spectante latere. In Lena fluvii montanis ubique circa Wercho Lenski-Ostrog; et pluribi. In Davuria subinde in Tschitah et Wytim fluvii montanis et circa Adan fluvii fontes*»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 250–250 об.

⁸⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 18.

отдельных фрагментов можно видеть, что Д. Г. Мессершмидт предполагал «лингвистическое введение» и для описаний в своей работе⁸⁶. Здесь встречаются рабочие перечни, содержащие различную номинацию у разных авторов⁸⁷; небольшой словарь русских названий, которые приведем для иллюстрации работы с русским языком: «окунь, лещь, карась, галавль, бѣлуга, бѣлая рыба, селдь, лосось, жерехъ, мукунь, нѣлма, линь, линокъ, щука» (первый список)⁸⁸. Второй список был составлен в другое время и примечателен тем, что является одним из примеров целенаправленного сбора языкового материала; он представляет собой колонку немецких слов — названий рыб (пронумерованных); напротив некоторых из них написаны кириллицей русские слова, похожие на фонетическую запись; в словах проставлены ударения: «щука, оконь, горшъ, карась, оугорь, оссетеръ, лины [линь?]⁸⁹, налымъ, щабакъ (исправлено с “сабакъ”», жемга, сомь, мукунь»⁹⁰.

Представленный в статье материал — это только предварительный обзор лингвистических исследований Д. Г. Мессершмидта. Но даже этот первый анализ формирует довольно ясную картину, позволяющую констатировать тот факт, что зоологические и лингвистические интересы гармонично сочетались в научных занятиях Д. Г. Мессершмидта. Полилингвальная среда, в которой оказался ученый-путешественник, не могла не привлечь к себе его внимания и не вызвать любопытства, довольно скоро переросшего в методичную работу по сбору языкового материала. Со временем словники стали приобретать все более специальный характер и сменили свою номинацию в записях ученого: от сбора *vocabula* Д. Г. Мессершмидт перешел к составлению тематических *nomenclaturae*. Очевидно, что предпочтение в этом он отдавал зоологической лексике.

Можно также отдать Д. Г. Мессершмидту «пальму первенства» в опыте составления многоязычных словарей, каковыми по сути являются перечни сибирских птиц, составленные в 1720 и 1722 гг. Скорее всего, не последнюю роль сыграло знакомство с этой практикой Д. Г. Мессершмидта для П. С. Палласа, воспринявшего многие идеи своего предшественника при издании им многоязычного словаря.

С другой стороны, Д. Г. Мессершмидт органично включал лексический материал в специальные зоологические описания; можно утверждать, что этот языковой материал не был простым украшением текста или демонстрацией энциклопедизма автора: небольшие словники, предшествующие зоологическому тексту, обозначали многообразие научной номенклатуры, а также отчасти ареал распространения конкретного вида. Этот подход опирался на опыт предшественников, но опыт этот был расширен немецким ученым. Очевидно, со временем методика такого комплексного описания зоологического вида стала для Д. Г. Мессершмидта привычной и естественной.

⁸⁶ См., напр.: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁸⁷ Там же. Л. 16 об. – 17.

⁸⁸ Там же. Л. 26 об., 28.

⁸⁹ Последняя буква написана неясно.

⁹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

*А. В. Зорин
Санкт-Петербург*

**О ТИБЕТСКИХ РУКОПИСЯХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В СОБРАНИИ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН**

В 2015–2018 гг. в ходе инвентаризации Тибетского фонда Института восточных рукописей РАН было выявлено несколько текстов, которые могли относиться к коллекции Д. Г. Мессершмидта, привезенной им в Санкт-Петербург в 1727 г. На двух из них имеются его автографы, другие идентифицируются с разной степенью уверенности. После того как в 1732 г. Т. З. Байер опубликовал ксилограф, полученный Мессершмидтом в Забайкалье от некоего ламы Кара-Банди, учившего его тибетскому языку, ни один из принадлежавших ему текстов не становился объектом рассмотрения. В данной статье сделана попытка сопоставить их с теми скудными сведениями о коллекции Мессершмидта, которые обнаруживаются в его путевом дневнике, а также в статьях его современника Г. Ф. Миллера. Попутно рассматриваются некоторые частные вопросы, связанные с обнаружением российскими военными в 1717–1721 гг. тибетских книг в джунгарских монастырях на Иртыше (Семь Палат и Аблай-хит) и в тувинском горном святилище у одного из притоков Енисея.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, Ф. И. Страленберг, Т. З. Байер, академическая коллекция, тибетские тексты, буддийские святилища, Семь Палат, Забайкалье.

*A. V. Zorin
St. Petersburg*

**ON THE TIBETAN MANUSCRIPTS FROM
THE COLLECTION OF D. G. MESSERSCHMIDT KEPT IN
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS**

In 2015–2018 during the processing of the Tibetan collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, several texts that could be brought by D. G. Messerschmidt to St. Petersburg in 1727 were refound. Two of them have his autographs, the others may be identified with different degrees of certainty. After Th. S. Bayer made an edition (1732) of a block print acquired by Messerschmidt from a lama named Karabandi, who taught Tibetan to him in Transbaikalia, none of his texts was ever discussed. This paper presents

an attempt to juxtapose them with scarce data on Messerschmidt's collection found in the diary of his journey and two articles written by his contemporary G. F. Müller. At the same time it touches upon some issues connected with the 1717–1721 finding by the Russian military men of Tibetan books in Dzungar monasteries Sem Palat and Ablakit in the area of the Irtysh and in a Tuvan cave temple near to one of the tributaries of the Yenisei.

Key words: D. G. Messerschmidt, G. F. Müller, Ph. J. Strahlenberg, Th. S. Bayer, the Academy's collection, Tibetan texts, Buddhist temples, Sem Palat, Transbaikalia.

В ноябре 2018 г. в Санкт-Петербурге был торжественно отмечен двухсотлетний юбилей старейшего специализированного востоковедного учреждения нашей страны — Института восточных рукописей РАН (Азиатского музея). Однако к 1818 г., когда Азиатский музей был основан, в Библиотеке Академии наук уже хранились некоторые тексты на восточных языках. История коллекции ИВР РАН, по всей видимости, ведет отсчет с первых тибетских листов, обнаруженных в брошенном джунгарском монастыре Дархан-цоржийн-хит (более известном как Семь Палат) на берегу Иртыша и предположительно переданных Петру I сибирским губернатором М. П. Гагариным в 1718 г. (или в конце 1717 г.). Эти листы из синей бумаги с золотыми буквами первый российский император хранил в своем личном кабинете и, по сообщению анонимного корреспондента парижского издания «La Gazette», придавал большое значение их обнаружению¹. Очевидно, Петр I полагал, что они могут иметь отношение к древней истории России.

То, что речь идет о тибетских (или, как ошибочно писали европейские ученые XVIII в., «тангутских») письменах, стало понятно несколько лет спустя, когда один лист из Петербурга был воспроизведен в лейпцигском научном журнале «Acta eruditorum» И. Менке. Письменность была идентифицирована, но попытка перевода листа, заказанного Петром I у Французской академии наук, кончилась неудачей, так как в Европе еще не было лиц, владевших тибетским языком в достаточной степени. Сам этот лист, сделанный не из синей, а из черной (или темно-коричневой) бумаги, поступил в Петербург позже первых. Присланный в 1721 г. новым губернатором Сибири А. М. Черкасским, он происходил из другого брошенного джунгарами монастыря — Аблай-хита, обнаруженного российскими военными в 70 верстах от основанной осенью 1720 г. Усть-Каменской крепости. Впоследствии слава этого монастыря, обладавшего богатой библиотекой книг на тибетском и монгольском языках, затмила память о первом источнике поступлений — Семи Палатах. К сожалению, из всех богатств аблай-хитской библиотеки до нас дошло лишь около полутора тысяч листов (из них львиную долю составляют рукописи на монгольском языке),

¹ Gazette, 1721. No. 44: Du 18 Octobre 1721. P. 510.

большая часть которых была прислана в Петербург в 1734 г. участниками Второй Камчатской экспедиции Г. Миллером и И. Гмелиным².

Между этими поступлениями листов из джунгарских монастырей (при Петре I в 1718 и 1721 гг. и затем в 1734 г.) произошло еще одно важное для истории нашей тибетской коллекции событие: вернувшийся в 1727 г. из длительной экспедиции по Сибири Даниэль Готлиб Мессершмидт уступил, хотя и не по своей воле, Санкт-Петербургской академии наук приобретенные им в ходе путешествия (в основном на личные средства) тексты на тибетском языке³. Этот язык он, среди прочих своих занятий, с увлечением изучал, став одним из первых европейцев, освоивших тибетскую письменность⁴. К сожалению, обстоятельства его возвращения в Петербург не позволили ни ему, ни ученому сообществу использовать эти знания.

Собранные им тексты поступили в распоряжение акад. Т. З. Байера, который до своей преждевременной кончины успел опубликовать пекинский ксилограф с санскритской азбукой, напечатанный тремя видами письма: непальским ранджана (*тиб.* ланьца), тибетским и монгольским, и образец полууставного тибетского письма *умэ*. Надо отдать должное первому петербургскому академику-востоковеду — в своей статье он не только указал на Д. Г. Мессершмидта как на источник поступления текстов, но и высоко оценил его познания⁵. И правда, в отличие от самого Байера, чья транслитерация слогов азбуки полна ошибок⁶, Мессершмидт

² Подробнее см.: Zorin A. Tibetan Buddhist Texts Acquired by the Russian Academy of Sciences during the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo, 2015. Vol. XIX. P. 1–43.

³ Это случилось в феврале 1728 г. Специально созданная комиссия АН, секретарем которой был назначен Г. Ф. Миллер, «решила, что все привезенные Д. Г. Мессершмидтом редкости должны быть переданы Академии наук, оговорив при этом, что в случае, если в числе сданных вещей окажутся лишние, то они будут ему возвращены. “Что же касается древностей, монгольских, тангутских и китайских редкостей и писмен, — пишет Миллер, — равно как и целого ряда предметов и одежды различных сибирских народов, то таковые в целях обогащения Кунсткамеры должны быть удержаны, а г-ну Мессершмидту, который не обязан был их собирать и притом, без сомнения, затратил на них свои собственные средства, должно быть выдано надлежащее денежное вознаграждение... И несмотря на то, что г-н Мессершмидт, — добавляет Миллер, — возражал против этого и подал жалобу на несправедливость решения комиссии, она осталась при принятом решении”» (Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 153; цитата взята из книги: Миллер Г. Ф. История Академии наук // Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. VI. С. 151).

⁴ О том, как Д. Г. Мессершмидт изучал тибетский язык, находясь в Забайкалье, известно из его путевого дневника; соответствующие фрагменты довольно подробно пересказаны в книге: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 70–74, 107–110.

⁵ Bayer Th. S. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. Petropoli, 1732. Т. III. P. 389, 393.

⁶ Первая и наиболее существенная для тибетологии часть статьи Т. З. Байера была переиздана, переведена на английский и проанализирована в статье: Walravens H., Zorin A. The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D. G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in the 1720s // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo, 2017. Vol. XXI. P. 183–241.

не только знал, как правильно читаются буквы тибетского и других представленных в ксилографе алфавитов, но даже владел правилами традиционного тибетского *спеллинга*⁷.

Как бы то ни было, публикация Т. З. Байера, оказавшая некоторое влияние на первичное формирование знаний европейской науки о тибетском языке, до недавних пор была первым и, по сути, единственным изданием текстов из коллекции Д. Г. Мессершмидта. О судьбе же последней практически ничего не было известно, и еще несколько лет назад у автора этих строк имелись большие сомнения, что когда-либо удастся выявить относившиеся к ней тексты. Во-первых, они могли сгореть в пожаре 1747 г. наряду с другими предметами из сибирской коллекции немецкого ученого, хранившимися в Кунсткамере⁸. Во-вторых, если даже они избежали этой участи, было непонятно, какие критерии позволят идентифицировать их среди сотен других листов.

Однако в ходе инвентаризации разрозненных материалов Тибетского фонда ИВР РАН был сначала выявлен тот самый ксилограф с санскритской азбукой, который использовал Т. З. Байер. На нем обнаружилось некоторые пометки, сделанные рукой Д. Г. Мессершмидта, а также маленькая черная печать с двуглавым орлом, которую, по информации, любезно предоставленной Н. П. Копаневой, использовали в Библиотеке АН до середины XVIII в.⁹ Тогда стало ясно, что эта печать может выступать в роли идентификатора первых поступлений, хотя и не может твердо указывать на Мессершмидта как источник: она имеется, в частности, на некоторых из тысячи с лишним аблай-хитских монгольских листов на белой бумаге, предположительно присланных в 1734 г. Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным¹⁰. В Тибетском фонде ИВР РАН на данный момент выявлено несколько

⁷ Согласно этим правилам, сначала особым образом последовательно перечисляются элементы орфографии того или иного тибетского слога, после чего он произносится так, как звучит, а не пишется. То, что Д. Г. Мессершмидт был хорошо знаком с этой практикой, следует из рабочих лингвистических материалов, хранящихся в его личном фонде (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–19).

⁸ То, что часть первых тибетских листов в собрании Имп. АН действительно сгорела, получило подтверждение весной 2019 г., когда в Отделе рукописей и документов ИВР РАН О. В. Лундышевой было выявлено несколько свертков с практически полностью обгоревшими фрагментами листов, на которых тем не менее удалось различить тибетские письмена, соответствующие аблай-хитским образцам.

⁹ Ксилограф опубликован в приложении к статье: *Walravens H., Zorin A. The Āli-kāli Trilingual Syllabary...* P. 234–251; библиотечная печать дополнительно воспроизведена на с. 189.

¹⁰ Этой информацией я обязан Н. В. Ямпольской, которая выявила и описала упомянутые монгольские листы (*Ямпольская Н. В. Сводный перечень фрагментов рукописей «черных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // Монголика-XV. СПб., 2015. С. 48–58*). Также из Аблай-хита может происходить пометочный печатю с орлом тибетографичный свиток, состоящий в основном из ксилографических листов с сакральными буддийскими формулами; см.: *Зорин А. В. Тибетский свиток из молитвенного барабана, поступивший в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. // Mongolica-XXI. СПб., 2018. С. 62–66.*

единиц хранения с такой печатью: по крайней мере одна из них определенно принадлежала Мессершмидту, так как на ней имеется его автограф¹¹. Все эти листы сделаны из некрашенной бумаги восточного и в одном случае российского происхождения.

Между тем Г. Ф. Миллер, который принимал участие в работе комиссии по делу Д. Г. Мессершмидта и должен был видеть своими глазами по крайней мере некоторые из вещей его собрания, сообщает в своей статье «*De scriptis tanguticis in Sibiria repertis Commentatio*», что он привез «с собою такого же рода рукописи, как те прежние, которые считались привезенными из Семи Палат»¹², — то есть, по-видимому, рукописи на синей бумаге с золотыми письменами. Миллер был уверен, что они были получены Мессершмидтом от И. Нашивошникова в Красноярске, а тот приобрел их во время рекогносцировочного плавания по р. Енисей в случайно обнаруженном неподалеку от его притока Хемчика скальном буддийском святилище¹³. Слово «считались» в приведенной цитате как будто указывает на то, что Миллер склонялся к возобладавшей впоследствии и, как я полагаю, ошибочной гипотезе о происхождении синих листов не из Семи Палат, а из Аблай-хита. По крайней мере, трудно объяснить иначе другой его пассаж из той же работы, посвященный вопросу приенисейских находок: «По всей пещере лежат листы рукописные, которые, как видно по образцам, привезенным в Петербург пок. Мессершмидтом, и по листу, изданному Страленбергом, очень сходны с аблайкитскими»¹⁴.

То, что он должен был иметь в виду именно листы на синей бумаге, следует из записанного им, но не опубликованного письменного свидетельства И. Нашивошникова, с которым Г. Ф. Миллер лично встречался в Красноярске: «...и нашел в каменной пещере татарских писем на синей

¹¹ Впервые был опубликован в статье: *Зорин А. В.* Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // *Mongolica-XVIII*. СПб., 2017. С. 69. Тогда мне не удалось объяснить значение этой записи, состоящей из трех элементов, в которых использованы, соответственно, латинские буквы, тибетская буква *ka* и два слова на иврите — «Моше» и «Аарон» — с отходящими от второго слова вниз вариантами огласовки буквы *alef*. Ключ к разгадке обнаружился в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта, о чем см. далее в статье.

¹² *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3. Приложения. С. 80. (Материалы по археологии России. № 15).

¹³ Оно идентифицируется как Чурумал-Бурханнэг-Хая и расположено «на горе Сюме у самого начала Саянского каньона Енисея... В настоящее время это самое известное скальное святилище на севере Центральной Азии затоплено водами Тувинского моря» (*Савинов Д. Г.* От редактора. Памятники древнетюркского времени в Улуг-Хемской котловине // *Древние тюрки в Центральной Туве* (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. С. 4, 7). Стоит отметить, что Мессершмидт хотел совершить поездку к этому святилищу, но в итоге вынужден был отказаться от своих планов (*Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 125–126. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 6).

¹⁴ *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. С. 80.

бумаге многое число и взял я из тех писем листов с дватцать и привез с собою в город Красноярск, а когда прибыл в город Красноярск дохтур Господин Мессершмид и тех писем потребовал у меня и те писма объявил я Красноярскому воеводе господину Зубову и оной воевода те писма мне же велел отнести ко оному дохтуру и оной дохтур те писма у меня принял, в том и скаску дал за рукою»¹⁵. К этому в своей опубликованной работе Г. Ф. Миллер добавляет, что до встречи Д. Г. Мессершмидта с И. Нашивошниковым «большая часть листов успела пойти мальчикам на хлопушки»¹⁶ и еще — что «Страленберг, сопровождавший в то время Мессершмидта, привез с собою несколько листков, уступленных ему последним»¹⁷. Таким образом, если принять за истину все переданное Миллером, получится, что Мессершмидт привез в Петербург всего несколько рукописных листов приенисейского происхождения и они были сделаны из синей бумаги.

В это очень трудно поверить хотя бы потому, что лист, опубликованный Ф. И. Страленбергом в его знаменитой книге о России 1730 г. и действительно относящийся к находке И. Нашивошникова, представляет собой фрагмент обычной тибетской рукописи маленького формата на «тонкой белой холщовой бумаге»¹⁸. В отсутствие оригинала «скаски» Нашивошникова¹⁹ мы не можем проверить, действительно ли тот говорил о листах на синей бумаге, и только на ней. Если даже Г. Ф. Миллер все передал верно, публикация Страленберга показывает, что этому утверждению нельзя верить безоговорочно. Ксилограф с азбукой, принадлежавший Д. Г. Мессершмидту, и упомянутая выше рукопись с его автографом говорят о том, что его тибетская коллекция состояла отнюдь не только из тех листов, которые не успели пойти нашивошниковским мальчикам на хлопушки. Тем не менее, поскольку известно, что рукописи из коллекции Мессершмидта сохранились в Тибетском фонде ИВР РАН и по крайней мере часть из них была сделана из синей бумаги, возникает вопрос: нельзя ли

¹⁵ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 78. Это свидетельство приложено Г. Ф. Миллером к неизданной статье «De scriptis tanguticis et Mungalicis ad Jeniseam fluvium repertis», включенной им в свои «Исторические замечания», оставшиеся в рукописи, из которой В. В. Радлов сделал перевод наиболее значимых фрагментов (Там же. С. 56). Копия упомянутой статьи сохранилась также среди бумаг Т. З. Байера, хранящихся ныне в библиотеке Университета Глазго (*Weston D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. University of Glasgow, 2018. P. 162*); я обязан Д. Уэстону возможностью познакомиться с нею. Приведенное выше заглавие взято мной именно оттуда, В. В. Радлов его не упоминает.

¹⁶ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 75. В оригинале на латыни: «Folierum pleraque pueris in crepundia cesserant».

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1, вып. 2. Приложения. С. 28. (Материалы по археологии России. № 5).

¹⁹ По словам Г. Ф. Миллера, документ хранился в Архиве Красноярской канцелярии; его дальнейшая судьба неизвестна.

попытаться идентифицировать последние, тем более что синих листов среди разрозненных материалов было выявлено не так много?

Наиболее вероятными кандидатами для такой идентификации мне поначалу представлялись некоторые листы, которые, как я считаю, поступили в Петербург из Семи Палат. Если бы удалось доказать, что Д. Г. Мессершмидт действительно привез из Сибири сравнительно большое их количество, это позволило бы ответить на один вопрос, который до сих пор оставался не до конца проясненным. Дело в том, что среди 33 семипалатинских единиц хранения Тибетского фонда ИВР РАН примерно половину составляют цельные листы, а вторую половину — разного рода фрагменты вплоть до срезанного тонкого слоя бумаги с текстом, что указывает на сугубо утилитарное использование буддийских рукописей, попавших в «нечестивые руки». Именно о таких дефектных листах говорится в письме Л. Блюментроста аббату Биньону в Париж в феврале 1724 г. В изложении Е. А. Княжецкой этот фрагмент выглядит следующим образом: «Он [Петр I] приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей»²⁰. Наличие у нас цельных рукописных листов говорит либо об обмане со стороны Блюментроста (теоретически он мог быть оправдан возможным недовольством Петра I качеством перевода листа, ранее отправленного в Париж, при внешнем благоволении к французским переводчикам — братьям Фурмонам), либо о том, что такие листы в 1724 г. в Петербурге отсутствовали и появились там вновь только с приездом Мессершмидта.

Последний, будучи в Tobольске, имел возможность приобрести там образцы семипалатинских листов. Известно, что он обращался «в Tobольский приказ с просьбой доставить ему шайтанов, предметы, найденные в могильниках, древние татарские рукописи и т. д.»²¹. Не получив помощи от местных властей, он стал полагаться на собственные силы и, как следует из прошения на имя губернатора А. М. Черкасского от 27 мая 1720 г.²², приобрел какие-то

²⁰ Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. XXVI. С. 22–23.

²¹ Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 15–16.

²² «Того ради моего всенижайшаго следованного прибежища не вотще всей губернской канцелярии вообразати, аще что тому подобныя, к древности принадлежащая, вещи, якобы языческия шейтаны, великия мамантовы кости, древния калмыцкия и татарския писма и их праотческия писмена, такожде каменныя и кружечныя могилныя образы и устройства тем же, аз оныя по обретении списал и рисунков прислать могу» (Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 245). Информация из книги М. Г. Новлянской опирается на IV рапорт Д. Мессершмидта на имя И. Блюментроста от 25 июня 1720 г. (Там же. С. 257).

«калмыцкие» тексты в Тобольске²³. Учитывая, что отъезд Д. Г. Мессершмидта из губернской столицы состоялся в феврале 1721 г., нельзя исключать, что у него были еще возможности пополнить свою коллекцию.

С другой стороны, доподлинно известно, что в конце 1721 г. исследователю удалось получить несколько аблай-хитских листов, но только он не знал, что речь идет о рукописях из другого монастыря, который был обнаружен русскими военными в период между осенью 1720 г. и августом 1721 г. Об этом приобретении мы узнаем из позднейшей дневниковой записи Д. Г. Мессершмидта, в которой перечисляются вещи одного из сундуков, собранных для отправки в Санкт-Петербург из Иркутска в июне 1725 г. Здесь среди прочего значатся полученные им в декабре 1721 г. (в это время он находился в Абаканском остроге) рукописные листы: монгольские на белой бумаге с черными письменами (один свиток) и на черной бумаге с золотыми письменами (без указания количества) и два тибетских листа на черной бумаге с серебряными письменами (свернутые в один

²³ Как это могло произойти, описано шотландским путешественником Джоном Беллом, который, к слову, имел шансы стать спутником Д. Г. Мессершмидта по дороге в Пекин, если бы тому было разрешено проследовать вместе с российским посольством. Белл выехал вместе с посольством из Тобольска в январе 1720 г., успев за месяц пребывания в этом городе получить («согласно лучшим сведениям, какие я мог получить») краткое описание Семи Палат и найденных там рукописей, а также встретить «на улице солдата со связкою таких бумаг в руке». По словам Белла, «он просил меня купить их, что я и сделал, заплатив небольшую сумму» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 51*). Очевидно, что информация о Семи Палатах была получена им не от солдата, а от более образованных лиц, владевших западными языками, — например, от кого-то из пленных офицеров армии Карла XII, сосланных в Тобольск. Хотя мы не знаем, кто именно предоставил Беллу описание Семи Палат, оно производит впечатление сообщения, основанного, по крайней мере отчасти, на личном опыте: «Дом, называемый *Sedmy Palaty* (Семь Палат), лежит по правую сторону, если спускаться вниз по реке (Иртышу). Поразительно видеть среди степи такое правильное здание». Однако последующее описание, как кажется на первый взгляд, содержит ошибку: утверждается, будто здание брошенного монастыря «состоит из семи комнат под одною крышей, откуда и явилось название “Семь Палат”». По описанию Г. Ф. Миллера, в монастырском комплексе было шесть построек, из них одно («башня») находилось поодаль, а еще одно состояло из двух помещений, не соединенных дверью, отчего они могли восприниматься как «два разных строения» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 58–60*). В то же время спутник Миллера И. Г. Гмелин писал о семи зданиях, из которых шесть стояли рядом друг с другом, а два из них «стенами, соединявшимися, однако же, между собою, делились как бы на камеры» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 59, сн. 1; Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751. Bd. 1. S. 216*). Нам неизвестно, сколько «камер» было в этой главной части монастыря: возможно, их было семь, в соответствии с информацией, зафиксированной Беллом из его «лучших сведений». Возможно также, что здания, стоявшие рядом, в конце 1710-х гг. составляли единый комплекс: к середине 1730-х гг. все здания были уже сильно руинированы. Как бы то ни было, ни Белл, ни Мессершмидт, ни Страленберг (а последний оказался в Тобольске еще в 1711 г., до начала всех экспедиционных действий российских войск вверх по Иртышу) не испытывали никаких сомнений в том, что в Семи Палатах были обнаружены в большом числе «тангутские» и «калмыцкие» листы.

свиток)²⁴. Удивительным образом одну из тибетских рукописей удалось надежно идентифицировать в составе Тибетского фонда ИВР РАН, вторая же, скорее всего, не сохранилась. Этому вопросу посвящена отдельная статья «О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.» в настоящем сборнике.

В настоящий момент очень трудно сказать, сколько прииртышских листов на тибетском и монгольском языках имелось в распоряжении Д. Г. Мессершмидта. В его путевом дневнике есть две записи, которые могут относиться как к абаканскому, так и к тобольскому приобретениям исследователя: 1) 15 января 1722 г. Ф. И. фон Страленберг отмечает: «...Господин Доктор выписывал сегодня буквы из тангутских письмен»²⁵; 2) 9 марта 1722 г. «...старый толмач Степан впервые побывал у Господина Доктора. Он зачитал для него некоторые из калмыцких письмен, обнаруженных на Иртыше, и сказал, что они в основном должны относиться к такому роду [текстов], какой используется при гаданиях и прогнозах»²⁶.

Хронологическая близость двух дат (23 декабря 1721 г., когда листы были приобретены в Абакане, и 15 января 1722 г.) заставляет думать, что запись об изучении Д. Г. Мессершмидтом тибетских рукописей (между прочим, первое свидетельство его интереса к практическому изучению тибетской письменности), скорее, относится к листам, полученным в Абакане. Однако более поздняя запись о «калмыцких» листах с Иртыша (под которыми Ф. И. фон Страленберг, разумеется, мог понимать листы на монгольском, а необязательно на ойратском языке) может в равной степени отсылать как к абаканским листам, так и к гипотетическим приобретениям тобольского периода. Не стоит забывать и о том, что Страленберг также мог иметь при себе некоторые рукописи, приобретенные в Тобольске, и позволить своему спутнику работать с ними.

На мой взгляд, нельзя исключать, что монгольские листы на синей бумаге, несколько лет назад введенные в научный оборот К. В. Алексеевым, А. А. Туранской и Н. В. Ямпольской и идентифицированные ими как поступившие в Петербург из Аблай-хита²⁷, коррелируют с упомянутыми выше «калмыцкими» листами, которые могли быть приобретены еще

²⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 – November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 104.*

²⁵ «Der Herr Doktor extrahierte [exzerpierte] heute aus den tangutischen Schriften die Buchstaben» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 172*). Перевод с немецкого фрагментов из дневника Д. Г. Мессершмидта здесь и ниже — мой.

²⁶ «Der alte Dolmetscher Stepan war zum erstenmal bei dem Herrn Doktor. Er las ihm etwas vor ans den kalmakschen Schriften, beim Irtytsch gefunden, die er meist solche zu sein sagte, welche sie bei ihren Wahrsagereien oder Prognostizieren gebrauchen» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1. S. 193*).

²⁷ *Alekseev K., Turanskaya A., Yampolskaya N. Mongolian Golden Kanjur Fragments in the Collection of the IOM, RAS // Written Monuments of the Orient. 2016. Vol. 1, No. 3. P. 92–94.*

в Тобольске и происходить из Семи Палат. Правда, калмыцкий толмач Степан охарактеризовал показанные ему рукописи как тексты для гадания, в то время как синие листы представляют собой фрагменты буддийского канона. С другой стороны, как следует из приведенной выше цитаты, Д. Г. Мессершмидт показал ему только часть своих «калмыцких» рукописей. К тому же нам неизвестна степень компетенции толмача. Справедливости ради отмечу, что среди «абаканских» листов был по крайней мере один монгольский лист на синей бумаге с золотыми письменами (текстовая зона при этом покрыта черной сажевой краской, отсюда характеристика «gold auf schwarz») — следовательно, он поступил в Абакан вместе с аблай-хитскими рукописями. Впрочем, листы из двух библиотек могли смешаться в Тобольске, куда стекались все находки такого рода²⁸. Как бы то ни было, вопрос идентификации монгольских или ойратских текстов из коллекции Мессершмидта в Монгольском фонде ИВР РАН должен быть поставлен.

Стоит еще отметить, что ни Д. Г. Мессершмидт, ни Ф. И. фон Страленберг, будучи в Сибири, ничего не знали об аблай-хитской библиотеке, о которой стало известно в Тобольске уже после их отбытия из города²⁹.

²⁸ В пользу семипалатинского происхождения указанных синих листов, находящихся в собрании ИВР РАН, говорит наличие в Британской библиотеке двух аналогичных монгольских листов, подаренных Дж. Беллом Х. Слоуну (о факте передачи Слоуну некоторых рукописей, купленных в Тобольске, упоминает и сам Белл) (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 51).

²⁹ Слово «библиотека» выделено мной намеренно, поскольку о существовании самого Аблай-хита и еще двух других джунгарских монастырей Ф. И. фон Страленбергу было сообщено калмыцким толмачом Степаном 6 марта 1722 г. (*Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1. S. 192). Занеся эту информацию в путевой дневник, он, вероятно, сделал ее известной и Д. Г. Мессершмидту, хотя никакие иные упоминания Аблай-хита в собственных трудах последнего нам не известны (см. далее о принадлежащей ему схематической карте Иртыша, где указаны только Семь Палат, а верховья реки изображены неверно). Сам Страленберг впервые упоминает Аблай-хит не как абстрактное наименование, а как место обнаружения тибетских книг только в 1730 г.: эта информация была зафиксирована им в последней версии своей карты Российской империи, подготовленной совместно с другим бывшим военнопленным капитаном И. А. Маттерном и имевшей хождение как отдельно, так и в виде приложения к книге Страленберга. У истории карты Страленберга долгая и непростая судьба (*Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М., 1966. С. 47–67). По всей вероятности, предпоследняя ее версия вышла в 1725 г.: «Прямое указание еще на одну карту Страленберга было найдено в свое время В. Ф. Гнучевой в реестрах карт Географического департамента, где она значилась как “Carte générale de la Russie, 1725. Par Strahlenberg dans un cadre doré”. Но, судя по подготовительным материалам реестра 1748 г., эта карта была уже утрачена» (Там же. С. 66). В сети Интернет на различных сайтах имеются цифровые копии анонимной карты с аннотациями на французском языке и с заглавием, содержащим посвящение почившему Петру I (из чего следует, что карта вполне может датироваться 1725 г.). Главное же, что на ней имеется групповое обозначение трех монастырей, названных Страленбергу толмачом Степаном, о которых никто иной в Европе, по-видимому, знать не мог. При этом размещено оно совершенно ошибочно — на удалении к западу от Семи Палат (Carte nouvelle de tout l’empire de la Grande Russie dans l’estat où il s’est trouvé à la mort de Pierre le Grand, dressée sur des observations toutes nouvelles et dédiée à l’immortelle mémoire de ce grand Monarque, avec privilège.

Ярким свидетельством тому служит схематическая карта с указанием местоположения Семи Палат, составленная лично Мессершмидтом 18 января 1728 г. и хранящаяся ныне в библиотеке Университета Глазго среди документов и книг Т. З. Байера. Надпись на латыни поясняет, что в Семи Палатах были обнаружены «тангутские книги, вызвавшие интерес у парижан и всех европейцев»³⁰.

Исключая листы, приобретенные 23 декабря 1721 г. в Абакане, все остальные тексты на тибетском и монгольском языках были зафиксированы Д. Г. Мессершмидтом без подробной росписи среди материалов его личной библиотеки, сложенных в другой сундук, подготовленный для путешествия из Иркутска в Санкт-Петербург. Речь идет о следующем пункте: «Различные рукописи монгольские, тангутские, индийские, китайские, нивхские, маньчжурские и т. д., [помещенные] между дощечками, 1 том»³¹. В этот «том» должны были войти, помимо иртышских и нашивошниковских листов, тексты, полученные им в Забайкалье.

Имеются три записи в дневнике после расставания с Ф. И. Страленбергом по поводу приобретения тибетских текстов от забайкальского ламы (предположительно этнического монгола или бурята), которого он именовал Кара-Банди и под руководством которого изучал «тангутский» язык в Удинске (ныне Улан-Удэ)³². Рассмотрим эти записи, попытаюсь сопоставить их с наличествующими в коллекции ИВР РАН текстами.

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53039569n> (дата обращения: 21.11.2020). Таким образом, Страленбергу, покинувшему Сибирь в 1722 г., не были известны ни точное место расположения Аблай-хита, ни то, что в нем имела библиотека восточных книг, вплоть до конца 1720-х или даже до 1730 г. Возможно, эти сведения он получил от В. Н. Татищева, с которым состоял в переписке.

³⁰ *Weston D.* The Bayer Collection... P. 48. Я обязан Д. Уэстону возможностью познакомиться с этой картой. Она, между прочим, опровергает критические соображения Г. Ф. Миллера относительно рецензии Т. З. Байером географических сведений, полученных от Д. Г. Мессершмидта (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 80–81). Тот действительно чрезвычайно смутно представлял себе географию местности в верховьях Иртыша и указал в качестве его истока озеро *Sangin*, возможно, перепутав его с озером Зайсан.

³¹ «Manuscripta varia mongolica, tangutica, indica, chinensia, niuchea, mandshuica etc., zwischen Brettlein, 1 tomus» (*Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 4. S. 111).

³² В той части дневника, которую вел Ф. И. фон Страленберг, говорится еще об одном приобретении, которое, по-видимому, досталось самому Страленбергу: «3 августа 1721 г. Был сегодня у корнета Врангеля; в его квартиру пришел крестьянин с реки Берди; у него были 2 надписи, найденные у Бикатуна; я хотел купить их, но он не соглашался уступить, говоря, что хочет отдать их коменданту. <...> 12 августа 1721 г. Напоминал коменданту о калмыцких надписях. Он сказал, что получил их, и дал мне одну из них на синей бумаге; письма на ней, по его мнению, китайские, но я считаю их тангутскими. Другую надпись он послал в Чауск Кругликову, для прочтения ея; когда он получит ее обратно, то передаст мне» (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 1. СПб., 1888. С. 11–12). Из дальнейших записей в дневнике следует, что комендант тянул с решением вопроса, так что, возможно, Страленберг не получил второй лист из Бикатуна (Бийска). По мнению барнаульского исследователя

14 апреля 1724 г. Д. Г. Мессершмидт получил от Кара-Банди для «упражнений в чтении рукопись из трех-четырех листков, ясно написанную, но только очень запачканную»³³.

В данной записи ключевым моментом является то, что Д. Г. Мессершмидт не мог точно указать количество листов в рукописи. Среди имеющихся у нас материалов, помеченных черной печатью с двуглавым орлом, две единицы хранения могут быть соотнесены с ней.

1. Небольшая рукопись, состоявшая изначально из шести листов, два из которых отсутствуют; из четырех — последний лист имеет немного иной формат и может на первый взгляд показаться не связанным с другими листами (это обстоятельство привело к тому даже, что при их инвентаризации мной были присвоены два разных шифра: Tib. 970, No. 5 и Tib. 970, No. 6). На оборотной стороне последнего листа сохранились неумелые попытки копирования тибетских букв — возможно, принадлежащие европейцу. По своему формату и стилю эта рукопись более всего из имеющихся напоминает лист, опубликованный Ф. И. фон Страленбергом³⁴. Это, однако, не может служить доказательством происхождения данной рукописи

истории русского освоения Южной Сибири В. Б. Бородаева, которое он высказал в электронной переписке со мной, очень сомнительно, чтобы в районе самого Бийска могли быть обнаружены тибетские письма. Он полагает более вероятным, что речь идет об иртышских листах, привезенных кем-то из военных или поселенцев из Тобольска. В городской библиотеке Линчэпинга (Швеция) хранится монгольский лист на синей бумаге того же типа, что имеются в ИВР РАН и в Британской библиотеке (то есть, как я предполагаю, из Семи Палат), и на нем — надпись русским курсивом с упоминанием Белоярской крепости, а таковая имелась неподалеку от Бикатуна. На мой взгляд, нельзя исключать, что это один из двух бикатунских листов — возможно, второй, так как первый Ф. И. фон Страленберг определил как тибетский. Этот лист и еще два (один тибетский, другой монгольский, оба из Аблайхита) оказались в Линчэпинге благодаря местному епископу Э. Бенцелиусу, живо интересовавшемуся наукой (подробнее см.: *Zorin A. Tibetan Buddhist Texts... P. 11, fig. 21*). В Линчэпинге сохранилось также письмо Страленберга епископу, из которого следует, что он еще в 1724 г. присылал ему для ознакомления тот самый приенисейский лист, который опубликовал потом в своей книге. Возможностью познакомиться с монгольскими и тибетскими листами я обязан М. фон Вахенфельдту, сотруднику городской библиотеки Линчэпинга, а с письмом Страленберга — исследовательнице М. Нюман, изучавшей связанные с ним документы. Теперь это важнейшее письмо становится доступным благодаря публикации в данном сборнике, подготовленной В. Лефельдтом, М. Кнюппелем, И. В. Тункиной и А. Х. Элертом. Хочу подчеркнуть, что высказанное мной предположение о связи Линчэпингского листа со Страленбергом и тем более с Бикатуном является только гипотезой.

³³ «Auch schenkte er [Karabandi] mir zu meiner Übung im Lesen ein Manuscriptum von drei bis vier Blättlein welches zwar sauber geschrieben, aber bereits sehr zugeschmutzet ware» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 253*).

³⁴ Факсимильное издание рукописи прилагается к статье: *Зорин А. В. «Садхана Разноцветного Джьяна-Гаруды» Панчен-Ламы IV (по одной из первых тибетских рукописей в собрании РАН) // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 74–100.*

из святилища, найденного рядом с Хемчиком, так как подобные рукописи могли быть распространены и в Бурятии.

2. Упомянутая выше рукопись с автографом Д. Г. Мессершмидта, состоящая из пяти листов удлинённого формата, из которых только один дошел до нас неповрежденным. Остальные листы распались на две части, при этом два листа сохранились полностью (то есть каждый в двух фрагментах), а от еще двух имеется только по фрагменту³⁵. Хотя такое положение вещей хорошо соотносится с нечеткостью в дневниковой записи, все же общее количество фрагментов должно было бы дать Мессершмидту сумму в 4–5 листов, а не 3–4. Кроме того, эта рукопись написана полууставным письмом *умэ* и логично было бы ожидать, что Мессершмидт отметил бы в дневнике это обстоятельство.

16 мая 1724 г. Кара-Банди принес ему завернутую в *хадак* (шарф для подношений) «печатную тангутскую книжицу» для упражнений в тибетском языке, тем самым исполняя просьбу немецкого путешественника, высказанную им 14 апреля³⁶.

С большой долей уверенности можно полагать, что здесь говорится о ксилографической азбуке, которая была впоследствии использована в публикации Т. З. Байера³⁷.

5 марта 1725 г. Кара-Банди, помимо «нескольких старых запачканных книжечек на монгольском языке», вручил Д. Г. Мессершмидту «4 или 5 листов с тангутскими словами и цифрами, так что не стоило и трудиться» (приносить их)³⁸.

В данной записи содержится слишком мало информации, чтобы можно было что-либо утверждать наверняка, хотя, очевидно, речь идет об одиночных простых листах, которые поэтому могли казаться Д. Г. Мессершмидту не имеющими ценности. Из оставшихся не рассмотренными листов в собрании ИВР РАН ближе всего к такому туманному определению находится непритязательно выглядящий лист бумаги российского производства, сложенный вчетверо и содержащий несколько строк текста жанра *солдэп* (хвалы учителям, составляющим линию передачи некоего учения)³⁹. Еще две единицы хранения представляют собой фрагменты рукописей

³⁵ Отдельным частям этой рукописи при инвентаризации оказались присвоены три шифра: Tib. 970, Nos. 42, 56, 106.

³⁶ «In dieser fascia oder Écharpen hatte er ein klein tangutisches gedrucktes Buch eingewickelt, so sich nach der Rundung des Leibes oder Rückens vielmehr akkomodierte, ohne beschädigt zu werden, für mich mitgebracht, weil ich ihn die 14. Aprilis darumb gebeten, umb zu meinem eigenen Gebrauch und Übung in der tangutischen Sprachen mich dessen zu bedienen» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1966. Тл. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 – Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 22*).

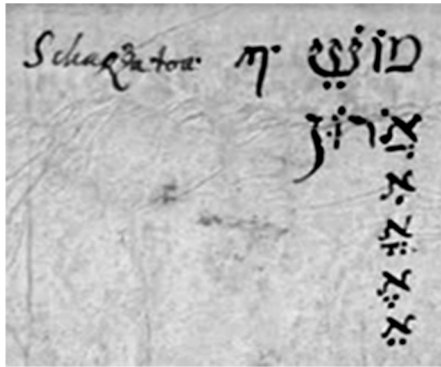
³⁷ Ксилограф был передан в Монгольский фонд ИВР РАН и получил шифр Q 4744.

³⁸ «Inzwischen aber kame Lamas Karabandi... und lieferte mir einige alte schmutzige Lapp-Bücherlein in mungulischer Sprachen... item 4 bis 5 Blättlein tangutische Vokabulen und Zahlen, so aber alle nicht der Mühe wert waren» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тл. 4. S. 18*).

³⁹ Tib. 970, No. 43.

удлиненного формата с использованием письма *умэ*⁴⁰. Сложно сказать, могут ли они относиться к той партии, которую Мессершмидт получил 5 марта 1725 г. Листов, где какую-либо заметную роль играли бы тибетские цифры, среди рассматриваемых рукописей нет. Возможно, они еще будут выявлены.

Наконец, запись от 11 марта 1725 г. содержит чрезвычайно ценные сведения об очередной встрече немецкого путешественника с Кара-Банди, а также его учителем монгольского языка, которого он именует Бунда-Пакше. Здесь, среди прочего, говорится следующее: «В тангутских книгах я заметил, что тангутская [буква] η всегда пишется на месте номеров листов или страниц, следовательно, означает вовсе не нумерацию, а что-то другое. — Кроме того, я рассказал им коротко историю творения (*historiam creationis*), затем о Ное и, наконец, о Моисее, Аароне, божественном законе (*legis divinae*), медном змее (*serpentis aenei*) и т. д. и также написал имена Моисея, Аарона и т. д. на иврите». Нет никаких сомнений, что в этом фрагменте текста речь идет не о чем ином, как об упоминавшемся выше автографе, долгое время представлявшем для меня загадку. Найденное объяснение, впрочем, остается неполным: латинская часть записи по-прежнему не до конца ясна⁴¹.

Таким образом, нам известно, что в Забайкалье Д. Г. Мессершмидт получил от своего «тангутского» учителя одну тибетскую рукопись из 3–4 листов, один небольшой ксилограф и четыре или пять отдельных листов. Они дополнили его тибетское собрание, которое к тому времени состояло из: 1) гипотетически имевшихся у него семипалатинских рукописей

⁴⁰ Tib. 970, No. 108.

⁴¹ Моей рабочей версией остается следующая: латинскую запись следует поделить на три части: 1) слово «schaq», обозначающее, несомненно, тибетское полууставное письмо (им написана рукопись, к которой относится данный лист), 2) некий (напоминающий ξ) знак, разделяющий две смысловые части латинской записи, 3) сочетание «atoæ» — возможно, отсылающее коротко к записи огласовок буквы алеф: «a to æ» = «от а до æ».

(на синей бумаге), 2) двух аблай-хитских листов, приобретенных в Абакане (на черной бумаге), и 3) нескольких листов, полученных им от И. Нашивошникова (по свидетельству последнего, они были на синей бумаге, но уверенными в этом мы быть не можем, поскольку текст, опубликованный Ф. И. фон Страленбергом, опровергает категоричность данного утверждения). Абаканские листы были отданы Д. Г. Мессершмидтом от других для передачи в государственную собственность, тогда как остальные он рассматривал как часть своей личной библиотеки. Тем не менее они были у него конфискованы в Санкт-Петербурге. В Тибетском фонде ИВР РАН выявлены две единицы хранения с автографами Мессершмидта, что позволяет уверенно относить их к коллекции немецкого ученого. Оба этих текста, скорее всего, были получены им от Кара-Банди. Еще одна рукопись (имеющая следы «ученического» использования) могла быть получена им как от Кара-Банди, так и от И. Нашивошникова. Несколько фрагментов других рукописей на некрашеной бумаге идентифицируются с еще большей степенью гипотетичности. Из двух «абаканских» листов (на черной бумаге) один можно считать обнаруженным несомненно, другой либо не дошел до наших дней, либо, с намного меньшей вероятностью, также может быть идентифицирован (см. о них статью А. В. Зорина «О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.» в настоящем сборнике). Синие листы из Тобольска, если таковые имелись в его коллекции, могут находиться среди 33 единиц хранения, идентифицируемых как семипалатинские. Синие листы, которые могли быть получены от И. Нашивошникова, пока не выявлены.

Хотя приведенные выше заключения носят отчасти предположительный характер, нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что еще недавно отсутствовавшие в поле зрения исследователей, словно бы растворившиеся в веках тибетские тексты из коллекции Даниэля Готлиба Мессершмидта снова выходят на свет, дополняя наши знания о научном наследии этого выдающегося ученого и путешественника.

*А. В. Зорин
Санкт-Петербург*

**О ТИБЕТСКИХ РУКОПИСЯХ, ПРИОБРЕТЕННЫХ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТОМ В АБАКАНСКОМ ОСТРОГЕ В 1721 г.***

В статье рассматривается история приобретения Д. Г. Мессершмидтом четырех листов на тибетском и монгольском языках, которое имело место 23 декабря 1721 г. во время его пребывания в Абаканском остроге. Благодаря сделанным немецким ученым выпискам ряда тибетских слов и словосочетаний, которые обнаружили на листке бумаги, хранящемся в его фонде в СПбФ АРАН, удалось надежно идентифицировать один из тибетских листов, послуживших ему первоисточником (хранится в Тибетском фонде ИВР РАН). Относительно второго тибетского листа выдвинута гипотеза о том, что он не дошел до наших дней. Одновременно есть некоторая вероятность, что он тоже может быть идентифицирован. Оба листа происходили из монастыря Аблай-хит, найденного в конце 1720 г. или первой половине 1721 г. российскими военными. В заключение сделано несколько предварительных замечаний относительно двух монгольских листов, полученных Мессершмидтом в Абаканском остроге.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. фон Страленберг, Аблай-хит, тибетские рукописи, монгольские рукописи, Абаканский острог.

*A. V. Zorin
St. Petersburg*

**ON THE TIBETAN MANUSCRIPTS OBTAINED BY
D. G. MESSERSCHMIDT IN ABAKANSKY FORTRESS IN 1721**

This paper treats the history of the acquisition by D. G. Messerschmidt of four manuscript folios in Tibetan and Mongolian, which took place on December 23, 1721, during his stay in the Abakansky Fortress. Thanks to the extracts of some Tibetan words and phrases made by the German scholar that were found on a piece of paper preserved at the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, it proved possible to identify one of the Tibetan folios that had served him as the source (it is kept now at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS). The second Tibetan folio, most probably, has not reached our days. However, there is a slight chance that it may also

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006/20.

be identified. Both folios had been brought from the Ablakit monastery found by the Russian soldiers at the end of 1720 or in the first half of 1721. In conclusion, several preliminary observations are made in regard of the two Mongolian folios obtained by Messerschmidt in the Abakansky Fortress.

Key words: D. G. Messerschmidt, Ph. J. von Strahlenberg, Ablakit, Tibetan manuscripts, Mongolian manuscripts, Abakansky Fortress.

За последние несколько лет в научный оборот были введены (или, точнее, возвращены) некоторые рукописи и один ксилограф из собрания Института восточных рукописей РАН, которые принадлежали коллекции восточных текстов Даниэля Готлиба Мессершмидта, поступившей в собрание Императорской Академии наук в 1728 г. (см. мою обзорную статью «О тибетских рукописях из коллекции Д. Г. Мессершмидта в собрании Института восточных рукописей РАН» в настоящем сборнике). Данная статья продолжает эту серию работ и посвящена, пожалуй, самому удивительному разрешению одной из загадок, связанных с востоковедным наследием великого путешественника.

В перечне вещей одного из сундуков, собранных Д. Г. Мессершмидтом для отправки в Санкт-Петербург из Иркутска в июне 1725 г., среди прочего значатся полученные им 23 декабря 1721 г. монгольские рукописи на белой бумаге с черными письменами (один свиток) и на черной бумаге с золотыми письменами (без указания количества), а также две тибетские рукописи на черной бумаге с серебряными письменами и т. д. (?) (свернутые в один свиток)¹. Это краткое описание не могло не возбудить во мне подозрение, что Мессершмидт, в конце 1721 г. находившийся в Абаканском остроге, получил там несколько листов из Семи Палат или Аблай-хита (или из обоих) — прииртышских джунгарских монастырей, найденных русскими военными: первый — в 1717 г., второй — в промежутке между осенью 1720 г. и летом 1721 г. Мессершмидт знал о первом и ничего не знал о втором (см. упомянутую выше обзорную статью), однако к концу 1721 г. рукописи из Аблай-хита вполне могли достичь Абаканского острога и попасть к нему.

Согласно путевому дневнику экспедиции, который тогда вел Ф. И. фон Страленберг (Табберт), 23 декабря 1721 г. Д. Г. Мессершмидт находился в Абаканском остроге, куда сам фон Страленберг прибыл днем ранее из Томска. В записи, помеченной указанной датой, нет никаких упоминаний о приобретении рукописей. Это выглядит весьма странно, так как хорошо известно, что фон Страленберг живо интересовался восточными рукописями и едва ли мог оставить без внимания факт их приобретения, если только он мог о нем узнать. Конечно, в этот конкретно день

¹ «1721 23. Decembris Mongolische Schriften, schwarz auf weis (1 Rolle), item 1721 23. Decembris dito, gold auf schwarz 1721 23. Decembris Tangutische Schriften, silber auf schwarz, 2 Stück etc. (in 1 Rolle)» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 104*).

он мог отдыхать после долгого пути и потому остаться в неведении относительно действий Д. Г. Мессершмидта². Но что если дата приобретения рукописей была указана последним по григорианскому календарю, тогда как даты в дневнике, несомненно, соответствуют юлианскому?³ В этом случае 23 декабря соответствует 12 декабря, а в этот день Ф. И. фон Страленберг находился вдалеке от Мессершмидта и не знал, что у него происходит. Хотя мы не знаем точно, где именно в этот день находился Мессершмидт, едва ли стоит сомневаться, что он был либо непосредственно в Абаканском остроге, либо где-то поблизости.

Нам неизвестно, от кого Мессершмидт получил рукописи, однако стоит отметить, что 2 января 1722 г. путешественники встречались с казаком (и бугровщиком) Я. В. Селенгой⁴. Об этой легендарной личности доподлинно известно очень немногое, и трудно сказать, мог ли он быть тем человеком, через которого в Абаканский острог поступили интересующие нас тексты, но упоминание встречи с ним в период, к которому относится их приобретение, безусловно, порождает такие подозрения.

Наконец, в путевом дневнике экспедиции в записи от 15 января 1722 г. фон Страленберг отмечает, что Мессершмидт занимался выписыванием букв из тангутских (=тибетских) письмен⁵. Это сообщение вполне логично было связать со сведениями о приобретении рукописей за 3–4 недели до того. Оставалось только надеяться, что среди архивных документов Мессершмидта найдутся записи тибетских слов, которые позволят соотнести их с семипалатинскими и/или аблай-хитскими рукописями, имеющимися в собрании ИВР РАН, куда поступили все тибетские и монгольские тексты, отложившиеся в собрании Императорской Академии наук к началу XIX в.

Удивительно, но этой надежде суждено было сбыться. В собрании СПбФ АРАН в папке черновых заметок Д. Г. Мессершмидта, имеющей историческое наименование «*Collectanea Messerschmidtiana ad linguas*

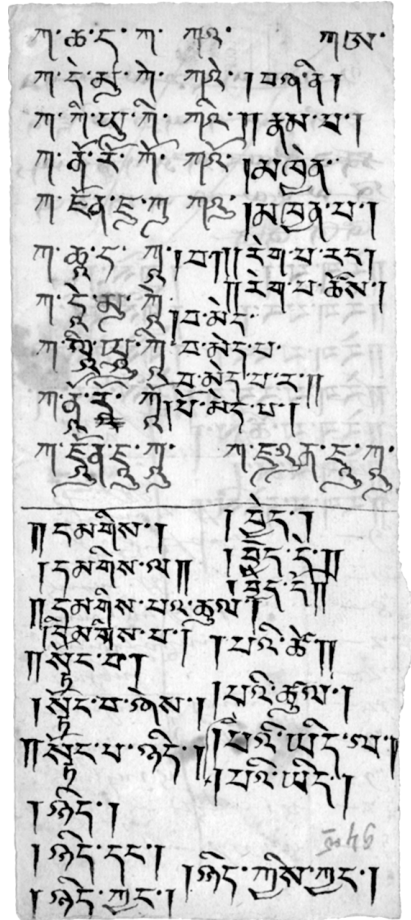
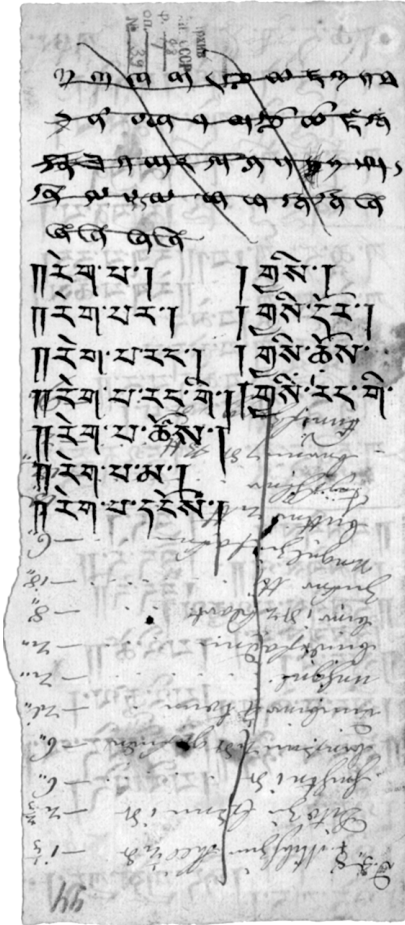
² Нельзя исключать, что Ф. И. фон Страленберг мог сам передать Д. Г. Мессершмидту рукописи по приезду. В этом случае, однако, еще труднее было бы объяснить, почему фон Страленберг ничего не написал о них в дневнике экспедиции.

³ Это следует из дней недели, которые в дневнике приводятся наряду с датами: они соответствуют юлианскому календарю. Любопытно при этом, что в записи от 31 декабря Ф. И. фон Страленберг пишет об окончании года — следовательно, находясь в России, он не только формально следовал юлианскому календарю. (Благодарю В. П. Зайцева за обсуждение данной темы.)

⁴ Об одной вещи из могил, принесенной Селенгой Мессершмидту, см.: *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 82, 131. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 6). То, что о ней говорится как о «принесенной», а не «проданной» вещи, наталкивает на мысль, что она предназначалась государству, а не лично Мессершмидту. Это примечательно в свете того, что и «абаканские» рукописи немецкий ученый, очевидно, получил как добровольно кем-то сданные в пользу государства.

⁵ «Der Herr Doktor extrahierte (exzerpierte) heute aus den tangutischen Schriften die Buchstaben» (*Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 172).

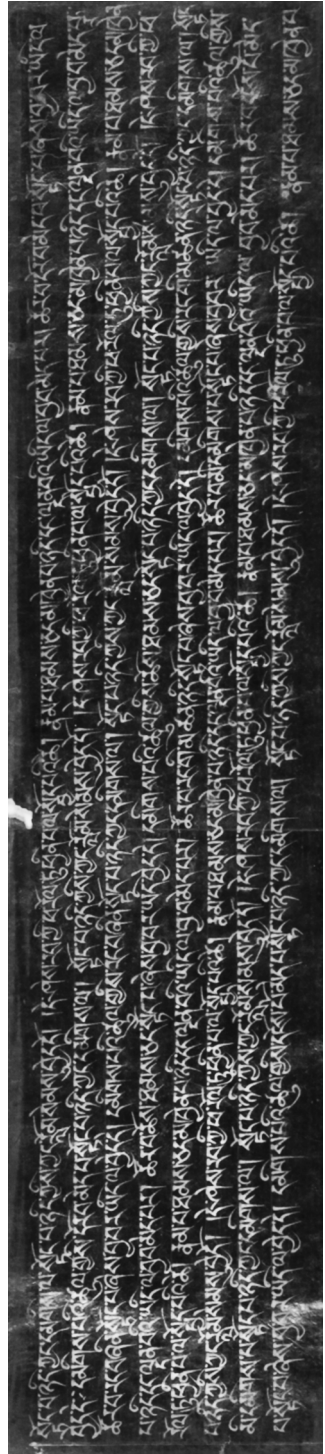
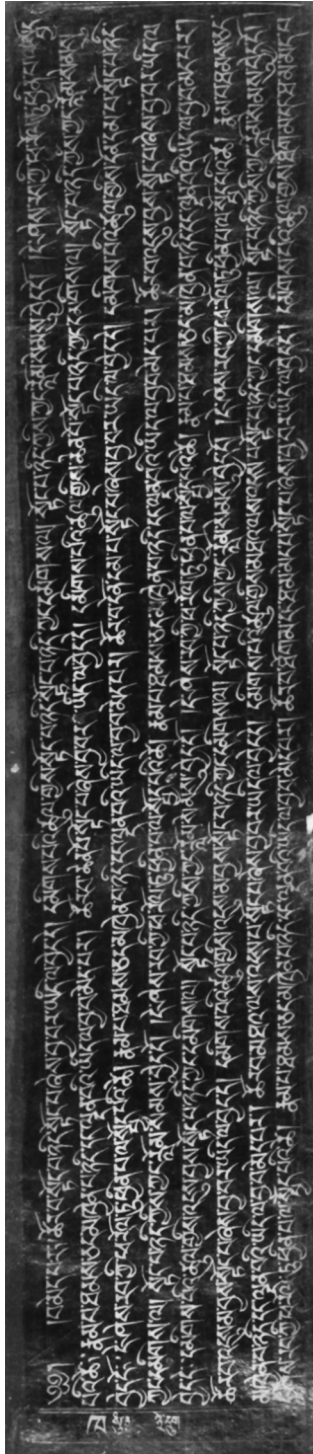
populorum Sibiriae pertinentia»⁶, содержится листок с выписанными на нем тибетскими словами и некоторыми другими записями. На лицевой стороне (л. 94 в деле) сверху написан (и зачеркнут) тибетский алфавит полууставным письмом *умэ*, далее следуют интересующие нас выписки, под ними содержится рабочая запись на немецком языке, не имеющая отношения к тибетскому языку. Обратный лист (94об.) поделен линией на две части: в верхней части слева записаны (на слух, с ошибками) парадигма написания и правила чтения тибетской буквы *ka* с огласовками, справа же и в нижней части содержатся интересующие нас выписки.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39: Лингвистические материалы на отдельных листах. Подробнее об этой единице хранения см.: Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // Collegae, amico, magistro : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 171–183.

Сразу скажу, что благодаря данному листку мне удалось надежно идентифицировать один из аблай-хитских листов в собрании ИВР РАН, с которого Д. Г. Мессершмидт делал свои выписки: этот лист имеет шифр Tib. 959, No. 75. Выглядит он следующим образом (поля на фото обрезаны):

Поиск облегчался характером тибетской лексики, переписанной немецким ученым. Наличие в одном ряду таких слов, как *stong pa* (སྟོང་པ) ⁷ — «пустота» (ключевой термин литературы буддизма Махаяны, указывающий на отсутствие у всех вещей и явлений самостоятельной, независимой сущности), *reg pa* (རེག་པ) — «касание» (как вид пяти чувственных восприятий), *dmigs pa* (དམིགས་པ) — «восприятие (основанное на ментальном конструировании объекта)» (технический термин буддийской философии), с высокой долей уверенности указывало на буддийские праджняпарамитские сутры, в которых они встречаются бесчисленное множество раз. И действительно, в данном случае речь идет о листе под номером 329, который принадлежал второму тому сочинения «Сутра Праджняпарамиты в ста тысячах (строк)» (далее — «Стотысячная Праджняпарамита»), а тот, в свою очередь, входил в комплект тибетского буддийского канона (Кагьюра), который хранился в библиотеке монастыря Аблай-хит ⁸.

Всего в собрании ИВР РАН имеется 203 тибетских листа (целых и фрагментов) из Аблай-хита ⁹. Среди них 70 относятся к разделу «Праджняпарамита». Упомянутые выше слова, равно как и другие слова, записанные Д. Г. Мессершмидтом, встречаются на многих из них, но некоторые палеографические особенности, зафиксированные немецким ученым, самым определенным образом указывают на представленный мною лист. Рассмотрим их при помощи таблиц, где фрагменты записи Мессершмидта сопоставлены с соответствующими фрагментами из оригинальной тибетской рукописи.

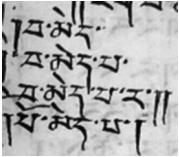
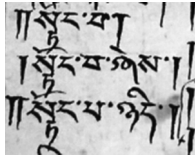
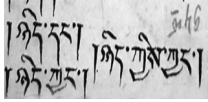
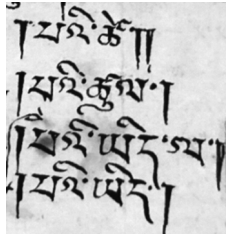
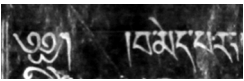

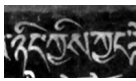

⁷ Здесь и далее я привожу латинскую транслитерацию тибетских слогов по системе Т. Уайли вместе с их записью в тибетской графике, чтобы читатель мог сверять их с копиями публикуемых документов.

⁸ См. о нем: *Helman-Ważny A., Kryakina L., Zorin A.* The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis // *Written Monuments of the Orient*. 2015. Vol. 2, No. 2. P. 61–76. В этой же статье содержится характеристика действий по консервации рукописей, осуществленных в реставрационной лаборатории ИВР РАН под руководством Л. И. Крякиной. Благодаря этой работе сильно поврежденные рукописные листы из Прииртышья оказались возвращены в научный оборот. В частности, появилась возможность их оцифровки и публикации.

⁹ Я также проверил имеющиеся в ИВР РАН 33 листа (целых и фрагментированных) из Семи Палат. Из записи Д. Г. Мессершмидта понятно, что ни один из них не мог быть получен им в Абаканском остроге, так как все они содержат золотые письма, а не упомянутые там серебряные (свойственные листам из Аблай-хита). В то же время у меня не было полной уверенности, что обнаруженный в СПбФ АРАН листок обязательно коррелирует с «абаканскими» листами. Более того, я начал поиск именно с семипалатинских листов, поскольку искал доказательства того, что в составе коллекции Мессершмидта имелись соответствующие тибетские листы. К сожалению, последнее пока остается только гипотезой (см. нашу обзорную статью в настоящем сборнике).

Таблица 1

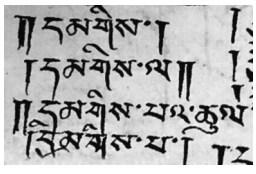
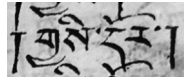
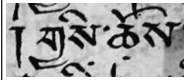
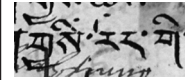
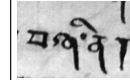

1	2	3	4
			
			

Значительную часть слогов, записанных Д. Г. Мессершмидтом, можно найти уже в первой строке листа Tib. 959, No. 75. Некоторые слоги встречаются на листе многократно, поэтому не всегда точно можно сказать, откуда именно немецкий ученый их списал. Полагаю, однако, что первые три случая в табл. 1 взяты именно из первой строки. В первом случае это можно считать и вовсе неоспоримым. Здесь следует обратить внимание на третью строку в записи Мессершмидта, которая оканчивается на слоги *pa* и *ra*, разделенные знаком *ʉəḵ* (ཅར): в начале аблай-хитского листа написан слог *par* (པར), но между двумя буквами этого слога имеется белесая точка, которую неопытный взгляд легко может принять за знак *ʉəḵ*, между тем это просто маленький дефект рукописи. Во втором случае обращает на себя внимание, что Мессершмидт скопировал два выражения, которые подряд написаны в первой строке листа, а в третьем случае немецкий ученый передал несколько смещенную запись двух надстрочных диакритик, обозначающих огласовку «i». Правильная запись здесь была бы འི་ཀྱིས, но во втором слоге огласовка написана четко между двумя буквами, что и отразил Мессершмидт.

Комбинации слогов, зафиксированные в четвертом случае, несколько раз встречаются в исходной рукописи: в частности, все они имеются на второй строке лицевой стороны рассматриваемого листа, но разделенные значительными промежутками. Поэтому не исключено, что Д. Г. Мессершмидт переписывал их не столь линейно, а обратил внимание на такое место в рукописи, где они находятся на разных строках, но близко друг к другу — один такой вариант помещен в качестве иллюстрации в таблицу. В пользу этого варианта свидетельствует смещенная вправо запись огласовки «i»

в слогe *yid*, который правильно пишется ཡིད, но в данном случае огласовка расположена над обеими буквами слога¹⁰.

Таблица 2

5	6	7	8	9
				
				

Еще более наглядные примеры копирования Д. Г. Мессершмидтом особенностей конкретной рукописи представляют нам следующие пять случаев (5–9), где огласовка смещается еще дальше в сторону соседней буквы, так что запись слов уже предстает ошибочной, хотя, конечно, владеющему тибетским языком читателю не составит труда правильно прочитать их. Так, в пятом случае четырежды в разных комбинациях записано слово *dmigs* (དམིགས) с огласовкой, полностью смещенной с буквы *ma* (མ), к которой она относится, к следующей (དམགིས). На лицевой стороне рассматриваемого листа такое именно написание данного слога в сочетании со слогами *pa'i tshul* обнаруживается на третьей строке, и оно полностью соответствует третьей же строке записи Мессершмидта. То, что Мессершмидт копировал именно это место, подтверждается тем обстоятельством, что сразу за ним в аблай-хитской рукописи следует еще одно неверное написание того же типа (случай 6): вместо правильного *gyis* (གྱིས) мы видим невозможное *gya+si* (གྱིས). В исходной рукописи это вызвано тем, что писец не мог написать огласовку над нужной буквой, так как место оказалось занято вытянутой вниз силлабографемой с верхней строки (такая нехватка места, собственно говоря, и является в рукописях самой частой причиной смещения огласовок в сторону от нужной буквы). При этом сочетание с *dor* (གྱི་དོར) не встречается более ни на этом листе, ни на других аблай-хитских листах из коллекции ИВР РАН, которые можно было бы рассматривать в качестве претендентов на источник записи Мессершмидта.

¹⁰ В этой же третьей строке у Д. Г. Мессершмидта написано *pa'i* (པའི), тогда как во всех без исключения случаях употребления в рукописи выражения, к которому оно принадлежит, написано *ba'i* (བའི): (*ldan*) *ba'i yid la*. Впрочем, любой человек, кто начинал когда-либо изучать тибетский язык, знает, как легко можно спутать в написанном тексте буквы *pa* и *ba*. Более того, Мессершмидт, сам того не подозревая, записал у себя более правильный вариант, так как, с точки зрения тибетской орфографии, после слога *ldan* более правильно писать именно *pa*, а не *ba*.

Такой же характер имеют и случаи 7–9, причем соответствующие места в тибетской рукописи находятся не на лицевой стороне, а на оборотной¹¹. Следовательно, Д. Г. Мессершмидт довольно внимательно изучил лист с обеих сторон.

Еще несколько слогов из записи Д. Г. Мессершмидта не имеют примечательных особенностей: *tat pa* (རྩམ་པ); *mkhyen* и *mkhyen pa* (མཁྱེན་པ); *byed*, *byed de* и *byed do* (བྱེད་, བྱེད་དེ་ལོ་ལྟོ་དོ་). Каждый из них представлен на листе № 75 в нескольких экземплярах.

Напротив, на этом листе ни разу не написано упоминавшееся выше слово *reg pa* (རེག་པ), которое в различных комбинациях присутствует на обеих сторонах листка с записями Д. Г. Мессершмидта. Это обстоятельство, разумеется, давало мне надежду на то, что и второй тибетский лист, приобретенный немецким ученым в Абаканском остроге, может быть установлен с такой же твердостью, как и первый. К сожалению, эта надежда не оправдалась.

Среди аблай-хитских рукописей в собрании ИВР РАН, относящихся к разделу «Праджняпарамита», имеется восемь листов, где присутствует это слово в чистом виде, и еще несколько с дополнительной генитивной частицей: *reg pa'i* (རེག་པའི་). Однако ни на одном из этих листов нет таких комбинаций, какие присутствуют у Д. Г. Мессершмидта (полный их список см. на лицевой стороне л. 74): *reg pa rang gi* (རེག་པ་རང་གི་); *reg pa tshos* (རེག་པ་ཚོས་), очевидно, имелось в виду слово *chos* (ཚོས་); *reg pa ma* (རེག་པ་མ་); *reg pa dngos* (རེག་པ་དངོས་). Между тем все другие сочетания слогов в записи Д. Г. Мессершмидта, как мы видели, имеют прямые соответствия в исходной рукописи. Эти два обстоятельства могут указывать на то, что второй «абаканский» лист отсутствует в нашем распоряжении. Увы, исключить этого ни в коем случае нельзя. Такой лист, например, вполне мог сгореть в пожаре, случившемся в Кунсткамере в декабре 1747 г.¹³

Благодаря функции электронного поиска по тибетскому буддийскому канону, имеющейся на сайте Венского проекта «Resources for Kanjur and Tanjur Studies»¹⁴, мне удалось найти только одно место в «Стотысячной

¹¹ Случай 9 немного более спорный, так как у Д. Г. Мессершмидта слог *bzhin* (བཞིན་) неправомерно разбит на две части пунктуационным знаком ཁུཅ, при этом огласовка написана со смещением — как в *единственном* месте в рукописи, где данный слог встречается. В результате получилась ошибочная запись: *bzha'ni* (བཞེན་འོ་). Возможно, здесь имеет место простая описка со стороны Мессершмидта.

¹² Правда, у Д. Г. Мессершмидта второе слово написано с ошибкой — отсутствует огласовка «е»: *mkhyan* (མཁྱེན་). Такого написания я не обнаружил в аблай-хитских образцах, поэтому, скорее всего, здесь мы имеем дело с опиской.

¹³ При разборе Сериндийского фонда ИВР РАН О. В. Лундышевой было выявлено десять небольших свертков с остатками сгоревших листов коричневого и черного цвета: на некоторых из них четко видны тибетские буквы, палеографически полностью соответствующие аблай-хитским образцам.

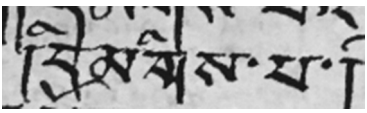
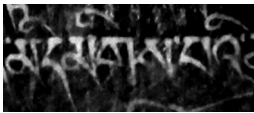

¹⁴ URL: <https://www.istb.univie.ac.at/kanjur/rktsneu/sub/index.php> (дата обращения: 22.10.2020).

Праджняпарамите», где все указанные комбинации собраны в таком объеме текста, который мог уместиться на одном аблай-хитском листе¹⁵. Более того, это место должно было присутствовать именно во втором томе данного сочинения — так же как и идентифицированный лист (промежуток между ними составлял около сорока листов). Вполне можно допустить, что интересующее нас место в тексте оказалось записано на одном листе, а не разнесено на два. Следовательно, лист, отвечающий нашим условиям, действительно мог существовать и, как уже было сказано, вполне мог не сохраниться до наших дней.

Конечно, нельзя полностью исключать, что гипотетического листа на самом деле не существовало. В таком случае следовало бы предположить, что Д. Г. Мессершмидт по какой-то причине несколько раз выписал слово *reg pa* и рядом наобум приписал некие слоги, каждый из которых, впрочем, имеется в тексте разобранным выше листа. Из упомянутых выше кандидатов на роль рукописи, из которой Д. Г. Мессершмидт мог заимствовать *reg pa*, перспективнее всех выглядит лист под шифром Tib. 959, No. 74, который в составе второго тома «Стотысячной Праджняпарамиты» имел номер 288 (то есть находился в той же части тома, что и Tib. 959, No. 75). В его пользу можно выдвинуть два аргумента.

1. На этом листе есть запись, которая, возможно, объясняет четвертую строку Д. Г. Мессершмидта в 5-м случае из рассмотренных выше. Здесь мы видим лишнюю огласовку «i», как бы напозающую на слог слева. Быть ее там не должно, и можно предположить, что Д. Г. Мессершмидт вновь отразил какую-то особенность исходной рукописи. Такое «наползание» огласовки на пространство, к которому она не принадлежит, как мы уже видели, происходит нередко в рукописях. Конкретно в данном случае это более чем возможно, так как слог *dmigs* в «Стотысячной Праджняпарамите» многократно встречается в сочетании с отрицательной частицей *mi* (མི). И наиболее близкое к искомому написание двух слогов встретилось мне именно на листе Tib. 959, No. 74.

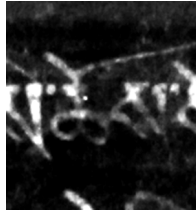
Таблица 3

5b		
		
Tib. 959, № 74 (лиц. ст.)		Tib. 959, № 75 (об. ст.)

¹⁵ В известном Дэргэском издании Кагьюра этот фрагмент находится на л. 369a–b второго тома (*kha*) «Стотысячной Праджняпарамиты» в разделе «Праджняпарамита» (*shes phyin*) (A complete catalogue of the Tibetan Buddhist canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur) / ed. by H. Ui, M. Suzuki, Y. Kanakura, T. Tada. Sendai: Tōhoku Imperial University, 1934. 3, No. 8). При этом комбинации *reg pa ma* (རེག་པ་མ) здесь нет, и вообще она выглядит крайне искусственной, но можно допустить, что буква *ma* (མ) взята из имеющегося в указанном фрагменте сочетания *reg pa mtha'* (རེག་པ་མཐའ་).

В третьем столбце для сравнения представлено написание слогов, взятое из Tib. 959, No. 75, причем в нем огласовка также немного смещена вправо, но здесь очень четко виден знак *цэж* между *mi* и *dmigs*, который Д. Г. Мессершмидт вряд ли мог не заметить. Образец же из Tib. 959, No. 74 интересен тем, что в нем почти не видно данного знака, и это могло способствовать переносу огласовки на слог *dmigs* в записи немецкого ученого. Впрочем, нельзя исключать, что запись Д. Г. Мессершмидта могла возникнуть каким-то иным путем: быть может, ученый сам случайно добавил первую огласовку.

2. Выше, при перечислении комбинаций со словом *reg pa*, записанных Д. Г. Мессершмидтом, я отметил ошибочное написание *tshos* вместо *chos*. Тибетские буквы *cha* (ཇ) и *tsha* (ཇ) отличаются небольшим завитком сверху справа, который есть у второй из них. При этом маловероятно, чтобы описка имела место в исходной рукописи. Либо ее случайно сделал Д. Г. Мессершмидт, либо он принял какой-то элемент рукописи за упомянутый завиток. На лицевой стороне листа Tib. 959, No. 74 в первой же строке есть этот слог, который выглядит следующим образом:

Справа сверху от буквы *cha* и под правой длинной линией огласовки «о» имеется случайно возникшее небольшое побеление бумаги в виде легкого завитка, которое неопытный переписчик мог принять за характерный элемент буквы *tsha*.

Добавлю также, что правильное написание всего выражения предполагает наличие генитивной частицы: *reg pa'i chos* (རེག་པའི་ཇོས), — а не *reg pa chos*. Конечно, в рукописях бывают описки и ошибки, но все же такое написание может служить косвенным аргументом в пользу предположения, что в записи Д. Г. Мессершмидта *reg pa* было взято само по себе (возможно, из начала второй строки лицевой стороны листа Tib. 959, No. 74) и к нему были добавлены произвольно выбранные элементы.

В отличие от последнего из двух рассмотренных случаев первый никак не мог быть связан с палеографическими особенностями гипотетического листа, который до нас не дошел. В том фрагменте, который на нем должен был бы содержаться, отсутствует сочетание *mi dmigs* или иное, при котором перед *dmigs* имелась бы огласовка «i».

Тем не менее гипотеза о том, что второй «абаканский» лист Д. Г. Мессершмидта не сохранился, представляется мне куда более надежной, так как трудно представить, чтобы немецкий ученый мог произвольно составить из

большого лексического материала двух имевшихся у него листов не только правдоподобные сочетания слогов, но и реально встречающиеся в данной части сочинения.

Возвращаясь к дневнику Д. Г. Мессершмидта, я должен сказать, что не вполне могу объяснить выражение «и т. д.» (*etc.*) в записи: «1721, 23 декабря: тангутские письмена, серебро на черном, 2 штуки и т. д. (в 1 свитке)». Возможно, был еще какой-то маленький фрагмент. В любом случае очевидно, что целых тибетских листов в «абаканской партии» имелось два и оба они происходили из Аблай-хита, о чем сам Мессершмидт, как я уже отмечал, не подозревал.

Добавлю также, что запись о работе Д. Г. Мессершмидта с тибетскими рукописями, сделанная Ф. И. фон Страленбергом и подсказавшая мне направление поисков, скорее всего, не относится к рассмотренному выше листку. Другие имеющиеся на нем записи — тибетский алфавит письмом *умэ* и правила чтения буквы *ка* с огласовками (показательно, что большая часть выписанных слов также имеют огласовки) — определенно относятся к тому периоду, когда Мессершмидт начал получать первые сведения о тибетском языке и правилах письменности. А произошло это только в Бурятии весной 1724 г. Чисто теоретически можно предположить, что к этому моменту Мессершмидт мог получить еще какие-то листы из Аблай-хита, но, поскольку никаких сведений об этом у нас нет, я все-таки исхожу из гипотезы, что представленные выше соображения относятся именно к «абаканским» листам.

В заключение позволю себе высказать несколько предварительных замечаний относительно монгольской части этого приобретения.

С прииртышскими листами на монгольском языке, хранящимися в ИВР РАН, плодотворно работает Н. В. Ямпольская, опубликовавшая (одна и в соавторстве) несколько работ по этой теме. Здесь выделяются две группы рукописей: на синей бумаге с золотыми письменами (21 лист целиком или фрагментарно) и на белой бумаге с черными письменами (1245 листов)¹⁶. Обе группы Н. В. Ямпольская считает происходящими из Аблай-хита¹⁷. Я полагаю, листы на синей бумаге могут происходить из Семи Палат¹⁸.

¹⁶ См.: *Alekseev K., Turanskaya A., Yampolskaya N.* “Mongolian Golden Kanjur Fragments in the Collection of the IOM, RAS” // *Written Monuments of the Orient*. 2016. Vol. 1, No. 3. P. 85–105; *Ямпольская Н. В.* Сводный перечень фрагментов рукописей «черных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // *Монголика-XV*. СПб., 2015. С. 48–58.

¹⁷ См. написанные ею главы в коллективной монографии о монастыре Аблай-хит: *Ямпольская Н. В.* Рукописное наследие Аблай-хита в России и Европе; *Она же.* Монастырская библиотека // К. М. Байпаков и др. *Буддийский монастырь Аблай-хит*. Алматы, 2019. С. 181–235; 236–281.

¹⁸ См. мою аргументацию в статье: *Зорин А. В.* О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» // *Кунсткамера*. 2020. № 1 (7). С. 199–215.

Судя по дневниковой записи, в распоряжение Д. Г. Мессершмидта в Абаканском остроге попали один монгольский лист на синей бумаге (запись «золото на черном» у Мессершмидта не должна вводить в заблуждение, так как поле для текста на таких листах покрыто черной сажевой краской) и один лист на белой бумаге. Конечно, логично было бы считать, что все четыре листа должны были происходить из одного источника, то есть в данном случае — из Аблай-хита. В то же время, поскольку листы из Аблай-хита, скорее всего, были привезены сначала в Тобольск, к ним там вполне мог добавиться и один семипалатинский лист. Кроме того, разумеется, в Аблай-хите могли быть монгольские рукописи на синей бумаге. Мы не знаем, из какой именно рукописи происходил «абаканский» лист — он может и не принадлежать к названной выше группе из 21 листа, относившихся к комплекту монгольского буддийского канона (Ганджура). К сожалению, у нас пока нет никаких зацепок, которые могли бы позволить идентифицировать этот лист.

Немного лучше обстоит дело с белым «абаканским» листом. Здесь привлекает к себе внимание лист с ученической русской надписью «Стоит град на пути», опубликованной Н. В. Ямпольской¹⁹. Дело в том, что надпись схожего содержания («Стоит град пуст»²⁰) имеется на линчэпингском монгольском листе, который, как я полагаю, мог поступить в собрание городской библиотеки Линчэпинга от Ф. И. фон Страленберга²¹. Если последняя гипотеза верна, то можно было бы предположить, что надпись на листе из собрания ИВР РАН была сделана Мессершмидтом или кем-то из его спутников в порядке упражнений в кириллическом письме. Однако с точки зрения почерка она не похожа на те кириллические записи, которые имеются в путевом дневнике немецкого ученого²². Поэтому нам пока остается только гадать, имеется ли какая-то связь между этим листом и экспедицией Д. Г. Мессершмидта.

¹⁹ Ямпольская Н. В. Монастырская библиотека. С. 274.

²⁰ Правильное чтение принадлежит В. Б. Бородаеву (высказано в нашей с ним переписке); ср. с вариантом, указанным в исследовании: Ямпольская Н. В. Монастырская библиотека. С. 275.

²¹ Зорин А. В. О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат... С. 199–215. См. с. 207, сн. 31.

²² Я хотел бы поблагодарить Л. Д. Бондарь за консультацию по этому вопросу.

*А. В. Зорин
Санкт-Петербург*

ТИБЕТСКИЙ СЛОВНИК В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА*

В четвертом томе путевого дневника Д. Г. Мессершмидта на полях содержится значительный по объему тибетский словник. Он не вошел в издание дневника 1962–1977 гг. и только сейчас готовится к публикации. Состоящий из 490 лексических единиц, словник вобрал в себя материалы, накопленные Мессершмидтом в течение нескольких месяцев изучения им тибетского языка в Забайкалье. Основным его учителем был буддийский священник Кара-Банди — по всей вероятности, ойрат, выдававший себя за тибетца, знавший довольно много тибетской лексики, но не владевший письменным тибетским языком. Вследствие этого большинство слов оказалось записано по-тибетски неправильно. Данная статья представляет предварительные итоги исследования словника и связанных с ним черновых материалов, выявленных в фонде Мессершмидта в собрании СПбФ АРАН.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, тибетский язык, тибетский словник, Кара-Банди.

*A. V. Zorin
St. Petersburg*

THE TIBETAN VOCABULARY FOUND IN THE D. G. MESSERSCHMIDT'S TRAVEL DIARY

The fourth volume of D. G. Messerschmidt's travel diary contains a significant Tibetan vocabulary written in the margins. It was not included in the 1962–1977 edition of the diary, and is being prepared now for publication. Consisting of 490 lexical units, the vocabulary incorporated the materials accumulated by Messerschmidt during his several months of studying the Tibetan language in Transbaikalia. His main teacher was the Buddhist priest Kara-Bandi — presumably, an Oirat posing as a Tibetan, who knew quite a lot of Tibetan words, but did not know the written Tibetan language. As a result, most of the words were spelled incorrectly in Tibetan. This article presents the preliminary results of the study of the vocabulary and related draft materials identified in the Messerschmidt personal collection kept at the Saint Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences.

Key words: D. G. Messerschmidt, Tibetan language, Tibetan vocabulary, Kara-Bandi.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Предметом статьи является анализ значительного по объему тибетского словника, содержащегося в четвертом томе путевого дневника Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735)¹, первого ученого — исследователя Сибири. Словник не вошел в издание дневника 1962–1977 гг. и готовится к печати. В данной статье, предваряющей эту публикацию, представлен общий обзор словника и некоторых лингвистических проблем, возникших при интерпретации его записей.

Состоящий из 490 статей, словник стал итогом нескольких месяцев изучения тибетского языка Д. Г. Мессершмидтом во время его пребывания на землях, заселенных бурятами, в 1724–1725 гг. Основным его учителем был лама Кара-Банди², которого Мессершмидту представили как тибетца, но который, очевидно, имел монгольское происхождение (вероятно, он был ойратом). Кара-Банди плохо владел письменным тибетским языком: по собственному признанию, он только умел читать по-тибетски, но писать не мог³. Это следует понимать так: тибетское письмо он знал, но не мог правильно написать даже базовых слов за редкими исключениями. Вследствие этого большинство слов оказалось записано Мессершмидтом по-тибетски совершенно неверно, и их реконструкция представляет собой трудную и не всегда вполне разрешимую задачу.

Каждая запись (это может быть слово, словосочетание, слово в генитиве, небольшая фраза) дана в тибетском написании, латинской транслитерации тибетских букв и в переводе на латынь и/или немецкий. В ряде случаев тибетское написание настолько далеко от каких-либо словарных соответствий, что только благодаря последнему компоненту записи (т. е. переводу) можно понять (или хотя бы предположить), какие тибетские слоги имелись в виду (примеры будут приведены далее).

В словнике отсутствует авторское деление по рубрикам, однако статьи следуют блоками: некоторые выражены четко, в других границы могут быть проведены довольно условно. Мног были выделены следующие блоки

¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 41 об. – 86 об. На этих листах содержатся записи за период с 5 по 26 марта 1725 г., относящиеся к обратному путешествию в Удинск и второму пребыванию в нем (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1968. Тл. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter und H. Lemke. S. 17–40*). После тибетского словника следует монгольский, также записанный на полях (информатором по монгольскому языку для Д. Г. Мессершмидта выступил другой лама).

² По всей вероятности, тибетское имя этого человека было Ринчен, но Д. Г. Мессершмидт в своем дневнике, как правило, называет его монгольским прозвищем «Кара-Банди» (Черный Послушник), оно закрепилось в научной литературе, поэтому я тоже буду пользоваться им. Подлинное имя зафиксировано в документе из папки с лингвистическими материалами, хранящейся в личном фонде Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 129); см. о ней далее.

³ Как пишет Мессершмидт в дневнике 14 апреля 1724 г.: «Er konnte aber nur bloß lesen und beteuerte, daß er nichts <zu> schreiben vermochte, welches doch das Vornehmste war, so ich nötig hatte» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1966. Тл. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 — Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 253*).

(общим числом 31): дикие звери (15 статей); дикие птицы (19); годы животного цикла (12); числительные (68); названия промежутков времени (36); природные явления (24); материалы (14); растительный мир (45); части тела людей и животных, животные продукты (24); птицы, земноводные (19); лошади, скот (18); звери (22); люди, термины родства (14); фигуры из сферы религии и светской власти (13); дом, утварь, предметы быта (18); письмо (7); передвижение, транспорт (5); ткани (4); еда, питье (3); право (5); цвета (7); прилагательные, обозначающие качества (8); существительные в генитиве (5); растения (4); личные местоимения (15); весы (13); простые фразы о погоде и т. п. (13); бытовые просьбы, команды (10); простые фразы с глаголом *yin* (11); команды, запреты (7); расположение предметов в пространстве (12).

По свидетельству самого Д. Г. Мессершмидта, словарь представляет собой сводный список, сделанный на базе предыдущих записей⁴. Небольшое число их находится непосредственно на страницах дневника: за 1724 г.⁵ — от 19 и 20 марта, 14 и 15 апреля, 16, 18–21 мая; за 1725 г. — от 17 февраля и 7 марта. Записи, сделанные в марте 1724 г., соответствуют периоду общения с его первым учителем тибетского — неким бурятским ламой, с которым он встречался несколько раз во время краткого пребывания в Селенгинске. По какой-то причине их материал не был использован Мессершмидтом для сводного словаря. Материал остальных записей, относящихся к периоду общения с Кара-Банди, в основном вошел в состав финального словаря: речь идет о 63 лексических единицах из 72.

Еще более значительная часть записей, позволяющих до некоторой степени реконструировать процесс создания словаря, была выявлена среди рабочих лингвистических материалов Д. Г. Мессершмидта, объединенных в Библиотеке Императорской АН не позднее конца XVIII в. в пачку бумаг под общим названием «*Collectanea Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentia*» («Собранная Мессершмидтиана, относящаяся до языков сибирских народов»)⁶.

⁴ Именно так надо трактовать следующий ниже фрагмент записи от 5 марта 1725 г., в котором Д. Г. Мессершмидт фиксирует начало своей работы по составлению тибетского словаря на полях дневника: «*Ich extrahierte nach dem einige tangutische Vokabulen, so ich auch ad marginem hier beigefüget [habe]...»* (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тл. 4. S. 18*). О продолжении работы сообщается в записях от 7, 9, 15 и 16 марта, а завершение ее было обусловлено расставанием с Кара-Банди 19 марта (*Ibid. S. 35*), т. е. словарь был составлен в течение одной сессии, длившейся несколько дней, и, я полагаю, мог быть немного длиннее, если бы не отъезд «тибетского» информатора Мессершмидта. То, что тибетский словарь завершается на листе с записью, относящейся к 26 марта, разумеется, говорит только о том, что он записывался на полях с пустыми листами, а дневниковые записи добавлялись потом.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3.

⁶ Она долгое время хранилась в Архиве Азиатского музея Императорской АН (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР), в 1936 г. поступила в Архив АН СССР и в настоящий момент входит в состав личного фонда Д. Г. Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39); см. подробнее: Бондарь Л. Д., Зорин А. В., Тункина И. В. «*Megaera Tattarica*» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // *Collegae, amico, magistro* : сборник научных трудов к 70-летию д-ра Виланда Хинтцше / под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков, 2019. С. 153–154.

Рассмотрим три наиболее значимых для нашей темы документа.

1) Лист (внутри архивного дела имеет номер 126), на котором с двух сторон написаны числительные от «одного» до «ста», а также «тысяча». Судя по дневниковой записи от 23 марта 1724 г., список был составлен первым наставником немецкого ученого в тибетском языке — селенгинским ламой⁷. В этом списке, в основном корректном, содержится некоторое количество ошибок, часть из них была исправлена непосредственно в тексте, но большая часть осталась неисправленной. Для составления списка числительных, который вошел в сводный словник в путевом дневнике, Д. Г. Мессершмидт явно использовал некий другой источник, так как в нем, во-первых, практически отсутствуют ошибки в написании слов, во-вторых, выборочно представлены числительные больше «ста» («сто один», «сто одиннадцать», «девятьсот девяносто девять» и т. д., последнее числительное в списке — «десять тысяч»). Таким образом, рассматриваемый лист отражает лишь промежуточную ступень в изучении Мессершмидтом этого пласта тибетской лексики, которая его изначально интересовала более всего⁸.

2) Два сложенных вдвое листа, полностью заполненных записанными в строку (вероятно, Кара-Банди⁹) тибетскими словами с подписанной Д. Г. Мессершмидтом латинской транслитерацией и переводом на латынь¹⁰.

⁷ «Mein tangutischer Lamas kame frühe morgens zu mir, mich in der tangutischen Sprachen zu informieren, und schriebe mir die tangutischen Zahlen ab unitate ad centum zu Papiere» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727.* Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 235).

⁸ Подробнее об этапах изучения Д. Г. Мессершмидтом тибетской письменности и лексики см.: Зорин А. В. О тибетских лексиконах Д. Г. Мессершмидта в связи с вопросом об авторстве «*Harmonia Linguarum*» // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020 (в печати). Статья развивает идеи, высказанные в исследовании: Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д. Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 395–427.

⁹ Я сужу по почерку в сравнении с записями в дневнике, несомненно, сделанными Д. Г. Мессершмидтом (особенно показательно написание тибетской буквы *zha*). К тому же тибетские записи и латинские подписи сделаны чернилами разных оттенков. Представляется логичным, что в процессе первичного сбора лексических сведений Мессершмидт просил своего информатора писать тибетские слова самостоятельно, после чего на базе устной информации заносил транслитерацию и перевод.

¹⁰ При инвентаризации листы были вложены друг в друга на манер тетради, внутри архивного дела они получили номера 123, 123а (следствие сбоя в нумерации), 124 и 125, то есть первому листу соответствуют номера 123 и 125, а второму — 123а и 124. Однако такое расположение листов, скорее всего, неверно. Дело в том, что на л. 125 Д. Г. Мессершмидт проставил номера строк: от 1 до 10 на лицевой стороне и от 11 до 21 на оборотной стороне, — а на лицевой стороне л. 123а эта нумерация продолжена: от 22 до 29. В то же время на оборотной стороне л. 124 словник заканчивается: более половины страницы заняты фрагментом некоего молитвенного текста на тибетском, переписанного Мессершмидтом (рассмотрение его не входит в задачи данной статьи). Таким образом, напрашивается вывод, что два сложенных вдвое листа следовали один за другим в последовательности: 123, 125, 123а, 124.

Записи перечеркнуты: большая часть перечеркнута сама по себе (иногда из-за этого не видно, что именно было написано, — особенно трудно восстанавливаются латинские подписи, более мелкие, чем тибетские буквы), также на каждой из восьми страниц имеется по несколько длинных косых черт, перечеркивающих весь текст.

Здесь представлены те же типы лексики, что и в сводном словнике, но четкое деление не всегда возможно (поскольку слова записаны в строку). Мной выделено около 420 единиц, из них 261 имеют точное или близкое соответствие в сводном списке (речь идет только о тибетской части), т. е. в данном списке содержится чуть более половины всех единиц сводного словника.

Среди лексики, зафиксированной в этом черновом списке, нет числительных, исключая список месяцев года, которые по-тибетски образуются с помощью порядковых числительных: *zla ba dang po* («первый месяц»), *zla ba gnyis pa* («второй месяц») и т. д., причем в записи Д. Г. Мессершмидта слово *zla ba* («месяц») оказалось выпущено и остались только порядковые числительные (лицевая сторона л. 125, строки 3–4). Очевидно, Кара-Банди не сообщил о правилах образования названий месяцев немецкому ученому: в данном блоке сами числительные записаны с грубыми ошибками, при этом он целиком был перенесен Мессершмидтом в сводный словарь, в котором, я напомню, есть те же числительные, записанные совершенно верно¹¹.

Имеются и другие блоки, которые были целиком перенесены из данного списка в сводный, например девять слов из рубрики «люди, термины родства»¹². Из них последнее учтено мной немного условно, так как оно представляет собой выражение *drin chen pha ma* («милостивые родители»), из которого в сводный список взято было только прилагательное *drin chen*, а существительное *pha ma* («родители») разбито на отдельные слова *pha* («отец») и *ma* («мать»), с которых начинается указанный блок. В черновом списке далее есть еще одно выражение с тем же прилагательным — *drin chen la ma* (правильно: *bla ma*; «милостивый лама»), существительное из него зафиксировано в сводном словнике чуть ниже, среди слов рубрики «фигуры из сферы религии и светской власти».

Некоторые блоки перенесены в иной последовательности: например, шесть записей на лицевой стороне л. 123, относящиеся к теме огня, следующим образом соотносятся с записями в сводном словнике (внутри рубрики «природные явления»):

¹¹ Складывается ощущение, что сам Кара-Банди знал о правилах образования названий лунных месяцев, поскольку название первого из них (*января* в интерпретации Д. Г. Мессершмидта) является придуманным на основе числительного «один»: *gyig pa* (от [*zla ba*] *gcig pa*), — тогда как правильный вариант подразумевает особую форму слова «первый» — [*zla ba*] *dang po*. В таком случае автором списка числительных на первом из рассматриваемых нами листов должен быть кто-то другой, поскольку там они написаны в основном правильно, в частности *gcig*, а не *gyig*, и *bzhi*, а не *pyi*.

¹² Еще раз подчеркну, что в самом словнике никаких рубрик не существует, они условно предложены мной для удобства.

Номер по черновику*	Тиб. запись Мессершмидта	Правильный вариант	Перевод	Номер по дневнику
123a6-5	མཉི།	མེ།	огонь	49a-10
123a6-6	མཉི་བར་གྱི།	མེ་འབར་གྱིས།	огонь горит	62a-7
123a7-1	རྫོ་བ།	དུ་བ།	дым	49b-5
123a7-2	མཉི་སྐྱལ།	མེ་སྐྱལ།	жар	49b-3
123a7-3	ཉི་ལྷན། **	མེ་ལྷན།	грелка для кровати	49b-4
123a7-4	ཐང།	ཐལ།	пепел	49b-6

Примечания:

* Записи в первой и последней графе состоят из номеров: 1) листа (где а — лицевая сторона, б — оборотная сторона), 2) строки, 3) (после дефиса) лексической единицы в строке.

** В первом слого описки, если исходить из ошибочной практики Кара-Банди, который слово «огонь» писал как མཉི (вместо хэ), в сводном словнике данное выражение написано «правильно» — མཉི་ལྷན.

Как видно из этой таблицы, часть слов оказалась перегруппирована внутри данного блока, одно выражение перешло в совершенно иную рубрику («простые фразы о погоде и т. п.»); между словами, имеющими номера 49a-10 и 49b-3, в дневнике значатся еще три слова («молния», «гром и молния», «гром»), два из них в черновой записи находятся на несколько строк выше, под номерами 123a2-5 (=49a-11), 123a2-3 (=49b-2), а третья (49b-1) не имеет прямого соответствия в черновике, но представлена внутри выражения под номером 123a3-2: такое же выражение есть и в дневнике — под номером 62a-6, то есть рядом со вторым словом из представленной выше таблицы. Таким образом, Д. Г. Мессершмидт существенным образом перерабатывал накопившийся у него лексический материал для сводного словника, пытаясь, очевидно, расположить слова и выражения в более логичном порядке.

Можно предположить, что зачеркивание записей в черновике происходило по мере их занесения в чистовой вариант. Зачеркивал Д. Г. Мессершмидт и те слова и выражения, которые были рассмотрены им, но не вошли в итоговый словник, причем их довольно много — около 160. Основную их часть составляют небольшие списки сочетаний с тем или иным словом, например существительное + группа прилагательных или существительное в генитиве + группа существительных, которые могут принадлежать первому. Список первого типа, со словом «камень» («белый камень», «черный камень» и т. д.), повторяется даже дважды: на лицевой стороне л. 123a (строка с номером 29, т. е. 8-я на странице) и на оборотной стороне л. 124 (строка 2). Само слово «камень» имеется в сводном словнике (50a-8), но вне сочетаний. Такие группы Мессершмидт мог отсеять намеренно. Среди

отдельных слов и словосочетаний, не вошедших в словарь, подавляющее большинство не имеет латинских аннотаций, например *sna'i nyig* и *u hu* (лицевая сторона л. 128, строка 8) или *chos* и *dge dun* (оборотная сторона л. 128, строка 1) (сохранена орфография оригинала). Ничего удивительного, что такие записи тоже были отсеяны.

3) Небольшой тибетский словарь (35 записей) содержится еще на одном сдвоенном листе (с архивными номерами 115–116), основную часть которого занимает аналогичный по способу записи индийский вокабуляр. Из представленных слов только одно — *dom* («медведь») — не вошло в сводный словарь, причем его невключение было осознанным: Д. Г. Мессершмидт поместил его в скобки и подчеркнул, а справа от него написал слово *bre mong* (прав. *dred mong*), которое также обозначает медведя¹³. Правда, в сводном словнике он снабдил слово *bre mong* загадочным латинским переводом — *Minotaurus*, что трудно интерпретировать; не менее странно и то, что это слово переведено в незавершенном труде Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» как *Simia; ein Affe* — «(человекообразная) обезьяна». Остается неясным, почему Мессершмидт потерял из виду значение «медведь», зафиксированное в рассматриваемом черновике. Слова, представленные в нем, были перенесены вразнобой в текст первых страниц сводного словаря (в рубрики «дикие звери», «дикие птицы»), а здесь — перечеркнуты как целое вертикальными волнистыми линиями.

Если сложить количество лексических единиц, перешедших в сводный словарь из рассмотренных выше листов, исключая первый (так как числительные были взяты из иного, не дошедшего до нас черного списка), получится число 295. К ним можно добавить 53 слова из 63, имеющих в дневниковых записях (остальные десять имеют эквиваленты в черновиках). Получившаяся сумма составляет 83% от 422 — общего количества записей за вычетом числительных. Черновые материалы, где были бы зафиксированы остальные слова и выражения (всего чуть больше 70), пока не выявлены. Но имеющих в нашем распоряжении документов, как видно из сказанного выше, вполне достаточно, чтобы в общих чертах понять, как происходила работа Д. Г. Мессершмидта над сводным словарем.

Переходя к лингвистическим проблемам, связанным с анализом тибетского словаря, следует сказать, что эта тема слишком обширная, чтобы ее можно было рассмотреть в рамках данной статьи. Поэтому я ограничусь только некоторыми аспектами. Главная особенность, которая уже была отмечена, состоит в том, что подавляющее большинство слов записано с теми или иными отклонениями от правильного написания. Поскольку большой черновой список, рассмотренный выше, был составлен не Д. Г. Мессершмидтом, а скорее всего, Кара-Банди, мы можем сделать вывод, что последний был слабо знаком с тибетской орфографией. Вместе с тем он сравнительно неплохо владел разговорным тибетским — во всяком случае,

¹³ Если быть более точным, указанные два слова обозначают разные виды медведей, о чем Д. Г. Мессершмидт, по всей видимости, не знал.

знал не только самую ходовую лексику, но и много не самых тривиальных слов, обозначающих, например, различные виды животных и растений.

Можно предположить, что Кара-Банди, имевший отношение к буддийской службе, имел некоторый навык чтения буддийских текстов на тибетском языке, поэтому можно было бы ожидать от него более надежных сведений о лексике, связанной с религией. В черновике есть несколько таких слов: *hla* (прав. *lha*¹⁴; «бог»), *chos* («дхарма, религия»), *dge dun* (прав. *dge 'dun*; «община монахов»), *rin po tshe* (прав. *rin po che*¹⁵; «драгоценный», эп. духовного наставника). Как видим, даже та лексика, которую Кара-Банди должен был хорошо знать, частично записана с небольшими ошибками.

Среди слов общего характера, записанных корректно¹⁶, преобладают такие, что могли быть записаны без ошибок случайно, так как они не усложнены т. н. предписными, надписными или подписными буквами: *lug* («овца»), *ma mo* («овца-матка»), *ra* («коза»), *'o ma* («молоко»), *mar* («масло»), *lo ma* («лист»), *me tog* («цветок»), *pad ma* («лотос»), *thag pa* («веревка»), *nyi ma* («солнце»), *nyi ma gung* («полдень»), *kha* («рот»), *so* («зуб»), *lag pa* («рука»), *nag po* («черный»), *nag mo* («женщина»), *pha* («отец»), *ma* («мать»), *nga* («я»), *nga yin* («я есть/являюсь»), *nga min* («я не есть/не являюсь»), *khang ba* («дом»), *gur* («палатка кочевника»), *ri* («гора»), *yar la* («вверх»), *mar la* («вниз»), *thag nye yi* («близкий» в генитиве), *sa* («земля»), *chu* («вода»), *thang chu* («смола»), *thang nag* («чернохвостый орел»), *tsher ma* («колючка»), *mar me* («масляный светильник»).

Исключение составляют только три слова: *glang bo* («бык»), *rgyal bo* («царь»), *rgyal mo* («царица»). Возможно, сюда же следует добавить слово «камень», которое записано несколько раз (в словосочетаниях) как *rto*. Правильное написание слова — *rdo*, но порой буквы *ta* и *da* пишутся похоже друг на друга, причем эта особенность нередко встречается именно в калмыцкой рукописной традиции¹⁷ (напомню, что Кара-Банди был, скорее всего, ойратом). Особым случаем является запись *rgyam tsho* (прав. *rgya mtsho*; «море, океан»), где зафиксировано реальное чтение слова, при котором т. н. предписная буква второго слога (*ma*), которая по правилам не должна читаться, в данной позиции зачастую произносится¹⁸. Исходя из

¹⁴ Корректная форма зафиксирована в дневниковой записи от 16 мая 1724 г. и в сводном словнике.

¹⁵ Корректная форма (правда, в генитиве: *rin po che 'i*) зафиксирована в дневниковой записи от 19 марта 1724 г. и в сводном словнике. Если Д. Г. Мессершмидт взял правильное написание из указанной записи в дневнике, это будет единственным случаем использования лексики, полученной им от селенгинского ламы.

¹⁶ Сюда включены слова *khang ba*, *rgyal bo* и *glang bo*, где второй слог по правилам должен писаться с буквой *pa* (*pa* и *po*, соответственно), но эта неточность наименее существенна из всех имеющихся.

¹⁷ См.: Зорин А. В. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // *Mongolica-XVIII*. СПб., 2017. С. 72.

¹⁸ Еще один пример такого рода: *tag ltan* вместо *rta gdan* («покрывало под седло»), где предписная *ga* из второго слога оказалась перенесена в конец первого слога, так как в данном случае она нередко читается.

некоторых приведенных выше примеров, можно было бы допустить, что Кара-Банди лучше знал написание тех слов, которые чаще встречались ему в буддийских текстах, но наличие грубых ошибок в аналогичных словах¹⁹ говорит о том, что этот фактор имел очень ограниченное влияние.

Основной чертой подавляющего большинства записей в словнике, которыми Д. Г. Мессершмидт был обязан Кара-Банди, является то, что они неверны с точки зрения орфографии и при этом отражают монголизированное произношение тибетских слов, которое было свойственно Кара-Банди. Иными словами, он был вынужден, отвечая на вопросы Мессершмидта, записывать слова на слух, как он сам их произносил, не зная, как они пишутся²⁰. В рамках данной статьи невозможно отразить все выявленные нюансы этого «графемотворчества» — выделю только несколько наиболее значимых, с моей точки зрения, тенденций:

1) тибетские буквы *sa* и *ja*, а также сочетание *spyu* (читается как буква *sa*) нередко передаются сочетанием корневой буквы *ga* с подписной *ya*, которое в хасском диалекте читается как *gya*, но в восточнотибетском и следующем ему монголизированном произношении — как *ja* (примеры: *gyig* вместо *gcig*, *rgyang ma* вместо *lcang ma*, *gyi* вместо *lce*; *rgya ling* вместо *ljags ling*, *ma rgyed* вместо *ma brjed*; *gying khu* вместо *spyang khu* и т. д.);

2) нивелирование разницы между тибетскими слогами высокого и низкого тона, имеющими аспирацию и не имеющими ее, при этом выбор делается, как правило, в пользу слогов низкого тона (аспирация при этом не учитывается): см., например, упомянутый выше случай с буквами *sa* и *ja*, которые передаются одним и тем же сочетанием *gya* (а не *kya* и *gya*, соответственно); понятно, что и корневая буква *ka* в основном меняется на *ga* (например, *gar bo* вместо *dkar po*, *dag pa* вместо *stag pa*, *gang nga* вместо *rkaŋ pa* и т. д.); *ta* меняется на *da* (*yon dan* вместо *yon tan*); в словах, оканчивающихся словообразовательными частицами *pa* и *po*, последние обычно (но не всегда) заменяются на *ba* и *bo*; практически не используются буквы *sha* и *za* — вместо них пишутся *zha* и *sa*, соответственно²¹; и т. д.;

3) различные трансформации фонетического характера со вторым слогом: вытеснение инициали второго слога за счет удвоения финали первого: *seng nga* вместо *zangs kha*, *grung nga* вместо *'brenḡ pa*, *zhing ngar* вместо *shing dmar*, *gung nga* вместо *sgo nga*; замена *kha* на *ha*: *rde ha* вместо *kri kha*²²; изменение огласовки (вероятно, по принципу гармонизации гласных): *nu bu* вместо *nu bo*, *drin chin* вместо *drin chen*, *po to* вместо *bu to* и т. д.

¹⁹ Например, *mnyi* вместо *me* («огонь»), *rtsa ba* вместо *zla ba* («луна»), *sa* вместо *ja* («чай»), *gar bo* вместо *dkar po* («белый») и т. д.

²⁰ Остается только гадать о мотивах поведения Кара-Банди, который явно не хотел разрушать легенду о своем тибетском происхождении. Можно допустить, что эта легенда имела для него важное практическое значение — вполне возможно, она позволяла ему пользоваться большим уважением среди бурят, которые в начале XVIII в. только начинали переходить в буддизм.

²¹ Любопытно, что пары образованы несимметрично: *zha* и *za* обозначают слоги низкого тона, а *sha* и *sa* — ровного тона.

²² По тому же принципу имя знаменитого тибетского учителя Цонкапы (Tsong kha pa) в монголизированном произношении превратилось в «Дзонхава».

Приведенные примеры вполне красноречиво указывают на то, что Кара-Банди произносил тибетские слова на монгольский манер, частично следующий восточнотибетскому произношению, частично опирающийся на собственно монгольские речевые нормы (в которых, например, нет системы тонов, действующей в тибетском языке).

К искажениям такого рода добавляются вызванные простым незнанием пропуски различных элементов слогов (предписных, надписных, подписных, приписных и вторичных приписных букв), которые сами не читаются совсем, или могут не читаться, или только немного влияют на чтение других элементов; а также искажения в огласовках.

Зачастую указанные ошибки не мешают быстрой идентификации слов благодаря наличию перевода на латынь и немецкий: например, *gar bo* = *dkar po* («белый»), *yig gi* = *yi ge* («письмо», но в переводе Д. Г. Мессершмидта — «книга»), *nag tsha* = *snag tsha* («чернила»), *lem* = *lam* («путь»), *ngu* = *ngul* («серебро») и т. д. Бывают и более сложные случаи, когда искажение довольно сильное, но все же оно позволяет подобрать надежное словарное соответствие: *pud li* = *bong bu* («осел»), *mnyi* = *me* («огонь»), *srin* = *sprin* («облако»), *gra gi* = *brag mgo* («скала»), *khab ra* = *'khar ba* («бронза»), *so ma* = *so ma* («конопля»), *nam gyog* = *snyan cog* («ухо»), *ye'* = *dbyi* («рысь»; при чтении сочетание *dbya* = *ya*) и т. д. К сожалению, есть и такие случаи, когда запись либо идентифицируется предположительно, либо и вовсе не имеет хотя бы отдаленного соответствия: *zi ra* (по версии Мессершмидта, «куропатка»), *ra god* («лютик»), *gang neng na* («оттуда»), *ma go na* («слева»), *sem ser* («орихальк» = «латунь»), *zhe lak* («баранец») и некоторые другие.

Последний случай вызывает особенный интерес, так как претендует на фиксацию тибетского названия загадочного объекта, волновавшего умы ученых XVIII в., а именно т. н. баранца, или скифского агнца, — полурастения-полуживотного, «которое якобы водится в юго-восточных степях России, растет на стебле, ест траву вокруг себя и доставляет шерсть»²³. Кара-Банди, как видим, предложил Д. Г. Мессершмидту некий тибетский эквивалент (не поддающийся внятной идентификации) для термина, о котором едва ли имел представление (учтем еще, что общение шло через переводчика на монгольский). Не исключено, что он мог попросту придумывать тибетские слова, если не знал правильного ответа. Примечательно в этом отношении и то, что в паре других случаев он, похоже, выдавал искаженное написание одного и того же монгольского (ойратского) слова *бар(с)* за тибетские слова: *ba li* (в значении «тигр») и *po lo* (в значении «декабрь»²⁴).

²³ Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 82. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7).

²⁴ В традиционном калмыцком календаре декабрь (первый месяц года у калмыков) считается месяцем барса и этим же словом может именоваться.

Подводя предварительные итоги изучения тибетского словаря, зафиксированного Д. Г. Мессершмидтом на полях четвертого тома его дневника в марте 1725 г., можно сказать следующее:

- словарь состоит из 490 статей, содержащих слова, словосочетания, короткие предложения, и охватывает довольно большой круг тем, с первичным акцентом на названия чисел, животных, растений, минералов, явлений природы и бытовых предметов (данные темы отражают основные научные интересы Мессершмидта);
- основу словаря составили материалы, полученные немецким ученым в процессе общения с Кара-Банди (вероятно, ойратом, выдававшим себя за тибетца), при этом в нашем распоряжении имеется черновой словарь, в котором тибетские записи предположительно сделаны самим Кара-Банди;
- этот черновик вместе с черновиком меньшего объема и записями тибетских слов в дневнике, сделанными рукой Мессершмидта, содержат 83% лексических единиц, зафиксированных в сводном словнике, не считая блока числительных;
- список числительных основан на неизвестном нам источнике, причем в нем содержится минимальное количество ошибок в орфографии;
- большинство слов, полученных от Кара-Банди, записаны с разнообразными ошибками: информатор Мессершмидта не знал правил тибетской орфографии и пытался записать слова так, как сам их произносил; не исключено, что в некоторых случаях он их просто выдумывал, хотя при этом смог сообщить Мессершмидту (пусть и в искаженной форме) довольно большое количество не самых тривиальных тибетских слов.

*А. А. Сизова
Санкт-Петербург*

СВЕДЕНИЯ О МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ В ДНЕВНИКАХ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА*

В статье предпринята попытка описать и систематизировать все сведения о монгольских языках, собранные Д. Г. Мессершмидтом в сибирской экспедиции (1719–1726). К числу этих сведений относятся словники (бурятского и монгольского языков) и отдельные словарные соответствия (на калмыцком, бурятском и монгольском языках), записанные исследователем по какому-либо случаю в ходе экспедиции или приводимые в качестве примеров. Впервые даются краткое описание монгольских словников, остающихся на данный момент неопубликованными, и анализ одного из их фрагментов, обнаруживающий сходство принципов построения с тематическими словарями индийской и китайской традиций.

Ключевые слова: монгольский язык, монгольский словник, бурятский язык, калмыцкий язык, дневник Д. Г. Мессершмидта.

*A. A. Sizova
St. Petersburg*

INFORMATION ABOUT THE MONGOLIC LANGUAGES IN D. G. MESSERSCHMIDT'S DIARIES

The article sought to describe and systematize all the information about the Mongolic languages collected by Daniel Gottlieb Messerschmidt in his Siberian expedition (1719–1726). Information in question includes vocabularies (of the Buryat and Mongolian languages) and individual words (in the Kalmyk, Buryat and Mongolian languages), cited in particular cases in the course of his expedition. A brief description of the Mongolian vocabularies, that currently remain unpublished, is given in the article for the first time. It is supplied with the analysis of one of their fragments, revealing similarities with the thematic dictionaries of the Indian and Chinese traditions.

Key words: Mongolian language, Mongolian vocabulary, Buryat language, Kalmyk language, D. G. Messerschmidt's diary.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006.

Объектом исследования статьи являются сведения о монгольских языках, собранные Д. Г. Мессершмидтом в ходе путешествия по Сибири и нашедшие отражение в его дневниках¹. На тот момент, в 20-е гг. XVIII в., монговедение как такового ни в Российской империи, ни в Европе еще не существовало². Ученому, не имевшему в своем распоряжении ни словарей, ни каких-либо подробных описаний изучаемых языков, предстояло вести работу *ab ovo*³. В качестве единственного известного нам исключения необходимо упомянуть имевшиеся у Мессершмидта рукописи отчета Иоганна Христиана Шнитшера, или Шницкера (*Schnitscher, Schnitzker*; 1682–1744), капитана русской армии и шведа по национальности⁴ (IV⁵, 176).

В ходе экспедиции Мессершмидт имел дело с тремя представителями монгольской языковой семьи:

— монгольским⁶,

¹ Рукописи дневников составляют пять томов общим объемом более 1500 листов (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5). Подробнее о дневниках см.: Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под. общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 153–154. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки ; suppl. 7). На начальном этапе экспедиции записи вел помощник Мессершмидта Ф. И. Табберт (Страленберг), см. ниже в части, посвященной калмыцкому языку.

² Первое специализированное учреждение, где преподавался монгольский язык, — «Мунгало-русская школа» — было открыто в Иркутске в 1725 г. при Вознесенском монастыре. Подробнее о школе см.: Кузмин С. В., Свинин В. В. История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск, 2006. С. 6–7.

Как академическая дисциплина монговедение в России появилось намного позже, и обязано своим возникновением, в первую очередь, И. Я. Шмидту (1779–1847) и О. М. Ковалевскому (1801–1878).

³ Буквально: «с яйца» (*лат.*), здесь в значении «с самого начала». — *Ред.*

⁴ И. Х. Шнитшер в 1714 г. сопровождал китайское посольство к калмыцкому хану Аюке по территории России и отразил в своем сочинении данные об общественном устройстве, быте и культуре калмыков, а также их отношениях с Российской и Китайской империями. См.: *Schnitscher J. Ch. Berättelse om Ajuckinska Calmuckiet eller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudskyrdkan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politique och philosophie medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar*. Stockholm, 1744; Записка шведского капитана Иоанна Христиана Шницера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провозах // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Ноябрь. С. 428–440.

⁵ В библиографических ссылках немецкое издание дневников обозначается римскими цифрами, соответствующими номерам томов: *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Berlin, 1962 [I], 1964 [II], 1966 [III], 1968 [IV], 1977 [V] (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, VIII/1–5).

⁶ Монгольский здесь, с некоторыми допущениями, означает старомонгольский язык (или монгольский старописьменный язык), главным средством письменной фиксации которого была уйгуро-монгольская графика. Старомонгольский язык начал активно формироваться после объединения Чингисханом различных монгольских племен в начале XIII в. и, по мнению исследователей, первоначально отражал особенности диалектов групп, наиболее тесно контактировавших с уйгурами — к числу таковых относится, например, племя найманов. До XVII в. (до перехода ойратов на «ясное письмо») язык использовался всеми монгольскими этническими группами, будучи наддиалектным. В силу этого старописьменный язык не имел какой-либо

- бурятским⁷ и
- калмыцким⁸ языками.

Сведения о них можно условно разделить на две основные группы: **словники** (базисная лексика, записанная в случайном или тематическом порядке) и **отдельные словарные соответствия** (приводимые для определенных случаев слова, которые могут не соотноситься со словарями, по большей части это топонимы и названия животных и растений)⁹. В качестве вспомогательной привлекалась любая информация из дневников, не содержащая словарного материала, но способная служить подспорьем для реконструкции той языковой картины, которой располагал Д. Г. Мессершмидт (сюда же мы относим и его собственные лингвистические умозаключения).

Для отдельных словарных соответствий мы приводим записанные Д. Г. Мессершмидтом транскрипцию и немецкий либо латинский перевод. Русский перевод дается только в тех случаях, когда он есть в дневниках. Мы не ставили перед собой задачу снабжать слова исчерпывающими комментариями и собственным переводом на русский язык (если такового нет), поскольку эта статья преследует исключительно цели систематизации фактов о составе, объеме и обстоятельствах словарных записей в дневниках.

единой фонологии и произношения (*Janhunnen J. Written Mongol // The Mongolic Languages / ed. by Ju. Janhunnen. London, 2003. P. 30–34*). Установить внутриэтническую принадлежность монголов, сообщавших Д. Г. Мессершмидту слова и способ их записи старомонгольским письмом, пока не представляется возможным.

⁷ Буряты проживают на территории Российской Федерации (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край), а также в КНР (Внутренняя Монголия) и Монголии (северные и восточные аймаки). Бурятский язык представляет собой совокупность диалектов, объединенных в одно целое благодаря, в большей степени, экстралингвистическим факторам (*Skribnik E. Buryat // The Mongolic Languages / ed. by Ju. Janhunnen. London, 2003. P. 102*).

⁸ Калмыцкий язык — язык современных калмыков, живущих на юге европейской части России (Республика Калмыкия). В этническом и лингвистическом отношении калмыки очень тесно связаны с ойратскими племенами, более конкретно — с торгутами и дэрбэгами, которые в первой трети XVII в. перекочевали на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий из-за внутренних конфликтов в союзе ойратских племен. Это был период существования могущественного Джунгарского ханства (1635–1755). После его распада ойратские племена сохранились на территории современных Китая (северо-запад и север) и Монголии (запад). Их язык традиционно называют ойратским. Ойраты (и калмыки) с 1648 г. использовали свою письменность, созданную на основе старомонгольской, — так называемое «ясное письмо», служившее средством фиксации единого для всех западномонгольских племен ойратского литературного языка. Подробнее см.: *Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М., 1996*.

В этой статье мы, вслед за Д. Г. Мессершмидтом, используем термин «калмыцкий язык», хотя при анализе приводимых им данных необходимо учитывать, что в описываемый период (начало XVIII в.) калмыками называли ойратские племена, контактировавшие с русскими на приграничных территориях в Сибири, и, соответственно, их язык тоже называли калмыцким.

⁹ Иногда «по определенному случаю» Д. Г. Мессершмидтом записывалось несколько слов подряд, поэтому мы установили в качестве условного критерия для разграничения словника и «отдельных словарных соответствий» наличие ≥ 10 словарных статей.

Калмыцкий язык

На ранних этапах своего знакомства с монгольскими языками Д. Г. Мессершмидт полагал, что от калмыцкого языка происходят и бурятский¹⁰, и старомонгольский («alte Mongole») (II, 17)¹¹. Исходя из этого, можно допустить, что определенные представления о калмыцком языке к 1723 г. у него уже были. Поскольку углубленно изучать калмыцкий язык в полевых условиях ему не довелось, остается только предполагать, что он почерпнул эти знания из рукописи И. Х. Шнитшера либо из каких-то других, неизвестных нам источников. В 1721–1722 гг. экспедиция Мессершмидта путешествовала по маршруту Тобольск — Томск — Абаканск — Красноярск. Среди ее участников был шведский военнопленный Ф. И. Табберт (Страленберг) (1676–1747), ставший Мессершмидту верным соратником в научных поисках и ведший дневник экспедиции с самого начала, 1 марта 1721 г., до отъезда на родину 28 мая 1722 г. Более того, часть этого времени Страленберг находился в одиночестве, выполняя возложенные на него поручения (июль — декабрь 1721 г.). Соответственно, систематическими записями самого Мессершмидта о его ученых занятиях того времени мы не располагаем. Записи его помощника на эту тему кратки и немногочисленны:

Сентябрь — октябрь 1721	Страленберг пытался получить у томского коменданта калмыцкие рукописи, но потерпел неудачу (I, 136, 141)
6 марта 1722	Со слов «старого калмыцкого переводчика» Степана записано слово <i>Kyht</i> «Bethaus»; названия трех монастырей: <i>Bosta-Chan-Kyht</i> , <i>Ablay-Kyht</i> , <i>Otzurto-Seza-Chan-Kyht</i> (I, 191–192)
9 марта 1722	Первое знакомство переводчика Степана и Мессершмидта, чтение калмыцких рукописей, найденных на Иртыше. Записаны слова: <i>Loncha</i> «urna», <i>Kotogah</i> «culter», <i>Modo</i> «lignum», <i>Temir</i> «ferrum», <i>Munguh</i> «argentum», <i>Dsech</i> «cuprum», <i>Goli</i> «auri chalcum», <i>Zagan Chorgolgi</i> «stannum», <i>Altyn</i> «aurum», <i>Cara Chorgolgi</i> «plumbum», <i>Mungun ussuh</i> «argentum vivum», <i>Udsuhm</i> «uva pasae», <i>Dschab-dahl</i> «mala persica», <i>Gu</i> «cucumis», <i>Irbäki</i> «Sommer-vögel», <i>Gurban Irdinæ</i> «die Dreieiligkeit», <i>Urtu</i> «lang» (I, 193)

¹⁰ Например, впервые встретившись с бурятами в декабре 1723 г., Д. Г. Мессершмидт пишет, что бурятский язык «идентичен калмыцкому, разве что не столь чист», а его носители, несомненно, являются потомками калмыков (II, 178). В расспросах ученый пытался подтвердить свою гипотезу о калмыцком происхождении бурят, однако сетовал, что «лишь немногие из них знают об этом, кроме нескольких стариков, которые признавались, что слышали об этом от своих родителей» (II, 181).

¹¹ Логика в этих суждениях есть, так как за счет фонетической «чистоты» калмыцкий язык действительно можно считать наиболее приближенным к языку Монгольской империи. О последнем можно судить по письменным памятникам, самым значительным из которых является «Сокровенное сказание монголов». «Его языковые особенности позволили академику Б. Я. Владимирцову считать его автора представителем ойратской языковой общности, на что Г. Д. Санжеев возражал тем, что ойратские особенности могли быть характерны и другим монгольским языкам» (Дарваев П. А. Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи: проблемы функционирования и перспективы развития. Элиста, 2003. С. 26–27).

11 марта 1722	Продолжение занятий Мессершмидта по разбору калмыцких текстов (I, 194)
17 мая 1722	<i>Ürim</i> «der Schmetahn», «Schmant» (I, 218)

Последующие записи самого Д. Г. Мессершмидта содержат только единичные упоминания калмыцких слов:

8 июля 1722	<i>Cağan-machan</i> «alba caḡo» (топоним) (I, 260)
3 октября 1722	<i>Soir</i> «глухарь» (I, 331)
24 октября 1723	<i>Krime</i> «белка» (II, 159)

Из заметок Ф. И. фон Страленберга, хотя и очень кратких, следует, что калмыцким языком Д. Г. Мессершмидт занимался более углубленно, чем его помощник. В связи с этим необходимо упомянуть в этой части статьи «*Vocabularium Calmucko-mungalicum*», вошедший в опубликованную впоследствии книгу Страленберга¹². Дж. Крюгер, исследовавший материалы этого словника, был не первым, кто выразил сомнения в том, что его авторство всецело принадлежит Страленбергу. Аргументы Крюгера сводятся к тому, что «едва ли он [Страленберг] мог совершить такие грубые ошибки самостоятельно, более вероятно, что он просто не смог правильно прочесть чужие записи»¹³. Имеются веские основания для того, чтобы приписывать калмыцкий словник (или, во всяком случае, некую часть его) из книги Страленберга Мессершмидту, однако прямых доказательств этому мы не имеем.

Бурятский язык

Словники

8 декабря 1723	Стойбище на р. Анга (на пути из Верхоленска в Иркутск). Соответствия для числительных и 10 слов, обозначающих животных (8) и цвета (2) (II, 178)
13 декабря 1723	Местность <i>Šaraminovušina</i> , или <i>Otochona jurta</i> . 63 слова, преимущественно названия животных (II, 181)
14 декабря 1723	Местность <i>Egorova zimov'e</i> . 29 слов (II, 182)
15 декабря 1723	Местность <i>Ust'-Artaja-zimov'e</i> . 45 слов (II, 183)
8 апреля 1724	Удинск. 17 слов, названия животных (II, 250)

¹² *Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, etc. Stockholm, 1730. S. 137–156.*

¹³ *Krueger J. The Kalmyk-Mongolian Vocabulary in Strahlenberg's Geography of 1730. Stockholm, 1975. P. 27. (Asiatica Suecana: Early 18th Century Documents and Studies. Vol. 1).*

Еще одним доводом в пользу того, что словник Ф. И. фон Страленберга издавался по чужим записям, является его несистематичность. Например, слово «белка» (*das Eichhorn*) встречается в трех разных местах в формах *kirma*, *krime* и *taramæ*. Две последние формы приводятся также в дневниках Д. Г. Мессершмидта (II, 159).

В 1724 г. Д. Г. Мессершмидт начинает при записи слов в некоторых случаях пользоваться термином «монголо-бурятский» (Mongalo-Burjatis).

Голландский тюрколог Уве Блэсинг в одной из своих статей проанализировал бурятскую лексику, собранную Д. Г. Мессершмидтом, и пришел к выводу, что переход монгольского звука [s] в бурятский [h] (во всяком случае, в некоторых диалектах бурятского языка) к началу XVIII в. уже завершился¹⁴.

Отдельные словарные соответствия

Декабрь 1723. На пути из Верхоленска в Иркутск (II, 180–184)

12 декабря: *Gutâr* «налим», *Chadarána* «хариус», *Helburuhun* «сиг»;

16 декабря: *Kapzal* «Felsgebürge».

Январь — сентябрь 1724. Из Иркутска в Нерчинск и начало путешествия к берегам Далайнора (II, 198 — III, 141)

26 января: *Tass-Schabáh* «Geier», *Tártodscha* «Adler», *Karaptschán* «крапчатый»; 28 февраля: *Dssáár* «ein Moschusbeutel»; 13 марта: *Djir* «Filzjurte»; 14 марта: *Tarbagan* «сурок»; 8 апреля: *Sseren-Ebir* «Caper Bezoardicus?»; 15 апреля: *Sseren* «Capeolus Bezoarticus» (см. также 1 июля), *Tzachalmáh* «Tinnunculus miliaris»; 7 мая: *Ongozatay* «р. Березовка» (топоним); 8 мая: *Totoguldshên* «Numenius», *Kartschegás* «Nisum»; 9 мая: *Chonnyn* «Schaf», *Tschontòh* «Picus varius fasciatus rubicauda», *Choròk* «Tetrao betulinus», *Kiratschegai* «Accipiter Fringillarius», *Tokoròh* «Grus» (см. также 17 июня), *Tòdock* «Otis, Tarda avis (Foemella)», *Karagalan* «бакланиха», *Tsachaltuh* «степной петух / степная курица», *Kokudegilley* «Ardea, cinerea maior», *Tschiling* «аист» (см. также 16 мая); 11 мая: *Bachà* «лягушка»; *Aläck-tschongodack* «Fuligulam», *Ssannòh* «Anatem Boschadem maiorem», *Tschiruckòi* «чирок»; 12 мая: *Tschironchul* «каменный чирок»; 14 мая: *Hanggir* «боровой», «турпан», *Honnò* «плутонос»; 20 мая: *Argàl* «Pferdemist»; 22 мая: *Dssurgudsu* «Sanoj mys» (топоним, скала), *Tatar/Tadör* название притока р. Оны; 25 мая: *Morin-Nogohum* «гагара»; 28 мая: *Tukeindscheck / Uhlaess* «топольник», *Uhlaehung* «осина», *Narossò* «сосна», *Burgasse* «верба, тал, талина», *Yschunæ* «черенковый ревень», *Mogóire* «Carpimulgus»; 29 мая: *Todock* «степная курица»; 31 мая: *Torkiròhl* «андотка малая», *Challò* «скопа» (см. также 3 июня), *Cheilogana* «чайка», *Uker/Uxer-Nogossun* «морская черная» (см. также 6 июня), *Tschinne-hùng* «Укуг-пог» (озеро); 1 июня: *Tschongedò-alack* «Recurvirostra» (см. также 3 июня); 2 июня: *Anggathò* «Colymbus» (см. также 3 июня); 3 июня: *Bahatò-Borucktschen* «Тадогна»; 4 июня: *Bordshè* «каменный селезень»; 28 июня: *Gorubun* «козлина»; 17 июля: *Tass* «Vultur», *Burghut* «Adler», *Tàrbodshe* «холзан»; 6 августа: *Killemáh* «осетр», *Tolok* «таймень» (см. также 2 января 1725), *Dshebbón* «ленок», *Tschurochay* «щука», *Alagannáh* «окунь»; 13 сентября: *Tschankir-adshergah* «падь»; 14 сентября: *Ukudeling-Ida* «Asparagus vulgaris».

1725 г. Отдельные упоминания названий растений и животных (III, 242 — IV, 275)

7 марта: *Bada-tzai* «Bada-Тее»; 11 марта: *Tudshu* «бор, сосновый лес»;

3 апреля: *Kábssagassu* «нерпа»; 31 августа: *Gyriky* «бурундук»

(отсылка на 13 декабря 1723); 5 ноября: *Adda* «земляной медведь».

¹⁴ *Bläsing U. Drei mongolische Pflanzennamen in Plantae novae ex herbario et schedis defuncti Botanici Ioannis Sievers, descriptae a P. S. Pallas // Studia Etymologica Cracoviensia. Kraków, 2004. Vol. 9. S. 34–36.*

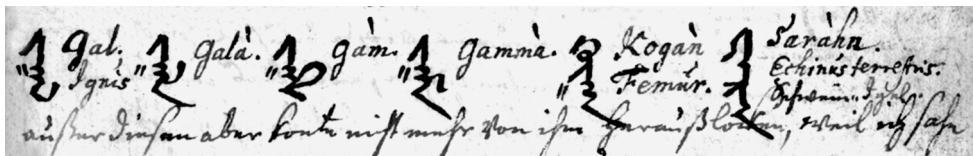

МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Начать изучать монгольский и практиковаться в старомонгольском письме Д. Г. Мессершмидту пришлось в сложных обстоятельствах¹⁵. Во время движения экспедиционного отряда из Читинска в Иркутск в сентябре 1724 г. сбежали знавшие дорогу подводчики. 27 сентября случилась снежная буря, после которой начались заморозки. Потерявший ориентиры отряд оказался на территории Китая и в конце концов привлек внимание местных властей.

6 октября Д. Г. Мессершмидта посетил нойон Хашига (*Nojõn-Kaschigäh*). Он намеревался передать через ученого письмо торговому агенту Лоренцу Лангу и пожаловаться на грабежи, которые учиняли ему ононские буряты или другие российские подданные — тунгусы. Нойон записал свое послание на специальной дощечке — *самбар*¹⁶, подробное описание внешнего вида которого приводится в дневнике (III, 165). Мессершмидт, в свою очередь, скопировал себе текст письма (в рукописи дневника он отсутствует).

В ожидании разрешения на продолжение пути, которое должен был выдать местный правитель, Д. Г. Мессершмидт занимался монгольским языком с Мерген-тайджи¹⁷. Одно из первых упражнений ученого в старомонгольском письме выглядит следующим образом:

© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 265 (фрагмент)

¹⁵ Несколькими месяцами ранее в Иркутске Д. Г. Мессершмидт познакомился с индийским купцом, владевшим, ко всему прочему, монгольским языком. Под руководством этого человека Мессершмидт начал изучать «индийские» язык и письмо, общаясь через переводчика Петра Полубенцева (подробнее о нем см. статью Ю. И. Чивтаева «Спутники Д. Г. Мессершмидта» в настоящем сборнике). Без последнего контакт оказывался невозможным: когда Полубенцева заключили под арест, Мессершмидт жаловался, что не может продолжать свои индологические штудии (II, 213). На тот момент (февраль 1724 г.) углубленно монгольским языком он еще не занимался.

¹⁶ Ввиду дефицита бумаги в степи такие дощечки использовались в качестве учебных тетрадей, для записей на слух и в других прикладных целях. Их поверхность покрывали смесью пепла и жира, по которой прочерчивался текст.

Через несколько дней после встречи с нойоном Д. Г. Мессершмидт получил подобную дощечку в подарок от Мерген-тайджи (III, 174). Слово *самбар* также присутствует в первой части монгольского словаря: *sambara Ssambaräh* (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 266 об.).

¹⁷ Титул *тайджи* и контекст, который дается в дневниках, указывают на то, что этот человек был представителем знати. В записи Д. Г. Мессершмидта: *Mörgõn-Taischa* (III, 167).

	[ɣal]	<i>Gal</i>	Ignis	«ОГОНЬ»
	[ɣala]	<i>Galà</i>	—	—
	[ɣam]	<i>Gàm</i>	—	—
	[ɣma]	<i>Gammà</i>	—	—
	[kõɣa]*	<i>Kogàn</i>	Femur	«бедро»
	[jara]**	<i>Saràhn</i>	Echinus terrestris Schwein = Igel	«ёж»

Примечания:

* = *ɣuɣ-a*.

** = *jaraɣ-a*.

Некоторые из этих слов не имеют никакого смысла и были изобретены, очевидно, для освоения принципов письменности. Небольшой объем этой записи объяснялся нежеланием самого Мерген-тайджи уделить ученику больше времени (III, 171).

Занятия монгольским письмом Д. Г. Мессершмидт продолжил 6 марта 1725 г. с ламой по имени Дамба-гецул¹⁸ (IV, 19), который сопровождал его по дороге из Онинского зимовья. Дамба-гецул пытался обучить Мессершмидта монгольской грамоте. Однако он не особенно в этом преуспел, так как в силу особенностей старомонгольского письма ученик среди 28 элементов алфавита мог научиться распознавать только 17 («In diesen 28 elementis oder Lettern sind eigentlich nicht mehr denn 17 unter sich differente zu zählen»)¹⁹. На основе этого можно предположить, что первую часть словника Мессершмидт записывал, не вполне освоив систему монгольских графем, воспринимая и копируя слова как логограммы (т. е. не всегда четко понимая принципы, по которым слово делится на отдельные буквы).

Последним наставником ученого в этой области стал Бунда-багши²⁰, с которым Д. Г. Мессершмидт встретился 10 марта 1725 г. по рекомендации своего учителя тибетского языка, ламы Кара-Банди (IV, 21, 23). Бунда-багши сопровождал Мессершмидта в Удинск и оставался там до его отъезда в Иркутск в конце марта, предоставив, таким образом, ученому возможность для регулярных занятий монгольским языком.

¹⁸ Гецул (тиб. *dge tshul*) — монашеское звание. Монгольское имя Дамба происходит от тиб. *dam pa* — «святой».

¹⁹ Эту фразу из дневника биограф Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянская поняла неверно: «...из 28 элементов, или букв, монгольского языка Мессершмидт смог более или менее усвоить только 17» (*Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 108*).

²⁰ В записи Д. Г. Мессершмидта: «Bunda-Paksche» (IV, 21). Второй компонент имени — монг. слово *baysi* — «учитель, наставник».

Словники²¹

Словарные статьи монгольских словников состоят из записи слова на старомонгольской графике, латинской транскрипции и перевода на латынь и немецкий язык.

Первый словник расположен на полях дневника, соответствующих записям с 10 по 22 октября 1724 г.²² Общее количество слов и словосочетаний: 225. Респондентами выступили Мерген-тайджи (III, 174, 177) и один из сопровождавших ученого монголов, владевший грамотой (III, 181).

Второй словник включает в себя большую часть материалов первого, исправленных и упорядоченных. Его текст записан на полях страниц дневника, соответствующих записям за 26 марта — 21 апреля 1725 г., общее количество слов и словосочетаний: 446²³. Д. Г. Мессершмидт пронумеровал оба словника, проставив порядковые номера для каждого пятого слова. Согласно проставленной им нумерации, первый словник содержит 237 слов (это число указано в берлинском издании дневников; III, 172), однако фактически один лист (слова № 138–146) отсутствует и три раза (в диапазонах № 25–30, 55–60) происходит сбой: $237 - 9 - 3 = 225$. На первом сохранившемся листе второго словника (Л. 65) число 5 соответствует второму слову: следовательно, первые три слова, располагавшиеся на предшествующих, не сохранившихся страницах дневника, утрачены. Не сохранилось и несколько листов дневниковых записей за 17 апреля (после Л. 86) вплоть до 20 апреля: по нумерации Мессершмидта последнее слово на Л. 86 имеет номер 408, первое слово на следующем сохранившемся листе — 447. Следовательно, утрачено 38 слов (№ 409–446). В конечном счете в нашем распоряжении имеется 446 словарных записей. По подсчетам Мессершмидта, их было 488, из числа которых необходимо вычесть два фрагмента утрат (3 и 38 словарных записей) и один сбой, допущенный Мессершмидтом в диапазоне № 300–305: $488 - (3 + 38) - 1 = 446$.

Начало второго словника обнаруживает интересные закономерности, для рассмотрения которых мы приведем здесь самое его начало (записи с 1 по 23 по фактической нумерации)²⁴.

²¹ Запись калмыцких и бурятских слов велась Д. Г. Мессершмидтом при помощи латинской транскрипции. При составлении монгольских словников он уже мог, помимо транскрипции, применить освоенное им старомонгольское письмо. Это обстоятельство воспрепятствовало включению монгольских словников в берлинское издание дневников: они до настоящего времени не были введены в научный оборот.

²² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 266–280.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–88.

²⁴ Запись на старомонгольской графике дана в том виде, в котором она приводится в словнике. В третьем столбце дается ее транскрипция, выполненная нами по современным нормам, в четвертом — транскрипция Д. Г. Мессершмидта. Латинские и немецкие соответствия подготовлены к публикации Л. Д. Бондарь; перевод на русский язык наш.

1	ᠮᠡᠴᠢ	meči	<i>Mætsche</i>	Plejades / Siebengestirn	«Плеяды (созвездие)»
2	ᠨᠠᠷᠠ	Nara	<i>Narà</i>	Sol / Sonne	«солнце»
3	ᠰᠠᠷᠠ	Sara	<i>Sarà</i>	Luna / Mondt	«луна»
4	ᠯᠤᠤ	luu ¹	<i>Löö</i>	Tonitru[s] / Donner	«гром»
5	ᠴᠠᠬᠢᠯᠢᠭᠠ	čakilγa	<i>Tschagilchà</i>	Fulgur / Blitz	«молния»
6	ᠲᠠᠯᠠᠢ	talai (?) ²	<i>Talai</i>	Æstus / Hitze	«жара»
7	ᠮᠠᠨᠠᠷ	manar	<i>Manâr</i>	Nebula / Nebel	«туман»
8	ᠤᠯᠤᠭᠡ	uule ³	<i>Oulæh</i>	Nubes / Wolken	«облако»
9	ᠤᠰᠤ	Usu	<i>Ossò</i>	Aqua / Wasser	«вода»
10	ᠪᠣᠷᠣ	Boro	<i>Borò</i>	Pluvia, Nix / Regen	«дождь»
11	ᠮᠣᠨᠳᠣᠷ	möndör	<i>Mondór</i>	Grando / Hagel	«град»
12	ᠴᠠᠰᠤ	Času	<i>Zassò</i>	Nix / Schnee	«снег»
13	ᠪᠤᠯᠠᠭ	bulay	<i>Boläck</i>	Fons, Scaturigo / Qwelle [Quelle]	«источник (воды)»
14	ᠭᠣᠯ	Gol	<i>Chol</i>	Fluvius / Fluß	«река»
15	ᠨᠠᠭᠤᠷ	nuur ⁴	<i>Nour</i>	Lacus / See, Landt = See	«озеро»
16	ᠢᠷᠭᠢ	Ergi	<i>İrgi</i>	Aquælapsus / Wasserfall (Poróg)	«берег»
17	ᠶᠡᠬᠡ ᠨᠠᠭᠤᠷ	yeke nuur	<i>Jike = nður</i>	Mare, Oceanus / Meer, Wilde See	«море»
18	ᠬᠡᠢ	Kei	<i>Kài</i>	Ventus / Windt	«ветер»
19	ᠰᠠᠯᠢᠬᠢ	salki	<i>Salki</i>	Procella / Sturm	«[сильный] ветер»
20	ᠭᠠᠯ	Gal	<i>Chal</i>	Ignis / Feüer [Feuer]	«огонь»
21	ᠨᠣᠴᠠᠪᠠ	nočaba ⁵	<i>Nozabà</i>	Pruna / Feüer = Kohle[n] [Feuer=]	«горящий уголь»
22	ᠶᠠᠭᠠᠷ	γajar	<i>Chazèr</i>	Solum Terræ / Erdboden [Erdboden]	«земля»
23	ᠰᠢᠷᠣᠭᠣ	široo	<i>Schiroö</i>	Pulvis Terræ / Erde; Erdt = Staub [Erd=]	«земля, пыль»

Примечания:

- ¹ Монг. *luu* буквально означает «дракон», *luu-yin dayun* («голос дракона») — образное название грома.
- ² Несуществующее слово *talai* для обозначения жары может быть неудачной попыткой передать слово *qalayun* — «горячий» или *dulayan* — «теплый».
- ³ Запись произношения. Орфографически верная форма: *egüle*.
- ⁴ То же: *naur*. То же для словосочетания № 17.
- ⁵ Не вполне понятное слово: возможно, искаженное *nočotal* — «лучина» или форма прошедшего времени I глагола *nočoqu* («гореть») — *nočoba*.

Тематический принцип построения словарей присущ двум древним лексикографическим традициям: индийской и китайской. Для первой краеугольным камнем является словарь «Амаракоша» (Amaraśoṣa), составленный Амарасимхой (Amara-simha) (ок. V–VI в. н. э.)²⁵. «Амаракоша» вошел в состав тибетского и монгольского буддийского канона и оказал огромное влияние на словесность Тибета и Монголии. В китайской лексикографии также применялся тематический принцип построения, закономерно перешедший в китайско-монгольские (а затем и маньчжурско-монгольские) словари. Первыми китайско-монгольскими словарями такого рода являются *Хуаи июй* 華夷譯語 (1389) и словарь из трактата *Дентань бицзю* 登壇必究 (1599)²⁶.

В таких словарях записи были распределены по разделам, первый из которых охватывает различные аспекты небесных явлений (как в религиозном, так и вполне практическом смысле). В «Амаракоше» этот раздел условно соответствует первой книге (prathamakāṇḍa), в упомянутых китайских словарях называется *тяньвэнь мэнь* 天文門.

Двенадцать слов из выделенного нами начала словника Д. Г. Мессершмидта — «созвездие Плеяд», «солнце», «луна», «гром», «молния», «туман», «облако», «дождь», «град», «снег», «ветер», «[сильный] ветер» — имеют соответствия²⁷ в словаре «Амаракоша» и упомянутых китайско-монгольских словарях. Более того, второй раздел китайских словарей, «География» («*дили мэнь*» 地理門), открывается словами «земля» и «земля, пыль», которые у Мессершмидта также следуют друг за другом (№ 22, 23). Обращает на себя внимание и наличие в словнике других разделов («Человек», «Жилище», «Животные»), которые, хотя и были подчинены прикладным целям исследователя, коррелируют с традиционными тематическими словарями. Мы, разумеется, далеки от мысли о том, что в распоряжении Мессершмидта могли оказаться словари «Амаракоша» и аналоги *Хуаи июй*; скорее всего, во время работы над вторым словником его мог инструктировать кто-либо, сведущий в традиционной лексикографии.

Наконец, следует отметить, что словник, помимо избытка словоформ, отражающих произношение, а не нормы орфографии (см. слова № 8, 15, 21), содержит не-монгольские слова. Например: *болгида* в значении «рябина»²⁸ — от эвенкийского *болгикта* — «кедровый стланник, тальник»²⁹.

²⁵ Словарь «Амаракоша» неоднократно издавался, первое издание с английским переводом появилось в 1808 г.: *Amera Sinha. Cōsha, or Dictionary of the Sanskrit language. With an English interpretation and annotations.* By H. T. Colebrooke. Serampoor, 1808.

²⁶ *Haenisch E. Sinomongolische Glossare.* Berlin, 1957. Bd. 1 : Das Hua-I ih-yü. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, № 5); *Mongyol i iui toli bičig* [Монгольские словари «Июй»] / Ü. Manduqu emkidken γaliylaqu tayilburilaba [Сост., транслит. и комм. У. Мандуху]. Ündüsüten-ü keblel-ün qoγiy-a, 1995.

²⁷ Речь идет о семантическом соответствии, а не о тождестве словоформ.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 69а.

²⁹ Этот пример, впрочем, хорошо объясняется тесным взаимодействием эвенкийского и монгольских языков, в особенности некоторых бурятских диалектов.

Отдельные словарные соответствия

17 мая 1722 (I, 218)*

Tzagan Gorochun «die Eule»; *Pactus* «der Schmetahn», «Schmant»; *Zaga-Ssun* «Weißfische».

Октябрь 1723 — сентябрь 1724 (II, 159 — III, 140)

24 октября 1723: *Taramach* «белка»; 15 декабря: *Abha* «Vater»; 4 февраля 1724: *Argali* «дикий баран»; 28 февраля: *Dssáar* «ein Moschusbeutel»; 12 марта: *Jutæki* «India»; 14 марта: *Tarbagan* «сурок»; 4 апреля: *Argal* «Pferdemist»; 15 апреля: *Bogúh* «Cervus», *Ohnoh* «Capreolus Bezoarticus»; 16 мая: *Mendü?* «Gottlob! Gesund!», *Burchân* «Deus», *Yrlick-Chân* «Diabolus», *Bachâ* «Rana»; 18 мая: *Burkut / Kychtschi / Tarbodsche / Karaptschâr* «Aquila» (различные виды), *Tass* «Vultur», *Schare-Schubhò* «филин», *Schadshegâ* «Picaforia», *Chorgohl* «Phasianus»; 19 мая: *Teme* «Camelus», *Narrang* «sol», *Ssarâ* «luna», *Ubooldschèn* «Урупа», *Tschiringè* «багульник»; 20 мая: *Sackatuny* [Шакьямуни]; 21 мая: *Mécha* «мясо», *Tzakelâ* «fulgur», *Lu* «tonitru», *Modo* «arbor», *Naresso* «Pinus», *Schar Tôhwa* «tabacum», *Ejaga* «vas murrhinum (porcellanum)», *Bars* «Tigris», *Kâra-gorossu* «Ursus», *Tschigeteh* «Mulus», *Temegoròss* «Dromedarius», *Zang* «Elephas» (слова 16–20 мая записаны от ламы Кара-Банди); 19 августа: *Tolay* «Cuniculus», *Schilòscha* «рысь» (см. также 17 февраля 1725), *Unöggé* «Vulpes», *Tschindâgan* «заяц»; 21 августа: *Zigithoy* «степной конь»; 24 августа: *Alack-dâga* «земляной заяц»; 13 сентября: *Ukudeling-Ida* «Asparagus vulgaris»

Сентябрь — ноябрь 1724. Слова, записанные на территории Монголии (III, 160 — III, 185)

30 сентября: *Zaydack* «Bogen», *Ohla* «flache Steppe»; 2 октября: *Ongum-kirrah* «Ongum-Hügel» (топоним); 7 октября: *boláck* «ключ»; 9 октября: *Gáll* «Feuer»; 23 октября: *Schirâ-Zay* «Тее», *Chonyn-tologoi* «Ovinum caput» (топоним)

Ноябрь 1724 — ноябрь 1725 (III, 197 — IV, 281)

3 ноября 1724: *Kchangergah* «Tungusen»; 6 марта 1725: *Mongol-zachan-tologoi* «Mongolicae linguae elementa»; 4 мая: *Tochoo-zay/Uy-zay/Schira-Zay* (названия чаев); 25 октября: *Killætmâh* «осетр»; 30 октября: *Ujaehn/Ujæhn* «горностай»; 3 ноября: *Moil/Moj-ssu* «черемуха»; 4 ноября: *Oenagæ/Unægæ* «лис, лисица»; 10 ноября: *Olbóh* «летяга»

Примечание:

* Запись, сделанная Ф. И. фон Страленбергом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Д. Г. Мессершмидта в области изучения монгольских языков можно условно разделить на три периода.

В 1721–1722 гг. Д. Г. Мессершмидт периодически занимался калмыцким языком, однако какими-либо точными сведениями об этих занятиях мы не располагаем, так как дневники экспедиции того периода вел его помощник Ф. И. фон Страленберг. Вероятно, собранный ученым материал лег в основу калмыцкого словника, опубликованного в книге Страленберга 1730 г.

Впоследствии Д. Г. Мессершмидт пытался сравнивать калмыцкий язык с бурятским и монгольским.

В декабре 1723 г., оказавшись на западном берегу Байкала, Д. Г. Мессершмидт записывает несколько небольших бурятских словников и впоследствии, путешествуя по территории Бурятии в 1724 г., регулярно фиксирует в своем дневнике топонимы и названия растений и животных. Сопоставление бурятского и монгольского языков дало ему уверенность в их большом сходстве: при записи слов часто встречается термин «монголо-бурятский», делаются ремарки о том, что то или иное бурятское слово вполне может произноситься схожим образом у монголов. Монгольским языком и освоением старомонгольской письменности Мессершмидт усердно занимался с октября 1724 г. по март 1725 г. Главным результатом этих трудов стал переписанный в марте 1725 г. объемный и структурированный монгольский словник.

Собранные Д. Г. Мессершмидтом данные о монгольских языках являются важным источником для исследования особенностей бурятского и монгольского языков в первой четверти XVIII в. Его работам, написанным столь задолго до зарождения монголоведения в России, что оно забыло о них, надлежит быть изданными и осмысленными во всей полноте.

*А. А. Сизова
Санкт-Петербург*

**БУРЯТСКАЯ И ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА
В МОНГОЛЬСКОМ СЛОВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА***

В ходе своего путешествия по Сибири немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт (1685–1735) получил благоприятную возможность для исследования быта и культуры монгольских народов, а также для изучения старописьменного монгольского языка. Одним из главных результатов этой работы является словарь, сохранившийся в двух вариантах в дневнике ученого. Первый вариант словаря включает в себя 225 записей. Во втором, более позднем, варианте 446 слов и словосочетаний, он включает в себя большую часть лексики первого и структурирован в тематическом порядке. Помимо монгольской лексики, в словнике присутствуют слова из бурятских диалектов, а также заимствования, не характерные для старописьменного монгольского языка, классификация и анализ которых осуществлены в этой статье.

Ключевые слова: монгольский язык, бурятский язык, языки Сибири, Д. Г. Мессершмидт, словники.

*А. А. Sizova
St. Petersburg*

**BURYAT AND FOREIGN WORDS IN THE MONGOLIAN VOCABULARY
COMPILED BY D. G. MESSERSCHMIDT**

During his journey to Siberia the German scholar Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) had a favorable opportunity to study life and culture of the Mongolian peoples. He managed to learn the Written Mongolian language as well. One of the main results of this work was a vocabulary preserved in two versions in the scholar's diaries. The first version includes 225 entries. The second, later one, comprise 446 words and phrases, that were arranged thematically. It incorporated the major part of the first version. In addition to Mongolian, the vocabulary contains lexis of the Buryat dialects and other words

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006. Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику Института лингвистических исследований РАН Павлу Олеговичу Рыкину за сделанные в процессе подготовки статьи ценные замечания и поправки.

that are not characteristic of the Written Mongolian language. Their classification and analysis are given in this article.

Key words: Mongolian language, Buryat language, Siberian languages, D. G. Messerschmidt, vocabularies.

Даниэль Готлиб Мессершмидт (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) был первым, кто совершил путешествие по Сибири с научными целями. На протяжении восьми лет (1719–1727) он занимался всесторонним изучением этого региона, исследуя его географию, флору и фауну, описывая населявшие его народы, их быт и языки. Дневники сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта, рукописные оригиналы которых хранятся в СПбФ АРАН, были изданы в Германии в 1962–1977 гг. Издание было осуществлено с некоторыми купюрами, к числу которых относится составленный ученым в двух версиях монгольский словник¹.

Автор этих строк в настоящее время восполняет образовавшуюся лакуну и готовит словник к печати. В процессе работы с материалом в словнике был обнаружен ряд лексических единиц, нуждающихся в комментировании. Формулировка «монгольский словник» также должна быть разъяснена. Очевидно, что имеется в виду собрание слов монгольского языка, переданных средствами уйгуро-монгольской графики. Следовательно, перед нами словник классического монгольского языка на старомонгольской письменности (или так называемого монгольского старописьменного языка). Сложность заключается в том, что «старописьменный язык» — это некая абстракция, средство, которое использовали все монгольские этнические группы, включая халха-монголов (с которыми Д. Г. Мессершмидт контактировал в октябре 1724 г.) и бурят (информанты-буряты, по всей видимости, внесли существенный вклад в составление второй версии словника, записанной в Иркутске в марте — апреле 1725 г.). Старописьменный язык не имел какой-либо единой фонологии и произношения, а орфографические нормы могли существовать варьироваться, как под влиянием использовавшей его этнической группы, так и под воздействием множества локальных факторов.

Последнее в полной мере справедливо для бурятского старописьменного языка, который можно рассматривать и как самостоятельное явление, и как частный случай классического монгольского языка². Даже не занимая

¹ Обстоятельства изучения Д. Г. Мессершмидтом монгольского языка и составления словника изложены в моей статье «Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта» в настоящем сборнике.

² «...Возникает вопрос о языке старомонгольской письменности, которой пользовались буряты почти вплоть до начала становления современного литературного языка. Необходимость выяснения характера этого старописьменного языка обусловливается еще и тем, что одни ученые не находили существенной разницы между языком бурятских памятников на старомонгольской письменности и классическим монгольским языком, другие — считали язык этих памятников ответвлением классического монгольского языка, а третьи — объявили его старобурятским литературным языком» (*Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники

в этом вопросе какой-либо определенной позиции, следует считаться с тем, что в монгольский словник Д. Г. Мессершмидта вошло большое количество бурятских диалектизмов и в нем присутствуют характерные для бурятских письменных памятников графические и орфографические особенности. Называть пласт бурятской диалектики «иноязычным» в рамках исследования словника несколько некорректно: таковым он мог являться только по отношению к абстрактному классическому монгольскому языку, который в чистом виде в словнике не представлен. Тем не менее выделить и описать этот материал необходимо — этому посвящена первая часть данной статьи³.

Во второй части рассматривается лексика, заимствованная из немонгольских языков. Подобно языку любого другого народа, тесно взаимодействующего со своими соседями на социально-бытовом и культурном уровнях, монгольский (включая его старописьменную ипостась) обогащен заимствованиями из тибетского, китайского и других языков. Например: *laʃa* «воск для печати», «сургуч» — от тиб. *la cha*; *yangsa* «курильная трубка» — от кит. *гуаньцзы* 管子. Подобные иноязычные слова, ставшие широкоупотребительными и зафиксированные в словарях монгольского языка, мной не рассматриваются: внимание сосредоточено на нестандартных заимствованиях.

Словарные записи приводятся в оригинальном виде: запись старомонгольским письмом и транскрипция, сделанные Д. Г. Мессершмидтом⁴, и их латинские и немецкие соответствия⁵. Перевод на русский язык выполнен автором статьи. Записи, ввиду их немногочисленности, приводятся в соответствующих категориях в порядке их фактического расположения в словнике. Значения слов, полностью соответствующие латинскому и немецкому эквивалентам, передаются знаком «=».

и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972. С. 3–4). Ц. Б. Цыдендамбаев (Там же. С. 405) при исследовании лексики бурятских старописьменных памятников сравнивал ее с классическим монгольским языком начала XVIII в., зафиксированным в пятиязычном словаре («Пентаглоте») (*Corff O. u. a. Auf kaiserlichen Befehl erstelltes Wörterbuch des Manjurischen in fünf Sprachen «Fünfsprachenspiegel»*. Wiesbaden, 2013). При всей обоснованности выбора этого эталона необходимо осознавать его условность.

³ По мнению П. О. Рыкина, идентификация этой части лексического материала словника как специфически бурятской проблематична, так как в начале XVIII в. бурятские диалекты еще находились в стадии формирования. Возможно, правильной было бы характеризовать словник в целом как фиксирующий «общецентрально-монгольскую стадию развития монгольских языков без выраженной дифференциации на бурятский, халхаский и пр.». Тем не менее я считаю необходимым прокомментировать слова, отсутствующие в халха-монгольском языке, оставляя вопрос об их точной характеристике открытым.

⁴ В квадратных скобках после транскрипции Д. Г. Мессершмидта дается транскрипция по принятым в монголоведении нормам.

⁵ Латинские и немецкие соответствия подготовлены к публикации Л. Д. Бондарь.

БУРЯТСКАЯ ЛЕКСИКА

Бурятская лексика разделена на две группы, в первой из которых представлены слова, уверенно идентифицируемые как бурятские. Слова, не имеющие аналогов в словарях и доступных нам источниках, но могущие быть с разной степенью вероятности возведенными к указанным в словнике значениям, выделены во вторую группу — «Частичные соответствия».

Полные (или очень близкие) соответствия

ᠲᠡᠷᠢᠭᠭᠢ **Tærængi** [terenggi], лат. Fruticetum, нем. Gesträuch, Gebüsch, «кустарник» (МС 2. Л. 68a) — бур. *тэрэнги* «багульник» (БРС. С. 457).

ᠴᠢᠷᠠᠪᠴᠠᠯ **Carabzàl** [qarabčal], лат. Aquila, нем. Adler, «орел» (МС 2. Л. 71a) — бур. *харабсар* «=» (БРС. С. 550).

ᠵᠠᠬᠠᠩᠲᠠᠵᠢ **Zachàng-Tazi-à** [čaɣang taji-a], лат. Lun, Noctua Monglica alba, нем. Weiß = Adler = Eule; «полярная сова» (МС 2. Л. 71b) — «белый» + бур. *тажаа* «=» (БРС. С. 410).

ᠣᠩᠭᠣᠯᠠ **Onchola** [ongola], лат. Caruocatactes, «поползень», нем. Nußbeißer, «дубонос» (МС 2. Л. 72a) — бур. *онголо* «кедровка» (БРС. С. 356), класс. монг. *ongyolu biljuuqai* «название маленькой птички» (Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844. Т. I. С. 352).

ᠭᠢᠯᠢᠩ **Giling** [giling], лат. Ardea, нем. Reiher, «цапля» (МС 2. Л. 72b) — бур. *хилэн(г)* в хоринском диал. «цапля с белой грудью и красными ногами», «аист» (БРС. С. 571). Ср.: ᠴᠢᠯᠢᠨ **Tschilin** [čilin], лат. Ciconia, нем. Storch, «аист» (МС 1. Л. 267a); ᠴᠢᠯᠢᠨ **Karatshilin** [qaračilin], лат. Ciconia nigra, нем. Brauner Storch, «черный аист» (МС 1. Л. 267a). Соотносимые с Tschilin (~ *чили́н*) слова в словарях и других источниках выявлены не были. В халх. *чили́н* — заимствованное из китайского *цилинь* 麒麟 «единорог», «мифическое животное».

ᠵᠡᠭᠢᠩ **Zæng** [čəng], лат. Cygnus femella, нем. Huhn Schwan, «лебедь (самка)» (МС 2. Л. 73a) — бур. *сэн(г) шубуун* «лебёдка», «лебедица» (БРС. С. 403). Ср.: халх. *цэн тогоруу* «даурский журавль».

ᠴᠠᠪᠰᠠᠭᠠᠰᠤ **Kábssagassu** [qabsaɣasu], лат. Phoca, Vitulus marinus, нем. Seehund, «тюлень», «нерпа» (МС 2. Л. 76b) — бур. *хаб загалан* «=» (БРС. С. 243).

ᠴᠢᠷᠠᠴᠡᠬᠡ **Cara-chôo** [qara qoo], лат. Mus major, «большая мышь», Rattus, «крыса», нем. Maus-Ratte, «мышь-крыса» (МС 2. Л. 77a) — бур. *харха* «крот», в селенгинском диал. «крыса» (БРС. С. 477).

ᠰᠢᠷᠢᠰᠤᠨᠡᠷᠪᠡᠬᠡᠢ **Ssarissòn-Erbækæi** [sarisun erbekei], лат. Vespertilio, нем. Fledermaus, «летучая мышь» (МС 2. Л. 78b) — бур. *харьхан эрбээхэй* «=» (БРС. С. 679).

ᠮᠠᠨᠴᠢᠳ **Manchòd** [manɣud], лат. Exterus, нем. Ausländer, «иностранец», «чужеземец» (МС 2. Л. 80a). В бурятском языке слово *мангуд/мангад*

имеет более расхожее значение «русский»⁶ (БРС. С. 292). Ср.: «Мангуд — русский; мангуд хур — русское слово (Родионов)» (Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты: опыт диахронического исследования. Новосибирск, 1992. С. 145); «мангад ӨӨБЭЭ — русская зыбка» (Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978. С. 60). В словнике для значения «русский» дается общемонгольское ᠮᠠᠩᠭᠠᠳ Orod (МС 2. Л. 80a). Ср. также ᠮᠠᠩᠭᠠᠳᠠᠨ Mangchūd⁷-Khalgò [mangyud-un ɣalyu] (МС 1. Л. 275a) — лат. Anser cygnoïdes Chinensis, нем. Chinesische Schwangans, «русский (или, в контексте словника, “иностранный”) гусь», в лат. и нем. — «китайский гусь». Порода китайских гусей произошла от диких сухоносов, одомашненных в Маньчжурии, Северном Китае и Сибири, и распространилась в Европе и России в XVII–XVIII вв.

ᠣᠷᠣᠲᠣᠩ Orotòng [orotong], лат. Tungusus, нем. Tunguse, «тунгус» (МС 2. Л. 80a) — бур. *оротон* «орочон», «эвенк» (БРС. С. 362).

ᠴᠠᠮᠨᠠᠴᠠᠨ Chamnachàn [qamnaɣan], лат. Tungusus Davuricus, нем. Davurische Tungusen, «даурский тунгус» (МС 2. Л. 80a) — бур. *хамниган* «эвенк», «тунгус» (БРС. С. 543).

ᠰᠢᠶᠤᠯᠡᠩᠭᠡ Schiulænga [šiü lengge], нем. Officiant im Ulus, «должность в улусе» (МС 2. Л. 81a) — бур. *шүүлнэгэ* «шуленга», «родоуправитель» (БРС. С. 739).

ᠣᠷᠠᠴᠠ Oràza [urača], лат. Tuguriolum frondeum, нем. Laub = Hütte, «хижина, покрытая листьями» (МС 2. Л. 83a) — бур. *урса* «конусообразный шалаш», «чум» (БРС. С. 477).

Частичные соответствия

Перечисленные ниже слова относятся к растительному и животному миру, а также предметам быта, характерным для Бурятии (в большей степени, чем для Халхи). По этой причине они отнесены нами к бурятской лексике, хотя выявить их в словарях и специальной литературе (см. библиографию) не удалось.

⁶ По одной версии, сформулированной Ц. Дамдинсурэном, слово *мангад* происходит от калмыцкого (ойратского) *манһд* — «татарин»: «Известно, что ойраты называли современных татар мангадами. Весьма вероятно, что западные буряты, имевшие связь с ойратами, тоже знали тюркские племена под этим названием и перенесли его на русских, пришедших из той страны, которую буряты считали тюркской или татарской. Как известно, среди переселенцев из Центральной России в Западную Бурятию было значительное число татар. Отсюда, вероятно, бытующее в Западной Бурятии, наряду с общемонгольским, название русских “орос”, второе название “мангад”» (Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957. С. 48). По другой версии, слово *мангад* является производным от класс. монг. *tangyus/tangyud* — «ракшас, плотоядное чудовище». Последняя версия представляется более правдоподобной, так как маньчж. и эвенк. *лоча*, якут. *нууча* — «демон» также использовались в значении «русский».

⁷ Подчеркивание передает написание знака циркумфлекса над обеими гласными в рукописном оригинале, что невозможно отразить при наборе.

ᠠᠵᠣᠯᠠ Azòla [ačula], лат. *Salix humilis*, *Salicetum*, нем. *Weide* = *gestrített*, «ива», «ивняк» (МС 2. Л. 68b). Ср.: бур. *хуһан асуули* «березовая рогулька (вместо тагана при варке чая)» (БРС. С. 63). Примечательно, что слово *ацула* сохранилось в качестве топонима — неофициального названия поселка Темник в Селенгинском районе Бурятии.

ᠴᠣᠯᠣᠳᠲᠢ ᠵᠢ Cholóddshi [quluda ji], лат. *Tinnuncula*, *Mÿschilówka Russis*, нем. *Sperber*, «ястреб-перепелятник» (МС 2. Л. 71b) ← класс. монг. *quladu* ~ *qulatu* «ястреб» + суффикс *ji*. Возможно, суффикс восходит к класс. монг. *ljín*, образующему наименования птиц: в данном случае от класс. монг. *qula* «саврасый», «бежевый».

ᠰᠰᠠᠷᠠᠯᠵᠢ Ssarálzi [saralči], лат. *An(.) Caprimulga (sic!)*, «козодой» (МС 2. Л. 71b) ← класс. монг. *saral* «серый», «пепельный» + суффикс *či*. Возможен тот же принцип образования, что и в предыдущем случае. Ср.: шорский: *saračĭn* «бекас (птица)» (Раџлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. 4, ч. 1. С. 318b).

ᠪᠤᠲᠠᠢ Butäi [butai], лат. *Butorius*, *Ardea*, нем. *Rohrdommel*, «выпь» (МС 2. Л. 72b). Ср.: бур. *ута хоншоор* «=» (букв. «длинный нос») (БРС. С. 479), *уһанай буха* «=» (БРС. С. 485).

ᠭᠤᠳᠠᠷ Gudàr [gudar], лат. *Onocrotala boræthis*, «пеликан бурятский» (МС 2. Л. 73a). Ближе к класс. монг. *gotan* «пеликан» (также присутствует у Д. Г. Мессершмидта в форме ᠴᠣᠳᠠᠭ Chodàng [qotang] (МС 2. Л. 73a) (см. также: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000. [Т. VI]. С. 82–83). Форма с *-r* вместо ожидаемого *-n* может быть обусловлена ошибочным прочтением Мессершмидтом конечного согласного.

ᠪᠣᠷᠵᠢ Bórezi; et Bòrzi [boraji], лат. и нем. *Anas platyrhinchs Masculinus*, aliis *Gadwal Angl. Schauffeler*, «кряква (самец)» (МС 2. Л. 73b) — бур. (хоринский диал.) *боро хоно* «кряковый селезень» (БРС. С. 684), *боржон* «утка (самка)» (БРС. С. 105).

ᠰᠰᠣᠨᠠ Ssòna [sona], лат. *Eadem Femella*, «кряква (самка)» (МС 2. Л. 73b) — бур. *хоно* «чирок-свистунок», «*Anas crecca*», в боханьском диал. «селезень», в тункинском диал. «утка (самка)», ср.: *эрэ хоно* «селезень» (БРС. С. 684).

ᠵᠠᠴᠠᠩᠪᠣᠴᠢ Zachàng Voča [čaʏang buqu], лат. *Lepus*, нем. *Hase*, «заяц» (МС 2. Л. 77a). Ср.: бур. *буха*, класс. монг. *buq-a* «бык». Предположительное, табуистическое название зайца: букв. «белый бык».

ᠠᠲᠲᠠ Atta [ata], лат. *Talpa*, нем. *Maulwurf*, «крот» (МС 2. Л. 78b). Слово было записано Д. Г. Мессершмидтом у бурят-эхиритов 13 декабря 1723 г. в форме *Addáh*. Предположительно от тюркского *ata* «отец; дед по отцу; самец» (Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 200–201) как табуистическое название крота у бурят.

ᠰᠰᠪᠠᠷ Ssabar̆ r [šabar], лат. Olla vitreata, «стеклянный горшок», нем. Irdener Topf, «глиняный горшок» (МС 2. Л. 84a) ← бур. *шабар*, класс. монг. *sabar* «глина».

ᠰᠢᠷᠠ Scharà-a [šara-a], лат. Cerevisia, нем. Bier, «пиво» (МС 2. Л. 87a) ← класс. монг. *sir-a*, бур. *шара* «желтый». Ср.: халх. *шар айраг* «пиво» (букв. «желтый айрак»).

ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ БУРЯТСКИХ ТЕКСТОВ В ЗАПИСЯХ СЛОВНИКА⁸

Графика

1. Стремление графически отграничить в средних позициях слова мягкорядный губной гласный *ö/ü*, обозначив его, как и в начальной позиции слова, знаком *waw* + *yod* (ᠠᠣ), от твердорядного губного гласного *o/u*, обозначаемого знаком *waw* (ᠠ): ᠠᠪᠪᠡᠰᠤ ᠪᠡᠪᠡᠰᠤ ᠪᠡᠪᠡᠰᠤ Cebæssu [öbösu] «трава» (МС 2. Л. 67b). Эта особенность, впрочем, встречается и в первой версии словника, составленной на территории Халхи: ᠠᠪᠪᠡᠰᠤ ᠳᠢ Ceböel-dsi [öböl-ji] «удод» (МС 1. Л. 271b).

2. Различие в обозначении согласных *t* и *d* во всех позициях, в то время как в классическом монгольском языке они не имеют графического разграничения:

ᠪᠤᠲᠠᠢ Butài [butai] «выпь» (МС 2. Л. 72b), ᠭᠤᠳᠠᠷ Gudàr [gudar] «пеликан бурятский» (МС 2. Л. 73a).

3. Непоследовательное использование диакритических точек слева при передаче заднеязычных согласных *γ* и *q* (в класс. монг. точки слева применяются только для *γ*):

ᠵᠠᠬᠠᠯᠲᠤ Zachtu [saqal-tu] «дрофа (самец)» (МС 2. Л. 73a), ᠲᠣᠬᠣᠮ Toçòm [toqom] «потник» (МС 2. Л. 85b);

ᠲᠣᠬᠤᠰᠤ Toçòs [toγos] «павлин» (МС 2. Л. 72a), ᠵᠠᠬᠠᠩ Zachan [čaγang] (МС 2. Л. 66b), Zachang (Л. 67a, 71b, 72a, 74a, 77a, 80b), Zagàn «белый» (Л. 76a).

Орфография

1. Отражение перелома исторического гласного *i*: ᠮᠠᠴᠠ Machà [maqa] «мясо» (МС 2. Л. 87b) — класс. монг. *miqan*.

2. Написание на месте комплекса ГСГ (гласный + согласный + гласный) одного гласного либо исключение согласного: ᠭᠣᠷᠣᠭᠡᠰᠦ Gorossu [qara görösü] «медведь» (МС 2. Л. 78a) — класс. монг. *görögesü*; ᠴᠠᠯᠢᠵᠢ Chalju [qaliu] «выдра» (МС 2. Л. 78b) — класс. монг. *qaliγu*.

⁸ Имеются в виду отличия от норм классического монгольского языка. Перечень составлен на основе соответствующего описания в монографии Ц. Б. Цыдендамбаева (*Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные...* С. 300–325).

3. Прочие отклонения от правил правописания: ᠮᠣᠭᠡᠬᠡ Cèkàech, Ukèch [ükey] «ящик» (МС 2. Л. 67a) — класс. монг. ükeg; ᠲᠰᠢᠩᠭᠳᠠᠭᠠᠬᠠ Tschingdagàh [čingday-a] «заяц» (МС 1. Л. 270b) — класс. монг. činday-a; и др.

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

ᠪᠣᠯᠭᠢᠬᠳᠠ Bolgichda [bolgiyda], лат. Sorbus, нем. Queetschen = Baum, «рябина» (МС 2. Л. 69a) — эвенкийский: *болгикта* «кедровый стланик», «кедровый орех», «тальник» (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975. Т. I. С. 91).

ᠰᠬᠡᠮᠡ Schæmæ [šeme], лат. Cannabis, «конопля», нем. Hanf = Saat, «конопляное семя» (МС 2. Л. 68a) — тибетский: *so ta* «конопля» (Corff O. u. a. Auf kaiserlichen Befehl erstelltes Wörterbuch des Manjuri-schen... 3193.2). Ср.: бур. *улан*, класс. монг. *олу* «=».

ᠴᠠᠷᠠᠭᠤᠰᠤ Caraguss [qaragüs], лат. Aquila, нем. Adler, «орел» (МС 2. Л. 71a) — тюркский: *qara quş* «орел» (букв. «черная птица») (Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2, ч. 1. С. 134).

ᠰᠢᠷᠡᠭᠦᠳᠢ Schirœgòì [širügüi], лат. Anas Gadwal Gesn., нем. Mittel = Ente, «серая утка» (МС 2. Л. 73b) — казахский: *шүрегей* «чирок» (Бектаев К. Үлкен қазақша-орысша орысша-қазақша сөздік = Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы, 1999. С. 487), ср.: бур. *шурхы* «чирок» (БРС. С. 738).

Из русского языка

ᠲᠣᠷᠬᠠᠪᠬᠠᠢ Torchæbhài [torɣabai], лат. Mercator, нем. Handelsmann, Kauffmann, «торговец» (МС 2. Л. 79b) ← рус. *торговый*, *торговец*.

ᠴᠠᠪᠠᠰᠤ Chabhássu [qabasu], лат. Cerium farinaceum (МС 2. Л. 87a) ← рус. *квас*.

ᠴᠠᠯᠠᠵᠢ Chalájizi [qalayiçi], лат. Paspis Triticeus, нем. Weizenbrot, «пшеничный хлеб» (МС 2. Л. 87a) ← рус. *калач*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практически весь рассмотренный в статье лексический материал локализуется во второй версии словника, записанной в Иркутске в марте — апреле 1725 г. (безусловно, при составлении его Д. Г. Мессершмидт мог использовать и свои старые записи, о чем свидетельствует слово ᠠᠲᠲᠠ Atta (МС 2. Л. 78b), зафиксированное еще в декабре 1723 г. у бурят-эхиритов).

Бурятский лексический материал и заимствования из немонгольских языков были рассмотрены отдельно. Бурятская лексика в нашем описании была разделена на две группы. 14 слов, имеющих полные (или очень близкие) соответствия в словарях и источниках, уверенно идентифицируются

как бурятские. Менее определенные случаи, каковых зафиксировано 11, могут быть возведены к близким по смыслу бурятским и монгольским словам. Два из числа этих случаев предположительно дают информацию о табуистических наименованиях животных. Для словника характерны многие особенности графики и орфографии бурятских старописьменных текстов. В словнике выявлено семь заимствований из немонгольских языков, три из них — из русского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРС — Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973
бур. — бурятский язык
диал. — диалект
калм. — калмыцкий язык
МС 1 — СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 266–280
(Монгольский словник Д. Г. Мессершмидта, первая версия)
МС 2 — СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–88
(То же, вторая версия)
класс. монг. — классический старописьменный монгольский язык
халх. — халха-монгольский язык

Научное издание

**К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ЭКСПЕДИЦИИ
ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА МЕССЕРШМИДТА
В СИБИРЬ (1719–1727)**

Составители

Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина

Ответственный редактор

чл. - корр. РАН И. В. Тункина

Технический редактор *А. Б. Левкина*

Дизайн обложки *Е. В. Кудина*

Корректоры *Д. А. Гаврилов, Л. А. Брисовская*

Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 15.01.2021. Формат 70 × 100¹/₁₆.

Усл. печ. л. 29,5. Тираж 300 экз. Печать офсетная.

Заказ № 005Р.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomesp.ru

ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb

www.renomesp.ru